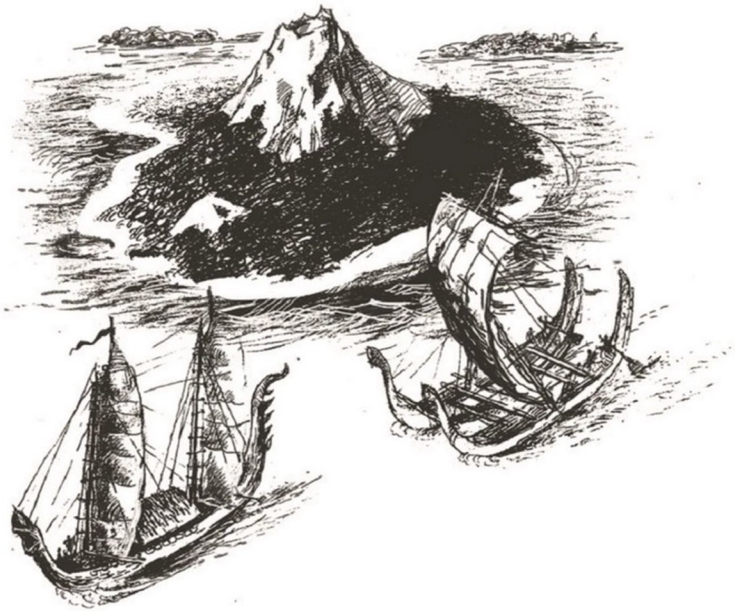
ГЕРМАН МЕЛВИЛЛ



МАРДИ
И
ПУТЕШЕСТВИЕ ТУДА

Марди и путешествие туда
Герман Мелвилл

Аннотация
Марди и путешествие туда. Герман Мелвилл
Предисловие переводчика
Том первый
Предисловие
Глава I. Нога в стремени
Глава II. Штиль
Глава III. Король матросов
Глава IV. Беседа в облаках
Глава V. Места заняты, и чемоданы собраны
Глава VI. Восемь склянок
Глава VII. Пауза
Глава VIII. Они бегут. Паруса и вёсла
Глава IX. Посреди океана
Глава X. Мы устраиваем себе навесы и ложи и пытаемся создать уют
Глава XI. Несокрушимый Ярл
Глава XII. И ещё кое-что о пребывании в открытой шлюпке
Глава XIII. Хрящепёрые и иные чудища Южных морей
Глава XIV. Предчувствия Ярла

Глава XV. Один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти
Глава XVI. Измученные штилем
Глава XVII. В приподнятом настроении они движутся к Неизвестной земле
Глава XVIII. Милорд акула и его свита
Глава XIX. Кто это?
Глава XX. Шумы и предзнаменования
Глава XXI. Привет, Человек!
Глава XXII. Что случилось с бригантиной на Острове Жемчужных Раковин
Глава XXIII. Обыск каюты после отплытия
Глава XXIV,. посвященная колледжу терапии и хирургии
Глава XXV. Опасный миротворец
Глава XXVI. О ценности философии
Глава XXVII,. в которой завершается предыстория «Парки»
Глава XXVIII. Обоснованные подозрения и кое-что о Калмычке
Глава XXIX. Что они обнаруживают при дальнейшем осмотре судна, и какое решение они принимают
Глава XXX. Штрихи к портрету Самоа
Глава XXX I. Бродя вниз и вверх
Глава XXX II. Xiphias platypterus

Глава XXX III. «Отард»
Глава XXX IV. Как они держат курс
Глава XXXV. Ах, Аннэту!
Глава XXXVI. «Парки» теряет душу
Глава XXXVII. Они опять берут «Серну»
Глава XXXVIII. Море в огне
Глава XXX IX. Они присоединяются к незнакомцам
Глава XL. Родитель и сыновья
Глава XLI. Схватка
Глава XLII. Раскаяние
Глава XLIII. Внутри шатра
Глава XLIV. Вдаль!
Глава XLV. Воспоминания
Глава XLVI. «Серна» меняет курс
Глава XLVII. Йилла, Ярл и Самоа
Глава XLVIII. Подводная свита
Глава XLIX. Йилла
Глава L. Йилла в долине Ардаира
Глава LI. Мечта начинает исчезать
Глава LII. Мир на горизонте!
Глава LIII. «Серна» на берегу
Глава LIV. Пришедшие с солнца
Глава LV. Завтрак в храме
Глава LVI. Король Медиа – радушный хозяин
Глава LVII. Тайи берёт консультанта с собой

Глава LVIII. Марди ночью и Йилла днём
Глава LIX. Их утренняя еда
Глава LX. Валтасар на троне
Глава LX I. Инкогнито
Глава LX II. Тайи удаляется от мира
Глава LX III. Одо и его правитель
Глава LX IV. Йилла исчезает
Глава LXV. Трое новых знакомых Тайи
Глава LXVI. С попутным ветром на восходе солнца они отплывают
Глава LXVII. Маленький король Пипи
Глава LXVIII. Как ценятся зубы в валапи
Глава LX IX. Дискуссия в компании, а Плетёная Борода пересказывает легенду
Глава LXX. Менестрель затягивает песню вёсел, а мы получаем сообщение из-за границы
Глава LXX I. Они высаживаются на остров Жу-ам
Глава LXX II. Книга из хроник Мохи
Глава LXX III. Кое-что ещё о принце
Глава LXX IV. Пройдя дальше по долине, они сталкиваются с Донджалоло
Глава LXXV. Время и храмы
Глава LXXVI. Приятное место для отдыха
Глава LXXVII. Дневные палаты
Глава LXXVIII. Монолог Баббаланьи

Глава LXX IX. Центр множества сфер
Глава LXXX. Донджалоло в лоне своей семьи
Глава LXXX I,. в которой Баббаланья рассуждает о приключении некоего Каркеке в стране теней
Глава LXXX II. Как Донджалоло послал экспедицию к соседним островам и что из этого вышло
Глава LXXX III. Они посещают зависимые островки
Глава LXXX IV. Тайи на пиру двадцати пяти королей
Глава LXXXV. После пира
Глава LXXXVI. Безобразный Плуйи
Глава LXXXVII. Нора-Бамма
Глава LXXXVIII. Во время штиля подходят герольды Хотии
Глава LXXX IX. Плетёная Борода рассказывает о происхождении Острова Негодяев
Глава XC. Оригинальный вид спорта в Охоноо
Глава XCI. О короле Ухиа и его подданных
Глава XCII. Бог Киви и пропасть Оп Мондо
Глава XCIII. Баббаланья встаёт между Мохи и Иуми,. когда Иуми высказывается о легенде
Глава XCIV. О самом весёлом старом государе Бораболле и его самом весёлом острове Мондолдо, о рыбных садках и будущем его рыб
Глава XCV,. где веселый старый государь Бара-

болла смеется обеими сторонами своего лица
Глава XCVI. Хирург Самоа
Глава XCVII. Вера и знание
Глава XCVIII. Рассказ о путешественнике
Глава XCIX. «Marnee Ora, Ora Marnee»
Глава C. Охота на охотника
Глава CI. Ирис
Глава CII. Они отплывают из Мондолдо
Глава CIII. Пока они плывут
Глава CIV,. в которой Баббаланья поднимает вопрос о дьявольской теории и на себе самом доказывает её
Том 2
Глава I. Марамма
Глава II. Высадка
Глава III. Они проходят через лес
Глава IV. Хивохити MDCCCXLVIII
Глава V. Они посещают великого Мораи
Глава VI. Они рассуждают о богах Марди, и Плетёная Борода рассказывает о некоем Фони
Глава VII. Они посещают озеро Яммо
Глава VIII. Они встречают паломников в храме Оро
Глава IX. Они рассуждают об Алме
Глава X,. которая рассказывает о некоем Раву и о посещении Реваневу, процветающего ремес-

ленника
Глава X I. Поучительный рассказ Баббаланьи
Глава XII. Высадившись для посещения Понтифика Хивохити, они сталкиваются с весьма необычным старым отшельником, с кем у Иуми происходит тайная, но малопонятная беседа
Глава X III. Баббаланья пытается раскрыть тайну
Глава XIV. Тайи получает новости и предзнаменования
Глава XV. Мечты
Глава XVI. Дискуссия между Медиа и Баббаланьей
Глава XVII. Они потчуют себя своими трубками
Глава XVIII. Они посещают удивительного старого антиквара
Глава X IX. Они спускаются в катакомбы
Глава XX. Баббаланья цитирует античного язычника и серьёзно подавляет этим компанию, которая отвечает, что эти слова принадлежат кому-то иному
Глава XXI. Они посещают богатого старого нищего
Глава XXII. Иуми поет некие странные стихи, а Баббаланья направо и налево цитирует старых авторов

Глава XX III. Каковы были нравы таппариан
Глава XX IV. Их приключения после высадки в Пиммини
Глава XXV. А, Я и О
Глава XXVI. День приёмов в Пиммини
Глава XXVII. Баббаланья изо всех сил обрушивается на Пиммини
Глава XXVIII. Баббаланья знакомит компанию с теорией бутербродов
Глава XXIX. Они всё ещё остаются на скале
Глава XXX. Позади и впереди
Глава XXX I. Баббаланья дискутирует во тьме
Глава XXXII. Мой господин Медиа вызывает Мохи к доске
Глава XXXIII,. в которой Баббаланья и Иуми обнимаются
Глава XXXIV. Об острове Диранда
Глава XXXV. Они посещают господ Пико и Хелло
Глава XXXVI. Они посещают игры
Глава XXXVII. Тайи всё ещё преследуют и зазывают
Глава XXXVIII. Они отходят от Диранды
Глава XXXIX,. в которой Баббаланья беседует с самим собой
Глава XL. О колдунах на острове Минда

Глава XLI,. в основном посвященная королю Белло
Глава XLII. Доминора и Вивенца
Глава XLIII. Они высаживаются в Доминоре
Глава XLIV. Они блуждают по Доминоре в поисках Йиллы
Глава XLV. Они созерцают государственное каноэ короля Белло
Глава XLVI,. в которой Баббаланья трижды кланяется
Глава XLVII. Баббаланья философствует, и мой господин Медиа пускает по кругу калабасы
Глава XLVIII. Они проплывают вокруг острова, не причаливая и не подходя к объекту своего разговора
Глава XLIX. Они приближаются к Порфиро, где наблюдают потрясающее извержение
Глава L,. в которой король Медиа чествует осень, менестреля и обещает весну
Глава LI,. в которой Аззагедди, как оказалось, использовал Баббаланью в качестве мундштука
Глава LII. Очаровательный Иуми поёт
Глава LIII. Их почти приманивает земля
Глава LIV. Они посещают большой центральный храм Вивенцы
Глава LV,. в которой Баббаланья комментирует

речь Аланно
Глава LVI. Сцена в земле Уорик, или Создатели королей
Глава LVII. Они прислушиваются к голосам богов
Глава LVIII. Они посещают крайний юг Вивенцы
Глава LIX. Они обсуждают моллюсков, королей, грибы-поганки и другие вопросы
Глава LX,. в которой галантный джентльмен и полубог король Медиа со скипетром в руке идет напролом
Глава LXI. Они обходят бурный мыс всех мысов
Глава LXII. Они сталкиваются с золотоискателями
Глава LXIII. Они вглядываются в Пальмовые острова и проходят островами Мирры
Глава LXIV. Они ходят по кругу внутри рифа Марди и повсюду оставляют следы
Глава LXV. Под парусом
Глава LXVI. Вылет соловьёв из уст Иуми
Глава LXVII. Они посещают одинокого Доксодокса
Глава LXVIII. Мечты короля Медиа
Глава LXIX. После долгой ночной паузы они успокаиваются

Глава LXX. Они высаживаются в Хоолоомоолоо
Глава LXXI. Книга из «Размышлений старого Бардианны»
Глава LXXII. Баббаланья встаёт на ноги
Глава LXXIII. Наконец, последнее упоминание о старом Бардианне, его последнее желание и завещание, подробно пересказанное
Глава LXXIV. Пока они плывут, их окутывает Смертельное облако
Глава LXXV. Они посещают счастливого короля Абраззу
Глава LXXVI. Некий приятный тайный разговор в роще внутри нашей палаты господ, состоящей из Абраззы и Медиа, Баббаланьи, Мохи и Иуми
Глава LXXVII. Они ужинают
Глава LXXVIII. Они отплывают
Глава LXX IX. Баббаланья при полной луне
Глава LXXX. Утро
Глава LXXX I. Квинтэссенция
Глава LXXXII. Они плывут с ночи до полудня
Глава LXXX III. Они высаживаются
Глава LXXX IV. Баббаланья рассказывает им о видении
Глава LXXXV. Они отплывают от Серении
Глава LXXXVI. Они встречают призраков
Глава LXXXVII. Они почти подходят к Флозелле

Глава LXXXVIII. Они высаживаются
Глава LXXX IX. Они входят в дом Хотии
Глава XC. Тайи и Хотия
Глава XCI. Марди позади: перед Океаном

Аннотация

Первый крупный роман Германа Мелвилла впервые с 1849 года предстаёт в русском переводе. Это соединение памфлета и мелодрамы, этники и эзотерики, психологии и мемуаров, детектива и путевых заметок, философии и поэзии, вплетённых в историческую канву середины XIX века.Главный герой попадает в метафорический мир, отражающий облик стран Старого и Нового Света в зеркале социумов условной Океании, где каждый остров имеет свой прототип или общественную модель.Для широкого круга читателей.

Марди и путешествие туда
Герман Мелвилл

Переводчик Роман Михайлович Каменский
Иллюстратор Егор Лаптарев

© Герман Мелвилл, 2020
© Роман Михайлович Каменский, перевод, 2020
© Егор Лаптарев, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-3827-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

HERMAN MELVILLE

MARDI:

and

A VOYAGE THITHER

in two volumes

NEW YORK
HARPER & BRATHERS, PUBLISHERS,
82 CLIFF STREET
1849

К 200-летию Германа Мелвилла

Предисловие переводчика

В 1984 году мне в руки попала маленькая книжка Германа Мелвилла «Израиль Поттер» — небольшая повесть о жизни участника войны Соединённых Штатов Америки за независимость от английской короны. Но мне запомнилась не она, а предисловие к ней, где рассказывалось про другие произведения Мелвилла, а точнее, про не переведённый на русский язык роман «Марди и путешествие туда».

Из рассказа про «Марди» мне запомнилась такая фраза:

«…толпы людей под красными знамёнами с серпами и молотами штурмуют королевский дворец. Но после штурма шесть красных масок предают штурмующих, и повстанцы терпят поражение».

Меня удивила связь пролетарских символов с предательством. Одно вытекало из другого. Книга заинтересовала меня, и я стал собирать о ней информацию.

При царской цензуре, действующей на фоне европейских революций середины XIX века, о со-

держании книги в русском журнале «Библиотека для чтения» за 1849 год не сообщалось почти ничего, кроме того, что её автор — американский авантюрист и что лучше всего её вообще не читать. А большинство советских критиков откровенно перевирало её содержание. Это я узнал уже после того, как перевёл книгу. Но самое интересное заключалось в том, что мнения большинства как русских, так и американских критиков о том, что «книга неудачная», совпадали. Чтобы узнать, наконец, в чём тут дело, мне пришлось перевести книгу, а потом и издать её. И я рад, что все эти критики очень сильно ошибались. И понял, почему книгу боялись и не представляли русскому читателю почти сто семьдесят лет. И боятся до сих пор. Быть может, и дальше будут бояться. Недаром от её публикации отказалось около четырёхсот (!) российских и русскоязычных издательств.

Следует заметить, что через два года после выхода в свет в 2018 году этой книги одно из российских издательств, отвергнувших мой перевод еще в начале 2010-х годов, выпустило свой перевод, до неузнаваемости исказив текст удалением из него множества фрагментов и вставкой в него новых названий томов и глав. Поэтому, дабы

не испортить себе удовольствие от чтения, рекомендую всем читателям приобретать мой перевод, отпечатанный в издательстве «Российского союза писателей» или опубликованный в электронном виде на сайте ridero.ru, amazon.com и ozon.ru

Перед вами, с моей точки зрения, самое великое произведение Мелвилла, в чём-то сходное с «Путешествиями Гулливера» Свифта, «Гаргантюа и Пантагрюэлем» Рабле и «Моникинами» Купера. Книга, открывшая космизм как направление. Книга, оставшаяся актуальной и в наши дни. Книга на все времена. Книга для всех.

P.S. Mardi — вторник (франц.). Под этим словом также подразумевают «обжорный» вторник на перед Пепельной средой и началом католического Великого поста (в некоторых источниках — вторник на Пасхальной неделе). Праздник и карнавал «Mardi gras», буквально — «жирный вторник»

Посвящается моему брату,
АЛЛАНУ МЕЛВИЛЛУ

MARDI:

AND

A VOYAGE THITHER.

BY HERMAN MELVILLE.

IN TWO VOLUMES.

VOL. I.

NEW YORK:
HARPER & BROTHERS, PUBLISHERS,
82 CLIFF STREET.
1849.

Том первый

Предисловие

Недавно, когда были изданы два моих рассказа о путешествиях по Тихому океану, которые многими читателями были встречены со скептицизмом, мне пришла в голову мысль о написании нового романа на основе некоего письма полинезийца об его приключениях и публикации этого романа. Мне видится, что беллетристика смогла бы, возможно, стать путем к правде: в определенной степени, как дополнение к моему предыдущему опыту.

Эта идея и стала зачатком других идей, которые привели меня к написанию романа «Марди».

Нью-Йорк, январь 1849

Глава I
Нога в стремени

Мы уходим! Курсы и топсели поставлены: подвешенный якорь качается, словно коралл; все три члена королевской парусной семьи вместе ловят бриз, который летит вслед за нами по морю, как собачий лай. Ветер раздвигает холст парусов снизу, «сверху быстро вырастают протянутые паруса», с обеих сторон уже развёрнуто множество ошеломляющих парусов, и, как ястреб, распростёрший крылья, мы затеняем море нашими парусами, и водорез рассекает морскую воду.

Но откуда и куда идёте вы, моряки?

Мы уходим из Рававаи, острова в море, находящегося не очень далеко к северу от тропика Козерога и не очень далеко к западу от острова Питкэрн, где обосновались мятежники с «Баунти». В Рававаи я провёл на берегу несколько предыдущих месяцев и теперь отправился в круиз за китами, мозгом которых освещается весь мир.

И от Рававаи мы плывём к Галапагосам, иначе называемым Очарованными Островами из-за

множества диких течений и водоворотов, что там есть.

Теперь вокруг этих островов, по которым когда-то шагал Дампьер, где испанские буканиры когда-то зарыли свои золотые мойдоры, в определённый сезон пасутся большие стада кашалотов, или спермацетовых китов.

Но туда, от Рававаи, ваше судно совсем не летит, как летит чайка прямо к своему гнезду, поскольку вследствие распространённости постоянных ветров суда, идущие на северо-восток поблизости от Рававаи, вынуждены совершить что-то вроде кругооборота в несколько тысяч миль или около того. Во-первых, следуя переменным ветрам, они вовсю поспешают на юг и только там затем подхватывают случайный бриз, используя его в качестве основного; а потом, двигаясь на восток, переворачивают руль, будучи далеко от берегов, в направлении к экватору.

Этим окольным путём и прошёл «Арктурион», что, по совести сказать, было утомительно. Никогда прежде океан не казался настолько монотонным и — спасибо судьбе — никогда более с тех пор.

Но браво! Через две недели произошло следую-

щее. Из серого утра и прямо впереди по нашему курсу из моря вырос тёмный объект, вставший перед нами в сплетении туманов и взвившийся вверх в сливочных бурунах, вскипавших вокруг его основания. Мы отклонились и далее, к концу дня, прошли Массафуэро. В подзорную трубу мы разглядели двух или трёх одиноких коз, спускающихся к морю в ущелье, и вскоре позади сигнал: изодранный флаг на вершине. Хорошо зная, однако, что на острове никого не было, кроме двух или трёх повешенных беглых преступников из Чили, наш капитан не пожелал принять их приглашение высадиться. Хотя, возможно, он вполне допустил ошибку, не послав туда лодку со своей картой.

Прошло несколько дней, и мы «взяли попутный ветер». Как благосклонность, выдаваемая с раздражением, он прибыл к нам, как это часто бывает, в виде резкого шквала, удар которого унёс одну из наших штанг, а также свалил с ног нашего старого толстого повара, попутно забросив его тело в шпигат. Вовремя выбрав желаемую долготу по экватору в нескольких лигах к западу от Галапагосов, мы провели несколько недель, пересекая эту линию туда и сюда в бесполезном поиске нашей добычи. Ведь некоторые

из охотников верят, что киты, как серебряная руда в Перу, проносятся по венам через океан. Так, день за днём, ежедневно, и неделю за неделей, еженедельно, мы пересекали в продольном направлении эту самую Линию, пока не стали почти готовы поклясться, что уже чувствовали, как судно каждый раз ударялось килем, пересекая её воображаемое местоположение.

Затем, замерев перед экваториальным бризом, мы пересекли наш маршрут прямо вдоль самой Линии. Плывя на запад, всматривались направо и всматривались налево и не видели ничего.

Именно в течение этого утомительного периода времени я испытал первые признаки того горького нетерпения от нашего монотонного ремесла, которые в конечном счёте привели к приключениям, здесь описанным.

Но удержитесь! Ни слова против этого редкого старого судна и его команды. Все моряки были добрыми малыми, половина из которых — язычники, которых мы набрали в экипаж с островов. Однако они не подходили к моему образу мышления. Не было ни единой души, притягательной для моей, ни одного человека, к кому у меня была бы взаимная симпатия, кто посочувствовал бы и успокоил в штиль, который нас время от вре-

мени настигал, или приветствовал бриз, когда он приходил. При других и более жизненных обстоятельствах покрытые дёгтем матросы могли бы иметь более развитые привлекательные качества. Если бы у нас открылась течь, или мы были бы подброшены китом, или из-за некоего деспотизма капитана мы затеяли бы энергичный бунт, то мои товарищи по плаванию, возможно, проявились бы как более деятельные парни и мужчины с характером. Но как оказалось, не было ничего, что бы высекло огненные искры из их стали. Были и другие вещи, также имеющие тенденцию сделать мою жизнь на борту судна совсем невыносимой. Правда, сам шкипер был лидером, стоящим по достоинству выше квартердека и владеющим морским языком. Позвольте мне воздать ему должное, кроме того, он был поразителен, в особенности для меня: был общителен, нет, говорлив, когда я оказывался стоящим у руля. Но что из этого? Он мог бы говорить о чувстве или философии? Совсем нет. Его библиотека имела размер восемь дюймов на четыре: навигатор Боудича и проповеди

Гамильтона Мура.

И что, мне вот так тосковать по кому-то, кто мог бы зачитать цитату из бертоновского «Си-

него дьявола»? Зачем мне, воистину, скучный бесконечный переваренный ямс и постоянные строфы из «Черноглазой Сузанны», спетой всем нашим хором с бака? Это всё ещё более несвеже, чем несвежее пиво. Да, да, «Арктурион»! Я говорю это без какого-либо преступного намерения, но ты был чрезвычайно унылым. Не только как парусное судно: не только в том, что я не смог к тебе привыкнуть, но и в любом другом отношении. Дни проходили медленно, один за другим, бесконечно и без событий, как циклы в космосе. Время и часы; сколько столетий мой гамак, подобно маятнику, качался в унылом брюхе судна и отмечал часы и века! Вовеки пусть будет священным передний люк

«Арктуриона». Увы! Теперь на нём морской мох — и вечно ржавые болты, которые скрепили ту старую морскую каменную плиту под очагом, возле которой мы так часто бездельничали. Однако всё проиграно, и я буду протестовать против этих свинцовых часов всё время, пока жизнь продолжается. Ладно: недели, хронологически говоря, прошли. Истории Билла Марвела были пересказаны много раз, пока начало и конец не соответствовали друг другу и не были объединены. Песни Неда Баллэда были спеты, пока эхо

не скрылось в самых вершинах и не угнездилось в пузах парусов. Моё терпение ослабело.

Но, наконец, спустя некоторое время, проплыв должный путь на запад, мы оставили Линию в большом отвращении, не увидев там никакого признака китов.

И куда теперь? К жаркому побережью Папуа? Той области солнечных ударов, тайфунов и горького напряжения после недосягаемых китов. Гораздо хуже. Мы шли, казалось, для того, чтобы проиллюстрировать теорию Вистониана относительно проклятий и комет, спеша от экваториальной жары к арктическим морозам. Короче говоря, с истинной переменчивостью своего племени наш шкипер оставил все мысли о кашалотах. В отчаянии он был склонен броситься за правильными китами на северо-западное побережье и в залив Камчатка.

Не посвящённому в китобойный промысел мои чувства в этот момент, возможно, понять будет трудно. Но они позволяют мне сказать: та традиционная охота на китов на северо-западном побережье, в холодных и мрачных туманах, среди угрюмых инертных монстров, плывущих в море, подобно стволам деревьев из леса Харц, входящего в систему Рейна, и подчиняющих-

ся гарпуну, как наполовину ошеломлённые волы подчиняются ножу, — эта неприятная и неприличная традиционная охота на китов, как я сказал, в сравнении с энергичной охотой на благородного кашалота в южных и более приветливых морях выглядит как убийство белых медведей на чистых айсбергах Гренландии в сравнении с охотой на зебр в Кафрарии, где живые преследуемые звери перед вами загнаны на покрытые листвой поляны.

Теперь это большое непредвиденное определение со стороны моего капитана, имевшее размеры Северного полярного круга, было ни больше ни меньше чем молчаливым противоречивым соглашением между нами. Это соглашение не нуждалось в детализации. И, взойдя на борт только ради круиза в один конец, я рассчитывал покинуть корабль, поместив ногу в стремя в день последующего изгнания. И здесь, благодаря Небесам, он решился везти меня к Полюсу! И ещё для такого мерзкого занятия! В этом было что-то унизительное. Ведь истинная слава китобоя состоит в хранимом им гарпуне, не запятнанном ничьей кровью, кроме крови кашалота. Клянусь святыми, это как мазать рыцаря смолой. Кашалот и спермацетовый кит! Это было невыносимо.

— Капитан, — сказал я, касаясь его сомбреро своим, стоя однажды за рулевым колесом, — очень трудно увести меня с этого пути к чистилищу. Я отправился с вами, чтобы идти в другое место.

— Да, и я тоже, — был его ответ. — Но этому не помочь. Спермацетового кита у нас нет. Мы отсутствовали уже три года, и то или другое должно быть получено, поскольку судно жаждет жира, а он находится в заливе, которого отсюда не видать. Но ободрись, мой мальчик: окажемся в заливе Камчатка — и будем плыть с тем, что мы хотим, хоть и не самого лучшего качества.

Всё хуже и хуже! Маслянистая перспектива терялась в необъятном Массакаре.

— Сэр, — сказал я, — я не для того отправлялся; умоляю вас, оставьте меня где-нибудь на берегу.

Он посмотрел на меня, но не удостоил никакого ответа; и в тот момент я подумал, что пробудил властный дух морского капитана в изначально более доброжелательной природе этого человека.

Но оказалось не так. Трижды обернувшись на палубе, он положил руку на рулевое колесо и сказал:

— Правильно или неправильно, мой мальчик, но ты должен идти с нами. Оставление тебя

на берегу теперь вне рассмотрения. Я не зайду в порт, пока это судно не заполнится вплоть до люков. Однако ты можешь оставить его, если получится.

И с этими словами он величественно вошёл в свою каюту, словно Юлий Цезарь в свой шатёр.

Он, возможно, меньше всего рассчитывал, что последнее предложение зазвенит в моём ухе как бравада. Оно выглядело как поздравление от тюремщика заключённому в Ньюгейте в тот момент, когда он завинчивает на нём болты.

«Оставь судно, если можешь!» Оставь судно, когда в поле зрения нет ни паруса, ни берега! Да, мой прекрасный капитан, бывают более странные вещи. Поскольку на борту этого самого судна, старого «Арктуриона», находилось четверо хвастливых малых, которые сами поднялись два года назад при предыдущем нашем шкипере с открытой лодки, удалившейся от самого дальнего мелководья. Безусловно, они сочинили длинную историю о том, что были единственными оставшимися в живых моряками корабля Ост-Индской компании, сгоревшего дотла по ватерлинию. Но кто поверил их рассказу? Как и многие другие, они хранили тайну — несомненно, обусловленную отвращением к некоему уродливому

судну, которое всё ещё было крепким и на плаву, и ускользнули они от него незамеченными. Среди моряков в Тихом океане такие приключения не редкость. И при этом они не считаются большими чудесами. Они — всего лишь инциденты, а не события в ряду историй о скитаниях наших собратьев в Южном море. Что важно в сотнях миль от земли, если хорошее китобойное судно находится под ногами, Торговые острова позади, а спокойные, тёплые моря впереди? И здесь находится различие между Атлантикой и Тихим океаном: что никогда в пределах тропиков смелый моряк, у которого есть причины для того, чтобы оставить своё судно, идущее вокруг мыса Горн, не ждёт порта. Он считает этот океан одной великой гаванью.

Однако намёк на предприятие был, но неясный; и я решил хорошо взвесить возможности. Тут стоит заметить, что этот путь мы все обдумываем как предприятие для самих себя, представляя его для других пустяком.

Мои первые мысли были о лодке, которой следует завладеть и законно или незаконно, но выкрасть её при существующих обстоятельствах. Но не проявляйте въедливость в этом вопросе, позвольте мне сказать, что если б я

оказался в той же самой ситуации снова, то повторил бы то, что сделал тогда. Капитан хорошо знал, что собирался задержать меня незаконно, вопреки нашему соглашению, и именно он лично подал тот самый намёк, который я просто принял с большой благодарностью.

В таких вот размышлениях о побеге, как это, я замер однажды, чтобы выстоять положенные мне два часа на топе мачты. Это было по завершении дня, безмятежного и прекрасного. Я стоял там, на вершине мачты, и далеко-далеко бесконечно катился внизу океан. Там, где мы тогда находились, была, возможно, наименее посещаемая и наименее известная часть моря. На западе, однако, лежали многочисленные группы островов, свободно расположенные на карте и наделённые всем очарованием сказочных стран. Но скоро эти области будут пройдены; умеренный экваториальный бриз сменится на холодные, жестокие порывы и все ужасы северных вояжей. Я бросил свой взгляд вниз, на коричневые доски уныло тащившегося судна, тихого от мачт до кормы, затем за его пределы.

Вдали представали сказочные видения! Весь западный горизонт до неба был выложен из золотых и тёмно-красных облаков: воздушные

арки, купола и минареты; как будто жёлтое мавританское солнце выстраивало позади некие широкие Альгамбры. Перспектива, казалось, вела к иным мирам. Туда и сюда, по всем башням этой небесной Ниневии, носились полчища птиц. Постоянно видимые, они пересекали горизонт, пролетали через низкую арку и скрывались из виду. Мой дух, должно быть, уносился с ними; прямо как в трансе, на меня накатили интонации мерного прибоя на пляже с ракушками, взмахи ветвей, голоса дев и убаюкивающие удары моего собственного растерзанного сердца, смешавшиеся воедино.

Теперь всё это, сказать попросту, было всего лишь одним из многих видений, которые каждый ощущает наверху. Но, натолкнувшись на меня в то время, оно воздействовало на меня так, что впредь моё желание оставить «Арктурион» стало видом кратковременного помешательства.

Глава II
Штиль

На следующий день установился штиль, который добавил больше тревоги к моему нетерпеливому ожиданию. И, кроме того, восстановил в моей памяти сухопутного человека определённые ассоциации от моих старых впечатлений от первой встречи и общения с морской жизнью. Описания этих впечатлений вполне могут заслужить страницу в нашей книге.

Итак, сначала человек оказывается захваченным врасплох, никак не подозревая о существовании страны, где сама жизнь кажется приостановленной. Он вздрагивает в своей одежде, чтобы понять, находится ли он в пустоте или нет. Он закрывает и открывает глаза, дабы убедиться в действительности покоя водного пространства. Он производит глубокий вздох ради эксперимента и ради наблюдения эффекта от него. Если он читал книги Пристли, то описанное в них происходит с ним самим сейчас; и он верит в того старого сэра Энтони Абсольюта из самой последней главы. Его вера в Мальте

Бран, однако, иссякает; как вера в географию, которой с детства он безраздельно доверял, всегда уверявшую его, что море было, по крайней мере, антиподом земли. Как антиподом Америки, например, является Азия.

Но это — штиль, и он становится безумно угнетающим.

В его больном воображении параллели и меридианы становятся выразительней и приобретают реальность: воображаемые линии разрисовывают всю поверхность земли.

Исчисления координат уверяют его, что он находится в нужном месте; но измерения лгут; нет такого места, которое имело бы какие-либо координаты в этой водной пустыне.

Подобные же ужасные сомнения одолевают его относительно компетентности капитана в вопросах управления судном. Невежда-капитан, по его мнению, должно быть, заблудился, дрейфуя к внешним границам мироздания, и попал в область постоянного затишья, ведущую к абсолютной пустоте.

Мысли о вечности заполняют его сознание всё больше и больше. Он начинает беспокоиться о своей душе. Спокойствие штиля ужасно.

Его голос приобретает странные свойства. Он

будто бы проглотил слишком большой кусок, и тот застрял в пищеводе. Это усиливается появлением своего рода внутреннего жужжания, подобного жужжанию живого жука. Его череп превращается в купол, наполненный звуковым эхом. Пустоты его костей становятся галереями шёпота. Он боится говорить громко, чтобы не быть оглушённым, как оглушает барабанный бой. Но больше, чем всё остальное, — осознание своей чрезвычайной беспомощности. Помощь или сочувствие ни от кого не исходит. Погружение в раскаяние пользы не приносит. Возможно, человек вообще не бывает склонен к раскаянию. Тяжело лишиться работы во время штиля. Человек может спать, если сможет, или преднамеренно вводить себя в транс из-за видений, пригрезившихся ему. Всё это может его занять; но он, скорее, не бездельничает; безделье — это праздность; быть праздным — подразумевает отсутствие каких-либо занятий; тогда как есть штиль, который нужно будет вынести, и как долго, знают только Небеса.

Его физическая суть, очевидно предназначенная для перемещения, ограничена, поскольку там, где штиль оставляет его, там он и остаётся. Даже бесспорные права, которыми человек

наделён, состоящие в его великой свободе передвижения, исчезают. Как их использовать? Он решает убежать далеко от штиля, поскольку на суше он избежал бы неприятностей и тревог. Но он не может: глупо поворачивать экспедицию назад. Это более глупо, чем неудачно жениться, ведь плохому браку не поможет никакой доктор. У него есть корабль, словно жена, хорошая или скверная, для счастливой жизни или для ссор; и от неё не скроешься. Всей своей статью и размерами она как бы презрительно говорит ему, словно старая ведьма маленькому карлику: «Помогай себе сам».

И всё это — и больше, чем это, — и есть штиль.

Глава III
Король матросов

В то время, о котором я теперь пишу, мы, полагаю, находились более чем в шестидесяти градусах к западу от Галапагосов. И, достигнув желаемой долготы, мы держались далеко от севера и от Арктики: нас окружало одно широкое море.

Но на западе, за тысячи миль отсюда, на север и на юг простирался почти бесконечный Архипелаг, повсюду заселённый, но малоизвестный и, главным образом, нечасто посещаемый, даже китобоями, которые ходят всегда и везде. Начало этого Архипелага в южной части представляло собой большую цепь островов, известных как группа Эллайс; далее шли острова Королевская миля; далее — группы островов Радак и Мулгрейв. Эти острова являлись, по сути, коралловыми рифами, невысокими и плодородными и изобилующими множеством фруктов. Язык людей, населяющих эти острова, был очень похож на язык жителей Островов Навигатора, с которых их предки, как предполагается, и прибыли.

Вот и всё, что я тогда знал об упоминаемых островах. Главное, однако, было то, что они существовали вообще и что наш путь к ним лежал по приветливому морю, где дул попутный пассат. Расстояние, хотя и большое, было просто широкой водной гладью, очень спокойной, как раз для передвижения под парусом, хотя профессия моряка позволила бы справиться, как известно, с большой бурей. К тому же китобойное судно — вещь по-своему хитроумная в сравнении с другими судами, когда-либо созданными человеком, и справилось бы со многими препятствиями.

На один из островов Королевской мили я тогда и решил было высадиться и попросту сбежать. И я полагал, что меня возьмут на одну из шлюпок, отправляющихся на эти острова. Но я понятия не имел о пребывании на острове без компаньона. Это были бы утомительные часы, часы одиночества, с бесконечным созерцанием горизонта.

Там, среди членов команды, был один прекрасный старый моряк по имени Ярл. Какого он был возраста, никто не мог сказать, даже приблизительно, даже он сам. История его жизни являлась весьма неопределённой и неточной.

«Мужчина и мальчик, — честно говорил о себе Ярл. — Я жил с тех пор, как себя помню». И действительно, кто из вас может вспомнить, когда он не существовал? Ощущая себя, все мы кажемся себе ровесниками с момента появления на свет. Поэтому мы считаем, что тяжело умирать, прежде чем положено.

Ярл был родом с острова Неба, одного из островов Гебридского архипелага. Поэтому мы часто называли его Небожителем. И хотя душа его была совсем не пиратская, он всё же был старым скандинавом не для того, чтобы просто предаваться созерцанию мира. Его руки были мускулистыми, как лапы медведя; его голос был хриплым, как штормовой рёв вокруг старого пика Мулл; и его длинные рыжие волосы развевались вокруг его головы, как пламя заката. Твоя суть в том, Ярл, что твои предки были викингами, которые много раз плавали по солёному немецкому морю и Балтике; они женились на Брунгильдах в Ютландии и теперь вкушают мёд в залах Валгаллы, а бубнами продолжают отбивать ритм скандинавских гимнов. Ах, как же старые саги пробирают меня!

Всё же Ярл, потомок героев и королей, был одиноким, в основном лишённым друзей моряком, верящим только в морскую жизнь, которой он

жил. Так было, и так будет. Какой йомен должен поклясться в том, что он не происходит от короля Альфреда? Какой графоман скажет, что он не напишет лучше старого Гомера? Король Ноа, благослови его Бог! Отец наш всевышний! Тогда выше головы, о вы, рабы, чья благородная кровь течёт по вашим венам! У всех нас есть монархи и мудрецы среди родственников; нет, ангелы и архангелы для кузенов, — и с тех самых достопамятных времён, когда сыновья Бога вступили в брак с нашими матерями, кровными дочерями Евы. Все поколения смешались, и дети небес и земли, иерархии серафимов в предельных небесах; троны и княжества в зодиакальных созвездиях; тени, пересекающие пространство; нации и семьи, впадины и горы земли; один и все, братья в своей основе, — о, быть может, мы тогда братья действительно! Все вещи имеют разную форму, но являют собой одно целое; вселенная — Иудея, и Бог Иегова во главе её. Тогда больше не позволяйте появляться первобытному страху: например, теократии, что в ней страшного? Боязнь смерти представима как сон уставшего в седле всадника. Поприветствуем даже призраков, когда они появляются. Долой морщины и гримасы. Делающий татуировку но-

возеландец не является чудом, как и загадка пути китайца. Никакой обычай не является странным, нет понятия абсурда, нет врагов, но кто окажется другом? В небесах живёт, наконец, наш добрый старый отец с белыми волосами, Адам, любящий всех, в преобладающем большинстве. Христианин должен протянуть руку и язычнику, и еврею; забудьте мрачный дантовский Ад и смех толстого Рабле, и монаха Лютера, и за бутылкой старого нектара обсудите прежние времена с Папой Римским Львом. Затем мы сядем на одну скамью с мудрецами прошлого, что дали законы жителям Мидии и персам на солнце, командирами конницы в Персеусе, что кричали «По коням!», когда их будил рёв трубы, зовущий на последнюю битву, рядом с древними охотниками, кто несколько вечностей назад охотился на американского лося под созвездием Ориона, менестрелями, которые пели с Млечного Пути, когда родился Иисус, наш Спаситель. Тогда не будем мы причислять к мелким величинам Магелланов и Дрейков, но выслушаем путешественников, которые плавали вокруг света, кто обошёл вокруг Полярную звезду, как мыс Горн. Затем не забудем Стэджирайта и Канта и труды других мудрецов, и даже появившиеся сейчас фолианты с гороскопами,

ещё пока не расшифрованными, о высших небесах небес. Итак, в малопонятном жаргоне старого Ярла никогда не было идиомы. Его терминология была слишком космополитична для этого. Долгие товарищеские отношения с моряками всех племён: манильцами, англосаксами, латиноамериканскими индейцами, бенгальцами и датчанами — стёрли вовремя все ваши родные языки, что вы знали и помнили. Вы утопили ваш народ; утонула ваша страна; вы теперь говорите на всемирном языке, весёлом бормотании лингва-франко.

Согласно своему прозвищу, Небожитель был совсем неграмотным, не знающим о Саламанке, Гейдельберге или Брозенносе. Окажись в Дели, он никогда бы не заинтересовался книгами брахманов. Знаний в географии, в которой моряки должны хорошо разбираться, поскольку много раз обогнули земной шар, бедному Ярлу печально недоставало. Согласно его взгляду, мир представлялся ему в образе пирога; земля являлась простой крайней коркой, в пределах которой находился весь водный мир. Такова была космографическая теория моего славного Викинга. Что же касается потусторонних миров, то он о них и не думал, всё же понимая мир так же

хорошо, насколько понимал его Иоанн Златоуст.

Ах, Ярл! Честный, серьёзный добряк; столь верный и простой, что тайные движения его души были более непостижимыми, чем тонкие умозаключения Спинозы.

Пожалуй, я многое расскажу про Небожителя, поскольку он был чрезвычайно молчалив и редко говорил о себе.

Теперь, разбираясь в эмоциях, скажу, что я у Ярла был, по сути, в любимцах; он полюбил меня, прежде хорошо изучив. Иногда бывает так, что старый моряк как бы сильно привяжется душой к моряку молодому, своему товарищу по плаванию, привязанностью, совершенно необъяснимой, если она возникла в том сердечном одиночестве, которое настигает большинство моряков, когда они стареют; оно побуждает с кем-то подружиться. Но, однако, мой Викинг, твоя непрошеная привязанность являлась самым благородным уважением, какое когда-либо выказывалось мне. И, откровенно говоря, я более склонен думать, что источник его симпатии скорее исходил от его сердца, чем от уважения к моим познаниям в культуре и образованию.

Там, в море, в товариществе моряков, все мужские характеры проявляются на виду. Никакая

школа не сравнится с кораблём в изучении человеческой натуры. Контакт одного человека с другим, который постоянно рядом, исключает и отвергает обман. Вы показываете свой характер так же свободно, как носите свои брюки. Тщетны все усилия, направленные на то, чтобы вы приняли не свои черты или скрыли те, которыми обладаете. Тайные, хотя и желательные, усилия вне рассмотрения. И, таким образом, на борту всех судов, на которых я проплавал, я вижу своего рода феномен под названием комнаты размораживания. Нет, «мне поспешно замечают», что я словно поместил руку в ведро смолы с брезгливым ароматом, будучи нежным и рафинированным, словно фарш из Честерфилда. Нет, нет, я никогда не был лучше, чем моё призвание; и я был один из многих. У меня загорелая грудь и столь же твёрдая рука, как у них у всех. И никогда мой товарищ по плаванию не бранил меня из-за благородной неспособности к исполнению моих обязанностей, хватая и неся меня к грузу грот-мачты или концу бума кливера во время волком воющего ветра, который когда-либо выл.

Откуда тогда это раздражающее слово «благородный»? Для его появления были причины. Это было из-за чего-то во мне, что нельзя было

скрыть: уловка в случайной фразе, обдумывание обыденных понятий, отдалённые, неосторожные намёки на беллетристику и другие пустяки, которые излишне упоминать. Но хочу сказать, что во время этого путешествия в команде, в которой я числился, на меня смотрели как на человека, «благородного» во многих отношениях. Но Ярл в этом мнении, казалось, пошёл далее. Он будто держал меня за одного из членов Ганноверской династии или, как минимум, за члена семьи принца Чарльза Эдварда Претендента, который, словно Вечный Жид, вполне мог быть бродягой. Во всяком случае, его симпатия была чрезмерной. Он добровольно стал моим прачкой и портным, более того, самым опытным; когда приходило моё время приёма пищи, но приходилось одновременно смотреть на топ мачты или стоять за рулевым колесом, он с неутомимым усердием обслуживал меня среди «детей» на баке. Пример — хорошая глыба «варёного пудинга», которой я был обязан хорошей заботе моего славного Викинга обо мне. Был же фараон Сесострис I в своё время слугой монарха! Всё же в определённой степени обязательства были взаимными. Да будет известно, что, по-морскому говоря, мы были чаммисы.

Теперь этот чамминг среди моряков похож на существующее братство между собой студентов колледжа (корешей) при совместной аренде жилья. Это — друзья из гомеровских поэм, лига нападения и защиты, хозяева совместного гардероба, узы любви, хорошего чувства и взаимного соревнования. Правда, в моих морских воспоминаниях есть сведения о различных неудачных, неразумных и отвратительных чаммисах; чаммисах, где «старший» во времена еды не заботился о «младшем», когда неудачные партнёры оказывались лишними; чаммисах, когда один из товарищей якобы показывал «неумение» в шитье и бритье, да так, что его простоватый партнёр делал всю его работу, в то время как первый в это же самое время спал в его гамаке. Но таков чаммис!

Но я обращаюсь к тебе, честный Ярл, даже если бы я был чаммисом из хитрости. Не беспокойся, изготовлял ли ты действительно мои брезенты и с самаритянской благодетельностью перевязывал раны, втыкая иглу с нитью, зашивая их, мои страдающие несчастные нижние наружные покровы, которые ты называл «утками». Делая это, называл ли ты это великой услугой, и, более того, делал ли ты это для меня, несмотря

на наличие у меня же своего собственного оригинального напёрстка, вырезанного из кости кита? Но мог ли я выдернуть из твоих настроенных уже на заданную работу рук мою рубашку, когда ты стирал её в сомнительном растворе в своём просторном чане, сделанном из бочки? Ты очень хорошо знаешь, Ярл, что это правда; и я обязан заявить, что должен был отказаться от всех привлекательных возможностей, исходящих от твоей широкой души.

Вспоминая этого Викинга и размышляя, кто же был моим товарищем на судне, я считаю, что им мог быть только мой Викинг.

Глава IV
Беседа в облаках

Небожитель казался настолько серьёзным и прямолинейным моряком для того, чтобы сказать ему правду напрямую, даже несмотря на его симпатию ко мне, что у меня было много сомнений относительно его готовности примкнуть к моему плану, который предусматривал нарушение моральных обязательств. Но, учитывая все обстоятельства, я принял своё собственное довольно простое решение; и что касается того, чтобы склонить кого-либо присоединиться ко мне, то это казалось предосторожностью столь обязательной, чтобы перевесить все другие соображения.

Поэтому я решил открыть ему настежь своё сердце, для чего навестил его, когда он, как некий старый альбатрос в воздухе, взгромоздился на верхушку фок-мачты, совершенно один, для наблюдения за китами, доселе не замеченными. Такое размещение на небольшом пятачке мачты на высоте ста футов в течение многих часов, в стремительном полёте над морем, очень по-

ходит на пересечение Ла-Манша на воздушном шаре. Подобно Манфреду, вы говорите с облаками: вы словно нащупываете солнце. И тогда Ярл и я затеяли там разговор, куря наши примитивные трубки, и любая чайка, проходящая мимо, словно получала энергию от нашего дыма, как воздушные шары Блэнчарда и Джеффриса, способную перенести её из Дувра через Кале через небеса в послеобеденный Багдад. Честный Ярл, я познакомил его со всем: с моей беседой с капитаном, с намёком, услышанным в его последних словах, с моим непреклонным решением покинуть судно в одной из его шлюпок и средствами, с помощью которых можно было осуществить наш план. Я тогда высказал немало аргументов в сильной надежде на то, чтобы повернуть направо по ветру к солнечным островам на нашем пути.

Он слушал внимательно, но так долго молчал, что уже я почти решил, что Ярл готовит нечто такое, что опровергнет слишком многое из моих аргументов и моего красноречия.

Наконец он напрямик объявил, что план мой безумный, он никогда о нём не подозревал, но трижды видел подобное, и в каждом случае о судьбе беглецов впоследствии никогда не слы-

шали. Он упрашивал меня отказаться от моего намерения, не быть мальчиком, остановиться и поразмышлять, остаться на судне и идти на нём домой, по-человечески. Поистине, мой Викинг говорил обо всём, как мой дядюшка.

Но всё это я пропускал мимо ушей; в подтверждение того, что мой ум был выше сомнений, и поскольку Ярл отказывался сопровождать меня и я не представлял бы себе никого больше в качестве сотоварища, то я пошёл бы в одиночку. Однако, видя моё непоколебимое решение, он честно поклялся, что будет следовать за мной, несмотря ни на что.

Спасибо, Ярл! Ты воистину один из тех преданных товарищей, которым трудно будет доказать, что они ошибаются, но, осознав ошибки, немедленно поворачивают к борьбе за явившуюся истину.

Но теперь его возрастное благоразумие играло свою роль. Бросая взгляд на безграничное пространство под нашими ногами, он спрашивал, как далеко от нас находились рассматриваемые острова.

Тысяча миль, и не меньше.

С попутным ветром, да ещё и под парусом, мы сможем пройти этот путь за двенадцать дней,

но штиль и течения в состоянии увеличить его до месяца, а возможно, и более. — Сказав, он покачал своей старой головой и тряхнул соломенными волосами.

Но, стараясь изо всех сил развеять эти предчувствия, он, наконец, прогнал их. Он уверил меня, что сделает всё, что в его силах.

Мой Викинг успокоился, и я почувствовал себя более непринуждённо; ведь хорошо составленный план способствовал бы успеху нашего предприятия.

Нельзя было терять времени. Каждый час нёс нас всё дальше и дальше от параллели, самой желанной для того, чтобы следовать по ней на запад по нашему маршруту. Поэтому, учитывая все возможности, я разработал план и сообщил о нём Ярлу, который немного подправил его несколькими замечаниями, учтя несколько скрытых деталей, выпавших из моего поля зрения.

Странно, но только мой Викинг, скорбно улыбнувшись, напомнил мне о факте, о котором я вспоминал впоследствии как об озадачившем меня и вызвавшем лёгкий румянец. Мы должны были продвигаться без карты или квадранта; хотя, кратко замечу, и потребность в компасе вообще не рассматривалась. Карта, в конце концов,

не смогла бы сказать, как далеко мы продвинулись; но вот квадрант был более чем желателен. Однако он не был ни в коем случае обязательным. И по следующей причине. Когда мы начали путь, наша широта была точно известна. При нашем путешествии на запад мы дрейфовали бы на север или юг и не смогли бы — это было бы невозможно — добраться, как мы рассчитывали, до длинной цепи островов, которые раскинулись на большом расстоянии по обеим сторонам экватора, вдоль которого мы следовали.

По почти такой же причине имело мало значения, знали ли мы ежедневно нашу долготу, поскольку никакая известная земля не лежала между нами и местом, которого мы желали бы достигнуть. Что же могло стать более простым, чем это? Ведь если мы будем терпеливо держать наш путь на запад, то должны будем, в конечном счёте, достигнуть назначенного места.

Что касается ожидаемых мелководий или рифов, если их кто-либо там видел, то они вряд ли запугали бы нас. Для шлюпки, которая осаживалась всего лишь на несколько дюймов ниже уровня воды, учитывая постоянное наблюдение, вся опасность в этом отношении была бы исключена.

В конце концов, замысел казался достаточно выполнимым, несмотря на старое суеверное почтение Ярла перед навигационными инструментами и философские взгляды, которые, возможно, довлели над педантичным учеником Меркатора.

Очень часто старый принцип показывает, что самые простые устои дают наибольшую уверенность человеку и что, скорее всего, это происходит от самой их простоты. И потому, нисколько не тревожась, мы обратились к солнцу с просьбой:

«Будь, Старый Кормчий, нашим проводником!»

Глава V
Места заняты, и чемоданы собраны

Но мысли о квадрантах и картах занимали нас менее всего. Внимание глаз тридцати человек — капитана, помощников, команды на корабле — должно было быть отвлечено; они не должны были что-либо подозревать до тех пор, пока их подозрения не оказались бы бесполезными.

Знайте: в море шлюпки кораблей в южных широтах (их обычно четыре штуки, не считая запчастей) закреплены по верху инструментами к гнутым деревянным конструкциям, называемым шлюпбалками, вертикально установленными по сторонам судна.

Ни одна женщина не наводит свой лоск до такого полного изнеможения перед долгожданной ярмаркой, как это делается на стремительном китобойном корабле его командой. Любой его элемент кажется невероятно хрупким и оправдывающим предельную заботу. Словно прекрасная леди, китобойное судно кажется бесполезным, когда лишено такой работы, и выглядит как бесполезная тонкая щепка.

Помимо шлюпбалок, имеются другие элементы крепежа. Две маленьких подъёмных петли протянуты под килем, которые предотвращают опирание на середину шлюпки и свешивание её носа и кормы. Широкая плетёная пеньковая лента, со вкусом сплетённая в своеобразный узор, передаёт вращение вокруг обоих планширов и, обеспечивая защиту шлюпки, надёжно прикрепляет её к нужному месту. Будучи поднятыми выше борта судна, шлюпки находятся в подвешенном состоянии выше всех частей палубы. Далее, одна из этих шлюпок должна была быть с пробитым дном. Это действительно так. Чтоб было тяжелее, чем для любого стремительного молодого янычара удрать с женой султана из Большого Сераля. Всё, что могло быть сделано, ей-богу, было сделано.

Что говорить вам о хитростях днём и во время прихода ночи, отбрасывании дрожи и сомнений у кранов? Но как спрятать даже самой темной ночью более опасный звук, чем предсмертный хрип? Этого легко избежать! Смажьте канаты, и они весело пройдут через тонкие шкивы блоков.

Оценивая грядущий план, я понимал, что в нём была высокая степень риска, представление

о которой, в конце концов, было от меня далеко. Созрел другой план, ещё более смелый; и, следовательно, более опасный. Каков он был, я ещё расскажу.

Разрабатывая способ для удачного путешествия, я охотно пересёк бы палубу и следил бы за шлюпками, как корнет, уводящий своего коня от красивой гвоздики. Но не вышло. И «дырявая шлюпка» была, ввиду необходимости, выбрана как самая отдалённая от квартердека, поля зрения острых глаз и неустанных забот.

Далее, наша кладовая должна была наполниться, и я лично занялся запасами воды; и, вспоминая случаи, когда в прошлом сам в ней особенно нуждался, решил обратить на неё должное внимание. Пока нас было всего лишь двое, однако, я решил создать достаточный запас и мяса, и питья на четверых; в то же самое время, когда дополнительная пара человек, пока планируемая, была ещё не определена. И если бы наступил смертельный момент, мы бы его не испугались, пожалуй, поскольку имели бы еду, и не только для одного Ярла.

Мы немного времени потеряли, готовя провизию для нашего побега. Булочки и говяжья солонина были нашим единственным ресурсом,

и, благодаря щедрости владельцев «Арктуриона», у команды нашего судна было достаточно продуктов. Оба бочонка со снятыми во избежание стука крышками использовались как ёмкости. В сумках, которые мы сделали для наших целей, оказалось достаточно готовых булочек, спрятанных доселе в легкодоступном месте. Солёную говядину получить было труднее, но постепенно нам удалось заняться её контрабандой из бочки в таком масштабе, чтобы создать необходимый запас.

Что касается воды, то в один удачный день или два несколько специальных больших бочек с водой были подняты снизу для какого-то использования офицерами корабля. Эти были бочки с крышками, длинные и тонкие, но очень крепкие, различного диаметра. Их поставили словно нарочно, задвинув в пространства между огромными рёбрами корпуса судна.

Самые большие из тех, что мы могли найти, были отобраны и сначала тщательно исследованы на предмет обнаружения возможных утечек. Используя какие-то отговорки для остальных членов экипажа, мы затем прокатили их по всей той стороне судна, где находилась выбранная нами шлюпка, и разместили их поблизости от неё.

Наши маленькие рундучки были аккуратно упакованы, увязаны и отложены до поры в сторону. И, наконец, ради предосторожности, у нас каждая вещь была расположена применительно к самому ответственному моменту. Позвольте мне, ничего не умаляя, добавить к достоинствам Ярла, что всякий раз, когда стратегия наша требовала усыпить внимание экипажа, он умел выглядеть неловким, и по большей части это делалось ради меня. То, что он делал, было правильно; демонстрируя несвоевременную прямоту, он раз или два проверил на прочность каждую вещь. Иногда он казался настолько несвоевременно тупым, что я почти подозревал его в равнодушии к нашему замыслу, подобно тому филантропу, который, использовав все способы для осуществления провального проекта, спасает его от закрытия и ведёт к неуклюжему одобрению. Но не стоило сомневаться: Ярл был викингом, таким же, как его предки, хотя совсем и не разбойником.

Глава VI
Восемь склянок

Месяц, по нашему расчёту, должен был быть минимального размера, согласно советам, данным в альманахах бывалыми ночными авантюристами. Когда Синтия показывает круглый и полный диск, то много смелых дел свершить не получается. Правда, бывает, что лунные ночи оказываются бочками с драгоценностями для разбойников и девичьих сердец, как говорил Коперник.

Языческая планета находилась в своей последней четверти, и на её тонкий серп я возложил свои надежды на бегство без риска быть обнаруженными.

Теперь, совершая спокойный переход через океан, мы отрабатывали вахты, которые в среде китобоев имеют название «матросские часы». Они имели ту особенность, что моряки, составлявшие команды каких-либо шлюпок, стояли покомандно две ночные вахты по четыре часа, а их начальник, называемый «палачом» (это всегда был один из помощников), отсутствовал.

Начальству на корабле этот режим даёт непрерывный отдых — «на всю ночь», как говорится, и, конечно, очень радует команду.

Гарпунёры возглавляют команды шлюпок и являются ответственными за судно в течение этих часов.

К этому времени мой викинг, будучи рослым моряком, вытянул весло среднего сечения из шлюпки, в которой я был гребцом. Разумеется, продолжались те самые часы, в которые бодрствовали также три других матроса, включая Марка, гарпунёра.

Один из этих моряков, однако, был инвалидом, и, следовательно, только двое других могли с нами справиться и помешать побегу.

Путешествуя в этих морях, вы можете скользить по водной глади вперёд в течение многих недель, словно по простыне, едва двигая руль, настолько здесь дует умеренный и постоянный ветер. Ночью склянки редко отбиваются вкупе с выполнением каких-либо наблюдений, учитывая, что парус — почти чудо в этих одиноких водах. В ожидании иных судов проходит неделя за неделей, вам сложно сказать, сколько времени вы провели на палубе, — так мало внимания уделяется показанию часов, где в атмосфере пред-

полагаемой безопасности почти каждый моряк безмятежно «клюёт» носом.

Но обязательно — если вы являетесь в эти часы членом команды шлюпки беспечного китобоя — существует человек, который возглавляет моряков, и он обязан поддерживать порядок на квартердеке, пока не заступит новая смена.

Однако сон был свойством всей природы, даже Наполеона, устраивавшего своё ложе прямо на снегу; и так же часто в снежном лунном свете, затенённый эбеновым деревом, дремал Марк, наш гарпунёр. «Пусть у него будет кусочек счастливой ночи, как и грядущее утро, которое предшествовало нашему предприятию», — думал я, следя за этим человеком, который вполне мог бы пресечь мои планы.

Но позвольте мне закрыть эту часть моей истории. В это время, называемое в море «собачьей вахтой» (между четырьмя и восемью вечера), моряки бывают довольно живыми и игривыми. Эта приподнятость в настроении сохраняется и в первом из длинных «ночных часов»; но по их окончании, в «восемь склянок» (полночь), устанавливается тишина; если вы слышите голос, то это не голос херувимов: все восклицания — ругательства.

В восьмые склянки моряки на палубе, где теперь их заботы становятся минимальными, выползают из своих спальных мест в старых обезьяньих жакетах, или из канатных катушек, и бредут к своим гамакам, почти без прерывания своих дрём и мечтаний, в то время как бездельники из кубрика лениво поднимаются по лестнице, чтобы возобновить свою дремоту на свежем воздухе.

По этим же причинам безлунная морская полночь предполагалась только как время побега. Следовательно, мы провели целый день почти без работы; в ожидании ночи, пока не взошла звезда «часов четвёртой шлюпки», к которой мы принадлежали, и вызвала бы на палубе богатые события в восьмые склянки.

Но двадцать четыре часа проскальзывают быстро; «Старболинс на палубе, склянок не слышно», и меня начала беспокоить собственная дремота.

Я вылезу из своего гамака и буду раскуривать мою трубку. Но лампа на баке догорела. Старый морской волк что-то бормочет об акулах во сне. Ярл и наш одинокий часовой-сообщник нащупывают брюки. Слышны только жужжание паруса наверху, стук волн о борт и глубокое дыхание погружённых в сновидения моряков вокруг.

Глава VII
Пауза

Старый добрый «Арктурион»! Словно мать, он так часто укачивал меня в своём дубовом сердце, что я с огорчением говорю о том, как я покинул его посреди океана. Вдали от дома этот языческий лепет пёстрой команды из множества островитян прокатывается эхом через ваш христианский мир и, должно быть, ужесточает облик любой ведьмы.

Старое судно! Где теперь этот одинокий парусный призрак? От крепкого «Арктуриона» никакой весточки никогда не долетало с того самого тёмного часа, когда мы достали из него фатальные вёсла. Сгубили ли его водовороты во время бури под крик чаек, не знает ни один смертный. Погрузилось ли оно тихо, лишённое посторонней помощи, в спокойные глубины того летнего моря, убитое безжалостным лезвием меч-рыбы? Такие вещи случаются. Или была у него лучшая судьба? Был ли он внезапно поражён каким-либо взрывом при стоящих штормовых парусах, имея рулевого на вахте и каждого моряка

на своём посту; погрузился ли стремительно он при стоящем на вахтах экипаже вдали от бури?

Но все предположения тщетны. Как очень старый корабль, он, возможно, утонул или напоролся на некий предательский риф; но как далеко он сумел зайти, неизвестно, его судьба — тайна.

Просите, Небеса, дух того потерянного судна, пересекающего границы в мистических туманах полуночных бурь, — как думают старые моряки о пропавших судах — которое никогда, возможно, не окажется снова на волнах. Оно может мирно отдыхать на дне моря, и сладок сон моих товарищей по плаванию на самой большой глубине моря, куда даже блуждающие акулы не заплывают в поисках своей добычи.

Оставляя «Арктурион», Ярл и я подсознательно уклонились от пути в морскую могилу. Мы слышим о чудесных избавлениях. Случилось ли оно? Но жизнь сладка ко всем, смерть же приходит как тяжёлое испытание. И сам я почти всегда испытываю желание повиниться в том, что я избежал судьбы моих товарищей по плаванию, которые как будто пали смертью героев, постыдившихся избежать резни в Фермопилах.

Хотя я не могу подавить дрожь, когда думаю о конце моего старого судна, мне кажется невоз-

можным вообразить, что наше бегство с него, вероятно, способствовало его исчезновению. Однако я надеюсь на Небеса, что «Арктурион» всё же остался плавать: это даёт мне веру, что я всё же прошагаю по знакомой палубе.

Глава VIII
Они бегут. Паруса и вёсла

И как сейчас говорится, соблазнённые дьяволом или добрым ангелом и тысячей миль от земли, мы пустились в путешествие на запад.

Отмечу, что была полночь, когда началась наша вахта, и приближалась моя очередь стоять у руля, которой, конечно же, нужно было избежать. Используя невероятные отговорки, я побудил нашего уединённого вахтенного встать на руле вместо меня, развязав, таким образом, нам руки и в то же самое время устранив его от наблюдений за нами. Это был довольно толстый матрос, большой любитель «варёного пудинга», который, как предполагают, был сыном фермера. Я решил, что он стал бы следовать прежним курсом и заснул бы прямо на рулевом колесе. Что касается главного на вахте — нашего гарпунёра, он упал и заснул на груде старых жакетов, при бизань-мачте, которую унаследовал уютной и тёплой после своего предшественника. Ночь оказалась ещё более тёмной, чем мы ожидали; не было и следа луны; и тёмно-фиолетовый туман, ко-

торый иногда появляется ночью около линии горизонта, наполовину скрывал от глаз звёзды.

Прождав приблизительно минут двадцать после ухода последнего матроса предыдущей вахты, я придвинулся к Ярлу, и мы сняли с ног нашу обувь. Он сразу спустился на бак, а я прогулялся в кормовую часть к квартердеку. Но всё было ещё впереди. Трижды я провёл всей рукой перед лицом дремлющего у руля увальня, как раз между ним и светом нактоуза, дабы убедиться, что он спит.

Гарпунёра Марка было, впрочем, не так легко проверить. Я боялся приблизиться к нему. Он лежал спокойно, однако спал или нет, сразу и не скажешь. Рисками нужно управлять, когда поджимает время. И наши уши были навострены, силясь услышать нужные звуки.

Мы пошли без спешки, но стремительно и тихо. Наши хранилища провианта и вещей были вытащены из своих убежищ и размещены в шлюпке, которая свисала с той стороны судна, где вода находилась как можно ближе к её корпусу, что являлось обязательной необходимостью при бегстве. И хотя на закате солнца эта шлюпка находилась на подветренной стороне, всё же, как мы предвидели, судно во время первых часов

ночи развернулось этой стороной к попутному направлению ветра. Прилагая усилия привести в движение вручную неуклюжий прерыватель и опустить шлюпку, мы поняли, что из-за поддерживающих шлюпку полотнищ этого нельзя сделать без риска их обрыва из-за большой нагрузки на них. Мы вовремя это поняли, хотя и довольно поздно, уже в одиннадцатом часу. Закрепив длинной верёвкой прерыватель, который был отлично натянут, мы осторожно опустили шлюпку за борт, вытравив достаточное количество линя для страховки при её буксировке за кормой судна, и так, чтобы она не ударилась о медный борт. Другой конец линя мы тогда прикрепили к корме шлюпки.

К счастью, это было последней вещью, которая была сделана: прерыватель действовал как помеха при движении судна по воде, так как он изменял его вектор, ощутимо разворачивая его под ветер. И этот поворот должен был скоро пробудить увальня, там находящегося, если уже не спящего. Но опускание за борт прерывателя очень помогло нам в этом отношении: оно уменьшило скорость судна, которая вследствие лёгкого бриза никогда не была очень большой во время ночи. Если бы это было не так, то вся надежда

на возможность избежать замедления движения судна была бы немного безумной. Смелая идея этой ночи, которую мы реализовали, состояла в нашем отставании, в то время как судно всё ещё рассекало морскую воду, хотя и с небольшой скоростью.

Всё было теперь готово: подъёмные краны качались, упираясь в течение, шлюпка в нужной точке была приостановлена; затем, придерживая концы верёвки, мы тихо уселись в неё, каждый на своё место. Мёртвый груз от прерывателя на корме теперь тянул трос горизонтально через воздух так, что нам пришлось заняться его напрягшимися канатами. Шлюпка дрожала, как дельфин. Однако мы не боялись её громкого всплеска при ударе о волну, и мы, возможно, оставили бы судно почти так же тихо, как душа покидает тело. Но мы об этом не думали, и наши планы шли своим чередом.

— Всё готово, Ярл?

— Всё готово.

— Человек за бортом!

Я закричал во весь голос, и, как молния, верёвки скользнули через наши горячие руки, и с огромным рывком шлюпка очутилась на дальнем конце моря. Одно безумное чистое погружение,

одно ужасное напряжение тросов, одно впитанное корыто волн, через которое протащил нас буксирный прерыватель, и наши ножи разрезали стропы механизма — мы уже не рисковали отцеплением блока — наши вёсла отсутствовали, и славная шлюпка понеслась в направлении попутного ветра.

— Человек за бортом! — теперь уже кричали от носа до кормы. И своим телом мы услышали спутанный топот и крики моряков, срочно оторванных от своих мечтаний и брошенных в почти непостижимую темноту.

— Человек за бортом! Человек за бортом!

Моё сердце ударило меня, когда ужасный человеческий крик вырвался из чёрной сводчатой ночи.

— Поворачивай руль! — раздалась команда старшего помощника. — Разворачивай судно!

— Быстро к шлюпкам! Как это? Одна уже внизу? Ай да молодец! Погодите, теперь те, другие шлюпки!

Тем временем подтянулось ещё несколько моряков.

— Опускайте! Опускайте всё! Спустите шлюпку! Спустите шлюпку! — нетерпеливо кричали моряки, уже запрыгнувшие в шлюпки.

— Разверните судно и осмотрите воду! — кричал капитан, очевидно только что выпрыгнувший на палубу. — Одной шлюпки достаточно. Стюард, посвети там с мизань-мачты! Эй, на шлюпке! Вы выловили человека?

Никакого ответа. Голос вышел из облака, судно смутно виднелось, словно призрак. Мы воздержались от гребли и, перебирая руками, были теперь заняты втягиванием верёвки, присоединённой к прерывателю, который затем мы наскоро втащили в лодку, немедленно возобновив греблю.

— Потяните! Напрягитесь, парни, и спасите его! — снова закричал капитан.

— Да, да, сэр, — отвечал Ярл инстинктивно, — пусть это трудно, но мы сможем, сэр.

И мы затихли, мы замолчали до тех пор, пока уже ничего нельзя было услышать с корабля, не только запутанный шум, но и хриплый крик капитана, слишком далёкий, чтобы быть понятным.

Затем мы поставили наш парус по лёгкому ветру и прямо в темноте, поперёк попутному направлению ветра, гребли и гребли, покуда не рассвело.

Глава IX
Посреди океана

В море, в открытой шлюпке и в тысяче миль от земли! Вскоре после рассвета, в сером прозрачном свете, пятнышко по встречному направлению ветра сломало линию горизонта. Это было судно, шедшее в северо-восточном направлении.

Если бы я не знал о конечном безразличии моряков к таким бедствиям, как то, которое произошло ночью (команда «Арктуриона» и, возможно, шкипер подозревали правду), то взглянул бы на это небольшое пятнышко с большим раскаянием.

Но я чувствовал себя очень весело. Особенно из-за сознания считаться мёртвым рядом с возможной вероятностью того, что это могло случиться в действительности. Каждый из нас двоих ощущал себя своим собственным призраком, незаконно проживающим в не принадлежавшем ему более теле. Даже взгляд Ярла казался настолько странным, что я попросил его смотреть в другую сторону.

Обезопасив теперь себя от всех усилий капи-

тана возвратить тех, кого он наиболее вероятно считал потерянными, и одинаково отказавшись от всяких надежд на возвращение на судно, с которым мы уже почти сроднились, мы стали понимать, что решимость наша к настоящему времени уже нервировала нас и начала уступать в какой-то мере чувству ужасного одиночества на сцене. До этого я сравнивал океан с рабом, с конём, которых я знал и слышал с рождения, которых я вырастил и чьи порочные наклонности, довлеющие над характером, часто оказывались безопасными, даже будучи настроенными против человеческого гения. Но теперь — как же всё поменялось! В нашем жалком судёнышке я охотно построил бы алтарь Нептуну.

Как простую игрушку, которой мы были для него, он швырял нас, усмехаясь, с гребня на гребень, как переправляются из рук в руки потерянные души по цепочке призраков, что указывают путь в Тартар. Тонуть вы хотите или плыть, но кидайтесь за борт с какой-либо целью! Не стоит унывать, Ярл! Ха! Ха! Как весело и как ужасно, но мы плывём! Вверх, вверх, плавно вверх — по длинной, спокойной волне; затем на некоторое время застываем в равновесии на её гребне, словно доска на рельсе, — и погру-

жаемся едва ли не с головой вниз, в кипящую пропасть, а потом снова скользим вверх. И так мы движемся. Теперь же, похороненный в водных пустотах, наш парус праздно полощется; поднятый наверх выпуклым холстом, он созерцает самый далёкий горизонт.

Не ставя теперь своей целью китобойный промысел и лишившись диких движений и ужасов этого ремесла, мы были всего лишь жалкой парой. Но в продолжающемся весь день напряжении шлюпка оставляла мили за кормой, и все тёмные ночи проходили в думах о пришвартованных к кораблю убитых монстрах, буксировавшихся с подветренной стороны: всё это, и более чем, приучает человека к странным мыслям. У смерти, что и говорить, пасть столь же черна, как волчья, и оказаться в её челюстях — событие серьёзное. Но это верно — и я не пересказываю слухи, — морякам, как знатокам, ужасный царь морей кажется наполовину отвратительней, поскольку он бывает виден им не только с берега, а на различных удалениях. Ведь много уродливых смертных становятся менее ужасными после знакомства и после встречаются нами более дружелюбно, прямо по старой пословице, говорящей об уменьшении презрения при развитии

дружеских отношений. Так же и с солдатами. Из дрожащего новобранца три года важных сражений делают мрачного гренадёра, и тот, кто пугался раньше жерла орудия, теперь готов почистить его своими усами, словно губкой.

И действительно, так как смерть — последний враг всего живого, отважные души будут насмехаться над ней, как только смогут. Всё же мудрее будет считать её несгибаемым другом, который просто против наших собственных желаний торжественно освобождает нас от жизни.

И между видами смерти существует слишком маленькое различие. Умереть, это всё. И со смертью галантно не сталкивались только те, кто никогда не созерцал кровь, которая была красной, а видел только лёгкую лазурь, текущую по венам. И сохранил свою честь и доблесть, а не только сухожилия и кости, прошагав дорогами войны. Хотя в тюрьме карлик Джеффри Гудзон умирал храбрее, чем гигант Голиаф, и его последний миг, словно бабочка, был виден нам всем. Некоторые женщины жили более благородными жизнями и умерли более благородными смертями, чем мужчины. Под угрозой казни преподобный Кранмер отрекался от своей веры, но сильная духом несчастная вдова Эдесса

прошла через поток преследований Вэленса. Это вовсе не такая большая доблесть — погибнуть с мечом в руке и бравадой на губах, одетым в боевые доспехи. Ведь даже аллигатор умирает в её пасти, и меч-рыба никогда не живёт вечно. Успокоиться, закрыть глаза и в своей кровати превзойти смерть Эпаминонда.

Глава X
Мы устраиваем себе навесы и ложи и пытаемся создать уют

Наше небольшое хозяйство вскоре пришло в образцовое состояние. Из запасного оснащения, взятого с собой, мы сделали подпорки к мачте и переоборудовали шлюпку, укрепив крюк для кливера. Идя попутным ветром, мы установили двусторонний парус с гротом. Последний, в соответствии с общепринятой установкой китобойных судов, работал по принципу «ветер в лист». Он мог быть свёрнут или установлен почти мгновенно. Сумки с хлебом мы убрали в закрытый угол на корме, как бесполезную уже теперь принадлежность и поэтому спрятанную подальше. Ночью Ярл использовал их в качестве подушки, поговаривая, что когда шлюпка качается, то «подушка» легко поигрывает его головой. Драгоценный прерыватель мы установили посередине судна и закрепили, таким образом усовершенствовав такелаж нашей парусной яхты.

Ранее, до бегства с судна, мы хорошо проду-

мали всё для того, чтобы наше предприятие обладало всем оборудованием, которым, согласно правилам рыболовства, китобойное судно обеспечено постоянно: ночью и днём, на плаву или на стоянке. Вдоль наших планширов внутри шлюпки были подвешены шесть гарпунов, три копья и лопата для жира; все очень остро заточены, как бритва, и вложены в кожаные ножны. Помимо них, у нас оказалось три брошенных вещи, несколько двухгаллонных водных бочонков для воды, несколько ковшей, судовой топор для разрубания китовой туши, два вспомогательных ножа для различных целей и несколько незначительных приспособлений, также используемых в охоте на левиафана. Канат и катушка к нему, однако, остались на борту судна.

И здесь стоит упомянуть, что для предотвращения движения шлюпки за загарпуненным китом и дабы остановить его самого, на судне имеется толстый буксирный канат более чем в двести морских саженей в длину и более дюйма в диаметре, который, когда не используется, хранится на борту судна намотанным, как бесконечная змея на катушку. Но эта катушка всегда находится в готовности к погрузке в шлюпку. Теперь, не нуждаясь в необходимости такого каната

для нашего предприятия, мы преднамеренно оставили его на корабле. Отмечу также, что, безусловно, самая важная часть из приспособлений китобойного судна была аккуратно установлена в нужном месте. Это был водонепроницаемый бочонок, запечатанный с обеих сторон, содержавший в себе маленький компас, трутницу и кремень, свечи и один или два сухаря. Этот бочонок был необходим в тех случаях, которые так часто происходят при преследовании кашалота, — при длительном отсутствии судна, потере его из виду или когда его вообще больше не удаётся увидеть, бывает, даже по нескольку лет после того, как моряки уже добрались домой. В этом самом нашем бочонке, казалось, были скреплены обручами жизнь и смерть; по крайней мере, так полагал честный Ярл. Только вот разобрались мы в этом подарке от «Арктуриона» уже тогда, когда вовсю гребли в темноте прочь от самого корабля.

И когда день, наконец, настал, мы выбили крышку бочонка небольшим молотком и долотом, всегда прилагаемым к нему с этой целью, и извлекли компас, который блестел, как человеческий глаз. Тогда, заполнив вакансию в желудке найденным сухарём, мы снова скрепили бочонок, подбив вниз обручи так, чтобы они совсем

перестали сдвигаться с места. Сначала мы задумались, как установить наш компас. Но, наконец, Небожитель ножом проделал круглое отверстие в задней банке, или скамейке, и вставил в него небольшой медный стаканчик, содержащий стальную иглу. На корме лодки из некоего старого холста, которым мой Викинг предусмотрительно запасся, мы устроили примитивный тент, или, скорее, покрывало. Это, однако, давало небольшую защиту или вообще никакой защиты от яркого света солнца, поскольку управление гротом исключало любое значительное возвышение этого убежища. И когда бриз был свежим, мы должны были противостоять ему вместе; ветер, дувший с кормы и проходящий под холстом, почти поднимал нос лодки в воздух, досаждая покрывалу, как будто оно было юбкой, вывернутой наизнанку. Но когда море лишь слегка качалось и солнце становилось горячим, как пламя, то становилось самым приятным занятием бездельничать в этом теневом убежище. Это походило на то, как будто тебя снимают с жаровни и оставляют остывать в шкафу. И Ярл, как самый крепкий из нас двоих, вследствие щедрой доброты к своему товарищу в течение дня добровольно оставался у руля, почти два своих часа к моему

одному. Никаких благовоспитанных сомнений не возникало у него, старого Викинга, о порче цвета его лица, которое стало уже более чем бронзовым. Обычная обветренная его кожа моряка стала напоминать цветом лица с японских лаковых шкатулок, вдобавок усеявшись по всей поверхности веснушками, такими ярко-жёлтыми и столь симметрично расположенными, что они казались каплями расплавленного стекла.

В трагикомичных рассуждениях, которые время от времени настигали меня, я привык рассматривать коричневый загар Небожителя с юмористическим самодовольством. Если мы столкнёмся с каннибалами, думал я, тогда Скандинав для них окажется уже вполне прожаренным, и я вряд ли буду переживать, оплакивая его; по крайней мере, тогда во рту моём от аппетита появится слюна. Но предчувствия подобной судьбы у нас совсем не возникало.

Глава XI
Несокрушимый Ярл

Если когда-либо я снова окажусь на китобойном судне и отойду на нём от причала в море, то приму во внимание, что товарищ мой был человеком весьма бодрым, но с незамысловатым мышлением. И коли он бывал и будет иногда таким глупым, то сама его глупость, пока он будет жить, и будет его собственным оправданием.

Вы случайно не из тех, кому нравится не живой мужлан, который вызывает у вас хихиканье, а игривые чурбаны, рты которых всегда в усмешке? Не из тех, кто уполномочен для разрешения Провидения? Заполняющих вакуум, создающих социальную стабильность, уменьшающих скуку существования? Сохраняющих тут и там, в разных местах и среди различных людей, хорошее мнение о себе? Что, если время от времени их речь безвкусна, как вода после вина? Что, если у неприветливых и раздражительных душ такой «лопух» вызывает раздражение, когда они его видят, и для него их отношение должно стать стимулом к самоубийству? Но давайте будем

снисходительны к ним: позвольте им жить для той пользы, которую они могут принести.

Но Ярл, дорогой бессловесный Ярл, ты воистину не один из них. Ты действительно носил физиономию бывшего дьякона. И независимо от того, что произошло, это лицо оставалось неизменным. Спокойно и непосредственно ты воистину вращался на своей собственной трезвой оси, как колесо в машине, которое всегда идёт по кругу, видно это или нет. Да, Ярл! Ты не всегда намерен возражать против того, чем так многие пренебрегают — своего собственного дела? Ты не всегда пребываешь в желании когда-нибудь завершить свои капризные дела и подвести какие- либо счёты?

Но время от времени меня утомляла эта постоянная мечтательность в моём уединённом компаньоне. Я жаждал какого-то оживления; взрыва из слов, человеческого оживления одного или другого вида. Ради напрасных попыток получить что-либо из этих видов эмоций из Ярла я перепробовал все способы: играть на моём теле, как на музыкальном инструменте, петь, кричать и впустую жестикулировать, пока мой Викинг не посмотрел на меня тяжёлым взглядом. И я тогда притих, чтобы он решил, сошёл я с ума

или нет.

Но как насчёт мировоззренческих основ Небожителя? Конечно, они были основаны не на Тацитовой философии, он не был идеалистом, архитектором воздушных замков, конструктором аркбутанов. Это было невообразимо, но его мечтательность оказалась подобна манфредовской, и даже более высокой, напоминавшей о неназываемых делах, слишком таинственных для того, чтобы быть обозначенными самыми отдалёнными намёками. Все остальные гипотезы отвергаются.

Его размышления были загадкой. Я спросил его с тревогой, возникали ли у него когда-либо в какой-либо части мира, Саванне, Сурате или Архангельске, думы о жене или о детях, об их существовании и расселении. Нигде и ни разу. Поскольку, по его собственному признанию, у него не было ничего, о чём нужно было много думать, он обладал честностью (которой, между прочим, он был наполнен до краёв), что могло навести меня на такую вот оригинальную теорию, а именно: решив отдохнуть, его интеллект вышел и предоставил его тело самому себе.

Глава XII
И ещё кое-что о пребывании в открытой шлюпке

Третьим утром, на рассвете, я сидел на рулевом весле, час или два назад освободившемся от рук Ярла, теперь крепко спящего. В этот момент совершенно внезапно я почувствовал опасность, причём столь остро, что её смысл прошёл через меня, усугубив ощущение комплекса одиночества.

На палубе судна, при простом чувстве возвышения над водой и при досягаемости перспективы, вы рулите, передавая степень уверенности, которой вы располагаете, наслаждаясь собственной безопасностью. Но в открытой шлюпке, находящейся практически вровень с морской водой, вас полностью поглощает ощущение пустыни. Если волны в своих играх не бросают вас и вашу лодку на свои барственные гребни, ваш обзор не намного шире, чем он мог бы быть у их основания. Лучший вариант — это когда вы можете обладать наиболее расширенным представлением о любом направлении, пожалуй, находясь на верхней

точке волны при медленно катящемся море, когда вы спускаетесь в тёмные, туманные места между длинными и одинаковыми выпуклостями. В тот момент это походит на взгляд вверх и вниз на бесконечной сумеречной поляне, где два просвета, по одному с каждой стороны, как будто противостоят друг другу полупрозрачными вершинами жидких гор.

Но, ненадолго задерживаясь в этих тихих долинах, с одного водного утёса на другой морской серной прыгало наше уединённое судно, словно коза среди Альп!

Горизонт, словно широкая змея с десятью тысячами колец, намотанных вокруг всего земного шара, колыхался так, что казалось, будто моя рука может потрогать его везде.

Какое это было великолепное одиночество, когда солнце поднималось и освещало небеса, как благословляет странник в Сахаре появление внезапного наездника. Спасители наши, солнце и луна, казалось, покинули нас во вселенной. Мы тосковали по солнечному весёлому диску, как в чужих странах путешественник радостно приветствует лицо из родного дома, которое ранее там оставалось незамеченным. И разве солнце не было нашим товарищем-путешествен-

ником? Разве не двигались мы вместе на запад? Но до чего же скоро оно ежедневно настигало и перегоняло нас, спеша к концу своей дневной поездки!

Когда прошла неделя в постоянном плавании, день за днём и ночь за ночью, без появления чего-либо в поле зрения, кроме одного и того же самого моря, то разве удивительно, что беспокойные мысли, наконец, вошли в наши сердца? Если ориентировочно мы должны уже были пройти место, где, согласно нашему предположению, лежат наши острова, то в каком же тогда безбрежном море мы оказались? Время от времени эти безумные предчувствия говорили, что так оно и есть. Всё стало неопределённым и запутанным, да так, что к западу от островов Королевской мили и цепи Радак, казалось, уже не могло быть ничего, кроме бесконечного моря.

Глава XIII
Хрящепёрые и иные чудища Южных морей

Во время нашего одинокого путешествия появлялись разнообразные достопримечательности, особенно связанные с периодом влияния созвездия Рыб.

Это, по сути, собирание гербария, как говорят в безграничных прериях Арканзаса, я рекомендую проводить студенту-ихтиологу в открытой шлюпке, находящейся далеко в тёмных просторах Тихого океана. Поскольку ваше судно скользит вперёд, странные чудовища плавают рядом. В другом месте их никогда не видно. И уж совсем их нельзя отыскать в книгах натуралистов.

Хотя Америка давно открыта, данная акватория мало изучена. И кто бы ни пересёк Тихий океан, он, возможно, смог бы прочитать уроки Буффону. Морской змей не басня; и в море этот змей занимает всего лишь место, аналогичное месту садового червя на суше. Там есть больше чудес, чем чудес невероятных, и больше досто-

примечательностей, не показанных мне или вам и которые вы или я никогда не мечтали увидеть. Кроты и одни только летучие мыши должны быть скептиками; и есть единственная истинная ложь для живого человека — это признать себя мёртвым. Будьте сэром Томасом Брауном, тем нашим философом, кто разнёс в прах книжку «Вульгарные ошибки», сердцем прочувствовав все тайны в Пятикнижии.

Но посмотрите на глубину в несколько морских саженей! Где и когда вы видели призрак, подобный вот такому? Огромный полумесяц с рогами северного оленя и треугольный рот. Он медленно погружается и более не заметен.

Доктор Фауст видел дьявола, но вы видели рыбу-дьявола. Глядите ещё! Вот проплывает другой монстр. Ярл называет его костяной акулой. Толстый, как большой кит, он покрыт пятнами, как леопард; и подобные клыкам зубы налезают на его челюсти, как это бывает у моржа. Моряков ничего не страшит более, чем близость такого существа, как это. Большие суда боятся пересечь его путь. И хорошо, если обойдут; ведь, начиная со славного судна «Эссекс», многие другие корабли были потоплены морскими монстрами так, как аллигатор пробивает насквозь своей зубастой

мордой карибское каноэ.

Словно подарком стало для нас предчувствие некоего внезапного бедствия от удивительных зоологических экземпляров, мимо которых мы почти ежечасно проходили.

Мы видели их, акул, не единицами, не десятками, не сотнями, но тысячами и несметными числами. Верьте мне, в море больше акул, чем смертных людей на земле.

И разновидностей этих плодовитых рыб там так же много, как много пород у собак. Но немецкими натуралистами Мюллером и Генле, которые, «крестя» акул, наградили их большинством языческих имён, они классифицируются одним семейством; каковая семья, согласно Мюллеру, являясь оружейным королём, есть бесспорная ветвь древнего и известного племени хрящепёрых.

Начнём. Есть обычная акула Брауна, или морской поверенный, так названный моряками. Схватывающие добычу, жадно глотающие, часто злобно огрызающиеся, несмотря на тяжёлые удары, полученные от движения наших вёсел. Время от времени эти дворяне плавают стаями, особенно в ожидании останков разделанного кита. Они — стервятники глубин.

Затем мы часто сталкивались с аристократической голубой акулой, длинным, тонким, как свеча, выглядящим сильным молодым человеком с благородным обликом, с тонкой талией, как у денди с Бонд-стрит, и рядами невообразимо белых зубов. Этот деликатес редко оживлялся, обычно неизменно подёргивая небрежным плавником и ленивым хвостом.

Но выглядел он чертовски бессердечным.

Но его хладнокровный джентльменский дух контрастировал с грубым, диким чванством тигровой акулы; круглым, толстым гурманом с надутым ртом и разрушенной совестью, плывущим в поиске того, кого он мог бы сожрать. Эти обжоры — мусорщики флотов, судов, следующих по Южным морям, подхватывающие ненужные отходы, а иногда и лакомый кусочек — оказавшегося за бортом моряка. Неудивительно тогда то, что моряки ненавидят их. Ярл однажды даже уверял меня, что в любой временной неудаче у него было одно из его самых сладких утешений, которое запомнилось в своё время: он убил целые косяки тигровых акул, а сам при этом не пострадал.

Всё же это неправильно. Ненавидьте серафима так же, как и акулу. Оба были созданы

одной и той же рукой. И о том, что акулы привлекательны, свидетельствуют их внутренние привязанности. Никакая ярость не бывает столь свирепой, чтобы не иметь некоторых любезных сторон. В дикой природе мать леопарда ласкает своего детёныша, как Агарь, родившая Измаила, а королева Франции — дофина. Мы не понимаем, что мы делаем, когда мы ненавидим. И я вспоминаю слова моего благородного друга Стенхоупа, вот они: тот, кто объявил, что возлюбил врага своего, не был уважаемым представителем готтентотов, а человеком другой расы. Не очень благородная фраза, хоть и вышедшая из уст благородного человека. Но когда рывшийся в словарях говорит, что это высказывание говорит о нём самом, в нём, конечно же, немного от христианина. Однако это тяжело для такого устоявшегося типа, как он; быть напоенным молоком и евангельским смирением. Всё же, отдавая дань уважения, я отрицаю, что мой старый дядя Джонсон действительно верил в чувство, приписанное ему. Любить врага, воистину! Кто улыбается по злобе? Тогда ненависть — неблагодарная вещь. Итак, давайте ненавидеть только ненависть, и, однажды дав любви поиграть, мы влюбимся в единорога. Ах! Самый лёгкий путь

лучше всего, и к ненависти человек должен приходить тяжёлым путём. Любовь — сладость, а ненависть — мучение. И ненавистники винтов с головками, шотландских ботинок и испанского языка исследуют самих себя. Есть фраза из пяти слов — сиамский близнец Христовой заповеди: тот, кто ненавидит, является дураком.

В течение нескольких дней наша шлюпка сопровождалась двумя вышеупомянутыми тигровыми акулами. Будто на привязи, эти таинственные неразлучники медленно двигались вслед за нами, бок о бок, как несколько разбойников, поджидающих, пока вы не подъедете к перекрёстку. Но, завершая, наконец, своё преследование, как бесполезное занятие, они удалялись всё дальше и дальше от кормы, пока не исчезли с глаз долой. К большому огорчению Небожителя, который давно держал на корме копьё, подготовленное для метания. Но лучше из всех акул оградите меня от ужасной белой акулы. И хотя мы не должны ненавидеть никого, всё же некоторая неприязнь спонтанна; но эта неприязнь не ненависть. Никогда ещё я не смог заставить себя полюбить или даже пообщаться с белой акулой. Она не то существо, с которым можно завязывать романтические знакомства.

С этой рыбой-призраком сталкиваются нечасто, и показывается она чаще ночью, чем днём. Подобно Тимону, она всегда плавает одна, скользя вперёд только под поверхностью, показывая длинное, неопределённой формы, тело молочного оттенка, с бездонной ямообразной пастью, обрамлённой проблесками белых зубов. У неё нет никакой потребности в дантисте. Видимая ночью, крадущаяся вперёд, как привидение в воде, с ужасающим спокойствием, белая акула доставила нам обоим множество острых ощущений в этом плавании.

Днём, во время штиля, мы часто поражались тяжёлому вздоху серого дельфина, лениво поднимающегося к поверхности, который неправдоподобно долго дышал после ныряния.

И снова и снова видели мы стремительного альбакора, рыбу с броневыми пластинами и золотыми полосами; множество этих летучих рыб попадало к великому морскому охотнику Нимроду после молитвы. Летя от своих преследователей, многие из них залетели в нашу лодку. Но неизменно все они помирали от шока. Не было возможности оживить их. У одной из них я удалил крыло, разложив его сохнуть на весу. Через два дня тонкая мембрана, уже выглядев-

шая как лист, стала прозрачной, как желатин, и слегка окрасилась блестящими оттенками, как у переливающегося шёлка.

Почти каждый день мы наблюдали чёрных рыб, чёрных как смоль и глянцевых. Они, казалось, плавали, вращаясь со всех сторон в воде, как колесо; их спинные плавники время от времени словно казались колёсными спицами.

Из похожей разновидности, но меньшего размера, с остроконечным носом, были алжирцы, так названные, вероятно, из-за их схожести с корсарами; они подстерегали мирную рыбу в экстерриториальных водах и поглощали её душу и тело своими большими пастями. Зверьё, как турки! Нужно призвать к Крестовому походу против них!

Помимо всех них, мы столкнулись с Убийцами и Молотами — безусловно, самыми энергичными и «мужественны ми» из всех имеющих плавники существ. Если кто-либо из их компании думает о нападении на левиафана в одиночку, тот не умнее морской свинки. Они травят монстра, как тореадор преследует быка. Убийцы хватают синего кита за его огромную тёмную нижнюю губу, а молоты впиваются в спину, избивая кита жилистыми хвостами. Часто они бросают пре-

следование, взволновав потенциальную добычу до смерти. Хотя, по правде сказать, если левиафан отбивается, стряхивая их со своего ужасного хвоста, они буквально отлетают в воздух, как будто сброшенные с телячьего рога.

Этому нападению мы были свидетелями. Имел бы счастье видеть его и запечатлеть старый Вауверман, который когда-то нарисовал приманку для быка, воспользовавшись редкой возможностью для своего карандаша. И Гудин или Исби, возможно, использовали бы бурлящее море в своих картинах. Наконец, один из закатов Клода, увиденный им здесь, несомненно, снискал бы себе славу. О, поверьте мне, что божьи существа, сражающиеся плавник к плавнику в тысяче миль от земли, на арене, обрамлённой по кругу горизонтом, — это не позорная натура для написания шедевра.

Таковы некоторые из достопримечательностей большого Южного моря. Но есть одно сообщение для всех. Тихий океан так же густонаселён, как и Китай.

Глава XIV
Предчувствия Ярла

Однажды произошёл один случай. Мой славный Викинг открыл рот и заговорил. Чудо произошло в тот момент, когда он держал складной нож в руке, склонившись к средней части весла, где, как на ткацком станке, он вёл наш календарь плавания, насекая зарубки при каждом закате солнца. В течение приблизительно сорока восьми часов дующий мимо нас ветер был лёгким и переменным. Это породило подозрения, что его поток двигал нас к северу.

Теперь, отмечая происходящее, Ярл высказал мысль, что чем сильнее ветер, тем лучше; и если долгий штиль продлится, что, видимо, ожидается, то мы должны будем взяться за вёсла.

Взяться за наши вёсла! Как будто мы пересекали реку на пароме, а никакой не океан. Идея косвенно обозначила все возможные ужасы. Чтобы быть избавленным от них немедленно, я продолжил урезать наш дневной паёк. Для воплощения этого плана нет ничего лучше, чем затянуть наши пояса; хотя, часто повторяемый,

этот план очень способен породить расстройство желудка, а это расстройство — совсем тоска.

Но что осталось из нашего запаса провизии? Вполне достаточно, чтобы удовлетворить свой аппетит, и мы не чувствовали ни малейшего беспокойства по этому поводу; наши запасы оказались более богатыми, чем мы ожидали. Но, любопытно сказать, мы нуждались в одном компоненте для нашей еды. Им являлась вода, яркая вода, прохладная, сверкающая вода, единственная, которой мы жаждали. И наши запасы её также сначала казались вполне достаточными. Но поскольку наше путешествие удлинилось, и бризы дули слабые, и успокаивались они быстро, идея быть лишёнными драгоценной жидкости превратилась в некую непродолжительную мономанию, особенно для Ярла.

Каждый час или два с молотком и долотом, вынутыми из коробки, он что-то чинил в бесценном бочонке, опуская вниз обручи до такого натяжения, что я думал, будто он разорвёт их совсем.

Затем он положил бочонок на днище в середине шлюпки, где всегда собирается морская вода. И как-то раз вскоре, погрузив в неё свой палец, мой Викинг обеспокоился тем, что эта морская вода оказалась на вкус менее солонова-

той, чем та, что была рядом. Конечно, бочонок должен был протекать. Тогда он перевернул его влажной стороной вверх, и эта сторона быстро высохла. Тотчас же, вооружившись ножом, он мягко исследовал составные дощечки, покачивая головой, смотрел на верх, смотрел на низ, пробовал на вкус воду в основании шлюпки, потом морскую, затем поднимал один конец бочонка, потом другой, с каждым испытанием доводя утечку до прекращения, о котором он и мечтал. Но Ярл был бы полностью удовлетворён, если б бочонок отвечал ещё и акустическим требованиям. Но в действительности этого было так же трудно добиться, как выделать кожу для барабанов, которые бьются в Сьерра-Гордо. О! Ярл, Ярл: мне, держащемуся в тихой корме лодки и философствующему в эти моменты, твои старания стали наукой. Ты и твой бочонок были исследованы.

Помимо основного, у нас имелись два наполненных водой шлюпочных бочонка, о которых я ранее упоминал. Они использовались нами в начале путешествия. Мы хватали ртами бьющие из них свинцовые струи, очень много глотков три раза в день ввиду отсутствия каких-либо других средств измерения потребления. Но когда мы

начали опустошать большой бочонок, у которого было только одно отверстие, хотя и очень большое, то, поверьте, делали очень много глотков за раз, ревниво посчитанных наблюдателем.

Этот план, однако, был хорош только в течение единственного дня; получаемая вода не достигала языка. Поэтому мы ежедневно переливали воду из большого бочонка в один из маленьких и пили уже оттуда. Но чтобы устранить поглощение, связанное с фильтрованием, мы, наконец, придумали кое-что получше — ботинок моего товарища, который, лишённый своей пяточной части и старательно ополоснутый в море, был превращён в удобный подвижный ковш. Его мы держали установленным в отверстии в крышке бочонка, дабы никто и никогда не смог бы дважды отпить воду.

Оловянная посуда передаёт аромат пиву, запах пеньковой трубки примешивается к табаку из Смирны, и изумлённый взгляд через зелёные очки считают обязательным для принятия заклада. Что тогда можно сказать о кожаном кубке для воды? Попробуйте это, вы, моряки, что нас слышат.

Однажды утром, черпая воду, Ярл выловил в своём ковше мёртвое насекомое; что-то вроде

долгоножки, только больше и тучнее. Откуда оно взялось? Захлестнуло волной? Верьте этому или нет, но была произведена тщательная чистка из-за его цепких длинных ножек. Ковш был опустошён до самой последней капли, и даже тогда, раздумывая, честный Ярл не торопился выкидывать его за борт.

Для нашей кладовой мы не могли не запасти солёную говядину; она была сыра, как свежий абиссинский стейк, и солона, как в Кракове. Кроме того, нам не хотелось сравнивать себя с людоедами Фиджи. Мясо было далеко от того, чтобы быть «нежным, как у мертвеца». Мы могли, не задаваясь вопросом, есть только булочки: ведь, даже будучи на борту судна, моряки в тропиках всего лишь экономят на едоках.

И здесь позвольте не опускать предложения, которые сослужат самую ценную службу любому, кто в будущем потерпит кораблекрушение, или вообще мореходу в разных обстоятельствах. Не ешьте свою булочку сухой, но опустите её в море, которое сделает её больше и съедобней. Во время еды мы с Ярлом замачивали их и глотали: каждый на своей стороне шлюпки опускал свою булочку в морскую воду. Это действие позволяло мыть пальцы в конце нашей трапезы.

В целом это не настолько плохо, в конце концов. Китайцы не дураки. В операции по созданию своего туалета до чего же удобно плавать в своём корыте!

Глава XV
Один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти

Как принадлежащий к самому тихому и серьёзному виду людей, мой славный Викинг был образцом мастерового человека. Я знал, что в шлюпке после охоты на китов он оставил свёрнутый рулон материи, чтобы потом сшить из него шляпу. И, располагаясь в шлюпке неподвижно в течение получаса или часа в ожидании команд, его пальцы следовали своей задаче, как у старой леди за вязанием. Как у опытной старой жены, его навыки и чувствительность стали настолько отточенными, что его взгляд оставлял пальцы в покое, делая ненужным оптическое наблюдение. И в этом нашем путешествии, если он не имел основных занятий, то всегда занимал работой свои пальцы: распутывал старый чулок с мыса Горн для получения пряжи, с помощью которой затем чинил наши шерстяные платья, используя большие куски материи старого разодранного жакета, пришивал заплаты, короче говоря, облицовывал наши рваные предметы

одежды, отдавая предпочтение старому тонкому сукну.

С истинной предусмотрительностью просмолённого моряка он взял с собой почти всё содержимое своего сундучка. Его драгоценная «швейная сумочка», содержащая принадлежности для шитья, была тщательно убрана глубоко в одну из его связок, которых у него было столько, сколько у старой девы в путешествиях. По правде говоря, старый моряк во многом похож на старую деву, хотя, уж если судить строго, далёк от подобного сравнения. Лучше будьте старой девой, замужней женщиной с собственным мнением для мужа, чем женой дурака; и Соломон более чем часто намекал, что все мужчины — дураки, говоря, что каждый мудрец знает, что он самый мудрый. Для занятий шитьём Ярл предпочитал небольшую треугольную платформу на носу шлюпки, которая, будучи самой сухой и наиболее приподнятой частью судна, была лучше всего приспособлена к этой цели. Здесь в течение многих и многих часов подряд честный старый портной беспечно сидел, чиня и зашивая, посреди широкого океана; и постоянно всё это время его гнутая шляпа из Гуаякиля продолжала подпрыгивать на фоне горизонта.

Это было его самым главным призванием. Он тихо кивал, как металлическая статуя в опере про Дона Жуана. Действительно, он никогда не болтал, если не придавать значения произнесению мудрых слов о правилах содержания платяного шкафа. Но в процессе шитья мой Викинг время от времени пророчествовал. И многие часы мы скользили вперёд: я крепко сжимал руль, в то время как Ярл со скрещёнными ногами в другом конце лодки накладывал заплату за заплатой и отдавал время от времени указание за указанием, где-то делая несколько петель, а где-то — множество стежков.

Глава XVI
Измученные штилем

На восьмой день установился штиль.

Он пришёл ночью, когда, пробудившись на рассвете и уложив руки на планшир, я посмотрел на сцену, которую было бы очень трудно описать. Солнце ещё не взошло; возможно, оно пока ещё уходило с равнин Парагвая. Но рассвет был слишком ярок для звёзд, которые одна за другой погасли, как гаснут лампы после бала.

Сейчас, пока поверхность воды оставалась ровной, как зеркало, она приняла облик того, что в ней отражается: штиль в тропиках, бесцветное небо сверху, отражённое поверхностью океана, едва подающего признаки существования. Тёмно-синего цвета не стало; и гладкая поверхность находилась без движения; она была почти спокойна, как воздух.

Но тем же утром два серых небесных свода неба и воды, казалось, преобразовались в неопределённые эллипсы. И, соответственно, «Серна», казалось, дрейфовала в атмосфере, как в море. Всё окружающее застыло: небо, воздух, вода —

всё-всё. Ни одной рыбы не было видно. Тишина была тишиной вакуума. Никакой жизни не скрывалось в воздухе. И это инертное смешение и размещение всех вещей казалось концепцией серого хаоса.

Это спокойствие продлилось четыре дня и четыре ночи, во время которых несколько кошачьих лап ветра изменили сцену. Они были слабы, как дыхание умирающего.

Время от времени жара была невозможной. Полуденные небеса в полдень пылали, как зажжённая угольная шахта. Наша кожа свернулась, как лента; наше зрение стало мутным, голова кружилась.

К нашему испугу, вода в бочонке стала слегка тёплой, солоноватой и немного гниющей; несмотря на это, мы держали наш запас одежды сложенным на бочонке, чтобы оградить его от солнца. Наконец, Ярл расширил вентиль, тщательно осмотрев содержимое. Этой предосторожности, несомненно, мы были обязаны более, чем тогда полагали. Теперь мы сочли мудрым сведение потребления воды к самой маленькой дозе, необходимой для сохранения жизни, подавляя всё возрастающую жажду.

Но и это было ещё не всё. Верхний настил

лодки начал деформироваться, тут и там взламываясь и раскалываясь. Но хотя мы поливали его морской водой, один из концов доски отскочил с этого места; и острый, внезапный звук, ломая палящую тишину, заставил нас обоих вскочить на ноги. Немедля морская вода влилась через отверстие, но мы, в отсутствие гвоздей, сумели прикрепить непослушную доску шнуром; мы тогда спасли шлюпку, почти наполовину заполненную водой.

Во второй день штиля мы опустили мачту, чтобы предотвратить наше обнаружение от случайного осмотра обширной океанской глади теми, кто хотел бы нас перехватить. За лиги и лиги вдали от нас после своей жестокой ярости некая буря, должно быть, посылала нам свои последние умирающие волны. Как галька, упавшая в спокойный пруд, заставляет его выплёскиваться, так и морская буря гонит волны во все стороны, как будто астероид упал в морскую воду, создавая кольцевидные горные лавины, бесконечно расширяющиеся, вроде ряби.

Большие волны в сентябре разрушили порт Неверсинк-Хайленд быстрее, чем двигалась самая быстрая почтовая лодка, несущая новости. И часто эти волны знают последнюю тайну мно-

гих крепких судов, о которых никто и никогда и ничего больше не слышал со дня их отплытия из порта. Каждая волна в моих глазах кажется душой одного из них.

Так как мы не управляли судном в штиль, Ярл и я защищали самих себя, как могли, под тентом. И в течение первых двух дней, друг за другом, каждые три или четыре часа мы прыгали за борт, как в ванну, цепляясь за планшир, внимательно наблюдая для самосохранения за праздношатающимися акулами. На фут или два ниже поверхности вода ощущалась прохладной и освежающей.

На третий день изменения произошли и с нами. Мы оставили купание, сочтя его опасность слишком высокой. Угрюмо улеглись спиной к спине, не допуская малейшей возможности соприкосновения наших тел. Что испортило моё собственное самообладание, я не знаю, но я очень не хотел смотреть на Ярла. Когда я сделал это, то увидел вспышку, но не взгляд.

Я стал более молчаливым, чем он. Я не могу сказать, каким оно было, то чувство, проникшее в меня, но мне было жаль, что я был не один. Я чувствовал, что, пока длится штиль, мы остаёмся без помощи, что ни один не мог помочь другому

и, прежде всего, что для одного воды оставалось бы больше, чем для двоих. Я не чувствовал раскаяния, ни малейшего, от этих мыслей. Это был инстинкт. Как отчаянный человек, превращающийся в призрак, я желал задохнуться один.

Добрый Боже предоставил мне участь быть выброшенным на дорогу вместе с братом!

Эти четыре дня прошли. И утром пятого, благодаря Небесам, подул бриз. Он прибыл, словно жеманно танцуя, вызвав лишь лёгкое колебание моря, которое пока не ударило в наши паруса, ранее установленные в самый первый момент нашего движения. Наконец немного посвежело, и наша бедная «Серна», казалось, воскресла из мёртвых.

Превосходное выражение! Опять мы услышали низкое журчание моря под нашим килем, поскольку наша шлюпка, как птица, полетела, напевая на лету.

Как изменилась сцена! Наверху сладкий синий туман дистиллирует собой солнечный свет. И, простираясь по всему горизонту, туман окрасился солнечными блёстками; голубая, шелестящая одежда океана кое-где белела гребнями волн; всё остальное было бесконечно синим. И интонация музыкальных звуков! Волны, преследующие друг

друга, развлекаясь, вскипали в игривой пене, дрожащая рыба двоилась под пеной, и не хватало только шума крыльев морских птиц, летящих мимо.

О, Океан, когда ты стараешься улыбнуться, то становишься милей цветочного луга или равнины!

Глава XVII
В приподнятом настроении они движутся к Неизвестной земле

Уже было четырнадцать меток на деревянном весле Небожителя — так много дней прошло с тех пор, как мы отплыли от передних снастей «Арктуриона». Но пока ещё ни одна плавучая ветвь, ни одна крачка, ни ныряльщик, ни птица с рифа не указали на нашу близость к земле. Что за потоки смогли нас унести за этот долгий штиль?

Где мы находились точно, мы не знали, но, согласно нашему расчёту, по приблизительной оценке сделанных узлов, проводимой ежечасно, мы, должно быть, проплыли в западном направлении немного больше, чем сто пятьдесят лиг, в основном сталкиваясь со слабыми ветрами, часто прерывающимися длительным штилем вроде описанного. Но, несмотря на прошедшие штили и движения, земля всё ещё должна была находиться к западу. Солнце, компас, крепкие сердца и устойчивые бризы указали нам направление. Это храбрость! Мой Викинг, никогда не говори: тону!

В это же время наши сердца возрадовались, обнаружив, что вкус нашей воды улучшился. Это сказалось действие брожения, или ферментации, часто происходящее с водой превращение после того, как её запас оказывается на судне. Иногда в течение некоего периода происходит такое явление, когда вода приобретает вкус и начинает пахнуть снова, однако же становясь сравнительно прозрачной.

Но поскольку качество нашей воды улучшилось, мы становились всё более скупыми по отношению к нашему бесценному сокровищу.

И здесь было бы хорошо упомянуть другую небольшую деталь, несколько несентиментальную. Просмолённый моряк, которым он и являлся, мой Викинг был беспорядочным потребителем индийского сорняка. С «Арктуриона» он принёс вместе с ним маленький полубочонок, на дне которого лежал толстый слой чёрного «негрохеда», давно окаменевшего, скорее представлявшего интерес для геологов. Это была последняя вещь из перечня его богатых запасов от долгого дальнего путешествия, в котором он участвовал в течение трёх предыдущих лет. Сейчас же, во время штиля, и в течение нескольких дней после него бедный Ярл больше не искал

компании для его употребления. Даже смешно: он стеснялся показать, что жуёт его. Я спросил его, почему. Он ответил, что эта жвачка сводила его рот, прежде всего вызывая жажду, и, так или иначе, создавала неприятные ощущения. Мне было жаль; отсутствовавший прежде, ныне существующий комок жвачки уменьшал и без того скудный запас влаги, остававшийся за его щекой; хотя, по правде сказать, я стал больше отвлекать его от этого занятия, призывая перейти к правому борту или левому борту, чтобы там привести в порядок наше судно.

Пережив штиль, мой морской портной снова орудовал иглой и нитью или поворачивал на ветру весло, служащее прачкой, увешанное нашим одеянием, чтобы оно могло высохнуть на вёслах, достигая максимальной сухости возле уключин. Одежда на вёслах издали напоминала изодранные корабельные флажки, а восточный ветер помог придать весёлости нашему пути; также и вы, как весёлые бедняки, с тряпками, летящими в бризе, проплывите беспечно через всю свою жизнь: «и веселы они, хотя и бедны!»

Глава XVIII
Милорд акула и его свита

Есть одна рыба в море, что выглядит всегда как неприветливый лорд, который уезжает за границу только в окружении своей свиты. Это — акула с совкообразным носом.

Это неуклюжий летаргический монстр, некрасивый, как и его имя, последние экземпляры из вида которого, думается, так же отважны, как и он сам. Его свита состоит из тех изящных маленьких существ под морским названием «рыба-пилот». Ночью его свита часто увеличивается из-за присутствия нескольких маленьких ярких рыб, плывущих впереди и своими факелами, как факельщики, освещающих монстру путь. Жаль, не было ни одного факельщика позади, подобно лакеям с факелом на запятках кареты.

Эти отношения, существующие между рыбами-пилотами и их огромным неловким господином, кажутся одной из самых непостижимых вещей в природе. Во всяком случае, у меня не хватает ума, чтобы это понять. Этот монстр, невероятно свирепый, терпящий пять или шесть небольших

щёголей едва четырнадцати дюймов длиной, азартно играющихся вокруг его мрачного корпуса с абсолютной безнаказанностью, представляет из себя нечто странное. Но если посмотреть внимательно, то рыбы-пилоты, кажется, действуют как разведчики, предупреждая акулу об опасности и информируя её о близости добычи, и, кроме того, в случае, если вдруг акула оказывается убитой, они демонстрируют мучительное возбуждение, никак не объяснимое и остающееся непостижимой тайной. Действительно, чудеса окружают нас повсюду. Это только мертвец не нуждается в доказательстве данного тезиса. Даже мой Викинг восхищался и поражался рыбами-пилотами так же, как он восхищался и поражался Святой Троицей.

Но, возможно, небольшой инцидент, произошедший в этот период, будет самой лучшей иллюстрацией рассматриваемого явления.

Мы скользили вперёд, делая едва по три узла, когда мой товарищ, дремавший у планширa, начинавшегося у его ног, указал на огромную акулу с совкообразным носом, находившуюся менее чем на расстоянии длины лодки и на глубине приблизительно половины морской сажени ниже поверхности.

Копьё было сразу выхвачено со своего места, и верный своему желанию Ярл собирался метнуть его в рыбу, но когда я заинтересовался видом её сияющих маленьких разведчиков, то попросил его воздержаться от броска.

Один из них находился прямо под акулой, грызя что-то в её брюшном плавнике; другой, повыше, плыл рядом со спинным плавником; по одному приходилось на каждый фланг; и пятый разведчик-проказник у её носа, по-видимому, имел желание сообщить нечто конфиденциальное. Они были яркого, стального синего цвета, чередуемого с чёрными, как уголь, полосами, со сверкающими серебряно-белыми животами. Цепляясь за спину акулы, плыли четыре или пять ремор, или прилипал, змеевидных паразитов, которых невозможно оторвать от того, к кому они прилипли, не лишая их жизни. У ремор немного власти в навигации, поскольку они, собственно, передвигаются на спине более крупной рыбы. Подобно пиявке, эта прилипала ближе к рыбе, чем самозваный брат в наследовании, ближе, чем нищий к благотворителю, даже ближе, чем Уэбстер к Конституции! Но они питаются тем, к кому прицепились, а некоторые экземпляры вообще прогрызаются непосредственно до пище-

вода акулы.

Акула плыла лениво, не создавая никакого признака ряби, даже не тряся локонами, как Медуза Горгона, не корчась и не кружась от ужасной жизни. Время от времени ловкие рыбы-пилоты бросались от неё в стороны — этой дорогой и той, — главным образом, к нашей шлюпке, но до взятия нового старта всегда возвращаясь к своему сеньору, чтобы сообщить новости.

Мысль пронзила меня. Вытравив конец верёвки с кусочком нашей почти бесполезной солёной говядины, я бросил его за борт, чтобы он тянулся за нами по морю. Немедленно передовой разведчик подплыл к нему, поколебавшись, застыл, но наконец придвинулся, оживлённо обнюхал добычу вдоль линии движения и, сделав один небольшой требовательный укус, отступил к акуле. В следующий момент и сам большой Тамерлан повернулся всем своим грузным телом, обратив свой чёрный, подобный орудию нос непосредственно к нашему борту. Тем временем маленькая рыба-пилот бросалась сюда и туда, показывая невероятное волнение, как человек со скромным умом в состоянии нервного возбуждения.

Теперь уже Тамерлан плыл всё ближе и ближе,

всё время лениво пожирая глазами «Серну», как кабан смотрит на ребёнка. Внезапно он рванулся к ней, в пене схватив приманку. Но в следующий момент вознесённое ранее копьё пронзило его череп, и, взмахнув на прощание жилистым хвостом, он медленно погрузился в облаке собственной крови, исчезнув с глаз долой. Вниз вместе с ним погрузились было и пилоты, но вскоре троих из них мы уже наблюдали поблизости от лодки, скользящей вперёд в том же темпе; по одному с каждой стороны и одному впереди, точно так же, как они и следовали ранее за своим господином. Разумеется, один плыл под нашим килем.

— Хорошее предзнаменование, — сказал Ярл, — пока они рядом, ничего плохого с нами не случится.

Но, однако, он ошибся, хотя они и следовали за нами в течение многих дней после того, пока не произошло событие, потребовавшее их ухода.

Глава XIX
Кто это?

Весло Ярла насчитывало уже шестнадцать меток на своём корпусе, когда однажды вечером, как только огромное солнце коснулось оправы горизонта, мы заметили высокие мачты судна, казавшиеся паутиной на фоне его тёмно-красного диска. Это далёкое судно выглядело объятым пламенем.

В ясную погоду паруса, незаметные посреди моря в полдень, становятся заметными к закату. Закат меняет утреннее впечатление. Находясь в поле зрения в сером рассвете, удалённое судно, пусть в действительности и расположенное довольно близко, как бы отступает от наблюдателя, поскольку солнце поднимается всё выше и выше. Это явление сохраняется, пока объект находится в пределах обычной области видения. И так же, тут и там, происходит с другими удалёнными объектами: чем более лёгкий взгляд вы бросаете на них, тем больше неясности. Некоторые открытия лучше всего делаются в сумерках.

Вид незнакомца был не намного страннее на-

шего. Но, прояснившись в лице, как будто встреча предполагала нечто приятное, Ярл выглядел счастливым и выжидающим. Однако он быстро изменил своё поведение, как только узнал, что я стремился избежать встречи.

Немедленно наши паруса были свёрнуты, и, призвав Ярла, который несколько озадачился, повиноваться, я установил вёсла, и оба мы принялись грести, держась далеко в стороне от нашего прежнего курса.

Я предугадал, что корабль являлся китобойным судном и, следовательно, с помощью оптики, которая его владельцам мгновенно приближала горизонт, нас, возможно, с корабля заметили, особенно учитывая то, что мы находились далеко к востоку от судна, и потому, что положение на закате является одним из самых благоприятных для того, чтобы зафиксировать отдалённый объект в море. Кроме того, наш парус был белоснежным и очень заметным. Безусловно, мы не могли быть уверенными в том, каково было это судно, но, независимо от того, каким оно могло бы быть, с моей стороны не было никакого желания пересечься с ним, поскольку это было бы довольно просто, и, если незнакомец оказался бы в пределах слышимости, да ещё при

отсутствии у нас ресурсов, ничего бы не оставалось, кроме как связать наши судьбы с ним, тогда как я желал следовать только нашим курсом. Что касается Небожителя, то он задумчиво глядел через плечо, несомненно прося Небеса, чтобы мы избежали того, что было неотвратимо.

Теперь, после более внимательного исследования, будучи вполне убеждёнными, что незнакомец, в конце концов, держал почти западный курс — правда, вдали от нас, — мы переставили наш парус, а поскольку наступила ночь, мой Викинг попросил меня, вторя моему же собственному любопытству, возобновить наш параллельный курс и далее так же следовать за судном с целью его более внимательного изучения, но без риска быть обнаруженными. Поэтому, осмелев, мы пошли под парусом.

Но, чувствуя, что ветер был слабоват (что было в нашу пользу: преследовали-то мы, а не нас), да и учитывая совет моего товарища, мы добавили к парусам вёсла с готовностью сохранить наш прежний путь, хотя и держась слева от него самого.

Когда мы подошли поближе, то стало ясно, что судно вовсе не китобойное, а маленькое двухмачтовое; короче говоря, бригантина. Его паруса

были в состоянии необъяснимого беспорядка: стояли лишь фок, грот и кливер. Первый был очень изодран, а кливер был поднят до середины положенного места, где он праздно болтался от дувшего с гакаборта бриза. Судно непрерывно отклонялось от своего курса, то почти разворачиваясь бортом, то своей кормой.

Совсем свернув наши паруса, мы прекратили грести и рассмотрели корабль в свете звёзд. Он всё ещё двигался из стороны в сторону, продолжая плыть под парусами.

Немало напуганный зрелищем, суеверный Ярл больше чем уверился, что судно, должно быть, преследовалось какими-то охотниками за золотом. Но я сказал ему, что если это и так, то мы должны забраться на него, найти золото или деньги. В действительности, однако, я начал думать, что бригантина была оставлена своей командой; или, возможно, экипаж слёг от болезни и просто был неспособен к управлению судном.

После долгой и тревожной разведки мы подошли ещё ближе, используя наши вёсла, к большой тревоге Ярла, который, гребя, оглядывался через плечо, как будто кит собирался утащить нашу шлюпку. Пожалуй, он горел нетерпением скорее удалиться от судна ещё до того, как его

тревожные ожидания сбудутся.

Затем, когда тихая бригантина снова закачалась вокруг своей оси, я громко окликнул её. Никакого ответа. Ещё раз. Но всё было тихо. Постучали по корпусу, помолчали, постучали сильнее; затем, установив «Серну» прямо рядом с корпусом, я ухватился за главные цепи. Немедленно мы почувствовали, что оно потянуло нас вперёд. Привязав нашу шлюпку тросом, я перепрыгнул через борт, сопровождаемый Ярлом, который прихватил с собой гарпун, своё любимое оружие. Долго пользуясь этим оружием, чтобы одолеть глубоководных чудовищ, он не сомневался, что оно будет одинаково пригодным к использованию в любой другой ситуации.

Палуба была завалена мусором. Брошенные жемчужные раковины, шелуха кокосовых орехов, пустые бочки и прочее. Секторный румпель, который задавал направление курса судна, был отстёгнут. Но мы не могли взять в толк, как в течение продолжительного времени, идя по ветру, судно могло, в конце концов, идти по курсу без помощи рулевого. Однако бриз был лёгок и устойчив.

Теперь же, видя руль незакреплённым, я не мог доверять тишине, которая стояла вокруг. Это

вызывало в воображении мысль о злодеях, прячущихся в трюме и замышляющих злодейство, подлых мятежниках-ласкарсах, или манильцах, которые, убив всех европейцев из команды, не позволят незнакомцам досаждать им на захваченном корабле. Или, что ещё хуже, экипаж всего судна, возможно, был охвачен лихорадкой, инфекцией, всё ещё скрывающейся в заражённом корпусе. И хотя первое предположение, как и последнее, было более простым, мы, однако, сочли благоразумным обезопасить проходы, которые соответствующим образом перегородили внизу вёслами нашей лодки. Сделав это, мы пошли по палубе в поисках воды. И, обнаружив её небольшое количество в неуклюжей бочке, пили долго и от души, поддержав наши измученные жаждой души.

Ветер, уже посвежевший и надувший паруса, принялся дуть в попутном направлении; мы развернули бригантину к ветру и взяли на гитовы холст. Это дало нам свободу в исследовании судна, но к этому времени, к сожалению, уже сгущалась тьма.

Всё это время наша лодка продолжала плыть рядом, и я решил было спуститься на корму, когда Ярл, более чем когда-либо осторожный,

объявил, что это более безопасно; ведь, если бы люди оставались на борту, они бы, наиболее вероятно, спустились в каюты с тёмными иллюминаторами, откуда и мог бы быть нанесён удар по «Серне».

Это произошло, когда мой товарищ заметил, что бригантина не имела шлюпки, — обстоятельство, самое необычное в любой ситуации с судном в море. Но, отметив это, я был чрезвычайно удовлетворён. Это, видимо, указывало, насколько я полагал от случая к случаю, что бригантину, должно быть, оставила её команда. И это в доброй мере рассеяло мои страхи об умышленном конфликте и возможности инфекции. Воодушевлённый этими размышлениями, я решил спуститься и исследовать каюту, несмотря на протесты Ярла. Безусловно, говорил он искренне, этот шаг, возможно, было бы лучше отсрочить до появления дневного света, но и ждать его было бы также утомительно. Поэтому, напомнив мне о нашей трутнице и свечах, он сходил за ними к нашей шлюпке. Затем две свечи были зажжены, одну из которых Небожитель привязал наверху своего гарпуна под наконечником так, чтобы после нашего спуска острая сталь не смогла уйти далеко, если свет от свечи внезапно

погаснет.

Отворяя оставленную каюту, мы ступили вниз, в самое маленькое и самое тёмное логово в мире. Подобный алтарю транец, блокирующий закрытые глухие иллюминаторы в корпусе вместе с небольшим тусклым кусочком неба — источником верхнего света, и мрачный вид каждой вещи вокруг придавали месту дух некоей подземной ораторской кельи, вроде молитвенной комнаты Питера Отшельника. Но катушки со снастями, свёртки холста, фрагменты одежды и беспорядочные кучи мусора создавали диссонанс с этим впечатлением. Две двери, по одной с каждой стороны, вели в крошечное небольшое государство — комнаты, которые местами также были замусорены. Среди других вещей имелась большая коробка, обитая железом и крепко сколоченная, содержащая бочонок, частично заполненный порохом, половиной старого мачете, мешочком пуль и деталью секстанта — медной табличкой от крышки с именем производителя. Лондон. Сломанное лезвие мачете было очень ржавым и запятнанным, и железная рукоять тоже. Оно выглядело настолько печально, что я отвёл глаза.

Когда мы отодвинули маленькую дверь-трап,

открывающую пространство ниже, называемое «пробег», свет упал на различные мачете и мушкеты, лежащие вместе по шесть-семь штук, как будто брошенные второпях.

Осмотревшись кругом и удовлетворившись сознанием, что через переборку каюты не было никакого прохода к передней части корабля, мы схватили мушкеты и мачете, пороховой бочонок и мешочек пуль и, сложив их на палубе, подготовились к посещению другого конца судна. Перед этим, однако, я зарядил мушкет и опоясался мачете. Но мой Викинг предпочёл свой гарпун.

На баке оказался подобный же беспорядок. Но оказалось и небольшое аккуратное логовище, убранное в одном углу и снабжённое травяными циновкой и подушкой, какие используются среди островитян этих морей. Это небольшое логовище смотрело на нас, словно присевший там леопард. И как оказалось, мы были недалеки от истины. Формой препятствия выступал морской сундук с крепким замком и, кроме того, чудовищно тяжёлый. Не слушая мольбы Ярла, я решил взломать крышку и обнаружил в сундуке разноцветную коллекцию дамских шляп и диковинные безделушки всех видов вместе с различными грубыми предметами ситцевого

белья, которое, хотя и непонятно почему, было укорочено, в том числе нижняя и верхняя юбки, но означало их принадлежность к некоему женскому существу, наиболее вероятно, человеческой породы.

В этом сейфе также находился холщовый мешок, в котором звенели, как старые ржавые колокольчики, потемневшие медные болты и оцинкованные гвозди, влажные, зеленоватые монеты короля Карла (все — подлинные), сверх того — различные железные винты, разбитые долота и кофель-нагели. Проверенные на удар об крышку сундука доллары зазвенели ясным звоном, как колокола женского монастыря. Они были отложены Ярлом в сторону, как окончившие своё хождение, специально для особого случая, под воздействием его суеверных предчувствий. Верный своему королевскому сану, он любил истинную монету, хотя за границей, в море, нет земли, нет владений, где бы доллары и где всё это серебро стоили бы как древесный уголь или алмазы. Почти одна и та же вещь, говорят химики; но скажите это морским пехотинцам, говорят невежественные евреи и ювелиры. Пойдите, купите дом или судно, если сможете, с вашим древесным углём! Да, все леса в Канаде,

сгоревшие дотла, не будут стоить одного знаменитого бразильского алмаза, хотя он по размеру не больше чем яйцо почтового голубя. Ах! Но эти химики — лгуны, и сэр Хамфри Дэви — обманщик. Многие бедняки, которых дьявол завёл в угольный бизнес, возможно, нашли свою удачу при помощи мотыги.

Снова пошарив в сундуке, мы обнаружили странные небольшие верёвки, очень истрёпанные и ветхие. В каждом углу имелся мощный зажим, вес которого, не сомневаюсь, утяжелял коробку. Зажимы почти конкурировали с замком, почти столь же большим, как они сами, так что я задался вопросом, какая же из этих деталей больше служила безопасности сундука. Проявив любопытство, мы подробно осмотрели вход, но не увидели никаких золотых луидоров, никаких румяных дублонов; ничего более, кроме трёх стопок оловянной посуды, тех, что используются в каюте судна, нескольких латунных винтов и медных табличек, которые, должно быть, принадлежали квадранту; вместе с описанной партией стекляруса были ещё и медные кольца, в то время как на внутренней части крышки была приклеена небольшая цветная репродукция, представляющая проституток, бесстыдных

девиц, развлекающих расточительного молодого повесу.

Тут стоит ещё упомянуть, что во время изучения бака мы были несколько раз удивлены странными звуками наверху. И тотчас же, врезавшись в небольшой узел, вниз свалился большой главный блок, прямо через люк, едва не задев Корону моего Викинга, настолько близко и с такой точностью, которая не снилась и ювелирам. Это очень поразило нас, особенно Ярла. Но, приученный к странным скрипам мачт и снастей на старых судах в море и много раз избегавший беспризорных блоков, случайно падающих сверху, я мало думал о случившемся, хотя моему товарищу казалось, что шум несколько отличался от любого из подобных шумов, что он слышал прежде.

После небольшого дополнительного изучения мусора на баке, очень подивившись увиденному, мы поднялись на палубу, где оказались в такой же тишине, когда двигались к гакаборту, Небожитель подсознательно обращался ко мне шёпотом.

Глава XX
Шумы и предзнаменования

Для меня это был долгий день. Однако я склонен был полагать, что бригантина была не занята людьми, и желал, чтобы свет солнца явил этому предположению дополнительные доказательства.

Теперь, заметив перед посадкой на судно, что оно сидит довольно низко в воде, я понял, что это хорошо для акустики. Но на бак не было никакого прямого прохода, и я послал Ярла, чтобы выследить предполагаемых моряков в переднем отсеке квартердека, где, несомненно, они должны были прятаться. Тем временем я поискал ручной насос, который, как казалось, возможно, не так давно использовался; он был найден привязанным внизу к грот-мачте.

Внезапно Ярл подбежал ко мне, шепча, что все сомнения наши теперь рассеяны: весь алкоголь на борту оставался нетронутым. Он слышал неестественное чиханье, не принадлежащее человеку. Но к этому времени я был полностью убеждён, что мы были одни на бригантине.

С тех пор я не смог установить земную причину сокрытия всей команды от пары моряков, с которыми, в случае оказания ими сопротивления, они смогли бы легко справиться. И, кроме того, предполагаемое волнение атмосферы, казавшееся чиханьем, по утверждению Ярла, имело место наверху мачты; непосредственно внизу, где я всё это время пребывал, не было ничего слышно. Поэтому, похвалив моего доброго викинга за чрезмерную чувствительность его слуха, я предложил ему больше не беспокоиться о его пиратских призраках и гоблинах, которые не существовали нигде, кроме как в его собственном воображении.

Не попавшись в сети, привязавшись узлом, мы сменились; и, хорошо осмотревшись, не обнаружили ничего, что представляло бы для нас какую-либо опасность. При определённых обстоятельствах, однако, этот осмотр судна был неплох, как возбуждающий сильное желание действовать. Это как почувствовать свой собственный пульс на последней стадии лихорадки. По предложению Небожителя мы теперь продолжили поиски вокруг центра бригантины по другой её стороне. Ведь до восхода мы желали изменения положения судна как можно меньше,

боясь неожиданно напороться на рифы.

И здесь да будет сказано, что из-за всех его суеверных предчувствий относительно бригантины, приписывания ей неких фантастических свойств честный Ярл был, однако, чрезвычайно прямым и практичным во всех намёках и слушаниях относительно неё. В чём-то он напоминал моего друга, Его Преосвященство епископа Беркли, — воистину одного из наших духовных властителей, — кто, рассуждая о метафизике, считая все объекты простым оптическим заблуждением, был, вопреки этому, чрезвычайным материалистом во всём, что касалось непосредственно его самого. Доступу к вершинам сосен и обладанию небом предшествует способность к пониманию пудинга с изюмом ради того, чтобы прочитанные сентенции походили на зарождающиеся градины.

И в то время, пока мы были заняты обходом палубы, шепчущему Ярлу потребовалось пристать ко мне снова с его проклятыми подозрениями о гоблинах на борту. Он клялся грот-мачтой, что, когда фок-рей поворачивался, он услышал наполовину сдавленный стон из того угла: как будто один из его гоблинов прищемил себе ноги. Я возразил, намекнув, что гоблины бестелесны, после

чего он умолял меня подняться на переднюю оснастку и проверить всё самому лично. Но здесь моё зрелое суждение взяло верх над моим первоначальным мнением. Я вежливо отказался. Несомненно, всё ещё оставалась возможность, что передняя часть судна могла бы быть занятой живыми злодеями и настанет момент, когда меня, с руками, хватающими оснастку, и ногами, свисающими в воздухе, преодолевающего наклон путенс-вант, некая невидимая рука должна будет внезапно скинуть за борт. Поэтому я придерживался своих мыслей, в то время как Ярл продолжал заявлять, учитывая облик бригантины (его мнение о ней уже полностью сформировалось), что она была настоящим фантомом, тенью судна, наполненного призраками моряков, и прежде, чем мы узнаем, где мы оказались, распадётся в сверхъестественном грохоте и оставит нас обоих в воде. Короче говоря, Ярл, потомок суеверных старых скандинавов, был наполнен древнеисландским тщеславием и всей мифологией чудес Валгаллы, находящихся в земле гоблинов и чаш. Неудивительно, что, ожидая катастрофу в перспективе, он снова упрашивал меня оставить невезучее судно с его призрачным корпусом, неспособным нести нас. Но я

отказался.

Нельзя связать все вещи воедино. Будучи в каюте, мы прошли через хлебную кладовую и, обнаружив качество её содержимого намного выше нашего собственного, заполнили им наши карманы и иногда угощались самостоятельно в перерывах между поисками. Затем морскую хлебную корзину мы выволокли на палубу. И впервые, начиная с момента прощания с «Арктурионом», полностью подавившего нашу жажду, наш аппетит вернулся с большим воодушевлением; и, не придумав ничего лучше, чем бы заняться до рассвета, мы принялись поедать хлеб, усевшись в середину квартердека, и, скрестив ноги перед собой, решили закончить осаду, подобно Великому Турку и его визирю Мустафе, стоявшими перед Веной. Наш замок — хлебная кладовая — имел обычный вид: продолговатая дубовая коробка, очень разбитая и повреждённая, — и, как мраморы Парфенона, по всей поверхности был испещрён надписями и резьбой: грязные якоря, пронзённые сердца, альманахи, двойные шкивы, любовные стихи, верёвочные узлы, короли клубов и различные мистические изображения, выполненные мелом старыми финскими моряками из избранных

гороскопов и пророчеств. Ваши старые надписи — весь Дэниэлс. В одной из стен находилось круглое отверстие, через которое приглашённым выдавался хлеб.

И величавыми были движения рук той ночью, а также многозначительные и серьёзные взгляды Мустафы при каждом внезапном скрипе мачты или оснастки. Словно Валтасар, мой царственный Викинг ел с большим страхом и дрожью, внезапно и часто прерываясь, чтобы понаблюдать за дикими тенями, мелькающими на крепостных стенах.

Глава XXI
Привет, Человек!

Медленно, судорожно пробилось утро на востоке, осветив опустевший бриг, тяжело плывущий по воде, вяло плескавшейся под его корпусом. Прыгая с волны на волну, наша верная «Серна», словно преданная собака, всё ещё плыла рядом, подобно пойнтеру на поводке. Время от времени она отставала и сразу же, подхваченная волной, как молния, мчалась вперёд, пока её не обуздывала привязь, и снова уходила назад.

Как только забрезжил серый свет, мы осторожно и тщательно исследовали особенности судна, поскольку они одна за другой стали более явно вырисовываться. Каждая вещь казалась более странной теперь, чем когда частично была видима в тёмную ночь. Балясины, или стойки фальшборта, были грубо обструганы, на некоторых всё ещё присутствовали остатки коры. Неокрашенные стороны оставались с тёмными, необработанными поверхностями. Румпель был перекошен, словно сук, решивший самостоятельно прорасти через палубу, словно дерево, стоящее

само по себе. Нактоуз, держащий компас, был защищён со всех сторон жёлтым покрытием. Оснащение — полотнища, фалы и всё остальное — состояло из «кайяра», или кокосовых волокон; и тут и там паруса были заплатаны просто верёвочными узлами.

Но и это ещё не всё. Кто любопытствует, тот должен прояснить всё, дабы исчезли подозрения. Посмотрев вслед каждому шпигату, мы разглядели выцветшую тёмно-красную краску, про которую Ярл утверждал, что это следы крови. Хотя сейчас он уже не предавался ни малейшему трепету: то, что он увидел, принадлежало не призракам, а все его страхи до настоящего времени происходили из метафизики.

Действительно, собравшись с духом, на рассвете мой Викинг выглядел смелым, как лев, и вскоре с инстинктом старого моряка бросил свой взгляд наверх.

Он сразу же коснулся моей руки: «Смотри-ка: что там шевелится на грот-мачте?»

Конечно же, там находилось что-то живое.

Руки наши потянулись к оружию, мы смотрели на объект, и, поскольку становилось светлее, сидящий там незнакомец стал отлично виден.

Объяснив, кто мы такие, я поприветствовал

его и предложил спуститься, в противном случае пообещав выстрелить. Повисла тишина, затем высунулся чёрный ствол мушкета, направленный в мою голову. Тотчас же гарпун Ярла был наставлен на стрелка — два к одному — и мой оклик был повторен. Но никакого ответа.

— Кто вы?

— Самоа, — чётко сказал ясный, уверенный голос.

— Спускайтесь вниз. Мы — друзья.

Другая пауза, во время которой, встав со своего места, незнакомец начал медленно спускаться, держась одной рукой за оснастку, но не забывая о своей безопасности: свой мушкет, частично свисающий со спины, он прижимал к своему телу обезображенной рукой.

Он появился в шести шагах от того места, где мы стояли, и, балансируя своим оружием, глядел на нас смело, как рыцарь Сид.

Он был высоким, тёмным Островитянином, выглядевшим совсем дьяволом, театрально одетым в клетчатую юбку и тюрбан; клетчатая юбка весёлой ситцевой набивки, тюрбан из красного крепдешина. На шее звенели бусы.

— Кто ещё есть на борту? — спросил я, в то время как Ярл, целившийся в незнакомца с его

оружием, теперь сдвинул остриё, направив его к палубе.

— Смотрите туда — Аннэту! — был его ответ на жаргонном английском, с указанием на верх передней мачты. И Ло! — женщина, тоже Островитянка — и закрывавшие её юбки, украшенные тоже как самоанские, были внимательно изучены.

— Кто ещё?

— Больше никого.

— Кто же вы тогда и что это за судно?

— Ах, ах, вы не призрак! Но вы мой друг? — прокричал он, придвигаясь ближе во время речи, в то время как женщина с нетерпеливым взглядом, оказавшаяся на палубе, тоже приближалась к нам.

Мы сказали, что мы — друзья, что мы не хотим их обижать, но желаем знать, что это было за судно и какое бедствие случилось с ним; ведь случилось что-то нехорошее, в этом мы были уверены.

Самоа дал ответ, что действительно произошло что-то ужасное, и про это он с удовольствием рассказал бы нам всем, и рассказал бы правду. И о ней он готов рассказать. Затем эта его история была рассказана в смешанной фразеологии

полинезийского моряка. С несколькими случайными размышлениями, содержание которых вы найдёте в шести последующих главах.

Глава XXII
Что случилось с бригантиной на Острове Жемчужных Раковин

Судно называлось «Парки», из Лахины, деревни и гавани на побережье Мови, одного из Гавайских островов, где оно было построено из деревьев местного леса и из фрагментов кораблекрушений, оставшихся на берегах. Имя ему было даровано в честь великого вождя, самого высокого и самого благообразного джентльмена на всех Сандвичевых островах.

Со смешанной европейской и местной командой, общим числом около тридцати человек (но всего лишь четырьмя белыми, включая капитана), «Парки» приблизительно четыре предыдущих месяца плыл от своего порта в южном направлении в поисках жемчуга, раковин жемчужниц, морских огурцов и других подобных существ.

Самоа, уроженец Островов Навигатора, часто ходил в море и был хорошо сведущ в подводном лове жемчужниц и подводных тайнах. Уроженец Лахины на борту корабля немедленно стал

приближённым командира: капитан заключил договор с Самоа на его услуги в качестве водолаза.

Женщина, Аннэту, была уроженкой отдалённого, малоизвестного острова, находящегося к западу, откуда её, ещё довольно юной, вывез командир судна, идущего из Макао в Вальпараисо. В Вальпараисо её покровитель оставил её на берегу; вероятней всего, насколько я понял позже, из-за возможных неприятностей.

Случилось то, что случилось, когда из девственного цветка Аннэту ушёл покой, оставив только крепкое тело и ещё более крепкую душу. Самоа, Мореход, безумно влюбился в неё. И, полагая, что леди, на его взгляд, храбра, как и он сам, и, несомненно, хорошо приспособлена к превратностям супружества в море, замыслил, по сути, самоубийство — проще говоря, женитьбу на ней, — и двое стали единым целым. И некоторое время спустя в качестве жены Аннэту сопровождала на бригантине своего господина Самоа. Как и Антоний, полетевший в объятия любовницы Цезаря, так и Самоа чувствовал в себе силу от одного только тщеславия. И продолжение было тем же самым. Но не для тяжкой жизни, в противовес Клеопатре, покорившей своего

прекрасного откровенного друга, бедного Марка, Королева Аннэту завоевала своего пленника с его луком и его копьём. Но всё в своё время.

Они покинули свой порт и, перейдя Тропик и Линии, наткнулись на группу островов, где принялись искать раковины, которые во множестве и были найдены. И здесь — довольно странно, чтобы не сказать более, — они столкнулись с несколькими чолос, или метисами испанцев и индейцев, наполовину состоящими из испанцев, а наполовину — из помеси дикого индейца и дьявола, племени, от Вальдивии до Панамы печально известного своей недобросовестностью и подлостью.

Здесь метисы, давно оставившие суда, привёзшие их на острова, поднялись высоко во власти среди уроженцев острова. Узнав это, капитан «Парки» был очень удовлетворён; он, неосведомлённый бедняга, никогда прежде не присоединился бы ни к кому из представителей этого предательского народа. И, без сомнения, он предполагал, что их влияние на островитян будет служить его интересам. Во всяком случае, он сделал подарки чолос — тем, кто, в свою очередь, снабдил его дополнительными водолазами из числа уроженцев острова. Большой любезно-

стью было также то, что они указали на лучшие места для поиска раковин. Одним словом, они были чрезвычайно дружественными, часто подходили к бригантине и дружелюбно обедали с капитаном в кают-компании, разделяя совместную трапезу.

Все эти благие дела продолжались до того момента, пока однажды утром полукровки не пригласили капитана пойти с ними в его китобойной шлюпке к мелководью на другой стороне острова, находящемуся на некотором расстоянии от той точки, где стояла бригантина. Они столь быстро устроили эту поездку, что ни один человек из Лахины, что были под командой Самоа, которому капитан очень доверялся, не был оставлен опекать «Парки»; остались только трое белых из команды для управления парусом при небольшом ветре.

И вот обречённый бриг стоял на якоре посреди глубокого гладкого круглого залива, открытый со всех сторон, окружённый самыми красивыми рощами. На одной стороне находился выход к морю; возможно, длина якорного троса была больше той, что нужно было для швартовки бригантины. Час или два после того, как китобойная шлюпка ушла и оказалась полностью

вне поля зрения, уроженцы в мелководьях были замечены отплывающими от берега; некоторые в каноэ, а некоторые вплавь. В пирогах на виду были уложены хлеба и бананы, в последней посудине — кокосовые орехи; всё это по приближении судна они настоятельно потребовали обменять на ножи и топоры.

От их действий, подозревая некое предательство, Самоа предпочёл уклониться и приказал им уйти, объясняя, что никакой обмен не может иметь место до возвращения капитана. Но тут один из дикарей украдкой выбрался из воды и, проворно пробежав от ватерштага к бушприту, метнул копьё, так вогнав его в фок-мачту, что оно зазвенело. Сигнал крови! С ужасающими криками, вытащив оружие, до настоящего времени скрытое в каноэ или под плывущими кокосовыми орехами, дикари перепрыгнули через низкие борта бригантины, через фальшборт, и с дубинами и копьями с беспредельной свирепостью напали на ошеломлённую команду.

После слабого сопротивления лахинцы, отбивавшие атаку у снастей, были настигнуты и убиты.

При первой тревоге Аннэту, однако, сумела убежать к передней мачте, выше которой она

не смогла подняться и куда дикари не рискнули сунуться. Хотя за своими орехами полинезийцы поднимаются на пальмы, как белки, однако же с первого взгляда они переоценили высоту мачты судна, как фермеры Кеннебека.

Оценив силы нападающих, Самоа помчался в каюту за оружием, а в ней обрушился на двух молодых дикарей. Но после отчаянного мгновенного боя, в котором его рука была искорёжена, он спрыгнул вниз, в каюту, немедленно обезопасив себя от внимания других нападавших, оказавшихся наверху. В каюте, во время шума бойни, он спокойно перевязал руку, затем, выложив на фрамугу три заряженных мушкета, принадлежавших капитану, неустрашимо ждал нападения.

Цель уроженцев, как кажется, состояла в том, чтобы разбить бригантину о береговые коралловые рифы лагуны. И с этим намерением некоторые из них спрыгнули в воду и перерезали якорные канаты. Но отлив повернул нос «Парки» в сторону моря — к выходу, и дикари, чувствуя это, неуклюже устанавливали фортали и потащили в кормовую часть парус, таким способом устанавливая фок, ранее выпущенный для просушки.

Тем временем старый седовласый вождь спокойно стал за руль, силясь направить судно к берегу. Но, неправильно управляемая, бригантина, быстро скользящая по воде, уже прошла большой путь к выходу из гавани. Видя это, главари, числом шесть или восемь, прибежали помогать старому седому бородачу у руля. Но тут для них пробил чёрный час. Внезапно, пока они поворачивали руль, в них были быстро разряжены три мушкета из окна в крыше каюты. Двое из дикарей упали замертво. Смертельно раненный старик, судорожно хватаясь за руль, навалился на него и упал, и дикая паника при виде своих лидеров, необъяснимым образом убитых, заставила островитян прыгнуть за борт и убраться на берег.

Услышав резкий удар, Самоа вылетел на палубу; увидев поднятый фок и повёрнутый к морю нос бригантины, он крикнул Аннэту, всё ещё находящуюся наверху, чтобы та спустилась к ярдовому топселю и освободила там холст паруса. Его команде повиновались. За то, что она сделала в тот день Аннэту заслужила золотой медали. Распустив паруса и выпустив топсель, она позволила ветру надуть их; в данной операции она помогла Самоа, который встал у руля.

Фок и передний топсель были теперь более-менее сносно установлены, и, когда судно потянуло в сторону моря, бриз посвежел. И хорошо, что это произошло: восстановив силы после первой неудачи, дикари предприняли преследование по горячим следам; некоторые в каноэ, а некоторые, как и прежде, вплавь. Но вскоре главный топсель был отдан бризу, который всё продолжал свежеть, увеличившись ещё на четверть. И с этой храброй демонстрацией парусов «Парки» благородно шёл к выходу из гавани, и громко кричал Самоа, как только женщина отстрелила последний парус, разделённый до того канатом на длинные выпуклости. Дикари не смогли поплыть наперерез кораблю. И это было к лучшему, так как плыть на каноэ там было почти одинаково трудно. Но беглецы всё ещё не были в безопасности. В полное преследование теперь пустилась китобойная шлюпка с командой из чолос и четырёх или пяти островитян. После чего отпали сомнения в том, что все белые, кто на ней недавно ушёл утром, были уничтожены предателями-метисами и что захват бригантины был заранее обдуман; Самоа теперь уже не видел никакой другой возможности, кроме как увести опустевшее судно подальше от этой земли.

Теперь на вёслах сидели дьяволы, решившие исправить свою ошибку. Тем временем Аннэту была всё ещё занята наверху, освобождая меньшие паруса, которые ей удалось частично установить.

Сильный бриз с кормы уже заполнил нижние паруса, их било и качало в воздухе, как воздушные шары, в то время, когда их поднимало вверх, а каждая штанга дрожала и прыгала. И, словно напуганная чайка, удирающая от морских ястребов, небольшой «Парки» устремился вперёд, храбро разрезая морскую воду.

С раненой рукой, обмотанной пеньковой петлёй, Самоа стоял у руля; мушкеты, перезаряженные, были уложены перед ним на нактоузе. Учитывая, что бригантина и так была не очень удачно построена и имела плохо приспособленные паруса, ставшие более неуправляемыми из-за силы бриза, преследователи полагали, что, в конце концов, несмотря на хороший старт, беглецы ещё могут стать добычей охотников. Судно постоянно отклонялось от прямого курса, и лодка приближалась. Раздражённый её видом и, возможно, думая больше о мести за происшедшее, чем о будущей безопасности, Самоа доверил руль Аннэту, поставил свои мушкеты на фальшбортах

и посвятил им много времени, уверенно целясь и разряжая один за другим в приближающегося противника.

Трём выстрелам ответили громкие насмешки дикарей, которые размахивали своими копьями и насмешливо жестикулировали, в то время как их главари, чолос, гребли вёслами.

Лодка продолжала нагонять бригантину, и мушкеты снова были перезаряжены. И, поскольку следующий выстрел не заставил себя ждать, наступила пауза, по окончании которой, как молния, передний чолос вскочил со своего места с веслом в руке и упал в море. Раздался жестокий вопль, и один из островитян прыгнул в воду, схватив погружающееся тело за длинные волосы; затем мёртвого и живого втащили в лодку. Набравшись храбрости от этого фатального выстрела, Самоа стрелял ещё и ещё, но не с подобным верным результатом, а только лишь задев оставшегося метиса, который, присев позади своих товарищей, умолял их повернуть лодку и идти к берегу. Встревожившись судьбой своего собрата и, по-видимому, убоявшись беспристрастного огня Самоа, малодушный злодей отказался выставить свои конечности выше планширa.

Хорошо бы сейчас было преследователям на-

чать своё спасение, но несчастный случай этому воспрепятствовал. В тот момент, когда лодка накренилась и поражённый чолос упал за борт, два весла выскользнули в воду и уже не плавали на поверхности вместе со схваченным смертью метисом, пропав из виду, поскольку утонули в море. Двое из островитян поплыли, чтобы вернуть их, но, напуганные треском выстрела поверх их голов, сразу же повернули назад, спешно вернулись и едва успели увидеть, как один из их товарищей прижимает к своему телу руку, получив пулю от Самоа.

Этого было достаточно: пронесясь мимо злополучной лодки, они быстро добрались до берега, сопровождаемые остальными; кто-то прыгнул за борт, оставив в лодке тех, кто, как оказалось, уже не мог плавать, — раненого дикаря и мертвеца.

«Груз теперь далеко, и остаётся только мстить за моего славного товарища», — сказал Самоа самому себе. Но это было не всё. Увидев всю эту расплату и осознав своё одиночество, он быстро положил передний топсель к мачте, подняв повыше, и снова открыл огонь по лодке, каждой выпуклости моря, приходящейся всё ближе и ближе к ней. Тщетны оказались все усилия

убежать. Раненый человек с мертвецом на руках кидался из стороны в сторону, а чолос, сжимавший весло, в безумии крутился в лодке, в то время как выстрел следовал за выстрелом. Самоа стрелял с такой скоростью, с какой Аннэту могла заряжать оружие. Поочерёдно и чолос, и дикарь упали мёртвыми на своих товарищей, наклонив лодку поперёк до почти полного затопления, в каковом виде она и уплыла прочь.[1]

1 Примечания: 1

Непонятно, остались ли белые члены экипажа на бригантине или ушли с капитаном на китобойной шлюпке, где и были убиты. Видимо, автор перепутал их местонахождение. (Прим. пер.)

Глава XXIII
Обыск каюты после отплытия

На баке находилась маленькая каронада, снятая с тележки и установленная на болтах на палубе. Самоа зарядил её, сбив топором круглую крышку, затыкавшую дуло. Когда-то, управляя этим орудием в одном из портов и хорошо прицелившись, он выстрелил и потопил какой-то бот вместе со всем его экипажем.

Это произошло в конце дня, когда, стремясь избежать встречи с землёй и получив безбрежное море, не думая о местонахождении, Самоа снова направил судно по ветру, оставляя остров за кормой. Палубы были всё ещё заполнены телами лахинов, лежащими крест-накрест, словно для регистрации, возле главного люка. Они, один за другим, были поглощены морем, после чего палубы были вымыты.

На восходе солнца следующим утром, совсем потеряв из виду землю, при слабом ветре, а после и при полном безветрии, они остановили своё движение и легли в дрейф, дабы позволить себе осмотреть бригантину, особенно помещения

кают. Там они и обнаружили запасы товаров, предназначенных к обмену среди островитян, а также несколько сумок с долларами.

Замечено, что ничего не может превзойти алчность полинезийца, когда в момент торговли с белыми его глаза ощущают собственную наготу и он чувствует, что некоторыми вещами белые более богаты, чем он сам.

Сперва обследовался шкаф бедного шкипера; его ящики с вещами были опрокинуты, и их содержимое рассыпалось по полу каюты.

Затем имела место примерка. Самоа и Аннэту примеряли пальто и панталоны, рубашки и платья и восхищались своими отражениями в маленьком зеркале, устроенном в переборке. Далее были раскрыты коробки и товары; рулоны хлопковых тканей были осмотрены и вызвали большое восхищение настолько, что одежды, найденные в сундучке капитана, были с презрением сняты с их тел: они надели свободные одежды из набивного ситца, более подходящие их вкусам.

Результаты этих поисков были дополнены выскользнувшими на палубу нитками стекляруса, которые увесили шеи Самоа и Аннэту своими восхитительными связками.

Между прочим, обнаружились и медные драгоценности. Этих безделиц и безделушек было много, и они восхищали своих хозяев более, чем все остальные; Аннэту украсилась ими, как королева из трагедии: прямо-таки пламенея от меди. Эта замужняя дама очень горевала, что не было никого, кто бы мог ею восхититься, кроме её мужа Самоа; но он всё время восхищался собой, но не ею.

И здесь стоит сказать то, что до настоящего времени оставалось невысказанным. Очень часто эта пара не являлась примером старой любящей супружеской четы. Их супружеская жизнь была одной долгой кампанией, где перемирию отводилась только ночь. Они объявляли его, и они ворковали в своих объятиях, вставая новым утром ради нового раунда, и часто Самоа являл собой клушу, заклёванную курицей. Короче, Аннэту была татаркой, воинственной калмычкой, а Самоа — помоги ему Небеса — её мужем.

Всё же некоторое время, объединённая мыслью об общей опасности и надолго поглощённая переворачиванием приобретённой мишуры в отсутствие мыслей о праве собственности, пара воздерживалась от всех ссор. Но скоро разразился шторм. Перетряхивая каждый узел и каждую

вещь, Аннэту, делая полную оценку, напрямую предложила отложить отдельно для себя те вещи, которые ей более всего понравились. На это Самоа возразил, на его возражение возразила Аннэту, и пошло-поехало.

Леди поклялась, что все вещи принадлежат Самоа не более, чем ей самой; более того: то, что она хочет, тем она и будет владеть. И, кроме того, в качестве дополнения она объявила, что не является чьей-либо рабыней.

В тот момент Самоа, с горечью замечу, пребывал в некотором страхе перед своей агрессивной супругой. И хотя он был героем в других отношениях, уничтожил дикарей и благородно спас корабль от их захвата, но, как отважные капитаны Мальборо и Белизэриус, он боялся своей жены. И Аннэту была не лучше, чем та же Сара или Антонина.

Однако, как и каждая вещь, напоминающая по своей природе царапину, более всего супружеские ссоры поддаются быстрому излечению; поскольку если бы они не заживали, то они снова никогда и не вспыхивали бы: в этом и состоит их красота. Поэтому перечень, который они составили, имел согласие только с условиями Аннэту в ущерб интересам Самоа. Якобы было согласо-

вано, что они должны строго придерживаться середины; леди, однако, заявила особые претензии к определённым ценностям, о которых она имела более полное представление. Но в противовес этому она великодушно отказалась от всех требований на запасное оснащение, всех требований на фок-мачту и грот-мачту и всех требований на оружие капитана и боеприпасы. И последнее: дама Антонина не забыла ничего из своих потребностей. Её голос был артиллерийской батареей; её когти — остриями штыков.

Глава XXIV, посвященная колледжу терапии и хирургии

К этому времени раненая рука Самоа уже оказалась в таком состоянии, что ей стала необходима ампутация. Среди дикарей серьёзные телесные повреждения по большей части считаются пустячными. Если бы врач-европеец уложил его на больничную кушетку, то отчаянный дикарь счёл бы ниже своего достоинства на ней лежать.

Более того. В Полинезии каждый человек — сам себе парикмахер и хирург, способный отрезать свою бороду или руку, когда того потребует случай. Нет ничего необычного для воинов Варвоо в удалении их собственных конечностей, сильно израненных в сражении. Но вследствие примитивности используемого инструмента — перламутровой зазубренной раковины — операция могла продлиться несколько дней. И при этом дикари даже не помогут своему товарищу передвигаться, поддерживая или перенося его, считая, что воин сам должен проявлять к себе необходимое внимание. Следовательно, мож-

но сказать, что они ампутируют себя на досуге и складывают свои инструменты, когда устают. Однако они не настолько привязаны к хирургической практике, чтобы отрезать себе головы, насколько я знаю; ведь это та разновидность ампутации, которой, метафорически говоря, увлекаются многие борцы за независимость в цивилизованных странах. Действия Самоа были очень простыми и краткими. Огонь был разожжён в маленьком камбузе, или кухне, и потому произвёл много дыма. Он затем поместил свою руку в один из брашпильных битсов (коротких вертикальных дощечек, доходящих до груди) и, захватив тупой поварской топор, приготовился было нанести удар; но, по некоторым причинам не доверяя его точности, назначил для нанесения удара Аннэту. Три удара, и конечности, что была выше локтя, больше не стало у Самоа; и он увидел свои собственные кости, о которых не смогло бы рассказать даже множество столетних стариков. Крайняя простота операции обеспечила ей безопасность. Вес и тупость инструмента ослабили боль и уменьшили кровоизлияние. Рана затем была опалена, продержавшись в дымном огне, пока все признаки крови не исчезли. С того дня и стартовало это лечение, а с ним и некоторое

беспокойство Самоа.

Но можно продолжать? Суеверно не желая захоронить в море мёртвую конечность от всё ещё живого тела, Самоа с тех самых пор решил, что он должен очень скоро утонуть и последовать за ней; и в то же время, одинаково боясь держать конечность около себя, он наконец повесил её сверху от грот-стень-штаги, где она была закреплена и обёрнута в несколько слоёв навощённого холста. Рука, которая, должно быть, обнимала товарищей в дружественном объятии или поражала врага, не могла служить пищей, как полагал Самоа, ни для птиц в воздухе, ни для рыб в море.

Итак, что являлось самим Самоа? Мёртвая рука, качающаяся высоко, как плод? Или живой ствол ниже? Рука, разъединённая с телом, или тело, разъединённое с рукой? Оставшаяся часть Самоа была жива, и поэтому мы скажем, что это и был он. Но какой из одновременно корчащихся десяти кусков разъединённого червя действительно является основным?

Я сам всегда считал Самоа не большим фрагментом человека, а человеком цельным. Разве он не был человеком во всей полноте? И разве, воюя в Тенерифе, великий Нельсон — физиологический разговор — был тремя четвертями

человека? Каков был Англси в гонимом ветром дыму Ватерлоо, не таким же? Арнольд, герой Саратоги? Разве нельзя ничего сказать об одноруком римском царе Мутиусе Скаеволе, генерале Ноксе без большого пальца и Ганнибале без глаза; и о том, что старый римский гренадёр Дентэтус не что иное, как контуженый и побитый ствол, крепчайший вид опоённого зельем воина, которого трудно сломить и разрубить в куски даже очень слаженными ударами боевого топора. Ах! Ведь эти воины, как наковальни, выдерживали любые тяжёлые удары. Особенно в старые времена странствующих рыцарей. Поскольку в сражении при Бревуа во Фландрии — мой славный старый болтливый предок, Фроиссарт, сообщал мне — десять добрых рыцарей, будучи внезапно сброшенными с лошадей, упали, скованные доспехами и обессиленные, на равнину, смертельно обременённые своей бронёй. После чего крестьяне — мошенники и грабители, что были их противниками, — принялись колотить по их доспехам, как грабители по замкам или как ловцы устриц по раковинам, с целью забрать их жизни. Но всё без толку. И, наконец, они были вынуждены попросить помощи у кузнеца; и только тогда обитатели брони были извлечены

из неё. Сейчас уже считается доказанным, что таинственный государственный узник во Франции был закован в железную маску; но эти странствующие рыцари добровольно заключили самих себя в свои железные Бастилии, что помогло мародёрам в их делах. Такие вот дни галантности, когда галантные кавалеры умирали галантной смертью!

То было эпическое время, которое хорошо показал впоследствии мой красноречивый и пророческий друг и корреспондент Эдмунд Берк, так трогательно оплаканный. Да, то были великолепные времена. Но ни один разумный человек ради удовлетворения внутреннего восхищения не обменял бы свой тёплый домашний очаг и сдобные булки на героический бивак в диком буковом лесу и порывистое сырое утро в Нормандии; каждый рыцарь, хвастающий своими пальцами в стальных перчатках, не в состоянии приготовить себе холодный кофе в своём шлеме.

Глава XXV
Опасный миротворец

Прошло несколько дней: бригантина дрейфовала из стороны в сторону, и ничего не показывалось в поле зрения, пока на неподвижной поверхности моря не прозвучал сигнал тревоги от Аннэту. Это случилось, когда перемирие крепло. И в наивысшей точке леди нарушила его, присвоив себе различные объекты, ранее отказанные в пользу Самоа. Кроме того, находясь в постоянном поиске, она всё время ходила вверх и вниз, с неутомимой энергией исследуя каждый укромный уголок и трещину, находила остатки чего-либо и старательно прятала их. Имея смутное представление о предметах для женщин, она тащила всё, что попадало под руку: железные крюки, доллары, болты, топоры, не останавливаясь на клубках марлиня и листах меди. Всё это бедный Самоа стерпел бы, как имеющий терпение, вместо того чтобы снова возобновить войну, но тут смелая дама обвинила его в растратах из её собственного частного запаса, хотя в этом он был так же невинен, как и бушприт.

Этот оскорбительный импичмент взял верх над философией бедного островитянина. Он вознегодовал. И последствием его негодования было то, что, находя своё доминирование бесполезным, Аннэту потеряла самообладание, объявив, что в будущем Самоа может остаться один, что она не имеет больше желания оставаться с ним. Он спас её от гибели, управляя бригантиной, а она даже не разговаривала с ним, будто не могла, чудовище! Она в этот момент смело потребовала себе в распоряжение бак — для брига, безусловно, самую привлекательную часть судна — как её собственную, независимо выбранную квартиру. Что касается несчастного Велизария, то он мог бы занять то, что ему понравилось, в виде тёмной небольшой каюты.

В деле относительно дележа остатков добычи мегера вполне преуспела: к её долям прибавлялись кипа за кипой вместе с многочисленными ненужными деталями, различными и разнородными. Кроме того, она отложила себе прекрасный запас еды, дабы во всех возможных отношениях жить независимо от своего супруга.

Нелюбящая Аннэту! Неудачник Самоа! Таким путём создавшаяся пара творит свой развод: леди, ушедшая на отдельное обслуживание, —

и Велизарий, возобновивший своё холостое одиночество. В отдельной каюте капитана, совсем холодной и неудобной, он спал; его леди удалилась в свой будуар на баке, где убивала время в молитве и перебрасывании и сортировке добытых ею нечестным путём вещей и нарядов; словно мадам де Ментенон, посвящающая свои прошлые дни и ночи сдержанности и ткачеству.

Но думаете ли вы, что это стало тихим концом их супружеских ссор? Ах, нет! Никакого конца той вражде, даже намёка на этот конец.

Теперь высланный с брачного ложа Велизарий переносил трудности без ропота. И чувствовал ли себя герой, которым он был, солдатом при демобилизации? Но что касается Антонины, то она не могла ни одного дня прожить с Велизарием и ни одного дня без него. Она сделала авансы. Но каким образом? Да просто врываясь в каюту и присваивая различные товары оттуда; в ловких надеждах на увеличение своей доли в заключительном соглашении под угрозой временной вспышки, которая могла бы последовать.

Но однажды печальную сцену препирательства прервал наконец внезапный громкий рёв моря. Выскочив на палубу, они узрели, что их несёт вперёд, к мелководью возле группы низких

островов, до настоящего времени закрытых грядами облаков.

Руль был немедленно повёрнут, и корабль развернулся. Но в течение нескольких часов казалось сомнительным, что вследствие свежести бриза, осадки судна, неисправностей и уровня мелководья они избегут катастрофы. Но мореходные способности Самоа, объединённые с усердием Аннэту, сумели всё преодолеть; и бригантина была спасена.

О земле, куда они прибыли и где могли погибнуть, они ничего не знали; и по этой причине они сразу же решили держаться подальше от неё. Поскольку после фатального события, которое настигло «Парки» на Острове Жемчужных Раковин, они настолько убоялись столкновения с любыми островитянами, что сначала решили держаться открытого моря, избегая любого появления земли; полагаясь на то, чтобы, в конечном счёте, встретиться с каким-нибудь мимолётным парусом.

Несомненно, это решение доказало свою состоятельность, поскольку мореплаватель в этих водах не подвержен большему риску, чем в приближении к островам, которые, главным образом, охраняются рифами, лежащими вдали от берегов,

и окружены опасностями настолько, что зелёная цветущая область в этих пределах располагается словно роза среди шипов; её трудно достичь, как сердца гордой девы. Хотя, однажды достигнув её, все три компонента — красная роза, яркий берег и мягкое сердце — становятся полными любви, цветов и всеобщего восхищения. Исключая Остров Жемчужных Раковин. Кроме того, в тех вообще-то спокойных водах небольшим судном Самоа, хоть и за сотни миль от земли, готовы были управлять самостоятельно как сам Самоа, так и Аннэту. «Парки» был столь мал, что одной рукой можно было достать всё на корабле; и очень легко было даже поднять маленькие топсели, поскольку первые неуклюжие попытки выполнить эту операцию вручную после неизменно приводили фалы к брашпилям, которые затем управлялись с предельной лёгкостью.

Глава XXVI
О ценности философии

Уже прошло много дней, а «Парки» продолжал плыть. Некоторые летучие рыбы привыкли к его знакомому слонявшемуся корпусу, и как ласточки строят свои гнёзда в тихих старых деревьях, так и они метали икру во множестве зелёных ракушек, которыми обросли бока корабля.

Чем спокойнее море, тем быстрее растут моллюски. В тропическом Тихом океане нескольких недель достаточно для того, чтобы упаковать ваше судно в броню из раковин. Обширные связки их прикрепляются к водорезу и если не поражают его насквозь, то очень препятствуют движению судна под парусом. И периодическое удаление моллюсков с бортов стало одним из занятий Аннэту. Да будет известно, что, как большинство фурий, эта дама была время от времени опрятной, хотя и капризной, любя чистоту урывками. Почему же эти моллюски часто беспокоили её, и она могла ходить вдоль борта с длинным багром, сковыривая их с боков судна? Это скрадывало утомительные часы, если ничего

более, а затем она возвращалась к своим бусинкам и своим безделушкам, перебирая их снова и снова, бормоча о своей преданности и клеймя их, дабы Самоа не выкрал их из её запасов.

Впоследствии побег из мелководья совершался ещё много раз, покуда не зажили разногласия между прекрасной леди и её супругом. И, учитывая ведение домашнего хозяйства, что они делали в полном одиночестве на этом одиноком судне, чудом было то, что они должны были когда-либо ссориться. Развод и продолжающаяся жизнь в одной и той же арендуемой квартире только усугубляли ситуацию. Поэтому Велизарий и Антонина снова объединились. Но теперь, став мудрее и опытнее, они и не любили безумно, и не ненавидели, но принимали всё как есть; нашли возможность соединиться без надежды на раскол и сделали всё, что могли, дабы положить сражению конец. Аннэту пришла к заключению, что Самоа не должен быть полностью порабощён, а Самоа решил, что лучше всего уступить слабостям Аннэту и позволить ей присваивать те вещи, которые ей понравились.

Но, как и во многих случаях, вся эта философия брака не выступала против бесконечного контакта заинтересованных сторон. Когда мужские рты

напоминают пчелиные соты, то намного лучше для восстановления былых времён ухаживания сделать их ещё более сладкими, подобно леди-пчёлам, складывающим в них свои сладости. Когда бездонные восторги мерцают в глубине глаз влюблённых, то лучше всего, когда их встречи чередуются с их отсутствием: вроде того, как это делали мой достойный лорд герцог и его герцогиня, Самоа и Аннэту, муж и жена, живущие в том же самом доме, всё ещё содержа на высоте свои отдельные чертоги. Герцог Мальборо, посещающий Сару, и Сара, посещающая Мальборо; смешнее не бывает.

Глава XXVII,
в которой завершается предыстория «Парки»

Проносились дни, дни и дни; и, двигаясь теперь по этому пути, избегающему предательских зелёных берегов, которые часто попадались, «Парки» поворачивал то в одну, то в другую сторону, пока, наконец, уже нелегко было понять, в какой части водного мира он находился. Хорошо понимая пройденные опасности, Самоа впал в отчаяние. Но благословен будет невежественный! Поскольку в день его отчаяния его сильная старая любимая жена предложила ему укрепить сердце, ободриться и мужественно держаться по направлению к солнцу, следуя за которым они должны будут неизбежно достигнуть её дорогого родного собственного острова, где все их заботы закончатся. И, находясь в согласии, они скользили всё дальше, опускаясь по жидкой сфере океана.

В тот день, когда мы заметили их в нашей лодке, они увидели группу невысоких островов, которые вызвали у них немалую панику из-за их сходства с теми островами, где произошла

уже описанная резня. Принимая во внимание, что они, должно быть, находились более чем в пятистах лигах от тех опасных мест, они всё же поменяли свой курс и обошли их и незадолго до заката, оставив острова за кормой, возобновили свой предыдущий курс. Но вскоре после этого они заметили нашу маленькую морскую «Серну», прыгавшую вдалеке по волнам.

Её они приняли за каноэ, посланное на их преследование.

Это разбудило и усилило их тревогу.

И когда, наконец, они почувствовали, что странный объект был лодкой, их страхи, вместо того чтобы быть развеянными, возросли ещё больше, поскольку их дикарское суеверие принудило их решить, что судно с белыми людьми, натолкнувшееся на них так внезапно, в открытом море и ночью, не могло быть ничем иным, кроме как фантомом. Кроме того, заметив нас обоих на «Серне», они представили себе нас призраками латиноамериканских индейцев. Тщеславие, которое удачно заглушило храбрость Самоа, как и у моего Викинга, вело к доказательству нашей нематериальности. Так, увидев нас решившимися высаживаться на бригантину после поспешного опрокидывания их движимого

имущества, с целью переноса самого ценного наверх для сохранности они спрятали всё, что смогли, и вместе устроились на передней мачте; мужчина с мушкетом, женщина с мешком бус. Прилагаемые усилия уберечь эти сокровища от призрачного присвоения родились не в реальном страхе, что они могут быть украдены: это был просто момент дикой паники, которой они поддались. Не упрекайте её, сердечную игру Велизария: как и большинство бесстрашных воинов Фиджи, он, оставивший множество убитых врагов, не пройдёт десяти ярдов в темноте один, боясь призраков.

Их цель состояла в том, чтобы остаться на мачте до восхода, при наступлении которого они рассчитывали на уход своих гостей; тех, кто достаточно уверенно наконец запрыгнул на их корабль, таким образом подтвердив их худшие предчувствия.

Они наблюдали за нами долго и искренне. Но стоит сказать, что, когда они устроились на этой воздушной вершине, их семейные противоречия опять обострились, что, наиболее вероятно, было вызвано внезапной теснотой.

Однако мне кажется, что, используя в своих интересах наш спуск в каюту, Самоа в отчаянии

сбежал от своей жены, и славный однорукий моряк проскочил от носа к корме мимо топ-мачты с мушкетом, висевшим на ремне за спиной. И получилось, что пара снова оказалась разделённой, хотя и несколькими ярдами, как будто оба находились на противоположных полюсах.

В течение всей долгой ночи они оба пребывали в большом недоумении относительно необычных гоблинов на борту.

С подобной любознательностью и тягой к выпивке супруги прежде никогда не сталкивались. Поэтому остыньте и систематизируйте: благоразумно остановить движение судна для обыска — лучше плана не придумать. Но что больше всего удивило их, так это наши факелы, вещи, не свойственные настоящим призракам. Затем наша еда и питьё на квартдеке, включая обдуманные движения и множество других одинаково странных действий, почти понятных Самоа для того, чтобы предположить, что мы были то ли тенями, то ли, в конце концов, людьми с луны.

Всё же они смутно отметили, что платья и штаны, которые мы носили, подобны тем, которыми капитан «Парки» наградил двоих латиноамериканских индейцев и в которых эти злодеи и были убиты. Это мнение, вместе с присутствием нашей

китобойной шлюпки, объединилось с нашим предполагаемым лунным происхождением. Но затем эти рассуждения вернулись к первоначальному суеверному мнению о том, что мы были призраками убитых метисов.

Однако, когда во время последней части ночи мы, громко жуя наши булочки, находились под логовом Самоа, он, пристально следящий за нами, уже почти решил выстрелить в нас для установления нашей материальности. Но, к счастью, он решил повременить с реализацией этой идеи, отложив её до появления солнечного света, если к тому времени мы не должны будем испариться.

В сознании Аннэту почти сразу с нашей первой посадки на бригантину что-то в нашем поведении породило тайное сомнение относительно подлинности нашей атмосферной организации; и рядом с оставленными ей предположениями Самоа, когда тот сбежал с её стороны, её возбуждённый скептицизм усиливался всё больше и больше. Откуда мы прибыли, она не знала; достаточно того, что мы казались ей желавшими разграбить её собственные драгоценности чистокровной аристократки. Увы! Все её мысли — о, мои кнопки, мои гвозди, мои топоры, мои долла-

ры, мои бусинки и мои коробки!

Пришедшая в отчаяние от этих мрачных предчувствий, она энергично встряхнула снасти, ведущие с её собственной высоты к Самоа, использовав этот метод для пробуждения его внимания к безобразию, какое, по всей вероятности, продолжалось в каюте, и прелюдии к наиболее вероятному вторжению в её собственный конец судна. Отважившись, она повысила свой голос, без сомнения предложив застрелить нас, как только мы выйдем из каюты. Но невозможность передать Самоа своё понимание происходящего доказала бесполезность её преступного намерения.

Когда её худшие страхи были подтверждены, а мы уже проникли на бак, последовало такое отчаянное сотрясение снастей, что Самоа, должно быть, еле удержался в страхе быть сброшенным с оснастки. И это было столь сильное раскачивание, что вызывало громкий скрип дерева, который мы так часто слышали в то время, пока находились ниже, в квартире Аннэту.

И через люк передней мачты, открывавший вид на бак, дама могла глядеть на нас прямо сверху вниз, поскольку наши передвижения выдавали огни, которые мы несли. После нашего

взлома её сейфа её негодование почти полностью победило её страх. Отсоединённый и брошенный на бак главный блок был уполномочен немилосердно разрушить череп Ярла, который был лучше виден с точки зрения воздушного наблюдателя, чем мой собственный. Но, брошенный вниз, он не причинил никакого вреда нашим головам и телам.

Наконец, уже рассветало, когда последовало открытие Ярлом жителя с грот-мачты, что дало возможность понять всё, что происходило вокруг нас на корабле.

И таковы, по сути, были первое, второе, третье и четвёртое действия из драмы «Парки». Пятое и последнее, включая несколько сцен, последует теперь.

Глава XXVIII
Обоснованные подозрения и кое-что о Калмычке

Хоть и изобилующий деталями, исполненными вкуса действительности, но рассказ Самоа сначала не казался в целом удовлетворительным. Но не то чтобы он был настолько странным: я слышал и более странные подробные описания.

Но одна причина, возможно, состояла в том, что я ожидал рассказ совсем иной, который бы подтверждал мои предыдущие предположения.

Но небольшое замешательство также было следствием того, что он видел острова предыдущим днём; хотя, после размышлений о том, что это, возможно, было случайностью, и также из-за немедленного изменения курса «Парки», «Серна» невольно и оказалась поблизости от корабля. Однако те острова не могли являться частью той цепи, которую мы искали. Они, должно быть, были некой областью, до настоящего времени не открытой.

Но кажется вероятным, думал я, что тот, кто,

согласно его собственному мнению, проявил себя столь героически в спасении бригантины, должен стать жертвой такого детского испуга от простой встречи с несколькими моряками в открытой лодке, хорошо снаряжёнными и вооружёнными, как он сам, при его сопротивлении их завоеванию судна, если таково было их намерение? Напротив, не было ли более естественным в его тоскливой ситуации приветствовать наш подход с предельным восхищением? Но, с другой стороны, мы были приняты за призраков не из плоти и крови. В целом я расценил рассказанное несколько подозрительно. Но он встретил мой пристальный взгляд с пониманием. В это время Аннэту, стоящая рядом, смотрела так многозначительно и по-амазонски характерно, что мои сомнения начали дрогнуть. И, вспоминая все мелкие инциденты их истории, понимаю, настолько трудно вызвать в воображении всю остроту деталей, чтобы они оказались лживыми; нет, это казалось настолько трудным, как и наколдовать их, и мои подозрения наконец отступили. И я больше не смог испытывать каких-либо предчувствий.

Говоря напрямую, мог ли Самоа сочинить такой ужасный рассказ о той резне, если не для

сокрытия некой трагедии, ещё более зверской, в которой он сам был участником преступления? Гипотеза, которая, по очевидным причинам, казалась вне рассмотрения. Правда, мне были известны полуцивилизованные существа, такие как Самоа, которые, являясь частью экипажей судов в этих морях, внезапно набрасывались на своих белых товарищей по команде и убивали их ради разрушения судна на берегу некоего близлежащего острова и разграбления его содержимого, когда корабль оказывался на мели.

Если он имел и ставил цели относительно «Парки», то где остальные мятежники? Не было никакого конца моим гипотезам, и чем больше я перебирал их, тем больше они умножались. Поэтому, не желая мучиться самостоятельно, когда ничего не могло быть изучено мною, я укрепился в симпатии в отношении к героизму Самоа; я уступил всему, решившись отдохнуть, полностью полагаясь на островитянина.

Ярл, однако, отнёсся к рассказу скептически и так никогда и не смог полностью ему поверить. Он упорно твердил, что эльфы наверняка сумели что-то сотворить с «Парки».

Когда моё собственное любопытство относительно бригантины было удовлетворено, Самоа

сам превратился в следователя. Он желал знать, кем мы были и откуда мы прибыли в нашей изумительной шлюпке. Пораскинув мозгами, я решил, что лучше всего отказаться от правдивого рассказа; ведь в представлении Самоа раскрытая правда уменьшила бы его уважение к нам как к мужчинам, стоящим выше его по уровню знаний и опыта. Поэтому я довольно неопределённо поведал о наших приключениях и решительно принял сторону владельца нашего бывшего судна, что, как я почувствовал, не оскорбило Островитянина. Что же касается Ярла и его желания что-либо рассказать, то я воспользовался первой возможностью, дабы внушить ему важность молчания о нашем бегстве с «Арктуриона», и попросил его не давать никаких своих комментариев, — инструкции эти он искренне обещал соблюдать.

Если с самим Самоа, несмотря на его дикие черты и искалеченную руку, я как-то нашёл общий язык, то гораздо менее я примирился с Аннэту, которая, обладая всеми конечностями, была молодой, миловидной, но весьма враждебной и чрезвычайно неприятной в моих глазах. Кроме того, она была тигрицей. Всё же, как избежать восхищения теми качествами Царицы амазонок,

которые так заметно помогли Самоа в спасении «Парки» от его предательских похитителей? Однако было обязательно, что ей должно было сразу вернуться под благоразумное подчинение и, сделав это, знать, раз и навсегда, что, оставаясь по-супружески мятежной, она должна согласно морскому закону оставаться покорной. Иначе идти морем с Калмычкой на борту казалось почти невозможным. Для большинства военных морских пехотинцев это запрещено законом: ни один офицер не может взять с собой свою Пандору с её ящиком без контроля.

Между прочим, это же самое имя, Пандора, присваивалось судам. Существовало британское судно с этим именем, посланное на поиски мятежников с «Баунти». Но всем, вплоть до старой смолы, владела пророченная именем судьба. Привязанное к дому, оно было разбито на рифе у Нового Южного Уэльса. Пандора, воистину! Симпатичное название судна: справедливый удар Судьбы по лицу. Но в этом вопросе крещения военных судов христианские страны слишком часто теряют голову. Засвидетельствуйте следующее: британец называет все свои суда — «Завоеватель», «Вызов», «Месть», «Вспыльчивый», «Дредноут», «Громовержец»

и «Потрясающий». Не забудьте «Этну», которая в пути на Корфу была поражена молнией, выдержав полученный с небес огонь. Но громоотвод Франклина, почти столь же мощный, как и посох Мои сея, обеспечил ей спасение.

С вышеупомянутым каталогом имён сравним французские, вполне схожие с особенностью стремлений месье:

«Судьба», «Великолепный», «Великодушный», «Волшебный»,

«Завоеватель», «Торжествующий», «Упрямец», «Бесстрашный», «Монблан». Наконец, испанцы; кто рылся в богословии мировой религии для прекрасных названий боевых кораблей, те не остановились при наречении одного из их трёхпалубных судов именем самой Святой Троицы. Но хотя в Трафальгаре

«Святая Троица» гремела, как Синай, её громы заставила замолчать победная канонада «Победы».

И, не будучи разнесёнными в осколки артиллерией, сколь ко же из этих «Устрашающих» и «Невидимок» уступили волнам, как хвастуны, которых отправили на дно ураганы вместе с их бравадами, начертанными на бортах.

Намного лучше американские имена (запре-

щающие «Скорпионов», «Шершней» и «Ос»): «Огайо», «Вирджиния», «Каролина», «Вермонт». И если даже когда-нибудь эти янки столкнутся с большими морскими проблемами — Боже упаси! — как здорово, поэтически говоря, расположить целый объединённый флот и растечься дальше по широкой поверхности от Флориды до Мэна. Да, да, действительно, очень славно! И как же тогда в этом гордом вое орудий спрятать изумление миролюбца Пенна и увидеть самого могущественного убийцу из всех из них, большую «Пенсильванию», полную его тёзку. Действительно, Оружие Пенсильвании должно быть деревянным, называемым военными мужами «квакерским».

Но всё это — эпизод, составленный из отклонений. Время повернуть судно и вернуться.

И вот, в надлежащем месте я забыл упомянуть, что вскоре после спуска с оснастки и в то время, когда Самоа повторял свой рассказ о приключившемся, мадам Аннэту спустилась вниз на бак проверить состояние своего движимого имущества. И, найдя всё в великом беспорядке, возвратилась на палубу необыкновенно взволнованной, где, сердито глядя на Ярла и меня, вывалила целый поток упрёков в оба уха Самоа.

Это презрение к моему присутствию сначала удивило меня; но, возможно, женщины менее склонны бывают впечатлёнными претенциозным поведением, чем мужчины.

Сейчас, используя боевую терминологию, скажу, что нет ничего лучшего, чем атака на врага под прикрытием дымовой завесы. И поэтому, увидав у Аннэту качества фурии, я дал ей понять — попросив её прощения — то, что ни судно, ни что-либо на нём не являлись её собственностью; но что каждая вещь принадлежала владельцам в Лахине. Я добавил, что существует опасность, что в любом порту или на стоянке её могут поместить под стражу по обвинению в воровстве. Грубая фраза для женских ушей; но как её избежать? Здесь была страстно увлечённая женщина, которая, согласно подсчёту Самоа, неоднократно заставалась на месте преступления пытающейся вывернуть болты, которые скрепляли доски. Скажите мне, была ли она хуже, чем каменная скала, упавшая на проплывавшее под ней крепкое судно?

Во время этой сцены Самоа говорил мало. Возможно, он был тайно рад, что его супружеская власть была укреплена мной и моим Викингом, чьи представления о надлежащем положении

жён в море также полностью совпадали с его собственными; однако их трудно было практиковать, хотя чисто теоретически эти идеи уже были доказаны.

Много раз, повернувшись к Аннэту, рассматривая любой вопрос с любезностью, я наблюдал, что все её шумы были бесполезны; и что если это и вело к худшему, то у «Парки» оставался корпус, который был незыблемым.

В конце концов она ушла в припадке плохого настроения; усевшись на брашпиль и свирепо глядя, подбоченясь и раскачиваясь из стороны в сторону, во время чего вскоре она принялась произносить мрачные призывы. Это звучали обращения к чолос, чтобы те появились и изгнали нас.

Глава XXIX
Что они обнаруживают при дальнейшем осмотре судна, и какое решение они принимают

Спускаясь в каюту с Самоа, я предложил ему разыскать документы бригантины, письменный стол капитана и навигационные инструменты; одним словом, что-то, что могло пролить свет на предыдущую историю судна или помочь в его возвращении.

Но почти каждая из этих вещей, по словам Самоа, исчезла из виду: документы, квадрант и судовой журнал. Ничего не осталось, кроме футляра от секстанта, который Ярл и я увидали в каюте.

Когда я услыхал такой ответ, мои подозрения снова усилились, хоть они и не исчезали, и я сразу подверг сомнению слова Островитянина об исчезновении столь важных вещей. В ответ он дал мне понять, что навигационные инструменты тайно унесла вниз на бак Аннэту и этой неутомимой и любознательной дамой они были полностью демонтированы для изучения. Теперь

уже было невозможно их восстановить, поскольку многие элементы были потеряны, включая цветные стёкла, прицелы и небольшие зеркала; и многие детали, что удалось найти, были настолько разбиты и сломаны, что стали полностью бесполезными. Позже в течение нескольких дней мы время от времени натыкались на фрагменты квадранта или секстанта, но смогли только объявить по ним траур.

Однако, хотя секстант и квадрант были вне досягаемости, я не стал сразу отказываться от надежды на обнаружение хронометра, который, если и остался в хорошем состоянии, пусть даже и в нерабочем, всё же мог бы быть приведён в пригодное к эксплуатации состояние. Но и его мы найти не смогли. Нет, ничего не удалось услышать о нём от Самоа, который и тут проявил чрезвычайное невежество.

Я серьёзно поговорил и даже пригрозил Аннэту, описав хронометр как живое, круглое существо вроде жабы. И хоть Аннэту даже повторила кваканье, которому я подражал, но она ничего не знала о приборе. Посоветовалась ли она по этому вопросу с Самоа и продумала ли сама, как обычно, теперь уже было невозможно определить. Действительно, по этому вопросу

она сохраняла молчание в такой несгибаемой глупости, что если бы она действительно что-то выдумала, то её самообладание глухой стеной заслонило бы потребность словесного обмана.

Возможно, однако, что этой вещицей она была обделена; на многих малых судах, как «Парки», никогда, как правило, не имеется указанных инструментов. Все мысли, а следовательно, все ориентиры относительно нашего пути, который вёл нас всё дальше и дальше в дикие воды, были бесплодными.

Судовой журнал также составил часть украденного Аннэту. Оказалось, что она взяла его в свою студию для раздумий. Но после самостоятельного изучения, ещё и ещё перелистав его и удивившись тому, как много различных листочков уместилось в столь малом объёме, она весьма внезапно почувствовала отвращение к литературе и выкинула книгу за борт, как ничего не стоящую. Несомненно, такую же судьбу разделили многие другие тяжёлые тома; они утонули быстро и глубоко. Может, они вынырнут на блошиных рынках в Камдене или Стоуи?

Однажды вечером Самоа принёс мне четверть от половины листа желтоватой, шершавой бумаги, очень грязной и покрытой дёгтем, которую

он обнаружил в тёмном отверстии на баке. Это явно была часть потерянного журнала; но всё написанное в ней, к тому времени разобранное и прочитанное, не передало информации относительно того предмета, что был ближе всего моему сердцу.

Любой прочитавший его не мог не быть поражён трагическим происшествием, которое здесь очень кратко было описано; так же, как и примечательно нарисованной иллюстрацией, поместившейся на краю листа. Благодаря краткости, не проглядывалось никаких дальнейших аллюзий в таком случае, как этот: «В этот день, во время штиля, Тубои, один из мужчин из Лахины, купался в море и был съеден акулой. Немедленно послали за его сумкой».

Тогда это последнее предложение включало двойное значение. Это — правда, что сразу после смерти одинокого моряка в море его товарищи по плаванию часто забирают себе его имущество и делят его; хотя одежду мертвеца редко носят до последующего путешествия. Этот делёж кажется бессердечным. Но моряки рассуждают следующим образом: лучше мы, чем капитан. Поскольку, согласно закону, писаному или неписаному, имущество моряка, умершего на борту

судна, должно быть сохранено офицером. Но поскольку моряки главным образом суть подкидыши и потерпевшие кораблекрушение и носят всё своё на руках и ногах, то среди них почти никогда не появляется какого-либо наследника по закону, требующего состояния покойного, а само наследство редко стоит столько же, сколько наследство графа Эстерхази. Изъятие «комплекта» мертвеца от бака до каюты часто проводится в противовес присвоению аналогичного имущества капитаном. Во всяком случае, на маленьких судах в долгих путешествиях так и происходит.

Говоря более, вышеуказанное предложение из судового журнала «Парки» было сочтено несколько неоднозначным. В тот момент я воспринял его как исключительное событие; сумка несчастного нищего водолаза не могла содержать какие-либо ценности, если, конечно, он не прятал там некий жемчуг Клеопатры, преступно извлечённый из раковин, выловленных в море.

В стороне от вышеуказанного абзаца находился весьма реалистично выполненный эскиз, нарисованный чернилами, изображавший сей несчастный случай: ноги бедняги были представлены на середине пути в процессе глотания его акулой, его руки твёрдо ухватились за зубы

монстра, как будто он изо всех сил героически сопротивлялся со всей возможной стойкостью.

Но, без сомнения, честный капитан сделал набросок этого памятника покойному со всей сердечной искренностью; возможно, во время печального досуга, который последовал за катастрофой. Несколько штрихов на странице были наполовину размазаны; по-видимому, то были вялые следы одной или двух солёных слёз.

От этого лишённого приукрашивания текста у меня родилось убеждение, что художник когда-то, должно быть, сам занимался китобойным промыслом. Я уже видел судовые журналы некоторых китобойных судов, украшенные несколькими подобными иллюстрациями, сделанными индийскими чернилами.

Когда киты бывают замечены, но не забиты, этот факт отражается рисунком в общих чертах самого стада, в виде широких изогнутых лопастей их хвостов. Но в тех случаях, где чудовище преследовалось и было убито, эта схема предстаёт закрашенной до угольной черноты, по одному хвосту на каждого убитого кита, представляя поражённых животных при переворачивании страниц; тем самым облегчая ссылки. Поэтому это выглядит довольно внушительно при созер-

цании всех подряд, трёх или четырёх, а когда-то пяти или шести таких рисунков, показывающих, что столько-то монстров в тот день выпустило свой последний фонтан. И старший помощник, в обязанности которого входит вести судовой журнал, вообще гордится красотой и точным сходством с жизнью, его счастливыми мгновениями; хотя, сказать по правде, многие из этих художников совсем не Ландсиры.

После тщетного поиска в каютах вещей, считавшихся самыми необходимыми, мы продолжили исследовать области, в которые пока ещё не проникали. Здесь мы нашли множество жемчужных раковин, кокосовые орехи, изобилие пресной воды в бочках, запасные паруса и оснастку, а также более пятидесяти бочек с солёной говядиной и булочками. На этих неромантичных упомянутых объектах я задержался довольно долго, и даже очень. На крышке каждой из бочек красовалось клеймо с названиями мест в Америке, с которыми я был хорошо знаком. То были клейма американских магазинов, обеспечивавших провизией некоторые суда, приплывающие с Гавайских островов.

Затем, познакомившись со всеми вещами уважаемого «Парки», которые можно было как-либо

изучить, я отправился на квартердек и, собрав вокруг себя Самоа, Аннэту и Ярла, обратился к ним со всей серьёзностью.

Я сказал, что ничто не даст мне большего удовлетворения, чем возможность немедленно возвратиться к месту резни и наказать её организаторов. Но поскольку нас всего четверо и местоположение тех островов мне совершенно неизвестно, — а если б даже и было известно, то находится вне нашей досягаемости, — то, так как мы не обладаем навигационными инструментами, становится ясно, что вся идея возвращения туда будет полностью бесполезной. Последняя из упомянутых причин также препятствует нашему продвижению к гавайской группе островов, где судно приписано; хотя это было бы самым желательным шагом, завершающим, в случае успеха путешествия, возвращение злополучного судна его владельцам. Но, учитывая все обстоятельства, казавшиеся важными, я добавил, что необходимо осторожно держать наш путь к западу. Это был наш самый лёгкий курс, поскольку мы тогда имели бы ветер с кормы. И хотя мы не могли, как надеялись, достигнуть любой точки, ранее намеченной, всё ещё оставалась положительная уверенность, что если мы

проплывём достаточно долго до встречи с островами, где уже можно будет уточнить курс, то оттуда, если мы решимся идти дальше, можем позже направиться в нужную сторону. Я тогда напомнил им о факте, что, пока мы идём морем, всегда остаётся некая перспектива встречи с дружественным парусом, в случае чего наша задача была бы решена.

Всё это я сказал спокойным, твёрдым тоном начальника, обеспокоенным и сразу принявшим не подвергаемое сомнению превосходство. Поскольку иначе Ярл и я могли бы скорее оставить судно немедленно, нежели остаться на борту, подвергаясь диким капризам Аннэту, которая через Самоа влияла бы на всё происходящее. Но я был уверен в своём Викинге, а если Самоа станет подчиняться, то можно будет не бояться его дамы.

И потому во время своей речи я внимательно следил за ним; таким образом, изучив достаточно, дабы убедиться, что, хотя он и подчинился мне в открытую, но, несмотря на отсутствие вредных мыслей, не мог в случае чего сыграть дурную роль. Но в его храбрости и первобытной честности, той, что он обладал, у меня было мало сомнения. Тогда дикому буйволу, каким он был,

одетому в супружеский хомут, полагаю, как ни крути, наше общество должно было бы понравиться, как альтернатива печальной тирании его супруги.

Как заклёванный муж, между прочим, Самоа представлял ужасное зрелище. Но, в конце концов, мне он понравился; ну, представьте себе пламенного коня со взъерошенной гривой, как укрощённый молодым Александром Буцефал: дикий конь после похлопывания предпочитающий держаться уздечки. Но остальное о Самоа мы расскажем уже скоро.

Наш курс определился, и команда судна молчаливо подчинилась мне, получив первое задание, состоявшее в том, чтобы привести в порядок каждую вещь. Изодранные паруса были заменены другими, вытащенными из кипы парусов в нижней каюте; в нескольких местах появился новый бегучий такелаж; блоки были повторно связаны, ослабленные элементы и паруса установлены и приподняты. Всем этим мы были главным образом обязаны моему Викингу, неутомимому и квалифицированному швецу, обладателю скипетра в этом ремесле.

Наведя порядок на маленьком «Парки» впервые с момента резни, мы подставили бризу новое

одеяние, состоящее из квадратных форм, и он изящно побежал вперёд; старый благородный Ярл у руля осторожно правил, как некий старый посвящённый приёмный отец.

Поскольку я стоял рядом, как капитан, или ходил вверх и вниз по квартердеку, то чувствовал большую важность от принятия впервые в моей жизни командования морским судном. Романтика обстоятельства в данном случае только усиливала это чувство: дикая местность и отдалённые моря, где мы были, характер моей команды и соображение, что, в конце концов, я и был хозяином, как командующий судном, на котором находился.

Глава XXX
Штрихи к портрету Самоа

Моё личное намерение зайти в архипелаг Королевская миля или смежные страны очень усилилось из-за общения с Самоа; и чем больше я общался со своим Велизарием, тем больше я оставался им доволен. И при этом я не мог избежать поздравлений самому себе ввиду присоединения к герою, который в различных обстоятельствах не мог потерпеть неудачу, что доказывало всё произошедшее с ним.

Как у любого значимого человека, вид Самоа лучше всего говорил сам за себя, но мы можем хорошо передать некоторую идею его личности. Выглядящий достаточно мужественно, скорее, обладая мощной фигурой, дикарь был далёк от того, чтобы быть сентиментальным. Пусть вас это не пугает, но он носил свой нож в мочке своего правого уха, которое, постоянно удлиняясь, почти достигло его плеча. Способ вкладывания его в ножны был чрезвычайно удобен, а сам нож имел размер намного меньше, чем бандитский горский кинжал, скрывающийся в гетрах шот-

ландца.

Но вот что сделала мать Самоа, которая когда-то проколола его насквозь и в другом месте. Средний хрящ его носа как бы немного выпирал и был похож на готический, с пробитым в нём отверстием, в котором, подобно собаке-ньюфаундленду, несущей тростник, Самоа носил украшение: хорошо отлакированный коготь.

В других деталях внешности он тоже выглядел щёголем. В своём стиле он имел, например, татуировку, которая казалась не совсем законченной; она покрывала его тело, но только по его вертикальной половине, от темени до подошвы; другая же сторона была лишена малейшей окраски. Поэтому внешне он был похож на союз непревзойдённых половин двух различных существ; и ваше воображение терялось в догадках, где бродят отсутствующие половины. Когда он внезапно оборачивался к вам, то казалось, что вы видите кого-то другого, но не того, кого вы видели прежде.

Но была ещё одна особенность у Самоа, находящаяся вне досягаемости искусственных новшеств, — его необыкновенные глаза, которые сияли в глазницах цивилизованного человека или дикаря так же ярко, как они сияли при

рождении. Действительно, наши глаза — вещь удивительная. Но, увы, в большинстве случаев эти божественные органы бывают простыми линзами, вставленными в углубления, как стёкла в зрительные оправы.

Но у моего Островитянина была душа в глазах: они наблюдали за вами так, как будто кто-то находился в них. Это надо видеть, чтобы убедиться! Время от времени они изменчиво блестели, как опал; в гневе — пылали, как сталь в состоянии белого каления.

Велизарий, как вы помните, совсем недавно потерял руку. Но вы решили бы, что он родился без неё; подобно лорду Нельсону, он высокомерно щеголял своим благородным обрубком.

Но мы больше не будем говорить про Самоа, только скажем следующее: этим именем нарёк его морской капитан, предложивший название островов — Савийан или Самоанская группа, иначе известная как Острова Навигатора, — его уроженцу. Остров Уполуа, один из той группы, удостоился особой чести его рождением, и как Наполеона называют Корсиканцем, так и мы будем иногда в этой традиции говорить о Самоа как об Уполуа. Он очень любил, когда его называли этим именем.

Как-то негалантно, что мы не перешли к леди. Но что стоит сказать об Аннэту? Пока я живу, я не могу написать приятный портрет этой дамы, поскольку лесть усугубляет неприязнь к уродливым предметам. Кроме того, непроходимое уродство должно оставаться без иллюстрации, как что-то ненужное, не требующее описания. Но единственное уродство — это уродство сердца, отражённое на лице. И хотя красота предстаёт в очевидности, только очарование незримо.

Глава XXX I
Бродя вниз и вверх

Все знают, какое восхищение вызывает блуждание вверх и вниз по старой пустой арендуемой квартире в некой тёплой мечтательной стране, где в свободных комнатах эхом отражается тишина, открытые двери скрипят, как шаги незнакомцев, а тёмные ветви деревьев старого сада лезут в каждое окно, словно руки ночных грабителей; и как только начинаешь прибивать деревянную обшивку, то позади неё, как будто игральные кости, начинают грохотать мыши. Вверх и вниз в таком старом доме любят блуждать призраки, особенно если место связано с некой удивительной историей.

И во время сонливой неподвижности тропического морского дня в плену у таких размышлений оказался я, решив изучить получше нашу небольшую бригантину, чей трагический корпус наследовал память о резне, всё ещё неся её неисчислимые следы.

И желание тихой прогулки и мечтательности овладело мной оттого, что мне казалось,

будто вокруг никого не существовало. Самоа, например, резервировал себе для собственных размышлений какое-то время. И Аннэту редко беспокоила меня своим присутствием. Она была связана дружбой со своими набивными ситцами и драгоценностями, которые я разрешил ей сохранить, чтобы держать её в хорошем настроении, насколько это представлялось возможным. А что касается моего королевской крови старого Викинга, то он был одним из тех людей, которые редко говорят, и только тогда, когда к ним обращаются лично.

Кроме того, всё, что было необходимо днём для управления «Парки», состояло в том, что кто-то должен был стоять у руля; судно было настолько маленьким, а точка, где стоял рулевой, так приподнята, что он видел далеко за бушприт, таким образом производя бдительное наблюдение за морем, необходимое для управления нашим движением вперёд. Во всех других отношениях мы предоставили бригантину опекунству нежных ветров. У меня была моя собственная очередь у руля — хоть я и был командиром, но чувствовал себя принуждённым разделить эту обязанность с остальными, всего один раз за двадцать четыре часа. И я не только назначил Ярла и Самоа

исполняющими обязанности рулевых, но также и госпожу Аннэту, которая стала довольно опытной в этом деле. Хотя Ярл всегда утверждал, что имелся небольшой недостаток в её склонности к этому призванию. Слишком часто любуясь своим прекрасным изображением, частично отражённым в стекле нактоуза перед нею, Аннэту время от времени пренебрегала своей обязанностью и вела судно некими окольными зигзагами. Но она была, я думаю, не первая женщина, которая когда- либо приводила мужчин в нервозное состояние.

По вышеуказанным причинам у меня оставалось много свободных часов, когда я поднимался наверх и бездельничал в петлях топселя — одного из многих аккуратных укромных уголков в оснащении судна — и, пристально вглядываясь в даль синего безграничного моря, задавался вопросом, не исчезла ли та неизвестная земля, до которой мы были обречены дойти. Или в состоянии некоторой задумчивости я бродил туда и сюда, скользя, замирая, от одной мачты до другой, взбираясь наверх, до самых верхушек мачт, или появлялся на концах перекладин, исследуя всё и везде, где удавалось задержаться. Это походило на лазание по могучему старому дубу

и отдых на его ветвях.

Для моряка корабельные канаты — предмет изучения. И для меня каждый верёвочный узел «Парки» представлял интерес. Причудливый фасон его покровов, его стоячих воротников, стремян, петрулиней, фламандских узлов, прокладок — вся диковатость его оснащения демонстрировала определённые следы его происхождения.

Но, возможно, мои приятные часы были теми, что я провёл, растянувшись на груде старых парусов у передней мачты, лениво дремля под лёгкой качкой судна.

Часто я спускался в каюту, в пятидесятый раз исследуя шкафчики и купе в поисках новых любопытных объектов. И часто с мерцающим фонарём я входил в непреходящую полночь, как в старые хранилища и катакомбы, и проползал между влажными боками бочек, через которые проникал в самые удалённые места.

Иногда, пролезая змеёй по ним, я освещал различные удалённые укрытия Аннэту, где уютно прятались разные вещи, которыми она была поражена. По правде говоря, немалая часть корпуса оказалась складом товаров, украденных из собственных внутренностей. Я обнаружил

лихую береговую кепку капитана, скрытую в полой сердцевине верёвочной катушки, закрытой в наиболее трогательной естественной манере кучей старых верёвок, а поблизости, в бочонке, несколько целых рулонов набивного ситца, героически связанных вместе шнурами столь крепко, что такими узлами можно было удержать гротмачту.

Рассеянный свет, который, когда люк бывал открыт, падал вниз, в эту часть трюма, освещал огромный торец деревянного пня, укороченного, как Карл Первый. И здесь была циновка, явно распростёртая для отдыха: открытие, которое часто помогает разгадать загадку. Нередко Аннэту внезапно пропадала; и хотя от бушприта до кормы её громко призывали появиться поскорее и снять беспокойство с её взволнованных друзей, дама оставалась пропавшей, тихой и невидимой, как дух. Но в её собственное предпочтительное время она загадочно появлялась или была внезапно замечена спокойно бездельничающей в баке, как будто у неё впереди имелась целая вечность. Бесполезно было спрашивать: «Где вы были, милая Аннэту?» Ответ оказался бы совсем не милым.

Но теперь проблема была решена. Здесь, находясь в этой тихой бочке, Аннэту имела привычку

сворачиваться подобно змее, лежащей под камнем.

Стерегла ли она таким способом свои секреты, словно часовой, ходящий вокруг склада с товарами; выполняла ли она здесь епитимию, как монахиня в своей келье, или пришла к этому необъяснимому чудачеству под влиянием воздуха, сказать было невозможно. Может, у вас будет своё объяснение?

Воистину, её пути были подобны путям непостижимых пингвинов в строительстве их непостижимых гнёзд, которые потрясают всю науку и превращают мудреца в дурака.

Изумительная Аннэту! Кто сможет тебя понять?

Глава XXX II
Xiphias platypterus

В какое-то время одиночество в нашем путешествии было скрашено событием, которое стоит описать.

Начиная с бегства с Острова Жемчужных Раковин «Парки» сопровождали косяки рыбок, приятно оживлявших море и плававших вокруг корабля. Но напрасно Ярл и я искали в их рядах маленькую, стальной синевы рыбу-пилота, так долго эскортировавшую «Серну». Но поскольку «Серна» находилась теперь высоко и сохла на палубе «Парки», наши умные маленькие курьеры-докладчики выписывали свои восьмёрки глубоко в морской воде, несясь впереди возле киля.

Но не рыба-пилот интересовала нас.

Однажды утром наше внимание было привлечено к сильному волнению в воде. Косяки рыб бросались туда и сюда и выпрыгивали из воды в предельном страхе. Самоа объявил, что это их смертельный противник, рыба-меч, должно быть, находится где-то рядом.

И здесь позвольте мне сказать, что из всех хулиганов и хвастунов, храбрецов и флибустьеров, и Гекторов, и стражников, и странствующих рыцарей, и пограничных разбойников, и ассасинов, и бандитов, и галантных солдат, и бессмертных героев, которые плавают в морях, индийская рыба-меч является, безусловно, самой удивительной, и я предлагаю посвятить эту главу специальному описанию этого воина. В выполнении чего я не последую примеру всех летописцев и историков, моего друга Тацита с Пелопоннеса и других, которые когда-то уделяли много места для биографий выдающихся разрушителей; с целью, без сомнения, поддержания их статуса деятелей мирового значения.

Итак, рыба, здесь рассматриваемая, является существом отличным от меч-рыбы, часто посещающей Северную Атлантику; намного удлиняющей путь каждого и ускоряющей скорость кораблей. Кроме того, так называемая индийская рыба-меч отличается от своего вышеупомянутого тёзки. Но морякам в Тихом океане она обычно известна как рыба Билла; в то время как тем, кто любит науку и чёткие имена, да будет известно, что среди образованных натуралистов она называется диковинным именем — xiphias platypterus.

Но я отказываюсь для своего героя от всех этих его фамилий и заменяю его намного лучшим одним моим собственным, а именно — Кавалер. И Кавалер этот обладает хорошими правами и титулом. Истинный вассал смуглого принца Эдварда в те славные дни, когда все господа были известны своими мечами; тогда как в настоящее время, исключая рыбу-меч, они, главным образом, известны своими высокими полированными ботинками и ротанговыми тростями.

Доблестный, отважный и бойкий Шевалье — наш герой, двигающийся со своим длинным толедским мечом, постоянно выставленным вперёд. Положитесь на него, он будет сражаться рядом с вами рука об руку, у его костистого лезвия никогда не бывает ножен. Он сам отказался от них при рождении; да, в тот момент он впрыгнул в Сражение из Жизни, как и мы все, смертные, сами при рождении голые и неодетые. Всё же мы сами, скорее, являемся ножнами для наших душ. И привлекательность души гения ярче, чем привлекательность меча Саладина. Но сколько времени отведено их стальному сну, поедающему сначала сами ножны, а затем и разъедающему всё остальное до ржавчины цвета жареного картофеля? Видели ли вы когда-либо

пригорки из старых испанских якорей и якорные запасы древних галеонов у залива возле Кальяо? Мир наполнен старыми оружейными башнями, ветхими венецианскими арсеналами и ржавыми старыми рапирами. Но истинные воины полируют свои славные лезвия яркими утренними лучами и опоясывают ими свои храбрые филеи, и наблюдают за пятнами ржавчины на оружии своих противников, и при помощи множества крепких ударов и выпадов сохраняют металл блестящим и хорошо отточенным, словно копья северного сияния в Гренландии.

Искры от кремня — наш разгневанный Шевалье. Он обижается на киль любого судна, пересекающего ему дорогу, и немедленно проделывает в нём отверстие; с одним безумным желанием вонзает он своего чистого Андреа Феррару до конца, нередко ломая свой короткий меч у рукояти, храбро оставляя своё лезвие в наиболее важных частях тела своего противника. В случае с английским кораблём «Гончая» лезвие проникло через самую твёрдую часть его корпуса, наклонную, полностью пройдя через медные пластины и древесину, и вышло на несколько дюймов из неё. По возвращении судна в Лондон оно было тщательно распилено и выставлено

в оригинале, как окаменелость, в полной сохранности. Но то было сравнительно безопасное нападение отважного Шевалье. Судно «Руссо» из Нантакета испытало большие трудности. Ему нанесли почти смертельный удар: его противник забрал своё лезвие. И только под лязг насосов судну удалось дойти до таитянской гавани, «прилечь на кровать» (войти в док) и при помощи хирурга залечить свою рану смолой и паклей. Это судно я встретил в море вскоре после бедствия.

В каком оружейном складе наш Шевалье восполняет потери после одного из своих злобных сражений, сказать нелегко. Но ему, оказавшемуся в списках безоружных и разоружённых, очень трудно будет рассчитывать на милосердие какой-либо подлой акулы, с которой он может повстречаться.

Сейчас, видя, что наши товарищи-путешественники, маленькие рыбы-спутники, были очень измучены и сокращены в численности вторжениями упрямого Шевалье, стряпавшего себе из них обильный завтрак, я решил за них вступиться и захватить врага.

Акульим крюком и лесой я с успехом вытянул своего храброго джентльмена на палубу. Он совершил резкое приземление, упёршись о доски

своим жилистым хвостом, в то время как на полтора ярда далее перед его глазами простиралось его ужасное лезвие.

Как победитель, я был наделён правом на плавники побеждённого; поэтому, быстро разделав его и отпилив толедский меч, забрал его как трофей. Лезвие было трёхгранным, немного вогнутым с каждой стороны, как штык, и приблизительно трёх дюймов в основании, сходящееся на нет остриём. И хотя оно закалено было не в Тахо и Гвадалквивире, но всё же, как показывает его поверхность, волнистое зерно и водянистые чешуйки характерны для закалённых лезвий Испании. Это был ароматический меч, как дерево калиф, выделяющее специфический мускусный аромат при трении. Не сильно отличающийся от стали Тахо или Дамаска, он был несгибаем, как ствол винтовки Крокета, и потому, без сомнения, смертелен.

Долго провисевший, подобно рапире, в изголовье моего гамака, был ли он так же знаменит, как хорошее острое лезвие храброго Баярда или другого рыцаря? Рыцарь, возможно, убил с десяток врагов или пять десятков, но оружие, мной сохранённое, несомненно, разрезало и пронзало их тысячами.

Глава XXX III
«Отард»

И вот ещё небольшой инцидент.

Однажды днём, в одиночку из любопытства проникнув в трюм, я неожиданно получил доказательство, что злополучный капитан «Парки» был человеком здравого рассудка и самого взыскательного вкуса. Короче говоря, я обнаружил ароматную бочку славного старого коньяка «Отард».

Сейчас я не хочу говорить легкомысленно о какой-либо вещи, непосредственно связанной с неудачливым капитаном. Но, с другой стороны, стоит ли изображать безутешного скорбящего, который среди других скорбящих повязал бы траурный креп о своём умершем друге Джо Миллере? Годится ли? Но позвольте это пропустить. Я нашёл «Отард» и пил его, сочтя его, кроме того, самым приятным по вкусу и аромату, радующему душу. Мой следующий импульс состоял в том, чтобы разделить мой приз с моими товарищами по плаванию. Но здесь разумней будет предусмотреть события. От морских монархов, своих

предков, мой Викинг унаследовал одно из их кардинальных достоинств, а именно отвращение ко всем винам и спиртным напиткам; но поскольку он давно не видел выпивки, то немедленно выпил бы всё, что было бы ему предложено. Будучи терпеливым, как Александр Великий и другие монархи, Ярл был склонен к долгому ожиданию. И хотя в море он был более трезв, чем Пятый старейшина при Монархе, так только потому, что находился тогда вдали от искушения. Но, обнародовав слабую сторону моего Викинга, я искренне полагаю, что она не может унизить его ни в какой оценке благо родного человека. Только подумайте, сколько людей походит на него, начиная с Александра Великого, и особенно среди его собственного класса; и, умоляю, взгляните на то, что большинство его собратьев с широкой душой по той же самой причине являются самыми склонными к возлияниям, и потому, будучи пьяными, они пребывают в более весёлом настроении, чем другие.

Касаясь Самоа, учитывая отсутствие его мнения относительно воздействия спиртного на подчинённых, я заключил, что, наряду со своими другими тайнами, покойный капитан очень мудро держал свой «Отард» при себе.

И при этом я не сомневался, что Уполуану, как всем полинезийцам, спиртное очень сильно ударило бы в голову и, выпивши, он стал бы тяжёл на подъём более, чем Шварцвальдский боров. А что касаемо Аннэту, то я боялся даже думать, что «Отард» может воспламенить в ней ярость более жестокую, чем та, что преследовала Ореста.

Хорошо, что я тогда подумал об опасности разглашения моего открытия; подумал о тихих, коварных, вездесущих опасностях того путешествия, всех обстоятельствах, очень плохих, вызванных проникновением опьяняющего напитка в моих компаньонов, и решил отказаться от него вообще.

Настолько впечатлённый всем этим, я на мгновение почти решил перевернуть бочку на её помосте, удалить пробку и вылить её содержимое, дабы смешать с грязной водой, державшейся на дне судна.

Но нет, нет: растворить морскую воду с двойной дистиллированной душой драгоценного винограда? Да разрази меня гром!

С другой стороны, он мог бы играть роль в лечебных целях, и сам Парацельс одобрил каждый стакан, выпитый за здоровье. В конце концов, я решил позволить ему оставаться там, где он

и был найден, посещая его иногда в одиночку для осмотра. Но посредством совета всем капитанам судов позвольте мне сказать, что если ваш запас коньяка и будет выставлен на виду в недобрый час аварии, то спасение окажется в вашем запасе духа — лучшей оснастки спасательной шлюпки.

Глава XXX IV
Как они держат курс

В момент установки «Серны» на бригантину мы, как я полагаю, уже прошли как минимум двести лиг к западу от точки, где тогда находился оставленный «Арктурион». Хотя насколько далеко, а также в какую сторону, к северу или к югу от экватора, я не могу сказать ни с какой абсолютной уверенностью.

Но то, что мы не удалялись на значительное расстояние от линии экватора, казалось очевидным. И самой звёздной ночью не обнаруживалось никакого признака видимости противоположных полярных созвездий, хотя мы часто просматривали северный и южный горизонт в их поисках. Насколько вид неба возле линии горизонта зависит от географической широты, мог сказать только человек, долгое время эти небеса изучавший.

С учётом моего предположения относительно нашей долготы, на которую я только что здесь сослался, и учитывая тот минимум пути, который нам удалось проделать на «Парки», нам теперь

оставалась какая-то сотня лиг под парусом, и мы увидали бы страну, которую искали. Но не было никакой возможности сказать, сколько именно времени мы могли бы продолжать плавание, не видя землю. Успокаиваясь, лёгкие бризы и потоки делали каждый расчёт сомнительным. Не имелось никакого точного метода оценки нашего продвижения на запад, кроме того, что называют Точным расчётом, — с ежечасным вычислением узлов, — как и того, что исходные данные были взяты от воображаемого отклонения от нашего курса из-за океанских потоков, которые время от времени в этой части Тихоокеанского региона обладают очень большими скоростями. Сейчас во многих отношениях мы не могли не чувствовать себя в большей безопасности на борту «Парки», чем на борту

«Серны». Чувство опасности притупляется с увеличением числа тех, кому эта опасность угрожает. Тот, кто готов отчаяться при опасности в одиночестве, мужает сердцем в присутствии товарища. Во множестве товарищей — больше самообладания и взаимного утешения.

Однако на бригантине было много источников беспокойства и беспокойств, неизвестных мне на китобойном судне. Правда, теперь у нас между

палубой и бездной имелось пятьсот славных досок на каждой планке нашего маленького жизнерадостного корабля. Но «Парки» требовал большой заботы и внимания; особенно ночью, когда бдительное наблюдение было обязательно. При безответственности на нашем китобойном судне мы, возможно, подошли бы близко к мелководью или рифам, а потому подобная небрежность или безрассудство теперь могли бы оказаться фатальными для всех нас.

Хотя в радостном солнечном свете, проплывающем через сверкающее море, меня мало беспокоили серьёзные предчувствия, в часы темноты они выглядели иначе. И предчувствия, словно губка водой, подпитывались небрежностью Ярла и Самоа в период их ночных вахт. Несколько раз я был охвачен смертельной паникой и внимательно рассматривал тёмный горизонт, когда, пробудившись от дремоты, обнаруживал рулевого, в чьих руках в то время были сосредоточены наши жизни, стоящего спящим у румпеля, подобного скульптуре дракона с открытым от удивления ртом, которая была грубо вырезана на нашем носу.

Сам я, побывавший на борту других судов и много раз дремавший у руля, злился оттого, что

пребывал в почти полной неспособности извести эту беспечность в моих товарищах. Мне казалось, будто объяснение последствий данной ситуации должно стать достаточным, чтобы предотвратить подобное поведение на борту нашего судна.

Облик Самоа, спящего на вахте, был почти ужасен. Его большие опаловые глаза были полуоткрыты, и отражённый свет от нактоуза мерцал между его веками, как языки пламени. И венцом зрелища были его гигантский рост и дикие черты лица.

Напрасно я протестовал, просил или угрожал: случайная сонливость моих товарищей-путешественников оказалась неизлечимой. С этой целью я напомнил своему Викингу, что сон в ночных вахтах на таком судне, как наше, сильно отличается от подобной беспечности на борту «Арктуриона». На его борту наше местоположение в океане было всегда известно, и наше расстояние от земли тоже; и если морякам ночью разрешалось быть сонливыми, то главным образом потому, что капитан хорошо знал, что можно обойтись без чрезвычайной осторожности.

Хотя во всём остальном Небожитель показал себя как самый верный союзник, но только в этом вопросе он оказался либо упрямо тупым, либо

безумным. Или, возможно, снова оказавшись на двухпалубном судне, подобное которому укачивало его раньше, он был убаюкан обманчивой безопасностью.

Для Самоа его сонливость была сонливостью одного удара во сне, приносящего мечту или смерть. Он казался нечувствительным к опасности, которая нам угрожала. Часто я с сожалением отсылал сонного дикаря вниз и принимался самостоятельно рулить до утра. В дальнейшем я считал обязательным для себя дневной сон, чтобы легче было стоять и смотреть ночью; хотя и Самоа, и Ярл должны были регулярно стоять на вахте по четыре часа каждый.

Уже было упомянуто, что Аннэту тоже стояла за штурвалом; но это было только днём. И, отдавая должное леди, я должен подтвердить, что в этом она показала себя с лучшей стороны. Поскольку, несмотря на постоянное самолюбование лицом сирены в стекле нактоуза, который смутно очаровывал её взгляд, Аннэту оказалась самой дисциплинированной среди всех остальных, кто стоял у рулевого колеса. Действительно, она гордилась своим заданием, всегда готовая к своей очереди, с изумительной точностью вычисляя приближающиеся часы, когда подходила

их очередь. Её хронометр был и нашим — солнцем. Ночью им, должно быть, была одна из звёзд, для чего она часто пристально глядела на особую часть неба, как будто через телескоп в обсерватории.

Вследствие некоего странного рассуждения она тешила себя понятием, что тот, кто стоял за штурвалом бригантины, и являлся капитаном в течение этого периода. Действительно, она давала себе полную свободу за штурвалом: экстравагантными жестами отдавала неразборчивые приказы о поднятии парусов или выкидывала за борт что-нибудь, чтобы увидеть, как быстро идёт корабль. Всё это очень развлекало моего Викинга, которого несколько раз охватывал смех, настолько громкий и здоровый, что нельзя было не отметить такие случаи занесением их в хронику.

И всё это говорится про Аннэту для того, чтобы предварить то, что далее будет сказано. Наблюдение за сонливыми Ярлом и Самоа, которое так часто ночью удерживало меня вне моего гамака, вынуждало меня отдыхать днём, когда я как раз предпочитал вовсю бодрствовать, и поэтому я решил позволить Аннэту стоять вахту по ночам; она несколько раз просила меня об этом,

чтобы дистанцироваться от сонливого супруга, одновременно воздерживаясь от всяческих размышлений о Ярле, к которому она в последнее время прониклась чрезвычайным расположением.

Теперь Калмычка выстаивала свои первые ночные часы с восхищением, если не сказать с превеликим бдением. Для простого управления судном не требовалось использование её достаточно активного ума. Иногда и внезапно у неё возникала потребность бросить румпель, чтобы схватиться за поручень, конец которого вёл вниз, в каюты, где она подкрепляла себя глотком или двумя воды и кусочком булочки, а затем продолжала стоять у руля, глядя далеко вперёд и преисполнившись важности от своей службы. При любом необычном колебании парусов или сильной тряске палубы я свистал всю команду. Найдя Аннэту такой неутомимой, я с готовностью побудил её выстаивать по два часа за Ярла и Самоа, и, когда она стояла у руля, я разрешал себе дремать на груде старых парусов, распростёршись каждый вечер на квартердеке.

Небожитель же часто убеждал меня «свёртывать паруса» каждую ночь, дабы остановить движение судна до утра; этим планом он, воз-

можно, хотел гарантировать спокойный сон для всех. Но, как оказалось, такой курс был бы чрезвычайно неблагоразумным. Если не двигаться по воде, быстрые течения, с которыми мы столкнулись, непрерывно стали бы нести нас в восточном направлении, поскольку, вопреки нашему предыдущему опыту, они, казалось, недавно полностью изменили своё направление; явление, безусловно, необычное около линии экватора в Тихом океане. И оно оказалось тем, что продлило наш проход на запад. Даже при умеренном бризе я иногда полагал, что импульс ветра немного больше встречного движения потоков, и настолько, что с большим количеством надутых парусов мы в действительности оказывались стоящими в одной и той же точке океана.

Экваториальные течения Южных морей считаются самыми таинственными из глубинных тайн. Откуда они прибывают, куда идут, кто знает? Скажите нам, какой скрытый закон регулирует их поток. Независимо от теории, которая приписывает им почти обязательное направление с востока на запад, вызванное восточными ветрами с экватора и сопутствующими действиями полярных потоков, эти течения всегда переменчивы. Невозможно наверняка знать

период их изменений или предсказать его.

Но, однако, трудно объяснить определённую причину океанских потоков в любой части мира одним из благотворных эффектов, что кажется достаточно очевидным. И хотя обстоятельства, на которые здесь ссылаются, возможно, известны каждому человеку, то его можно будет расспросить, наделены ли они вообще той важностью, которую заслуживают. Объяснение здесь основано на постоянном смешении и очистке морской воды из-за течений.

То, что океан, согласно популярной теории, обладает специальным очищающим реагентом в своих солях, должно быть подвергнуто некоторому сомнению. Не может явно отрицаться, что те самые соли, что могли бы испортить его, не являются результатом оживлённой циркуляции внутренних его частиц внутри потоков. Морякам известно, что морская вода, оставленная в ведре в тропическом климате, очень скоро становится совсем отвратительной и не имеющей никакого сходства с дождевой водой.

Но я не строю теорий. И, возражая вышеупомянутому заявлению, позвольте мне добавить, что упомянутая порча морской воды, оставленной в ведре, может возникнуть в немалой степени

из-за присутствия разложившихся в ней фрагментов животных.

Глава XXXV
Ах, Аннэту!

Чтобы открыть всё полностью, я должен ещё раз осудить Аннэту за её мелкое воровство и за то, к чему привело это воровство. По простоте моей души мне казалось, что дама, которой польстили более, чем она заслуживала, должно быть, была уверена, что я оставил её в покое, поскольку уже направил её на путь истинный и уберёг её от воровства. Но нет. Она была одержима неким множеством бесов, постоянно вредящих окружающим, к их, бесовской, собственной отдельной радости, и немногие из множества её шуток приносили пользу ей как в настоящем, так и в будущем.

Однажды пропала вьюшка лага. Позвали Аннэту. Она пришла, но сказала, что ничего об этом не знает. Ярл провёл целое утро за изготовлением замены, и спустя несколько дней мы случайно натолкнулись на потерю: вещь скрывалась на грот-мачте.

В другой раз, обнаружив, что небольшое судно тормозит при повороте, как будто кто-то под

водой дёргал его назад, мы провели серьёзную экспертизу, чтобы узнать, что случилось. Когда поискали, то нашли верёвку, ловко привязанную к одному из звеньев цепи под главным створом правого борта. Верёвка что-то тянула за кораблём на глубине. После вытаскивания с глубины длинного троса с тяжёлой корзиной там был обнаружен крепкий деревянный ящик, который при вскрытии явил нам различные ножи, топоры и обухи топоров.

Вызванный к этому зрелищу Уполуан утверждал, что трижды он отбирал такой же ящик из рук Аннэту.

Итак, здесь находилось четыре человека, закрытых в этом небольшом дубовом судне, и в настоящее время у них имелись общие интересы. Какой нормальный смертный мог бы объяснить это воровство без повода и причины? Это походило на чистейшую кражу вещи из одного кармана и перекладывание её в другой. К чему тогда это могло бы привести, в конце концов?

Да вскоре и привело, к общему утешению, а именно к отделению компаса от нактоуза; поэтому мы вынуждены были заменить его тем, что был у нас на «Серне».

Это сделал Ярл, который первым обнаружил

это последнее и опасное воровство. Аннэту стояла у руля на закате, он пришёл, чтобы сменить её, и, надеясь узнать, как наши дела, был поражён ужасной пустотой на месте нактоуза.

Я вскочил на ноги, разыскал женщину и железным тоном потребовал компас. Но её лицо оставалось невозмутимым, каждое слово опровергалось.

Дальнейшее милосердие было бы безумием. Я вызвал Самоа, рассказал ему, что произошло, и подтвердил, что нет иного способа обезопасить нас, кроме как по ночам лишать свободы его супругу. С этим он тайно согласился, и в тот же самый вечер, когда Аннэту спустилась на бак, мы заперли за ней люк во избежание её бегства. Она долго кричала, но безрезультатно. И каждую ночь эта сцена повторялась, и дама выкрикивала свои мольбы более энергично.

Где-то мы уже намекнули, что Аннэту иногда строила глазки Ярлу. Поэтому я был немало удивлён, когда её поведение по отношению к нему решительно изменилось. Частенько до этого, подтягивая с нами оснастку, она хитро щипала его, а затем смотрела в другую сторону, невинно, как ягнёнок. Теперь же она могла отказать в помощи при работе с оснасткой и перекашивала лицо

после ополаскивания водой из деревянной бадьи, если мой Викинг ранее рисковал отпить воды оттуда. В другое время, когда честный Небожитель поднимался на палубу, она высмеивающе кричала и показывала свой язык, сопровождая всё это определённо недвусмысленными и чрезвычайно неприличными жестами, вызванными глубоким презрением, с которым она к нему относилась.

Всё же Ярл никогда не уделял внимания проявлениям её невоспитанности и терпеливо пропускал и прощал их. Когда же он спросил о причине исключительного поведения дамы, я ответил, отведя взгляд, что она в последнее время очень интересовалась моим Викингом, но не встретила взаимности.

Несомненно, Ярл, который был во многом философом, невинно предполагал, что со временем леди простила бы и забыла его. Но что знает философ о женщинах?

Отвращение Аннэту к нему стало столь долгим и настолько серьёзным, что честный старый моряк не мог её более выдерживать и, как самый добродушный мужчина, когда-то совершенно беспристрастный, оказался накрытым целиком ужасным тайфуном страстей. Он предложил немедленно отстранить женщину от всех дел

и утопить, но настаивал на этом недолго.

Идея убийства заразительна. Сначала я почти ухватился за это предложение, но быстро отклонил его. Ах! Аннэту, невыносимая Женщина! Спасите меня, боги, от того, чтобы снова быть запертым на судне с таким шершнем.

Но что же делать с нею? И вот ещё что. До настоящего времени она продолжала выполнять обязанности, назначенные ей с начала путешествия, а именно те, что были из кулинарного раздела. От этого она была теперь отстранена. Её вертел был сломан. Мой Викинг торжественно утверждал, что он ничего больше не съест из её стряпни из страха быть отравленным. Да я сам почти верил, что в шалунье сидело преступное намерение приготовить нам бульон с беленой.

Но что сказал Самоа обо всём этом? Относительно вопроса кулинарии, доверяя нам, как и раньше, он был всё же слеп к замышляемым, но ещё не содеянным грешкам своей супруги. Всё так и обстояло. И так же был слеп сам Велизарий относительно интриг Антонины!

Есть свидетельства, что когда ему доложили о связи благородной дамы с молодым человеком Теодозиусом, то её введённый в заблуждение супруг обвинил сплетников в том, что это они

и наградили его рогами.

Однажды, охваченный внезапным желанием смягчить очередную кражу, Самоа гордо сообщил, что не встречал леди более добродетельной из всех существ её пола.

Но, увы, бедная Аннэту, зачем говорить больше? И, вспоминая о тяжёлой судьбе, которая так скоро настигла тебя, я почти раскаиваюсь в том, что уже сумел слишком искренне тебя изобразить.

Глава XXXVI
«Парки» теряет душу

Долгий штиль мы пережили в лодке, а затем Бог послал другой штиль на бригантину. Он был душным и долгим.

В этом горячем штиле мы лежали неподвижные и застывшие, как командор Перри на полюсе. Солнце играло своими лучами на гладкой поверхности моря, как на леднике.

В конце второго дня мы подняли глаза и смогли созерцать нижний слой ползущего голодного облака, расширяющегося, как армия, фланг за флангом, перед восточной частью горизонта. Ярл немедля и с тревогой указал на него.

Здесь стоит сказать, что если в течение многих дней и недель экваториальные широты Тихого океана остаются самыми спокойными и самыми солнечными, то, когда штормы действительно приходят, они приходят полные сил, за короткий срок расходуя себя взрывом своего сконцентрированного гнева. Они налетают, как мамелюки: с энергией и издалека.

Оставался целый час до заката, но солнце уже

было почти совсем затенено. Казалось, оно, усталое, погружается посреди холодной скифской степи в туманную почву. Над штормовым облаком мелькали зловещие фрагменты вихрей, стремительно наступающих и отступающих: застрельщики Аттилы, брошенные впереди его гуннских кибиток. Ниже прерывистая тень скользила вдоль поверхности воды. Как только мы присмотрелись, облако приблизилось, ускорив свой подход.

Со всей поспешностью мы продолжили сворачивать паруса, которые, будучи пока в спокойствии, свободно висели в гитовах. И потому мы стали искать на палубе бака швабру или большое весло, дабы с их помощью попытаться повернуть нос бригантины к линии шторма.

Шторм, казалось, собирался настигнуть нас; но мы не чувствовали бриза. Бесшумное облако накрывало нас; его надвигающаяся тень снижалась к явственно торчащему молочно-белому гребню на поверхности океана. Но теперь эта линия растущей пены прибывала, катясь на нас, словно отряды белой конницы — под командованием безумного Сорвиголовы Мюрата в кивере с султаном; лилась, наступая вперёд, непрерывным пенистым каскадом, который, завиваясь,

падает на гладкое море перед ним.

Однако пока не было никакого дуновения воздуха. Но внезапно, как удар кулаком, и прежде, чем наши паруса оказались в безопасности, ошеломлённое судно, накренившись, оказалось в безвыходном положении: ревущий поток промчался в высоте с его наветренной стороны, и капли морской воды упали на палубу, темнея, как капли запёкшейся крови.

Это происходило в шуме и тумане, крушение штанг и верёвок и ужасное смешение картин и звуков; что касается момента, то мы оказались в горячем сердце бури; наш такелаж, как натянутая арфа, гремел громче взрыва ярости. Мачты покраснели и качались, сбросив свои блоки в море. И, как сражённый бизон, лежащий на равнине, чернел корпус бригантины с космами морских водорослей и пеной по бокам.

Отчаянно цеплялись мы за перила фальшборта. И тогда, громче морского рёва, раздался острый раскалывающий звук — стук топора лесоруба с лесоповала в Норвегии. То был храбрый Ярл, который раньше всех схватил со стойки против грот- мачты топор, всегда там находившийся.

Подтяните вытяжные шнуры к встречному ветру! — закричал он и снова вонзил свой топор

в мачту.

Ему сразу же повиновались. И после сокращения третьего вытяжного шнура из пяти он крикнул нам, чтобы мы остановились. Засунув за пояс свой топор, он поднялся к наветренной стороне. Поскольку он сжимал направляющую, повреждённая мачта выглядела в паре с ней как орудие. Небольшое пятно обозначало место, где произошёл облом. Оставшиеся вытяжные шнуры разошлись. От сильного порыва ветра оба эти савана бешено взлетели в воздух, и один из больших блоков на их концах ударил Аннэту по лбу; она разжала руки, державшие поручень, и, съехав наискось через палубу, была проглочена водоворотом под нашим бортом. Самоа завопил. Но уже не было времени, чтобы носить траур; ни одна рука не смогла бы достать её, чтобы спасти.

Стоящими остались грот-мачта, связанная с фок-мачтой; когда же мы немедленно всё исправили, то с течением времени были спасены благодаря нашему спасителю — августейшему Викингу.

Первый порыв бури закончился. Но вдали в попутном направлении ветра виднелась ровная, белая линия её начала, входящая в океанскую пену. Повсюду вокруг нас море кипело, как десять

тысяч котлов, и через вихри, волны и качку наше почти затопленное судно пробиралось с большим трудом; каждый удар по корпусу воспринимался как удар по крышке гроба.

Мы терпели крушение. С порывами ветра мы подняли наш повисший бом-кливер в воздух и выволокли его на сторону, свободную от разрушенных фрагментов мачт. От них мы поспешно отделались и, чтобы освободиться, обрубили оснастку, которая их удерживала.

Вскоре худшая из бурь прошла. Но море бурлило. Гонимая порывами ветра вода, с её безумной, рвущейся пеной, превратилась в огромные, очень широкие и долго катящиеся лавины; белые сливки на их гребнях смотрелись как снег в Андах. Уже скоро мы висели, балансируя на их бровях, тогда как изборождённый океан повсюду выглядел как склоны вершины Чимборасо.

Несколько часов спустя волнение спало. Море успокоилось, подул устойчивый бриз, и открылось ясное, звёздное небо. Таков был шторм, что пришёл после штиля.

Глава XXXVII
Они опять берут «Серну»

Установили насосы. Опустили грузила и нашли «Парки» кровоточащим каждой порой. Словно весной, морская вода, чистая и прозрачная, прибывала, пузырясь, как ручьи в Саратоге. Кораблю приходил конец. Но, держа обе руки на насосах, мы не сомневались, что он уже не продержится до рассвета, до которого нам не хотелось бы покидать его.

Паузы использовались для ремонта разрывов шлангов насоса и подготовки «Серны» к нашему приёму. Как только море позволило, мы спустили её за борт и, пустив её плыть за кормой, собрали в ней запасы воды и провианта вместе с другими разными вещами, включая мушкеты и мачете.

Вскоре после рассвета сильные толчки и грохот под ногами показали, что вода, быстро прибывая и удерживаясь назло всем усилиям по её откачке, вытолкнула более лёгкие бочки вверх к палубе, которую они принялись подпирать.

Теперь, вследствие увеличения числа пустых ёмкостей в трюме, плавучесть корабля возросла,

но малейшая опасность затопления судна напрямую — полностью наводнённого — оставалась, поскольку его палубы скоро оказались бы в воде, а многие из составляющих его древесных пород, таких как индийский тик, определённо являлись более тяжёлыми, чем вода. Этот фактор в совокупности с жемчужными раковинами на борту противодействовал плавучести бочек.

Наконец долгожданное солнце появилось; тонущий «Парки» тем временем опускался ниже и ниже.

Все вещи, находящиеся в готовности, мы продолжили загружать с борта тонущего судна, как с причала.

Но не без некоторой демонстрации любви к нашей бедной бригантине.

Для моряка судно не просто части механизма, а существо из мыслей и мечтаний, с жизненными инстинктами. Положите руки на вибрирующий руль — и вы почувствуете, что он пульсирует. Я любил суда, как их любят мужчины.

Оставление бедного «Парки» походило на расставание с чем-то судьбоносным. Оно было встречено достойно и смело. Со всеми этими мыслями Небожитель, Самоа и я оказались в лод-

ке, быстро усевшись в неё, пока судно не успело затонуть и увлечь нашу лодку за собой в образовавшийся водоворот, в котором корабль обернулся уже дважды. Но, вопреки воле волн, с последним взмахом фрагментов его порванных саванов и тряской палубы Ярл вогнал свой топор в расколотый пень грот-мачты и только тогда присоединился к нам.

Мы медленно отсалютовали и поплыли дальше.

Но спустя десять минут после этого корпус, сотрясаясь, повернулся в воде, пошёл кругом ещё раз, приподнял свой острый нос, как утопающий человек поднимает руки, долго выпускал кипящий воздух и ушёл вниз.

Многие из его старых досок были уже дважды разрушены, однажды он был выброшен на океанский пляж; теперь же погрузился в самый глубокий склеп с костями утопленных судов и утонувших людей.

Снова на плаву в нашей раковине! Но уже не с тем бесстрашием, с которым мы уходили от палубы «Арктуриона». Смелость приходит импульсивно и в течение какого-то времени ведёт немногих или лишённых предчувствия. Но, укрепляя вас, ужас меняет вашу суть. Так

и теперь. Я отплывал от «Арктуриона» с крепким сердцем, но когда я уходил от утопающего «Парки», то почувствовал, что моё сердце утонуло вместе с ним. При попутном ветре мы уже держали курс на запад, надеясь впервые за много дней увидеть землю.

Глава XXXVIII
Море в огне

Ночь после нашего бегства с «Парки» была ознаменована незабываемым и удивительным зрелищем.

Задремав на днище лодки, Ярл и я были внезапно разбужены Самоа. Сначала мы увидали, что океан окрасился в бледно-белый цвет, переливавшийся по всему пространству золотыми крошками искр. Но блистающая вода отбрасывала мертвенный свет на лодку так, что мы казались друг другу призраками. Для многочисленных наших преследователей наш след за кормой предстал в виде линии стремительно двигавшейся светящейся пены, в то время как тут и там под поверхностью воды следы акул обозначались яркими зеленоватыми линиями, пересекавшими друг друга не раз и не два в каждом направлении. Вдалеке пятнами, разбросанными на море, как созвездия на небе, светились неисчислимые медузы в окружении маленькой, круглой, сияющей рыбки, встречающейся только в Южных морях и Индийском океане.

Внезапно, когда мы уже присмотрелись, вдали высоко в воздух вырвалась ярко блестящая вспышка, сопровождаемая знакомым глубоким звуком дыхания кашалота. Вскоре море повсюду вокруг нас хлестало фонтанами огня, и огромные тела, отражающие яркий свет своими боками, внезапно и резко подняли свои головы над водой и, встряхнув искрами, обозначили место, куда из глубины к фосфоресцирующим волнам поднялось их огромное стадо.

Пар, вырывавшийся ввысь, был намного более сияющим, чем любая из частей моря, что объясняется, возможно, изначально большим прибавлением яркого света жидкости к более яркому блеску моря при её проходе по дыхалу и выбросу из него.

Мы пребывали в большом страхе, так как левиафаны, не имея какого-либо порочного намерения, могли бы уничтожить нас, просто коснувшись нашей лодки. Мы хотели бы держаться в стороне, но они были повсюду вокруг нас. Однако мы были в безопасности, поскольку смотрелись похоже на них в бледной морской воде, и специфическое свечение, которое исходило от нашего киля, казалось, сдерживало их. Очевидно, внезапно обнаружив нас, многие

из них погрузились с головой в воду, выбросив свои пламенеющие хвосты высоко в воздух, и покинули эту часть моря, ещё ярче засверкавшего от их бурного погружения.

Курс их оказался таким же, что и наш собственный: они двигались на запад. Удалившись от них, мы опустили наконец вёсла и потянулись к северу. Одновременно нас настойчиво преследовал один одинокий кит, который, должно быть, принял нашу «Серну» за родственную рыбу. Назло всем нашим усилиям, он приближался всё ближе и ближе, тщательно тёрся своим пламенеющим боком о планшир «Серны», повсюду оставляя длинные полосы глянцевидного прозрачного вещества, которое тонкой паутинкой выделялось из его тела.

В ужасе от невиданного зрелища Самоа сжался. Но Ярл и я, пользуясь близким и товарищеским отношением к китам, при помощи вёсел отодвинули от этого ухажёра лодку: метод, которым часто пользуются в рыболовстве.

Близость кита возродила в этом рослом проницательном Небожителе весь энтузиазм его отважного призвания. Однако, тихий по своей природе, чистокровный китобой не предаётся большому азарту в этой игре. И это убеждённое

спокойствие воспрепятствовало тому, чтобы Ярл бросил свой гарпун: охота была бы безумием при существующих обстоятельствах и, конечно же, несуразной выходкой. Но «О! Как раз для броска!» — закричал мой Викинг. И «Где теперь наше старое судно?» — добавил он, вспомнив его.

Но, к моей большой радости, монстр наконец отбыл, примкнув к своему стаду, чьи высокие фонтаны пламени всё ещё виднелись на удалённой линии горизонта, переливаясь там, как прерывистые сполохи северного сияния Авроры.

Море сохраняло свою яркость в течение приблизительно трёх часов, которая по истечении половины этого периода начала исчезать; и за исключением случайного слабого усиления, последовавшего после быстрого смётывания рыбы под водой, явление наконец полностью исчезло.

Прежде я видел несколько случаев морского фосфоресцирования в Атлантике и в Тихом океане. Но ни один из них не шёл в сравнение с тем, что происходило той ночью. В Атлантике поверхность океана начинает светиться очень редко, за исключением гребней волны, и оно главным образом появляется там во время влажной тёмной погоды. Примите во внимание, что в Тихом океане все подобные случаи, предва-

рительно изученные под моим наблюдением, были отмечены участками зеленоватого света, не сопряжённого с ужасающей бледностью моря. Дважды у побережья Перу я был согнан с моего гамака тревожным полуночным криком: «Все наверх! Поворачиваем судно!» И мы стремительно бежали по палубе, глядели на море, белое как саван, по причине чего мы и занимались промерами и наблюдением.

Вообще-то, моряки любят чудеса и любят рассказывать о них. И от многих старых товарищей по плаванию я слышал различные мудрёные объяснения рассматриваемого явления. Отклоняют, правда, лишённое философского смысла и правдоподобия экстравагантное мнение одного из моих навигационных друзей — не меньшего философа, чем сам мой Викинг, а именно: то, что фосфоресцирование моря вызвано волнением среди русалок, золотые кудри которых, растрёпанные и взъерошенные, действительно освещают воду в это время; и я продолжаю делать запись более достоверных теорий.

Фарадей мог бы, возможно, приписать явление необычным электрическим свойствам атмосферы, и исключительно только этому. Но тут моему учёному другу резко возразили бы многие

умные моряки, которые частично приписывают его присутствию большого количества гниющих фрагментов животных, которых в море, как хорошо известно, имеется достаточно.

И, казалось бы, весьма разумно предположить, что это означает, если сама жидкость оказывается заряженной свечением. Вытяните ведро воды из фосфоресцирующего океана, и оно всё ещё сохранит следы огня; но, постояв некоторое время, свечение скоро спадает. Затем вылейте его на палубу, и это уже — поток пламени, вызванный его возобновлённым возбуждением. Освободите ведро, и цепкие искры останутся на его дне и стенках, и каждая палка будет казаться зажжённой.

Но, в конце концов, это кажущееся воспламенение моря не может быть полностью произведено находящимся в нём неорганическим веществом. Есть многие живые рыбы, которые фосфоресцируют, и при определённых условиях резкий выброс светящихся частиц должен, в основном, способствовать результату. Но рассмотрение этого обстоятельства как самого верного среди различных разновидностей акул, каракатиц и многих других крупных существ, имеющих плавники, несметного числа микроскопических

моллюсков, как хорошо известно, роящихся в глубинах, могло бы считаться почти достаточным объяснением появления свечения в морской воде. Но это только предположения; вероятные, но сомнительные.

После научного объяснения приходит сантиментальное. Французский натуралист утверждает, что ночное сияние светлячка преднамеренно предназначено для привлечения противоположного пола; то есть ловкое насекомое зажигает своё тело, как маяк любви. Итак: взгромоздившийся на край листа и ожидающий её подхода Леандр, который, трепеща своими крыльями, распространяет аромат цветов, а некое насекомое Геро может зажечь факел для своего утончённого джентльмена.

Но, увы, трижды опасны для небольших бедных рыбок огни моря, чьё сияние открывает их врагам и освещает путь к их гибели.

Глава XXX IX
Они присоединяются к незнакомцам

После ухода с «Парки» у нас установилась спокойная погода, перемежавшаяся лёгким бризом. И, скользя по морской глади, ещё недавно покрытой бурной пеной, я не смог избежать собственных раздумий о том, насколько удачно сложилось, что буря настигла нас на бригантине, а не на «Серне». Хоть она и обладала высоким достоинством и как китобойная шлюпка по размеру была сопоставима с морским ботом, тем не менее в серьёзном шторме чем больше ваше судно, тем в большей вы безопасности. Почему-то тысяча беззаботных душ, находящихся в линкоре, насмехаются над самыми ужасными ураганами, хотя в действительности они могут находиться в меньшей безопасности в своей Трое с деревянными стенами, чем те, кто спорит с бурей в клипере.

Но мало того, что я поздравлял себя со спасением от гибели, но также и с перспективой на будущее. Для штормов, происходящих так редко в этих морях, один его приход — почти вер-

ная гарантия очень спокойной погоды на много недель, которая должна установиться.

Теперь день следовал за днём, и никакой земли. И постоянно казалось, что вдруг мы, должно быть, проплыли мимо самого отдалённого возможного западного предела цепи островов, которую мы искали; это потаённое подозрение твёрдо сидело во мне. Однако я не мог не подпитывать скрытую веру в то, что всё сложится хорошо.

На девятый день мои опасения прошли. В сером цвете рассвета была замечена крепко спящая крачка-глупыш, взгромоздившаяся на пик нашего паруса. Эта чудачка была верна своей сути любопытной домашней птицы, имя которой происходило от её сонливости. Её оперение было белоснежным, её клюв и лапы были кроваво-красными; последние были похожи на небольшие панталоны. В хитрой попытке изловить птицу Самоа ухватил три хвостовых пера; встревоженное существо улетело с криком и оставленными перьями в его руке.

Плывя дальше, мы часто пересекались с путями огромных низко пролетавших стай других диких птиц, главным образом тех разновидностей, которые редко улетают далеко от земли: крачек, фрегатов, моллинье, рифовых голубей, болва-

нов, чаек и т. п. Они затмевали небо; их крылья шумели так же непрерывно, как одновременно опадавшие десять тысяч листьев. Как будто из-за шор просматривался морской берег, покрытый галькой. На нём находилось несметное число птиц с более широкими крыльями. В это время высоко над всеми взлетел в воздух смелый «водолаз», или морской бумажный змей, обладающий действительно замечательной силой зрения. Мало кто из летучих рыб в воде ощущает её на высоте, которая может быть почти четыреста футов. Спирально спускаясь и крича, головой вперёд водолаз бросается вниз, врезаясь в воду, и, на мгновение целиком исчезнув, наконец выныривает; его добыча уже крепко схвачена его когтями. Но когда он уносит её наверх, на смелого бандита сразу нападают другие хищные птицы, стремящиеся вырвать у него его добычу. И вы видите, что рыба, выхваченная из его когтей, уже падает в воздухе, пока снова не оказывается пойманной в самом процессе падения своим стремительным преследователем.

Оставляя эти достопримечательности за кормой, мы вскоре подобрали слизистую шелуху кокосового ореха, плывшую посреди зелёных уток. И вскоре после этого увидели две или три

ветви дерева и одинокий ствол пальмы, который, когда мы приблизились, выглядел будто совсем недавно начавший своё бесконечное путешествие. Как только полдень миновал, тёмно-красная дымка, опирающаяся на западный горизонт, была почти затемнена. Однако мы сомневались, что позади этой тусклой драпировки качались ветви деревьев.

Мы были теперь в приподнятом настроении. Самоа временами мурлыкал какую-то свою языческую частушку, а Ярл был в десять раз более полон решимости вместо своего прежнего спокойствия; его глаза исполнились ожиданием и пристально вглядывались вдаль с нашего судна. Внезапно, затенив лицо рукой, он на мгновенье остановил свой пристальный взгляд, а затем, вскочив на ноги, произнёс, растягивая слова: «Вижу корабль!»

Откинутый к самому дальнему краю неба, он выглядел небольшим пятнышком, мелькающим каждый раз, когда мы приподнимались на гребне волны. Он был похож на одну из множества птиц, показывающую через раз своё оперение: словно летящая вниз к морю молочно-белая крачка.

Но скоро мы больше не замечали птиц. Пятнышко оставалось пятнышком, явно парусом,

но слишком маленьким для судна. Было ли оно шлюпкой, возвращавшейся с охоты на кита? Далеко ли за кормой находилось судно, которому она принадлежала, и было ли оно покрыто туманом? Так казалось вначале.

Однако мы со спокойствием ожидали более близкого подхода незнакомца, уверенные, что в течение некоторого времени он был бы не в состоянии заметить нас вследствие того, что мы находились в том месте, которое моряки называют

«поляной солнца», или в той части океана, на которой лучи солнца вспыхивают со специфической интенсивностью.

Поскольку парус был почти полностью развёрнут, отсутствие у него белого блеска вынудило нас усомниться, было ли оно действительно китобойным судном. Теперь же он казался жёлтым, и Самоа объявил, что это должен быть парус некоего островного судна. И точно. Незнакомец оказался большим двойным каноэ, которое используется полинезийцами для плаваний между отдалёнными островами.

Уполуан теперь настаивал на встрече, к которой Ярл не был расположен. Оценив ситуацию, я распорядился зарядить мушкеты, затем уста-

новили парус к ветру — мы устремились вслед за каноэ, идя теперь под прямым углом к нашему предыдущему курсу.

Здесь стоит упомянуть, что от различных весёлых тканей и других вещей, приготовленных для обмена капитаном

«Парки», я получил разительно улучшенный костюм для себя, создав его свободным, расцвеченным и восточным по виду. Я был похож на Эмира. И при этом мой Викинг не забывал следовать моему примеру, хотя и с несколькими собственными модификациями. С его длинными запутанными волосами и гарпуном он был похож на морское божество, что появляется на корабле, впервые пересекающем экватор. Татуированный Самоа носил ещё и клетчатую юбку, и тюрбан, напоминая одного жёлто-коричневого леопарда, хотя все его пятна находились в одном месте. Помимо этого нашего одеяния для чрезвычайных ситуаций, мы могли бы выложить и показать на нашей шлюпке нанкинские водолазные шаровары и шелка.

И вот уже в полной красе показалась пара огромных неуклюжих носов, грубо вырезанных и идущих по воде со значительной скоростью; огромный парус растягивался, удерживая ветер,

словно сумой. Корабль оказался полным мужчин; и от противоречивых криков, которые долетали до нас, и по резко изменившемуся курсу каноэ стало ясно, что мы произвели немалую сенсацию. Они, казалось, не определились, каким курсом следовать: то ли заняться встречей, то ли избежать её; считать нас друзьями или врагами.

Поскольку мы подошли ещё ближе, отчётливо видя их лица, то громко приветствовали их, приглашая свернуть их паруса и позволить нам остановиться у них. Но никакого ответа не получили; их смятение усилилось. И теперь, в пределах менее чем двух длин судов, они уже неслись прямо наперерез к нам, пристально глядя на нас со смешанным любопытством и страхом.

Их судно было приблизительно тридцати футов длиной, состоящее из параллельно отстоящих приблизительно на один ярд пары каноэ, очень узких, по всей длине соединённых крепкими поперечными древесными брусьями с шагом в четыре планшира. На эти брусья была установлена платформа или возвышение, вполне сухое; а на корме — арочная каюта или шатёр, позади которого были установлены два весла с широкими лопастями, заканчивающихся грубыми акульими хвостами, которыми судно управля-

лось.

Мачта, державшая жёлтый парус, представляла собой изогнутый ствол, косо поставленный в мачтовом створе, зелёная кора которого всё ещё не была очищена. Тут и там имелись небольшие пучки мха. Высокий, крючковатый нос этого каноэ, в котором стояла мачта, напоминал грубый алтарь, и повсюду вокруг него было разложено множество разных фруктов, включая кокосовые орехи, уже очищенные. Эти орехи как бы формировали своего рода пределы алтаря.

Передний бим, пересекая планширы, простирался приблизительно на двенадцать футов вне описанного возвышения; и через одинаковые интервалы были закреплены крепкие тросы, ведущие к верхней части мачты и отвечавшие за работу парусов. Бриз теперь посвежел; и, дабы перевесить уходящую в воду подветренную сторону судна, пятеро мужчин стояли у этого длинного бима, удерживая пять парусов. Однако они не уравновешивали давление паруса, и вследствие противоположного наклона двойного каноэ эти живые статуи были подняты высоко над водой; их внешность поражала страстным нетерпением и очевидной опасностью их положения, поскольку безумные брызги

от водореза летели прямо на них. Внезапно островитяне бросили своё судно по ветру, в то время как мы подняли наши вёсла, боясь потревожить их своим приближением. Но, приветствуя их снова, мы сказали, что являемся друзьями и у нас есть дружеские дары для них, если они мирно разрешат нам подойти. Как я понял, там раздался мощный шум; пока же я предложил Ярлу и Самоа сесть на вёсла и очень плавно приблизиться к незнакомцам. После чего, среди шумов и криков, некоторые из них поспешили к самой дальней стороне от возвышения, заняв положение с выгнутыми руками вдоль голов, как будто для прыжка в воду; другие угрожали нам дубинами и копьями, и среди них был один старик с бамбуковой решёткой на голове, формирующей своего рода деревянную площадку для его волос, установленную как тент, с заплетённой позади неё широкой петлёй.

При этой демонстрации враждебности Самоа бросил своё весло и поднял мушкет, прицелившись в старика, который, по его мнению, казалось, угрожал нам из пустого хвастовства. Но я быстро отвёл дуло его мушкета и запретил малейшие знаки враждебности, приказав моим компаньонам, однако, сохранять бдительность.

Мы уже прекратили грести, но после нескольких минут шума в каноэ островитяне побежали к рулевым вёслам, развернули судно по ветру и быстро поплыли прочь от нас. Со всей поспешностью мы подняли наш парус и также налегли на вёсла, скоро настигнув их и обнаружив закрытую общину.

Глава XL
Родитель и сыновья

Видя бесполезность отрыва, островитяне снова остановили своё каноэ и ещё раз осторожно приблизились; я крикнул им, чтоб они не боялись, а Самоа, состязаясь в эксцентричном юморе, утверждал, что он знает каждого из них с младенчества.

Мы сблизились до двух или трёх ярдов, затем взяли паузу, которая несколько ослабила их тревожность. Привязав красный китайский носовой платок к середине лопасти нашего длинного весла, я замахал им в воздухе. Раздались живые аплодисменты и много диких восклицаний.

Всё ещё размахивая флагом, я шепнул Ярлу, чтобы он подвинул лодку вплотную к каноэ, что и было ловко сделано, приблизив точку, где я стоял, ещё ближе к островитянам. Тогда я бросил им кусок шёлка, и островитянин, который поймал его, сразу же вручил его воинственному старику с петлёй, который, усаживаясь, развернул его перед собой, в то время как остальные толпящиеся быстро отвели взгляд от необыкновенного подар-

ка и перевели его на ещё более необыкновенных дарителей.

Этот старик был их главой. И ещё Самоа утверждал, что он должен быть жрецом страны, к которой принадлежали островитяне, и что судно не могло быть никаким иным, кроме как одним из их священных каноэ, предназначенным для какого-то религиозного путешествия. Все эти выводы он сделал исходя из вида алтаря, формы носа корабля, а также того, что на борту совсем не было женщин.

Склоняя старого жреца к примирению, я забросил в каноэ другой шёлковый носовой платок, во время чего Самоа громко воскликнул, что нас только трое мужчин, и вполне миролюбивых. Тем временем старый Аарон, крестообразно связав эти два шёлка на своих плечах, как скобами соединяют шотландские пледы, скрестив ноги, сидел и следил за нами.

Это было любопытное зрелище. Старого жреца, испещрённого иероглифическими символами, как старый пергаментный свиток, уверяю вас, сложнее понять, чем какой- либо старинный манускрипт на санскрите. И его широкий лоб, глубоко изборождённый морщинами, носил отпечаток ещё большей тайны, которую, возможно,

не раскрыл бы никакой Шампольон и ни один цыган. Он выглядел старым, как древние курганы: запавшие, хотя и блестящие, глаза и голова, белая, как вершина Монблана.

Остальные были юным и миловидным табором: похожие на золотые ягоды, все они носили татуировку следующего образца: две широкие продольные полосы на груди и на спине, достигающие талии, напоминающие лямки на пехотинце. Их лица были исполнены мимики, а рты были полны прекрасных зубов; их улыбки смотрелись как приоткрытые раковины с жемчугом. Татуированные тут и там в стиле острова Таити небольшими синими круглыми фигурками, усеянными посередине пунктирами красных пятен, их мускулистые коричневые бёдра мало чем отличались по цвету от нежных окороков Вестфалии, обсыпанных красным перцем Кайенны.

Но что изумляло, так это их общее сходство. Были ли они рождены одновременно? Это подобие усиливалось их арочной униформой. Но, как впоследствии выяснилось, они были детьми одного господина; и тем родителем и был старый Аарон, кто, без сомнения, отдыхал на своих сыновьях, как старый генерал на трофеях своих

молодых солдат.

Они были детьми многих матерей, и он был их духовным пастырем.

Глава XLI
Схватка

Желание незнакомцев скрыть, кем они были, а также цель своего путешествия продолжалось ещё некоторое время, прежде чем мы смогли получить желаемую информацию.

Они указали на шатёр, как будто он содержал их иллюзорные тайны. И старый жрец дал нам понять, что наша попытка войти в него будет сочтена его осквернением.

Но всё это только пробудило моё любопытство и стремление разгадать тайну.

Наконец я понял.

В том таинственном шатре скрывалась красивая девица. И жрецом Алимой для исполнения варварского обычая она перевозилась с острова Амма к богам Тедайди.

Теперь, услышав о девушке, я уже не ждал чего-то ещё. Добавлю, что эта невидимая жертва расшевелила мою душу, и я горячо поклялся, что её драгоценная кровь никогда не окропит алтарь. Даже если бы мы тонули из-за неё, то и тогда я был бы готов рискнуть и спасти пленницу.

Но всё же никакого, даже тихого, сигнала беды не доносилось до нас из шатра. Оттуда нельзя было услышать ни единого звука, ни случайного шелеста циновки. Было ли возможно, что человек, которого собирались принести в жертву, мог продолжать оставаться безразличным к своей судьбе?

Но поскольку я отчаянно решил добиться освобождения девушки, то решил просчитать все наши возможности. Я совсем не желал кровопролития, хотя силы были не на нашей стороне.

Старый жрец казался полным решимости препятствовать тому, чтобы мы высадились на его судно. Но с адекватной решимостью идти другим путём я осторожно переложил лук из «Серны» против площадки каноэ так, чтобы предоставить наименьшую возможность для враждебного проникновения в нашу шлюпку. Тогда Самоа с ножом в ухе и я с мачете ступили на возвышение, оставив Ярла в верхней части лодки вместе с его гарпуном и тремя заряженными мушкетами, лежащими рядом. Ему было строго приказано сопротивляться малейшему движению к нашему судну.

Когда мы взошли на каноэ, островитяне медленно отступили, иногда серьёзно перешёптыва-

ясь — все, кроме старого жреца, который всё ещё оставался сидеть, представляя собой неустрашимый, хотя и обеспокоенный, фронт. К нашему удивлению, он жестом предложил нам присесть, что мы и сделали, заботясь, однако, о том, чтобы не упускать из поля зрения Ярла.

С надеждой на появление добрых чувств я развернул рулон набивного ситца перед жрецом, обратив его внимание на нанесённую идеализированную иллюстрацию, представляющую несколько сотен юнг, одновременно занятых работой на сотнях элементов снастей огромного судна. Поглядев на них, он знаком дал мне понять, что когда-то давно сам поднимался на корабельные мачты. Сделав этот намёк, жрец помрачнел, и его лицо приобрело свирепое выражение, как будто какое-то потрясение было связано с этим воспоминанием. Но скоро оно пропало, и старик весьма резко повеселел.

В то время, пока мы так вот сидели вместе, вся моя душа была полна мыслей о пленнице и о том, как лучше всего достичь моей цели; я часто пристально поглядывал на шатёр, когда внезапно заметил движение среди незнакомцев. Почти в тот же самый момент Самоа, глядя прямо на Алиму, своим обычным тоном предложил

мне принять во внимание, что тучи сгустились. Едва было произнесено это предупреждение, как вооружённые резными дубинками островитяне полностью окружили нас. Тогда старый жрец поднялся и заявил, что мы оказались полностью в его власти и если мы не поклянёмся отбыть в нашу лодку немедленно и не досаждать ему больше, то нам придётся худо.

«Уходите, и будете живы, останетесь здесь — умрёте!» Пятнадцать к трём. Безумно противоречить его власти.

А красавица была под угрозой.

Нож, прежде свисавший с уха Самоа, уже оказался в его руке. Ярл не способен был без нас отстоять лодку, а несколько островитян тем временем рванулись к нему. Времени на раздумья не оставалось. Всё произошло быстрее, чем это рассказывается. Они приближались к нам, чтобы выкинуть нас с каноэ: грубый старый жрец оттолкнул меня, угрожая своим кинжалом из острого рыбьего позвонка. Толчок и угроза! Прежде чем я осознал это, мой мачете сделал быстрый выпад. Проклятие вырвалось из его рта, красная кровь брызнула, он зашатался, изумлённо повёл глазами и свалился в море, как подрубленный. Вопль проклятий поднялся

в воздух. Дикий крик донёсся из шатра. Среди создавшейся мёртвой тишины среди толпы мы оба уже бежали к лодке. Запрыгнув в неё, мы увидали Ярла, борющегося с двумя островитянами, в то время как остальные всё ещё выли на возвышении. Гнев и горе сломили их.

Одним ударом своего мачете я сразу же разрубил верёвку, которая удерживала нас у каноэ, и с Самоа, напавшим на этих двух островитян, и с помощью Ярла мы быстро справились с ними, уложив их на дно лодки.

Небожитель и Самоа связали пленников, я быстро поднял наш парус, и, расправив его, мы быстро отошли от каноэ. Незнакомцы вызывающе грозили нам своими копьями, некоторые вскидывали их, как будто желая метнуть, в то время как другие хватали их за руки, как будто пытаясь воспрепятствовать этому, чтобы не подвергнуть опасности жизни своих соплеменников на «Серне».

Начавшиеся неблагоприятно, некоторые события часто приводят к успешным результатам: будучи далеко от всех реальных шансов спасения пленницы, совершённый нами рывок, необходимый для спасения Ярла, только приблизил успех нашего невероятного предприятия. Сделав плен-

никами двоих незнакомцев, я решил сохранять их как заложников, с помощью которых мы смогли бы реализовать свои планы без дальнейшего кровопролития.

И здесь надо отметить, что некоторые туземцы были ранены в драке, в то время как все три их противника получили лишь несколько ушибов.

Глава XLII
Раскаяние

Во время драки ни один мушкет не выстрелил. Первый, схваченный Ярлом, дал осечку, и, прежде чем он смог схватить другой, противник приблизился настолько, что уже невозможно было спустить курок. Его гарпун стал для него всем. И действительно, нет ничего лучше стального лезвия в бою. Оно появляется, охотно работает и никогда не устаёт. Ваш меч — это ваша жизнь и жизнь того вашего противника, которому он угрожает, и того, кто также сжимает его в своих руках. Он прикроет быстрее, чем шомпол; и работа сталью — игра без какого-либо перерыва. Есть вещи не менее смертельные, чем пули; и штык, дополняющий тонкий ствол, откуда вылетает заряд, более надёжен, чем порох.

Связав наших заключённых и уложив их продольно через сиденья лодки, мы гребли за каноэ, подавая миролюбивые знаки.

Замечу, что если и есть какая-либо вещь, способная обеспечить прилив сил в слабеющие вены, то это — вид побеждённого противника,

обладавшего большей боевой готовностью, но которого некая потребность вынудила подчиниться вам. Не все победы триумфальны, не все завоеватели — герои.

Когда мы приблизились к каноэ, стало ясно, что горечь от утраты их господина снова охватила разум оставшихся в живых. Поднимая руки, они проклинали нас и время от времени испускали из груди низкий, пронзительный вопль, характерный для их чувств. Как и прежде, слабые крики слышались из шатра. И всё это время тайна висела над морем и над злополучным каноэ.

От этого вида словно железная булава упала на мою душу; будто проклятый колокол зазвонил в моём ухе! Именно из-за меня случилась та смерть, что вызвала пронзительные вопли, которые я теперь слышал. Этой рукой я превратил живого человека в мёртвого. Раскаяние тяжело свалилось на меня; и тут же я спросил самого себя, неужели смертельное дело, которое я совершил, перевешивает добродетельную причину спасения пленника от рабства; или основа поступка в том, что я участвовал в этом фатальном хулиганстве ради некой другой эгоистичной цели: романтических отношений с красивой девицей. Но, отогнав эту мысль, я поклялся быть

человеком. Не я ли спаситель девы? Кто так не считает, тот ниже меня по духу.

Мрачно глядя перед собой, Ярл тем временем угрожал нашим заключённым своим оружием, чтобы запугать их соплеменников. Затем честный Ярл отвёл свой гарпун. Но, потрясая своим ножом в воздухе, Самоа всё же бросил вызов незнакомцам, и от этого мы не смогли его удержать. Его языческая кровь кипела.

Стоя на носу лодки, я уже уверял незнакомцев, что всё, что нам нужно, — это дева в шатре. Пленники — наша собственность, они будут возвращены в целости. В противном случае они должны будут умереть. С криками они вскочили на ноги и принялись размахивать своими дубинками; но, завидев гарпун Ярла, дрожащий у сердец наших пленников, быстро отступили, согласившись наконец пойти на выполнение моего требования. Тогда я запрыгнул на помост и с него указал островитянам на линию около борта, приказав им отойти за неё. Затем призвал их одного за другим сложить оружие; они побросали его в шлюпку.

«Серна» теперь была пришвартована к корме каноэ, и, покидая Ярла, пообещав защитить его, как и прежде, Уполуан присоединился ко мне

на палубе. Выполнив все предосторожности — заложникам, всё ещё остающимся у нас в лодке, связали руки и ноги, — мы сочли себя полностью в безопасности.

В компании Самоа я стоял перед шатром, как будто возле могилы.

Глава XLIII
Внутри шатра

Из-за щелей в ограждении в шатёр проникал воздух, но не взгляды. Имелось также круглое отверстие с одной из сторон, довольно узкое, в которое можно было всего лишь просунуть руку, но и оно было частично закрыто изнутри. Плотное покрывало из ивовых прутьев, тщательно привязанное шнурами к основной части шатра, закрывало вход. Когда я разрезал эти швы своим мачете, раздался гул голосов от островитян. Они тотчас же закрыли свои лица, и интерьер открылся только моему пристальному взгляду.

Передо мной сидела красивая девушка. Её руки свисали. И, как лики святых в храме, она печально выглядывала из-под своих длинных, прямых волос. Низкий вой вырывался из её губ, и тело её дрожало. На её щеке блестели слёзы, а на груди переливался розовый жемчуг.

Моя мечта? Белоснежная кожа; синие, небесного цвета глаза: словно узница замка Голконды. Я застыл на мгновение, как очарованный, в то время как медленно и с опаской и всё так же

пристально глядя пленница ещё сильнее сжалась в своём платье из полупрозрачной ткани. Отступив на один шаг, я встал, частично опустив занавес палатки, чтобы видеть и слышать Самоа, который остался снаружи, в то время как девушка, отступившая и присевшая в самом дальнем углу, была полностью скрыта ото всех глаз, за исключением моего.

Скрестив свои руки на груди, я молча стоял. В своей душе я не мог связать это таинственное существо с оливковыми незнакомцами. Она, казалось, была существом другой расы, другой породы. Это ощущение было настолько сильно, что я неосознанно обратился к ней на своём родном языке. Она начала слушать и, наклонившись, слушала внимательно, как будто до неё доносилось эхо смутных воспоминаний. Когда я снова заговорил, отбросив назад её волосы, девушка бросила проникновенный изумлённый взгляд. Но вскоре она опустила взор и, наклонившись ещё раз, продолжила слушать меня с прежним видом. Наконец она сама медленно пропела несколько музыкальных слов, отличных от языка островитян; но, хотя я не знал, что они значили, они в чём-то показались знакомыми.

Будучи в нетерпении узнать её историю, я

расспросил её по-полинезийски. Но с большой серьёзностью она договорилась со мной, чтобы я обращался к ней как прежде. Скоро поняв, однако, что, не постигая значения слов, которые я использовал, она, казалось, просто была тронута чем-то приятным в их звуках. Я ещё раз обратился к ней по-полинезийски, сказав, что горю желанием услышать её историю.

После сильного колебания она подчинилась, всё ещё вздрагивая при каждом звуке извне, в глубине души также беспокоясь относительно моих непонятных планов.

Этот рассказ в тот момент был отрывочным и скомканным, а потому ниже будет представлен в той форме, которая передаст всю его полноту.

Столь неземной была история, что сначала я мало понял её и был почти убеждён, что несчастная дева представляла собой образец некой безумной красавицы.

Она объявила себя более чем смертной, дева с Ороолиа, острова Восхищений, где-то в райском архипелаге Полинезии. На этом острове, ещё младенцем, она обладала некой мистической властью: силой и энергией от Аммы, места её рождения. Имя ей было Йилла. И едва воды Ороолиа омыли её оливковую кожу и окрашенные зо-

лотом её волосы, как однажды, прогуливаясь в лесу, она была заманена в ловушку из ветвей виноградной лозы. Вовлекая её в свои сети, лоза мягко превратила её в один из своих цветков, оставляя её сознательную душу сложиться под прозрачными лепестками.

Здесь и повисла Йилла в трансе, тюрьме, не имевшей никакого розового оттенка. Затем, когда её дух собирался вырваться прочь из распустившегося цветка, цветок был сорван со своего стебля и перенесён мягким ветром к морю, где он попал в открытые створки раковины, которая в тот момент была вынесена на берег острова Амма.

Знаменательные эти явления стали известны жрецу Алиме, кто в момент открытия этой жемчужной шкатулки вынул содержимое, распустившееся в ожившем воздухе, и обнаружил слабый силуэт позади тёмно-красных облаков. Внезапно вспыхнув, рассвет выпустил в воздушную даль плывущий розовый туман. Из его уплотнившегося сгустка наконец появилась прежняя сияющая молодая Йилла, в каплях влаги и с розовым жемчугом на своей груди. Хранимая как богиня, замечательная девочка теперь оставалась в священном храме Аро, укры-

том в лощине, никогда не созерцаемая глазами смертных и оберегаемая от них Алимой.

Луна сменялась луной, и, наконец, четыре дня назад Алима пришёл к ней с вестью: духи Ороолиа призвали её вернуться прежним путём к Тедаиди, побережье которого журчало у моря очаровательными ручьями, которые, вытекая к морской воде, текли между синими водными отмелями и, закручиваясь в бурунах, погружались в неведомые глубины. В этот водоворот Йилла и должна была спуститься на каноэ, попав прямо в тайный колодец Ороолиа.

Глава XLIV
Вдаль!

Рассказанная моим собственным языком история девушки имеет к нашей истории непосредственное отношение. Все эти описанные вещи не были прошедшими событиями; она просто воспроизвела их как воспоминания своего детства и своей судьбы, всё ещё продолжавшейся. И конечно же, мистический ореол рассказу придавало моё знание особенностей практик островного духовенства и увлечение мечтами, которые затуманивают разум многих из его жертв.

В скрытых целях, связанных с их священническим превосходством, жрецы этих стран часто прячут простых младенцев в своих храмах, ревниво изолируя их от всего общения с миром, и хитростью вводят их в заблуждение, растя в самом диком тщеславии.

Таким способом изолированные, их ученики почти теряют связь с людьми при постоянном удовлетворении своих ангельских грёз. Во многих случаях они становятся вдохновлёнными

оракулами, и тут уже к ним иногда обращаются их приверженцы; при этом они никогда не показываются адептам и всегда скрыты от взглядов в укромных нишах храмов. Но в каждом случае их конец бесспорен. Обманутые некой сказкой о посещении Райских островов, они привозятся туда в качестве сакральных жертв и погибают при полном неведении своих родных.

Но всё это было скрыто от меня в тот момент. Йилла была настолько прекрасна, что казалась действительно божественной, и вследствие этого я вполне мог бы поверить в её мистические легенды.

Но вместе со страстным ликованием я оказался бы освободителем этой прекрасной девы; тем, кто не замышлял никакого вреда и, увлечённый мечтой, переносился к её судьбе на побережье Тедаиди. Но тогда смерть Алимы, который был её опекуном, казалось, тяжело давила на моё сердце. Я радовался, что послал его к его богам и не милая Йилла, а сам мерзкий жрец утонул в море и пошёл на дно, покрытое морским мхом.

Но хотя его тело погрузилось глубоко, его призрак оставался в мелководье моей души. Поэтому если поверхность пенилась ликованием, то дно пребывало в размышлениях. Поразмыслив, я

счёл свои побуждения к содеянному в момент гнева вовсе не безумными, пусть даже эти побуждения были прикрыты доброй отговоркой, оправдывающей самого себя. Но я отвлёкся.

Свою историю девушка часто прерывала своими вопросами относительно меня самого. Откуда прибыл я, такой белый, — с Ороолиа? Куда я шёл — на Амму? И что произошло с Алимой? Поскольку она была встревожена резнёй, то не знала, что она могла означать; и ещё она слышала, что имя жреца упоминалось в плаче островитян. От этих вопросов в течение какого-то времени я пытался уклоняться; я только побуждал её представить меня в качестве доброго полубога, который прибыл из-за моря от её собственного бога Ороолиа. И во всё это она должна была поверить. Такому, как я, который был у неё перед глазами?

Её глаза всё ещё странно глядели на меня, а уши ловили акцент моего голоса.

Во время этой сцены незнакомцы начали выказывать признаки нетерпения, и голос с «Серны» неоднократно призывал нас к ускорению наших действий.

Мой план созрел моментально. Единственным препятствием, с которым предстояло столк-

нуться, была опасность взволновать Йиллу при внезапной переноске её в наше судно. К этому событию я теперь и стремился её подготовить. Я сообщил девице, что Алима был послан по большому поручению в Ороолиа, предоставив моей заботе и опекунству прекрасную Йиллу, и потому необходимо было перенести её шатёр в моё собственное каноэ и ждать там Алиму.

Эту новость она встретила с предельным беспокойством, и, не зная, как можно было бы опередить её недоумение, я счёл целесообразным успеть перенести её на «Серну» в тот момент, когда она всё ещё будет подавлена известием о моём намерении.

Готовясь её похитить, я информировал Ярла о своей идее, а затем приказал не медлить!

Основание шатра было присоединено к лёгким стволам бамбука, и привязанные к его верхним углам четыре шнура другими своими концами привязывались к возвышению. Как только нож Самоа рассёк все узлы, мы подняли лёгкий шатёр и быстро перенесли его на «Серну»; островитяне издали дикий вопль, в котором утонули слабые крики девочки. Но мы не обратили внимания на шум, а даже сбросили фрукты, свисающие с носа алтаря! Сделав это и подняв наш парус,

мы отплыли прочь — «Серна», палатка, заложники и всё остальное. Увидев стремительное удаление нашей кормы от их опустевшего каноэ, островитяне ещё раз воздели руки и заголосили проклятия.

Отойдя на подходящее расстояние, мы остановились, чтобы выбросить за борт тех, кого мы удерживали, и Ярл приступил к освобождению заложников.

Тем временем я вошёл в шатёр и разными способами попытался успокоить девушку. Занявшись этим, я услышал сильный всплеск: наши пленники уже плыли в морской воде, возвращаясь на своё каноэ. Мокрые от влаги, они затем были встречены своими братьями с дикарской нежностью.

От каких-то слов, сказанных бывшими пленниками, остальные дикари внезапно, казалось, вдохновились надеждой на месть; ещё перед тем, как поднять своих товарищей из моря, они снова бешено затрясли своими копьями. Скоро в большом шуме и беспорядке они установили свой матовый парус и вместо того, чтобы плыть на юг, в Тедаиди, или к северу, к своему дому в Амме, принялись идти прямо за нами, по нашему следу.

На носу каноэ устроились три воина с копьями, приготовленными для метания, время от времени поднимавшие вопли.

Они решили преследовать меня? Заполнив пространство за нашей кормой, они продвигались, лая, как собаки на охоте. Йилла дрожала от их криков. Моё собственное сердце тяжело билось от непреодолимого страха. Тело Алимы, казалось, плыло спереди; мстители бушевали позади.

Но скоро эти фантомы отстали. Стало ясно, что язычники тщетно преследовали нас. Наша быстроходная «Серна» оторвалась от их судна. Всё дальше и дальше от кормы отдалялось зловещее каноэ; в последний раз оно уже казалось пятнышком, а когда большая выпуклость моря выросла перед ним, оно больше не показывалось. Самоа поклялся, что оно, должно быть, затонуло и погрузилось на дно. Но, так или иначе, у меня на сердце посветлело. Я не видел в море никого, кроме нас, помня, что наш киль при плавании не оставлял за собой следа. Позвольте орегонскому индейцу, идущему по следу врага через чащобу, ежевику и шиповник высоко в горах и внизу в долинах, приблизиться к воде, как он сразу начинает без толку нюхать воздух.

Глава XLV
Воспоминания

В процессе вызволения нежной Йиллы из рук островитян сказался наш опыт. Но что делать теперь? Здесь, в нашей авантюрной «Серне», была девица, более прекрасная, чем утренний свет; так считал не только я, но и мои компаньоны. Кроме того, её грудь всё ещё тревожно трепетала, её мысли всё ещё путались.

Как подавить эти опасные грёзы? Как мягко рассеять их? Но был только один путь: увести её мысли ко мне, как к её другу и спасителю, который лучше и мудрее, чем жрец Алима. Это не могло произвести большого эффекта, но всё же поддержало бы легенду о моём божественном происхождении со счастливого острова Ороолиа и таким способом продолжало бы подпитывать в её сердце таинственный интерес, под воздействием которого она вначале воспринимала меня. Но если открытие истины со стороны освободителя привело бы её к осознанию его неким холодным незнакомцем из Арктической Зоны, то какую симпатию смог бы он вызвать? И, сле-

довательно, можно ли ей было ради душевного спокойствия держаться только его одного?

Когда я повторно вошёл в шатёр, она снова спросила, где сейчас Алима.

— Думай не о нём, милая Йилла, — вскричал я. — Посмотри на меня. Разве я не так же бел, как ты? Ты заметила, что, начиная с ухода с Ороолиа, солнце хоть и окрасило мои щёки, но всё же не так, как твои? Разве я смугл, как темнокожий Алима? Они унесли тебя от твоего острова в море, когда ты была ещё ребёнком, а потому ты не запомнила меня там. Но я не забыл о тебе, милая Йилла. Ха! Ха! Разве не трясли мы вместе с тобой пальмы и не бегали за орехами, катящимися вниз по речной долине? Разве мы не ныряли в гроте на побережье и не подходили оба к прохладной пещере на холме? В моём доме в Ороолиа, дорогая Йилла, у меня есть локон из твоих волос, срезанный прежде, чем все они стали золотыми: маленький тёмный локон, свёрнутый кольцом. Как твои щёки тогда изменили цвет с оливкового на белый! И как забыть тот час, когда я натолкнулся на тебя, спящую среди цветов, с розами и лилиями на щеках. Всё ещё не помнишь? Не узнаёшь мой голос? Тот малыш в твоих глазах видел меня прежде. В них

отражаюсь я теперь, словно в двух озёрах. Всё прошлое — тусклая пустота? Подумай о времени, когда мы бегали вверх и вниз по валу, где зелёные виноградные лозы обвивали большие рёбра выброшенного на берег кита. О, Йилла, маленькая Йилла, ведь так это всё и было? Я навсегда забыт? По всему широкому водному миру я искал тебя: от острова к острову, от моря к морю. И теперь мы неразделимы. Алима ушёл. Нос судна продолжит лобызать волны, пока не достигнет берега в Ороолиа. Йилла, подними глаза.

Призрак Алимы исчез: прекрасная Йилла была моей!

Глава XLVI
«Серна» меняет курс

Благодаря усердию моего Викинга, к сумеркам наша «Серна» снова была приведена в нормальное состояние. И с множеством хитрых морских стыковок лёгкий шатёр был установлен на своём месте; паруса были зарифлены.

Затем мои товарищи расспросили меня относительно моих планов: изменились ли они после последних событий. Я ответил, что нашей целью всё ещё остаются острова в западном направлении.

Но от них мы долго и постоянно дрейфовали всё утро, так что теперь уже не было видно никаких их очертаний. Но нос «Серны» продолжал сохранять прежнее направление.

С наступлением темноты мои товарищи улеглись и крепко заснули, оставив меня у руля.

Как же мягок и как мечтателен бывает свет в особые часы! Лучи солнца, исходящие из-за золотых закрывающих облаков, приходят к вам подобно блеску света позади решётки. И лёгкий бриз, пропитанный специфическим бальзамом

срединных земель Тихого океана, был ароматен, как дыхание невесты.

Таково же было и это зрелище, настолько зачаровывающее, что рука Йиллы в моей руке казалась вовсе не рукой, а касанием. Видения мелькали передо мной и во мне, что-то звенело в ушах, весь воздух дышал спокойствием.

И сейчас же новая мысль тронула моё сердце. Я размышлял о том, как безмятежно мы могли бы и дальше так же скользить вперёд, совсем отдалившись от всех забот и беспокойств. И о том, сколько всего разного могло бы ожидать нас на любом из берегов этого окольного пути. Нами не ощущалось никакой тревоги в ароматном море; уверенность в близости земли придавала чувство безопасности. Мы имели вполне достаточные запасы провизии на несколько дней вперёд, а благодаря языческому каноэ ещё и изобилие фруктов.

Кроме того, зачем было заботиться теперь о зелёных рощах и солнечном береге? Не стала ли Йилла моим берегом и моей рощей? И моим лугом, моим мёдом, моей мягкой тенистой виноградной лозой и моим песчаным валом? Из всех вещей, желанных и восхитительных, разве не все у меня в наличии? Вполне достаточ-

но — и никакого берега не нужно. Один поворот руля — и наш лёгкий нос повернёт к мистической земле песен, солнца и виноградной лозы: к легендарному Югу.

Когда мы плыли вперёд, блаженная Йилла, пристально глядя вниз на морскую воду, выразила желание вместе со мной погрузиться в неё и бродить в её глубинах. Но я встревожился, мысленно увидев дрейфующее окоченевшее тело жреца. Снова привязался прежний призрак; снова чувство вины своей кровавой рукой схватило мою душу. Но я рассмеялся. Разве Йилла не была моей собственностью, спасённой моей рукой от беды? Ради неё я сам рисковал своей жизнью. Поэтому прочь, прочь, Алима!

Когда следующим утром, начавшимся с дремоты, мои товарищи созерцали солнце с перекладины вместо кормы, как прежде в этот час, то нетерпеливо спросили меня: «Куда теперь?» Но очень кратко я дал им знать, что после ночных раздумий отнёсся к этому важному вопросу с должным вниманием и решил идти к островам Тедаиди вместо земли на западе. Но это их не рассердило. Но от желания сказать простую правду меня удерживала некая тёмная мысль, вертевшаяся некоторое время: у меня пропало

желание пристать к берегу.

Но не я ли объявлял Йилле, что нашим предназначением был феерический остров, о котором она говорила, а именно Ороолиа? Всё же тот берег был чрезвычайно отдалён, и приложение усилий для его достижения на построенном руками судне было настолько очевидным безумием, что следовало задаться вопросом: действительно ли я питал мысль об этом?

Далеко же занесло «Серну», как бродячее облако в небе, улетевшее неизвестно куда.

Глава XLVII
Йилла, Ярл и Самоа

Пришло время сказать, как Самоа и Ярл отнеслись к таинственной Йилле и как Йилла отнеслась к ним.

Как красавица страшилась чудовища, так и девица сначала избегала моего однорукого компаньона. Но, видя мой интерес к дикарке, он отреагировал довольно скоро. И в соответствии с тем любопытным законом, в котором при определённых условиях самые уродливые смертные превращаются из отвратительных в дружелюбных, Йилла потихоньку принялась рассматривать Самоа как своего рода безопасного и добродушного гоблина. Откуда прибыл он, её не заботило, как и то, какова была его история или каким образом его судьба была связана с моей.

Может быть, она считала его существом случайного происхождения.

В наше время каждая женщина — укротительница мужского зверинца, поэтому Йилла вовремя сумела принудить Самоа отказаться

от ужасного украшения в его ухе и убедить его заменить чем-то иным безделушку в его носу. С его стороны, однако, всё это было условностью. Он предусмотрел возможность возврата обоих предметов на прежнее место в подходящих случаях.

Но если так радостно девица веселилась с Самоа, то чем отличались его чувства к ней? Судьба, к которой она была предназначена, и каждая неназванная вещь в ней заставляли его с его соплеменниками относиться с суеверием к существам с её цветом лица, который приписывал им более чем земное происхождение. Когда ему случалось приблизиться к ней, он выглядел робким и странно неловким, имеющим сходство с неуклюжим сатиром с разрисованными рожками, медленно виляющим своим хвостом, смущённо присевшим перед неким сияющим духом.

И это почтение было самым приятным для меня. Браво! Главная мысль: оставайтесь язычником навсегда. Но больше, чем для меня самого, после различных явлений Йилла стала идолом для обоих.

Но что же мой Викинг? Про доброго Ярла я с огорчением скажу, что старомодный интерес, который он проявил к моим делам, принудил его рассматривать Йиллу как своего рода зло-

умышленника, Аммонитовую сирену, кто мог бы победить меня, сбив с пути истинного. Это мнение время от времени вызывало его филиппики; но это было только негодование, говорящее о его преданности, и потому я молчал.

Бесхитростная, как ещё не раскрывшийся полевой цветок, Йилла казалась неспособной к восприятию противоположных точек зрения, с которых она рассматривалась нашими компаньонами. И, как истинная красавица, казалось, лелеяла предположение, что такому человеку, как она, невозможно предоставить опровержение её собственной неотразимости для всех. Её многое удивляло во внешности моего Викинга. Но больше всего она была поражена характерной татуировкой на руке замечательного моряка — нашим Спасителем на кресте, — выполненной синими чернилами; с короной из шипов и тремя каплями крови ярко-красного цвета, падающими одна за другой из каждой руки и ноги.

От этого честный Ярл весьма сильно возгордился своим украшением. Оно стало единственным кусочком его тщеславия. И, как леди, не надевшая перчатку на свою руку, чтобы хвастаться прекрасным бирюзовым кольцом, он неизменно носил этот рукав своей рубахи подвёрнутым,

чтобы лучше продемонстрировать татуировку.

И Йилла во все стороны вертела рукой Ярла, пока Ярл не прекратил это занятие из опасений вывиха. Ну неужели такое дикарское уважение не смогло бы взволновать сердце ищущего художника!

В конечном счёте через Уполуана она примирилась с Небожителем при условии владения его картиной по её собственному непреложному праву. В собственной простоте картины содержалось мало смысла, но её, как пейзаж во фреске, невозможно было удалить.

Глава XLVIII
Подводная свита

Чтобы не пропустить большого интересного происшествия, мы должны будем представить здесь описание любопытной свиты из рыб, которая настигла нашу «Серну» спустя день или два после расставания с каноэ.

Сильное бурление и вспенивание за кормой объявило об её подходе. Скоро мы обнаружили, что стали ядром или эпицентром скопления невероятного множества существ, имеющих плавники, в основном нам незнакомых.

Во-первых, далеко впереди нашего носа плыли шлемовидные Серебряные головы; бок о бок, шеренгами, словно солдаты. За ними плыл бонитас со своими вспыхивающими синими боками. Далее, третьим отдельным полком, извивался и вкручивался в воду, как архимедов винт, дрожащий изогнутый хвост, сопровождаемый, в свою очередь, неприметным спинорогом — так называемым из-за своих странных спинных плавников, стоящих на его спине и забавно искривлённых, как будто недоразвитых. Далеко

за кормой из воды поднимались бесконечные батальоны желтоспинок, по-военному отполированных.

И над несущим нас парусом парили птицы: по крылу в небе на каждый плавник в море.

Но позвольте морским птицам лететь; вернёмся к рыбе.

Её численность была удивительной; огромная, как мириады женских слёз из-за вероломного любовника. Вдали, по обе стороны, они плыли длинными линиями, бок о бок; вода изобиловала их стадами. Морская саранча, возможно, собиралась напасть на некую провинцию Нептуна, покрытую пушистой зеленью. И покорными и бесстрашными были они, как первые рыбы, которые плавали в Евфрате, почти не избегавшие человеческой руки, отчего Самоа поймал многих из них без приманки и снастей.

Они сформировали приличный эскорт, загребая впереди наших обросших ракушками бортов, как будто они были с нами с самого начала; ни один не испугался нашего судна, возвышающегося над водой, ни в малейшей степени не сожалея о потере товарища от руки Самоа. Они смыкали ряды и плыли дальше.

Как невинно, но как всё же бессердечно они

смотрелись! Если бы доска выпала из нашей лодки и мы погрузились бы на дно, то, поверьте, наша весёлая свита уж точно отдала бы должное нашим останкам!

Но, тем не менее, у нас появилась компания; такая же дружелюбная, как и доставляющая удовольствие; помогающая самому Самоа в его охоте и Йилле, хлопавшей в свои ладоши, когда сияющие существа одновременным поворотом своих серебристых животов заставляли целое море пылать, словно полированный щит.

Но что случилось с нашим бедным маленьким бонитасом за кормой, который так тяжело плывёт, хлопая открывающимися пурпурными жабрами? Что там с ним, плетущимся позади? Это запутанная морская водоросль зацепилась за его плавники. Но забитый пловец напрягается, чтобы не отставать от своих товарищей. Но его отставание их мало заботит. Они уже далеко; всякая рыба за себя, и всякая рыба для Самоа.

Наконец бедный бонитас больше не виден. Бесчисленные плавники плывут дальше, а одинокие отстающие теряются позади.

Странные рыбы! Весь долгий день они были на нашей стороне, а ночью при бледных лучах луны блестели и сияли ярче кристаллов и зеркал,

нежели при ярком золотом свете солнца. До чего же красиво они плывут, всю свою серебряную жизнь снуя туда и сюда между своими длинными рядами, касаясь своими носами и чистя их о знакомых. Никакого траура они не носят ни по бонитасу, что остался далеко за кормой, ни по безжалостно убитым Самоа. Нет, нет, одно ликование, подозрительное ликование и забавные шалости, лёгкие сердца и лёгкие плавники, весёлые спины и весёлые души. Отплывают, отплывают! Все мои весёлые плавники. Давайте бродяжничать в воде, давайте последуем за этой рыбой-монстром с обросшими ракушками боками, этой странной с виду рыбой, вылезающей высоко из воды, идущей без плавников. Что это за рыба? Что за лёгкое колебание? Действительно ли мы слышим дыхание морского монстра? Да ведь он заострён по обоим концам; два хвоста, так или иначе; у него нет ни глаз, ни рта. Какая любопытная рыба! Какая смешная рыба! Но ещё смешнее те дальние существа, что повыше, что находятся в пустоте позади, вцепившиеся в монстра, как змеевидные угри, которые цепляются и погружаются за меч-рыбой, нашим ужасным врагом. Но как любопытны эти угри! Они считают себя такими же симпатичными, как и мы?

Нет, нет; наверняка они созерцают наши подвижные плавники, нашу пёструю и красивую чешую. Бедные, бессильные существа! Как им, должно быть, было жаль, что не они, а мы — водные бродяги и морские старатели. Отплывайте; весёлые плавники, отплывайте! Позвольте ему погрузиться, тому, кто остановился; продолжайте путь, сойдитесь и сомкните ряды. Позвольте ему утонуть, если он не может идти в ногу. Для нас нет отстающих:

Мы как рыбы, мы как рыбы, мы весело плывём,
Мы не ищем друзей и врагов,
А с плавниками и без хвостов
Через моря мы идём.

Рыбы, рыбы, жабры красны,
Даже кровь нас не тревожит порой:
Нашей добычей довольны мы,
Нас много, и каждый — герой.

Нас не заботит всё, что вокруг,
Наша цель — неизвестный фантом:
Нам нравится плыть, море — наш друг,
Мы плывём, не виляя хвостом.

Мы странно смотримся со стороны,

Но мы для спокойствия ходим со свитой:
Тень её падает на буруны,
И мы плывём под её защитой.

И если смотреть на плывущих угрей,
А также на летящих птиц,
Пройти мимо них надо нам поскорей,
Вдали мы не видим границ!

Мы как рыбы, мы как рыбы, мы весело плывём,
Мы не ищем друзей и врагов,
А с плавниками и без хвостов
Через моря мы идём.

Ну что скажешь теперь, моя прекрасная рыба? Что встревожило твои длинные шеренги и перемешало всё в сумятице чешуи и пены? Не бери в голову этого долговязого парня с копьём, что устроился на корме. Оружие далеко, весёлая рыба, и дай нам мгновенье-другое прислушаться к твоим дурным стихам. Но нет, нет! Их пение было закончено. Мрачная смерть в виде всадника следовала за ними.

Как же они изменили свою хвастливую мелодию! Как же они окружили сурово критикуемую лодку! Как же они пожалели, что они не оказались в ней, хвастуны! И как же все они забились

в страхе!

А всё оттого, что здесь и там раздавался ужасающий звук стремительного движения под водой, означавший испуганную рыбу, учуявшую копьё нападающего в мелководьях на косяки всадника, пронзающего их своим оружием. Отступив и стряхнув её, кавалер пожирает добычу, затем нападает снова. Окружив в отчаянии лодку, бедные рыбы инстинктивно скопились у поверхности воды и взбирались друг на друга, как мужчины поднимаются на цыпочки в толпе. Они так цеплялись за нас из-за воображаемой безопасности в нашем присутствии. Зная это, мы сами почувствовали немалую тревогу, боясь, как бы всадник не пробил ударом копья нашу лодку, схожую с его добычей, преследуя рыбу, метавшуюся возле бедной «Серны». Свёрнутый жакет был приведён в полную готовность быть втиснутым в первое же проделанное отверстие, а в то время, как тысяча плавников явственно хлопала по нашим тонким доскам, мы ощущали достаточно сильную нервозность, как будто шагали по тонкому, потрескивающему льду.

Позже, к нашей немалой радости, враг уплыл; и снова наша делегация весело плыла под своим эскортом, в десять раз более радостная, чем

когда-либо.

Глава XLIX
Йилла

В течение нескольких дней пути, пока наше судно скользит вперёд, окружённое глубинной саранчой, позвольте истории Йиллы течь дальше.

Говорить о её красоте — это не сказать ничего. Она была кристально чистым озером в волшебном лесу: полная света и оттенков, полная мимолётного появления; то тенью в глубине, то солнечным отражением во впадинах; но всё в ней сверкало, менялось и смешивалось воедино.

Но её дикая красота имела склонность к ещё более странному поведению. Когда она часто пристально и искренне смотрела в мои глаза, то создавалось ощущение, будто чистый дух всматривался глубоко в мою душу и видел там некую обратную суть. Я начинал поражаться и спрашивал её, что за чары таились во мне, которые она так внимательно изучала. Часто она просила меня повторять раз за разом некоторые слоги моего языка. Она напевала их для себя, делая

паузы, время от времени, как будто стремясь обнаружить, в чём состоит их очарование.

Её акцент чем-то сильно отличался от акцента людей из каноэ. Чем-то располагающим к себе. Но чем — я не мог понять; но он позволял ей с готовностью произносить все слова, которым я научил её, как если б она вспоминала давно забытые звуки.

Если всё это наполняло меня удивлением, то насколько же это удивление увеличивалось и сбивало с толку, когда я рассматривал её внешность и её характерные черты.

После приложения различных усилий сопоставить их я предположил, что девица должна быть альбиносом (туллас), которые иногда встречаются среди жителей Тихого океана. Эти люди имеют чрезвычайно тонкую белую кожу цвета лепестков опавшей розы, как у створок раковины. Их волосы золотые. Но, в отличие от альбиносов других стран, их глаза неизменно синие, и они не имеют никакой нетерпимости к свету.

Как человеческий тип, туллас умирают рано. И, следовательно, туземцы верят, что они принадлежат к неким отдалённым сферам и только благодаря оплошности в божьем провидении происходит их появление на земле, откуда, при

обнаружении данной оплошности, их торопливо забирают. И это происходит преимущественно на тех островах, где практикуются человеческие жертвоприношения, а туллас считаются самыми подходящими жертвами для алтаря, к перспективе которого их с самого рождения и готовят. Таковы были соображения, объединённые с другими, заставившие меня полагать, что жрец и считал Йиллу одним из этих существ. Столько мистических откровений, однако, содержало её прошлое, что часто я не знал, что и предположить. Но они явно показывали, что у неё не было даже самой отдалённой концепции её реального происхождения.

Но это самомнение о существовании, предшествующем существованию земному, возможно, отражалось в одном из тех божественных видений, проявившихся в лице дремлющего ребёнка. И, искажённые, и повторно отражённые, и постоянно повторяемые ей со многими дополнениями, эти грёзы должны были искренне принять в её сознании оттенок действительности, усиленные убеждённостью из-за мечтательной уединённости её жизни.

Но теперь позвольте её последующей и более вероятной истории быть изложенной так, как

время от времени она её пересказывала.

Глава L
Йилла в долине Ардаира

В зелёной долине реки Ардаир, в далёком тихом уголке острова Амма, запертом среди старых серых утёсов, жила девочка Йилла.

Настолько узкой и настолько глубокой была эта речная долина, окружённая со всех сторон крутыми пологими склонами, настолько ярка и зелена была её растительность, настолько обманчивыми были тени, которые играли там, что сверху вся долина казалась скорее озером из прохладного, ароматного воздуха, нежели долиной реки: её леса и травы мерцали в тени, как морские рощи и мхи на дне спокойного моря.

Здесь никто не появлялся, кроме жреца Алимы, который время от времени отсутствовал по нескольку дней. Но когда-то неисчислимое множество людей, громко кричащих, стояло на краю соседних пропастей, и, пересекая эти тенистые дебри, они медленно отступали; их голоса стихали, когда они уходили через большие дальние рощи.

Иногда Йиллу заточали в храм Апо, и отря-

ды мужчин, входящих в долину, окружали его, танцуя там до наступления вечера. В это время гроздья фруктов, гирлянды цветов и корзины с рыбой возлагались на алтарь, где стоял Алима, одетый в белую таппу, бормочущий что-то про себя, когда подношения укладывались у его ног.

Когда Алима заканчивал эти камлания, Йилла уходила дальше по речной долине, блуждая среди деревьев и отдыхая на берегах реки. И когда она прогуливалась, то глядела вниз на мрачные старые утёсы, покрытые ползущим мхом.

В низинной части долины её высокие склоны, уходя вверх, сближались и нависали над проёмом, почти смыкаясь над его серединой. И большая скала, отколовшаяся и упавшая с одного из них, застряв между стенами, оставалась там неподвижной. Воздушные деревья росли на её поверхности, птицы гнездились в её расселинах, и странные виноградные лозы проросли за её пределами, обвивая вершины деревьев, свиваясь в клубки и волны, как анаконды, греющиеся на свету. Ниже этой скалы находилась высокая стена из тяжёлых камней. Между их щелями проглядывались длинные и покрытые листвой галереи, уходящие вдаль, туда, где море катилось к солнцу. Раздавшись, эти щели дали

выход водам ручья, который длинным каскадом лился по скошенным зелёным выступам у подножия стены в глубокий тёмный бассейн, чьи скалистые берега в бесконечных водоворотах имели облик гротескной группы гигантов, погружённых с головой и лениво плещущихся в бассейне.

В этом бассейне Йилла могла купаться. И однажды, появившись там, она услышала эхо голоса и громко отозвалась. Но единственным ответом был шелест веток, потому что кто-то невидимый сбежал вниз из долины. Вскоре после этого камень скатился внутрь долины, и жрец Алима появился перед нею; он сказал, что голос, услышанный ею, принадлежал ему. Но это было не так.

А томительные дни шли и шли, ещё и ещё, и дева тосковала от одиночества. Когда бриз не дул, а спал в горных пещерах и все листья на деревьях держались неподвижно, как слёзы в глазах, Йилла пребывала в печали и призывала духов в свою душу, чтобы пробудиться. Она пела тихим голосом, думая, что её услышат в Ороолиа, но начинала пугаться, когда от лощин и долин голос возвращался к ней растянутый и более дикий, чем ушедший. И часто, когда она печалилась,

Алима стремился разделить её тоску, вспоминая яркие видения в Блаженном Ороолиа, к которому, как он утверждал, она должна будет скоро вернуться, чтобы уже никогда оттуда не уходить.

В ту пору над долиной Ардаира возвышался высокий тёмный горный пик, своей верхушкой напоминающий мрачный профиль человеческого лица, чья тень каждый день сползала вниз на зелёную сторону горы: молчаливый призрак, скрадывающий в своей груди всю речную долину.

Время от времени, когда призрак приближался, Алима уводил Йиллу дальше и, ожидая его подхода, укладывал её в тени, нежно сжимал её руки, восклицая: «О, Апо! Ты намерен приять свою невесту?» И в последний раз, когда он удалился с места, где стояла тень и закрывала целую долину во мраке, Алима сказал: «Появись, Йилла; Апо тянется сюда, чтоб ты уснула в Ардаире. Пойди, засни там, где ты слабеешь; поскольку ты слабеешь от дремоты в его объятиях».

И так каждую ночь спала дева в объятиях мрачного Апо.

Однажды, когда Йилла уже полюбила дикую тень, как кого-то, кто каждый день проходил перед её глазами в мире, где всё было так мертво,

она пошла дальше одна, чтобы посмотреть на неё в тот момент, когда тень мягко скатывалась с вершины. И внезапно, когда тень полностью обрамляла пропасть и этот вид напомнил чьи-то раздвинутые губы, она услышала громкий голос и решила, что это был зов Апо:

«Йилла! Йилла!» Но теперь он походил на голос, который она слышала, купаясь в бассейне. Взглянув вверх, она заметила красивого молодого юношу, пристально смотрящего на неё вниз с недоступной скалы. Но тогда позади в роще раздался шелест, и что-то быстрое, как мысль, метнулось в воздухе. Юноша бросился вперёд. Йилла открыла свои руки, чтобы схватить его; но он упал на утёс и больше не появлялся. Встревоженная, в слезах, она убежала с поляны, а кто-то впереди, прячась от неё, бежал через лес.

После рассказа Алиме об этом приключении тот заявил, что существо, которое она видела, скорее всего, было злым духом, прибывшим, чтобы досадить ей; и Апо убил его.

Вид этого юноши наполнил Йиллу диким желанием убежать из её уединённого укрытия для поиска кого-то другого, кроме жреца и призрака; она неясно размышляла о мирах справедливых существ, что существуют за пределами Ардаира.

Но Алима стремился прогнать эти мысли подальше, высказавшись, что нужно пройти долгий путь, прежде чем соединиться с духом Ороолиа, о котором она смутно помнила.

Вскоре после он пришёл к ней с раковиной — одной из тех, в которых всегда шумит океан, — и приложил её к её уху, предложив послушать её, поскольку эта маленькая ракушка была увезена с Ороолиа, чтобы держать связь с Йиллой на Амме.

И тогда дева часто держала её у уха и закрывала глаза, слушая и слушая её мягкое внутреннее дыхание, пока звуки не порождали видений, от которых её душа в течение многих часов пребывала в состоянии блаженства.

А затем жрец пришёл и принёс ей молочно-белую птицу, чёрную как смоль, с глазами, подобными звёздам: «В ней сокрыта душа девы; она прислана из Ороолиа, чтобы видеть тебя и знать о тебе». Мягкая незнакомка охотно укрылась на её груди, оглядывала её блестящими глазами и ласково пела.

Много дней прошло, и Йилла, птица и раковина стали неотделимы. Птица приручилась, клевала семена из её рта; взгромождаясь на её плечо, пела возле её уха, а ночью, свернув свои

крылья на её груди, как морская птица, мягко засыпала, поднимая и опуская грудку на сердце девы. И каждое утро она вылетала из своего гнезда и трепетала, и щебетала, и плавала туда и сюда, и беспечно пела, и тёрлась о щёки Йиллы, пока та не просыпалась. Затем усаживалась ей на руку, и Йилла, серьёзно глядя в её глаза, видела в них странные лица и говорила себе, пристально посмотрев: «Это две души, не одна».

Но, наконец, когда Йилла с птицей ушла подальше в рощу, та внезапно взлетела с её плеча и взгромоздилась на ветке, где, откинув назад белую пушистую шею, издала ясную чистую трель, подобную маленькому фонтану, бьющему в воздух. После песня прекратилась, будто кто-то где-то далеко в долине приказал птице замолчать. «Лил! Лил! Вернись, не оставляй меня, блаженная душа девы». Но птица уже сверкнула крыльями, оказавшись далеко в узком ущелье, и превратилась в маленькое пятнышко, через мгновенье исчезнув насовсем.

Дальнейшее случилось вскоре после этого события: вечером того дня, когда раздались звуки сражения за более низкой стеной речной долины, Алима пришёл к Йилле в тревоге и сказал: «Йилла, время пришло, чтобы последовать за тво-

ей птицей; поезжай, возвращайся в свой дом в Ороолиа». И он рассказал ей о пути, которым она вихрем пронесётся к побережью Тедаиди. Той же ночью девушку спрятали и поместили в шатёр, который перенесли к побережью, где её уже поджидало каноэ. И судно настолько быстро отправилось в плавание, что уже к следующему утру остров Амма исчез с горизонта.

И так началось путешествие, продолжение которого вы уже знаете.

Глава LI
Мечта начинает исчезать

Учитывая совокупность странных ассоциаций, с которыми ум Йиллы, должно быть, воспринимал каждое происшествие в её жизни в Ардаире, её история казалась весьма вероятной.

А потому эта ущербность создала в ней зависимость от питавшего её дикого тщеславия и искреннюю веру в существование страны мечты. Её невероятное прошлое было её настоящим.

Всё же, поскольку наши взаимоотношения становились всё ближе и ближе, эти мечты казались упущенными. И часто она расспрашивала меня о моих собственных воспоминаниях об её тёмном острове. И осторожно я стремился произвести впечатление, что независимо от того, что я говорил про эту страну, она привиделась мне в мечтах; но в этих мечтах Йилла улыбалась мне, и, следовательно, импульс, который был послан мне, явился во плоти после его духовного видения.

И это верно было сказано, и, право, стоит поклясться в этом на её скрещённых белых руках.

Разве, о Йилла, не была ты земным подобием того сладкого видения, которое преследовало мои самые ранние мысли?

Сначала она наивно полагала, что внешнее сходство между нами было следствием того, что мы в прошедшие времена жили вместе в одном и том же эфирном регионе. Но мысли эти быстро угасли. И не без долгих странных исследований. Более пристально, чем когда-либо, она вглядывалась в мои глаза, прикладывала своё ухо к моему сердцу и слушала его стук. И любовь, которая во взгляде на объект ищет способ наделить его неким редким превосходством, любовь, вызванная мною, укрепила мою провалившуюся божественность, которую я сам же и подрывал.

Но если Йилла воспринимала со снисхождением изменение моего образа от божественного к смертному, то совсем противоположные эмоции я разглядел в осознании угасания в её сердце понятия собственной духовности. Из-за мыслей, которые изгонялись, она крепче цеплялась за меня, как за человека, без которого она стала бы совершенно опустошённой. И теперь временами она бывала грустна и часто, пристально, долго и неподвижно смотрела в море. И при этом она не объясняла, почему она так делала, поддава-

лась ли искушению, а отвечала, что, несмотря на ложные истины Алимы, возможно, привитые её уму, она была уверена, что водоворот на побережье Тедаиди служил преддверием её судьбы; что в воде она видела блестящие глаза и силуэты призраков и странные сглаженные формы её ложа среди мхов.

Её мечты казались моими. Часто мерещился мне позеленевший труп жреца, протягивающего свои руки из воды, стремящегося схватить бледную Йиллу и утащить её на глубину.

Но эти предчувствия ушли, и не было большего счастья во вселенной, чем наше. Мы жили, и мы любили; жизнь и любовь соединились, и в радости проносились наши дни.

Глава LII
Мир на горизонте!

Пять солнц взошло и село. И Йилла уже начала тосковать по берегу с того момента, когда мы свернули с нашего курса на запад. На следующее утро мы увидели землю.

Это были неисчислимые острова, поднимавшиеся синевой в голубом воздухе и смотревшиеся в морской дали как копны сена в туманном поле. Надо всем возвышался мощный горный пик; одно кудрявое облако склонилось над ним, увенчивая эту колонну. Далее как будто пурпурные уступы поднимались в небеса в закатном солнце, простираясь настолько далеко, что казались бесконечными равнинами.

Приблизившись, мы разглядели острова уже получше; поднимаясь над волнами, они приветствовали нас; показались холмы, долины и вершины, собранные в молочно-белой зоне рифа, столь обширного, что остальная его территория скрывалась в дымке. Словно драгоценные камни, пары, нависшие над фиолетовыми берегами, казалось, готовы были упасть; и почти

на этом же уровне лучи солнца, льющиеся через воздух, будто через многогранную призму, падали на зелёную растительность, искрящуюся дрожащей влагой на всём своём протяжении.

Мы подошли ещё ближе: наш парус почти обмяк, поскольку бриз ослаб ещё на подходе к островам. Волны катились вяло, как будто сознавая, что их долговременная задача была почти выполнена, в то время как белый риф, словно хвост огромной рыбы, мерцал, оставаясь неподвижным. Но пока ещё не было видно никакого признака вёсел или каноэ, никакого отдалённого дыма, никаких соломенных крыш.

— Браво, славные друзья! Мы обнаружили некий новый архипелаг.

— Сладкая Йилла, ну, скажи, не похожа ли на Ороолиа эта цветущая земля? Больше мы не будем странствовать.

Пройдя вдоль рифа, мы подошли к проливу; затем, уйдя из синевы отражавшего небесный свод открытого моря, мы заплыли в тихие зелёные воды широкой лагуны. Расположенные в широкой тени острова и спокойные воды, отражающие окрашенные тут и там оттенками солнца облака, представили нам совсем другое небо. Поблизости от проходов в рифе располагались небольшие

островки с пальмами, раскачиваемые бризом, с очаровательным птичьим гомоном, которые, казалось, призывали нас пристать к ним. И здесь Йилла, кого вид зелени вполне обрадовал, высказала забавное предложение. Ни много ни мало, как установить нашу мачту вместе с парусом на самый высокий холм и уплыть под этим парусом далеко вместе с островом и всем, что на нём имеется: качающимися деревьями, распевающими рождественские гимны птицами, растущими цветами; далеко, далеко, через широкие воды, к Ороолиа! Но увы! Сколько весит коралловый якорь острова, уходящий вниз лигами в бездонное море?

Мы поглядели вокруг; но все острова казались дремлющими в плывущем свете.

— Каноэ! Каноэ! — закричал Самоа, когда показались три проа, огибающие соседний берег.

Мы сразу же повернули к ним; но после некоторых колебаний, привстав и пристально разглядев нас, островитяне отступили за мыс. Едва они скрылись из виду, как из множества других мест отплыли другие проа. Скоро акватория повсюду вокруг нас заполнилась флотилиями каноэ, метущимися туда и сюда, как испуганные водоплавающие птицы. Скорее всего, все они были

с одного острова.

По их действиям мы заключили, что эти люди, возможно, имели минимальное общение с белыми и, что наиболее вероятно, не знали, как относиться со своей стороны к нашей внешности. Надеясь на дружественную встречу, прежде чем могли бы возникнуть какие-либо враждебные подозрения, мы указали им путь нашего судна к острову, куда все каноэ сразу же заторопились. После чего те, кто ещё не доплыл до нас, развернулись и уплыли; в это время экипажи проа, которые находились возле берега, бросились в рощу и скрылись из виду. Оказавшись в островной тени, мы достигли берега и, скользя вдоль его края, прошли мимо рядов каноэ, поднятых на тихий берег, который казался полностью безлюдным.

Дилемма встала передо мной. Но я решил наконец высадить Ярла и Самоа для установления миролюбивых контактов с островитянами. Они выбрались на коралловый уступ, откуда уже пробрались на берег; я же отплыл с Йиллой подальше в ожидании событий.

Целый час, наверно, прошёл, когда, к нашей большой радости, послышались громкие крики и перед нами предстала шумная толпа, среди

которой был замечен мой Викинг, усаженный на плечах двух мускулистых уроженцев; в то время как Уполуан, шагающий впереди, казалось, оказал сопротивление подобному варианту своего передвижения.

Два добрых предзнаменования.

— Приставайте к берегу! — закричал Ярл.

— Арамаи! — кричал Самоа, в то время как штормы криков исходили от островитян, которые, необычно жестикулируя, плясали на пляже.

Это указание оказалось бесполезным: я уже правил к берегу. Но, приняв эту команду на свой счёт и одобрив, островитяне зашли по пояс в воду. И скользившая, как чайка по гладкой лагуне, лёгкая шлюпка оказалась окружена ими. Быстро, как мысль, пятьдесят рук оказались на планшире — и, со всем содержимым, поднятая целиком в воздух, маленькая «Серна» на множестве мокрых плеч была перенесена в глубину рощи. Йилла визжала, когда лодку сильно качало, и ветви деревьев задевали шатёр.

Старик с посохом указал на несколько одинаковых деревьев, отстоящих обособленно друг от друга приблизительно в четырёх шагах и на небольшой высоте от земли удобно переплетённых.

И здесь островитяне опустили свою ношу, мягко устроив «Серну» между ветвями деревьев, чья подобная иве листва окаймила шатёр и его обитательницу.

Глава LIII
«Серна» на берегу

До сих пор окутанная в свою одежду и присевшая, как олень, Йилла была почти совсем скрыта от обозрения. Но теперь она отворила свой полог.

Что же так удивило островитян, если они столь пристально рассматривали нас и молча преклонили колени, некоторые — отступив, некоторые — подползя ближе, а все женщины — даже трепеща? Долго всматривались они и, последовав примеру Самоа, протянули свои руки в почтении.

Преклонение перед девой распространилось и на меня. Действительно, судя по использовавшимся исключительным жестам, я имел все основания подозревать, что мы столкнулись с непривычными для нас почестями.

Я попытался услышать мнение моих товарищей. Но настолько беспокойной была толпа, что это было почти невозможно. Ярл всё ещё сидел на плечах островитян; его восторженные носильщики ещё не вынесли его на свет. Однако Самоа,

которому удалось избежать подобного водружения, вскоре удалось приблизиться к «Серне».

Он советовал мне ни в коем случае не спускаться; по крайней мере, пока в любом случае мы не будем уверены в своей безопасности; островитяне тоже считали его самого священным. Уполуан привлёк большое внимание: в основном стилем своей татуировки, которой вместе с другими особенностями так заинтересовал уроженцев, что они постоянно слонялись вокруг него, задавая нетерпеливые вопросы, и всё время нескончаемо шумели.

Сильно напрягая свои лёгкие, Самоа смог прокричать мне, что, несмотря на множество собравшихся, ещё не было главного вождя или кого-либо из знати, а также вождей с соседних островов, уехавших на празднество в другую часть Архипелага. Но при первом же отдалённом проблеске паруса «Серны» быстроходные каноэ были сразу же посланы к вождям с вестью об удивительном происшествии.

Со временем, когда толпа, становящаяся менее шумной, поредела вокруг Самоа, я воспользовался этим желанным затишьем и призвал его и Викинга взобраться в «Серну», настроившись на объединение наших сил в любой чрезвычай-

ной ситуации.

Самоа затем дал мне понять, что, по его разумению, островитяне сочли меня высшим существом. Они спросили его, не был ли я белым Тайи, своего рода наполовину божеством, теперь и ранее его олицетворением в их мире и занимающим официальное место полубога в их иерархии. На это Самоа ответил «да», добавив, кроме того, всё, что мог, чтобы подтвердить эту идею.

Он упросил меня при первой возможности называть себя Тайи, заявив, что если представляться в соответствии с этим названием, то неограниченное гостеприимство при нашей главной встрече станет бесспорным и наши личности будут ограждены от всякой опасности.

Это неплохо. Но лучше быть осторожным. Среди некоторых варваров первые незнакомцы, высадившиеся на их берег, часто провозглашались божествами; и, хотя на многих диких землях они фактически назывались воплощением богов в знакомой туземцам терминологии, это всё же не ограждало посланцев неба от опасности, самонадеянно не замечаемой в начале радостного приёма. Во внезапных конфликтах гостей просто убивали, в то время как абсолютная вера в их бо-

жественность никоим образом не уменьшалась. Печальная судьба выдающегося мореплавателя — известная иллюстрация этой необъяснимой логики.

Поэтому без малейшего беспокойства мы ожидали подхода части сановников Марди; поскольку под этим общим названием, как сообщили нам, эти острова и были известны.

Мы ждали недолго. Внезапно с побережья раздался пронзительный одинокий крик. В следующий момент стук многочисленных раковин сотряс воздух; неровный шум приближался и приближался; и, направив наши глаза в его сторону, мы нетерпеливо ждали, что последует дальше.

Глава LIV
Пришедшие с солнца

Никогда прежде не видел я, как через плотную листву леса проплывают каноэ. Но они появились, проплыв через листву, касавшуюся двух рядов мужских плеч; в каждом каноэ — по вождю, которых размеренно везли их гребцы, разворачивая лопасти вёсел своими руками. Когда они появились, многие склонились в уважительных поклонах. На расстоянии приблизительно восьми или десяти шагов процессия остановилась; затем короли сошли на землю.

Это были прекрасные с виду мужчины, поразному одетые. Редкое зрелище из пятнистых перьев, драгоценностей и других украшений. Прекрасная флотилия окрашенных мантий.

Королевская осанка этих персонажей, уважение, выказываемое им, и их абсолютное самообладание немало удивили меня. И, казалось, было нелепым принимать божественную позу в присутствии этих бесспорных властелинов земельных владений. Тайи, казалось, уходил уже из кончиков моих пальцев. Но смелее! И, взъеро-

шив свой гребень, я старался показать каждый дюйм той личности, которой решил стать.

Какое-то время было почти невозможно сказать, с какими точно чувствами вожди отнеслись ко мне. Они не сказали ни слова.

Но со щемящим сердце изяществом я поправил перевязь своего мачете на моей груди и, возложив свою руку на рукояти, обратился к Их Величествам с такими словами:

— Жители Марди! Я пришёл с солнца. Когда этим утром оно взошло и коснулось волн, я отплыл на своём судне от его золотого берега и приплыл сюда под парусом впереди его лучей. Я — Тайи.

Можно было что-то ещё добавить, но я сделал паузу для большего эффекта моей преамбулы.

Отойдя на один или два шага, вожди принялись нетерпеливо переговариваться.

Ободрённый, я продолжил речь и потрудился впечатлить их только таким своим образом и такими моими словами, которые я считал желательными. Благородная Йилла была серафимом солнца, Самоа я представил как управляющего парусом в моём движении от солнечного шара, а что касается Небожителя, то почему бы, согласно его прозвищу, ему не быть спустившимся

с небес. Одним словом, мы все были странствующими божествами.

Подойдя к «Серне», один из королей, спокойный старик, так обратился ко мне:

— Это действительно Тайи? Тот, кто, согласно традиции, должен был возвратиться к нам после пяти тысяч лун? Но этот период ещё не истёк. Что тогда привлекло тебя сюда, Тайи, прежде положенного срока? Ты усталый, но воинственный полубог, как рассказывают легенды тех времён, когда ты жил среди наших предков. Но почему ты пришёл, Тайи? Ты действительно слабеешь, коли вмешиваешься в поклонение твоему образу, но у нас есть множество богов помимо тебя. Ты пришёл, чтобы воевать? У нас много копий, и мы не желаем войны. Ты пришёл, чтобы жить? Дома Марди малы. Или ты пришёл, чтобы ловить рыбу в море? Скажи нам, Тайи.

На заданные им сложные вопросы нелегко было ответить; обстановка являла любопытный пример встречи странных полубогов, путешествующих без своего багажа, а также знаний манер, с которыми эти короли обращались к бессмертным. Я очень горевал, что ранее не заучил получше свою роль и не изучил точный характер моей предыстории на земле.

Но на что только не способен смельчак!

— Слушайте внимательно. Тайи появился, старик, потому, что ему захотелось появиться. И Тайи отбудет, когда он этого захочет. Спросите духов своих предков: приветствовал ли Тайи так же их появление, когда они пришли поохотиться в его присутствии на земле духов? Нет. Тайи предоставил еду. Он залатал их одежды. Он разжёг огонь, чтобы согреть и просушить их. Он не говорил: «Пришли вы, чтобы воевать, туманные и призрачные? Пришли вы, чтобы жить? Или пришли вы, чтобы ловить рыбу в море? Идите дальше, вожди Марди!»

Тогда отступил старый вождь, и его место занял благородный вождь со свободным открытым нравом. Быстро подойдя к лодке, он воскликнул:

— Я — Медиа, сын Медиа. Трижды добро пожаловать, Тайи. На моём острове Одо расположен твой алтарь. Я прошу тебя стать моим гостем. Он также напомнил остальным, что плавание у незнакомцев было дальним и им необходим отдых. И, кроме того, он предложил сопроводить их немедленно к его собственным землям, где на следующий день он был бы счастлив приветствовать всех гостей.

И, верный своему слову, он приказал своим

спутникам расположиться под «Серной». Спрыгнув с носа судна, Уполуан последовал за Ярлом; уносимые Йилла и Тайи направились в сторону моря.

Вскоре мы опять были на плаву. Медиа дружелюбно уселся с нами, а шестеро его гребцов, держащих планшир, стремительно уносили нас к лагуне.

Переход от рощи до моря был мгновенен. Всё казалось мечтой.

Место, к которому мы спешили, было удалено на некоторое расстояние, поэтому мы огибали остров за островом, поражаясь возрастающим размерам Архипелага.

Глава LV
Завтрак в храме

Когда, наконец, мы увидели остров Одо, вид его несколько разочаровал меня. Небольшой остров, невысокий.

Но на нём стоял высокий дом, который встретил нас. На берегу выстроились ожидающие туземцы, которые, подняв «Серну», вынесли нас на берег.

Когда мы оказались на берегу, король Медиа, указав на крепкий сарай для каноэ, приказал, чтобы наше судно было уложено в нём. Как только этот приказ был выполнен, мы сошли на землю. Это была первая суша, на которую мы ступили за много долгих дней. Она передавала приятную остроту нашим телам.

Обернувшись, Медиа предложил всем следовать за ним.

Вскоре мы пришли в неустроенное на вид место, огороженное возводимой стеной. Здесь остановка сопровождалась шумом, в большой поспешности уроженцы продолжали укладывать нижний ряд каменной кладки. Когда мы осмот-

релись, нас пригласили подойти к песчаному валу, который каким-то образом был нанесён ветром. На искусственной насыпи находился проём, укреплённый бамбуковыми жердями, открывающий внутренность. В её пределах находился длинный, как сиденье, пьедестал с установленными на нём тремя статуями, также из древесины, размером с человека, представляющими некое подобие его одушевлённой природы. Перед этими идолами находился алтарь, стоящий на множестве прекрасных циновок.

Входя в храм, где он чувствовал себя вполне по-домашнему, Медиа расположил эти циновки так, чтобы создать очень приятную гостиную, где почтительно предложил Йилле прилечь. Затем, сознательно удалив первого идола, он указал мне жестом присесть на освободившееся место. Сняв среднюю статую, он спокойно утвердился на её месте. Перемещённые идолы тем временем стояли вертикально перед нами, и их безучастные лица смотрелись в этой ситуации необычайно выразительно. Пока ещё ни слова не прозвучало от нашего кавалера относительно значения этих деревянных божеств.

Теперь мы спокойно ждали дальнейших событий, и я искренне просил, что если это кощунство

служило идее, то месть богов может предотвратить такой невежда, как я, несмотря на то что сам проситель происходил из потустороннего мира. Прекрасная тишина сохранялась: Ярл и Самоа стояли немного поодаль от святилища; первый глядел вполне одобрительно, но вот его товарищ бросал удивлённые взгляды на мой апофеоз идеального общения с Медиа.

А пока, разглядывая идола, ещё недавно удалённого, я потратил немного времени, чтобы обнаружить определённое сходство между ним и нашим хозяином. Оба были украшены одинаково; резьба на идоле точно соответствовала татуировке короля.

Вскоре волнующая тишина была развеяна: приблизился дворецкий, шатаясь под тяжестью огромного деревянного подноса, который с глубоким коленопреклонением был поставлен на алтарь перед нами. Поднос был загружен, словно какая-то повозка с урожаем; груды продуктов, разных по виду и размеру: плоды хлебного дерева, и кокосовые орехи, и бананы, и гуавы; все приятные глазу и с серьёзностью расставленные, весьма приятные на вкус.

Овладев этим гастрономическим пейзажем после такого долгого отчуждения от зелени, я

тотчас же помог Йилле и самому себе, когда, как молния, возник нежелательный вопрос. Божество тоже обедает? Затем также повторяет то, что Медиа объявил в моём святилище в Одо. Это так? Ниспровергающий сам себя полубог, которым я был, занимался чревоугодием, используя подношения себе в своём же собственном священном храме? Пошли осторожность на моём пути, о Тайи, чтобы я не спотыкался и не терялся!

Но вслед за этим, как мы видим, его спокойное величество острова Одо так же спокойно приходит обедать в храм?

И что теперь? Медиа также был богом? Ей-богу, так это и было. И ещё. Почему его изображение находится здесь, в храме, и оригинал так наполнен непринуждённостью, с ногами, полностью и для уюта протянутыми под самый алтарь. Этот момент развеял все ужасные предчувствия в необходимости голодания и укрепил предположение о моей божественности. Таким образом, без излишней суматохи я помог себе и справа и слева, проявляя большую заботу об Йилле, которая воспылала своей яркой красотой рядом с сочными фруктами, тем самым передав своим щекам сладкий жар гуавы.

Наш голод был утолён, и, когда Медиа в небес-

ном символе сытости возложил свою руку на соответствующую область, мы решили выйти из святилища. Но, подойдя к стене, где находился проход, никакого проёма не заметили. Но стена пала, раскрыв проход, и мы выбрались.

Это свержение стен, да будет известно, является непредвиденным жестом платы за обед высшими существами в этой части Марди. Это как бы означает, что такие благородные лица никуда не могут пойти, не произведя впечатления даже на большинство закоснелых веществ.

Но вернёмся к нашему божественному обеду.

Возвышая себя идеей своего интеллектуального превосходства, всё же никакой разумный человек не сможет питать сомнение в том, что существует общее согласное удовлетворение от обеда. Более того: вкус к жизни и бессмертие зависят от хорошей еды. Как воздушные шары, мы — пусты, пока нас не наполнят.

И хорошо известно, что природа предоставила этому весёлому высшему кругу наш земной шар, который в бесконечной череде урожаев и предстаёт бесконечным банкетом. Впрочем, как и на большинстве общественных банкетов, тут случаются немалые давки, и многие отходят от изобильного стола не солоно хлебавши.

Глава LVI
Король Медиа – радушный хозяин

Пройдя рощу, на закате мы вышли на безлесное чистое поле, где обнаружили деревянный город.

В центре его, подобно шатру генералиссимуса среди солдатских палаток, находилось строение, более внушительное, чем все остальные. В нём жил король Медиа.

По всему периметру квадрата приблизительно в пятьдесят ярдов стояло множество пальмовых стволов, крепко врытых в землю. На высоте человеческого роста они поддерживали многочисленные горизонтальные стволы, на которые был наложен настил из шиповника. Над этим возвышением опирающаяся уже на независимые опоры внутри и заканчивавшаяся фронтоном крыша уходила гораздо выше уровня стен.

Таков был дворец.

Мы вошли в него через арочный деревянный вход, прикрываемый пальмовыми ветвями. Но не через эту парадную дверь входили островитяне. Кротко склоняясь, они находили вход под свисающим карнизом. Незапамятный обычай,

и хорошо просчитанный, чтобы напомнить всем упрямцам о высоком статусе тех, в чей дом они вступали.

Три ступеньки вели на высший уровень помоста, где груды мягких циновок и лёгкие подушки, сотканные из трав, набитые золотистым диким чертополохом, приглашали всех бездельников приятно отдохнуть.

Как приятны были сумерки, которые хлынули из-под низкого карниза, выше которого мы были усажены! И как удачно оказалась спроектирована крыша. Не было тени более благодарной и полной, а резкое вялое солнце склонилось, как какой-то ожидающий приказа лакей.

Но кто это в углу глазеет на нас так недоуменно? Домашнее божество Медиа под маской восторженного монстра, чья огромная голова стояла, открывшись, и широкий, зияющий рот был полон свежих фруктов и зелёных листьев. Действительно, если у идола находилась в собственности душа под его узловатыми рёбрами, то как же она измучилась, держа открытым такой великолепный полный рот без возможности проглотить его же содержимое. Это намного хуже, чем непреклонному столбу сделать встречный шаг к еде.

Этот Весёлый Джош являлся низшим божеством, богом добра Чиром, и часто после этого случая мы встречались с его весёлым круглым ртом во многих других обителях в Марди. Ежедневно его челюсти пополнялись, как цветочная ваза в летнее время.

Но разве полубожественный Медиа таким способом пополнял источник присутствия вечной божественности для подданных? Более того, он воздавал ей почести? Ведь вскоре мардианская мифология будет так говорить о простых вещах, которые тогда могли показаться аномальными.

Вежливо сопровождая нас в своём дворце, Медиа с почтением пригласил своих гостей прилечь. Он, казалось, очень хотел впечатлить нас тем, что, привлекая к себе домой и тем самым задействуя королевскую кладовую в нашем обслуживании, не делал поспешных или неосторожных шагов. Его весёлый дворецкий собирал вокруг нас груды яств, пока мы находились в этих стенах. На каждое новое блюдо Медиа обращал наше внимание как на дополнительное доказательство наличия у него достаточных ресурсов, как у хорошего хозяина. Доказательства, наконец, решено было перетащить под крону срубленного платана, чьи сверкающие красные спелые фрукты, прораста-

ющие на нём, казалось, засверкали ярче от столь грубого вторжения чужаков.

Во время этой сцены Ярл стал тайно подталкивать Самоа, удивляясь и желая узнать, что всё это означает. Но Самоа, едва удостоив внимания этот вопрос, отодвинул локоть, лишь только обронив один-два смутных намёка.

Довольно забавно смотрелось, как Самоа стремился произвести впечатление, по крайней мере на моего викинга. Среди мардиан он был как дома. А когда простёр свои ноги, то как бы говорил самому себе: «Ну, кто тут важнее меня?»

Скажу просто: ради меня и Небожителя столы вернули. В море Ярл был оракулом: старый морской мудрец, ученный пенькой и рулём. Но наше судно было поднято и сушилось, и Уполуан поднял хохолок, как эрудированный язычник: Гога и Магога, толкователь всех языческих понятий и тайн.

Час или два спустя, во время милого и весёлого разговора с Медиа, я намекнул ему, что диван и одиночество оказались бы весьма желательными. После чего, взяв свечу, наш хозяин вывел нас из дворца. И привёл нас в красивый незанятый особняк, дав мне понять, что он в моём распоряжении. Взобравшись на помост, он затем

провёл тщательное расследование, выявляя, всё ли находится в порядке. Не разобрав что-то в матах, он свернул их в пучки и один за другим запустил их в головы своих слуг, которые, поняв, на что намекает джентльмен, вскоре вернулись с другими матами. Медиа уже лично с математической точностью расстелил на их возвышении, внимательно всматриваясь в полосы и оборки, с которыми они граничили, как бы стремясь придать им сентиментальный порядок.

Сделав это, он удалился.

Глава LVII
Тайи берёт консультанта с собой

Моё краткое общение с нашим хозяином к тому времени позволило мне сформировать довольно чёткое понимание мировоззрения, в котором я удерживался им, и его понимание интеллектуальных объектов.

Его свободная и лёгкая манера держаться показывала, что хотя он и признавал моё превосходство, но оно не вызывало у него благоговения; и он рассматривал меня так близко, как будто и впрямь я был простым смертным, одной из презренных разновидностей выскочек.

Сцена в храме, однако, дала многое для объяснения его поведения. Полубог в его собственной существующей личности и моих требованиях к подобающему достоинству ни поражал его чудесами, ни уменьшал его хорошего мнения о себе.

Что касается любой вещи, иностранной в моём понимании и в моём невежестве, то мардианский досмотр весь состоял в том, чтобы вместо того, чтобы породить сомнение, неблагоприят-

ное к моей претензии на величие, и усиливать осуждение её как реальной. Так происходит в подобных случаях, но в намного большей степени. Знаменитый мореплаватель, упомянутый в предыдущей главе, был провозглашён гавайцами одним из их полубогов, возвратившимся на их землю после дальнего путешествия по вселенной. И они поклонялись ему как таковому, хотя постоянно он опрашивал их, кто они были по вероисповедованию, как их предки появились на острове и будут ли они так добры, чтобы предоставить его спутникам побольше свинины на время его пребывания.

Но пару слов относительно идолов в святилище в Одо. Особое уважение ему придавалось, когда светский правитель Медиа бывал там для поклонения духовной сущности. В его материальное отсутствие его изображение получало все жертвоприношения, ему предназначенные. И в дни своего детства, слушая старые легенды и мифы мардиан, Медиа проникся сильной симпатией к легендарному Тайи, которого он считал достойным иметь нишу в любом существующем храме. Поэтому он удостоил моё изображение места в своём собственном специальном святилище, поместив его бок о бок со своим богоподобным

двойником.

Я оценил комплимент. Но близких товарищеских отношений с другим изображением я сердечно стыдился. И не без причины. Рассматриваемый вопрос касался образа божественного создателя платанового пудинга, уже покойного, кто был знаменит повсюду, как большинство известных его коллег по всему Архипелагу. Когда-то во время своей мирской карьеры он трудился в домашнем хозяйстве Медиа, и его благодарный владелец позже счёл целесообразным отплатить своей знаменитости этим посмертным отличием: обстоятельство, печально понижающее достоинство идеала. И при этом должно отметить, что в этой части Марди кулинарные художники считаются достойными высокого уважения. Ведь среди жителей Одо вопросы еды и питья считаются вопросами жизни и смерти. «Вырви мою королеву из моих рук, — сказал старый Тити, когда его одолел Аммодо, — но не разлучай меня с моим поваром».

Теперь среди мардиан было много воплощённых божеств, поддерживающих моё самообладание. Большинство королей Архипелага, помимо Медиа, требуют уважения к полубогам; и это также хорошее наследственное качество, бо-

жественная искра, передаваемая от отца сыну. Иллюстрацией этому был факт, что в нескольких случаях жители этих земель обращались к высшему богу Оро в тех же самых выражениях, что используются в политическом поклонении их светским правителям. Да, были божества в Марди более величественные и более высокие, чем я: подобные властным королям и монархам, живущим в весёлых круглых шатрах из обожжённой коричневой глины, это были пирующие и правящие господа в жёлтых бамбуковых шатрах. У этих полубогов имелись средства для удовлетворения своих высоких потребностей. Если была бы потребность, то этими средствами можно было бы сокрушить и неверие нонконформиста. И этим безупречным союзом церкви и государства, бога и короля в их собственных личностях высшие цезари правили душами и телами своих подданных. Около этих могущественных магнатов я и моя божественность съёживались в комочек. В их лесах плебейские божества ещё сохранялись и задержались. Да будет известно, что в назначенное время мы встретились с несколькими распавшимися, сброшенными вниз полубогами: без магических свойств, без наличия каких-либо храмов в Марди, в которых пировали бы их лич-

ные поклонники или духовные приверженцы. Они бродили несчастные и одинокие. И часто их голод был чрезвычайно ненасытен, и они охотно разжирели бы, размышляя над великолепием своих генеалогий. Но бедные товарищи! Как и захудалых шотландских лордов в Лондоне времён короля Джеймса, очень многие не могли их друг от друга отличить.

И так как те не могли показывать свои доходы от ренты, то им разрешили делать это безнаказанно.

В целом, хоть и многочисленны были боги и их духи в Марди, но я поддерживал свою божественность, и без особого труда. И, наблюдая этого хозяина бессмертных и слушая много больше, а также видя чисто духовную их природу, представленную в виде лесов и протоков, мои взгляды на богословие странно запутались, и я начал смотреть на себя как на еврея, который отверг Талмуд и его всепроникающие принципы, под которыми подписались Гёте и другие.

Вместо того чтобы быть поражённым смелостью приложения усилий к представлению себя как бога, — пути, который сначала произвёл впечатление на меня, — я теперь чувствовал, что мог бы быть таким богом, который бы нравился

мне самому, а вовсе не кисточкой львиного хвоста после всего, по крайней мере, случившегося.

Что касается приёма Медиа, то его милосердие не было полностью следствием божественного характера, приписываемого мне. Ей-богу, он верил, что так оно и есть. Но прихотливая странность в его душе привела его к представлению меня как одного среди многих, но не равных.

Но очевидная беззаботность короля Медиа относительно моей божественности ни в коем случае не удивила меня так, как его непоколебимое безразличие к моему удивительному путешествию от солнца, его безразличие к самому солнцу и всем замечательным обстоятельствам, которые, должно быть, сопровождали мой отъезд. С того момента, когда он с такой беззаботностью узнал о нашем солнечном путешествии, этот вопрос в моём уме остался неразрешимым. Бесспорно, что, как простой путешественник, он, должно быть, считал моё путешествие не таким уж и великим чудом.

Моё удивление этими вещами усилилось после размышлений о том, что все жители Архипелага считали, что карта Марди и является картой мира.

За исключением определённых островов, неви-

димых глазу и находящихся на неопределённом расстоянии, у них не было определённого знания о каких-либо островах, кроме их собственных.

И немного времени утекло, прежде чем у меня появились дополнительные причины прекратить удивляться легковерию относительно представленной мною истории. Поскольку эти мардиане были знакомы с ещё большими чудесами, чем мои собственные, поистине веря в чудеса всех видов. Любое из них вогнало бы меня в румянец.

«Обратись тогда к своему пути, Тайи, — подумал я, — и неси не свой гребень так же высоко. Ручаюсь, у тебя больше пэров, чем подданных. Искусство превосходит всё. Веди себя осторожно и не надменно, Тайи. Это не придаст тебе важности. Воздержись от всех последовательных намёков на потусторонний мир и благородных божеств, среди которых ты вращался. Не хвались слишком небрежным своим одеянием, ведь оно ново в Марди; не хвастай быстротой своей „Серны“, ведь она не похожа на каноэ. Не хвастайся не своей родословной, Тайи, поскольку Медиа самостоятельно оценивает её по своим меркам. Не будь „снобом“, Тайи».

Таким образом, хорошо взвесив всё увиденное

и строго — самого себя, я решил следовать мудрым советам моего наставника; не присваивать что-либо, не приуменьшать; но общаться свободно, дружелюбно и откровенно среди богов, героев, высших жрецов, королей и знати, из кого состояли правители Марди.

Глава LVIII
Марди ночью и Йилла днём

В течение ночи после нашего прибытия в Одо многие мечты, казалось, очистились от сомнений. Но мои мысли не дремали. И в то время, когда мои спутники спали, повинуясь неуёмному инстинкту, я проник в волшебный мир звёзд. Есть такие люди, которые в чужой стране иногда любят рассматривать их по ночам.

Уже говорилось, что пространство в роще, где был расположен Город Медиа, располагалось выше окружающих равнин. Следовательно, местность вокруг хорошо просматривалась.

На всём просторе человек и природа отдыхали. Рощи были неподвижны; и на лугах, как гоблины, тени приближались и отступали. Передо мной полностью расположился флот Мардианских островов, стоящий на якоре в своей коралловой гавани. Поблизости стоял один из кораблей, опоясанный по кругу пенистым ярким рифом, в котором он находился, как Сатурн в своём кольце.

С этого места ввысь поднимался молочно-бе-

лый дым, как от индейских вигвамов в туманное полнолуние перед осенним равноденствием. И, уплывая ввысь, эти пары смешивались с лёгким туманным потоком, нависавшим над рифом подобно оборонительному валу. Далеко за всем этим в бесконечной ночи простирался чёрный, как уголь, океан.

Но как же спокойна была широкая лагуна, которая отражала горящие пятна в небесах! Глубоко вниз, в её самое сокровенное нутро, проникли косые лучи Венеры, подобные столбу света, уходящего глубоко в таинственную Голконду, где, казалось, трудятся бесчисленные гномы. Вскоре свежий бриз всколыхнул воду, и световой столб исчез. Но яркий след луны всё ещё сиял серебряным светом, опрокидываемым на своём пути каждым гребнем волны, где каждый из них казался жемчужной спиральной раковиной наутилуса, ожившей от некоего магического приказа.

От земли до небес! Высоко надо мной находился тёмный будуар Ночи, пересекаемый, подобно виноградной лозе, Млечным Путём и нагруженный золотыми гроздьями. О звёзды! О глаза, которые видят меня повсюду, где я странствую: безмятежный, полный решимости, непостижимый

для мира, скажи мне, Сибилла, что я существую! Поразительны миры в мирах! Вокруг и вокруг меня яркие, ужасные чары: великолепные, яркие созвездия, вы — диадемы Бога! К вам, звёзды, человек посылает свои самые мрачные чувства, отвратительные мысли и всё, что наполнено верой.

Но как же ваше кроткое сияние жалит сердце предзнаменованием! Я убийца, звёзды?

Проходят часы. Звёздный транс уходит. Приходит долгожданный рассвет.

Сначала меняется недремлющее лицо, выглядывающее из-под сонного укрытия, затем сияет вдали длиннеющими вспышками, пока, как солнце, не оживает его душа и не начинает слать свои лучи повсюду.

Когда вот так и моя Йилла ежедневно рассветала, то как же она освещала мой мир, окрашивая ещё большим оптимизмом розоватые облака, игравшие на её молодых щеках, подобно облакам в итальянском воздухе.

Глава LIX
Их утренняя еда

Не весь наш мир состоит из ярких звёзд и ярких глаз: вернёмся к нашей истории.

Добросовестному хозяину всегда должно быть предоставлено право своевременно позаботиться о благосостоянии своих гостей и проследить, чтобы их день начался благоприятно. Король Медиа объявил о восходе солнца, лично прошелестев карнизом моего жилища.

Трапеза была устроена в смежной беседке, в которой имелись листья, разглаженные Медиа для нашего приёма, и где подчинённые ему вожди прислуживали нам. Здесь мы и устроились на циновках. Ароматное и свежее дыхание утреннего бриза, золотые пары, окутывающие горы, серебро, блестевшее на траве, и птицы, певшие заутреннюю в рощах; их яркое оперение вспыхивало в лучах то тут, то там, как будто некая радуга садилась на листву.

Уставленные перед нами кушанья подавались в странных формах, любопытно окрашенных тыквах, правда, не из севрского фарфора,

но почти с таким же вкусом сделанных; и, как истинный фарфор, их обжёг огонь. Зелёными и мягкими они срываются с дерева и, освобождённые от своей мякоти, процарапываются неглубокими бороздами, как линии на гравюрах. Подготавливается земля, тщательно вырезаются различные фигуры. Контуры наносятся тонкими пунктирами, специальные растительные масла выливаются на них для окраски. Затем заполненная особой разновидностью земли тыква помещается в земляную печь. И в назначенное время выкапывается, освобождается от своего содержания и промывается в протоке, далее являя окрашенную поверхность; каждый рисунок отчётливо прослежен и непрозрачен, но глазурь на нём полупрозрачная. В некоторых случаях, вследствие разнообразия используемых красок, каждый рисунок имеет различный оттенок.

Более прекрасные кубки для вина, чем эти, никогда не прикасались к устам. Ёмкие, как кувшины, они почти заменили графины.

Сейчас, в тропическом климате, фрукты с лёгкими винами составляли единственно пригодную утреннюю еду. И с постоянным видом на сады и виноградники — желал бы большего казачий гетман? У нас было много виноградного

сока. Ну а в грядущем будут прекрасные старые подвалы и много хорошего настроения в запасе.

Во время трапезы Медиа временами проявлял заинтересованность нашим одеянием. Он просил меня исследовать детали строения его собственной королевской одежды и сравнить, насколько похожа была она на мою собственную. Это вогнало мою мантию в румянец: её сравнили с накидкой, со вкусом окрашенной в красное и чёрное и отороченной окрашенными краями редких перьев и концами когтей иволги.

Затем под рассмотрение попала гуаякильская шляпа Небожителя, чью нелепую форму наш хозяин выставил на посмешище, нахлобучив огромную коническую тыкву на голову слуги и сказав, что тот теперь будет Ярлом. При этой и при всех подобных остротах Самоа хохотал громче и смелее, чем кто-либо другой, хотя радость не была его постоянным чувством.

Но он, казалось, радовался возможности подвергнуть нас насмешкам, которые, как варвар среди белых, сам так часто испытывал.

Эти шутки были очень приятны самому королю Медиа, будто бы они заглаживали вину и приносили облегчение. Он величественно ораторствовал со своими вельможами, кивая своим

вассалам на свои листья, требовал новую тыкву с вином и вообще во всём старался требовать к себе достойного и уважительного отношения.

Трапеза закончилась, и мы прошли к дому с каноэ, где нашли маленькую «Серну» стоящей, как конь в стойле. Имело место одно определённое опустошение. Бока и днище лодки в момент полностью лишились зелёных моллюсков и короткой морской травы, которая, как множество пиявок, приросла к нашим доскам во время нашего долгого и медленного путешествия.

Островитянами они были съедены как деликатесы.

Глава LX
Валтасар на троне

Затем Медиа выполнял обязанности короля Одо. И из-за простоты его манер в описываемое время, и из-за его лёгкого откровенного отношения к нам мы наивно сомневались в том, что фактически никакой скептицизм, скорее всего, не выдержал бы иллюстрации того, чему мы стали свидетелями уже в полдень.

В середине дня Медиа имел привычку надевать на своё тело символы государства и сидеть на своём судейском диване, или троне, чтобы услышать и расследовать все происшествия, представшие перед ним, которые подрывали его королевские права.

Для его величества на одном конце одной просторной беседки, построенной на аллее из королевских пальм, был устроен диван с балдахином.

Корона островного принца имела простой старый восточный стиль; в форме, возможно, подобной беспечно носимой фуражной чаше его священного величества короля Нимрода, которого с таким вожделением сопровождали собаки.

Это был заплетённый тюрбан из красной таппы с расходящимися лучами острых полированных белых костей рыбы-луча. Они поддерживали ленту-филе с самым драгоценным жемчугом, который только смогли поднять со дна моря самые глубоководные ныряльщики Марди. В середине короны возвышался трезубец. И копьё-скипетр украшало правую руку короля.

Теперь, обращаясь ко всем напыщенным речам ваших демократов, скажу: прекрасный король на троне — прекрасный объект для созерцания. Он очень походил на бога. Неудивительно поэтому, что его самые верноподданные граждане клялись, что их государь и хозяин, король Медиа, был полубожественным.

Король на своём троне! Ах, поверьте мне, братья Гракхи, безголовые уравнители, что это нечто достойное внимания, будьте уверены; видели бы вы Вавилон Великий в день коронации Навуходоносора или Старый Скон в дни Макбета, или в Реймсе, среди злословящих, коронацию Луи ле Грана, или Вестминстерское аббатство, когда благородный Георг снял своего бобра ради диадемы, или короля под мягкой тенью пальм на острове в море.

Человек, помыкающий человеком, человек,

становящийся на колени перед человеком, — всё это является таким зрелищем, что архангелу Гавриилу хорошо бы перенестись сюда, чтобы увидеть его, поскольку он никогда не видел этого на небесах. Но Дарий, дающий законы жителям Мидии и Персии, или завоеватель Бактрии с быками, впряжёнными в его повозку, ни на йоту не были более возвышенными, чем Щёголь Бруммель, изысканно звонящий своему слуге.

Король на своём троне! Это — Юпитер, кивающий на советах на Олимпе, Сатана, замеченный среди чертей в Аду.

Король на своём троне! Это — солнце над горой; солнце, дающее законы на горе Синай; солнце в нашей солнечной системе: планеты, подобные герцогам, танцующим в услужении, и кружащиеся уже вокруг них бароны-спутники.

Король на своём троне! В конце концов, но этот благородный джентльмен сидит. И продолжай сидеть, славный государь — король Медиа.

Время прошло. И после попытки отклонения нескольких незначительных дел Медиа занялся делом, где определённые свидетели свидетельствовали относительно одного Джиромо, безрассудного человека, кто оказался достаточно глуп, чтобы устроить заговор против Его Величе-

ства, теперь сидящего в качестве судьи и жюри на процессе по его же делу.

Его вина была ясна. И, заслушав свидетелей, из связки пальмовых листьев Медиа выбрал один, вложил его в руку бегуна или сопровождающего, сказав: «Это к Джиромо, где он заключён, с моими королевскими поздравлениями; скажи, что мы здесь ждём его голову».

Сказал так, как будто приподнял тюрбан перед правителем и моментально опустил на прежнее место.

Затем пришли некие худосочные люди со скорбными лицами, бедствующие и, следовательно, выглядящие подозрительно плутовато, ворчащие и рычащие и добродушные, как медведи. Они пришли, бормоча какие-то дикие фразы о «защите», «разделении», «сдерживании», «гарантиях», «потомственных правах», «щитах» и «оплотах», «большихи великолепных неотъемлемых правах» и другую неразборчивую тарабарщину.

Эти важные персоны попросили служителей об аудиенции у Медиа.

— Пойдите, станьте на колени у трона, — прозвучало приглашение.

— Наши колени жёстки и не гнутся, — ответили ревматики.

— Придумайте, как сохранить ваши ноги, — сказали сопровождающие.

И подтолкнули их с приветствием, сказав Медиа, что такое оправдание сомнительно — взгляды-то плутовские. После чего мой лорд скомандовал просителям пасть на их мозговые кости мгновенно, или перед ним, или перед палачом, которому они понравятся в любом положении.

Они предпочли первый вариант. И поскольку они встали на колени, напрасно чиновник с тонким слухом (какие имеются в большом количестве во всех судах) навострил свои уши, чтобы причислить тот странный треск и трение шаровых костей и гнёзд к инцидентам с коленопреклонением ревматических придворных.

Тогда же несколько раз подряд эти же колена действительно опускались перед королём; кто следил, тот знает, как орлы, садясь, превращаются в гусей на навозных кучах или как собаки приседают возле ног охотников.

— Ваше прошение? — сказал Медиа.

Это было ходатайство о том, что в последующем все разногласия между двумя людьми в Одо вместе со всеми предполагаемыми преступлениями против государства могут быть разрешены

двенадцатью уважаемыми мужчинами и выверены. Эти двенадцать не должны будут иметь особых отношений с затронутыми сторонами, между собой они будут равноправны, и ранее они должны будут беспристрастно рассмотреть вопрос. Кроме того, это единодушие среди этих двенадцати должно быть обязательным для приговора, и никаким обедом нельзя их удостаивать до появления у них единодушного решения.

Громко и долго презрительно смеялся король Медиа.

— Это и будут ваши судьи? — кричал он, тряся своим скипетром. — Что, двенадцать мудрецов более мудры, чем один? Или если двенадцать дураков собрать вместе, то они составят одного мудреца? Действительно ли двенадцать честных мужчин более честны, чем один? Или двенадцать плутов менее плутоваты, чем один? И если есть двенадцать мужчин, трое из которых дураки, а трое мудрые, трое плуты и трое честные, то как от них получить реальное единодушие?

Но если двенадцать судей будут лучше, чем один, то одна тысяча двести лучше, чем двенадцать. Но возьмите тогда всё население для суда, и вы долго будете ждать единодушного приговора.

Если вызывает сомнение, что есть немного единодушия в противоречивых мнениях в уме одного человека, то как можно ждать его в шуме двенадцати озадаченных голов? Большее единодушие можно отыскать только в двенадцати голодных животах.

Судьи не предвзяты к обвиняемому! Приобщите это к уголовному делу. Ха! Ха! Если возможно повлиять на судью, то так, чтобы он видел, что обвиняемому вменяют преступление, за которое тот привлечён к суду. Тогда на его ум уже оказано влияние, а потому — никакой беспристрастности от него! Разве ваш обвиняемый в запальчивости не может обвинить другого из-за его носа в виде томагавка или жестокого косоглазия?

Из всего безумия это самое безумное! Знайте же, что истинные пэры выдают неверные приговоры. Джиромо был мятежником. Если бы я судил его пэрами, то я судил бы его мятежниками; и мятежник тогда бы добился некоторой цели. Далее! Поскольку безошибочное правосудие живёт в единстве, то поэтому один судья будет, наконец, судить мир, не взирая на все обращения; поэтому — хотя часто дальнейшего правосудия бывает тяжело достигнуть — человек как можно ближе подойдёт к такому его виду,

который схож с божественным. Следовательно, один судья лучше, чем двенадцать.

И поскольку Правосудие в идеале, когда-либо описанное, гораздо возвышенней толпы, то, значит, при возрастании его уровня честный король — лучший из тех уникальных судей, которые в одиночку лучше, чем двенадцать. И поэтому я, король Медиа, лучший судья на этой земле.

Подданные! Пока я живу, я буду управлять вами и судить вас сам. И пусть вы здесь становились на колени передо мной, и пока вы не стали землёй и в ней не пустили корни растения, ответы на ваши обращения вы будете получать от этого трона. Я — король, вы — подданные. Я командую, вы повинуетесь. И в этот час я издаю декрет, что впредь никакая тарабарщина о защитах и разделениях не будет услышана на этой земле. Ради крепкой защиты и неразделимости как препятствие против мятежа я представлю человека, который снова произнесёт эти же великие слова. Хо! Копьеносцы! Смотрите, чтобы эти колена оставались здесь до захода солнца.

Солнце прошло середину дневного пути, и, сняв свою корону и поместив её на возвышении для преклонения так, чтобы она была видна всем

преданным ему островитянам, король Медиа сошёл со своего места и опять предстал перед нами добродушным хозяином.

Глава LX I
Инкогнито

После отдыха в тот день и несколько последующих мы непрерывно принимали посетителей с соседних островов, чьи жители на флотах и флотилиях скапливались вокруг Одо, чтобы узреть гостей своего господина. Среди них оказалось и много посыльных от соседних королей с ласковыми речами и подарками.

Но было бы бесполезно вдаваться в подробности наших различных интервью о наших путешествиях, раздававшихся королевским посланцам ради исчерпывающих ответов относительно нас самих.

На третий день, однако, была замечена таинственная личность, непостижимый инкогнито, с которым иногда сталкиваются, пересекая затенённую башней Площадь Предназначений в Лиме. Она была окутана в тёмную одежду из таппы, оттянутой и заплетённой на конечностях, и одной рукой закрывала лицо так, чтобы выставить только один глаз. Но тот глаз был целым миром. Сначала он зловеще уставился

на Йиллу, а затем на меня, но уже с иным выражением. Однако большая толпа так шумела, пока бездонный глаз смотрел, что, наконец, он казался совсем не глазом, а духом, навсегда проникшим в мою душу. Часто я стремился приблизиться к нему, но он уклонялся от меня, вскоре повторно появляясь.

Указывая на его появление Медиа, я попросил его, чтобы тот предпринял меры, дабы узнать, кто это, и чтобы рассеять мои подозрения относительно бестелесности этого существа. Он ответил, что любезность к инкогнито была священна. И до такой степени, при которой плетёная ткань одежды и покрывало обеспечивали, словно замок, его неузнаваемость. Наконец, к моему облегчению, фантом исчез и не был больше замечен.

Многочисленные и пылкие приглашения нанести визит стали признанием нашей славы. Но мы пока не торопились ими воспользоваться, предпочитая прочно утвердиться в сердце Медиа до столкновения с превратностями скитаний. Во множестве знакомых — меньше безопасности, чем в одном верном друге.

С того времени, как мы принимали эти любезности, и на четвёртое утро после нашего прибы-

тия на здешний берег причалили и высадились три черноглазые девицы, жгучие брюнетки, облачённые в длинные разнообразные одежды и с пёстрыми цветами на своих головах.

С бурными приветствиями незнакомки были сопровождены в мою обитель старым седовласым слугой Медиа, кто с прощальной интонацией пробормотал: «От королевы Хотии», после чего отбыл. Удивлённый, я промолчал и поприветствовал их.

Первой, с широкой манящей улыбкой, проплыла передо мной разукрашенная Ирис, пронеся свой цветок, словно корабельный вымпел. Следующая за ней представила три разноцветных розы Цирцеи с фиолетовыми прожилками, с росой, всё ещё цепляющейся за их лепестки. Третья вручила мне бутон мускусной розы, означающий чёлн Венеры.

Спасибо за вашу признательность! Теперь ваше послание. Впервые с начала этого приёма, любезно устроенного, они переглянулись; затем обладательница ириса обаятельно произнесла:

— Мы пришли от Хотии, чью мускусную розу вы держите.

— Благодарю Хотию; бутон очень ароматный.

Она указала на чёлн Венеры.

— Он также сладок; спасибо Хотии за её цветы. Прошу, принесите мне ещё.

— Он дразнит нашу владычицу. — И, ускользая от меня, они обворожительно взмахнули руками, словно ореховыми ветками, оставив меня в покое и удивлении.

Когда я сообщил Медиа об этой сцене, он улыбнулся; странные намёки посылала Хотия, но он знал, что они означают.

Сначала эта история причинила мне немалое беспокойство, поскольку многое в ней удивило; но в новых радостях нашего пребывания в Одо она скоро вылетела из моей головы; однако с течением времени я кое-что услышал про королеву Хотию.

Глава LX II
Тайи удаляется от мира

Через некоторое время, когда незнакомцы уже не приплывали в мелководье, как прежде, я предложил нашему хозяину совершить экскурсию по его доминионам, настроившись увидеть что-то ещё и тайно лелея надежду на выбор места жительства, более приятного моему взыскательному вкусу, чем то, что мне уже предназначили.

Экскурсия — приятная, как оказалось, — привела к решимости с моей стороны оставить Одо. Всё же отъехать нужно было не очень далеко, только на десять или двенадцать ярдов, к небольшому зелёному кустистому островку, одному из многих, которые тут и там, повсюду вокруг главного острова, скрывались, как гнёзда птиц в ветвящихся стволах коралловой рощи, корни которой глубоко пронизали его основание. Между этими островками и главным островом, имеющими широкие отлогие берега, находились неглубокие отмели, достаточные для пропуска каноэ. Один из этих островков был лесистым и возвышающимся, как дерево в море. И здесь,

с разрешения Медиа, я и решил поселиться.

Медиа скоро уступил, но не прежде, чем мой переезд был подготовлен. Связанные вместе изогнутые ветви были плотно покрыты соломой. Покрытыми соломой были также и стены с тёмно-малиновыми листьями пандануса, чьи длинные раздвоенные концы, поднимаемые бризом, вызывали сравнение со вспыхивающим пламенем. Тростник, уложенный на пальмовые стволы, образовал пол. Очень упругий! Популярный на всём Одо, в среде вельмож, он придаёт некую плавность движениям человека, которая по этой особой причине может быть расценена как добрая составляющая прославленного прекрасного благородного духа.

Ипохондрик! Опробуй упругий настил! Он должен так приятно и мягко встряхнуть тебя, что прогонит застойные мысли, покрывающие твою подобную заросшему пруду душу.

Таково было моё жильё. Но я не упоминаю о разных малых аксессуарах тропического домашнего хозяйства: калабасах, кокосовой кожуре и рулонах прекрасной таппы; ранее, сидя с Йиллой под моим деревом, я огляделся и не захотел ничего более.

Но что же Ярл и Самоа? Почему Ярл не должен

иметь причуд, как и я сам? Как рыцарь в палатке, он расположился прямо напротив меня на большой земле, в небольшом вигваме в роще.

Но Самоа, не в пример своему товарищу, всё ещё оставался в лагере хеттов и иевусеев Одо. Отвлекал внимание мужчин, занимая их досуг своими изумительными историями, и девушки искренне изумлялись его хитроумию.

Когда я переехал, то оказался абсолютно недосягаем в своём жилище: указ Медиа запрещал неупорядоченные визиты. Но трижды в день у меня появлялся говорливый старик с продовольствием.

Так вот изолированный, я всё же не смог полностью уклониться от приглашений жителей соседних островов, которые часто проплывали мимо, медленно гребя вёслами и искренне сожалея относительно моего переезда. Но поскольку они скользили на удалении и никогда не пытались причалить, то их случайная близость не сильно беспокоила меня. Но время от времени по вечерам, когда опускались тяжёлые и плывущие тени, тусклые проблески каноэ, казалось, следили за мной, паря на месте, как призраки. И однажды в неподвижной ночи, заслышав близкую рябь приближавшейся лодки, я двинулся

к одному из них навстречу, но призрак быстро скрылся.

Той ночью Йилла дрожала во сне. «Водоворот, — бормотала она, — мягкие мхи». Следующим днём она пребывала в мечтательности, задумчиво теребя гиацинты или пристально глядя на лагуну.

Глава LX III
Одо и его правитель

Пришло время продолжить дальнейшее описание острова и правителя.

И сперва о Медиа: галантном джентльмене и короле. Он происходил из славного рода. В его бесконечной родословной насчитывались десятки божеств, неисчислимые короли и множество великих героев, вождей и жрецов. Но лично он давал неверное представление о своём происхождении, являя собой совсем не карлика, вопреки облику своей низкорослой расы. Он возвышался, как пальма, чьи массивные ветви своими шелковистыми краями свисали не менее изящно, чем локоны Медиа свисали на его благородный лоб. Сильны были его руки, владевшие дубинкой или мечущие копьё и способные, полагаю, обвить талию девы.

Итак, достаточно про Медиа. Наступил черёд его острова. В нашей приятной экскурсии мы увидели его небольшим отдельным круглым миром, наполненным красотой, словно сад, пестреющим очаровательными рощами, политым стекающи-

ми ручьями и окаймлённым по всему периметру пальмами, чьи корни питались водой. И хотя пальмами изобиловали другие части Архипелага, но плоды хлебного дерева произрастали только в Одо. Примечательное обстоятельство наличествовало в этих регионах, где соседние острова располагались недалеко друг от друга, но отличались по составу почв, что определяло обильный урожай фруктов на одном острове и скудный на другом. Но Одо также славился гуавами, аромат которых был подобен аромату раскрытых губ, и своим виноградом, соки которого вызвали много смеха и много стонов.

Около города, где жил Медиа, находилось несколько видов других жилищ Одо. Высшие классы проживали здесь и там в отдельных домашних хозяйствах, но не как отшельники.

Некоторые устраивались самостоятельно в прохладных, дрожащих лонах рощ. Другие, пожелавшие себе морской близости, рисковали жить на берегу в небольших верандах из бамбука, откуда утром они выскакивали с весёлыми криками и шли погружаться в освежающую ванну, пенистый край которой был порогом их жилья. Остальные, как птицы, устроили свои гнёзда среди лесных укромных уголков древес-

ной кроны, ниже которой в туманной зелени лежало погружённое в томление пульсирующее сердце острова.

Так жили вожди и знаменитости. Основной народ, включая рабов и рабов-военнопленных, удерживаемых в неволе, жил в тайных местах, которые трудно было обнаружить. Отсюда получалось, что для незнакомца весь остров выглядел беззаботным и красивым. Глубоко среди ущелий и скал эти существа жили в зловонных норах, загонах для скота, нечеловеческом жилье или построенном ими сообща из гнилых ветвей — рубить деревья им было запрещено, — чьи заплесневелые сердцевины проели паразиты. Боясь чумных инфекций, порождаемых этой грязью, вожди Одо редко следовали этим путём и, оглядывая пределы своих зелёных пристанищ, наливая своё вино и отщипывая от садов лучшее, удивлялись, как эти свиньи могли ползать в болоте и иметь такие болезненные щёки. Но те не искали лучшего жилья, они никогда не искали способа из этого болота выбраться, в открытую не отказывались от работы в садах и не оспаривали полномочий, которые обрекали их на тяжёлую работу и мёртвую жизнь. Печальное зрелище — видеть этих сутулых рабов,

склонившихся в своих траншеях: искусственных, числом в три, и концентрических, почти совсем опоясывающих остров. И здесь, питаемая илистым суглинком и любезно окропляемая росой с небес и горьким людским потом, выращивалась рассада питательного таро.

Тяжёлый труд — удел человека; тяжёлый труд мозга или тяжёлый труд рук — это груз больший, чем пустота и грех безделья. Но когда человек тяжело трудится и умертвляет себя ради хозяев, которые отказывают ему в жизни, которую он же им и обеспечивает, — тогда, тогда кричит душа и лопаются все жилы. Такой была участь этих бедных рабов. И немногие из них могли выбирать, оказаться или нет в участи скота.

Теперь нужно сказать, что Одо вовсе не был землёй чистой радости и, более того, тем Одо, чьи младенцы сосали груди, откуда текло сладкое молоко, — Одо, в чьих сокровенных уголках, в задумчивых тёмных рощах, вы, проходя, слышали множество мрачных криков и голосов, проклинающих Медиа. Там людей бичевали; их преступление состояло в ереси; ереси, в которой Медиа не был полубогом. Об этом они и вопили. Их отцы вопили прежде; их отцы, мучаясь, говорили: «Мы счастливы стонать, чтобы могли

радоваться дети наших детей». Но их внуки тоже стонали. Всё так же они повторяли путь предыдущих поколений и громко клялись: «Яма, вырытая для нас, помогает важному делу».

Но позвольте всё пропустить. Смотрящему со стороны и постоянно пребывающему на праздниках Одо казался счастливой землёй. Пальмы качаются — но тут и там вы видите опалённых и сражённых параличом; цветы цветут — но мёртв и разлагается посадивший их; волны весело накатывают на берег — но затем, отступая, они иногда оставляют позади себя кости, смешанные с раковинами.

Но, помимо этих, никаких признаков смерти не замечалось по всему острову. Люди в Одо ведь жили? Был ли там фонтан молодости Понсе де Леона? Рядом с собой и далее вы не видели рядовых могил, никаких поколений, собранных в склепах. В Одо ни один жестокий набоб не спал под нежной эпитафией, никакое «покойся с миром» не дразнило проклятого грешника; никакое «помни о смерти» не убеждало человека жить в своё время как следует. Здесь Смерть скрывала его череп, и скрывала его в море, общем склепе Одо. Не прах к праху, но прах к морю; не катафалки, а каноэ. Все, кто умирал на том острове,

вывозились за внешний риф и там погребались с родителями своих родителей. Поэтому приходила мысль, что в ветреные ночи, когда вокруг островов высоко к небесам взлетала стойкая и белая пена рифа, то там и тогда она под своим журчанием хранила и опекала мириады находившихся в океане — могиле.

Но зачем было устраивать эти водные похороны?

Одо был слишком небольшим островом, и должны ли были живые освобождать дорогу мёртвым, и можно ли было небольшую колонию живых смещать мрачными хозяевами смерти, подобно тому как измождённые племена Тамерлана заполонили ханские пастбища?

Тогда и сказали эти островитяне: «Почему разложение свиньи в почве приносит нам урожай? Мы не станем собирать наш виноград с могил. Эта земля — урна для цветов, а не для пепла».

Они сказали, что Оро, великий, сделал кладбищем море. И что может стать более славной могилой? Был ли Мавзол более возвышен погребением? Или церковные лампады, которые горят перед могилой Шарлеманя, являют больше великолепия, чем все звёзды, светящие моряку, потерпевшему крушение?

Но хватит о мёртвых; люди пожимают плечами, и любви нет к этой теме в их компании; хотя все мы скоро будем в ней товарищами.

Глава LX IV
Йилла исчезает

Какое-то время мы были счастливы в Одо — Йилла и я на нашем островке. Но жемчуг на её груди пылал более радостно, чем розы на её щеках, хотя со временем они уменьшились и исчезли; и бледным как смерть становился её взгляд, когда она бормотала про водовороты и мхи. Как же ожесточалась моя душа, когда Йилла вспоминала при мне о жреце Алиме! Но день за днём, пока кружилось вокруг меня всё её волшебство, вся скрытая суть её существа представала всё более прекрасной и загадочной. Слился ли я с духом? Часто я думал, что рай настиг меня на земле и что Йилла была поистине ангелом и, следовательно, таинства освящали её.

Но как же мимолётны наши радости! Штормы следуют за яркими рассветами. Долгие воспоминания о мимолётных событиях, печальные мысли о радостных часах — как близки вы всему человечеству! Когда мы счастливы, делаем ли мы паузу и говорим: «Вот сейчас разве не счастлива моя душа?» Нет: счастье редко кажется счастьем,

если не вспоминается в горькие часы. Чтобы увидеть цветочный пейзаж, вы должны созерцать его издали.

Часы и дни пронеслись одним кратким радостным мигом. Феерический дом в феерической лагуне, лесной тишине и сердечном покое. О, Йилла, Йилла! Все леса отзывались эхом дикого пространства, дикого леса моей дикой души. «Йилла! Йилла!» — кричали маленькие странные голоса во мне, и всегда, и далеко и глубоко, они отзывались эхом.

Дни прошли. И однажды утром я увидел жилище пустым. Без следа! Мечтая о ней, я закрыл свои глаза и вообразил, что она за спиной. Тщетно. Вскочив, я позвал её по имени, но никто не ответил. Выбравшись с островка, я ступил на соседний берег и принялся искать среди леса и, встретив моих товарищей, умолил их мне помочь. Опять тщетно. Никакого проблеска, лишь деревья и цветы. Тогда разыскали Медиа, сообщили о случившемся и быстро вызвали отряды для прочёсывания острова.

Наступил полдень, но никакой Йиллы. Медиа утверждал, что её больше не было в Одо. Куда она ушла или как, он не знал; никто не мог ничего объяснить.

В то время туда случайно прибыло несколько посланцев с соседних островов, откуда, предполагая, что у Тайи всё было хорошо, пошли возобновившиеся приглашения посетить другие, не менее прекрасные, земли. Среди них были и герольды королевы Хотии с их ирисовым флагом и цветами. Но они пришли и ушли незамеченные.

Возвращаясь, эти посланники сопровождались многочисленными слугами Медиа, посланными на соседние острова на поиски пропавшей Йиллы. Но три дня прошли, и, один за другим, все они возвратились и молча выстроились передо мной. Какое-то время я бредил. Тогда, выпадая из реальности, я пребывал в пространстве капризов и фантазий, с глазами, которые не закрывались, с навсегда застывшим взглядом.

Они стремились пробудить меня. Девушки танцевали и пели, и лились рассказы о счастливых временах, о страшных монстрах и очаровательных молодых героях, о рощах и морских садах. И всё же я не шевелился, слыша всё и не замечая ничего. Медиа кричал: «Стыдись, о Тайи; разве ты не бог?» — и вкладывал копьё в мою обессиленную руку. И Ярл громогласно призывал меня очнуться. Самоа качал головой.

Мимо летели дни. И постепенно моя память была восстановлена. Размышления о случившемся опустошали меня, как катящиеся на голый берег волны. Напор, пена воспоминаний! Сладкая Йилла, которую уводят, и я, понёсший тяжкую утрату.

Спустя какое-то время печаль прошла. Страдание осталось в памяти. Грызущая боль породила глубокую дрожь. В памяти всплывали грустные воспоминания. Есть мысли лживые и яркие: жемчуг слёз лежит ниже живого моря, и блестящим на солнце гребням всё равно, что под собою скрывать. Общее горе, как флюид, смешивается со всем вокруг. Но тут было другое горе. Иные скорбящие наполняют воздух стонами, но самые громкие ноты исходят из пустоты. Их слёзы текут недолго, но глубокий колодец полон всегда.

Наконец я повернулся к Медиа, сказав, что я должен поспешить уехать с Одо, чтобы искать по всему Марди, поскольку Йилла всё же может быть найдена.

Но после всего, в словах, не будем больше о деве, пока не представится случай узнать её судьбу.

Глава LXV
Трое новых знакомых Тайи

В последнее время я удерживал Самоа от странствий по соседним островам, хотя он очень желал этого из-за приглашений, непрерывно оттуда получаемых. Но теперь я сообщил обоим своим товарищам о цели поездки и о желании совершить её в их компании.

На моё объявление о намерении отбыть, к моему немалому удивлению, Медиа также предложил сопровождать меня, и предложение его было охотно принято. Мне показалось, что по некоторым причинам он пока ещё не стремился продолжить это путешествие к более отдалённым островам. Следовательно, путешествие в перспективе было особенно приятно ему самому. И при этом он не терпел никаких сомнений в его удачном исходе, уверяя меня к тому же, что оно само в конечном счёте должно быть завершено с успехом. «Мне самому интересны эти поиски, — сказал он, — и, верь мне, Йилла будет найдена».

Для путешествия по лагуне была предложена

послушная

«Серна», но Медиа возразил, сказав, что не приличествует государю Одо путешествовать в экипаже своего гостя. Поэтому три каноэ были отобраны из состава его собственного королевского флота.

Нам представили и троих компаньонов, что должны были сопровождать нас в плавании; остальные были задействованы в качестве слуг.

Благодаря вкусу и внимательности Медиа, вышеупомянутые незнакомцы оказались действительно людьми весьма примечательными.

Первым был Мохи, или Плетёная Борода, так прозванный из-за фасона, который имел этот придаток, чрезвычайно длинный и седой. Он был почтенным хранителем историй и легенд, одним из собирателей Хроник Королей Марди.

Вторым был Баббаланья, человек духовного звания, облачённый в просторную одежду. Он был сведущ в законодательстве мардиан, хорошо разбирался в древних и устаревших трудах, подобных рассуждениям Старого Бардианны и пандектам Аллы-Малоллы.

Третьим и последним был Иуми, или Певчая Птица. Юный длинноволосый голубоглазый менестрель, порывистый, время от времени

теряющий разум и с бледными щеками, но всегда очень опрятный и симпатичный в своём одеянии: носящий большой витой тюрбан, украшенный пером райской птицы, и самый яркий из охотничьих поясов. Больше всего удавались Иуми любовные мелодии, рондо и рулады, околдовывающие слух. Но временами, презрев тонкую флейту, словно боевая труба, он разрывался балладами об оружии и сражениях или в траурном надрыве исполнял элегии для покойных бардов и героев. Это лучше всего описывало Иуми как менестреля. В других отношениях было бы трудно описать его. Он был очень капризным смертным, очень подверженным сменам настроения, очень высоким, очень скромным, очень печальным, очень весёлым, составленным из тысячи противоречий, которые мы должны будем позволить ему самому представить, пока наша история продолжается. И здесь, как надеялись, он мог бы преуспеть, так как никто в Марди не понимал его.

Теперь трио, отобранное в качестве компаньонов в нашем путешествии, получило время для совершения тура по Архипелагу. В особенности Баббаланья часто выражал самое горячее желание посетить каждый из островов в поисках

некоего объекта, на который он загадочно намекал. Он бормотал с глубоким беспокойством о моей утрате, выражая самое искреннее сочувствие, и, не раз сжимая мою руку, тихо твердил: «Ваши поиски — мои поиски, благородный Тайи. Везде, где вы ищете, я следую за вами».

Вот так же и Иуми обратился ко мне, но с ещё большей горячностью. И что-то вроде этого повторил Плетёная Борода. Но, к моему огорчению, — я отметил это и у Мохи, и, в особенности, у Баббаланьи — оба они, казалось, не столь горячо надеялись найти потерянную Йиллу, как юный Иуми и его мужественный господин король Медиа.

Поскольку наше путешествие не уложилось бы в малый отрезок времени, то королю Медиа приличествовало назначить заслуживающего доверия регента, управляющего страной во время его отсутствия. Этого регента разглядели в Алманни, решительном воине с твёрдым взглядом, родственнике короля. Всё необходимое наконец оказалось подготовленным, и следующее утро было назначено для старта. Накануне вечером на берегу во время отлива Медиа зажёг свет и извлёк грубую карту лагуны, чтобы оценить возможные трудности будущего пути всесторон-

ним взглядом на них с острова Одо.

И там был кратко определён план нашего путешествия: какие острова посетить в начале и те, на которые зайти при возвращении домой.

Глава LXVI
С попутным ветром на восходе солнца они отплывают

Верный каждому своему слову, с восходом солнца, обогнув мой остров, прибыл Медиа.

Какое великолепное утро! Новорождённые облака покрылись круглыми золотыми пятнами и окрасились в фиолетовый цвет; солнце висело в дышащей высоте; приятный воздух быстро охлаждали окружающие фонтаны, вечно играющие повсюду вокруг рифа; в лагуне, окаймлённой кораллами и ниспадающей вблизи безмятежной зеленью, пульсировали фонтаны.

Но что за чудовищные каноэ! Они пожрали бы невинного путешественника! Большие чёрные носы, загибающиеся кверху и уходящие назад, как слоновые бивни; тёмный змеевидный хвост, как у морского змея.

Нос передового корабля заканчивался большим открытым акульим ртом, украшенным десятью рядами жемчужных человеческих зубов, занимательно вставленных в резные доски. Планшир был украшен рядами леопардовых и тигровых

раковин; тут и там, в разном порядке, по всей длине и вокруг, и по спирали, пёстрые змеи свёртывались в клубки. Они были вставлены в гофрированные края посредством смолистого состава, выделяющего такой аромат, что каноэ пахло, как индийские сундуки с Мальдив.

Сходству передового каноэ со слоном способствовал вид закрытого худаха на его корме из тяжёлой красновато-коричневой таппы с кистями по углам из длинных связок кокосовых волокон с красными пятнами. Они болтались из стороны в сторону, как лисьи хвосты на одежде индейцев-тускароров. Но что это в передней части каноэ, под акульим ртом?

Усмехающееся небольшое изображение чертёнка с кольцом в носу; с раковинами каури, звенящими в его ушах; с отвратительным хитрым взглядом, как у бога Силенуса, раскачивающегося на своём ишаке. Он брал своей непринуждённостью, уютно куря трубку, чья чаша копировала лицо курильщика, уменьшенное в двадцать раз к оригиналу. Это изображение смотрело на нашу корму с вечной усмешкой.

Про эти каноэ стоит добавить, что хотя во время нашего пребывания в Одо мы и увидали множество барж и шлюпок, но ничего подобного тем,

что были у Медиа, мы не замечали.

Но на вопрос, откуда взялись его морские экипажи, нам отвечали, что они почитаются как предметы старины и семейные реликвии, ведь когтеобразный чёлн-дракон прошлых времён в настоящее время заменён во всеобщем употреблении большими лебедиными каноэ, знаменующими последнюю стадию морского судостроения в Марди. Едва я это услышал, как то, что казалось почти отвратительным в моих глазах, стало просто гротескным. И при этом я не мог не восхититься старой доброй семейной гордостью нашего хозяина.

В верхних углах наших парусов красовалось изображение семейного гребня Медиа: три вертикально стоящих клыка в геральдической серебряной оправе. Жестокая штука: кого они готовы разрывать?

Всё было готово, мы проплыли дальше: множество прощающихся махало руками, и наша флотилия расположилась в следующем порядке.

Впереди шёл королевский Слон, неся самого Медиа, меня самого, Ярла и Самоа, Хранителя Легенд Мохи, Баббаланью и Иуми и шесть оживлённых гребцов; на широких лопастях их вёсел были вырезаны королевские кабаньи клыки,

и тот же рисунок был вытатуирован на их груди, как на ливрее.

И вот так, как обещал Медиа, мы путешествовали по стране. Увенчивал всё усаженный боком на высоте открытого акульего рта нашего носа маленький карлик, один из слуг Медиа, с красной раковиной, хитроумно приспособленной под горн, висевшей у него на боку. Среди различных других обязанностей маленькому Ви-Ви вменялось объявлять о появлении его владельца при приближении к островам по нашему маршруту. Две коротких перекладины, устроенных с одной из носовых сторон, служили ему средством подъёма на его место. Поскольку мы достигли открытой лагуны с надутыми парусами и играющими вёслами, то шапка пены появилась над нашим носом; Иуми, стоящий так, что пряные брызги пролетали над ним, простёр вдаль свою руку и закричал: «Рассвет позади, и весь Архипелаг Марди лежит перед нами: все его острова и все его лагуны, все его хранилища добра и зла. Штормы могут налететь, наша скорлупка может утонуть. Но пусть все ветры дуют впереди; дайте нам живой порыв, хороший трубный зов, объедините весь наш разум; и да будет это путешествие полным радости, поскольку мы обязательно

найдём Йиллу»

Глава LXVII
Маленький король Пипи

Валапи, или Остров Ямсовых Клубней, находился в пределах прямой видимости с доминионов Медиа, и мы не очень долго добирались до его берегов.

Две цепи длинных параллельных гор возвышались приблизительно на три полёта стрелы в воздухе и на всю длину острова, сходясь и расширяясь в долине так, что в любой оконечности зелень его рощ смешивалась с зелёным цветом лагуны, и остров казался разделённым проливом.

За несколько шагов от берега наше каноэ коснулось прибрежного дна и, подобно верблюду, безмолвно намекнуло, что мы, путешественники, должны сойти с корабля.

Сразу же собравшиеся островитяне вбежали в воду и, склонив плечи, подобострастно возжелали, чтобы мы оказали им честь позволением перенести нас на сушу. Тотчас же на берегу все присутствующие немедленно разделись до пояса; голая грудь являлась их приветствием королям.

Очень подходяще для простых людей: их полуодетые тела означали бесконечное и глубокое приветствие.

Сейчас же Пипи, правитель Валапи, приблизился к нам: мальчик едва десяти лет от роду, шагавший молчаливо позади длинного, вертикально несомого слугой копья, к которому был прикреплён полог из пяти недавно сорванных широких банановых листьев. Таким способом затенённый, маленький Пипи передвигался, держась под навесом своего слуги.

Помимо своей ярко-красной одежды, молодой принц носил только символ королевского достоинства валапиан: связку маленьких, в обтяжку, вогнутых раковин, намотанных и запутанных в его пышных вьющихся волосах; один её конец, заложенный за его ухо, представлял собой змеиную голову, искусно вырезанную из мускатного ореха.

Общеизвестна непринуждённость ошибок молодых королевских особ. Но нечто, удивительно рано развившееся, присутствовало в этом молодом Пипи, и сперва трудно было осознать, в чём оно заключалось.

Последовало первое приветствие, и наша компания была приглашена внутрь страны, в те-

невое пристанище.

Когда мы следовали этим путём, то, идя между старым Хранителем Преданий Мохи и Уполуаном Самоа, Баббаланья умолил первого просветить не знающих историю этого любопытного Пипи. После чего летописец рассказал нам следующее, за изложение чего только он и несёт всю ответственность.

Пипи, как оказалось, был объявлен королём прежде, чем он родился; его родитель, умерший за несколько недель до того случая, освобождая свой одр, объявил, что он оставил наследника монарха.

Про Пипи рассказывали чудеса. Наряду с королевским достоинством и в придачу к душе, заключённой в ему принадлежащем теле, младенец-монарх, как предполагалось, унаследовал отважный дух неких двадцати героев, мудрецов, простаков и полубогов, ранее квартировавший в его родителе.

Самым богатым на духовные подарки был этот государь Валапи, наследующий, кроме того, многочисленные анонимные души, завещанные ему их покойными преданными владельцами. Согласно раболепному акту от собрания его вождей, он также обладал правом забирать все уникаль-

ные бессмертные души в виде дара от умерших в Валапи без завещания. Раболепные, но всё же смелые сенаторы! Тут открывалась перспектива к дальнейшему обладанию неотъемлемыми правами на потомство. На долгий срок ещё не рождённые жители Валапи были лишены самого большего, что можно было найти для своих потомков. И любой из предков Пипи, младенец и взрослый, получал более глубокое уважение, чем Пипи настоящий. Об этом свидетельствует поведение старых вождей при каждом новом назначении на должность королевской змеи. В лихорадочной лояльности они имели привычку представлять себя престолонаследнику, проходя через церемонию суда Пупера: любопытного способа передвижения, называемого так из-за усилий пройти на руках в вертикальном положении, обратив нос к полу.

Именно из-за частого использования этой церемонии большинство умных наблюдателей приписывало оценочные сглаженные суждения пожилым вельможам острова, которые, однако, очень славились ими.

Именно с этими вельможами я также успел пронаблюдать старомодный обычай ухода в отставку с занимаемой должности, когда их головы

опускались в поклоне ниже их раздвинутых бёдер так, чтобы, двигаясь в обратном направлении, их лица всё ещё могли бы быть почтительно повёрнуты к их господину и хозяину. Прекрасный его облик, увиденный таким способом, надолго ими запоминался. Любой объект хорошо смотрится через арку.

Но вернёмся к Пипи, наследнику душ и подданных. Одна из основ веры жителей Валапи заключалась в том, что не только фактически находившиеся в собственности души завещались Пипи, но и его собственная душа была обогащена их специфическими качествами: безрассудной доблестью последнего Тонгатоны, малодушной расчётливостью Бланду, хитростью Войо, простотой Раймонда, расточительством Зонори, жаждой к развитию Титонти.

Но, имея все эти качества и им противоположные, одновременно действовавшие как побуждающие, Пипи, разумеется, был бы одним из большинства жалких смертных, в непрерывном вихре решений неспособным к единому действию.

Но, благодаря богам, это было не так. Хотя всё оказывалось для его подданных не лучше, чем им хотелось бы. Его разные души царствовали

и правили в нём одна за другой. Сегодня отважный Тонгатона управлял островом, размышляя о войне и вторжении, — назавтра трижды осторожный Бланду, проводя реформу налогов, обращал своё внимание на ямсовые террасы. И так далее, попеременно и до конца.

Отсюда, хоть и способный к действию, Пипи из-за автоматически возрождаемых в нём душ был одним из самых ненадёжных людей. То, что щедрый Зонори свободно обещал сегодня, в том назавтра скупой Титонти отказывал; и Раймонд навсегда аннулировал деяния Войо, а Войо — деяния Раймонда.

Какое же это было чудо, что в Валапи творились законодательный шум и беспорядок; атака и отступление, отмены и возобновления, основы без надстроек; ничего постоянного, кроме самого острова.

И при этом в соседних странах не было тех, кто не пожинал бы прибыль от этого постоянного переходного состояния дел королевства. Все блага от Пипи испрашивались, когда расточительный Зонори был господином положения. И удовлетворялись самые наглые требования к государству, когда малодушный Бланду уклонялся от мысли воспротивиться этому.

Таким образом, подвергаясь противоположным импульсам, над которыми у него не было даже самого слабого контроля, Пипи был явно лишён всех моральных обязательств перед самим собой и перед страной. Он был не более независимым человеком, чем сердце, которое билось в его груди. Посему его обходительный парламент принял закон, признавая этот любопытный, но тревожный факт; торжественно объявив, что у Короля Пипи отсутствовала совесть. Похвальное правдолюбие. Но когда они пошли далее и решили согласно закону, что Пипи мог не нести ответственности, они, конечно, совершили насилие над правдой, кроме того сделав печальную грубую ошибку в своей логике. Как далёкий от абсолютного отвращения к злу, его собственный характер был самой твёрдой вещью в мире для Пипи — и самой подходящей.

Если принять во внимание всё это, становилось неудивительным, что этот совершенно безответственный молодой принц должен был являться персоной весомых гарантий и самых легкомысленных манер.

Глава LXVIII
Как ценятся зубы в валапи

Пробравшись, словно змеи, через чащобу, мы далее следовали по тропинке. И вскоре оказались в широкой роще, под кроной овального дерева. Здесь мы непринуждённо разлеглись, и нам были поданы закуски.

Небольшой достойный упоминания эпизод, произошедший тогда, сохранился в моей памяти. Случайно поймав проблеск белых ровных зубов Хохоры, одного из наших слуг, король Пипи невозмутимо попросил у Медиа одолжения вырвать эти самые зубы прямо на месте и подарить их ему.

Извлечённые человеческие зубы считаются одними из самых ценных украшений здесь, в Марди. Так открой же пошире свой сейф, Хохора, и покажи свои сокровища. Какой прекрасный строй! Стоящие плечом к плечу, без какого-либо просвета. Полный комплект драгоценностей, и впрямь подумал Пипи. Но они, кажется, не были предназначены для него; эту просьбу Медиа предоставил решить их хозяину, должны ли его

зубы поменять владельца или нет.

И здесь, чтобы подготовить вас к дальнейшему рассказу, требуется пролить свет на вопрос о ценности мужских коренных зубов в Марди.

Нанизанные на нить, они носятся как ожерелья или вешаются на мочку уха; на них играют в кости; вместо шелковистых локонов они служат подарками любимым женщинам.

Как во всех землях, где мужчины бьют себя в грудь и рвут волосы, когда приходит горе, так в некоторых странах зубы вырываются под влиянием подобных эмоций. В очень большой степени этот обычай практиковался на Гавайских островах, прежде чем были сброшены языческие идолы и алтари. Всё ещё живёт в Оаху много старых вельмож, видевших знаменитые похороны своего старого королевского генералиссимуса Таммахаммаха, когда не осталось никаких сведений, сколько же фунтов слоновой кости было брошено на его могилу.

Ах! Обладатели белых королевских слонов в Сиаме, несомненно, возлагали их длинные, крючковатые бивни, которыми те пронзают леопардов, своих противников; и единорога возложили бы, с его штыком во лбу, и имперского кашалота с длинной цепью белых башен в его че-

люстях; да, на той мрачной могиле воина и лоси, и олени, и лани сложили свои рога, как солдаты на поле боя.

Потрясающая тень татуированного Таммахаммаха! Если коренные зубы мерзкого дракона возвращают жизнь человеку, то какие герои должны возникнуть из собачьего клыка, который однажды имел отношение к самим воинам! А если я — ведьма Ендор, что вызывает дух этого призрака? Или я — король Саул, что потрясает своим видом? Поэтому внимание! Окружайте меня татуировками Таммахаммаха и расширяйте их, пока всё небо не покроется тигровой шкурой. Но пока призрачные пятна чисты, как грот военного корабля, подобный облаку, уносимому вдаль штормовым попутным ветром.

Вёсла на воду, мы возвращаемся.

В Валапи не существует варварского индусского обычая отправки вдов к теням их супругов: понёсшие тяжёлую утрату, вдовы там выходят замуж снова. Но и не преобладает дикий гавайский обычай возложения зубов к волосам мёртвых; хороня друга, люди не грабят свои рты, чтобы свидетельствовать о своём горе. Напротив, они извлекают зубы из покойного, распределяя их среди скорбящих в качестве памятного наследия,

подобно тому, как в других местах даруются серебряные ложки.

Из-за высокой ценности, приписываемой зубам всюду по архипелагу Марди, а также из-за их удобного размера они распространены, как деньги; связки зубов ценятся этими людьми совсем как ожерелья из раковин среди виннипегов Севера или тигровые раковины среди бенгальцев. Поэтому в Валапи самые неимущие рождаются с достаточными инвестициями в своих ртах; слишком скоро, однако, пристраиваемыми их хозяевами, и потеря которых для оставшейся части дней их жизни принуждает сидеть на диете из пудинга и банановое бланманже.

Как валюта зубы намного более удобны, нежели кокосовые орехи, которые среди определённых отдалённых варваров циркулируют как монеты; один орех был эквивалентен, возможно, пенсу. Путешественник, который записал данный факт, чрезвычайно хихикая над ним как над проявлением простоты этих язычников, не сознавал, что он сам оказывался простаком: начнём с того, что такая валюта была преднамеренно разработана мужчинами, чтобы проверить расточительность своих женщин. Ведь кокосовые орехи, для того чтобы использовать их в качестве денег, весьма

обременительны для переноски.

Остаётся только добавить, что наиболее торжественная клятва уроженца Валапи — это та, где клянутся своим зубом.

«Этим зубом, — говорил Бондо своему врагу Нуджумо, — этим зубом я клянусь отомстить тебе, о Нуджумо!»

Глава LX IX
Дискуссия в компании, а Плетёная Борода пересказывает легенду

Не найдя в Валапи никаких следов той, кого мы искали, но оставшись недовольными раболепным поведением людей и своенравным безумием их хозяина Пипи, мы рано покинули остров.

Когда мы отошли подальше, король Медиа издал общественный декрет. Он объявил свою королевскую милость, что в течение путешествия вся чопорность и государственный этикет должны быть приостановлены: ничто не должно искажать свободу выражения сторон. В соответствии с этим чарующим планом он снял свои символы королевского достоинства, положил свою корону, отложил в сторону свой скипетр и пообещал нам, что он не станет носить их снова, кроме тех случаев, когда мы пристанем к берегу, и то не всегда.

Разве мы все теперь не друзья и компаньоны? — сказал он. — Так давайте же будем компаньонами и друзьями. Я не бью поклонов, и вам не следует.

— Но разве мы достойны? — спросил Баббаланья.

— Если достойно быть свободным и естественным, будьте же удостоены того, что вам нравится, и стойте на этом.

— Далеко это пойдёт, — сказал Баббаланья, — и, мой господин, сейчас, когда вы возражаете против моих слов, я часто думал, что это безумие и тщеславие для любого человека — стремление обладать чувством собственного достоинства. Поэтому, мой господин, — он свободно скрестил свои ноги, — король, который встречает своих послов величественным кивком головы, возможно, просто приходит в себя после зубной боли. Эта мысль должна казаться кощунственной, поскольку выглядит смелой.

— Выбирайте слова, сэр! Вас слышит король.

— Простите, мой господин; я просто воспользовался неприкосновенностью как наградой. После этого разрешите подданному бунтовать против ваших общественных декретов. Я больше не буду так откровенен.

— Усаживайся поудобней, Баббаланья; подойди ближе; здесь скрести свои ноги с моими; приподнимись на локте вровень со мной. Ви-Ви, принеси нам ту тыкву с вином; и передайте её

по кругу с чашками. Теперь, Иуми, песню!

И песня была спета.

И так мы плыли, славно возлежа на циновках, растянувшись под пологом худаха.

Тем временем мы почти подошли к скале, названной Пеллой, или Украденной. Высокая наклонная зелёная скала, закрывающая отбрасываемой тенью ниже расположенную лагуну, пузырилась роняемой с неё влагой.

Прохождение под этим утёсом походило на морской случай, когда охотники неожиданно оказываются ниже открытой верхней челюсти кита, опускание которой неизбежно погребает их. Но, знакомые со скалой, наши гребцы только запрокинули назад головы, чтобы поймать прохладную росу, очищенную растущими на высоте мхами.

Вытирая несколько блестящих бусинок со своей бороды, старый Мохи повернулся вокруг того места, где он сидел, недалеко от навеса, и торжественно заверил, что питьё этой воды вылечило многих людей от тщеславия.

— Это как же, старик? — спросил Медиа.

— Из-за её прохождения через прах десяти королей, который похоронен в могиле, высеченной в сердце скалы.

— Могущественные короли и, несомненно, известные, — сказал Баббаланья, — чьи кости, думаю, столь же благородны и крепки, как и их погребальная урна. Помолись, Мохи, за них и их ужасные дела.

— Увы! Им останется только их могила.

— И, без сомнения, как многие другие, они создали эту могилу для самих себя. Они спят крепко, даю слово, старик. Но я часто думаю, что если бы была в горе трещина, то любой прах был бы обнаружен. Мохи, я отрицаю, что у тех королей оставались какие-либо кости для погребения.

— Почему, Баббаланья, — сказал Медиа, — тебе так важно то, что они никогда не умирали, и ты отрицаешь это в целом, отрицая сам факт того, что они упокоились?

— Десять тысяч извинений, мой господин, но никакая моя неучтивость не смогла бы сделать безымянной память о прославленных мёртвых. Жили они когда-нибудь или нет, но теперь это ничего не меняет. Всё же допустим, что они жили; тогда, если смерть их была для всех неизвестной, триумфальная похоронная процессия не подошла бы к их могиле. Если их происхождение широко известно, то для Марди эти похороны должны казаться самым тривиальным из вос-

поминаний. Или, возможно, у них мог быть чрезвычайный провал в памяти относительно мирских вещей, и они сами не были бы самими собой, как бабочка не является личинкой.

Вмешался Иуми:

— Тогда, Баббаланья, ты считаешь это готовой иллюстрацией удивительного изменения, которое произойдёт в человеке после смерти?

— Нет; возьмём для аналогии печальный конец. Из куколки тутового шелкопряда появляется бабочка, которая очень быстро стареет. Дольше всего она живёт как червь. Всё это суета и тщеславие, Иуми, искать в природе положительное основание для этих наших устремлений. Всеми своими сторонами природа, кажется, обещает бессмертную жизнь, но разрушает живые существа. Или, как говорил старый Бардианна: «Если природа не против нас, то это не значит, что она за нас».

Медиа сказал, поднявшись:

— Баббаланья, ты действительно несносный придворный, говорящий о червях и гусеницах мне, королю и полубогу! Вернёмся к славе как к более приятной теме.

— Простите ещё раз, мой господин. С тех пор, как вы позволили нам беседовать об этом пред-

мете. Во-первых, я придерживаюсь несомненного принципа, что сама по себе вся посмертная слава, которая является единственной славой, бесполезна. Не обижайтесь, мой господин. Для благородных честолюбцев последующая слава может быть чем-то ожидаемым. Но, проанализировав, понимаешь, что лихорадочное болезненное чувство у них может оказаться не чем иным, как страстным трепетом оттого, что теперь, живыми, они признаны теми, кто будет так же известен в своих саванах, как в своих земных одеждах.

Заговорил Иуми:

— Но это большие и славные дела, Баббаланья, о которых философы так часто беседуют: должна ли быть сладкой вера в то, что память о них надолго переживёт нас и память о нас — тоже?

— Я говорю сейчас, — сказал Баббаланья, — о жажде известности, которая, даже успокаиваясь, как жажда, утоляемая в пустыне, не приводит к счастью, а только к облегчению; и которой не нужно ничего, что не удовлетворяет его устремлений. Но позвольте мне продолжить. Ведь час назад Плетёная Борода рассказал нам историю принца Оттимо, который, совсем не благоухая ароматами при жизни, выражал большое восхищение по поводу перспективы того, что

будет ароматным и набальзамированным после смерти. Но не был ли Оттимо самым эксцентричным из смертных? Поскольку немного людей оформляет заказы на свои саваны, чтобы осмотреть их качество заранее. Намного более они беспокоятся о структуре тканей, в которые одеты их живые конечности. И, мой господин, за некоторым редким исключением, не весь ли Марди своими действиями даёт понять, что намного лучше быть печально известным теперь, чем известным после?

— Даст ли основное чувство, уважаемый, — сказал Иуми, — бедному Бондже, недооценённому поэту, утешение от пренебрежительного отношения его современников, вдохновляя его мыслью о будущем?

— Простыми словами: подумайте о великолепном урожае славы, который его призрак может снискать ему, — сказал Баббаланья, — но Банджо-Бонджо-Бинджо — я никогда не слышал о нём.

— И я, — сказал Мохи.

— И я, — сказал Медиа.

— Бедняга! — вскрикнул Баббаланья. — Я боюсь, что его творения ещё незрелы.

— Увы! — вскрикнул Иуми. — Он умер больше чем столетие назад.

— Но теперь, когда ты говоришь о недооценённых поэтах, Иуми, — сказал Баббаланья, — я выскажу вам своё мнение?

— Сделай милость, — сказал Мохи, поглаживая свою бороду.

— Тот, кто для всех представляет собой загадку сегодня, если его вообще вспомнят потом, несомненно, сможет удостовериться в том же самом и после, поскольку существует больше вероятности в том, чтобы быть переоценённым живым, чем быть недооценённым после смерти. И чтобы застраховать вашу известность, вы должны умереть.

— Довольно обескураживающая мысль для подведения итога. Но отвечу: я принимаю, что король Медиа является всего лишь смертным, как и ты; но как теперь я могу лучше всего увековечить своё имя?

Долго думал Баббаланья, пока не сказал:

— Вырезать его, уважаемый, глубоко в твёрдом камне и погрузить его лицом вниз в море: невидимые основы в глубинах более устойчивы, чем чувствительные вершины гор.

Проплывая мимо Пеллы, мы получили представление о её удалённой стороне и увидали усевшегося в высокой расселине созерцательно-

го одинокого рыбака, уединённого, как тюлень на айсберге, и его неподвижную лесу в воде.

— Он обращает на себя внимание этих десяти королей, — сказал Баббаланья.

— Мохи, — сказал Медиа, — кажется, имеется другая история про эту скалу: давай-ка, расскажи её.

— В прежние времена духов и гигантов жило в бесплодных землях, не очень отдалённых от нашего внешнего рифа, но ныне погружённых в море, злое племя — склонные к зависти гоблины, ростом с фарлонг и с огромными руками; они время от времени бросали жадные взгляды на наш цветущий остров. Долго они алкали; но, наконец, они пробрались через море, перешагнули через риф и захватили самый близкий островок, перевернули его и потащили к смежному выходу. Но задача была тяжела, и рассвет застал их посреди их дерзкой кражи, во время самого акта, посвящённого преданности и нежности к их Сомерсету. Оставив остров перевёрнутым и на полпути, с садами под водой и с основанием в воздухе, они поспешно сбежали с такой быстротой, что покинули своего товарища, безуспешно пытавшегося освободить свою ногу, прижатую опрокинутым островком.

Этот бедняга тогда поднял такой крик, что разбудил бога Юпи, или Стрельца, устроившегося на длинном облаке на востоке, кто немедленно решил преподать урок не желающему умирать пришельцу. Схватив свой лук, он пустил стрелу. Но промахнулся, причём стрела, улетевшая дальше, пронзила высокий мыс соседнего острова, проделав в нём арку, которая осталась и по сей день. А вторая стрела, однако, достигла своей цели: убитый гигант свалился у основания острова. И теперь, — добавил Мохи, — посмотрите за планшир, и вы увидите его ископаемые останки в белых рёбрах коралла.

— Да, они там, — сказал Иуми, изучая воду внизу, где они мерцали. — Причудливая легенда, Плетёная Борода.

— Очень интересная, — сказал Медиа.

— Даже сейчас, — сказал Баббаланья. — Но, возможно, мы потеряли время, слушая её; поскольку, узнав её, мы ничего не узнали большего.

— Не будь циником, — сказал Медиа. — Никакое времяпрепровождение не потерянное время.

Немного поразмыслив, Баббаланья ответил:

— Мой господин, эта истина уже хороша в существующем виде, но, описав её шестью словами вместо шести слогов, вы изъяснились лучше

и глубже.

Глава LXX
Менестрель затягивает песню вёсел, а мы получаем сообщение из-за границы

Со стороны моря тем временем подул бриз, столь блаженный и свежий, что он сделал нас нетерпимыми к философии Баббаланьи и к невероятным легендам Мохи. Все до единого мы призвали менестреля Иуми выдать нам что-то в унисон с плеском энергичных широких пенящихся волн вокруг нас.

— Если мой господин разрешит, то мы споём Тайи «Песню вёсел воинов короля Белло».

— Во что бы то ни стало, — сказал Медиа.

Посему три каноэ были выстроены шеренгой, сомкнув свои ряды; их паруса свернули, и, взяв вёсла в руки, гребцы уселись боком на планширы; Иуми, как запевала, занял место у фок-мачты, или на носу королевской баржи. После чего шесть рядов лопастей вёсел начали вздыматься, и каждый из гребцов, глядя на менестреля, спел эту песню с соответствующими действиями; каноэ наконец с сильной качкой устремилось по воде.

В с е:

Трижды вейся высоко, Наших вёсел полёт:
Трижды вокруг головы, трижды падая к ногам,
И затем под команду
Одной крепкой головы
Разгибаемся назад, двигаясь вперёд!

Г р е б ц ы

Кто поёт эту песню?
Кто воспевается в ней?

В с е

Дикая морская песня, словно лавина,
Взлетает, падает,
Хрипит,
То высоко, то низко быстро мы идём,
Быстро по водной стезе!

Г р е б ц ы

Кто поёт эту песню?
Кто воспевается в ней?

В с е

Падают, падают в морскую воду наши вёсла,

Падают, падают плавники нашего судна!

Словно волна,

Мы на волны бросаемся;

Остроконечные наши носы

С завитком высоким,

Словно акулы летящей плавник,

Несёмся стремительно вдаль за телом летящим её!

Как она, охотимся мы;

Как она, убиваем мы; Плывя в тумане,

Нашим носом наносим удар!

Г р е б ц ы

Кто поёт эту песню?

Кто воспевается в ней?

В с е

Бросок назад, бросок назад, вода уходит назад!

Лавою чёрной ложится вдали за кормой;

Мы никогда не оставим следа,

В наклонах работа наша;

Напор и движение,

Поток над потоком!

И тут нас настигло быстроходное каноэ, которое, обогнав нас по ветру и поравнявшись, опустило свой парус. Его экипаж просигналил нашим гребцам остановиться.

Я вскочил.

Незнакомцы оказались тремя одетыми в капюшоны девицами, герольдами загадочной королевы Хотии.

Их преследование удивило и озадачило меня. Но было ощущение, что неопределённое чувство тревоги усилило эти эмоции. Но, возможно, я ошибался, и на сей раз им понадобился уже не я.

Усаженной на носу оказалась сама Айрис, махавшая своим флагом-цветком. Иуми закричал:

— У них сообщение! Тайи, Айрис указывает на вас.

Это было сообщение, как я сперва предположил, в котором, должно быть, и скрывалось некое значение тех цветов, которые они прежде

дважды принесли мне.

Затем вторая девица бросила в меня цветы Цирцеи; сейчас это был увядший нарцисс, упрятанный в пучке листьев полыни.

Третья сидела на корме шлюпки и, ускользая от нас, держала три развевающихся олеандра.

— Что это за пантомима? — вскричал Медиа. — Но она похожа на поэзию: менестрель, ты должен знать.

— Растолкуй это, — сказал я.

— Стану ли я тогда флейтой своей Флоры и переводчиком Хотии? Стоящая выше всех Айрис послала сообщение. Эти фиолетовые сотканные цветы Цирцеи подразумевают, что некие чары сплетаются. Тот золотой, тоскующий нарцисс, который вы держите, упрятанный в листьях полыни, явно говорит вам — горька любовь в разлуке.

Медиа улыбнулся:

— Хорошо делаешь, Тайи, коли ты губишь королеву. Не очарована ли королева Хотия твоими глазами?

Баббаланья спросил:

— Трижды развеваемые олеандры, Иуми, что означают они?

— Остерегайтесь — остерегайтесь — остере-

гайтесь.

— Тогда это, по крайней мере, кажется хорошим предостережением, — сказал Баббаланья. — Тайи, остерегайтесь Хотии.

Глава LXX I
Они высаживаются на остров Жуам

После пересечения лагуны наш курс пролегал вдоль рифа к Жуаму, чьё название носил один из самых больших островов в округе, а также, совместно с ним, и несколько лесистых островов, окружающих его, которые все вместе были известны как доминионы одного королевства. Звали этого короля Донджалоло. В возрасте двадцати пяти лет он считался самым красивым человеком не только в своих доминионах, но и по всей лагуне. Его привлекательная внешность, однако, весьма походила на женскую, отчего его иногда называли Фону, или Девочка.

На первый взгляд, Жуам выглядел внушительно. Тёмно-зелёная гряда утёсов, высотой приблизительно в сотню туазов, на вершине представляла собой что-то вроде огромного полукруглого фронтона: как будто некий Титан молотком и долотом придал ей такую форму.

Подплыв ближе, мы почувствовали сильное морское течение, которое врывалось в лагуну через проём в стене рифов и огромными лави-

нами катилось к Жуаму. Наконец, разбившись о стену утёса, они бурлили там неутомимыми фонтанами. Но под бровями нависающей скалы брызги угасали. Там синие лавины казались проглоченными и потерянными.

Королевские права Жуама находились под охраной. В этом месте скалы имелась пещера, в которой большие волны преследовали друг друга, словно львы, после чего с гулким подземным рёвом выкатывались назад с растрёпанными гривами.

Осторожно уклоняясь от опасных потоков, бурлящих в лагуне, мы обошли утёс и проскочили на спокойное пространство, с одной стороны окружённое длинным зелёным северным берегом Жуама, а с другой, за водой залива, защищаемое зависимыми от него островками.

С трубящим Ви-Ви во рту акулы мы неслись к берегу со стоящей на нём шумной толпой.

Наши каноэ стали на якорь в безопасном месте. И, окружённые нетерпеливыми взглядами, мы прошли низинами несколько густонаселённых долин, пересекли широкий, открытый луг, постепенно поднимаясь, подошли к местурасположения светло-зелёного утёса. Здесь мы направились вниз к узкому ущелью, почти

раскалывающему в этой части остров до его основания. Чёрные скалы хмурились наверху, от них эхом отражались крики островитян. Всё более круто поднимался узкий проход, и всё больше скал нависало над нами, пока, наконец, вверху не показался замковый камень, застрявший между стен ущелья. Мы оказались в подземном туннеле, смутно освещённом дневным светом, падающим с противоположного конца.

Какой вид предстал перед нами! Повсюду вокруг, в радиусе приблизительно трёх лиг, стояли неприступные каменные столбы, тут и там создающие опоры, закрывающие углубления между ними. На поляне была яркая зелень.

Косо освещая эту дикую пустоту, солнце окрашивало его восточную сторону в золотой цвет. Но напротив неё набухшая мрачная тень двойным затенением создавала некую таинственность между выступающими горными скалами. Такая близость пары масс дня и ночи вызывала ощущение, будто Страшный суд был устроен в этой долине.

Едва мы появились из узкого прохода, как услышали унылый, резкий звук, а Иуми почти испытал желание повернуться и сбежать. Тогда сообщили, что морская пещера, о которой мы

рассказывали, проникала глубоко в противоположные холмы и что поверхность амфитеатра располагалась ниже уровня лагуны. Но на всём протяжении самых глубоких склонов и уклонов речной долины густые старые рощи произрастали так же величественно, как будто никакие дерзкие волны не пульсировали в сердце горы.

Такова была Вилламилла, наследственная резиденция молодого монарха Жуама.

Была ли Йилла заточена в этом странном пристанище?

Но от стен вокруг нас мы ничего не смогли услышать.

Наше внимание было теперь направлено к жилью в долине реки, состоявшему из двух красивых деревень: одной на западе, другой на востоке, расположенных вдоль оснований утёсов.

Медиа рассудил:

— Достигнув Вилламиллы утром, мы найдём Донджалоло и его двор в восточной деревне; но днём мы должны будем пропутешествовать дальше и искать его в его западной части, той, что сейчас лежит в тени.

Направившись далее, Медиа добавил, что, кроме его высокого статуса монарха, Донджалоло

прославился многими необычными чертами, но особенно — определёнными специфическими лишениями, в рамках которых он трудился.

После чего Плетёная Борода развернул свои старинные хроники и ознакомил нас с историей, которую вы узнаете в следующей главе.

Глава LXX II
Книга из хроник Мохи

Много лет назад в Жуаме правил король по имени Тии. Право на его престолонаследие долго оспаривалось его братом Марджорой, который наконец сплотил вокруг себя армию и после многих превратностей одолел неудачливого монарха в большом сражении на побережье.

В те дни Вилламилла в определённое время года являлась местом, предназначенным также для королевских игр и развлечений, и была снабжена подходящими помещениями для короля и суда. В силу своего специфического положения она также рассматривалась как последняя цитадель монархии Жуама, в давние времена дважды противостоявшая крупным отчаянным нападениям извне. И когда Роонуну, известный выскочка, изыскивал способ, чтобы подчинить себе все острова в этой части Архипелага, то именно в Вилламилле островные короли постановили обороняться вместе; и там, совещаясь, были удивлены внезапным нападением самого Роонуну. Но в конце концов мятежник был

захвачен, и он и вся его армия были заколоты на вершинах холмов.

Теперь побеждённый и спасающий свою жизнь Тии со своими уцелевшими сторонниками направлялся через равнину к горам. Но, чтобы отрезать его от какого-либо убежища внутри Вилламиллы, Марджорой была наскоро послана группа воинов, чтобы занять позицию у узкого прохода. Однако преследуемый Тии бежал быстрее, чем его преследователи, опозоренный, со своими вельможами, стремительно сбежавшими вниз к ущелью и догоняемыми воинами Марджоры. Но, достигнув дальнего конца, они напрасно пытались защититься. И после весьма отчаянной борьбы основная часть противника, устроившая большую резню беглецов, проникла в долину. Тогда они побежали к противоположной стене утёса, где, развернувшись, стали сражаться в заливе, кровь за кровь и жизнь за жизнь, пока, наконец, разбитые превосходящим числом, всё же не были пронзены копьями.

Из-за кровной ненависти, присущей свирепому Марджоре, Тии пал от руки своего же брата. Сняв с его тела королевский пояс, победитель обмотал его вокруг своей поясницы, таким образом объявив самого себя королём Жуама.

Надолго подорванный этой междоусобной войной, остров уступил новому суверену. Но наконец священный оракул объявил, что завоеватель убил своего брата в глубине Вилламиллы, а Тии никогда не выходил из этого убежища смерти; поэтому та же самая судьба должна быть и у Марджоры; и никогда впредь из этой долины он не должен выходить — ни Марджора, ни любой наследный сын его, ни сыновья его сына, ни последний отпрыск его рода.

Но, кроме этого приговора, ни к чему более узурпатора не присудили; те, кто помнил о сроке его правления, знали, что он управлял островом много лун и после своей смерти завещал пояс своему сыну.

В те времена самое дикое суеверие относительно вмешательства богов в окружающие дела имело влияние в намного большей степени, чем в наши дни. Поэтому сам Марджора, называемый иногда по островной традиции Сердцем Чёрного Коралла, даже сам беспринципный Марджора испугался слов оракула. «Он склонил свою голову», — говорили предания. И этот приговор никогда не был подвергнут сомнению даже его самыми преданными сторонниками, считавшими, что если он посмеет действовать

в противоречии с тем указом, то падёт замертво, едва пройдя в тени узкого прохода. Это убеждение также повлияло на поведение сына Марджоры и его внука.

Но вот, наконец, произошло изменение в общепринятых взглядах относительно этого древнего запрета. Под страхом наказания потомства узурпатора, которое не должно выходить из долины, применение закона стало относиться к прямому наследнику монарха, а не к его родственникам или другим наследникам.

Самое подходящее толкование запрета для всего, что связано с королём, который ранее свободно входил и выходил из Вилламиллы.

Со времени узурпации там всегда производилась определённая церемония по возложению на наследника статуса суверена с надеванием на него пояса Тии. В этих церемониях присутствовали главные жрецы острова, играя в них важную роль. На протяжении многих дней, пока там правили короли династии Марджоры, внутренний вход узкого прохода оставался запечатанным; новый монарх помещал замковый камень в промежутке между скалами. Это символизировало его отказ когда-либо выйти из долины. И без соблюдения этого обычая ника-

кого короля не опоясывали в Жуаме.

Этот обычай был аналогичен неизменному обычаю для наследника, необходимому для получения символов государственной власти непосредственно после смерти его родителя. Никакая задержка не допускалась. И немедленно, став опоясанным, он продолжал церемонию закрытием пещеры, пока его предшественник оставался лежать не преданным земле на пурпурной циновке, где он и умер.

В истории острова были зарегистрированы три случая, когда вакансию суверена прямой наследник добровольно отвергал из-за требований преемственности, уступив скитанию привилегию, на которую он был наделён правом как принц крови.

Сказал как-то Ран, один из этих молодых принцев, в ответ на протесты своих друзей: «Что, я буду королём только для того, чтобы быть рабом? Пояс Тии сожмёт мою талию не менее плотно, чем моя душа соединена с горами Вилламиллы. Когда я подданный, то я свободен. Нет раба в Жуаме, кроме его короля; он раб для всех кисточек своего королевского пояса». Принимая меры против подобного решения своего единственного сына, мудрый родитель Донджалоло, пылко

настроенный на увековечивание своего титула в ребёнке, так горячо любимом, зная его самого с раннего младенчества, ограждал мальчика от выхода из долины и контакта со свободным пространством Архипелага, вкусами и склонностями, фатальными для наследования пояса.

Но по мере взросления весьма нетерпимым стал молодой Донджалоло к королю, его вниманию к нему, хотя к настоящему времени большинство преисполненных долга сыновей, что преобладали среди его юных компаньонов, назначили день, в который можно будет уехать за границу и посетить Марди. Слыша эти речи, старый король стремился переубедить его. Но напрасно. И рано утром того дня, к которому Донджалоло готовился, отец проглотил яд и умер, дабы вынудить своего сына сразу же вступить в права, таким образом внезапно унаследованные.

О случае, но не о его ужасных обстоятельствах, было сообщено принцу, который с группой радостных молодых вельмож собирался войти в устье узкого прохода.

— Мой отец мёртв! — вскричал Донджалоло. — И так внезапно, что это кажется громом с небес.

И, разрываясь от горьких восклицаний, он пла-

кал на груди своего друга Талары.

Но приподнял голову:

— Моя судьба подошла к развилке. Если я пересеку тень, моё королевство потеряно. Один подъём моей ноги, и пояс отойдёт к моему гордому дяде Дарфи, который возрадуется, что будет моим господином. Надменный карлик! О, Оро! Случилось бы это до того, что я имею сейчас, прежде чем оно предало меня фатальной пещере, и я бы увидал, каков внешний Марди. Скажите, правда ли, товарищи, что Вилламилла менее прекрасна, чем долина? Что там есть яркий свет в глазах девушек Мины? И мудрость в сердцах старых жрецов Мараммы; то, что там приятно шагать по зелёной земле, по которой вы ходите, и дышать вольным океанским воздухом? Стать бы, о, стать бы хотя бы лишь малой частью вон того юного солнечного покрова, что бросает равнодушный взгляд вниз на Вилламиллу и на все места, кроме тех, что я мог бы распознать. Всё же, почему я остановился? Этого ведь не сделали ни Ран, ни Атама, ни Мардонна, мои предки, каждый узревший для самого себя свободный Марди; и, сделав это, они не управлялись предложенным поясом, предпочтя свободу прийти и уйти, нежели хоронить себя навсегда в этой фа-

тальной долине? О, Марди! Марди! Хитрость твоя в том, чтобы тебя узреть? Действительно ли то, что свобода — вещь настолько восхитительная? Всё же не смогу я быть никаким королём и не созерцать вас! Слишком поздно, слишком поздно для того, чтобы увидеть ваше очарование и затем возвратиться. Мой родитель! Мой родитель! Ты скрутил моё сердце этими муками сомнения. Скажите мне, товарищи, — те, что видели его, — является ли Марди более милым для созерцания, чем вся власть, данная мне, чтобы править Жуамом? Молчите, не так ли? Знаете, что сделали бы, будь вы королями? Скажи мне, Талара. Никакого короля: нет короля, которому должны были повиноваться, — и нет его приказов. И никому прежде Донджалоло не повиновался, кроме как своему королю-отцу. Я — король, и мой голос можно услышать в самом дальнем углу Марди, хотя я пребываю в узкой Вилламилле. Мой родитель! Мой родитель! Вы, летящие облака, что вы видите внизу? Скажите мне, что вы видите за границей? Мне кажется, что сладкий дух идёт из пещеры.

— Привет, Донджалоло, Король Жуама, — зазвучали радостные голоса из рощ.

Поднявшись, молодой принц созерцал приближение толпы: воинов с копьями и девушек

с цветами — и Кублу, жреца, поднявшего ввысь пояс Тии с кистями и махавшего им принцу. Молодые вожди отступили. Кубла, выступив вперёд, близко подошёл к принцу и, развернув знак королевской власти, воскликнул:

— Донджалоло, вот ты сейчас — король или подданный, способен ли ты стать опоясанным монархом?

Мгновенно взглянув на тёмный узкий проход, сейчас ставший свободным, Донджалоло повернулся и встретился с нетерпеливым пристальным взглядом Дарфи. Он сбросил свою мантию и в следующий момент стал королём.

Громко кричала толпа и ликовала; но после молчаливой помощи при закрытии пещеры новоопоясанный монарх печально удалился к своему жилищу и не появлялся на людях в течение многих дней.

Глава LXX III
Кое-что ещё о принце

К описанию нашего пребывания в этих доминионах только остаётся добавить, какие преобразования после принятия пояса связаны с Донджалоло, которые он сам осуществил.

Во время своей жизни его отец прославился своей умеренностью и предусмотрительностью. Но когда Марди оказался закрыт навсегда, то, помня закон своего острова, грозивший отказом от престола, молодой король постепенно прибегал к отчаянным действиям, чтобы утопить эмоции, время от времени овладевавшие им.

Его щедрая душа, жаждущая впоследствии некой поступательной карьеры, нашла саму себя запертой в пределах небольшой долины Вилламиллы, где горячие импульсы оказывались невостребованными. Но они не собирались угасать и, отражаясь ото всего вокруг, возвращались назад.

Так же было и с Донджалоло, кто во многих буйных сценах растратил усилия, которые, возможно, привели бы к самым благородным

результатам.

Немного лет утекло со смерти короля, его отца. Но пока ещё молодой король уже больше не был ясноглазым и гибким мальчиком, самым сладостным занятием которого в рассвете дня являлось созерцание пейзажей соседних островов.

Не было более женоподобного Сарданапала, чем он сам. И периодически он становился жертвой необъяснимых капризов, преследуемый привидениями и зовом призраков своих родителей.

Время от времени, ненавидя своё порочное наследие, не приносящее ему никакого удовлетворения, но как никогда наполнявшее его последним отвращением, он принимал было решение поменять свой путь, сочувствуя самому себе из-за своего горького плена, плена мудрости и осторожности.

Но завершался период раскаяния. Снова бросался он в крайности, в сотни раз более безумные, чем когда-либо.

Так вот, блуждая между добродетелью и пороком, ни к чему не примыкая и бранимый обоими, его характер, как и его персона в долине, качался, словно маятник, между противоположными крайностями.

Глава LXX IV
Пройдя дальше по долине, они сталкиваются с Донджалоло

Из входа пещеры широкая затенённая дорога, закрытая кроной деревьев с переплетёнными в высоте ветвями, привела нас к развилке, каждая из расходящихся дорог которой уходила к противоположным утёсам, затеняющим прежде упомянутые деревни-близнецы.

Луг находился на одном уровне с речной долиной. Здесь качались ветви зелёных садов из хлебных деревьев и пальм; далее отсвечивали золотом плантации бананов. Пройдя их, мы вышли на травянистый луг, окаймлённый линиями гор. И вскоре прошли по мосту, сделанному из ветвей, перекинутому через траншею и плотно привязанному к корням таро, подобно аллигатору или голландскому судну, впившемуся в мягкий аллювий. Пройдя по нему, мы поразились дикой красоте гор, привлёкшей наше внимание. По самым верхним скалам разливались виноградные лозы, которые, волнуясь в воздухе, казались покрытыми листвой водяны-

ми каскадами, родниками горных рощ.

На полпути через пропасть вдоль уступа скалы росли многочисленные корни, по-видимому, бесствольных деревьев. Вырастая из сухой почвы, они разрослись по всему нижнему протяжению скал, покрывая их запутанной сетью. Одновременно далеко наверху крупные ветви каждой рощи карабкались в стремлении встретиться с вершиной горы, затем склонялись, сражённые, назад к земле, создавая вдоль края бесконечную колоннаду, всем стилем античной архитектуры выстроившись напротив неба.

По словам Мохи, это дерево было действительно замечательным; его семена упали с луны, где произрастало много подобных лесов, оставивших тёмные пятна на её поверхности.

Тут и там живыми ручьями в горных венах струилась наружу прохладная жидкость; эти воды стекались в зелёные мшистые впадины, наполовину заросшие травами.

В одном месте бурный поток, бьющий вдаль с лесистой высоты, прежде чем достигнуть земли, рассеивался широким туманным душем, падавшим с такого далёкого основания на утёсе, что, оказавшись прямо под ним, мы почти не чувствовали влажности. Проходя через эти падающие

пары, мы заметили множество островитян, таким способом принимающих ванну.

Но что вон там колеблется в листве? И что там выступает, как двигающийся дом? Донджалоло, оказавшийся рядом со своими гостями.

Он приехал в прекрасном паланкине — беседке, опёртой на три длинных параллельных перекладины, несомых тридцатью мужчинами, ярко одетыми, по пять человек на каждый из концов. Украшенный разноцветной таппой и закреплёнными петлями гирляндами недавно сорванных цветов, на которых при каждом шаге раздувались ароматные лепестки, широко и плавно двигался весёлый паланкин, оставляя позади себя длинный розовый след трепещущих листьев и ароматов. При приближении в нём оказался изящный обессиленный молодой человек мертвенно-бледной красоты, откинувшийся на тёмно-красную циновку возле украшенной арки беседки. Его напомаженная голова лежала на груди у одной девушки, другая же разгоняла воздух опахалом из перьев цесарки. Зрачки его глаз блуждали, как острова в море. Мягким низким голосом он пробормотал:

— Медиа!

Носильщики остановились, Медиа приблизил-

ся; островные короли прижались друг к другу лбами.

Из трубок, уложенных слугами и зажжённых на концах, вокруг Донджалоло тем временем вился ароматический ладан. Они были составлены из стимулирующих листьев эйны, смешанных с длинными жёлтыми листьями из душистой горной травы, имеющей полый стебель. Вообще, приятные пары эйны были созданы ради ингаляции, но Донджалоло, считающий дорогим утешением любое применение королевских лёгких, потчевал самостоятельно тех из своих слуг, губы которых походили на мохнатые розы, расцветшие после полива.

В молчании молодой принц теперь внимательно следил за нами, изредка плавно помахивая своей рукой, разгоняя кольца дыма, мешавшие нас видеть. Он собирался обратиться к нам, но, случайно бросив взгляд на Самоа, внезапно вскочил, бегло сверкнул глазами и дико скомандовал воину убрать этого гостя с глаз долой. На что слуги успокоили его, а Медиа попросил Уполуана уйти.

В то время как все мы были растерянны и удивлены этой сценой, Донджалоло, закрыв глаза, свалился в руки своих девиц. Успокоившись, он

глубоко вздохнул и рассеянно огляделся.

Оказалось, что он счёл Самоа полуденным призраком своего предка Марджоры, узурпатора, лишённого руки в сражении, в котором тот получил свой пояс. Бедный принц: это был один из тех причудливых образов, которыми он наделял разных субъектов.

Медиа сразу же поспешил уверить Донджалоло, что Самоа хоть и не является никаким херувимом, однако состоит из доброй плоти и крови. И вскоре король уже смотрел беззаботно; его мономания исчезла, как сон.

Но, всё ещё страдая от эффектов ночного банкета, он вскоре прошептал о дальнейшем желании предоставить его самого женщинам, добавив, что его люди предусмотрели развлечения для его гостей.

Занавески паланкина затем задёрнулись, и он скоро исчез в роще. Путешествие наше продолжилось, прежде чем мы достигли западной стороны долины, где одно из многих небольших деревьев, рассеянных среди рощи, было определено для нашего местожительства. Здесь и расположились мы для приятной трапезы. После неё мы прогулялись дальше, чтобы рассмотреть долину в целом, особенно широко известные дворцы принца.

Глава LXXV
Время и храмы

В книгах о восточном паломничестве в обложке из благородной старой парчи и в добрых старых фолиантах путешествий Хеклайта, Тевено, Рамусио и де Бри мы читаем о многих великолепных старых азиатских храмах, очень долго создававшихся. И правдивый Гуденсия ди Лукка даёт поразительное повествование о времени, употреблённом на возведение громадного, из «трёхсот семидесяти пяти» колонн, Храма Года где-то за Ливией, где число колонн действительно соответствовало дням[2], а расположенные вокруг него концентрические зоны из дворцов рассекались двенадцатью великими авеню, символизирующими знаки Зодиака, радиально исходящими из центра купола дома — солнца. И в своём диком восточном рассказе о себе Марко Поло говорит нам о том, что Великий Могол начал строить свой дворец удовольствия в таком имперском масштабе для того, чтобы у его внука было много хлопот при его завершении. Но это

---

2 Примечания: 2
Автор, видимо, указал ошибочное количество колонн. (Прим. пер.)

не повод удивиться всему этому: большие башни отбирают много времени для своего сооружения. И так со всем остальным. И то, что в конце концов оперилось, должно быть, долго пребывало зародышем. И продолжительность этого не в будущем, а в прошлом; и вечное вечно, потому что оно существовало, и хотя мощный новый памятник был построен сегодня, то это говорит только о длительности строительства, потому что его блоки стары, как солнце. Это не пирамиды являются древностью, а вечен гранит, из которого они сделаны, который был более древним, хоть и лежал в том же карьере. Для создания вечного мы должны строить из вечного, отсюда тщеславен крик о любой вещи, бесподобно надёжной и новой, и безумен упрёк — ваш гранит происходит из древних холмов. Поскольку мы не боги и не создатели, то идут дебаты, действительно ли всё подавляющая сила сама сможет сделать нечто большее, чем делала по шаблону. Во всей вселенной есть всего лишь один оригинал, и сами солнца должны стремиться к источнику своего огня; и мы у Прометея в долгу за огонь, который будет поддерживать только вечная весталка, склоняясь над ним.

Но позвольте нам отойти от огня к сохранно-

сти. Ни одна из прекрасных, стойких к износу тканей, когда-либо существовавших, всё же не выросла, как тыква. Не за день поднялись Золотой дом Нерона, мексиканский Дом Солнца, Альгамбра, Эскуриал, амфитеатр Титуса, насыпи Иллинойса, великие колонны Дианы в Эфесе, величавый Столп Помпея, Парфенон, алтарь в Белью, Стоунхендж, храм Соломона, башни Пальмиры, бастионы Суз, фронтоны Персеполя. Круг за кругом мавританская башенка в Севилье не рванулась ввысь во время однодневной революции; и с момента заложения своего первоначального основания пронеслось пятьсот лет, прежде чем большой шпиль Страсбурга поднялся своими пятьюстами футами в небо. Нет, не был Большой слон высечен за час, и при этом троглодиты не вырывали в Кентукки за солнечный день Мамонтову пещеру, ни творения Трофония, ни пещеру на Антипаросе, ни Дорогу гигантов. И при этом не были выгнуты за один миг подземные коллекторы Этрурии и переброшены воздушные арочные акведуки Нервы во время месячных ид. И при этом Природный мост в Вирджинии не был создан за год; но, согласно геологии, уже стояли, вздымаясь, вечные Грампианские горы. И никто не сможет сосчитать циклы этих вра-

щений, за время которых внутренние осадочные пласты земли кристаллизовались в камень. Ни пик Пико, ни Тенерифе не были высечены в свои обелиски за десятилетие; и при этом так скоро не превратилась статуя Александра в гору Афон. И дворцу Артаксеркса потребовалось целое персидское лето, чтобы подняться, а царскому Ледяному дворцу — длинная московская зима для того, чтобы застыть. Нет, нет: не была пирамида Хеопса выложена за месяц, хотя бы потому, что во время строительства пески, оставленные наводнением, не смогли бы выдержать тяжесть пилонов. Не выросли широкие ветви дуба Чарльза за весну, хотя они пережили королевские династии Тюдоров и Стюартов. Не были части большой Илиады соединены в поспешности, хотя храм старого Гомера должен был поднять свой купол, когда ещё Святой Пётр был легендой. Даже сам человек проживает месяцы до того момента, пока его родитель не посчитает его готовым к рождению; и прежде чем его достойная личность получит свои полные права, двадцать один долгий год по юлианскому календарю должен будет истечь. И вся его смертная жизнь не приносит его бессмертную душу к зрелости, но всё вечное совершенствует его. Да, с предель-

ным почтением, по человеческим понятиям, увеличение доминионов кажется увеличением власти, и день за днём новые планеты добавляются к старому Сатурну, как раз когда шесть тысяч с небольшим лет назад наша собственная Земля стала ещё одной из них в этой системе; таким образом, на примере данного инцидента, и не только его, может ли бесконечность сама по себе быть меньшей теперь, чем тогда, когда старый Альдебаран выкатился с её руки? И если было время, когда эта круглая Земля неисчислимым смертным казалась империей, которая никогда не будет полностью исследована, которая в своих морях сокроет все Индии более чем на четыре тысячи пятьсот лет; если было время, когда этих больших карьеров Ассирии и Рима не существовало, то тогда, возможно, и было время, когда и весь материал вселенной переживал своё Средневековье, когда Невыразимая Тишина, происходя из невообразимой дали, представала островом в море. И это не преуменьшение. Неизмеримые высоты не усилить небесными арками Магомета, и всё пространство вакуума не наполнить обилием, поскольку оно само для себя и есть вселенная.

Таким образом, глубокое погружение в беско-

нечный туннель Времени делает крылатой душу, которая, подобно козодою, летящему над дикой тропой, находит вечность впереди и позади; и её последний предел — её постоянное начало.

Но даже пущенный вдаль по широкой затопленной сфере голубь Ноя вернулся и взгромоздился на его руке. Так возвращается мой дух ко мне и складывает свои крылья.

Итак, теперь, если время есть самый могущественный Аларих, оно же есть и самый могущественный строитель изо всего сущего. И наставник, и адвокат, и врач, и писец, и поэт, и мудрец, и король.

Да, и садовник, насколько, возможно, оно сможет им быть. Но сначала мы должны вернуться в долину.

Глава LXXVI
Приятное место для отдыха

Тяжёлые условия королевского статуса вполне естественно требуют некоего роскошного вознаграждения в виде жилища, преобладающего среди монархов Жуама, восхитительного, каковым оно и предстаёт; будучи похороненными живыми в своей речной долине, они стремились сосредоточить в ней сакральный мир наслаждения, из-за чего, возможно, повсюду на Архипелаге следующее высказывание стало пословицей:

«Вы поселились, как король в Вилламилле». Тем самым выражалось восхищение предельным великолепием дворца.

Весьма обоснованное высказывание, поскольку из всех ярких мест, где моя душа любит задерживаться, прибежища Донджалоло являются самыми восхитительными.

В восточной четверти долины находился Утренний дворец. Это причудливое сооружение возвышалось на естественной насыпи, представляя в плане большой квадрат, почти полностью заполнявший широкий промежуток между тём-

ной зеленью и линией утёсов, возвышаясь над множеством жилищ, рассеянных в тенях ближних рощ.

Теперь, когда он действительно предстал воочию, становится понятно, что при достаточном времени, потраченном на строительство, любой простой материал может создавать роскошное здание; и должно прозвучать определение, что это пристанище Донджалоло не могло быть никаким иным, кроме как величественным.

Целых пятьсот лун потребовалось дворцу для завершения его строительства, поскольку неизвестный архитектор-лесовод для создания его четырёхугольного фундамента и стен посадил в землю кокосовые орехи, учитывая, что со временем из них вырастут стволы и превратятся в столбы — опоры. Их ряды были предусмотрительно горизонтально соединены резными выпирающими балками алого оттенка, прикреплёнными к живым стволам внахлёстку, крепко удерживая их. Балки, поддерживающие стропила, немного отклонялись назад, в то время как ароматные травы, покрывающие крышу, развевались кисточками на вершинах пальм, исполняя роль зелёных капителей их тёмных стволов.

Во всех углах этой трепещущей зелени яркие птицы мелькали и пели, душистая и разнообразная солома казалась свисающим садом, и между ней и пальмовыми вершинами висели в воздухе листья деревьев.

Кроме этих колонн, стояли вторая и третья колоннады, сформировавшие самые красивые будуары, проходя через которые вы представляли себе этот дворец частями источника или затвердевшим кристаллом. Три сверкающих ручья, вытекающих и падающих с горных высот, встречались наверху здания, проходили через большие стволы, наполовину скрытые в соломе, и выливались в рельефный канал, уложенный вдоль карниза, созданный из одного широкого листа, сплетённого и прозрачного. Заполнив собою бассейн, вода из него далее уходила в долину.

По сторонам дворец был окружён кустарником диоми, имеющим цветок, из-за своего запаха называемый Ленорой, или Сладким Дыханием; и в черте этих благоухающих изгородей лежали тяжёлые груды циновок, богато окрашенных и вышитых.

Здесь, в безделье пылающего полдня, сплетении играющих каскадов, шума зелени и пения

птиц, нелегко было сказать, были ли вы обитателем сада в долине или же морского грота.

Но достаточно рассказов об Утреннем дворце. Пересекаем впадину, и — к Дневному дворцу.

Глава LXXVII
Дневные палаты

В большей своей части Дневные палаты были всего лишь пристроенным крылом напротив особняка, созданного рукой самой природы: грота, уходящего внутрь горного склона. На уровне верха входа в этот грот располагалось горизонтально лежащее длинное дерево, поддерживаемое большими блоками из камня, грубо отёсанными под идолов, на поверхности каждого из которых имелась вырезанная ящерица: охрана богов снисходительно выполняла свои должностные обязанности.

Из грота, служившего этаким преддверием, выходил наружу весёлый бурный поток, который, по-видимому, очень рад был найти дневной свет в Вилламилле, пытаясь подпрыгнуть до дерева радостной, белой пеной. Но его юный энтузиазм длился недолго: его воды оказывались пойманными в большом каменном бассейне, выдолбленном в естественной скале, откуда со спокойным достоинством они растекались по разным рвам, уходя далеко, чтобы присоединиться к водам

потоков, предназначенным к служению в другом конце долины.

Потоки ленивы: бесконечными днями двигались они своим извилистым путём к подземному выходу, входя в который исчезали. Но спросите, почему они медлили: они проходили мимо восхитительных пейзажей. Так же и в жизни: человек происходит из ночной тьмы, бегает и лепечет на солнце, затем опять возвращается к своей темноте, надеясь, по возможности, ещё раз оттуда появиться.

Но грот не был простым выходом для потока. Протекая через тёмный канал в скале, с обеих сторон вода оставляла сухой поднятый парапет, к которому можно было добраться по дереву и далее пройти по трём искусственно устроенным ступеням, расположенным сбоку, чтобы избежать брызг радостного водопада. Оставляя их и следуя краем канала, грот постепенно расширялся и повышался, и ваш путь освещался лучами, проникающими во внутреннее пространство. Наконец вы входите в высокий подземный купол, освещённый через верхнюю расселину в горе, в то время как полностью перед вами, в противоположной стене, из низкой тёмной арки, недоступной и расположенной

в её середине, поток, крутясь и напирая, падает длинной белоснежной колонной в бездонный бассейн, откуда, после многих вихрей и водоворотов, входит в канал и вырывался вдаль. Наполовину скрытый от обозрения нависающей бровью скалы белый падающий поток смотрится как призрачная пелена.

Пещера была благородно украшена, как любой старый геральдический зал с развешенными кругом знамёнами и гобеленами. Спускающиеся с расселины виноградные лозы качались в воздухе или сползали вдоль скал, везде, где их усики могли бы зацепиться. На высоте их листья были зелёными, но, опускаясь, они становились сухими и окрашенными во многие цвета и, цепляясь и разрываясь с громким треском, опять-таки как старые знамёна, словно раны, расползались с невиданным ликованием.

В середине этого зала на возвышении был установлен камень с изображением некой Деми, богини-хранительницы Вилламиллы. Полностью покрытая зелёным илом, как подводный камень, бедная Деми смотрелась словно страдающая от ишиаса и прострела.

Но камень был ободрён сверху обещанием получения гирлянд изо всех цветов для его коро-

ны: дриады, рыскавшие в лесах наверху, часто заглядывали вниз через расселину и пытались сбросить ему свои кроны.

Теперь тихое дыхание долины Вилламиллы, лежащей рядом с горой и служащей прекрасной зелёной мишенью для солнечных стрел, было бы почти невозможно, если б не существовало грота. Иначе долина не вдыхала бы счастливые бризы Оми; горный мыс, защищающий остров с востока, получал прохладные потоки с гор, более приятные, чем потоки в низине.

Всегда, даже в задумчивый полдень, поток прохладного воздуха прибывал в обнимку с прохладными водами, которые врывались с шумом во дворец Донджалоло. И как после первого устроившегося здесь короля, так и при следующих монархах поток тёк через всю долину и омывал её зелень; таким образом, счастливые бризы Оми не только приятно освежали Дневные палаты, но и находили вполне достаточно широкий выход, открытым фронтом летя дальше по просторам всей Вилламиллы.

«Приход их позволяет нам дышать воздухом Оми» — таковым было единодушное мнение в долине. И говорящий так поднимался со своим товарищем к гроту и, располагаясь на земле,

проводил своей рукой по своим локонам и откидывался, устраивая себе радость и право дышать, ибо действительно бризы Оми были воздушным вином для лёгких.

Всё же это не был охлаждающий бриз, хотя время от времени зефир становился неистовым. Особенно в сезон открытого моря, когда сильные потоки, проходя через расселину в горе, вылетали наружу из грота с неимоверной силой. Если вы находились возле него в это время, у вас появлялось много забот по удержанию вашей одежды на спине.

И это всё о Дневных палатах, куда — после забот теневого утра под восточными утёсами долины — ежедневно, в определённый час, переносился Донджалоло в своём паланкине, находя там новую тень и останавливаясь там до вечера, когда он снова перемещался туда, откуда он приехал, ожидая возвращения солнца. Таким образом, уворачиваясь от дневного светила всю свою жизнь, принц путешествовал взад и вперёд по своим владениям, и его гладкого бледного лба никогда не касались лучи солнца.

Глава LXXVIII
Монолог Баббаланьи

О Дневных палатах всё же следует сказать ещё кое-что. Они в основном отличались своими полами, в которых, согласно странным законам острова, были инкрустированы предполагаемые скелеты предков Донджалоло; каждый был окружён мозаикой из кораллов — красных, белых и чёрных, смешанных со стекловидными камнями, упавшими с небес при метеоритном дожде. Они воспроизводили татуировки покойных. Рядом было вмуровано их оружие: булавы, луки и копья с подобной инкрустацией; и каждому черепу соответствовал свой скипетр.

Первыми и бросающимися в глаза лежали полуразложившиеся останки Марджоры, праотца этих Коралловых Королей; рядом — легендарное серповидное оружие, с помощью которого он убил своего брата Тии.

— Строй королей и ряд скипетров, — сказал Баббаланья, пристально взглянув на них. — Донджалоло, придите и оцените ваших предков. Они лежат здесь, начиная со страшного Марджоры

и заканчивая тем, кто породил вас. Вот их кости, их копья и дротики, их скипетры и очень характерные татуировки — всё, что удалось собрать о них. Скажите мне, о король, каковы ваши мысли? Считаете ли вы их своими предками? В качестве короля искусны ли вы более, нежели они? Или вы больший мужчина, нежели они? Это басня или правда о Марджоре и убитом Тии? Но здесь могущественный завоеватель, — спросите его. Скажите ему, как сын — отцу, как король — королю. Уколите его, упросите, ударьте, умолите, пните, расколите земной шар, он не тронется с места. Пройдите по всей вашей наследственной линии, и никто из них не поднимется. Они не здесь. Да, мёртвых не найти, даже в их могилах. Но их там нет неспроста, поскольку они не желали идти; они не выбирали смерть; по любому они пошли, куда их тянули; и, коли это так, они угасли, их тени не выступают против своего семени более, чем во время их принудительного ухода из Марди. Также что-то случилось с ними, чего-то они не добились. Действительно, был смелый Марджора, обещавший запереться здесь, в Вилламилле, скрепивший это клятвой, действительно королевской клятвой; и здесь он лежит. Марджора! Поднимись! Жуам протестует!

Эй, я ударяю твоим скипетром; ступаю раболепно там, где ты есть! Вставай, Король, вставай! Что? Нет ответа? Разве эти кости не ваши? О, как живой ликует над мёртвым! Марджора, ответь! Хитёр ты? Или не хитёр? Я не вижу тебя, я не слышу тебя, я не чувствую тебя; глаза, уши, руки — ничто не способно обнаружить твою сущность, и если ты хитёр, то подай знак всем людям через стрелку компаса. У нас должны быть другие способности, чтобы дать знать о себе. Почему нет даже невидимого звука, нет даже эха от эха; вот твои кости. Донджалоло, мне кажется, я вижу вас напавшим на ассасинов: кто из ваших отцов пойдёт на риск? Я вижу вас погибающим: кто из них скажет вам, что ждёт вас за могилой? Но они вошли в землю без этих знаний. Встречается фраза. Где это? Ни один из священников Оро не расскажет точной их истории; трудно установить местонахождение их рая. Относительно жизни Алмы в хрониках Мохи говорится, что человека не было бы без уважения к могилам. Но протёр ли он свои глаза и перестал ли глядеть рассеянно? Сделал ли он открытие? Боги! будьте свидетелями!

В лучшем случае это надежда. Но принесёт ли тоска желаемое? Страх остановит своего хозяина?

Инстинкт не предохранит. Огонь, от которого я уклоняюсь, я смогу использовать. Но мёртвый — он всё же живой; живой — он всё же мёртвый. Так говорят мудрецы Мараммы. Но тогда, умерев, мы продолжаем жить? Всё же если наши мёртвые отцы где-нибудь и, так или иначе, живы, то почему не в наших будущих сыновьях? Для прошедшего или грядущего вечность — одна и та же; мы все уже пустота, которой мы боимся стать. Ледяная мысль! Но принесите домой её: она растает. Ах, как горячо моё сердце: биться с такой силой какое-то время, чувствовать стремительное движение красной крови и затем стать пеплом — разве может так случиться? Но, мир, мир, ты лжив во мне, говоря:

«Я бессмертен — буду ли я как эти кости?» Вперёд к этому! Но роняющие бальзам пальмы, по стволам которых течёт молоко, чьи перья хвастливо развеваются в воздухе, они умирают в своём расцвете и склоняют свои распавшиеся стволы. Нет ничего вечного, вчерашняя река не течёт сегодня, восходящее солнце заходит, живое умирает, великие горы оседают, и всё вращается: системы и астероиды, солнечное колесо проходит через знаки Зодиака, и знаки Зодиака ходят по кругу. Ах, боги! Разве во всей этой все-

ленской суете есть всего лишь один я, который способен доказать одну устоявшуюся мысль? Мрачные государи в скелетах, прочь! Вы — всего лишь пыль, как и пыль нищих, поскольку на этой кровати нищие могут улечься рядом с королями и утащить их черепа. Это рука великого Марджоры? Нет, некоего старого паралитика. Да, короли? Да, мужчины? Где ваши оправдания? Я отклоняю ваши братские отношения, оставляя вам ваше злословие. Но нет, нет; не презирай их, о Баббаланья! Свой собственный скелет ты сам несёшь с собой через эту смертную жизнь; и стоит рассмотреть его, но на фоне доброй природы; ты обманываешь смерть жизнью, и всё сводится к тому, что прежде, чем ты ослабеешь, ты приходишь. Да, дети ваших детей будут идти по вам: вам, безмолвным, как штиль.

И в глубоком раздумье Баббаланья зашагал прямо по Коралловым Королям.

Глава LXX IX
Центр множества сфер

Как и сам Донджалоло, мы перемещались туда и сюда; для возвращения теперь мы должны были пройти к Утреннему дому.

В его задней части располагались три арки, ведущие в укромные апартаменты.

Пересечение центральной арки и воображение скоро приведут вас к открытому пространству, где вы внезапно наталкиваетесь на самую закрытую часть дома, принадлежащую принцу: квадратную площадку, похожую на основание пирамиды и непроницаемую для взглядов. Внизу, до самой земли, её стены были покрыты соломой, но на удалённой стороне открыт проход, в который вы входите. Но вы пока ещё остаётесь в пределах дворца. На расстоянии ярда обнаруживается внутренняя соломенная стена, такая же глухая, как и первая. Пройдя по обустроенному коридору, освещённому через узкие проёмы в потолке, вы достигаете противоположной стороны, и показывается второй проём. Это вход в другой коридор, освещённый, как и первый, но более

тускло, и третья глухая стена. И вот так, три раза по три, вы продираетесь, круг за кругом, и, когда вы продолжаете двигаться, мрак сгущается, пока, наконец, вы не входите в саму цитадель: самую внутреннюю сердцевину гнезда, где у каждого есть его крыша, отличная от остальных.

Место сердцевины слишком мало, освещено рядом открытых окон в крыше и максимально сжато.

Неисчислимыми, как страницы бесконечного фолианта, многочисленными циновками покрыт пол, где, укладываясь ночью, как Фараон на вершине своего наследия, обитатель смотрит ввысь и только ввысь, пристально вглядываясь в процессии света от небесных факелов, как в государстве, где солнца приходят, чтобы быть коронованными.

И здесь, в центре этого непроницаемого зала, дремал, окружённый вселенной и зодиакальным поясом, отделённый горизонтом, морем опоясанный, рифами обвязанный, запертый горой, заложенной деревом, сжимающий символ власти, обнимающий себя руками, неразделимый Донджалоло, абсолютный монарх Жуама: ядро ореха, самая потаённая искра в рубине, сок апельсина, красный королевский камень

в нежном персике, окружённый со всех сторон сферой сфер.

Глава LXXX
Донджалоло в лоне своей семьи

Невозможно будет понять стиль, с которым правитель Жуама проводил дни своего плена, не сделав подходящее упоминание о его гареме, который следует описать без сокращений и стыдливого отвода глаз. Поскольку это был тот гарем, который показал многое, что позволило запечатлеть характер Донджалоло.

И обладало им, безумным, но единственным супругом, самым невоспитанным, конечно, и имевшим возможность выбирать принцесс, намного большее количество дам; и настолько большее, насколько множество превышает единицу. Исключительно из придворных женского пола, днём ожидающих его королевскую персону, у него имелись жёны числом в тридцать, с именами, соответствующими фазам луны. Поскольку в Жуаме время исчисляют не днями, а ночами, то каждая ночь лунного месяца имеет своё собственное обозначение, которое распространяется и на последующий день.

В чёткой последовательности эти тридцать

жён правили, как королевы, сердцем короля. Устройство этой последовательности, самое мудрое и разумное, устранило большую часть ревности и беспорядка, распространённых в плохо упорядоченных гаремах. Как тридцать супруг должны быть или более желательными, или менее желательными, чем одна, так и с гаремом в тридцать раз труднее справиться, нежели с учреждением с одной-единственной хозяйкой. Но жёны Донджалоло были так хорошо вымуштрованы, что по большей части всё проходило очень гладко. И при этом его брови не часто морщились от внутренних забот и несчастий. Хотя, как в назначенное время будет замечено, от них он не был полностью освобождён.

Теперь, согласно Плетёной Бороде, кто среди других глубокомысленных политических исследователей имел свои собственные точные знания относительно внутреннего управления гаремом Донджалоло, остальное следовало согласно методе.

Сначала Первая Ночь лунного месяца, или королева с именем Аквелла, принимала свою диадему и власть. Затем шли Аззолина Вторая и Веллуви Третья Ночь луны и так далее; даже ночи новолуния проходили через Календу, Нону

и Иду. Для удобства король снабжался картой, где были нанесены различные обозначения на руках его королев, и, параллельно с ней, иероглифическим письмом, сообщавшим о соответствующих ночах месяца. Посмотрев на них, Донджалоло предсказывал истинное время восхода и захода всех своих звёзд.

Этот лунный месяц жён был поселён в двух просторных гаремах, которые видели немногие смертные. Они так глубоко были скрыты в роще, так увиты зеленью, так заросли виноградными лозами и находились в таком туманном цветочном ладане, что были почти невидимы, даже при приближении. Было бесспорно, что не требовалось малейшей инициативы, усердия и проницательности, чтобы исследовать таинственный лес ради их поисков. Хотя странный, сладкий, жужжащий звук, с роящимися пчёлами в тепле среди роз, в конце концов намекал на присутствие королевского мёда под рукой. Высоко в воздухе, на высоком утёсе, возвышавшемся над этой стороной долины, имелся узкий выступ скалы, с которого, если верить слухам, под углом был виден конёк крыши самого близкого гарема. Но это народное мнение никогда не подтверждалось официально. Но и в действительности оно

не допускало проверки. Дело в том, что скала была недосягаема, как орлиное гнездо для молодых орлов. Но, принимая меры против возможности любого визуального осквернения, Донджалоло издал указ, навсегда ограждающий скалу от ноги человека или крыла птицы. Птицы и двуногие вместе дрожали и повиновались, обходя далеко кругом это место.

Доступ к гаремам имелся через соответствующие переходы, ведущие от дворца. Гарем с правой стороны назывался Рави (Прежде), с левой — Зоно (После). Значение последнего состояло в том, чтобы после завершения своего господства королева направлялась в Зоно, оставаясь там со своими предшественницами, пока не освобождался Рави, то есть пока весь лунный месяц жён, подобно ласточкам, не мигрировал назад, откуда они прибыли, и процессия не начиналась по-новому. В ожидании вызова королевы отдыхали на циновках, в которые были вплетены соответствующие им шифры. В Рави циновка очередной королевы или следующей за ней была разложена прямо у входа. В Зоно только что исполнившая свои обязанности королева отдыхала дальше всех от входа.

Но не идеален тот брак, где у человека трид-

цать жён. Несмотря на эти превосходные меры, результаты периодов прогрессивного улучшения управления королевскими гаремами в Вилламилле приводили к тому, что время от времени очерёдность становилась запутанной, и её бывало очень трудно восстановить.

Время от времени от некоторых жён избавлялись, к немалому удовольствию оставшихся. Но, к их общей досаде, опустевшие места вскоре после этого занимались некими симпатичными незнакомками, которые, принимая имена освобождённых ночей Луны, далее начинали свои ежемесячные обороты в безошибочном календаре короля.

При жёнах постоянно присутствовала группа стариков: удручённых, тонконогих и тщедушных, чьей благодарной задачей было дожидаться в саду удовольствий Донджалоло, никогда не касаясь его роз. Наряду с другими неисчислимыми обязанностями, они постоянно имелись в услужении, приходя и уходя по десяти тысячам поручений, поскольку им было строго предписано повиноваться малейшей воле девиц и со всей вообразимой поспешностью бежать, лететь, плыть или распадаться в неощутимом воздухе при самом кратком приказе.

Столь трудоёмким было их призвание, что ни один из них не мог освободиться от своих обязательств ранее чем через двенадцать месяцев, в конце этого периода становясь призраками из-за полного физического истощения. Эта повинность являлась постоянной утечкой стариков из долины, сильно истощающей её скудный остаток седых бород и древних голов. И любой старик, до настоящего времени не занятый, при получении вызова к отправке во дворец ожидал там решения короля: он сразу же сознавал эту неудачу как свою погибель, приводил в порядок своё имущество, смазывал и чинил его части, долго прощался со своими друзьями, выбирал место своего погребения и, покоряясь своей судьбе, в должное время угасал, как и все остальные.

Если бы кто-либо из них искал какие-либо обстоятельства для морального облегчения, то, возможно, получил бы некое небольшое утешение от мысли, что хотя он был рабом прихотей тридцати принцесс, то являлся, однако, одним из их опекунов, а значит, как можно было бы изобретательно заключить, и их начальником. Но это было небольшим утешением, поскольку девицы были блаженны, как жаворонки, более игривы, чем котята, и никогда не выглядели пе-

чальными и сентиментальными, создавая план побега. Но составительницы тридцати частей всей этой Аспазии не могли желать ничего лучшего, торжествуя оттого, что были супругами короля; даже в самой малейшей степени не беспокоясь об иных возможных дарах, они были беззаботны и радостны, как лучи утра.

Бедные старики; было бы трудно выбрать из вашей судьбы хоть одну каплю бальзама утешения. Разве полномочия следить за теми, кто всегда держал вас на бегу, не оставляя вам времени для занятий грешками, не приводили к обстоятельствам, ухудшающим трудные времена, обостряя и затачивая сталь в ваших душах?

Но многое всё же остаётся невысказанным.

Уже больше не работающих вследствие истощения старых привратников девицы сильно ненавидели. Поскольку, как это лукаво предполагалось, скрытые их задачи всё ещё сохранялись.

Ночью, ложась на страже вокруг гарема, как старые, лишённые клыков бронзовые драконы вокруг очарованного фонтана, старики иногда кратко вскрикивали из-за воспалённых ран и царапин, полученных в темноте, — и три раза трижды опоясанный, в чём он был в тот момент одет, сам Донджалоло, очнувшись от своей дре-

моты, мчался со всех сторон через десять тысяч своих коридоров, наконец, врываясь и вызывая ошеломление среди своих двадцати девяти королев, чтобы увидеть, кто лежит под седьмым небом. Когда — вот это зрелище! — там лежали невинно храпящие драконы, стонущие из-за своих таинственных ушибов.

О да! Гарем, как и все большие семьи, был восхищением и мучением дней и ночей Дон-джалоло.

И ещё один особый вопрос, был ли он чрезвычайно несчастным или же нет: при всём разнообразии жён у него так и не появилось наследника.

Не довелось ему гордым отеческим взглядом Сулеймана Великолепного смотреть на сто своих сыновей, плоть от плоти его и с такими же, как у него самого, раскосыми глазами.

Глава LXXX I,
в которой Баббаланья рассуждает о приключении некоего Каркеке в стране теней

На второй день нашего пребывания в гостях во время утренней трапезы наша делегация предавалась разнообразным живым дискуссиям.

— Славный Самоа, — сказал я, — на тех твоих островах, красоту которых ты так часто упоминаешь и хвалишь, найдётся ли долина, во всех отношениях равная Вилламилле?

Презрительный ответ был таков:

— Вилламилла могла бы быть достаточно приемлемой для пребывания, но как постоянное местожительство любая долина на его родном острове была бы гораздо предпочтительней.

— В Большой долине Савайи, — вскричал Самоа, — на каждый растущий здесь, в Вилламилле, лист приходится величественное дерево; и на каждое дерево, шумящее здесь, в Савайи приходится по воину.

Неизмеримо было отвращение Уполуана к бессильным подданным Донджалоло и к самому

Донджалоло, хотя проницательно угадывалось, что его больше всего раздражал приём придворных Жуама, к которым и относилось его презрение.

Ярла никакие подобные вопросы не волновали, поскольку его отношение к прекрасному было сведено до простоты. Но он вскользь заметил, что, по его морскому мнению, Вилламилла находилась рядом с непригодным для жилья местом, поглощаемым морем.

И здесь стоит сказать о смешной грубой ошибке со стороны честного Ярла, касаясь которой Самоа, дикарь, часто позже припоминал ему, как указание на простоту и пожелания блеска его манерам. Что, однако, скорее выделяло его как не учитывающего традиции странных людей, среди которых он оказался.

Анекдот не эпопея, но здесь так и произошло. Расположившись в наших чертогах, мы завтракали на белой, как мороз, мраморной плите, плавно прореженной синими прожилками, отчего она казалась небольшим озером, покрытым льдом: девственной грудью замёрзшей Дианы.

Прежде чем каждому гостю были вручены резные чашки и бутыли, с фруктами и вином было подано также пустое полушарие маленького

ореха, назначение которого было непонятно. И тут король Ярл не счёл возможным допустить малейшую степень воспитанности относительно вежливого кормления. Поэтому ничего не вызывало у него проблем. Лишь услышав о кусочке арварута в его рту, заменяющем некое успокоительное средство, тогда недосягаемое, он был немедленно просвещён относительно назначения ореха и очень самодовольно ввёл в это остальных из-за своего невинного невежества, оправданного, без сомнения, его собственной осторожностью; ведь небольшое полушарие явно было предназначено как место временного хранения для арварута.

Компания была изумлена, а Самоа больше всех. Король Ярл тем временем смотрел на всех присутствующих с предельным спокойствием. В это время один из испуганных дежурных, используя две палки в качестве щипцов, исчез с неприятным орехом, после чего трапеза продолжилась.

Этого слугу потом не видели в течение многих дней, что дало начало гипотезе, что, пройдя к побережью, он отправился на некий отдалённый берег, где спрятался с глаз долой от отвращения, которое его охватило.

После этого вопиющего злоключения, устро-

енного для того, чтобы дискредитировать нашу сторону, и нанёсшего самому Медиа оскорбление, Баббаланья не постеснялся преподать небольшой урок Ярлу. Он уверил его, что тут не требуется большой мудрости, чтобы проявить желание получить знания, в результате чего все будут думать, что он знаком со всеми вещами. Это, однако, было бы желательно в качестве непредвиденных достижений, так как условности сами по себе являются наименьшей совокупностью произвольных пустяков, знание которых не даётся человеку с рождения.

— Кроме того, Ярл, — добавил он, — в основном обычаи — это всего лишь царство мимики, в которой обезьяны преуспевают лучше всего. Следовательно, когда вы оказываетесь незнакомым с какими-то вопросами, то терпеливо ждите и замечайте, что делают другие обезьяны, а затем следуйте их примеру. И, поступая так, вы заполучите широкую известность как опытная обезьяна. Прежде всего, не следуйте глупому примеру молодого щёголя Каркеке, о котором Мохи сообщал мне. Умерев и уйдя в потусторонний мир жеманной походкой, он и там считал определённые законы довольно странными и новыми, — например, прохождение друг через

друга приятельствующих призраков в качестве приветствия, — Каркеке, однако, решил не показывать признаки затруднения. Обратившись к призраку с крыльями, задумчиво свёрнутыми, с перьями, сцепленными на его груди, он снял свою голову и подобострастно остановился перед ним. Уставившись на него на мгновение, дух полностью игнорировал его, бормоча про себя: «Ах, как видно, это некий земной мужлан», и отправил его с его божественным носом в высокую разреженную атмосферу. Но глупый Каркеке, обещавший вернуть свою голову, счёл, что этого так не оставит, и навсегда оставил её снятой, даже в процессе кивания при приветствии, каковое бедствие продолжало приводить его в замешательство. И, таким образом, на всю вечность он был наказан за своё безумие, претендуя на мудрость в том, в чём он был не осведомлён. С головой под мышкой бродит он, презираемый и осмеянный всем потусторонним миром.

Наша трапеза завершилась, от принца прибыли посыльные, вежливо пригласив нас присутствовать в Утренних палатах. Туда мы и направились, усевшись в паланкинах, нарочно посланных за нами с этой целью самим Донджалоло.

Глава LXXX II
Как Донджалоло послал экспедицию к соседним островам и что из этого вышло

Прежде чем подробно изложить, что нам довелось увидеть при входе в Утренние палаты, нужно сообщить следующее. Хотя множество своих дней Донджалоло посвящал лени и роскоши, но приходили к нему и бесспорные периоды забот, когда всё его любопытство относительно вещей внешнего Марди возрождалось, многократно усилившись. Из-за этих капризов он посылал за границу депутации, приглашал в Вилламиллу королей соседних островов вместе с самыми известными жрецами, бардами, рассказчиками, фокусниками и мудрецами для того, чтобы он мог услышать, что они говорят о тех вещах, которые он не мог увидеть самостоятельно.

Но наконец он решил, что различные повествования, услышанные им, возможно, не были никакими иными, кроме как неизбежно искажёнными, и рассудил, что они были получены преимущественно от жителей из описанных

стран, кто, вполне естественно, должен быть склонен к пристрастию или неискренности в своих заявлениях. Поэтому он часто в последнее время посылал к островам собственных специальных агентов, чистых сердцем, наблюдательных и проницательных, найти всё, что может пролить свет на те места, которые они посетили, а также собрать различные экземпляры интересных вещиц, так, чтобы, наконец, он смог воспользоваться исследованиями других и все разглядеть их глазами.

Но хотя двух наблюдателей послали в каждую из соседних земель, всё же каждый из них должен был действовать независимо, сделать свои собственные запросы, сформировать свои собственные заключения и вернуться со своими собственными экземплярами, абсолютно независимо от мнений другого.

Так случилось, что как раз в день нашего прибытия в долину эти паломники вернулись из своих путешествий. И Донджалоло решил отдельно каждому следующим утром предоставить большой общественный приём. И именно на него наша сторона была приглашена, о чём говорилось в предыдущей главе. В большом Пальмовом зале Утренней палаты нам постелили особые

циновки справа от принца, а его вожди, слуги и подданные собрались в открытых колоннадах.

Когда всё было готово, прошествовала компания путешественников и, кротко стоя в полукруге перед королём, разложила многочисленные корзины возле своих ног.

Донджалоло пребывал здесь в приподнятом настроении, думая о богатых достоверных сведениях, которые он собирался тут получить.

— Зума, — сказал он, обращаясь к первому из компании, — тебе и Варнопи было предписано исследовать остров Рэфона. Начинай же и скажи всё, что ты знаешь об этом месте. Заслушав твоё повествование о нём, мы перейдём к Варнопи.

С низким поклоном путешественник повиновался. Но вскоре Донджалоло прервал его:

— Что скажешь ты, Зума, о секретной пещере и сокровищах в ней? Совсем другое мнение о ней я слышал до настоящего времени, но, возможно, твой рассказ — истинный. Продолжай.

Но очень скоро бедный Зума снова был прерван удивлёнными восклицаниями, не позволившими даже договорить фразу.

Но пока он говорил, Донджалоло заключил, что если по любой причине Зума ошибался или темнил, то Варнопи всё сможет прояснить.

Поэтому позвали Варнопи.

Но недолго продолжал свой рассказ Варнопи, как у Донджалоло изменился цвет лица.

— Что?! — воскликнул он. — Вы будете противоречить друг другу прямо передо мной?! О, Оро! Как трудно доверять полномочия! Пятьдесят отчётов у меня есть о Рэфоне, ни один из которых полностью не согласован; и здесь эти два плута, посланные нарочно, чтобы увидеть и сообщить, эти два лживых негодяя оба противоречат друг другу. Почему это? Из-за роговиц их разноцветных глаз, отчего некоторые объекты кажутся отличающимися для обоих? Бесспорно то, что вещи, о которых они так противоречиво говорят, известны тем же самым, хотя бы в отношении цвета и качества. Но немые вещи не могут ни лгать, ни ошибаться. Распакуй свои корзины, Зума. Сюда принеси их, поближе, вот, что это?

— Это, — дрожа, ответил Зума, — кусок известного рифа на западной стороне острова Рэфона, ваше высочество видит его тёмно-красный цвет.

Донджалоло спросил:

— Варнопи, есть ли у тебя часть этого же кораллового рифа?

— Есть, ваше высочество, — сказал Варнопи, — она здесь.

Взяв её с его руки, Донджалоло пристально посмотрел на свою, бесцветную, с белым оттенком, затем бросил её на пол:

— О, могущественный Оро! Правда живёт в своём источнике, откуда каждый должен пить самостоятельно. Для меня тщетны все надежды на какое-либо познание Марди! Прочь! Лучше ничего не знать, чем быть обманутым. Разойдитесь!

И Донджалоло встал и удалился.

Среди присутствующих поднялся шторм криков; некоторые заняли сторону Зумы, другие — Варнопи, каждый из которых, в свою очередь, был объявлен человеком, на которого можно положиться.

Тихо наблюдавший и отмечавший всё это Баббаланья, прислонившись к одному из пальмовых столбов, спокойно сказал королю Медиа:

— Мой господин, я видел этот самый риф в Рафоне. С различных сторон он имеет разные цвета. Что касается Зумы и Варнопи, то оба неправы и оба правы.

Глава LXXX III
Они посещают зависимые островки

Спустя три дня, не найдя Йиллы в Вилламилле, мы решили проститься с Донджалоло, который расточал на нас много нежности, и, с некоторой неохотой со стороны Медиа, оставили долину.

Одну за другой мы тогда посетили внешние деревни Жуама и, проплыв по воде, блуждали несколько дней среди относящихся к Жуаму островов. Там мы увидели наместников короля, которые правили в его отсутствие: тех вождей, которыми Донджалоло гордился, и следовательно, честных, скромных и верных, а потому занятых улучшением условий жизни тех, кем они правили. Уже говорилось, что Донджалоло был отзывчивым принцем и временами серьёзно заботился о благосостоянии своих подданных, хотя и имел на него собственный державный взгляд. Но, увы, в той солнечной высокой башне среди гор, где он жил, мог ли Донджалоло быть уверен, что поручения, предписанные его указами, исполнялись в местах, навсегда скрытых от его глаз? Ах! Очень мягкими, очень невин-

ными, очень набожными лица наместников короля представали во время их ежемесячных посещений Вилламиллы. Но каким же жестоким становился их облик, когда они возвращались к своим островкам и предавались всем возможностям тиранов, как римский магистр Веррес, растоптавший права сицилийцев.

Как кармелиты, они прибывали к Донджалоло босыми, но у себя дома их гордые подданные были превращены в рабов. Перед своим опоясанным королевским поясом принцем наместники стояли, словно обвязанные верёвками униженные монахи-францисканцы, но теми же верёвками возле своих дворцов они душили Невиновность и Правду.

В поисках Йиллы, всё ещё разочарованные, мы брели через земли, которыми управляли эти вожди, и тогда Баббаланья воскликнул:

— Давайте уедем, ведь наши поиски бесполезны на островах, где правят королевские наместники.

На рассвете, во время погрузки для путешествия в отдалённые земли, к нам прибыли особые посыльные от Донджалоло, сказав, что их государь сокрушён скорой разлукой с Медиа и Тайи и умоляет их воротиться со всей поспешностью,

поскольку в течение этого самого утра в Виллами-милле готовится королевский банкет, к которому приглашено много соседних королей, большинство из которых уже прибыло.

Объявив, что из-за отсутствия альтернативы следует пойти навстречу пожеланиям, Медиа согласился, и мы с посыльными короля вернулись в речную долину.

Глава LXXX IV
Тайи на пиру двадцати пяти королей

Уже был день, когда мы вышли из узкого прохода. И, узнав, что наш хозяин принимает своих гостей в Дневных палатах, направили туда наши шаги.

Мягко касаясь наших лиц, проносились счастливые бризы Оми, шевеля листьями наверху, в то время как тут и там за деревьями показались идолы — хранители королевских чертогов, взявшиеся за руки, перевязанные фестонами из цветов. А далее, на том же уровне, искрились кивающими коронами короли, как сполохи северного сияния, сверкающие на горизонте.

Рядом со своим полуденным другом, каскадом в устье грота, отдыхал на своей тёмно-красной циновке Донджалоло, облачённый в одеяние из самой прекрасной белой мардианской таппы с изображениями ярких жёлтых ящериц, столь любопытно нанесёнными на ткань, что она казалась покрытой золотыми мышами.

Пояс Марджоры красовался на его талии, постукивая подвешенными на ниточках зубами

его родителей. Украшенная диадемой из драгоценных камней молочно-белая тиара-тюрбан увенчивала его лоб, над которой разгонял воздух веер из перьев пинтадо.

Но что сжимала его рука? Скипетр, подобный тем же скипетрам, оставленным среди кораллов у его ног. Полированная бедренная кость, однажды опознанная Плетёной Бородой как принадлежащая убитому Тии. Чтобы подчеркнуть своё непреклонное желание управлять, сам Марджора выбрал эту эмблему власти над людьми.

Но даже эта старая злоба к мёртвому Тии когда-то была превзойдена. Во времена узурпатора преобладало поверье, что слюна королей никогда не должна касаться земли, и Хроники Мохи упоминали, что в течение всей жизни Марджоры череп Тии служил основной цели: ненависти Марджоры, которую никакая земля не могла похоронить.

Всё же некоторые традиции, как эти, иногда кажутся сомнительными. Существует множество людей, отрицающих существование горба, морального и физического, у Ричарда Глостера.

Всё ещё неосознанно продвигаясь в общем веселье, мы заметили, как Их Высочества болтали друг с другом, как самые простые смертные

плебеи, исполненные таким же весельем, как монахи в старину. Но когда они заметили наше приближение, всё изменилось. Пара властелинов, которые игриво шутили, принялись поспешно приспосабливать свои диадемы обратно и застыли, смотря величественно, как статуи. Фидий не вылепил бы своего Юпитера так скоро.

В разноцветных одеждах выстроились эти двадцать пять королей, и такие их особенности, как ряды губ, глаз и ушей, словно отражались в трудах Джона Каспара Лэвейтера. Однако, как у королей, все их носы были орлиными.

Виднелись длинные лисьи бороды серебристо-серого цвета и выбритые, как эмаль, подбородки, словно у девочек, лысины на макушке и локоны Меровингов, гладкие брови и морщины, формы, вертикальные и наклонные, глаза, которые смотрели искоса; один король был глухим, рядом стоял другой, опершись, и совсем не оттого, что был стар. Они были старые и молодые, высокие и низкие, красивые и уродливые, жирные и худые, хитрые и простые.

С оживлённой любезностью наш хозяин принял нас, определив соседнюю беседку для Баббаланьи и остальных, и среди такого множества венценосных, полубожественных гостей

могли ли полубоги Медиа и Тайи чувствовать себя не иначе как дома?

Непривычная бодрость Донджалоло удивила нас. Но он пребывал в одной из тех волн отчаянной весёлости, неизменно накатывавших на его сознание после его отказов от усилий изменить свою жизнь. И неразрешённая задача его последней миссии к внешнему Марди бросила его в пучину кутежа. И в нём он совсем не избегал дикого вина, называемого Морандо.

Раб, приносивший сосуд с этим напитком, так и ходил по кругу.

Чтобы не противоречить правде, мы расскажем вам о Морандо побольше. Оно имело сумасшедший острый аромат, как некоторые виды араки, дистиллируемой на Филиппинских островах. И создавало изумительный эффект, проникая и распадаясь внутри клеток мозга, не оставляя ничего, кроме драгоценного хорошего настроения, заполнявшего черепную коробку.

Тем временем украшенные гирляндами мальчики поднялись на головы стоящих идолов и, уперев свои ноги в самых их святых ртах, развесили драпировку из тёмно-красной таппы повсюду вокруг зала так, чтобы, касаясь тротуара, она шелестела от бриза, который дул из грота.

Вскоре показались верные рабы мощного бассейна, порфирового цвета, тщательно вырезанные из дерева. Снаружи виднелись неисчислимые гротескные символы, среди которых по краям были заметны бесконечные ряды королевских ящериц, плавающих вокруг бассейна в перманентном преследовании собственных хвостов.

Специфическая для рощ Вилламиллы жёлтая ящерица являлась одним из символов Жуама. И когда посланцы Донджалоло отправлялись за границу, они несли её изображение как эмблему своего августейшего владельца, сами по себе будучи известными, как Господа Золотой Ящерицы.

Порфировый бассейн, расположенный целиком посередине, немедленно заполнялся слугами теми же живыми водами от каскада — процесс, повторяемость которого часть компании уже затруднялась подсчитывать, пока наш хозяин во весь свой рост, со всем спокойствием, ставил целью своё охлаждение ещё более, принимая ванну в присутствии своих гостей. Догадка самая поспешная, ведь бассейн, будучи переполненным в пределах нескольких дюймов от изображений ящериц, стараниями дежурных дополнялся

запускаемыми туда различными приятных размеров мисками, заполненными разнообразными кушаньями: мясом кабана, горбами серых дельфинов, коричневыми плодами хлебного дерева, жаренными в пахучих огнях сандалового дерева, но принесённых для охлаждения, золотой рыбой, приготовленной в ароматном соке из ягод, соусом из цитрона, рулонами испечённой пасты из клубней ямса, сочными бананами, погружёнными в сахарное масло, мармеладом из бананов, желе из гуавы, кондитерскими изделиями из патоки пальмового сока и многими другими деликатесами, помимо многочисленных раскрашенных калабасов с Морандо и другими напитками, залитыми в вырезанные кораблики, чтобы сделать всё зрелище оживлённым.

Гости расселись по местам на сотканных женскими руками фиолетовых циновках; принц, наш хозяин, был теперь мягко перемещён своими слугами во главу порфирового бассейна, где между высоких коронованных особ в белых тиарах и сияющих символов власти он и сидел, как Монблан в снежном тюрбане в восходе солнца над истоками вод Роны, справа и слева в союзе с туманными пиками Симплона, Готарда, Юнгфрау, Великого Святого Бернарда и Большого Глокнера.

Полностью закрытое этой флотилией озеро Комо бросало к своим берегам корабли хорошего настроения, под тенями августейших пиков мелькавшие за ними.

Но совсем не холодным вином и фруктовым мороженым казалось озеро Комо, а тропическим обеденным столом, своей поверхностью напоминавшим плиту голубого цвета из мрамора Святого Понса в жидком состоянии.

Уже много корон было снято, скипетры отложены в сторону, пояса развязались, и среди этих зелёных кушаний бородатые короли разбрелись, словно козы или как куски кабана после того, как им пообедали мастифы.

И, как в хорошо разыгранном сражении, начавшемся спокойно, но прорвавшемся пламенным взрывом, этот хорошо устроенный банкет пока ещё только разогревался, словно воск.

Несколько королевских эпикурейцев, однако, присутствовали там: намерением их было смешать, размешать и мастерски составить, кто считал должным со всеми необходимыми осмотрительностью и достоинством, не торопясь, не ввергнуть себя ни в какое опрометчивое глотание деликатесов. Ах! Замечательный вид на озеро Комо со слугами. Черпаки приплыва-

ли из одних рук в другие, только попадая лишь в один порт, и не посылались через море к другому порту.

Они очень подходили для этого случая, плывя высоко над водой, чтобы сопротивляться праздничному волнению, время от времени появляющемуся на соединяющем всех море, и, заострённые по обоим концам, как нельзя лучше были приспособлены к лёгкой навигации.

Но вскоре Морандо в праздничных графинах пошёл по кругу, раскачиваясь, как корабль перед бризом. Но их путешествия были кратки, и сосредоточенное в определённых гаванях накопление пустых судов угрожало соединить берега озера понтонами. В ту сторону дули попутные ветры. Но вскоре полностью были удалены все опустошённые и бесполезные тыквы и заменены пузатыми калабасами с глубокой осадкой, с трудом отклонявшимися от своего курса при толчке.

Наконец, целую флотилию черпаков — сломанных и всех остальных — послали в плавание к дальнему концу озера Комо и затем, удалив, предоставили место румяным пригоркам фруктов и плавучим островам цветов. Особенно выделялась среди них подобная айве золотая сфе-

ра, которая наполнила воздух таким ароматом, что можно было подумать, будто она присутствовала здесь только ради этого.

И при этом вино не прекращало течь. В тот день виноградники Жуама действительно кровоточили; в тот день локоны-усики виноградных лоз воистину все распрямились и гроздь за гроздью, в страшном унынии, солнечные зрелые ягоды истекли соком. Довольны виноградом были двадцать пять королей: двадцать пять королей были веселы.

У года изготовления вина Морандо не имелось даты, как и у других жидкостей, сохранённых в королевском подвале, где-нибудь в секретном гроте. О! Где нескончаемый исток Нигера? Искать тебя здесь или искать тебя там? Дальше, дальше, через ущелье, пойму, долину — никакого главного истока не найти. Но зачем нужен скрытый источник, когда течёт твой щедрый поток? Этот грот распадался дельтой с тремя рукавами: рекой золотой, белой и красной.

Но кто сможет воспеть их? Я опускаюсь вниз и гляжу на старую и скучную равнину.

Среди другого набора плавучих графинов имелась напыщенная, барственного вида, большая оплетённая бутыль, но старая и почтенная,

всё ещё плывущая, полная достоинства, как диктатор, собирающийся быть коронованным, или полное сокровищ судно, влачимое ветром к дому. Она смотрелась важно, но, однако, раскачивалась, возможно, растеряла своё мощное содержание.

О! Красно-коричневые берега Рейна и Роны! О, смягчите воспоминания о старых удачных годах изготовления вина! О, паутины в Пирамидах! О, пыль на могиле Фараона! Всё, всё возвращается, как только я вспоминаю ту великолепную тыкву, чьё содержание убедительно, как токайское вино, столь же старое, как легенды Мохи, и более почтенное на вид, чем его борода. Откуда прибыло оно? Заключённое в сосудах, о чём говорила надпись, с сердцем старого Марджоры, умершего сто тысяч лун назад. Наконец выкопанное, оно уже не выглядело вином, но было использовано в качестве нежного сиропа.

Этот специальный калабас отличали многочисленные атрибуты, украшавшие его, как священную бухту перед Великим Ханом Тартарии. Самый любопытный и тяжёлый напиток, заключённый в бутыль, где королевская ящерица ревниво обвивала её горловину, как рука шею, удерживая некую бесценную тайну.

Приветствую, Марзилла! Собственная заветная Королевская бутыль! С вином Персии! Относящимся ко времени завоевания! Произведённое когда-то из фиолетовых ягод, выросших в фиолетовой долине Ардаира! Трижды приветствую.

Но имперский Марзилла предназначался не для всех: только боги могли его отведать, короли и полубоги островов, исключая потомков печальных бессмертных, кому в прежние времена разбили головы и сердца в Марди, тех, кто завещал злобу многим смертным и потому теперь вряд ли мог бы потребовать полную чашу настоящего королевского Марзиллы. Царственной бутылью упирался в меня уже весёлый Донджалоло. Наполнив мою чашу до краёв своей собственной королевской дланью, он объявил своё деспотическое требование: я должен осушить её до последней ничтожной капли. Не самое страшное бедствие, воистину; питьё этого вина было пением могущественной оды или бешеной лирикой, обращённой к душе.

— Пей, Тайи, — вскричал Донджалоло, — сделай большой глоток. В этом вине растворено сердце короля. Пей долго; в этом вине скрываются семена постоянной жизни. Сделай большой глоток, растяни его, и с каждым глотком ты отопьёшь

мудрости и доблести. Пей навсегда, о Тайи, этот напиток для тебя, он позволит тебе встать и заговорить прежде самого могущественного Оро.

— Бораболла, — добавил он, оборачиваясь к куполообразному старому королю слева, — не бог ли Ксифо, который породил моего прапрапраотца, сделал глоток этого же самого вина, говоря, что собирается породить героя? Всё так. И твой великолепный Марзилла произвёл трижды отважного Ононна, который убил гигантов рифа. Ха, ха, слышал это, о Тайи? — И Донджалоло осушил другую чашу.

Удивительно! Гибкость королевского локтя и жёсткость королевского позвоночника! Особенно из-за того, что мы были впечатлены понятием их слабости. Но иногда эти кажущиеся бессильными молодые парни оказываются более устойчивыми на ногах, чем старые гуляки после очень долгого бдения.

Освободите от содержимого бассейн и снова наполните его вином, — кричал Донджалоло. — Разбейте все пустые тыквы! Пейте, короли, и чокайтесь вашими чашами при каждом глотке. Так говоря, он поднялся со своей фиолетовой циновки и неосознанно наступил одной ногой на череп Марджоры, в то время как все скелеты

оскалились на него с пола. Донджалоло, подняв высоко свой кроваво-красный кубок, разразился следующим стихотворным обращением:

Ха, ха, боги и короли; наполните чаши до краёв, все до единого;

Пейте, пейте! Кричите и пейте! Безумьем ответьте на зов!

Заполните быстро и заполните всё; наполненный кубок – не грех;

Залпом, высоким приливом, до капли последней

В уста свои влейте вино с потоком души!

Кто с вином пребывает в страхе? Кто погружён в заботы свои?

Кто вздыхает о мудрости, когда в нём вспыхнет вино?

Влага спускается вниз медленной струйкой,

Но вино поднимает нас ввысь добрым жаром своим —

Идём же вперёд, до переполнения души!

Словно сферы, вращаясь, наливаются

пламенем души,

Другие – златые – с музыкой крутятся на оси;

Позвольте же нашим чашам сиять разноцветными винами,

Кругом за круг звёздами зодиаков,

Вертясь и качаясь, колоколами своими звенеть!

Пейте же, боги и короли, вино приносит веселье;

Оно проходит по венам, где, ликуя, поёт.

Позвольте ему прилив и отлив, вино никогда не тускнеет;

Падая в чашу, яркий поток бисером пены украсит края:

Заполнись же, каждая чаша, до краю!

Подхваченная всеми песня звучала снова и снова. Капли вина бусами плясали на множестве бород, водопад усиливал их голоса, грот отсылал крики назад, призраки Коралловых Монархов, казалось, поднимали свои оскорблённые кости. Но ха, ха, ха — ревели дальше эти двадцать пять королей — живые, не мёртвые, — держащие обе

руки на своих поясах и хохочущие над бездной, как собаки великого охотника лают на павшего лося.

Безумные и сумасшедшие гуляки, как вы пили и ревели! Но как короли, и не более: одеяния были распущены, и скипетры раскатились по земле.

Вино! Ты великолепный аграрный продукт! Приподнимающий все сердца вверх и отправляющий в землю прошлое даже тех королей, кто, творя своё правосудие, опорочили себя, по мнению других. Поэтому вы, кто бы ни коснулся бутылок в компании монархов, никогда не переносите их мёртвыми на трон, хорошо знайте мошенников, являющихся в своей королевской основе не добрыми малыми, а подлыми людьми, способными на пьяное превышение откровенности. Разве Александр не был собутыльником? И сумасшедший Камбиз? И что говорить о старом Роули, хорошем знатоке вина и других материй, кто всегда потягивал кларет и причмокивал.

Если когда-либо Тайи вступит в члены клуба, то пусть это будет Королевский Клуб Бифштексов!

Донджалоло осушил ещё одну чашу.

Радости теперь добавила буря: как корабельные саваны во время тайфуна, каждое сухожилие

вибрировало, бризы Оми порывами летели вдаль, драпировка дрожала, кубки танцевали фанданго, и Донджалоло аплодировал представшим перед ним танцовщицам.

Позже из грота донёсся подобный запалу отрывок песни, ставший её началом и смотрящийся таким очаровательным напевом. Звуки явили зрелище! Плывя в воздухе, появились нимфы, блестящие руки сцепились, как блестящие змеи индийских жонглёров. Вокруг льющихся каскадов они расходились, затем застывали в своих брызгах. И внезапно возникшая из их середины новорождённая пена заплясала, подобно мысли в душе. Наконец, боком снимаясь с мели, она опадала в грот, превращаясь в волну. Вечер надвинулся быстро, тёмно-красные драпировки были сняты и уложены на руках стоящих идолов, принявших вечером розовый свет.

Уступая воздействию яств, короли улеглись, и появились две безмолвных девицы: одна с тыквой душистой воды, другая с салфетками. Склонясь над исходящей паром головой Донджалоло, первая оросила её душем из ароматических капель, плавно удалённых её компаньонкой. Таким образом все лежащие по очереди были обслужены, и никаких звуков не доносилось,

кроме глубокого дыхания.

Затем в мраморной вазе они разожгли некий ладан: горстку специй.

Вскоре прибыли три красивейших курильщицы короля, которые подожгли свои трубки с благоухающим огнём и принялись раздувать успокоительные пары эйны.

Погружаясь в слабость, я долго боролся с ней, пытаясь вырваться из очарованного тумана. Но руки сирен, казалось, давили на меня, прижимая к земле.

В тумане, как в последнем проблеске мечты, который я увидал, был Донджалоло: глаза закрыты, бледное лицо, влажные локоны; его медленно переносят к его паланкину, чтобы затем пересечь пустоту и дать ему очнуться в уединении своего гарема.

Глава LXXXV
После пира

Снова в мечтах я созерцаю тебя, Вилламилла! Снова в мечтах раз за разом прохожу я твоими прохладными тенистыми рощами, самыми красивыми в долинах Марди! Мысли об этих безумных весёлых пирах сохранятся в моей душе, пока я жив.

Упавшие тут и там на кости родителей Донджалоло участники королевской вакханалии пролежали во сне до полудня.

— Кто тут мертвее? — заглянув, спросил Баббаланья. — Живые короли или покойные?

Но прежде свисавшие цветы стремились подняться после полива. Время от времени усердные слуги ходили туда и сюда, окропляя их головки душистым содержимым из своих ваз.

Поочерёдно, один за другим, эти двадцать пять королей расчесали свои божественные локоны и, стряхнув оттуда росу, как орлы, открыли свои острые королевские глаза и раздули свои орлиные ноздри, наполнив их золотыми лучами солнца. Но почему отсутствовал сам

Донджалоло? Неужели он высокомерно оставил их продолжать банкет самостоятельно? Но эта очевидная невежливость была скоро объяснена герольдами, объявившими их распростёртым величествам, что благодаря заботе его рабов их господин был перенесён к своему гарему и потом0у не участвовал в празднестве. Но ввиду поломки его паланкина Донджалоло даже теперь находится почти рядом. Но, однако, чтобы снова было весело, он в общей компании уляжется спать со своими гостями; поскольку все они люди высокие, то и все вместе они должны будут расположиться.

Так они и поступили: каждый король приник к своим костям, и они дремали, как герои, до вечера, когда, воспользовавшись появившимся прохладным лунным светом, королевские гости сказали «адью» своему хозяину и, собрав свои свиты, оставили долину.

Ранним утром на следующий день, решив отбыть на наших каноэ, мы прошествовали к Утренним палатам, чтобы попрощаться с Донджалоло.

Удивительное изменение вызвала всего одна ночь одиночества! Бледным, вялым и склонившимся нашли мы его: держащим руку на своих

пульсирующих висках.

Около опрокинутого сосуда с вином лежал пояс короля, который тот сбросил к своим ногам. Он отослал своих напуганных слуг, которые скрылись из виду.

Мы приблизились.

— Ты тоже оставляешь меня? Готов ли ты разделить мои банкеты, которые для таких, как ты, вовсе не безумные инциденты в череде более спокойных развлечений? Но не обращай на меня внимания, Медиа; я безумен. О боги! Я — пленник навсегда? Да, свободный король Одо, когда ты появишься, снизойди до того, чтобы посетить бедного раба в Вилламилле. Я считаю их немилосердными, твои посещения; это принудительный аллюр в роскошную даль. Уйди, оставь меня; уйди и воротись снова во время цветения Марди. Что касается меня, то я здесь всегда твой. Принесите мне вино, рабы! Быстро! То, что подобает моим гостям. Увы, Медиа, у своего основания эта чашка не искрится подобно вершине. О, предательский, предательский друг! Полный улыбок и кинжалов. Впрочем, для такого, как я, вино становится опорой, хотя оно пронзает и истощает человека. Вино искусно в дружбе с одиноким, хотя и враг всему остальному. Король Медиа, давай выпьем.

Принесите ещё чаши! И теперь — прощайте!

Откинувшись, он отвернул лицо, и мы тихо покинули дворец.

Глава LXXXVI
Безобразный Плуйи

Мы вышли на берег и взошли на корабль.

Наша компания оправилась от серьёзности, в которую мы были погружены, и часы довольно длинного перехода, предстоящего нам, мы рассчитывали скоротать как можно приятней. Среди многих интересных повествований старика Плетёной Бороды, порождённых им и сравнявшихся по размерам с длиной его бороды и услаждающих нас, была история некоего невидимого духа, блуждающего Плуйи, настоящего маленького плута, как всегда преувеличенная фантазией.

О нём рассказывали обитатели острова Куэлко в отдалённом уголке лагуны, невинные жители которого были ужасно измучены происходящими дьявольскими событиями. И не удивительно: с тех пор, как он поселился в воздухе, и полностью недоступный, этот дух был странно дерзким в своей ярости.

Отвратительный Плуйи! С преднамеренным преступным намерением он вызывал сильные ветры, которые размётывали плантации бана-

нов и сбрасывали их плоды прямо на головы жителей множества бамбуковых жилищ. Они раскололи калабасы, довели до прокисания «пои», вызывавший вследствие этого колики, появлялась раздражительность и почти двойное увеличение людей со шрамами на теле. Короче говоря, от любого зла, причину которого островитяне не могли непосредственно приписать своим богам или, по их собственному мнению, они не смогли приписать самим себе, — в тех самых делах оказывался виновным невидимый Плуйи. Напополам с ужасными мечтами и кровожадными комарами ими овладела большая невинная дремота.

Все происшествия они запутывали. Человек с кривой шеей приписывал её форму проделкам Плуйи, другой, с плохой памятью, протестовал против Плуйи, и мальчик, зашибший свой палец, также проклинал этого отвратительного духа.

Но для некоторых умов, по крайней мере сильно желающих неопровержимых доказательств, время от времени невидимыми своими пальцами вышеупомянутый Плуйи действительно оставлял прямые и материальные следы своего присутствия, как-то: щипки и побои неудачливых островитян, выдёргивание их волос, дёргание

их ушей и щипание их бород и их носов. И, таким образом постоянно досаждая, сердя, мучая и делая невыносимой жизнь своих беспомощных жертв, озверевший Плуйи упивался своей злонамеренной властью над душами и телами людей Куэлко.

Чем было вызвано желание духа обеспечить людям такую участь, знал только Оро; и ни один из жителей никогда, как оказалось, кроме самого старого Мохи, не приложил каких-либо усилий для того, чтобы разузнать.

Когда-то давно, посещая Куэлко, он случайно столкнулся со старой женщиной, почти согнутой пополам и с обеими руками на животе — и в этой позе безумно бегущей.

— Моя славная женщина, — спросил он, — что произошло с тобой под небесным сводом?

— Плуйи! Плуйи! — нежно погладила она больное место.

— Но почему он мучает тебя? — спросил он успокаивающе.

— Откуда я знаю? И что хорошего это даст мне, если бы я узнала?

И она убежала.

В этой части своего повествования Мохи был прерван Медиа, кто, к большому удивлению всех

присутствующих, заметил, что втайне от него (Плетёной Бороды) он, оказалось, был на том самом острове в это же самое время и видел упомянутую старую леди в моменты этого самого брюшного несчастья.

— То, что она была действительно в большой беде, — продолжал он, — было явно заметно, но в том, что в этом особом случае её мучений виновна рука вашего Плуйи, у меня были некоторые непримиримые сомнения. Поскольку, услышав, что за час или два до того она очистила приблизительно двадцать незрелых бананов, я скорее представил себе, что это обстоятельство, возможно, имело некоторое отношение к её страданиям. Но, впрочем, все травяные пиявки на острове не смогли бы изменить её собственное мнение о предмете.

— Нет, — сказал Плетёная Борода, — вскрытие не принесло бы удовлетворения её душе. Любопытно заметить, — продолжал он, — что люди этого острова никогда не бранили Плуйи, несмотря на всё, что они переносят от его рук, исключая прямую провокацию; и подтверждением веры служит то, что в такие времена все горькие слова и поспешные упрёки полностью пропускаются, нет, прощаются на месте из-за невидимых духов,

против которых они направлены.

— Великодушный Плуйи! — вскричал Медиа. — Но, Баббаланья, ты ведь избежал всего, что несёт это глупое заблуждение, о безнаказанности которого было рассказано в твоём присутствии? Почему ты умолк?

— Я думал, мой господин, — сказал Баббаланья, — что, хотя люди этого острова могут время от времени допускать ошибку в приписывании своих бедствий Плуйи, они, однако, в целом привержены разумной вере. Поскольку Плуйи или не Плуйи, но, бесспорно, десятью тысячами способами, как будто по чьей-то злой воле, мы, смертные, страдаем и мучаемся; и это всё само по себе столь чрезвычайно тривиально, что кажется почти неуважением приписать их августейшим богам. Нет, там должен существовать некий очень мелкий дух, настолько сравнительно ничтожный, что он обделён божественными полномочиями; и вследствие этого мы, должно быть, печально страдаем. Во всяком случае, такая теория могла бы оставить пробел в моей системе метафизики.

— Ну и мир с ним, с этим Плуйи, — сказал Медиа. — Он меня не беспокоит.

Глава LXXXVII
Нора-Бамма

Мы продолжали скользить вперёд по спокойной лагуне. Прошли часы, и перед нашим флотом полностью возник круглый и зелёный, как мусульманский тюрбан, Нора-Бамма, остров Дремоты.

Полуденный прилив катил свои воды. Воздух вибрировал и дрожал. И из-за оптической иллюзии, полускрытые в ажурном тумане, дрейфовали тут и там сверкающие земли: лебеди, павлиньи перья, проплывающие через небо. Ниже к земле прижимались небеса тяжело гудящими солнечными облаками с островов.

И высоко в воздухе дремлет Нора-Бамма. Дремлет его хохолок, похожий на три страусовых пера, его нависающие скалы, склонённые маки, тени, гибкие берега, вся его дремота; его потоки журчат вниз по холмам, его небольшие волны ласкают берег.

Кто живёт в Нора-Бамме? Мечтатели, ипохондрики, сомнамбулы; те, кто от переживаний и забот бежал из внешнего Марди и в изнурении

опиумного аромата ищет забвение от прошлого в приходящем трансе.

С широко раскрытыми глазами спят они и мечтают; на их деревянных кровлях растёт виноградная лоза. В Нора-Бамме шёпоты как крики, и при дыхании зефира с качаемых деревьев, подобно птицам колибри, слетают листья.

Всё это рассказал про остров Плетёная Борода. Любой человек, прежде коснувшийся его берега и не отдавший мгновенную дань дремоте, то есть тот, кто пришёл туда в поисках золота в золотых сосудах, быстро падёт спящим и, прежде чем его ущипнут, пробудится только в ночи, когда он должен будет, с трудом продрав глаза, блуждать по острову, как встречающиеся там тихие привидения, следующие сумеречными рощами и мечтательными лугами, скользя сюда, а там исчезая, без конца и без цели.

Верно это или ложно, но таков Нора-Бамма, по словам Мохи.

Но поскольку мы плыли дальше, то рассмотрели описанное место. Мы зевали и зевали, как можно зевать экипажам судов; так в тёплых индийских морях все корабли замирают, когда мимо них проскальзывает небольшое судно с опиумом.

Глава LXXXVIII
Во время штиля подходят герольды Хотии

— Ну, сколько ещё ждать! — вскричал Баббаланья. — Этот штиль похож на постоянное спокойствие Оро и на последнее отчаяние человека.

Но вот тишина разорвалась странной, отдалённой, прерывистой мелодией, идущей с воды.

Посмотрев в ту сторону, мы увидели некий устремлённый вдаль луч из глубины.

Тогда Иуми, прежде чем погрузиться в мечтательность, разразился стихом, внезапным, как фонтан Гейзера:

Блестящей рыбой, бьющей плавником,

Блестящей рыбой, плывущей в глубине, жаворонком, парящим в высоте,

Вдаль, вдаль, вдаль дева плывёт,

Безумной песней, безумным светом во тьме океанской.

— Что за дева, менестрель? — крикнул Медиа.

— Знаю точно, что ни одна из этих, — ответил

Иуми, указывая на шлюпку, скользящую рядом. — Три девицы: Тайи, они всё ещё преследуют вас. Это каноэ идёт поблизости, с ирисом на носу.

Плавно взмахнув рукой, одна девица бросила любовное послание из всё ещё свежих листьев.

— Лети к любви, — пояснил Иуми.

Вторая девица бросила бледный цветок, завёрнутый в листья болиголова.

— Я вызываю смерть, — перевёл Иуми, вставая.

Тогда нас принялись забрасывать любовными посланиями из великолепных бесчисленных мохнатых роз и благоухающих гроздьев вербены.

— Лети, — перевёл Иуми. — Лети ко мне: все розы радости и сладости — мои.

Затем девицы уплыли.

— Была ли когда-либо более загадочная королева? — вскричал Медиа. — Любовь — смерть — радость, — летят ко мне? Но что скажет Тайи?

— То, что я не поверну к Хотии, кем бы она ни была; что дикую ведьму я презираю.

Тогда расправим наши широкие крылья! Бриз! Поднять паруса! Навались все на вёсла! Ну, флейта Флоры, пусть плывёт дальше твоя песня.

Собрав воедино тернистые розы, взятые из по-

дарков Хотии, и устроив их загубленные бутоны наподобие перьев тюрбана, Иуми запел, склонившись напротив мачты:

О, королевская роза,
Покрытая тучей шипов!
Остерегайтесь, остерегайтесь её, —
Сердце она разъедает.

Сладок, о сладок солнца закат,
О! Лилия, лилия, лилия тонет!
Сладок, о сладок Вербены цветок!
О как приятен и нежен мускус цветка!

Страшитесь и бойтесь солнца заката.
Под лилией скрылась гадюка, как под капюшоном.
Прервала цветенье Вербена,
Засохнув в объятии твоём.

Глава LXXX IX
Плетёная Борода рассказывает о происхождении Острова Негодяев

Не судите о вещах по их именам. Этот принцип служит иллюстрацией максимального уважения к острову, к которому мы приплыли.

Имя Охоноо означало «Земля Негодяев». Отчего воображение рисовало гнездо злодеев и пиратов: настоящий остров Тортугу, заполненный «Береговой братией», — такими как Монтбарс, Л'Оллоно, Бартоломео, Питер из Дьеппа и другими отчаянными людьми с подобными характерами. Но всё оказалось не так. Мужчины Охоноо были так же честны, как и любые другие в Марди. Верно, что их остров имел подозрительное имя, но не таким он был на самом деле. Поскольку ничто не приносило им самим так много известности, как это самое имя. Почему? Его происхождение отсылало к старым временам, и, будучи почётным, оно вызывало гордость, хотя они отказывались от его применения для любого своего гражданина, показывая, что слова — слишком алгебраические знаки, не передающие того значения, которое

вам нравится. И, имея одно название, вещь часто оказывается иной.

Но как получил Охоноо своё имя?

Слушайте, и Плетёная Борода, наш Геродот, всё расскажет. Издавна в течение долгого времени в Охоноо выселяли всех буканиров, флибустьеров, воров и преступников с сосед них островов, которые, став наконец вполне многочисленным сообществом, решили стать образцом достоинства и первыми среди стран Марди. И если прежде их просто выселяли из окружающих стран, то теперь было найдено избавление от них в ссылке всех нежелательных персон на посторонний остров.

Эти события произошли в период столь отдалённый, что в настоящее время уже никто не мог сказать, были ли дважды высланные вытолкнуты в своё вторичное изгнание из-за своего несравненного мошенничества или из-за своей сравнительной честности. Если последнее, то они должны были являться достаточно ценными в компании негодяев.

Однако затем они превратились в Содружество наций преступников, собравшее теперь вместе седые бороды и мудрые головы и их знания, которых было во множестве, которое и выбрало

короля для управления ими самими и организации политического устройства.

И через определённое время эти люди стали многочисленными и могущественными. И ещё больше и красноречивей говорили они о гордости и славе своего происхождения, часто относясь к нему с преувеличенным почтением. Гордостью их монарха являлась рука с изогнутым указательным пальцем, символизирующим склонность к воровству его предков.

И всё это, весьма подробно, рассказал Мохи.

— И оказалось тогда, мой господин, — сказал Баббаланья, откидываясь, — что жители Охоноо канонизировали преступления своих прародителей, хотя те же самые черты считались скандальными среди самих. Но это — работа времени. Мошенник и его дела тысячелетней давности кажутся прекрасной стариной, полными духа и забавы, с минимумом преступного намерения в душе, тогда как преступник сегодняшний кажется мрачным на вид, неспособным к исправлению. Много великих негодяев из хроник нашего Летописца стали героями для нас: например, узурпатор Марджора. Да, время действительно творит чудеса. Оно придаёт вкус вину, оно придаёт славу, нет, создаёт её, оно

обагряет и заставляет темнеть наши копья, созданные из пальм, обогащает и просвещает ум, оно делает зрелыми вишни и молодые губы, увивает плющом старые руины и старые головы, придаёт остроту зрелым клубням ямса и остроту Раздумьям старого Бардианны, из басен извлекает истины и, наконец, сглаживает точки зрения, толкования, смягчает, расслабляет и улучшает все вещи. Потому, мой господин, вокруг самого Марди всё лучшее сосредоточено в его старине, и оно более всего уважаемо, более уютно, более удобно для проживания. Ах! Если она когда-либо находилась в зародыше, как зелёное семя в стручке, влажной, бесформенной субстанцией, то как, должно быть, были неприятны следы её недавнего создания. Первый человек, легендарный старый Бардианна, должно быть, чувствовал себя подобно новосёлу, входящему в новое жильё, где бамбук ещё зелен. Не о том ли есть легенда в Марамме, что его семью долго беспокоили гриппы и простуды?

— О, Время, Время, Время! — воскликнул Иуми. — Это — Время, старое Время середины лета, что сделало старый мир таким, каков он есть. Время посеребрило старые горы и оголило их старые вершины, и расширило старые прерии,

и взрастило старые леса, и выровняло старые долины. Это Время вырыло великолепные старые каналы для славных старых рек, и округлило старые озёра, и углубило древнее море! Это Время…

— Вот и самое время, чтобы замолчать, — вскричал Медиа. — Что ты делаешь с прозаическими размышлениями, менестрель? Отдай прозу Баббаланье, который и так вполне прозаичен.

— Ведь в этом случае, — сказал Баббаланья, — Иуми, ты перешагнул грань. Мой господин Медиа хорошо знает, что твоё дело — заставлять звенеть припевами металл в бубенцах, но не металл в слитках.

Глава XC
Оригинальный вид спорта в Охоноо

Приближающийся с севера остров Охоноо на полпути к морю раскалывался на две части, одной своей половиной представляя равнину, а другой — три горных террасы, делая остров похожим на первые ступени гигантской лестницы к солнцу. И таковая, если верить Плетёной Бороде, прежде существовала.

— Прежде чем был создан Марди, — как подлинно рассказывал старый летописец, — Виво, один из духов, построил лестницу из гор, посредством которой он поднимался и спускался. И для этой лестницы остров Охоноо служил основой. Но бродящие тут и там невидимые химеры так долго и злобно шпионили за Виво, что, когда он строил в спешке свою лестницу, ударили по горе снизу в тот момент, когда он всходил на неё. Горы тут и там свалились в лагуну, создав много островов, теперь изобильных и покрытых растениями, выращенными из семян, принесённых птицей с луны и пустивших ростки по всему рифу.

Конечно, о, конечно, если я проживу до той

поры, когда стану забывать Марди, мне не забыть вид, который приветствовал нас, когда мы проплывали мимо берегов острова Охоноо, и создавалось впечатление: не купалось ли всё население Охоноо в морском прибое?

Но позвольте дописать картину.

Там, где в восточном направлении океанские валы вырастают перед внешним рифом Марди, лицом перед проёмом в барьере стоят расколотые берега Охоноо, его равнины покато опускаются по направлению к морю, его горы закрывают его сзади. Как и в Жуаме, где дикие лавины со стороны моря катятся на его утёсы, их намного больше в Охоноо, где вздымающимися батальонами они возбуждённо атакуют лагуну и нападают на остров, как глубинная армия. Но атакуют они всегда несмело, и атакуют они всегда, и старый Охоноо благо родно отбрасывает их назад, пока все эти порывы перед ним не выдохнутся. Как отбрасывали яркие лавины кирасиров в Ватерлоо, так и отражаются волны от длинной линии живых стен, основой которых служит морской пляж с разбросанными останками погибших в бурях кораблей.

Сплошным рифом широкие коралловые отмели полого спускаются прочь, создавая вал, где

волны собираются для атаки, гремя в водном узилище, отчего сотрясается целый риф, пока дрожат их брызги. И после этого пловцы Охоноо в большом восхищении прыгают в прибой.

Для этого вида спорта обязательна доска[3]: приблизительно пяти футов в длину и шириной с тело человека, выпуклая с обеих сторон, тщательно отполированная и закруглённая на концах. Она высоко ценится, неизменно смазывается после использования и подвешивается на виду в жилище своего владельца.

Расположившиеся на пляже купальщики сотнями входят в воду и, проплыв под валами волн, оказываются далеко в море, остановившись только на сравнительно спокойном пространстве. Здесь, улёгшись на свои доски, они спокойно ждут приближения водяной лавины. Захватывая их, она несёт их к берегу, увеличивая объём и скорость, пока они не помчатся вдоль водяной стены, как вдоль гладкого, ужасного края Ниагары. Нависая на стороне этого свитка, смотря с него вниз, как с пропасти, купальщики громко кричат, каждой конечностью в движении сохраняя своё место на самом гребне волны. Если

3 Примечания: 3

3 Так Мелвилл описал сёрфинг (прим. пер.)

они отстанут, другие волны, что следуют за ними, накроют их, перевернут и бросят вперёд, как непременно вы были бы растоптаны конём, на котором ехали. Это как командир во главе конницы: вы должны быть всегда на высоте.

Опытный пловец меняет своё положение на своей доске, наполовину привстав, и скоро, стоя на обеих ногах, как наездник на арене, стремительно несётся, балансируя собой в вертикальном положении.

Наконец всё теряется в порыве и паре, поскольку переросшая лавина обрушивается как бомба. Ловко выныривая, пловцы обеспечивают себе выход и, как тюлени на Оркнеях, стоя выносятся на берег.

Бросив якорь на ровной воде, на некотором расстоянии от этой сцены, мы прошли вперёд и, встретив группу отдыхающих, спросили об Ухиа, их короле. Он находился в морской пене. Но, оказавшись близко, он обнял Медиа и поприветствовал всех.

Искупавшись, к вечеру Ухиа и его подданные вернулись к своему каноэ, а мы — к нашим.

Причалив в другой части острова, мы прошли долиной, называемой Монлова, и вскоре разместились в очень приятной резиденции нашего

хозяина.

Вскоре был накрыт ужин. Но хотя блюда были изысканные и красное вино пенилось со всех сторон, как гнедая лошадь на арене, всё же мы отметили, что, несмотря на заряд от хорошего спортивного дня и энергию от своего превосходного хорошего настроения, наш хозяин Ухиа был всё ещё капризен.

Баббаланья заметил:

— Мой господин, он наполняет винные чашки для других, чтобы те их осушили.

Но король Медиа прошептал:

— Хотя Ухиа и выглядит печальным, нам следует быть радостными, весёлыми людьми.

И многие повеселели и весело пошли к своим циновкам.

Глава XCI
О короле Ухиа и его подданных

Как ему и приличествовало, Ухиа имел царское жилище, и вполне просторное. Ниже его располагались сто слуг, лишь ночью укладывающихся спать. И он давно распустил своих девиц.

Вырванный из объятий сирен, «Они не будут более иссушать и разрывать меня, — кричал он, — моя судьба командует мной. Я стану мужественным. Киви! Не буду я больше обнимать талии».

— С того самого времени, — рассказывал Плетёная Борода, — молодой Ухиа раздался, как вершина пальмы; его бёдра стали мускулистыми, как ветвь баньяна; его руки обрели силу акульего хвоста, а его голос стал звучным, как раковина. И теперь он посвятил всего себя выполнению судьбоносной задачи, состоящей в том, чтобы целиком переместить Охоноо в центр лагуны во исполнение старого пророчества, звучащего таким образом: «Когда определённый остров снимется со своего места и займёт середину неподвижной воды, тогда правитель этого острова

станет правителем всего Марди».

Задача была тяжела, но как велика награда! Он принялся выполнять её, и весь Охоноо помогал ему. Не руками, а призывая фокусников. К настоящему времени, однако, напрасно. Но у Ухиа оставались надежды.

Теперь, сообщив обо всём этом, Баббаланья сказал Медиа:

— Мой господин, если непрерывное нетерпеливое ожидание чего-то большего будет лучше, чем уступки в существующих вещах, то тогда покажется диким, что Ухиа должен будет эту веру принять к сердцу, как своих жён. Но, мой господин, эта вера такова, что отнимает у него его дни, превращая ночи в сладкое забытьё. Из-за этого пророчества к доминированию над всем Архипелагом он бранит богов за медлительность и проклинает себя, как лишённого своих прав; более того, как не имеющего и вырванного у него того, чем он никогда не обладал. Недовольство будет затмевать его горизонт, пока он не охватит его рукой. «Самый несчастный из полубогов, — кричит он, — ведь я заперт на этом ничтожном островке длиной лишь в сто пятьдесят лиг, когда множество обширных империй не принадлежит мне как своему господину». Всё же и самому тоже

Ухиа завидуют. «Ах! — кричит Карролоно, один из его вождей, владелец аккуратной небольшой долины. — Вот я зажат в этой крохотной клетке среди гор, когда этот великий король Ухиа — господин целого острова и каждой кубической мили в нём». Но и этому же самому Карролоно завидуют. «Тяжек и жалок удел мой, — кричит Донно, один из его арендаторов. — Вот я оставлен и брошен на эту ничтожную плантацию, когда моему господину Карролоно принадлежит целая долина в десять длинных парасангов от утёса до моря». Но Донно также завидуют. «О, проклятая судьба! — кричит его слуга Флавона. — Вот меня заставляют тащиться, потеть и трудиться весь день, когда мой владелец Донно в действительности только командует». Но другие завидуют Флавоне; и тем, кто завидует ему, завидует, в свою очередь, даже прикованная к постели Манта, которая, желая умереть, тяжко стонет: «Я оставлена негодяями! Здесь я, несчастная, погибаю, в то время как множество нищих слоняются и живут!» Но, конечно же, ни один не завидует Манте?! Да сам великий Ухиа. «Ах! — кричит король. — Вот я раздражён и замучен стремлением, никакого покоя ни ночью, ни днём; на моём черепе натёрты раны от этой проклятой

короны, что я ношу, в то время как это позорное существо Манта является в виде призрака, чтобы досадить мне».

Напрасно мы блуждали вверх и вниз по этому острову и заглядывали в самые укромные уголки: никакой Йиллы там не было.

Глава XCII
Бог Киви и пропасть Оп Мондо

Одним из интересных объектов в Охоноо была оригинальная статуя бога воров Киви, который с незапамятных времён являлся опекающим остров божеством.

Его святилищем была естественная ниша в утёсе, обнесённая стеной, в долине Монлова. И здесь стоял Киви со своими пятью глазами, десятью руками и тремя парами ног, оснащённый всем, что требовалось для того призвания, которому он был посвящён. Мощь его хватательной силы заключалась в руках, где каждая конечность преумножалась, поскольку ладоней было дважды по пять — и пятьдесят пальцев.

Согласно легенде, Киви выпал из золотого облака, уйдя по бёдра в землю, разбросав почву повсюду вокруг. У трёх задумчивых смертных, прогуливающихся в то время, было мало шансов на спасение.

Замечательное подробное описание, и ни один из наших путешественников не посмел усомниться в нём. Разве нам не показали место, где

идол упал? Мы спустились в ложбину, теперь заросшую зеленью. Бесспорно, сам Киви ручался бы за правдивость имевшегося чуда, но он, к сожалению, был нем. Но, безусловно, самым убедительным аргументом, свидетельствовавшим в поддержку этой истории, было копьё, которое вынесли жрецы Киви наружу для Баббаланьи, чтобы тот его рассмотрел.

— Позвольте мне посмотреть на него поближе, — сказал Баббаланья. И, повернув его много раз, с любопытством осмотрел его. — Замечательное копьё, — вскричал он. — Несомненно, мои преподобные, что это же самое копьё, должно быть, убедило многих несогласных!

— Нет, самых упрямых, — ответили они.

— И все они впоследствии использовались в качестве дополнительного убеждения в правдивости легенды?

— Конечно.

От моря до святыни этого бога прекрасная долина Монлова поднимается с мягким уклоном, едва заметным, но после поворота по направлению к воде каждый с удивлением оказывается высоко поднятым от её поверхности. Пройдите, и тот же самый тихий подъём обманет вас, и долина сужается, и с обеих сторон вырастают

утёсы, пока, наконец, вы не приходите к узкому пространству, уступу, опёртому на скалу. Далее за этой расселиной — синее небо. Если ветры дуют высоко и вы неожиданно попали сюда, то можно решить, что сам Киви подталкивает вас всеми своими руками: так силён поток воздуха, мчащийся через этот поднятый узкий проход. Но не уговаривайте торнадо, который уносит вас вперёд парусом, посмотрите вниз: земля кончается внезапным обрывом в тысячу футов, прямо над нижележащей широкой равниной. Так внезапна и глубока эта пропасть, с которой вы, кажется, смотрите из одного мира в другой. В мечтательный, солнечный день украшенная блёстками, лежащая внизу равнина приобретает неясный мимолётный аспект. Стоя словно на бушприте корабля, вы будете почти испытывать желание крикнуть, как над океанским туманом под ногами.

Это, мои смертные, пропасть Мондо.

С этого края, с копьями в руках, спрыгнули пятьдесят мятежных воинов, которых гнали назад в долину превосходящие их числом победители. Находясь в безвыходном положении в заливе, с неистовым криком они отчаялись на этот фатальный прыжок.

Мохи отметил: «Их души улетели прежде, чем их тела коснулись земли».

Этот трагический случай имел место много поколений назад, и теперь головокружительным окольным путём можно пройти одному, на крепких ногах, от края до равнины. Но ни один человек никогда таким путём не поднимался.

Настолько рискован, воистину, самостоятельный спуск, что островитяне не рискуют совершать подобный подвиг без призыва сверхъестественной помощи. У подножия обрамляющих пропасть нависших скал стоит божество хранителя Мондо, и на алтарях перед ним возложены милостивые прошения путешественников.

Направо от края пропасти и вдоль неё был устроен узкий выступ. Испытуемые в лояльности к монархам Охоноо стояли здесь, сжимая оружие, под градом дротиков.

И там же в своей юности стоял Ухиа.

— Кем вы ощущали себя в тот момент, кузен? — спросил Медиа.

— Королём Охоноо, — ответил он. — Такое же ощущение будет у меня, когда я стану королём всего Марди.

Глава XCIII
Баббаланья встаёт между Мохи и Иуми, когда Иуми высказывается о легенде

Отойдя от Охоноо, мы проплывали мимо чудесных берегов Тупиа, островка, который, согласно Плетёной Бороде, целую вечность оставался не заселённым людьми. Увидев, что многих из нас охватило желание побольше узнать об этом острове, Мохи собирался вернуться к своим хроникам, но менестрель Иуми вежливо вмешался, сказав, что если его господин Медиа разрешит, то он сам перескажет предание. По своей природе он счёл, что оно само имеет отношение к его прерогативе поэта, хотя пока ещё не было изложено стихами. Но он добавил, что звон настоящего жемчуга из раковины более музыкален, нежели нанизанный на шнур.

Из-за этого самонадеянного вмешательства Мохи выглядел чрезвычайно оскорблённым и, нервно дёргая свою бороду, произнёс что-то оскорбительное о манерности молодых рифмоплётов, слишком наполненных глупыми грёзами,

чтобы сделать простой рассказ.

Иуми в ответ, поправив свой тюрбан, сказал:

— Старый Мохи, давайте не спорить. Я чту ваши рассказы, но с условием, что ваши хроники более несвязны, чем мои песни. Я имею дело со своим чисто собственным мнением, у которого есть стройность и единство, хотя и нематериальное; но вы, Плетёная Борода, имеете дело с искажёнными фактами. Во всех ваших сюжетах вы сами блуждайте в темноте. Много правды у вас не найти, как у историка. Кроме того, Мохи: мои песни увековечивают много вещей, которые вы, летописцы, полностью пропустите. Вы ведь не часто обращаетесь ко мне и моим вечно свежим балладам за получением сведений, в которых вы и ваши заплесневелые старые хроники были неточны? И главная ценность в том, Мохи, что мы, поэты, — истинные историки: мы бальзамируем — вы разлагаете.

На это Мохи с некоторым гневом собирался дать ответ, когда, коснувшись плечом новой складки его мантии, Баббаланья сказал следующее:

— Мир, конкуренты! Поскольку у Бардианны есть фраза, что когда кто-то дискутирует о собственных претензиях, то каждый из них

наиболее близок к правоте, когда он говорит о другом, и дальше всего от неё, когда говорит о самом себе.

Мохи и Иуми выдохнули разом:

— Кому нужно ваше мнение, философ? Вы — воришка у старого Бардианны и торговец принципами!

— Ты тот, кто так долго подмечал недостатки Марди, тот, кто льстит самому себе, у тебя нет ничего своего собственного, — добавил Плетёная Борода.

— Вы только кажетесь мудрым из-за контрастирующего безумия других, а не из-за какой-то собственной большой мудрости, — продолжал менестрель с непривычной резкостью.

— Здесь и сейчас, — сказал Баббаланья, — я вижу старого бородатого барана и ягнёнка. Один напирает своим гнилым и старым хрупким лбом, другой бодает своей глупой головой прежде, чем его рожки отрастут. Но это выводит меня из моего беспристрастия. Если бы я поддержал сторону Иуми против Мохи или того же Мохи против Иуми, то я был бы уверен, что заимею по крайней мере один голос в свою пользу. Беспристрастно относясь ко всем сторонам, процитирую старого Бардианну: если одна рука бьёт, то другую долж-

ны целовать. О, несравненный Бардианна!

— Не будет покоя тому, кто побеспокоил старого призрака, — искренне воскликнул Медиа. — Продолжи свою легенду, Иуми, и проследи, чтоб она была краткой: я надеюсь, что эти легенды не станут испытанием терпения слушателей. Но сделай глубокий вдох и начинай.

— Большая дуга, — пробормотал Мохи. И Иуми начал:

— Примерно один миллион лун…

— Великий Оро! Сколько времени с тех пор, скажи? — вскричал Мохи, создав готическую арку из своих бровей.

Посмотрев на него презрительно, но не удостоив ответа, Иуми начал снова:

— Примерно один миллион лун прошло с тех пор, как умер последний представитель изумительного народа, когда-то обитавшего на тех самых берегах, мимо которых мы проплываем. Они были совсем крошечными людьми, всего лишь несколько дюймов высотой…

— Постой, менестрель, — закричал Мохи, — сколько унций они весили?

Иуми продолжал, не удостоив реплику внимания:

— Они все были покрыты мягким шелкови-

стым пушком, вроде корки айвы, и их головы зеленели тончайшими виноградными лозами. Для удобства мужчины-карлики подрезали свои усики, оставляя только верхушки. И, гордясь пышностью своих локонов, маленькие девы усердно орошали их ранней утренней росой так, чтобы они развевались и завивались с зеленью, когда те проходили между деревьев, цепляющихся за них при проходе.

— Я не могу больше слушать!.. — воскликнул Мохи, зажимая свои уши.

Иуми продолжал:

— Девицы завлекали в свои локоны неких краснопёрых птичек, размером с насекомых, и приучали их гнездиться там и петь, отчего, с приятным шелестом листьев, при малейшем движении дев происходило странное смешение сладких, поющих звуков. Маленькие девы обнимали не руками, а своими виноградными локонами, чьи усики инстинктивно скручивались при сближении влюблённых, пока оба находились рядом.

— И что дальше? — спросил Мохи, который, несмотря на пальцы в своих ушах, так или иначе умудрялся слушать. — Что дальше?

Не удостаивая его ответа, Иуми продолжал:

— В определённом возрасте, но в то время, когда все девы были очень молоды, их виноградные лозы расцветали. Ах! Фатальные признаки. И вскоре после того, как они распускались, девы умирали в своих деревьях, и их хоронили в долинах, и их виноградные лозы разрастались дальше, и цветы цвели, но самих дев больше не было. И теперь, презрев землю, виноградные лозы росли вверх, восходя к самым верхним ветвям деревьев и всегда ярко расцветая в свете дня.

Иуми здесь сделал пространную паузу, но затем продолжил:

— Небольшие глаза людей Тупиа казались очень необычными при взгляде на них: полные звёзд, они сияли изнутри, как Плеяды, охваченные синевой. И, как звёзды, они были нетерпимы к солнечному свету и дремали в течение дня, и только ночью люди Тупиа выходили из дому. Но в основном это происходило, когда луна была полной, поскольку она придавала им духу.

Тогда маленькие карлики ныряли в море и бродили в коралловых рощах, занимаясь любовью с русалками. Или, мчась по кругу, устраивали безумную весёлую ночь с морскими ежами — щипля почтенных кефалей за бороды, исполняя

серенады черепахам в их панцирях, волнуя жгучих медуз или досаждая своими выходками чувствительным скатам. Иногда они досаждали морской звезде, у которой есть глаза на конце каждого луча, и часто с коралловыми пилами в руках подкрадывались к дремлющей меч-рыбе, хитро притупляя её оружие. Короче говоря, эти крепкие маленькие карлики были страстно влюблены в море, и клянусь волной и валом, что рано или поздно они влезли бы в раковины наутилуса и потратили бы оставшуюся часть своих дней на странствия в тысячах дюймов от Тупиа. Абсолютно верно то, что они были бесстыдными маленькими повесами. Часто они воз- вращались к своим возлюбленным, неся мускусные пояса из морской водоросли, качая зелёными маленькими мешочка- ми из трав, наполненными мелкими жемчужинами, и, звеня этой монетой возле ушей девиц, делали намёки о красивых и щедрых русалках: настолько богаты и любвеобильны они были, отчего ими восхищались в компании таких же храбрых джентльменов Тупиа. Ах! Как плакали от таких бессердечных бравад бедные маленькие нимфы! Они уходили глубоко в лес, и их крохотные сердца разрывались, как розовые бутоны, и заполняли весь

воздух благоухающим горем. Но когда их возлюбленные были нежны и верны, невозможно было найти среди лилий более счастливых дев, чем они. Неким мистическим образом они вызывали мелкие шары из света: чувствительные, подвижные капли, которые очень трудно было удержать. И, подавая и бросая их, играли ими в рощах. Или, низко склонившись, они вместе трудились всю ночь напролёт при лунном свете и запутывали заплетённые концы ветвей так, чтобы после у бедной планеты было много забот по роспуску этих узлов.

Здесь Иуми ещё раз онемел.

— Остановился ты, чтобы додумать, или же будешь продолжать? — сказал старый Мохи, поднимая свой подбородок, пока его борода не заняла горизонтальное положение.

Иуми подвёл итог:

— Больше или меньше, мои господа, не является существенным в легенде; стоит только упомянуть, что эти маленькие люди обладали хорошим вкусом относительно своих личных украшений: карлики носили пояса из ароматных листьев и ожерелья из ароматных семян, а маленькие девицы, помимо своих виноградных лоз и своей зелени, носили жемчуг в своих

ушах, браслеты из крошечных зубов морской свинки и часто танцевали со своими приятелями на залитых лунным светом полянах с кокетливо раздутыми прозрачными крыльями лету- чей рыбы.

— Теперь я обращаюсь к вам, король Медиа, к вам, благородный Тайи, к тебе, Баббаланья, — сказал летописец с внушительным жестом, — кажется ли эта история, придуманная Иуми, вероятной?

— Ну, пожалуй, она занятна, старый Мохи, — сказал Баббаланья.

— Он не сказал правду, — упорствовал летописец.

— Мохи, — сказал Баббаланья, — правда находится в вещах, а не в словах: правда безмолвна. Так, по крайней мере, говорил старый Бардианна. И я, Баббаланья, утверждаю, что то, что вульгарно называют вымыслами, так же реально, как грубая мотыга Дидиди, предназначенная для рытья канав: вещи видимые всего лишь тешат зрение, образные вещи тешат воображение. Если обмануты одним, мы одинаково обмануты другим.

— Ясно, как эта вода, — сказал Иуми.

— Непрозрачно, как это весло, — сказал Мохи. — Но вот сейчас ты, оракул, скажи нам: если

все вещи обманчивы, то что же такое правда? Старый вопрос: разве не задавали его испокон веков? Но не задавайте его больше. Как полагал старый Бардианна, этот вопрос более законченный, чем какой-либо ответ на него.

Глава XCIV
О самом весёлом старом государе Бораболле и его самом весёлом острове Мондолдо, о рыбных садках и будущем его рыб

Когда мы приблизились к Мондолдо, нашему следующему месту назначения, нас приветствовали шесть прекрасных каноэ с весело развевающимися лентами и оживлённой жестикуляцией их экипажей. Король Бораболла и его двор были рады приветствовать наше прибытие; Медиа, неизвестный им всем, запомнился ему на пиру тех самых двадцати пяти королей нашим намерением посетить его владения.

Вскоре эти каноэ плыли бок о бок с нашими, каждую барку с Одо учтиво окружали по бокам корабли с Мондолдо.

Недолго мы искали глазами Бораболлу: полный благообразный старый монарх сидел, скрестив ноги, на возвышении, имевшемся на самом большом каноэ из шести, идущих со стороны Моря Слонов.

Разве он не был приятен глазу своим округлым

видом? Круглей всего, круглей глаз и голов и, как весёлая круглая Земля, круглее всех и больше всех на Экваторе. Пояс красного цвета служил ему небесным экватором, подчёркивая его округлость.

Этот старый Бораболла не разрешал ничему располагаться между его головой и солнцем, даже седым волосам. Он был лыс, как тыква, и лучи светила, падающие вниз, сходились на макушке его медного черепа.

Он был самим весельем, полным намёков на пир в Вилламилле, где он исполнял королевские обязанности. Уникальный старый Бораболла! Вы воистину созданы для того, чтобы обедать; ваш полный рот создан для одобрения и представляет собой врата хорошего настроения.

Суетясь на своём возвышении, он раздавал указания экипажам наших каноэ, которые должны были ненадолго оказаться в его власти, сказав, что только в этой манере он позволяет гостям касаться берега Мондолдо.

Так, не без небольшой проблемы, — из-за волн, что несколько поднялись, — мы продолжили подчиняться, воспоминая потом несколько раздражающий и иногда утомительный акт гостеприимства.

Мы находились теперь немногим меньше чем в миле от берега. Но что с того? У нас ушло много времени, благодаря Бораболле, на поспешный обед и появление последующего аппетита, прежде чем мы произвели высадку. Наконец, были приготовлены блюда, к которым гости были приглашены ради оказания им должного внимания, или же пришлось бы взять ответственность в перспективе за последствия голодания до конца длинного путешествия.

Скоро мы оказались на мелководье (приближение к земле походило на появляющуюся правду в метафизике), и, прежде чем мы коснулись пляжа, Бораболла объявил, что мы уже высадились. Данное парадоксальное суждение утверждало, что гостеприимство Мондолдо было таковым, что во всех направлениях вдаль по лагуне должно было охватывать всех и никакое каноэ не могло проплыть мимо острова без того, чтобы его пассажиры не погостили подольше.

В самой открытой близости к воде находилось прекрасное большое строение, огороженное частоколом. И то и другое было весьма ветхим, как будто стоимость развлечения его гостей превосходила издержки на восстановление места. Но это был один из принципов Бораболлы, гласивший,

что, вообще, разрушение старых строений происходит по большей части из-за увеселений; сам их упадок означает то, что они видели хорошее обслуживание и гостеприимство; тогда как эффектные элегантные двери имеют чисто внешнее значение — скупцы часто бывают опрятны.

Теперь, после сказанного, кто окажется столь глупым, чтобы не понять, почему Особняк Бораболлы был огорожен частоколом, предназначенным как защита от гостей? Ни в коем случае. В палисаде имелась огромная брешь, но совсем не вход, достаточно широкая для прохода шести Даниэлей Лэмбертсов в ряд.

— Посмотрите, — прокричал Бораболла, когда, высадившись, мы подошли к этому месту. — Посмотри, Медиа! Посмотрите все. Эти ворота, что вы здесь видите, связаны сзади с ивами, как были связаны во время всей моей жизни; и где они поставлены, там они и сгниют; да, они должны погибнуть широко открытыми.

— Но зачем они вообще тут нужны? — спросил Медиа.

— Ах! Уж этот старый Бораболла, — вскрикнул другой.

— Нет, — сказал Баббаланья, — забор, ворота которого постоянно остаются открытыми,

кажется ненужным, как я полагаю, однако это подаёт известный намёк, недостаточно точно переданный: разве не открытые ворота являются признаком открытого сердца?

— Правильно, правильно, — закричал Бораболла, — поэтому войдите оба, кузен Медиа. — И, одной рукой ударив себя в грудь, другой замахал нам.

Но если частокол казался всем открытыми воротами, то строением оказывались только крыша да тонкие столбы тут и там, поддерживающие её.

— Это — моя модель здания, — сказал Бораболла. — В моих дворцах нет внутренностей. Стены излишни. Ведь для благородного гостя вход в узкий дверной проём походит на прохождение под хомутом; каждый раз, когда он входит или выходит, это напоминает ему, что он отдыхает за счёт другого. Поэтому влетайте, как ураган, отовсюду вокруг.

В пределах особняка находилось одно широкое поле для сна, где мы прилегли, оглядев бесконечные ряды коричневых калабасов и мисок, подвешенных вдоль стропил, обещавших неплохое веселье, как полки старой ветчины в баронской столовой.

Они были наполнены и мясом, и напитками; миски с готовностью опускались посредством шнуров, а тыквы, вмещавшие арак, наклоняли свои горлышки вниз и раскачивались в пределах близкой досягаемости.

Наблюдая все эти признаки твёрдого королевского правления, как осторожный молодой жених на своём собственном бракосочетании, Тайи встал на его защиту. И когда Бораболла убеждал его освободить тыкву или две и устроиться в доме для непредвиденной трапезы, собирающийся быть обслуженным Тайи вежливо опускал руки, не желая занимать пол, прежде чем скатерть будет уложена.

Ярл, однако, уступая назойливости и невнимательный к единству времени и места, повёл себя свободно, пройдя от тыквы к тыкве, ударяя по каждой. Отчего Самоа выразил большое удивление, что он настолько невнимателен, чтобы не знать, что в Марди гостей не заставляют унижаться ради того, что и так ожидаемо и что и так произойдёт. Самый истинный пьяница и тот знает своё время.

По окончании второго ланча Бораболла опустил обе руки на землю и после трёх энергичных усилий со вздохами толстого человека преуспел

в закреплении своих булавок, каковых было слишком мало для его тела; настолько мало, что они сильно сгибались под напором того старого груза, который они удерживали.

Конкретная цель этой его борьбы за вертикальное положение состояла в приведении себя в движение для провода нас к его рыбным садкам, известным повсюду на Архипелаге как хобби короля Мондолдо. Кроме того, поскольку предстоящая большая дневная трапеза обещала стать великой рыбацкой, наш хозяин обеспокоился тем, что мы должны мельком увидеть нашу рыбу, пока ещё живую и здоровую.

Мы были встревожены приготовлением некоторых слуг сопровождать нас с мисками с едой. Оно воспринималось так, что наш поход к рыбным садкам должен был оказаться долгим путешествием. Но они находились не далее трёхсот ярдов, хотя Бораболла, являвшийся ветераном-путешественником, никогда не отлучался от своего местожительства без батальона дворецких.

Водоёмов было числом в четыре, близко граничащих водами, занимающих приблизительно по акру каждый и располагающихся в низком болоте, истощавшем несколько долин. Выкопанная почва была уложена в дамбы, для твёрдости

утрамбована на всём протяжении, покрыта в местах наибольшей уязвимости тяжёлыми, плоскими концами пальмовых стеблей. Располагаясь рядом, соединённые тремя траншеями, эти водоёмы были сделаны сообщающимися в полной мере, в то время как два дополнительных канала предоставляли возможность впуска в них солёной воды из лагуны с одной стороны или внутренних вод с другой. И через третий канал с четырьмя отделениями, вместе или отдельно, они могли быть частично опорожнены. Таким образом, воды могли быть смешаны, чтобы удовлетворять любым жабрам; и молодая рыба, взятая из моря, проходила установленный процесс освежения так, чтобы к нужному времени она приобретала наивысшее качество, и соль из которой была удалена, как из мозгов некоторых дипломированных студентов колледжа.

Пресноводные рыбы выращивались в Мондолдо только при вышеупомянутом искусственном процессе, поскольку потоки и ручьи не имелись в большом количестве ни у форели, ни у других рыб, упоминаемых в Уолтингтонской библии. Пойманные в море рыбы у Бораболлы проходили свою регулярную подготовку для подачи к столу со стороны ежедневно ухаживавших

за ними смотрителей и с течением времени стали довольно ручными и общительными. Для демонстрации этого позвали Главного смотрителя, которого король назначил обеспечивать поставку провианта.

Сразу же корм из мисок был высыпан в водоёмы, после чего рыба бросилась в мелководье по краям водоёма, некоторые даже выпрыгивали из воды в своём рвении. Присев на берегу, Смотритель назвал по имени нескольких, похлопал их по чешуе, продолжая некий языческий детский разговор, как Святой Антоний на древнем коптском языке, прививающий добродетельные принципы своему имеющему плавники скоплению живности на морском берегу.

Но вынужден разочаровать облачённых во власяницы отступающих от веры учеников старого учителя. Поскольку среди всех живых природных королевств рыбы, в большинстве своём, — нехристианские, неприветливые, бессердечные и хладнокровные существа. По крайней мере, поэтому они и кажутся чужаками, хотя в своей среде, так или иначе, они, должно быть, пребывают в порядке. И действительно, не должно задаваться вопросом, почему высокопреподобный Антоний боролся за преобразование рыб.

Поскольку любой, кто занимается обращением в христианство, вплоть до гуманизации акул, делает большую пользу, уберегая человеческие жизни на все грядущие времена, и делает новообращёнными охотящихся за головами диаков с Борнео или пьющих кровь баттов с Суматры. И эти диаки и батты на одну йоту лучше, чем тигровые акулы? Нет, они действительно так хороши? Если бы батта был вашим близким другом, то вы бы часто путали его с орангутаном, но есть ли у орангутанов бессмертные души? Правда, батты верят в бессмертие, но в каком аспекте? Полном Синих Бород и кровавых костей. Так же, как и акулы, которые считают, что Рай — это обширный Тихий океан, вспаханный флотами смертных, которых бесконечная буря навсегда затаскивает в свои утробы.

Но это не всеобъемлющее предположение. Поскольку, делая его, не благоразумно ли вообразить, что есть какое-либо существо, рыба, плоть или домашняя птица, которое так мало любит жизнь, что не лелеет надежды на своё будущее? Почему человек верит в него? Одна причина, которую считают убедительной, что он желает этого. Кто-то должен сказать тогда, что левиафан, загарпуненный в этот день у побережья Японии,

идёт прямо к своему предку, который перемалывал всех Ион, как сладкий кусочек, под своим языком?

Впрочем, в это некоторые моряки верят мало или в лучшем случае находятся в состоянии философской неопределённости. Скажите им: «Эта катастрофа с Ионой имела место в Средиземноморье, и одиночные киты, часто посещающие Средиземноморье, по всему своему виду довольно велики, чтобы проглотить человека целиком; для тех же средиземноморских китов он мелочь, как для лошади овёс». Но тогда, следовательно, моряки делают опрометчивый вывод. Но ведь пролив Гибралтар достаточно широк, чтобы пропустить кашалота, даже при том, что уже не один из них проплыл через него с тех пор, как Ниневия и сады в её окрестностях опустели?

Что касается этой возможности для китов: разве существо восьмидесяти футов длиной без учёта хвостовых плавников и тридцати футов вокруг талии до своего обеда может быть уничтожено по невнимательности?

Глава XCV,
где веселый старый государь Бараболла смеется обеими сторонами своего лица

Это очень хороший дворец, пожалуй, как для вас, так и для меня, — обратился к Медиа, ковыляя, старый Бараболла, как только вернулся с нами с экскурсии и медленно опустился на свою циновку, вздыхая, как серый дельфин.

Так он снова сообщил о необъятности своего гостеприимства, которое лишний раз предстало в его стремлении разделить своё королевство с его гостями.

Но, кроме этих необычайных выражений добрых чувств, Бараболла был государем из числа добрых малых. Его большое бочкообразное человеческое тело было предназначено для содержания его бычьего сердца, которое любого заставило бы склонить голову. Но увы! В отличие от Медиа и Тайи, Бараболла, будучи коронованным королём, не считался никаким полубогом, поскольку его тучность не оставляла ему этой чести. Действительно, в некоторых частях Марди

некоторые язычники полагают, что ни один толстый человек никак не способен быть бессмертным. Догма! Воистину, она должна быть брошена собакам, поскольку толстые мужчины — соль и вкус земли: они полны радости, приподнятого настроения, забав и всех признаков веселья. Их дыхание очищает атмосферу: их выдохи наполняют мир. Как люди они — размеренные, полные до краёв, занятые, грузные, растущие и подвижные. Они как суда с Тенерифе: с глубокой осадкой, загруженные старым вином и двадцати шагов в обхвате по низу. Мягкие и восприимчивые, повсюду вокруг они отзывчивы на просьбы. Почему-то, при всей их округлённости, они также часто плывут в окружении негодяев с длинными лицами. Ах! Толстый дядя, с толстым животом и толстым кошельком, является радостью и восхищением для всех племянников; для философов он предмет бесконечных предположений относительно того, как велики стада, и целое озеро Эри вина, возможно, прокрутило бы большую мельницу во время полного срока его смертной карьеры. Толстые мужчины не бессмертны! В этом важном месте старый Ламберт потирает весёлый живот в Раю.

Теперь к факту того, что он не считался по-

лубогом, можно приписать то обстоятельство, которому Бораболла соответствовал в меньшей степени, нежели другие короли Марди.

И, по правде сказать, видя его самого пирующим с одним из его фаворитов, каракатицей с длинными змеевидными руками, словно щупальцами инстинктивно закручивающимися вокруг его головы, когда он ел, немногие умные наблюдатели поняли бы, что человек перед ними был сувереном государства Мондолдо.

Но как там наш пир с рыбными кушаньями? Стоит ли говорить, как старый король сам распустил свой пояс для него; как он воссиял к завершению пира, и как печальное исключение он всё ещё оставался солнечным диском для всех вокруг; диском своего лица, радостного, как южная сторона Мадейры в весёлый сезон винограда? Стоит ли говорить, как все мы стали довольными и откровенными и как шум обеда слышался далеко в ночи?

Стоит.

Пока Медиа медленно ел, Бораболла озадачил его, предложив ему поедать его кушанья более быстро.

На что Медиа ответил:

— Но, Бораболла, мой круглый товарищ, ведь

это сократит удовольствие от еды!

— Нисколько, мой дорогой полубог, проявите любовь ко мне: ешьте быстро и ешьте долго.

В середине банкета был внесён огромный мех с вином, выделанный из шкуры козы, с воинственно торчащими на его голове рожками, открытым ртом и длинной бородой, простиравшейся к его чёрным, как уголь, копытам. Со многими церемониальными «саламами» слуги перенесли его вперёд, поместив на одном из краёв праздничных циновок, лежащих перед Бораболлой, где он уселся, заняв своими бёдрами всю эту часть.

Наполнив до краёв бараний рог, самый ёмкий из имеющихся, Бораболла поклонился своим молчаливым гостям, как бы говоря: «Этим вином, которое всё ещё пахнет виноградом, я обещаю вам, как почтенный старый пьяница, рождённый под созвездием того же Козерога, что у вас вина достаточно и ещё остался полный мех!»

— До чего же он весел, — прошептал Медиа Баббаланье.

— Да, его громкий смех лёгок, но смеётся ли он от радости?

Помогите! Помогите! — вдруг закричал Бораболла. — Уложите меня! Уложите меня! Добрые

боги, какой приступ боли!

Кубок выпал из его руки, фиолетовый цвет вина перекинулся на его лицо, и Бораболла опустился на руки своих слуг.

— Это подагра! Это подагра! — застонал он. — Боже! Господи! Не буду я больше пить проклятого вина!

Тогда же в отдалении десяти шагов неуклюжий дежурный уронил миску.

— Убери её от моей ноги, негодяй!

И издали бросил другому галантно вошедшему слуге с калабасом:

— Высматриваешь палец на моей ноге, собака!

Всё это время слуги нежно нянчили его. И это принесло пользу, когда, со своей тысячей клыков, злая подагра отступила на некоторое время.

Отложив исполнение приговора, старый король просиял, постепенно становясь весёлым, как всегда.

— Продолжайте! Давайте снова будем веселиться! — закричал он. — Что мы съедим? И что мы будем пить? Эта адская подагра ушла; подходите, неужели ваши верования запрещают?

И мы продолжили.

Но, рассказывая про наш банкет, кое-что остаётся добавить, а именно то, что из него выросла

поразительная симпатия между Бораболлой и Ярлом. Интересно отметить, что сразу наш толстый хозяин принял моего Викинга весьма дружелюбно. Как о ещё более удивительном стоит добавить, что это чувство было взаимным. Но они выглядели очень по-разному, они были очень непохожими: Бораболла и Ярл. Несмотря ни на что. И как выпуклости входят во впадину, так и люди соответствуют своим противоположностям, как соответствовал арочному животу Бораболлы вогнутый живот Ярла, готовый его вместить.

И что теперь? Бораболла был весел и громок — Ярл скромен и тих; Бораболла король — Ярл всего лишь Викинг; что же свело их вместе? Проще всего повторить — потому что они были разнородными и, следовательно, близкими. Но как близость между такими химическими противоположностями, как хлор и водород, усиливается от тепла, так и близость между Бораболлой и Ярлом была усилена теплотой того вина, что они выпили на этом банкете. Поскольку из всех счастливых жидкостей сок из винограда самый великий пособник к единению. Правда, он напрягает пояс, но одновременно развязывает язык и открывает сердце.

В общем, Бораболла полюбил Ярла, и Ярл, довольный этим общительным монархом, при всей его болтливости, зауважал его самого, как старого разумного джентльмена и короля, встреченного сейчас в Марди. Поэтому, возможно, его болтливость подчёркивала и одобряла для слушателей ту немногословность, которой восхищались в моём Викинге.

Неоднократно во время банкета наш хозяин умолял Тайи позволить его спутнику остаться на острове после того, как остальная часть нашей партии должна будет отбыть; и он искренне обещал отдать Ярла сразу же, как только мы должны будем воротиться и потребовать его назад.

Но, хотя я не питал никакого недоверия к дружественным намерениям Бораболлы, я не мог вот так с готовностью согласиться на его просьбу, поскольку не Ярл ли был для меня единственным компаньоном, с кем я голодал и пировал? Не он ли был моей единственной связью со всем остальным? Со всем остальным!

Ах, Йилла! При всей последующей радости, при том, что поиски были всеохватны, мы нашли тебя не в Мондолдо.

Глава XCVI
Хирург Самоа

Второй день нашего пребывания в Мондолдо был отмечен демонстрацией хирургических навыков Самоа, который часто хвастался, что хорошо сведущ в науке о ломке мужских голов, а также являлся знатоком в деле исправления повреждённых черепов.

Накануне вечером Бораболла направил отряд своих морских водолазов, чтобы те ранним утром следующего дня расположились у отмеченного участка большого Мардианского рифа с целью снабжения нашего стола некоторым количеством черепах-ястребов, тайные убежища которых размещались среди пустот и галерей затопленной стены коралла, с пенистого края которой грузило, опускаясь, редко достигало своей низшей точки.

Чтобы заполучить этих черепах, нужно было нырять глубоко вниз от поверхности, затем плыть вперёд горизонтально и всматриваться в коралловые соты, тотчас же при их появлении хватая их за плавники, как ловят голубей, проходящих через лопасти зубчатого валика

в голубятне.

Как только королевские водолазы опустились в море, один из них, по имени Кархоуну, заметил так называемую акулу-дьявола, мечтательно плывшую от своего летнего грота, устроенного в рифе. Не разбирая пути, ошеломлённый её видом и действуя заведённым порядком, принятым этими водолазами в такой чрезвычайной ситуации, Кархоуну, вспенивая воду, немедленно подплыл к незнакомцу. Но акула, не испугавшись, приблизилась к нему, что было для неё несколько необычно, и испугавшийся в свою очередь водолаз стал подниматься на поверхность. Необдуманно он не запомнил место прохода, которым воспользовался, и тогда же в пределах нескольких дюймов открытой площадки разбил свою голову о существующий риф. Он мог бы погрузиться в живую могилу ещё глубже, но трое из его компаньонов, стоящих на краю, осознали эту опасность и вытащили его в безопасное место.

Обнаружив, что бедняга был без сознания, они безуспешно пытались привести его в чувство и, наконец, разместив его в своём каноэ, со всей поспешностью направились к берегу. Там скоро собралась толпа, и водолаза перенесли к жилью,

близкому к резиденции Бораболлы, куда, прослышав о бедствии, подошли и мы, чтобы оказать помощь.

Войдя в хижину, добрый старый король приказал всем удалиться и затем принялся исследовать страдальца.

Череп, как оказалось, был очень сильно повреждён, расколовшись в одном месте.

— Позвольте мне выправить его, — страстно попросил Самоа.

И, услышав рассказ о его опыте в таких вопросах, Бораболла отдал пациента.

Водой из тыквы и куском ткани из таппы однорукий Уполуан тщательно промыл рану и затем, привязав к острому осколку бамбук и тонкую полупрозрачную чашку кокосовой кожуры, приступил к операции — и это было не что иное, как «томоти» (исправление головы), другими словами, трепанация.

У пациента, всё ещё остававшегося без чувств, фрагменты черепа были раздвинуты с помощью бамбукового скальпеля, затем эти части приблизились к молочной сфере кокосового ореха и удачно заполнили соответствующую нишу, где кожа также была подогнана, и операция была завершена.

И в то время, когда все собравшиеся восхищённо кричали об искусном умении Самоа, а сам Самоа испытывал удовлетворение от своего мастерства, Баббаланья предложил, что было бы хорошо узнать, выжил ли пациент. И тогда, после прослушивания его сердца, водолаз, как было установлено, оказался мёртв.

Свидетели громко сокрушались, но назвали хирурга удивительным учёным.

Возвращаясь к Бораболле, последовала большая беседа относительно печальной сцены, которую мы засвидетельствовали, которая затем перешла в обсуждение изучения вопросов хирургии в целом.

В дальнейшем Самоа услаждал компании этой историей, за правдивость которой никто, кроме него, не мог поручиться, поскольку никто, кроме него, не был в то время и в том месте; хотя есть свидетельства, говорящие, что ничто тут не входит в противоречие с обычаями некоторых варварских племён.

Продолжение следует.

Глава XCVII
Вера и знание

К невероятным вещам можно по-разному относиться, но вещь может быть невероятной и всё же быть верной, и иногда она невероятна именно потому, что она верна. И существует множество неверующих, но поверивших в наименее невероятные вещи, и множество фанатиков, не признающих самое очевидное. Но давайте держаться крепко за всё, что у нас есть, и остановите все утечки нашей веры, ибо отверстие шириной в ладонь способно потопить наш семидесятичетырёхпушечный корабль. Вся Атлантика может ворваться в один иллюминатор, и если мы уступим дощечку, то мы уступим флот. Вооружённые всей бронёй Святого Павла, испанским шлемом, кольчугой и поножами, мы способны сражаться подобно туркам, медленно двигаясь дюйм за дюймом, и результатом битвы будет наш труп.

Но давайте не оглядываться на друзей и не путать их с противниками.

Ведь инакомыслящие всего лишь соглашаются на большее, нежели мы. Хотя Мильтон был

еретиком по отношению к символам веры Святителя Афанасия, его вера превысила веру самого Святителя Афанасия и веру Афанасия в то, что Фома, ученик, своими собственными глазами узрел следы от гвоздей. Откуда идёт эта мысль, что мы все теперь христиане, если лучший из нас вёл бы себя, возможно, иначе во времена Фомы.

Чем выше интеллект, тем больше веры и меньше доверчивости: Гавриил отклоняет больше, чем мы все, неверующие. Самые большие чудеса — первые истины, и первые истины — бальзам, который мы извлекли. Самые близкие вещи наиболее удалены. Хотя ваши уши расположены максимально близко к вашему мозгу, они навсегда удалены из поля вашего зрения. Человек имеет более полное представление о луне, не находясь на ней. Мы уже знаем, что луна круглая, а он только делает этот вывод. Это потому, что мы сами находимся в самих себе, которых мы не знаем сами. И это только из-за нашей слабой веры мы считаем, что нет нигде неверующих, и только из-за нашей нехватки веры мы верим в то, что мы делаем.

Согласно некоторым старым вселенским истинам всё человечество — неверующее. Вы верите, что вы жили три тысячи лет назад? То, что вы

присутствовали при взятии Тира, были разбиты в Гоморре? Нет. Но что касается меня, то я был при спаде Великого потопа и помогал месить землю и строить первый дом. С израильтянами я падал в обморок в пустыне, находился на суде, на котором Соломон превзошёл всех судей, сидящих перед ним. Это был я, кто спрятал потерянную работу Мането по египетской теологии как содержащую тайны, которые не должны быть показаны потомству, как аргументы, противоречащие священным каноническим писаниям; я затеял заговор против пурпурного убийцы Домициана; я явился в Сенат, чтобы великий и славный Аврелий стал императором. Я спровоцировал сложение полномочий Диоклетиана и Чарльза Пятого, я тронул сердце Изабеллы, и она выслушала Колумба. Я — тот, кто от фаворитов короля укрывал Чартера в старом дубе в Хартфорде, я прятал Джоуффа и Уэйли: я был главной маской индейцев-мохавов, кто в Старой гавани Содружества сбросил за борт груз чая Ост-Индской компании, я — преклонённый персидский волхв, я — человек в железной маске, я — Марк Юний Брут.

Глава XCVIII
Рассказ о путешественнике

Как-то Самоа рассказал невероятную историю, случившуюся с ним в путешествии. Однако домоседы говорят, что путешественники лгут. Всё же путешествие в Эфиопию излечило бы их от этого, поскольку немногие скептики — путешественники и не так много лгунов среди путешественников, хотя имеется пословица, уважающая эту ложь. Это ложь, когда кое-кто заявляет, что Брюс был немецким кузеном барону Мюнхгаузену, но верен рассказ Брюса, что абиссинцы отрезали живые куски от своего рогатого скота. Это было по большей части злодейским извращением тех, кто представил путешествия Мандевиля как чудовищные. И хотя все лгуны попадают в Геенну, то, предположив, что Мандевиль умер задолго до Данте и что Данте провёл перепись чертей, мы не найдём сэра Джона и подходящий ему жареный язык в этом ужасном исчадии ада.

Но позвольте не отстраняться от правды. Встань, Самоа, и через своего переводчика рассказывай.

Как-то давно, во время его бесконечных морских скитаний, Уполуана призвали залечить голову друга, ужасно пострадавшего в отчаянной борьбе со снастями.

После экспертизы той части мозга, что оказалась так же повреждённой, как и сам череп, была взята молодая свинья, и предварительно выбранная часть её живого мозга была помещена во впадину, созданную трепанацией при помощи кокосовой скорлупы. Впадину затем закрыли скальпом.

Этот человек не умер, а выжил. Но вместо того, чтобы стать воином великого разума и духа, он стал скверным товарищем с извращённым нравом, демонстрируя многие особенности своей свинской прививки. Он прожил после операции больше года и в конце этого периода всё же ходил безумным и умер в бреду.

Горячо изложенный рассказчиком, этот анекдот был взят на веру некоторыми присутствующими. Но Баббаланья проявил к нему внимание.

— Всё же если эта история верна, — сказал он, — и так как она тщательно зафиксирована, то, значит, наши мозги, так или иначе, органы разума; тогда, как я полагаю, почему бы человеческому рассудку не быть помещённым в свинью,

перенеся в её череп человеческую суть. Я долго думал, что люди, свиньи и растения слишком просты для физиологических экспериментов и что наука наконец позволит философам произвести новые разновидности существ, как-то смешивая и придумывая основные компоненты плоти и растений, тем самым создавая новые комбинации. У моего друга Атахалпы, астролога и алхимика, долгое время имелась фляга, в которой он пытался вывести фею, компоненты которой были составлены по его же собственному рецепту.

Но мало кто внял Баббаланье. Рассказу путешественника уделили больше внимания.

Мускулы Самоа были тверды, а слова чеканны.

Глава XCIX
«Marnee Ora, Ora Marnee»[4]

В течение всего дня смерти водолаза делались приготовления для совершения последних должных ритуалов над его останками и переноса их при свете факелов к его могиле — морю, что как в Одо, так и здесь было обычаем.

Тем временем по всему острову взад и вперёд печальным строем ходили герольды, били в барабаны из акульей кожи и время от времени кричали: «Человек умер — нельзя разжигать огонь; храни нас, о Оро! Ни одному каноэ нельзя выходить в море до похорон. Этой ночью — во имя Оро! — нельзя готовить еду».

И когда эти слова по цепочке передавались и повторялись, другие в смелом одеянии, с кастаньетами из раковин жемчуга, играли весёлую музыку и пели:

Веселитесь, о мужчины Мондолдо,
Деву этой ночью замуж выдают:

---

4 Примечания: 4

«Тишина крика, крик тишины» (лат.) или же «Крик молчащих, молчание кричащих». (Прим. пер.)

Веселитесь, о девицы Марди, —
Шлите цветы к свадебному ложу!

Узнав, что предварительные ритуалы были произведены, мы вернулись к дереву, куда было отнесено тело.

Одетое в белое, оно было уложено на циновке, его руки безмолвно скрестились, между его губами был уложен цветок асфодели; в ногах — увядшие ветви боярышника.

Родственники рыдали и резали кожу раковинами так, что кровь текла и окрашивала их одеяние.

После причитаний самый покинутый из присутствующих, жена водолаза, воскликнула:

— Да, боль большая, но моё несчастье больше.

Другой, глухой родитель покойного, ходил, шатаясь, вокруг и, ощупывая путь, твердил, что он стал теперь совсем слепым; за несколько месяцев до этого он потерял один глаз со смертью своего старшего сына, а теперь и другой покинул его.

— Я бездетен, — кричал он, — впредь зовите меня Рои Мори, что значит дважды слепой.

В то время как родственники горько сокрушались, остальные из этой компании иногда царапали себя своими раковинами, но очень

слабо и главным образом подошвы своих ног, от долгого хождения босиком ставшие довольно грубыми. Это занятие, однако, прервалось, когда истинно скорбящие повернули к ним глаза, хотя это не изменило выражений их лиц.

Но плач возобновился со всех сторон при появлении человека, который был призван помочь в устройстве похорон, а также утешить скорбящих.

В своей округлости это был другой Бораболла. Он пыхтел и задыхался.

Когда он приблизился к трупу, рыдания сменились тишиной; держа руку мертвеца в своей, гость сказал так:

— Не горюйте, о друзья Кархоуну, что вашего брата нет в живых. Его рана на голове больше не болит, он не почувствует её, даже если копьё войдёт в неё. Да, Кархоуну освобождён от всех бед и зол этого несчастного Марди!

После чего дважды слепой, кто, будучи глухим, услышав не то, что было сказано, принялся рвать свои седые волосы и кричать:

— Нет! Нет! Мой мальчик, ты был самым весёлым человеком в Марди, и теперь твои шутки закончились!

Но гость продолжал:

— Не горюйте, говорю вам, о друзья Кархоуну; мёртвый, о котором вы плачете, более счастлив, чем живые; не его ли дух на воздушных островах?

— Верно! Верно! — отвечала бредящая жена, смешивая свою кровь со своими слезами. — Мой собственный бедный несчастный Кархоуну трижды счастлив в Раю! — И она снова принималась вопить и раздирать щёки.

— Не рыдай, прошу тебя.

Но она бредила ещё больше.

И тогда добрый незнакомец отбыл, сказав, что он должен поприветствовать свадьбу, ожидавшую его присутствия в соседней роще.

Понимая, что удаление тела не произойдёт до полуночи, мы решили посмотреть обряд бракосочетания в Мондолдо.

При подходе к этому месту нас приветствовали весёлые голоса и громкое пение, которое тотчас же усилилось, когда заметили знатного гостя.

Наряженные в прекрасные праздничные одежды, с перьями на головах, невеста и жених стояли в середине радостной толпы, готовясь к таинству брака, который должен быть заключён.

Стоящие рядом дали пришедшему шнур, укра-

шенный цветами, чтобы замаскировать его крепкие волокна; и тот, взяв его перед ритуальным пением, обвязал руки невесты, затем её шею, в фестонах расположив цветочные концы шнура. Тогда, повернув гостя к жениху, ему дали другой шнур, также в цветах; но к нему был привязан большой камень, покрытый резьбой и ради маскировки раскрашенный настолько тщательно, что человек, не знавший, что это, и поднявший его, был бы очень поражён его весом. Этот шнур был привязан к талии жениха, из-за чего он склонился к невесте из-за большой тяжести.

Все присутствующие теперь объединились в скандировании, посвящённом счастливой паре, которая теперь выглядела весьма неуклюже: она со связанными руками, а он — согнувшись под весом камня.

Во время паузы добрый гость, приблизив их вплотную друг к другу, сказал так:

— Твоими цветочными узами, о невеста, я объявляю тебя женой; твоим обременительным камнем, о жених, я объявляю тебя мужем. Оба живите и будьте счастливы, ведь мудрый и добрый Оро поселил нас в Марди, чтобы радоваться. Не вся ли природа рада своим зелёным рощам и цветам? И не соединяются ли и не добивают-

ся ли птицы небесные тройного счастья в своих гнёздах? Живите теперь и будьте счастливы, о новобрачные, поскольку Оро будет опечален несчастьем, если он хотел быть весёлым.

И церемония закончилась радостным пиром.

Но не все бракосочетания в Марди походили на них. Другие прошли с иными обрядами, без камня и цветочных шнуров. Они были теми, кого помолвили воистину со слезами, без улыбки и сердечных ответов.

Вернувшись из дома веселья в дом скорби, мы задержались до полуночи, чтобы присутствовать при выносе тела.

При свете факелов лёгкие многочисленные каноэ с гребцами уже стояли на пляже, чтобы разместить тех, кто стремился проследовать к дому бедного водолаза.

В ожидании погрузки небольшой беспорядок последовал в процессе занятия остальной части шлюпок. Наконец, процессия заскользила прочь, включая нас самих. Попарно, формируя длинную линию из движущихся факелов вокруг острова, все каноэ направились к проходу в рифе.

Какое-то время сохранялась приличествующая тишина, но вскоре послышался тихий шёпот; возможно, меланхоличное рассуждение о конце

карьеры водолаза. Но мы были потрясены, обнаружив, что бедный Кархоуну не занимал их мыслей, они говорили о грядущем урожае плодов хлебного дерева и недавнем прибытии Короля Медиа и его свиты в Мондолдо. Издали, от начала процессии, однако, слышался плач истинно скорбящих родственников.

Проходя риф и проплывая на минимальном расстоянии от него, каноэ расположились вокруг того судна, что несло тело. После соответствующей церемонии тело было предано волнам; белая пена, освещающая последнее, долгое погружение водолаза, давала возможность увидеть нечто более странное, чем то, что он видел в задумчивых пустотах Черепашьего рифа. И теперь, во время тихой полночи, когда все присутствующие пристально смотрели вниз, в океан, наблюдая белый след трупа, неизменно и недолго освещённый искрами, раздался неизвестный голос, и все поднялись и рассеянно осмотрелись, поскольку эта дикая песня была такова:

Мы опускаем наших мёртвых в море,
Бездонное, бездонное море;
Каждый пузырь – пустой вздох,
Ведь они погружаются навсегда.

Мы опускаем наших мёртвых в море, —
Мёртвые больше не дышат;
Мы опускаем наших мёртвых в море, —
Море теперь их дом.

Тонет, тонет тело, всё ещё погружаясь
Глубоко вниз, в бездонное море,
Где свой, неведомый мир,
Вниз, вниз, в бездонное море.

Эта ночь глубока, и ночь повсюду,
И ночь пребудет с тобой;
Пока ты тонешь и тонешь
В самой глубине бездонного моря.

Таинственный голос умолк, никакого признака тела уже не было, и немая и поражённая компания долго прислушивалась к низкому стону волн и печальному шороху бриза.

Наконец, в молчании похороны завершились, и в океан скользнула резная дощечка из Пальметто, чтобы отметить место захоронения. Но гребень волны подхватил её, и вскоре она уплыла прочь.

Когда мы вернулись на остров, уже стояла

долгая тишина. Но затем сцена, в которой они только что приняли участие, снова как будто напомнила им о печальном случае, который собрал их, и компания снова вернулась к ней: словно присутствовало нечто скорбное, случайно намекавшее на внезапно отложенный черепаховый пир Бораболлы.

Глава C
Охота на охотника

Следующим утром, когда, к большому огорчению Бораболлы, мы готовились оставить его остров, во дворец пришла весть о происшествии на одном из небольших островков Мотуу, входящих в большой риф. Мотуу входил в состав королевских доминионов.

Люди, которые принесли эти новости, были чрезвычайно взволнованы, и как только они сообщили то, что узнали, так весь Мондолдо зашумел от удивления.

Их история была такова.

Собираясь утром в Мотуу ловить рыбу, они заметили странное проа, вытащенное с моря на берег, откуда слышались голоса, и увидели среди пальм троих, похожих на привидений мужчин, не являвшихся жителями Марди.

После первоначального изумления рыбаков в ответ на их нетерпеливые вопросы незнакомцы рассказали, что они — оставшиеся в живых из компании уроженцев некоего неизвестного острова на северо-востоке, откуда они отпра-

вились в другую страну, отстоявшую от них в трёх днях пути в южном направлении. Но из-за ужасного происшествия, в котором был убит их родитель, они изменили свой курс, чтобы преследовать беглеца, который убил его, и все до единого поклялись, что никогда не увидят своего дома, пока не отомстят за судьбу своего отца.

Проа убийцы оторвалось от них и скоро исчезло с глаз долой, после чего они вслепую плыли днём и ночью, ориентируясь на кроваво-красную звезду в созвездии Волопаса. Вскоре сильная буря настигла их, кидая их туда и сюда, отчего после они уже и не знали, где находятся. Но борьба со странным течением, временами противодействовавшим их парусному судну, заставляла их дрейфовать весь путь почти без пресной воды и в отсутствие берега на горизонте. В долгом смирении они напрасно протягивали свои сухие тыквы к небесам и кричали: «Пошлите нам бриз, милые боги!» Штиль всё ещё продолжался, и, прежде чем он закончился, все, кроме троих, задохнулись, и умершие от жажды были сброшены в море. Бриз, который последовал за штилем, скоро вынес их на низкий необитаемый остров, где, оставшись на много дней, они хорошо запаслись кокосовыми орехами и водой и снова отплыли.

Следующей землёй, которую они увидели, был Марди, и они высадились на Мотуу, всё ещё намереваясь отомстить.

Этот подробный рассказ вселил в Тайи ужас.

Кем могли быть эти мстители, если не сыновьями того, кого я убил? Я полагал, что теперь они далеко и, следовательно, меня забыли; и теперь, как змеи, они оказались на моём пути во время поисков Йиллы.

Но я скрыл свои мысли.

В нетерпении услышать побольше, Бораболла, желая узреть незнакомцев, немедленно послал на Мотуу одно из своих летучих каноэ с наказом воротиться с путешественниками.

Прежде чем они появились в поле зрения, чувствуя, что странные доводы «за» могут остаться за королём, Самоа воскликнул: «Ло! Тайи, это то каноэ, которое шло к Тедаиди!»

Слишком верно; тот же самый катамаран, только это теперь совсем разбитый, фатальный помост в диком беспорядке: каноэ, каноэ Алимы! И с ним прибыло три копьеносца, которые в момент, когда «Серна» удирала от их борта, размахивали своими копьями. Но теперь их облик был так бледен, что лица казались похожими на черепа.

Тогда же пронеслась через меня дикая мысль об Йилле; и на какое-то время, как сумасшедший, я впал в бред. Казалось, будто таинственная девица всё ещё должна быть там и спасение состояло в том, чтобы забраться на каноэ. В своём бреду я ринулся к скелетам, как только они высадились:

«Не прячьте девушку!» Но, вмешавшись, Медиа увёл меня в сторону, когда мой порыв утих.

Незнакомцы сразу же узнали меня и, размахивая своими копьями, бросились ко мне с воплями, как только что я бросался на них. Но, считая всех безумными, толпа развела нас; тогда же, корчась в удерживавших их руках, бледные привидения снова и снова бешено выкрикивали свои проклятия:

«О, убийца! Ты — белое проклятие! Мы отбелим твою душу нашей ненавистью! Живя, наши братья прокляли тебя, и, будучи мёртвыми, сухими губами они прокляли бы тебя снова. Они умерли не от жажды, но ради мести тебе! Твоя кровь утолила бы их жажду!»

Я откинулся, ослабев, на тяжко пульсирующее сердце Самоа, в то время как они орали в пространство. Ещё раз в моих мыслях проплыл зелёный труп жреца.

Среди людей Мондолдо теперь бушевало силь-

ное волнение. Они были поражены опознанием Тайи незнакомцами и оправдывали их смертельную свирепость.

Соединив это и понимая, что, обнародуй всё, что они знали, эти сыновья Алимы могли бы натравить на меня островитян, я решил опередить их историю и, повернувшись к Бораболле, сказал:

— В этих незнакомцах, о король, вы видите оставшихся в живых из группы, с которой мы столкнулись в нашем путешествии. От них я спас деву, названную Йилла, которая была их пленницей. Из их истории мне известно немногое.

— А их проклятия? — воскликнул Бораболла.

— Они вне себя от страданий, — вскричал я. — Они не знают, что говорят.

Поэтому, озадаченный всем этим, он приказал, чтобы они находились под охраной и были препровождены в пределы его палисада, и, бросив им приветствие, затеял серьёзную беседу. Всё это время бледные незнакомцы, уставившись, глядели на меня глубокими, сухими, подобными кратерам впадинами с неровным огнём, отражаемым от замороженного страхом ледника моей души.

Но, несмотря на их устрашающую ненависть

и их злобные заклинания, вновь сладкая мечта об Йилле охватила меня со всеми таинствами её рассказов, оставленными без объяснений. И теперь передо мной находились те, кто мог бы раскрыть всю историю потерянной девы вплоть до фатального происшествия.

Побуждаемый этим, я умолял их раскрыть то, что они знали.

Но! — «Где теперь твоя Йилла? — кричали они. — Убийца женат и весел? Приведи и покажи деву!»

И всё же, хотя они оторвали ядро от моего сердца, я не рассказал им о своей утрате.

Затем, любопытствуя узнать историю Йиллы, все присутствующие призвали их обнародовать её, и, затаив дыхание, я услышал следующее:

Про Йиллу мы знаем только это: много лун назад великое каноэ, полное существ, белых, как этот убийца Тайи, зашло на наш остров из Аммы. Встреченным с благоговением, им поклонялись как богам и славили по всей нашей земле. Их вождь был подобен башне, и с ним было существо, щёки которого имели цвет красного коралла, а её глаза были цвета синего неба. Каждый день наши люди делали ей подношения из фруктов и цветов, которые она долго не могла хранить

у себя, но вешала цветы на шею ребёнка, Йиллы; и тогда младенец в руках своей матери казался птенцом, усевшимся среди распустившихся цветов. Всё ладилось между нашими людьми и богами, пока, наконец, они не убили троих из наших соотечественников, обвинённых в краже с их большого каноэ. Наши воины удалились к холмам, размышляя о мести. Три дня прошло, когда ночью, спустившись на равнину, они в тишине проникли на огромное судно, завладели им и убили всех, кроме Йиллы. Птенец был оторван от цветов и нашим отцом Алимой был увезён в долину Ардаир, где размещён отдельно, как священное подношение для Аро, нашего божества. Много лун прошло, и там возникла враждебная к нашему родителю смута из-за долгой опеки над Йиллой. И тогда, предвидя, что священная долина реки станет когда-нибудь внезапно открытой, он посадил деву вон в то каноэ, устроив её тайное бегство к большой святыне Аро, в Тедаиди. Остальное ты знаешь, убийца!

«Йилла! Йилла! — снова тогда же пронёсся этот звук через мою душу. — О, Йилла! Слишком поздно, слишком поздно узнал я всё это!»

Узнав об исчезновении их бывшей пленницы, иссохшие незнакомцы возликовали, объявив,

что Аро взял её себе. А что до меня, то когда-нибудь они осушат мою кровь из моего же черепа.

И хотя я не отрицал их ужасный рассказ, но продолжал скрывать истину и, притворившись, снова поклялся, что они бредят.

— Да! — парировали они. — Мы бредим, и бредим из-за тебя, и мы завладеем твоим белым сердцем!

Осознав силу их гнева и убеждённый в том, что, согласно этому рассказу, такое множество страданий в море, должно быть, свело их с ума, Бораболла счёл целесообразным пока их изолировать, чтобы они не смогли мне досаждать.

Глава CI
Ирис

Тем же вечером в рощу прибыли ко мне три скользящие фигуры — герольды Хотии: Ирис была смешана с крапивой. Иуми объяснил: «Резкое послание!»

Правая рука второй сирены протянула глянцевые, словно из зелёного воска, ягоды мирта, те, что горят, как тонкие свечи; третья — лилию из долины, сорванную вместе со своим собственным широким листом.

Передав всё, они серьёзно посмотрели на Иуми, который после долгого размышления сказал:

— Я говорю за Хотию, кто этими ягодами говорит: «Я просвещу вас».

— О, тогда пролейте на меня свет! Скажите, где Йилла? — И я ринулся к герольдам.

Но, ускользая от меня, они посмотрели укоризненно на Иуми и, как показалось, обиделись.

— Тогда я неправ, — сказал Иуми. — Итак: Тайи, вы были осведомлены, но лилия, которую вы ищете, сорвана.

Моё сердце упало, и фантомы кивнули, бросив

в меня голубикой, которая, как розовый жемчуг, ударилась о мою кожу, окрасив её.

Взмахнув олеандрами, они отступили.

— Опасность! Предательство! Остерегайтесь! — вскричал Иуми.

Тогда они ускользнули через лес: на моём пути падали мёртвые листья, другие весело махали связками весенних шафранов — жёлтыми, белыми и фиолетовыми, а потом они исчезли.

Иуми сказал:

— Грустен ваш путь, но весел путь Хотии.

Тогда пусть она радуется; и, пусть у меня горе, я не сверну со своего пути к Хотии и никогда не возжелаю её. Пусть она добивается меня, покуда я не умру, даже если Йилла никогда не благословит мои глаза.

Глава CII
Они отплывают из Мондолдо

Ночь прошла, и следующим утром уже мы готовились к отъезду из Мондолдо, намереваясь отправиться в тот же день.

Но чтобы снова после нашего отъезда люди из Аммы не смогли натравить против меня островитян, я решил уступить серьёзному ходатайству Бораболлы и оставить Ярла в память о Тайи и при необходимости оправдать его имя. Узнав об этом, мой спутник не торопился согласиться с подобным решением. Его честная душа не боялась незнакомцев: тут преобладали менее эгоистичные соображения. Он был готов остаться на острове какое-то время, но не без меня. Всё же, когда мы сформулировали свои причины и уверили его, что нашему туру осталось недолго до завершения и того момента, когда мы вернёмся перед парусным переходом в Одо, он наконец неохотно, но согласился.

В Мондолдо мы также расстались с Самоа. Объяснялось ли это тем, что он боялся мстителей, которые, как он, возможно, думал, последуют

за мной, или же острова Марди не соответствовали привлекательности той картины, что рисовало его воображение, или же строгость, исходящая от властного присутствия Короля Медиа, была слишком надоедлива, или же его, действительно, не услаждали те умозаключения, которыми Баббаланья потчевал нас, однако, бесспорно, повлияло то, что сам Самоа проявлял в путешествии нетерпение. Он вымолил разрешение возвратиться в Одо, откуда хотел ждать моего возвращения, и каноэ с Мондолдо было собрано для его отправки в том направлении, а разрешение было предоставлено; и он отбыл на другую сторону острова, откуда и отчалил.

Намного позже пришли мрачные вести о том, что рано на рассвете он был найден мёртвым в каноэ: с тремя стрелами в груди.

Иуми затруднялся объяснить отъезд Самоа, в то время как на берегу тот выражал желание плыть долго и далеко.

Медиа, однако, объявил, что он собирался вернуться к некой возлюбленной.

Но Баббаланья утверждал, что Уполуан был первым человеком, кто не вернулся с начала нашего путешествия.

С этим, после размышления, согласился и Иу-

ми. Действительно, я заметил, что Певчая Птица уже умерил свои жизнерадостные обещания успеха, с которыми он отплывал из Одо. Конец нашего поиска в такой дали казался ему тщетным и зловещим.

Накануне погрузки нас сопровождал на пляж Бораболла, который своей собственной рукой прицепил во рту акулы на каноэ Медиа три спелых связки бананов как прощальный подарок своим гостям.

Хотя Ярл и не произнёс ни слова, он долго прощался. Его глаза, казалось, говорили: «Я больше не увижу вас».

Мы медленно отошли от берега: Бораболла, машущий на прощание зелёным листом банана, наш товарищ, с сожалением следящий за возвращением захваченного каноэ, и множество людей, громко желавших нам удачного путешествия.

Но, к моему ужасу, внезапно через толпу прорвались три сына привидения Алимы, сбежавшие из своей тюрьмы. Со сжатыми руками они стояли в воде и снова проклинали меня. И с этим проклятием в наших парусах мы понеслись прочь.

Глава CIII
Пока они плывут

В то время, пока каноэ скользили через лагуну, я дал себе волю помечтать и, обдумав всё, что пересказали мужчины Аммы об истории Йиллы, одну за другой разгадал тайны, прежде казавшиеся непостижимыми. Теперь всё разъяснилось: никаких тайн не осталось, кроме последующего случая её исчезновения. Да, Хотия! Я был ею просвещён, но где была Йилла? Тогда я вспомнил, что последняя встреча с посыльными Хотии была полна загадок, и задался вопросом, правильно ли Иуми их интерпретировал. Невидимая и невостребованная, всё ещё преследующая меня с предзнаменованиями, с колкостями, с ухаживаниями, таинственная Хотия ужаснула меня. Подсознательно я начал бояться её. И мысль, что, возможно, снова и снова её герольды будут продолжать преследование, наполняла меня неосознанным страхом, признания которого для себя я почти избежал. Внутри я молился, чтобы герольды никогда не появлялись.

В то время, пока я был полон этих мыслей,

Медиа прервал их, сказав, что менестрель собирается исполнять одну из ораторий собственного сочинения, а потому по его просьбе все критики должны быть снисходительны, поскольку Иуми, время от времени, но не всегда, был робким юношей, чувствительно относящимся к своему собственному милому гению в поэзии.

Слова оратории говорили о любопытном предании, в которое верили некоторые жители Марди, своего рода ночном Рае, где солнце с его сильным жаром отсутствовало, а стоял один долгий лунный день с мерцающими звёздами, составлявшими ему компанию.

Песня

Далеко в море лежит Марлена,

Земля теней и течений,

Земля великих радостей.

Темны и открыты твои берега, Марлена;

Но зелены и боязливы твои мягкие холмики,

Притаившиеся позади твоих лесов.

Тенисты твои холмы, блестящи твои ручьи,

Как глаза в земле, смотрящие на вас.

Как очаровательны твои прибежища, Марлена!

О, воды, которые текут через Онимоо;

О, листья, которые шелестят в Поноо;

О, розы, которые цветут в Тарме;

Приди и узри долину Вина:

Как сладки, как сладки Острова Ланей,

Где в полдень полнолуние,

И вечен сезон фруктов,

И вечен час цветения,

И нет сезона дождей и бурь,

Всему приходит конец в Марлене.

Воздух недвижим, мягко ветви дышат,

Мягкие волны там омывают пляж;

Леса и теченья.

И если нужда есть – вздремни в Стране грёз.

— Иуми, — сказал старый Мохи, зевая, — ты сложил ту песню, которую спел?

— Я сложил, — сказал Иуми, немного смещая свой тюрбан в одну сторону.

— Тогда, менестрель, ты должен петь её мне, чтобы я спал каждую ночь, особенно эту песню про Марлену: она усыпляет, как воздух Нора-Баммы.

— Имейте в виду, старик, что мои творения, дарящие роскошный отдых, которым вы наслаждаетесь, созданы с таким умением, что описанное в них порождает действительность; или же вы иронически предполагаете, что песня — сама по себе вещь усыпляющая?

— Важное определение, — сказал Медиа, — которое относится к тебе, не так ли, Мохи?

— Разве ты глуп, мальчик, — сказал Баббаланья, — когда из двусмысленности его слов так легко извлекаешь лесть, нежели стремишься извлечь из них осуждение? Будь мудрым, Иуми, и впоследствии всякий раз, когда подобное замечание покажется сомнительным, безошибочно выделяй из него благодарность, пусть быстрота вывода для тебя и мучительна.

Наиболее уверенно я чувствую себя тогда, когда именно так и поступаю; но я часто чувствую склонность к неверию в мои полномочия, в котором намного острее осознаю осуждение, нежели похвалу. И я всегда считаю его более искренним из двух; а потому никакая похвала не приводит

меня к той же степени восторга, с которой огорчает осуждение.

Глава CIV,
в которой Баббаланья поднимает вопрос о дьявольской теории и на себе самом доказывает её

— Перемирие! — закричал Медиа. — Тут мчится джентльмен по ветру. Гляди, Тайи!

Повернувшись, мы заметили остроносое каноэ, мчавшееся на нас под огромным надутым треугольным парусом, внешние края которого были украшены длинными тёмно-красными флажками. По его курсу находилось несколько маленьких судёнышек, принадлежащих небогатым островитянам.

— Прочь с его дороги, увальни, — закричал Медиа, — или этот безумный принц Трибоннора проедется по вам и раздавит!

— И кто такой этот Трибоннора, — спросил Баббаланья, — если он так смело развлекает себя, проносясь по невинным гребцам?

— Беззаботный молодой вождь, — ответил Медиа, — наследник трёх островов; его ничего не интересует, кроме судна, на котором вы его теперь видите.

— Он, должно быть, одержим дьяволом, — сказал Мохи. Баббаланья заметил:

— Тогда он всего лишь похож на всех нас.

— Что ты говоришь? — прокричал Медиа.

— Я говорю, как старый Бардианна в Девятьсот девяносто девятой книге своих бессмертных «Размышлений», о том, что все мужчины…

— Клянусь жизнью, мой господин, он потопил три каноэ, — крикнул Мохи, отходя от мачты.

Но в тот момент сельдяной кит-полосатик, как пламя ворвавшийся в загон лагуны, выбросил высокий пенистый фонтан почти под носом у Трибонноры, который, благодаря тому, что его рулевое весло находилось между его ног, быстро повернул своё каноэ, подобно убегающей злой собаке.

Комментарии закончились.

— Баббаланья, ты собирался что-то сказать, — сказал Медиа. — Продолжаем двигаться.

— Спасибо, мой господин. Как сказал старый Бардианна, «все люди одержимы дьяволом, но ведь этих дьяволов засылают в людей и оставляют в них для дополнительного наказания; не размещай войска в крепости, но заточи в тюрьме; может быть, более справедливо сказать, что дьяволы сами находятся в собственности

людей, а не наоборот».

— Верю! — крикнул Медиа. — Хотя твой старый козырь Бардианна иногда бывает скучен.

— Я долго был того же мнения, мой господин. Но позвольте мне продолжить. Сказал Бардианна: «Дьяволы являются водолазами: сильные дьяволы и слабые дьяволы, умные дьяволы и глупые дьяволы, безумные дьяволы и умеренные дьяволы, дьяволы, просто дьяволы, дьяволы, сами одержимые, дьяволы, вдвойне одержимые».

— И среди дьяволов какой дьявол твой? — спросил Мохи.

— Скоро узнаете; не прерывайте меня, старец. Итак, затем, мой господин, так как дьяволы — водолазы, водолазы — дьяволы в людях. Отсюда мы видим широкое различие. Но, в конце концов, основное различие таково: дьявол в одном человеке больше дьявола, чем вне его; и вы будете одержимы больше, чем вы есть; всё же вы безнаказанно можете показать больше действий одержимости, пока вы только одержимы сами. И как только ваша колдовская одержимость ранит другого, так и другие дьяволы тайно начнут замышлять, как бы ограничить вашего дьявола, как безумного. Это в случае, если вы будете податливы. Ведь в Марди живёт много одержимых

сумасшедших, творящих бесконечное количество вреда, которые станут слишком сильными, получив в руки оружие.

— Это чересчур дьявольская доктрина, — вскричал Мохи. — Я не верю ей.

— Мой господин, — сказал Баббаланья, — вот соответствующее доказательство: мудрец-законодатель Ямиямма, который процветал задолго до Бардианны, категорически утверждал, что все люди, которые сознательно делают зло, одержимы; ведь доброта — это счастье; счастье — часть жизни; и зло не приносит пользы.

— Если мудрец Ямиямма сказал это, — сказал старый Мохи, — то мудрец Ямиямма, возможно, улучшил высказывание; и оно не столь просто, как могло бы быть.

— Ямиямма считал ниже своего достоинства быть простым; он презирал идею быть полностью постигнутым смертными. Как все оракулы, он высказывался туманно. Но старый Бардианна говорил иначе: он говорил правду прямо, целя прямо в точку, как копьём; особенно когда он установил свой универсальный принцип, за минусом исключений, что все люди одержимы.

— Тогда, конечно же, — сказал Медиа, — ты находишься в их числе.

— Ну, разумеется; и как старый Бардианна, который где-то говорит, что сам он, будучи полностью одержимым, был бы более опытным, чтобы распознать колдовство своих соседей. Но в другом месте он, кажется, противоречит себе, утверждая, что он не так разумен из-за своей собственной одержимости, как другие люди.

— Держитесь! — крикнул Медиа. — Кто тут у нас? — И он указал на трёх мужчин в воде прямо перед нашим носом, каждый из которых цеплялся за весло.

Мы поспешили к ним.

— Кто вы? — спросил Медиа. — Откуда и куда плыли?

— Из Вариоры, — ответили они, — и плыли в Мондолдо.

— И этот дьявол Трибоннора потопил ваши каноэ? — спросил Медиа, предлагая им пересесть к нам.

— Мы совсем не были помехой для того, чтобы нас давили, — ответили они, отдыхая на своих спинах и напряжённо пыхтя. — Если бы у нас были каноэ, мы должны были бы плыть на них, как и вы, тогда как сейчас у нас есть только наши тела, чтобы грести.

— Вы — кучка мужланов, — воскликнул Ме-

диа. — Но идите своим путём, если вы удовлетворены своим передвижением, ну и ладно.

— Сейчас это — крайний случай, по моим предоставлениям, — сказал Баббаланья, — но эти бедняги помогли определить позицию старого Бардианны. Они принадлежат к той разновидности нашего одержимого народа, называемой простаками; но их дьяволам, не вредящим никому, кроме самих себя, разрешают быть на свободе с рыбами. Принимаю во внимание, что дьявол Трибонноры, который ежедневно гоняет на каноэ, топя своих жителей, принадлежит к разновидности абсолютного дьявола; но, поскольку Трибоннора находится в высокой инстанции и сильно поддерживается знакомыми и роднёй, с ним нельзя справиться и одеть в смирительную рубашку. Про себя я думаю, что мой дьявол — где-то между этими двумя крайностями; во всяком случае, он принадлежит к тому классу дьяволов, которым не вредят другие дьяволы.

— Я не так уверен в этом, — парировал Медиа. — Мне думается, что твоя доктрина обо всём одержимом человечестве будет приносить вред; отмечая, что косвенно она освобождает вас, смертных, от моральной ответственности. Кроме того, поскольку твоя доктрина — чрезвы-

чайное зло, то по теории Ямияммы, за которой она следует, ты должен быть одержим; и так как это вредит другим, твой дьявол из числа тех, кто в чистилище пребывает между раем и адом; и так как он — один из тех, кто может быть заточён, то заточён он должен быть в тебе. — И, сказав так, он шутливо приказал, чтобы его слуги схватили одержимого философа и заткнули ему рот, чтобы он более не мог распространять свою дьявольскую доктрину.

Против этого Баббаланья возразил, сказав, что он вовсе не орангутан, чтобы быть так грубо обработанным.

— Уже лучше то, — сказал Медиа, — что ты сейчас не иллюстрация теории Бардианны о том, что люди бывают неразумны потому, что бывают одержимыми.

В таком виде измученный Баббаланья проявлял немного признаков философии.

После чего Медиа сказал:

— Конечно, его дьявол беснуется: поглядите на его рот!

И приказал, чтобы того связали по рукам и ногам.

Далее, видя всю бесполезность сопротивления, Баббаланья подчинился, но не без множества

упрёков.

Затем, однако, его освободили, и Медиа спросил, как он прочувствовал применение своей теории и всё так же ли он без ума от старого Бардианны? На что, надменно поправив свою одежду, Баббаланья ответил:

— Сила, мой господин, совсем не аргумент, хотя она одолевает любую логику.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА

Московия
Архипелаг Мавры
с 1849 года
о. Кэнида
(владение Доминора)
о. Верона
(владение Доминора)
о. Сестрёнка
о. Доминора
о. Виенца
Западная Ютландия
о. Порфиро
Хамира
Лузиания
Франко
Иберия
Ватиканна
Габсбурро
Тутония
Пиммания
о. Пимминии
о. Диранда
Ориенда
о. Хоголомоголо
(Остров Калек)
о. Бонбонна
(владение принца Абрахэма)
о. Серения
о. Флоззелла
(владение королевы Хэтти)
о. Одо
(владение короля Медди)
о. Одо
о. Маралма
о. Валлани
(Остров Ямогонск Кубани)
Нью-Хампи
о. Жуам
(владение короля Домжажола)
о. Кузлко
о. Охотно
(Остров Неудач)
о. Мондолдо
(владение короля Барбола)
Гавайи
о. Алма
Великий Океан
Рававаи
о. Жемчужных
раковин
Вальпарайсо

MARDI:

AND

A VOYAGE THITHER.

BY HERMAN MELVILLE.

VOL. TO L. OL. II.

IN TWO VOLUMES.

VOL. II.

NEW YORK:
HARPER & BROTHERS, PUBLISHERS,
82 CLIFF STREET.
1849.

Том 2

Глава I
Марамма

Теперь мы плыли прямо к Марамме, где жил и правил в сакральной атмосфере Высший Римский Папа смежных островов: принц, священник и бог в одном лице, великий суверен для многих королей в Марди, руки которого полностью владели скипетрами и посохами.

Вскоре после того, как мы обогнули высокий, выдающийся в море берег, в поле зрения возник большой центральный пик острова, возвышавшийся над соседними холмами, — та самая устремлённая вершина, замеченная ещё с «Серны» при приближении к архипелагу.

— Высочайший пик Офо! — вскричал Баббаланья. — Он нависает так, что его тень выглядит как наседка над Марди, бросающая новые тени на пятна, уже окрасившие склоны; тень на тень!

— Ведь дело обстоит так, — сказал Иуми с сожалением, — что, где падает его тень, там отказываются расцветать весёлые цветы; и люди, долго живущие там, становятся тенями по облику и в душе. «Вы, кажется, вышли из теней

Офо?» — спрашивают незнакомца, если у него мрачные брови.

— Именно с этого же самого пика, — сказал Мохи, — великий небесный грешник, ловкий бог Роо, когда-то очень давно спустился с небес. Три скачка и прыжок, и он приземлился на равнину. Но, увы, бедный Роо! Хотя спуск был лёгким, не было никакого восхождения назад.

— Не удивительно тогда, — сказал Баббаланья, — что этот пик недоступен для человека. Хотя со странным безумным влечением многие всё ещё совершают паломничества к нему и устало поднимаются и поднимаются, пока не сорвутся со скал, и падают головой вниз и часто гибнут у его подножия.

— Да, — сказал Мохи, — напрасно по всем склонам пика опробованы различные пути; напрасно новые тропы проложены через утёсы и кусты: Офо всё же остаётся недоступным.

— Однако, — сказал Баббаланья, — некоторые верят тому, что те, кто посредством тяжёлого напряжения поднимаются так высоко, становятся невидимыми с равнины, и в то, что этого состояния они достигли на вершине; хотя другие сильно сомневаются, является ли их невидимость следствием падения и гибели на этом пути.

— И почему, — сказал Медиа, — вы все, смертные, предпринимаете восхождение? Почему бы не остаться на равнине? И даже если бы вы достигли вершины, то что делали бы вы на той высоте, покрытой облаками? И как надеетесь вы дышать там разрежённым воздухом, не подходящим для ваших человеческих лёгких?

— Истинная правда, мой господин, — сказал Баббаланья, — и Бардианна утверждает, что одна лишь равнина была предназначена для человека, который должен быть доволен жизнью в тени её деревьев, хотя их корни спускаются в земную темень. Но, мой господин, вы хорошо знаете, что есть люди в Марди, кто втайне считает все истории, связанные с этим пиком, выдумками людей Мараммы. Они отрицают, что любое пожелание можно исполнить, совершив паломничество сюда. И для гарантии они обращаются к высказываниям великого пророка Алмы.

Тут вскричал Мохи:

— Но Алма также цитируется и другими защитниками паломничества в Офо. Они объявляют, что сам пророк был первым паломником, кто туда пришёл, и что отсюда он отбыл на небеса.

Теперь, за исключением этого же самого пика, Марамма — весь холм и вся долина были похожи

на море после шторма, которое теперь вроде не катится, но стоит, с портящими его горами. Всё же пейзаж Мараммы лишён весёлости лугов частично из-за тени Офо и частично из-за тёмных рощ, во мраке которых и скрывались храмы.

Согласно Мохи, ни единого плодоносного дерева, ни одного съедобного корня не росло на всём острове, а население полностью зависело от большой дани, привозимой с соседних берегов.

— Всё так и обстоит не оттого, что почва неплодородна, — сказал Мохи. — Она чрезвычайно плодородна, но жители говорят, что было бы неразумно высадить плодоносящий сад из хлебных деревьев на священном острове.

— И следовательно, мой господин, — сказал Баббаланья, — в то время как другие заняты созданием своего временного благосостояния, эти островитяне не думают о завтрашнем дне, и широкая Марамма лежит посреди плодородных отходов лагуны.

Глава II
Высадка

При подходе к острову флажки и атрибуты наших каноэ были удалены, а Ви-Ви было приказано спуститься с акульего рта и на какое-то время отложить в сторону его раковину. В символическом почтении наши гребцы также разделись до пояса, их примеру последовал даже Медиа, хотя, как королю, в своё время этот же знак уважения отдавали ему самому.

В любом месте, посещённом к настоящему времени, радостные толпы были готовы приветствовать наше прибытие, но берега Мараммы были тихи и безлюдны.

Баббаланья заметил:

— Место выглядит покинутым.

Потом мы высадились в небольшой бухте возле долины, которую Мохи называл Ума, и здесь в тишине втащили наши каноэ на берег.

Но затем там появился старик с бородой, белой, как грива бледной лошади. Он был одет в длиннополую рубаху и обмахивал себя веером из увядших листьев. Ребёнок вёл его за руку,

поскольку он был слепым и носил на своём морщинистом лбу зелёный лист подорожника.

К нему обратился Медиа, упомянув, кем мы были и с каким заданием прибыли: искать Йиллу и посмотреть остров.

После чего Пани — таково было его имя — оказал нам учтивый приём и раздал щедрые обещания обнаружить красавицу Йиллу, объявив об этом в Марамме на случай, если где-либо давно потерянная дева будет найдена. Он гарантировал нам, что всюду, по всей земле, он проведёт нас, зная немало мест, желательных для поиска и пока неизведанных.

И, сказав это, он провёл нас к своему жилью для сна и отдыха.

Оно было большим и высоким. Поблизости, однако, было много несчастных лачуг, покинутых обитателями. Но жилище старика было чрезвычайно удобно, особенно изобиловало циновками для отдыха; его стропила были увешаны калабасами для увеселения.

Во время последовавшей трапезы слепой Пани, свободно в ней участвуя, поставил себе в заслугу воздержание, объявив, что солома для кровли и кокосовый орех составляют всё, что необходимо для постоянного благосостояния мардиан. Боль-

ше, чем это, он уверял нас, было бы греховно.

Затем он сообщил, что исполняет обязанности проводника в этой части страны и что он отказался от всякого другого занятия, дабы посвятить себя показу острова паломникам, и, зная лучший способ подняться на высокий Офо, потребовал вознаграждения за свой тяжёлый труд.

— Мой господин, — прошептал тогда Мохи Медиа, — великий пророк Алма всегда заявлял, что этот остров свободно и без оплаты открыт для всех.

— Что ты желаешь получить, старик? — сказал Медиа Старцу.

— Я жду всего лишь мелочи: двадцать рулонов прекрасной таппы, две рубчатых циновки из лучшей нагорной травы, одно гружёное каноэ с плодами хлебного дерева и клубнями ямса, десять тыкв вина и сорок рядов зубов. Вы — большая компания, но эта плата за мой труд невелика.

— Совсем невелика, — сказал Мохи.

— Ты — грабитель, добрый Пани, — сказал Медиа. — И зачем нужны такому старому смертному, как ты, все эти вещи?

— Я думаю, что излишки бесполезны, нет, греховны, — сказал Баббаланья.

— Не кажется ли, что твоё жильё более чем обеспечено всем необходимым? — спросил Иуми.

— Я всего лишь скромный труженик, — сказал старик, кротко скрестив свои руки, — но разве самый непритязательный работник не испрашивает и не получает своё вознаграждение? И я пропущу своё? Но я не прошу лишь одного милосердия. То, что я прошу, мне требуется из-за страха перед великим Алмой, который назначил меня проводником. — И он зашагал из стороны в сторону, нащупывая дорогу перед собой.

Заметив его слепоту, Баббаланья зашептал Медиа:

— Мой господин, мне кажется, этот Пани должен быть скверным проводником. В походах внутри страны его водит маленький ребёнок; почему бы тогда ему не взять поводыря?

Но Пани с ребёнком бы не расстался. Тогда Мохи низким голосом сказал:

— Мой господин Медиа, хотя я и не законный проводник, я всё же беру на себя обязательство провести вас правильно по всему этому острову, поскольку я — старик и был здесь часто один, хоть и не могу взяться проводить вас к пику Офо и к более скрытым храмам.

Тогда Пани сказал:

— И что это за смертный, кто притворяется, будто он может пробраться через дикие лабиринты Мараммы? Остерегайтесь его!

— У него есть глаза, которые видят, — дал ответ Баббаланья.

— Не следуйте за ним, — сказал Пани, — поскольку он введёт вас в заблуждение, никакой Йиллы он не найдёт, и у него нет статуса проводника, а проклятия Алмы будут сопровождать его.

Но всё это не произвело эффекта на Пани и его праотцов, ранее всегда видевших заполненную приёмную проводника. Однако Медиа наконец решил, что на сей раз Мохи должен провести нас, и, когда об этом сообщили Пани, тот пожелал, чтобы мы удалились из-под его крова. Поэтому, уйдя к окраине соседней рощи, мы задержались на некоторое время, чтобы отдохнуть перед предстоящим походом.

Когда мы прилегли, к дому с побережья подошла партия недавно прибывших паломников.

Узнав об их прибытии, Провожатый со своим ребёнком вышел встретить их и, стоя на дороге, прокричал:

— Я — законный проводник, и именем Алмы я приведу всех паломников к храмам.

— Это, должно быть, достойный Провожатый, — сказал один из незнакомцев, поворачиваясь к остальным.

— Тогда давайте возьмём его нашим проводником, — закричали они и подошли ближе.

Но после обращения к нему им сказали, что тот не поведёт их без компенсации.

И затем, узнав, что главным среди паломников был Дивино, богатый вождь отдалённого острова, Пани потребовал от него вознаграждения.

Но тот возразил и долгими мягкими речами потихоньку уменьшил компенсацию до трёх обещанных кокосовых орехов, которые он обещал послать Пани в некий будущий день.

Следующим паломником, к которому обратились, была девушка с печальными глазами, в приличном, но скудном одеянии, которая, не стремясь уменьшить требования Пани, быстро вложила в его руки небольшую горсть мардианских денег.

— Возьмите их, святой проводник, — сказала она, — это — всё, что у меня есть.

Но третий паломник, некая Фанна, здоровая матрона, в хорошем одеянии, не вдавалась ни в какое объяснение при подношении своих даров. Призвав подойти своих слуг с ношами, она

быстро развернула их и обмотала вокруг всего Пани, складка за складкой, самую дорогую таппу, и наполнила обе руки его зубами, а рот его — небольшим кусочком острого мармелада, и вылила масло на его голову, и встала на колени, и умолила его о благословении.

— От всего сердца я благословляю тебя, — сказал Пани и, всё ещё удерживая её руки, воскликнул: — Возьми пример с этой женщины, о Дивино; и вы все, пилигримы, сделайте так же.

— Не сегодня, — сказал Дивино.

— Мы не так богаты, как Фанна, — сказали остальные. Следующий затем паломник был очень старым и несчастным человеком: слепым, одетым в рубище и опиравшимся на посох при ходьбе.

— Моя компенсация! — сказал Провожатый.

— Увы! Мне нечего дать. Узри мою бедность.

— Я не вижу, — ответил Провожатый, но, пощупав его одеяния, сказал: — Ты, полагаю, обманываешь меня, не твои ли эта рубаха и этот посох?

— О! Милосердный Пани, не отнимай у меня всё! — возопил паломник. Но его ничего не стоящий габардин занесли в жилище проводника.

Тем временем матрона всё ещё окутывала Про-

вожатого своей бесконечной таппой.

Но дева с печальными глазами, сняв свою верхнюю мантию, набросила её на голое тело нищего.

Пятый паломник был молодым человеком открытого, бесхитростного нрава и со взглядом, исполненным очей; шаг его был лёгок.

— Зачем ты здесь? — закричал Пани, когда подросток мимоходом задел его.

— Я иду, чтобы подняться на пик, — сказал юноша.

— Тогда возьми меня в проводники.

— Нет, я силён и проворен. Я должен идти один.

— Но как ты узнаешь путь?

— Есть много путей: правильный я должен отыскать сам.

— Ах, бедняга, введённый в заблуждение, — вздохнул Провожатый, — но, как всегда, молодые и отвергающие предостережения — должны пострадать. Пойдёшь и погибнешь!

Обернувшись, юноша воскликнул:

— Хоть я и действую в противоречии с вашими сторонниками, о Пани, но я последую за своим внутренним божественным зовом.

— Бедный молодой человек! — пробормотал

Баббаланья. — Как искренне он отстаивает своё мнение! Хоть он и отказался от проводника, но, тем не менее, цепляется за эту легенду о пике.

И остальная часть паломников осталась с проводником, готовясь к своему путешествию вглубь страны.

Глава III
Они проходят через лес

Освежённые отдыхом в роще, мы поднялись и выстроились под началом Мохи, который шёл впереди.

Пролагая наш путь среди джунглей, мы вошли в глубокую впадину со стоящим в ней одним гигантским пальмовым стволом, опоясанным по кругу молодыми деревьями, выросшими из его корней. Но, подобно Лаокоону, родитель и сыновья стояли обёрнутые змеевидными кольцами скрюченных, искорёженных баньянов, и кора баньянов так разъедала их живую древесину и разрушала их вены, несущие соки, что все их орехи превращались в чаши с ядом.

Поблизости росли стройные миловидные манчинеллы с блестящими листьями и золотыми фруктами. Вы сочли бы их деревьями жизни, но под их ветвями не выросло ни ростка, ни травинки, ни мха: голая земля орошалась родными небесными росами, фильтруемыми этой фатальной листвой.

Далее темнела роща, смешанная из ветвей

баньяна, толстой манчинеллы и множества анчаров; их соприкасающиеся вершины золотило солнце, но внизу папоротники и мандрагоры лежали в глубокой тени. Погребённые среди них и смутно видневшиеся среди больших листьев груды камней были завалены опавшими стволами бамбука. За ними в сырости прыгали лягушки, волочившие за собой свою слизь. Толстые наклонившиеся стволы были опутаны ленивыми лианами; анчары спускались в окружающую темноту, поэтому в дремучей тени ночные птицы находили бесконечную ночь и буйствовали на отравленном воздухе. Совы кричали с мёртвых ветвей или одна за другой бесшумно планировали на тихих крыльях, повсюду бродили журавли или же собирались стаями в болотах, змеи шипели, летучие мыши разрезали темноту, каркали вороны, и вампиры, вцепившись в дремлющих ящериц, развеивали крыльями душный воздух.

Глава IV
Хивохити MDCCCXLVIII

Затем, когда эти мрачные леса были пройдены, сразу же возобновился разговор, в котором обсуждался Хивохити, Понтифик острова.

Во время нашей первой дружеской беседы с Пани Медиа спрашивал о Хивохити и пытался узнать, в какой части острова тот пребывает.

На это Пани ответил, что Понтифик будет невидим несколько дней до своего прибытия, будучи занят особой компанией.

И от ответа на дальнейший вопрос относительно того, кто те персоны, монополизировавшие его гостеприимство, Медиа онемел, узнав, что они были неопределёнными бестелесными божествами с проходящего над Мараммой тропика Козерога.

Пока мы шагали, Понтифик и его гости вызвали большой интерес, и, чтобы его удовлетворить, старому Мохи, знакомому с этими вещами, было приказано просветить компанию. Он подчинился, и его подробное описание стало более существенным, нежели случайная доверчивость

летописцев.

Согласно его заявлению, Хивохити был занят божеством, принадлежавшим к третьему классу бессмертных. Они, однако, были подняты намного выше материальных полубогов Марди. Действительно, в глазах Хивохити самые большие полубоги выглядели как тыквы. Чему тогда было удивляться, что их начальники вносили самых благородных из них в списки своих посетителей.

Эти бессмертные были чрезвычайно разборчивы и привередливы к атмосфере, которой они дышали, и потому не использовали никакого подлунного воздуха, кроме как в местечке в горах, где у Понтифика находился сельский домик для специального приёма неощутимых гостей, обходившийся очень дёшево, поскольку обеды оказывались ненужными, а спальни лишними.

Но Хивохити, не допускавший присутствия этих божественных великолепий, вмешивался в формирование своего собственного уюта. Проводя каждое своё утро в чрезвычайно энергичных беседах, он трижды непринуждённо откидывался на кушетке, поедая прекрасный пудинг из подорожника и льющееся из калабаса астрономически старое вино, попутно изливая

душу своим гостям. И действительно, вид их собеседника, таким образом наслаждающегося собой во плоти, в то время как они сами голодали в эфире, должно быть, был чрезвычайно вызывающ для этих аристократических эфирных незнакомцев.

Сообщалось, кроме того, что Хивохити, будучи одним из самых надменных Понтификов, преднамеренно рассматривал своих ангельских гостей столь высокомерно в попытке убедить их, что если жители земли, как подлунные относительно небес жители, по сути, простые провинциалы, то он (Хивохити) считается добрейшим из всех серафимов, в том числе и под тропиком Козерога или в любое другое время года. Хивохити был склонен снижать их надменные претензии.

Кроме того, разве он не считался великим богом на земле? Высшим? Имевшим власть над жизнью и смертью? И опыт смещения королей? И жил в причудливом государстве совершенно один, на самом прекрасном острове Марди? Хотя здесь стоит сказать, что его декларации о светском превосходстве нередко отличались особым вмешательством в светские проблемы соседних монархов, кто был слишком склонен силой оружия привести доводы против его требований

власти; однако в теории они поклонились ему. И теперь к генеалогии Хивохити: одна тысяча восемьсот сорок семь Хивохити, как предполагалось, прошли перед ним. Он происходил по прямой линии от божественного Хивохити Первого, первоначально получившего в дар империю мужских душ и первый корявый посох. Происхождение нынешнего Понтифика было неоспоримо, его достоинство передавалось только через наследников мужского пола, и вся процессия Первосвященников являлась плодом последовательных браков между единоутробными братом и сестрой. Союз считался кровосмесительным в некоторых землях, но здесь оказался единственным пригодным каналом для чистоты передачи высокого ранга.

Помимо добавления к наследственному названию Хивохити, которое просто обозначало священническую нумерацию Понтификов и слишком редко использовалось в текущей беседе, они нарекались отличительным именем, наделённым при рождении. И важнейшее значение этой традиции выводилось из того факта, что во время всей жизни Понтифика произнесение его имени было запрещено в обычном использовании. Отчего при каждом новом восшествии

на архиепископский престол случалось, что множество слов и фраз или по существу изменялось, или полностью пропускалось. Посему язык Мараммы постоянно менялся и полностью превратился в жаргон, и птицы в рощах были очень озадачены, не зная, в чём состоит достоинство звуков, настолько несвязных. И в полной мере это имело место во всех языках, на которых говорят повсюду на Архипелаге; птицы поражались человечеству, а человечество — птицам, удивляясь, как они могли всё время петь, тогда как обо всех людях было известно обратное: невозможность проведения интеллектуальной беседы. И, несмотря на то, что тысячи лет люди и птицы вместе жили в Марди, они остались совершенно не осведомлёнными о тайнах друг друга; островитяне рассматривали птиц как бессмысленных певцов, навсегда пребывающих в облаках, а птицы людей — как визгливых журавлей, лишённых крыльев и стремления к полёту.

Помимо других многочисленных удивительных полномочий, относящихся к Понтификам как духовным властелинам, им была приписана одна особая привилегия светской природы: это исцеление от прикосновения и укусов голодных акул, роящихся повсюду в лагуне. С ними они,

как предполагалось, состояли в самых дружеских отношениях; в соответствии с общественным мнением дружелюбно купались с ними в море, разрешая им тереть свои носы об их священнические бёдра; игриво брали их руки в пасти, утыканные рядами зубов.

Церемонию рукоположения Понтифика не считали законченной до погрузки на его баржу и если Первосвященника не приветствовали три приблизившихся акулы с открытыми пастями, плывущие возле его каноэ.

Эти монстры обожествлялись в Марамме и имели там свои алтари; убийство акулы считалось более тяжким грехом, чем убийство человека. «И что с того, что они забирают человеческие жизни? — говорили островитяне. — Разве они не священны?»

Было рассказано множество и более замечательных сведений о Хивохити; и, хотя любой из нас не мог не сомневаться относительно законности многих прерогатив, приписанных ему, было, однако, трудно поступить иначе, нежели выразить Понтифику то глубокое уважение, какое все отдают тем, кто бесспорно обладает возможностью влияния на человеческую жизнь по своему желанию.

Глава V
Они посещают великого Мораи

Вот так, за рассказами, Мохи скоро привёл нас почти к Великому Мораи, месту погребения Понтификов и загородной резиденции для некоторых идолов, там обитающих.

Наш путь теперь шёл через русло мелкого ручья; Мохи проследил, чтобы наши ноги промывались при каждом шаге, так как пыльная земля могла бы осквернить святилище Мораи, поскольку обычная почва считалась презренней священной земли.

Тут и там покрытые тростником поваленные деревья были оставлены вдоль русла, приспособленные для паломников, которые в эти священные воды, выходящие из источника в Мораи, окунали предметы своей одежды, чтобы воды могли даровать им долгую жизнь. Однако, как Мохи уверял нас, иногда происходило так, что множество слабых стариков, рьяно надевших своё мокрое одеяние, немедленно после облачения сокрушал ревматизм; и случалось, что они падали мёртвыми в своём старании прожить

подольше.

Придя в Мораи, мы сочли нужным спрятаться за скалой, и в то время, пока отдыхали, Мохи деловито и, несомненно, по-ребячески занялся сбором гальки. Её, однако, к нашему немалому удивлению, он решил использовать, непочтительно бросая во все объекты, на которые он желал обратить внимание. Таким способом он указал на голову чёрного борова, свисающую с ветви. Целых двадцать часовых стояло на посту в соседних деревьях.

Далее мы подошли к пригорку из сухого песка, покоившемуся на глинистой почве. Обладающий неким секретом, оберегающим достоинство, этот песок был давным-давно принесён с отдалённой земли на могилы Понтификов, которые здесь, ряд за рядом, все вместе, родители и сыновья, мирно покоились в могильном братстве. Мохи заявил, что по открытым могилам можно будет восстановить всю линию Первосвященников. «Но воскрешение костей отложим на потом», — сказал Баббаланья, оказавшийся костистым в своих намёках на покойных.

Пройдя дальше, мы оказались у ряда рунических камней, вся поверхность которых была испещрена иероглифическими надписями, раз-

мещёнными вокруг эллиптического отверстия, оказавшегося священным источником Мораи, ясным, как кристалл, и имевшим в своих водах два ряда острых, подобных клыкам, камней, — так называемый Рот Оро; о нём сообщалось, что если какая-либо светская рука будет погружена в источник, то прямо на ней эти каменные челюсти и сомкнутся.

Затем мы подошли к большому изваянию из тёмного камня, представлявшему большого человека с непропорционально большой головой и животом, вогнутым и открытым для осмотра, в котором находились священные кости. Перед этим зрелищем мы остановились. Было или нет целью Мохи сделать нас туристами, потрясёнными его подробными описаниями, но его открытия были очень неприятны. В определённые сезоны идолу, который являлся эпикурейцем относительно жертв и не принимал никакой обычной платы, предлагали людей. Чтобы уберечь его пищеварение, все окольные маршруты в утробу были исключены: жертвы упаковывались в собственные желудки.

Близко к этому так называемому изваянию Долимы возвышалось уединённое лесное дерево, безлистное и мёртвое в сердцевине. Но с его

ветвей свисали многочисленные корзины, наполненные дынями, виноградом и гуавами. И ежедневно эти корзины обновлялись.

Когда мы остановились здесь, мимо прошла голодная фигура в рваном одеянии: впалые щёки и ввалившиеся глаза. Задумчиво следил этот человек за подношениями, но отступил, зная, что было кощунством касаться их. Ведь они должны были разлагаться во имя бога Аннаны, как называл Мохи это мёртвое дерево.

Пока мы проходили по Мораи, слушая старого летописца, раскрывавшего тайны места, то внезапно увидели Пани и паломников, приблизившихся к идолу Оро, и его ребёнка, поводыря проводника.

— Это, — начал Пани, указывая на каменного идола, — святой бог Аннана, который живёт в соках этого зелёного и пышного дерева.

— Ты уверен, что мы не созерцаем каменное изваяние? — сказал Дивино.

— Я имею в виду дерево, — сказал проводник. — Это не каменное изваяние.

— Странно, — пробормотал вождь, — не был бы он проводником, который так говорил, — я не поверил бы. Я пока не сошёл с ума.

— Тайна тайн! — закричал слепой старый па-

ломник. — Тогда что это за каменное изваяние, которое Пани называет деревом? О, Оро, если б у меня были глаза, я мог бы воистину узреть его и затем поверить, что это не так; и смог бы доказать широту своей веры, заслужив этим благословение Алмы.

— Трижды пресвятой Аннана, — забормотала девушка с печальными глазами, падая на свои колени перед Оро, — прими моё восхищение. Про тебя я ничего не знаю, кроме того, что говорил проводник. Я — всего лишь бедная, недалёкая девица, рассуждения — это не для меня, но я учусь у других, которые более мудры. Эти идеи для меня недоступны. Я боюсь думать. Алма, прими моё почтение.

И она разбросала перед богом цветы.

Но Фанна, здоровая матрона, повернувшись к Пани, воскликнула:

— Получи ещё подарки, о проводник. — И снова она набросила их на него.

И тут в Мораи появился решительный юноша, который не взял Пани в качестве проводника. Заметив группу людей перед идолом, он быстро подошёл туда, где они стояли. И, созерцая идола, внимательно изучил его и сказал:

— Это, должно быть, статуя Оро, но я не уверен.

— Нет, — вскричал слепой паломник, — это — святое дерево Аннана, своенравный отрок.

— Дерево? Когда-то могло им быть, но это не так; ты слеп, старик.

— Пусть я и слеп, но ты тёмен и невежественен.

Повернувшись к юноше, Пани сказал:

— Покинь святыню Мораи и не оскверняй сердца этих паломников. Уйди, говорю я, и во имя священного имени Алмы погибни в своих попытках подняться на пик.

— Я воистину могу погибнуть там, — сказал мальчик с печалью, — но это произойдёт в пути, увиденном мною в моих мечтах. И не думай, о проводник, что я абсолютно полагаюсь на выгоду от высокой встречи. Я буду подниматься на высокий Офо с надеждой, но не с верой. О могущественный Оро, помоги мне!

— Не будь нечестивым, — сказал Пани, — не произноси священное имя Оро столь легкомысленно.

— Оро — всего лишь звук, — сказал мальчик. — Высшего бога на моём родном острове зовут Ати; это — беззвучная мысль, о проводник, она живёт во мне.

— Прислушайтесь к его рапсодиям! Прислу-

шайтесь, какую он несёт чепуху о таинствах; этого даже Хивохити не сможет понять.

— Ни он, ни ты, ни я, ни кто-либо другой; Оро для всех является неизвестным.

— Почему же ты тогда утверждаешь, что знаешь Оро лучше, чем другие?

— Я не так тщеславен, и у меня мало способностей, чтобы прочувствовать то, что я не могу ощутить. Я не чувствую Оро в себе и не могу сказать почему.

— Гордый мальчик! Твоё смирение — отговорка; в глубине души ты полагаешь, что сам ты мудрее всего Марди.

— Не настолько мудрее. Вера — высшее понятие; мои личные сомнения оскорбляют меня. Я пла́чу и сомневаюсь, весь Марди может увидеть это, меня несложно разглядеть.

— Он безумен, — сказал вождь Дивино, — никогда прежде я не слышал таких слов.

— Это — мысли, — бормотал проводник.

— Бедный дурачок! — вскричала Фанна.

— Пропащий юноша! — вздохнула девушка.

— Он — всего лишь ребёнок, — сказал нищий. — Эти прихоти скоро пройдут; когда-то я походил на него, но, слава Алме, в час болезни раскаялся, став слабым стариком!

— Это — потому что я молод и здоров, — сказал мальчик, — потому, что меня больше занимают мысли, порождённые моей юностью и моим здоровьем. Я только что пришёл от моего Создателя со свежей душой и телом. На твоей больничной койке, старик, хвори одолели тебя.

— Отвернитесь от богохульника, — закричал Пани. — Сейчас же! Ты злой, ты обречён на вечные муки.

— Я пойду своим путём, — сказал мальчик, — но Оро укажет его конец.

И он оставил Мораи.

После проведения партии паломников вокруг священной ограды, ощупав путь своим посохом и отпустив своего ребёнка, Пани сел на низкий, мшистый камень, окружённый мрачными идолами, и указал паломникам, как вернуться к его жилью, где спустя некоторое время он смог бы примкнуть к ним. Паломники отбыли, он остался в глубоком раздумье, в то время как невидимый пахарь взад и вперёд прочертил длинные борозды на его челе.

Он долго молчал, затем пробормотал про себя:

— Этот мальчик, совсем буйный, мудрый мальчик нанёс удар по моему сердцу. Его мысли — мои сомнения. Но он честен. Всё же я никому ничего

плохого не делаю. У многих должны быть невысказанные мысли, так же как и у меня. Значит, мы тогда взаимно обманываемся? Человечеству без масок, насколько мне известно, гарантировано братство с другими, разделяющими те же идеи. Да ведь эту мысль — о Оро! — все должны скрывать? Наши мысли — не наши собственные. Независимо от того, какова она, честная мысль должна содержать некий зародыш правды. Но мы должны установить течение общего потока; я вслепую следую там, где являюсь ведомым; толпа паломников настолько велика, что они видят не только одного проводника. Это превыше всего: есть ли у нас ангельский дух? Но напрасно, напрасно, о Оро! Я попытался жить вне этого бедного, слепого тела, жилища, приспособленного для моей слепой души. Смерть, смерть: будучи слепым, мёртв ли я? Ведь слепота кажется осознанием смерти. Моя могила будет более тёмной, чем всё сейчас вокруг меня? Из темноты в темноту! Что это за такое тонкое, что находится во мне и ускользает от меня? И этому не будет конца? И когда всё это началось? Всё, всё — хаос! Что это за свет сияет в небесах, это солнце, о котором говорят мне? Или лгут? Полагаю, что так могли бы сверкать убеждения, но я размышляю и иду

на ощупь в темноте, моя немота соединена с сомнением; и всё же это не сомнения, это — хуже: я сомневаюсь в своём сомнении. О ты, премудрый дух в воздухе, как ты можешь наблюдать всё это горе и не подать знака? Было бы, было бы, как ствол, прочно сомнение, как у этого дерзкого мальчика, кто существует без веры, но, кажется, полон ею. Сомневающийся, несомненно, верит больше всех. О! Ведь я был таким. Полагаю, что смелый мальчик отверг Алму в себе, изо всех сил пытаясь быть свободным. Но эти паломники, эта доверчивая девушка. Что если они видели меня таким? К порядку, к порядку, душа моя; вернись на место, маска.

И он, шатаясь, ушёл из Мораи.

Глава VI
Они рассуждают о богах Марди, и Плетёная Борода рассказывает о некоем Фони

Идя от священной ограды, Мохи рассуждал о множестве богов на земле, многочисленных идолов которых мы видели.

Мохи рассказывал:

— Эти боги дерева и камня не относятся к богам в воздухе. Вы не дышите без вдоха, вы не коснётесь листа, не затронув его духа. Есть боги небес и боги земли, боги моря и земли, боги мира и войны, боги мошенников и злодеев, боги призраков и воров, певцов и танцоров, бедняков и богачей. Боги блестят в глазах птиц и искрятся в гребнях волн, боги весело шумят ветвями деревьев и весело поют в ручье. Боги здесь и там, и каждый везде; вы никогда для них не единственны.

— Если это так, Плетёная Борода, — сказал Баббаланья, — то наши сокровенные мысли подслушиваются, но уже не соглядатаями. Однако, мой господин, эти боги, на которых он ссылается, просто относятся к наполовину разумным,

это — кусочки целого, это тонкая сторона Первого Уровня.

— Это действительно так? — сказал Медиа.

— К наполовину разумным, ты говоришь, философ? — вскричал Мохи. — Тогда, прошу, заставь их появиться; поскольку то, что ты говоришь, кажется мне тарабарщиной.

Баббаланья, — сказал Медиа, — ты не более вразумителен; что знаете вы, смертные, о нас, богах и полубогах? Но скажи мне, Мохи, сколько из твоих божеств скал и болот, как ты полагаешь, вообще существует? Каково это число?

— Мой господин, при самом приблизительном вычислении, должно быть, по крайней мере три миллиарда триллионов квинтиллионов.

— Простая единица! — сказал Баббаланья. — Старик, зачем тебе произносить бесконечное число? Тогда возьми сумму безумия Марди для твоего сомножителя, а для твоего множителя — всё количество подлунных жителей, которые никогда не слышали о том, что их стало больше; и продукт должен превысить твои квинтиллионы, даже при том, что все они в отдельности будут нониллионами.

— Перестань, Баббаланья! — закричал Медиа. — Зловещие вены вздулись на твоём мрамо-

ре. Перестань. Прими ванну и создай прохладу своему хладнокровию. Но продолжай, Мохи, расскажи нам о событиях в этой Марамме, о Мораи и его идолах, пожалуйста.

И Плетёная Борода немедленно возобновил повествование, и вот его суть.

Была, кажется, особая семья на острове, чьи члены в течение многих поколений размещались отдельно, как жертвы для божества под названием Долима. Они отличались печальным и меланхоличным обликом и постепенно невольно сокращались в числе, отбывая на Мораи. И, тем не менее, когда приближался их конец, некоторые из этих неудачников шли радостно к своей гибели, объявляя, что они счастливы умереть во имя священного Долимы; однако были и другие, кто смело пытался избежать такой судьбы и после начала празднества бежал в самое дикое место острова. Но их бегство оказывалось бесполезным. По их следам гнался наследственный дворецкий оскорблённого бога, некий Ксики, в обязанность которого входила доставка жертв. И когда засевший в каком-то убежище беглец замечал приближающегося Ксики, то настолько пугался мести божества, от которого он стремился спрятаться, что отказывался от всякой

надежды на спасение. Он выскакивал из своего укрытия, восклицая: «Подойди и убей!» — и обнажал свою грудь для копья, которое убивало его.

Хроники Мараммы были полны ужасов.

В диком сердце острова, как говорили, всё ещё скрывался остаток группы воинов, кто во время празднования Дней родителей существующего Понтифика взялся за оружие, чтобы сместить его. Их возглавлял Фони, новоявленный пророк, описываемый как человек необычайной красоты. В ужасной резне эти воины были побеждены, и оставшиеся в живых, убежавшие вглубь острова, в течение тридцати дней преследовались победителями. Но хотя многих настигли и закололи, но некоторые уцелели, кто, в конце концов, горестно блуждая и в отчаянии беснуясь, разбрелись по лесам. И островитяне, кто время от времени проникал в дикую местность с целью сбора редких трав, часто пугались, видя на своём пути некое привидение, ярко светящееся через листву.

Трижды этих бесноватых обнаруживали праздно шатающимися возле населённых мест острова; и на рассвете служитель святой Мораи однажды натолкнулся на ужасное существо, вдвое его старше, просившее помочь принести

себя в жертву идолу Долимы. Бесноватый был убит, и по его неизведённым татуировкам было установлено, что это был не кто иной, как Фони, лжепророк; когда он вёл повстанческую борьбу, то имел великолепную внешность, теперь же запущенную из-за возраста и страданий.

Глава VII
Они посещают озеро Яммо

От Мораи мы повернули наши шаги к незанятой рощице; и здесь нас, подкрепившихся продуктами, предоставленными Бораболлой, застала ночь. Следующим утром мы продолжили путешествие вокруг противоположной части острова, где в священном озере Яммо находился известный храм Оро, а также большая галерея нижестоящих божеств.

Озеро являлось всего лишь частью гладкой лагуны, искусственно отделённой лесистым рифом, простиравшимся от высокого западного берега острова и изгибавшимся вокруг к мысу, оставляя узкий пролив к морю, однако почти невидимый из-за скрывающей его суши.

В этом озере было много островков, полностью покрытых зелёными рощами. Его главный берег имел крутой уклон с выступающими утёсами, где каждый из них увенчивался мшистыми старыми алтарями из камня или разрушенными храмами, мрачно отражавшимися в зелёной гладкой воде, в то время как из-за длинного ряда величе-

ственных деревьев низкая сторона озёрного рифа смотрелась единой зелёной стеной.

Пока мы плыли по Яммо, многие встречавшиеся островки выглядели как маленькие копии архипелага Марди, но сейчас они начинались с длинных призрачных линий в воде, являвшихся отражениями длинных рядов идолов на берегу.

Сперва мы направили наш путь к островку Дользоно, где увидали большую галерею богов: величественный храм, опиравшийся на одну сотню высоких пальмовых стволов, каждый из которых уже опирался ниже поверхности земли на захороненное тело человека; его неф представлял собой перспективу идолов; имена были вырезаны на их лбах: Огре, Трипу, Индримарвоки, Парзило, Вививи, Джоджиджоджорора, Джоркраки и многие другие.

Толпы служителей были заняты созданием новой группы идолов.

— Мой господин, вы видите одно из их основных занятий, — сказал Мохи.

Медиа ответил:

— Я многое слышал о знаменитом идоле Муйо, Кормящей Матери. Ты можешь указать на него, Плетёная Борода?

— Мой господин, когда я в последний раз был здесь, то видел Муйо во главе этого ряда, но они, должно быть, удалили её: теперь я идола не вижу.

— Работа этих служителей, — сказал Баббаланья, — следовательно, состоит в постоянном обновлении порядка построения идолов, отчего, посетив галерею сегодня, вы оказываетесь в замешательстве завтра?

— Да, это так, — сказал Плетёная Борода. — Но взгляните, мой господин, вот идол Муйо.

Мы стояли перед идолом-обелиском, настолько высоким, что, пристально разглядывая его, мы должны были обязательно запрокинуть назад наши головы. По словам Мохи, винтовая лестница вилась внутри его ног; его живот представлял собой подвал, хранивший тыквы со старым вином; его голова была полым куполом. На грубом горельефе из множества грудей были вырезаны легионы детских божеств, подобных вытянувшейся лягушке, в то время как в его складках прятались целые толпы младенческих идолов, размещённых там, чтобы впитать божий дух из древесных узлов.

Пока мы стояли, послышался странный подземный звук, смешанный с бульканьем выливав-

шегося вина. Поискав глазами, через бойницы и оконца мы увидали трёх человек в масках со скрещёнными ногами, сидевших в животе статуи и провозглашавших крепкие здравицы. Но как только они увидели нас, то сразу удалились вглубь, и потом слышалось только могильное пение, много стонов и печальных воззваний.

Пройдя далее, мы подошли к идолу с длинным, подобным анаконде, телом, обвившим со всех сторон свою собственную шею.

— Это, должно быть, Олоо, Бог Самоубийств, — сказал Баббаланья.

— Да, — сказал Мохи. — Вы заметили, мой господин, как он обвил сильным хвостом самого себя.

Тем временем служители в длинных одеждах, создавшие, согласно приказу, длинную шеренгу из новоприбывших сфинксов и грифонов и многих родственных им идолов, построились вместе и начали своё утреннее песнопение:

Неспящий Рарни! Неспящий Фолуна!
Пробудите прибывшие божества!

На эту и многие другие подобные просьбы идолы не высказали ни малейшего возражения.

Однако не обескураженные этим слуги теперь уже по отдельности продолжали предлагать ходатайства от имени различных племён, приготовленных для этой цели.

Один молился об изобильном дожде, дабы клубни ямса в Валапи не могли бы высохнуть в земле; другой — о сухой погоде, как самой благоприятной для текущего состояния плодов хлебного дерева, собираемых в Мондолдо.

Слыша всё это, Баббаланья сказал следующее:

— Несомненно, мой господин Медиа, помимо тех ходатайств, что мы слышим, есть десять тысяч противоречащих молитв, возносимых этим идолам. Но, полагаю, боги не будут сотрясать вечное течение вещей какими-либо намёками снизу, даже если б было возможно удовлетворить противоречивые желания.

Иуми сказал:

— Но, однако, Баббаланья, я бы молился, так как молитва приближает нас к нашим собственным душам и очищает наши мысли. Не смею допустить, что наши просьбы в целом напрасны.

Всё ещё блуждавший среди изображений Мохи сумел многое рассказать о соответствующих требованиях к благоговейному почтению.

И хотя так или иначе все мардиане покло-

нялись возвышающемуся над всеми Оро, они не были настолько единодушны относительно низших божеств, тех, которые, как полагали, косвенно затрагивали подлунные дела. Некоторые страны жертвовали одному богу, некоторые другому, и каждый придерживался мысли, что его собственный бог обладает бóльшими возможностями.

Отмечая, что все изображения были более или менее стёрты, Баббаланья попытался разузнать причину.

На что Плетёная Борода дал ответ, что они были стёрты враждебными адептами, которые, ссорясь в большой галерее богов и гневаясь, часто искали возможность опуститься до того, чтобы уничтожить любимых идолов друг друга.

— Но поглядите, — вскричал Баббаланья, — там, кажется, нет ни одного не изуродованного изображения. Почему это, старик?

Вот отчего. В то время как одна группа паломников стирает изображения своих противников, с её собственными изображениями поступают подобным же образом; отсюда вытекает, что идолам нет спасения.

— Хватит, хватит, Плетёная Борода, — сказал Медиа. — Давайте уйдём и посетим островок, где

обитает бог всех этих богов.

Глава VIII
Они встречают паломников в храме Оро

Глубоко, глубоко в тёмной роще мы нашли большой храм Оро, Опоры неба и Высшего божества.

Пока мы молча пожирали глазами этого знаменитого на весь Марди идола, в храм вошло множество его служителей, держащих жемчужные раковины на своих головах, заполненные горящим ладаном. И, расположившись толпой вокруг Оро, они затянули долгое раскатистое пение, подобное морю звуков, и густой дым от их ладана устремился ввысь.

И в тот момент вошли Пани и его паломники, сопровождаемые идущим на расстоянии от них своенравным мальчиком.

— Узрите Великого Оро, — сказал проводник.

— Мы не видим ничего, кроме облака, — сказал вождь Дивино.

— Мои уши поражены пением, — сказал слепой паломник.

— Получи больше подарков, о провожатый! —

вскричала матрона Фанна.

— О, Оро! Невидимый Оро! Я становлюсь на колени, — медленно пробормотала девушка с печальными глазами.

Но затем поток воздуха сдул курящийся дымом ладан, и своенравный мальчик, порываясь разглядеть идола, принялся ходить из стороны в сторону; но скопление служителей было столь велико, что он наконец воскликнул:

— О, Оро! Я не вижу тебя из-за толпы, которая стоит между тобой и мной.

— Кто этот болтун? — закричали они с кадилами, все до одного повернувшись к паломникам. — Не позволяйте ему говорить больше; да нагнитесь и сметите пыль, где он стоит, и объявите его самого мерзким ползущим существом. Так велят Оро и Алма.

— Я в себе ничего крайне мерзкого не ощущаю, — сказал мальчик, — и я преклоняюсь. Но я был бы рад поклоняться твоему монументу, который стоит в моём сердце, и то и другое одинаково; но больше этого, как можно? Я люблю великого Оро, хотя я и не постиг его. Я поражаюсь его делам и чувствую себя ничтожным рядом с ним, но из того, что он такой всемогущий, а я смертный, совсем не значит, что я мерзкий. Он

так не считает. Мы действительно делаем себя самих хуже, но не Оро делает нас такими. Разве Оро не занимается мной? И почему я недостоин стоять прямо перед ним? Оро всемогущ, но он совсем не деспот. Я удивляюсь, я надеюсь, я люблю, я плачу; во мне есть чувство, близкое к страху, но это не страх; и я совсем не мерзкий; мы не можем любить и испытывать раболепный страх. Но Оро зрит в моё сердце, которым я не могу всё выразить.

— Нечестивый мальчик, — они затрясли кадилами, — мы уложим тебя перед самим идолом твоего сверстника. Именем Алмы схватите его!

И они уволокли его без сопротивления.

— Вот и погиб безбожник, — сказал Пани дрожащим паломникам.

И они оставили храм, чтобы направиться к пику Офо.

— Моя душа разрывается! — закричал Иуми. — Мой господин, мой господин, позвольте нам спасти мальчика!

— Скажу: нет, — сказал Медиа. — Его судьба свершилась. На том стоит Марди.

— Тогда позвольте нам удалиться отсюда, мой господин, и присоединиться к паломникам; ведь в этих внутренних долинах, у самого основания

Офо, возможно, можно будет найти нашу пропавшую девушку.

— Не там, не там, — закричал Баббаланья. — Йилла, возможно, касалась этих берегов, но, должно быть, давно их покинула.

Глава IX
Они рассуждают об Алме

Пока мы в разных направлениях ходили по озеру, чтобы рассмотреть его берега, у нас затеялся большой разговор о том, что мы увидели, и печальная судьба мальчика, уведённого обладателями кадил, стала теперь темой для всех.

Много тогда было сказано об Алме, на которого проводник паломников и жрецы часто ссылались как на первостепенного авторитета.

Плетёная Борода подчинился указанию сообщить всё, что его хроники говорят об этой теме, и, ввиду длины повествования, оно теперь предстаёт в сжатом изложении.

Алма, как оказалось, был прославленным пророком и законоучителем, который давным-давно, периодически на разных островах, являлся мардианам под различными именами: Брами, Манко и Алма. Много тысяч лун прошло с момента его последнего и самого незабываемого олицетворения под именем Алмы на острове Марамма. Каждое из его появлений имело место в сравнительно тёмные и отсталые века. Следо-

вательно, тогда люди искренне верили в то, что он пришёл, чтобы избавить мардиан от их языческого рабства, объяснить им законы правды, достоинства и счастья, привлечь их к доброте обещаниями последующего блаженства и оградить их от зла осуждением приносимых злом несчастий. Отделённые от грязи и разложения, которые в череде столетий стали прилагаемыми к каждой вещи, принципы, первоначально произнесённые пророком, которые он преподал как Брами, оказались подобны внушениям Манко. Но под именем Алма, приспосабливая свои уроки к улучшению свойств человечества, божественный пророк более полно открыл свой замысел; как Алма он передал своё последнее откровение.

По завершении повествования Баббаланья мягко заметил:

— Мохи, не имею цели обвинить вас в произнесении неправды, но с того момента, как вы стали полагаться не на собственные свидетельства, разрешите мне вернуться к вопросу верности вашего портрета Алмы. Пророк пришёл, чтобы, как говорят, развеять заблуждения, но добавил ко многому, что было пережито в прошлом, десять тысяч других случаев раз- личных воплощений самих принципов Алмы. Пророк пришёл,

чтобы покончить со всеми богами, кроме одного, но со дней пришествия Алмы число идолов Мараммы возросло более чем вчетверо. Пророк пришёл, чтобы сделать нас, мардиан, более добродетельными и счастливыми, но наряду со всей предыдущей пользой те же самые войны, преступления и бедствия, которые существовали в дни Алмы, в различных версиях всё ещё существуют. Ну, тогда удалите из своих хроник, Мохи, истории тех ужасов, одну или другую, и последующих действий сторонников Алмы, где ваши хроники так часто упоминают кровь. Пророк пришёл, чтобы гарантировать нам вечное счастье; но, согласно постулатам Мараммы, счастье основано на непременном условии, которое по своему разумению очень немногие из нашей греховной расы могут обеспечить. Исходя из этого, я полностью отвергаю вашего Алму; не из-за всего, что абсолютно понятно в его историях, а из-за очевидных и бесспорных вещей повсюду вокруг нас, которые, как мне кажется, находятся в противостоянии с безоговорочной верой в его доктрины, провозглашённые здесь, в Марамме. Кроме того, каждая вещь на этом острове усиливает мой скептицизм, и никогда я не был таким абсолютно неверующим, как теперь.

— Позволь ветру дуть, — вскричал Мохи, — пока твоё опрометчивое признание звучит на этом священном озере.

Медиа спросил:

— Философ, помнишь мальчика и тех, кто схватил его?

— Ах! Я действительно помню его. Бедный юноша! Из-за его мук моё сердце тоскует по нему. Но самое благоразумное, в чём вы отказываете мне, мой господин, это запрет мне говорить что-либо от его имени. Но, будучи под наблюдением, как до сих пор, когда мы остались абсолютно одни, я бы воздержался от того, чтобы свободно рассуждать о том, что мы видели на этом острове. Поверьте мне, мой господин, ибо нет другого такого человека, который испытывает необходимость быть адептом веры или лицемером в Марамме и опасную неизбежность быть честным здесь, как я, Баббаланья. И знайте, что я не помышлял быть осторожным, когда в моём детстве мой собственный родитель погорел из-за своего безрассудства, и на этом самом острове. Беспристрастный Оро! Это было сделано во имя Алмы, — чему удивляться тогда, что время от времени я почти ненавижу это слово. И у этого огня они искренне поклялись предать его, — ужасная басня!

Мохи спросил:

— Тогда ты отрицаешь постоянные мучения?

— Это не стоит опровергать. Но, формально отрицая их, смогу ли я избежать риска того, что поколеблю веру тысяч людей, кто в этой благочестивой вере в бога находит бесконечное утешение от всего того, что они испытывают в Марди?

— Как? — сказал Медиа. — Разве нет тех, кто успокаивает себя мыслью о постоянном огне?

— Можно подумать, мой господин, что они защищают эту догму более решительно, чем кто-либо другой. Скорее они привезут к вам Райские острова, чем так. И, по правде говоря, как вассальным последователям Алмы, им, казалось бы, разумнее цепляться за неё, что они и делают; отчего, согласно всему, что каждый слышит в Марамме, великий конец миссии пророка кажется раскрытием нам, мардианам, грядущих ужасов, которых тяжело избежать. Но лучше мы будем все уничтожены, чем один человек будет проклят.

Медиа возразил:

— Но не думаешь ли ты, что, возможно, Алма был неверно понят? Действительно ли ты уверен, что эта доктрина — его?

— Я не знаю ничего иного, как то, что такова вера в этой земле. И я не знаю, где найти ответы на эти вопросы. Но, мой господин, я жил в те дни, когда некоторые люди, как говорится, фактически находились в собственности дьявола, и я не позволил воспользоваться случаем — как наперекор сделали наши предки — подвергнуть сомнению вопрос относительно их происхождения.

— Ну, хорошо, — сказал Медиа, — вера в твоего Алму не касается меня: я — король и полубог, и оставь вульгарные мучения простолюдинам.

— Но это касается меня, — пробормотал Мохи, — и я всё же не знаю, что и думать.

— Что до меня, — сказал Иуми, — то я отвергаю его. Можно я не буду в него верить? Он противоречит тому, что диктует моё сердце, инстинктивно моё сердце отворачивается от него, как отворачивается от желчи измученный жаждой человек.

— Молчите, не говорите больше, — сказал Мохи, — мы снова приближаемся к берегу.

Глава X,
которая рассказывает о некоем Раву и о посещении Реваневу, процветающего ремесленника

Повидав всё, что стоит посмотреть в Яммо, мы отбыли, чтобы закончить плавание вокруг острова, возвратившись в Уму без изменения нашего курса. Во время движения мы прошли мимо интересных объектов, назначение которых, по словам Мохи, как обычно, было весьма широко.

Среди прочего он указал на особые небольшие алтари, как верстовые камни установленные тут и там на ярком отблеске, выбегающем из лагуны. Посвящённые соответствующим духам, опекающим Марамму, эти алтари сформировали цепь духовной обороны, и здесь предполагалось стоять осведомляющему всех самому бдительному из привратников: бойтесь Хивохити, ибо весь его гарнизон защищает неприступную землю. Но эти часовые были только подчинёнными согласно указанию Понтифика, кто часто посылал им послания относительно их обязанностей часовых. Его мандаты вверялись некоему Раву,

наследственному епископскому посыльному, подвижному служителю, настолько быстроногому, что он, как говорится, летел, как копьё. «Искусен ли ты, как Раву, коли так приседаешь на своих ногах?» — говорят эти островитяне человеку, столкнувшему их второпях.

Почтальон Хивохити не проводил устного общения с часовыми. Посланный вокруг острова с различными кусками таппы, отпечатанными иероглифическим образом, он просто клал их на каждый алтарь, прижимал камнем, чтобы удержать официальное письмо на своём месте, и шёл дальше по кругу. Затем его маршрут пролегал по холму и по долине и по множеству коралловых скал, и, чтобы сохранить свои ноги от ушибов, он был вынужден носить котурны, или ботинки, изготовленные из долговечной таппы, сделанной из самых толстых и самых жёстких волокон. Поскольку он никогда не носил свои котурны, кроме случаев, когда он нёс почту, Раву очень берёг свои мешковины, хотя было бы очень неблагоразумно ходить без них. Чтобы сделать своё занятие более терпимым, здесь и там, чтобы охладить свои разгорячённые стопы, он создал серию стоянок, или стадий, в каждой из которых новая пара котурнов, свисающих с дерева,

была снимаема и надеваема изобретательным путешественником. Эти смены ботинок были чрезвычайно удобны; действительно, каждый раз следовало надевать свежую пару на ноги.

— Тогда с какой целью рассказан этот анекдот? — потребовал Баббаланья от Мохи, который, по сути, с чем-то его связывал.

— Попробуй увяжи! Но это простое подробное описание факта, и я рассказал его для развлечения компании.

— Но у него есть какое-либо значение, что вам о нём известно?

— Мудрец, узнай сам, — парировал Плетёная Борода.

— Но что выходит из этого? — настаивал Баббаланья.

— Будь я проклят, но это бессмысленное изложение в форме вопросов и ответов тебе, — ответил Мохи, — ничего, кажется, не спасёт тебя от пары усмешек.

— И надеешься, что ты, философ, возможно, сильнее? — прервал его Медиа.

— Я полон ясности относительно сущности вещей; тайна лежит дальше; элементы слёз вызывают много смеха; это внутри, как драгоценный жемчуг в заросшей устричной раковине.

Я исследую центр круга, я стремлюсь развить непостижимое.

— Ищи и, когда что-нибудь найдёшь, крикни, мы прибежим посмотреть.

— Мой господин король смеётся надо мной. Ему мои более тонкие размышления кажутся глупостью. Но поверьте мне, мой господин, в мыслях содержится больше, чем на виду. Есть мир чудес, окружённый со всех сторон пределами непосредственного сознания; или, как у старого Бардианны, тайна в пределах очевидного, пока очевидное в пределах тайны.

— И я когда-то это отрицал? — сказал Медиа.

— Столь же просто, как моя рука в темноте, — сказал Мохи.

— Я занят мечтой, — сказал Иуми.

— Они подтрунивают надо мной; но хватит; я виноват, что затеял дискуссию о глубинном мире, в котором живу. Я не прав в попытке увязать подлунные звуки с астрономическим смыслом. Многое из того, что находится во мне, несовместимо с тем эфиром, которым мы дышим. Но я не сержусь на вас. — И, обернувшись своей мантией, Баббаланья удалился в более уединённое место.

Прежде чем появиться в поле зрения Умы, мы

зашли в небольшой залив, чтобы отдать должное уважение Хеваневе, известной личности, там живущей, кто при помощи множества подмастерьев занимался прибыльным делом создания идолов для окружающих островов.

Знаете ли вы, что все идолы, сделанные в Марамме, были посвящены Хивохити, и что гораздо большим количеством зубов за них было уплачено Хеваневе, чем есть на острове брёвен, товаров или камней? Всё же это не дало возможности хитрому ремесленнику монополизировать прибыль от его призвания; на Хеваневе, не являющемся вассалом Понтифика, лежало последнее истребование доли для короля Лео и его обеспечение. Место было очень удачно расположено в приятной лощине, почти у края воды; здесь имелось несколько просторных рощ, где, лёжа ничком на своих священных лицах, находились все виды идолов в разнообразных стадиях скульптурного развития. С замечательным усердием подмастерья сжимали свои инструменты: кто-то высекал носы, кто-то прорезал борозды для ртов, а другие горячими кремнями — отверстия под уши, высверливая их прямо через затылок и приспосабливая для органов слуха.

— Как легко они всё это терпят, — заметил Баб-

баланья, глядя сквозь одну из голов.

Последний штрих божествам придавала обработка всей их поверхности высушенными кусками освящённой акульей кожи, грубой, как наждачная бумага, и прикреплённой к древесным брускам.

Под одним из удалённых деревьев Хеванева указал на милое собрание идолов, полностью законченных и готовых к продаже. Они были разного облика и разного размера, от тех же гигантов до небольших статуэток, которые носят в ушах крайне набожные люди.

— В последнее время, — сказал художник, — установился живой спрос на идола Арбино, бога рыболовства, презентуемого в качестве сезонного покровителя этого промысла. На Надам (Надам осуществляла контроль над любовью и вином) также был крайний спрос в сезон сбора винограда, когда у дев возрастает игривость и к тому же религиозность.

Увидев, что Хеванева обращался со своими изделиями весьма фамильярно, если не сказать непочтительно, Баббаланья решил узнать у него, что тот думает о своём ремесле; являются ли изображения, которые он сделал, подлинными или поддельными; одним словом, верит ли он

в своих богов.

Его ответ был любопытен. Но ещё интересней была его жестикуляция, которой он воспользовался.

— Когда я срубаю деревья для своих идолов, — сказал он, — они — всего лишь брёвна; когда на эти брёвна я набрасываю рисунки, мои изображения всё так же остаются брёвнами; когда применяется долото, они всё ещё брёвна; и когда всё закончено, и я наконец выдерживаю их в моей студии, то даже тогда они — брёвна. Однако, когда я остаюсь с платой, они уже главные боги, какими всегда и были в Марамме.

— Вы, должно быть, делаете очень много разнообразных идолов, — сказал Баббаланья.

— Всех видов, всех видов.

— И из того же самого материала, я полагаю.

Да, да, одна роща даёт материал для них для всех. И в среднем каждое дерево даёт материал для пятидесяти полных идолов. Затем мы часто берём подержанные изображения в часть оплаты за новые. Их мы перерабатываем в новые образцы, исправляем глаза и уши, срезаем носы и, особенно, подновляем ножные опоры, где они всегда начинают распадаться.

С санкции Понтифика Хеванева, в дополнение

к своей большой торговле идолами, также занимался очень прибыльным делом строительства каноэ, прибыль от чего, не делясь, отправлял в свою частную казну. Но Мохи утверждал, что Понтифику часто поставляли бракованные идолы с его же изображениями для его же каноэ. Как бы то ни было, Хеванева вёл процветающую торговлю изделиями обоих производств. И для демонстрации этого факта он обратил наше внимание на три длинных ряда каноэ, стоящих на деревянных подпорках. Они имели прекрасный вид, в любой момент готовые к спуску на воду, были снабжены вёслами, аутригерами, мачтами, парусами и человеческим черепом с короткой рукояткой, вставленной в один из его глаз, — обычным ковшом в Марамме — и, помимо других аксессуаров, включали дюжину идолов на носу для полного соответствия.

Вследствие суеверного предпочтения древесины и производителей со священного острова, каноэ Хеваневы пользовались столь же доброй славой, что и его идолы, и продавались одинаково хорошо.

По правде говоря, несколько производств помогали друг другу. Большие изображения вырезались из полой части каноэ; и все узловатые

ненужные детали резервировались для изготовления серёжек идола.

— Но, в конце концов, — сказал ремесленник, — я нахожу, что на моих идолов спрос больше, чем на мои каноэ.

— И так будет долго, — сказал Баббаланья. — Держись за своих идолов, человек! Это дело более надёжное, чем пекарня.

Глава X I
Поучительный рассказ Баббаланьи

Усевшись на наши каноэ ещё раз, мы медленно поплыли вперёд, когда Медиа заметил:

— Баббаланья, хоть меня редко беспокоят такие мысли, я просто подумал, насколько трудно, должно быть, менее осведомлённым людям решить, какому именно изображению нужно поклоняться как божеству-защитнику, когда в Марамме, как кажется, существует такое множество идолов и ещё тысяча за его пределами.

— Нисколько, Ваше Высочество. Неосведомлённость лучше осведомлённости. Множество изображений их не отвлекает. Но так как я не нахожусь в нужном настроении для серьёзной беседы, позвольте мне рассказать вам историю.

— История! Услышьте его: торжественный философ настроен попотчевать нас рассказом! Но умоляю, начинай.

— Как-то давно, — сказал Баббаланья, бессознательно поправляя свой пояс, — девять слепцов с необыкновенно длинными носами решились на путешествие, чтобы увидеть большой остров,

на котором они родились.

— Прекрасное начало, — пробормотал Мохи. — Девять слепых, отправляющихся осмотреть достопримечательности.

Баббаланья продолжал:

— С посохами в руках шли они, один за другим, каждый из которых держал руку на плече впереди идущего; и обладатель самого длинного носа взял на себя обязанность поводыря. Путешествуя таким строем, они прибыли в долину, в которой правил король по имени Таммаро. Там, в отдельном отгороженном месте в верхней части долины, рос огромный дикий баньян, полностью покрытый мхом, за многие столетия ставший, по сути, настоящим лесом: его тысячи ветвей, касавшихся земли, укоренились в ней и превратились во множество гигантских стволов. У Таммаро давно стоял вопрос, какой из этого множества стволов был первичным и истинным; вопрос, который озадачил самые мудрые головы среди его подданных, и напрасно предлагалось вознаграждение за нахождение истины. Но дерево было столь обширно, и его сплетения столь сложны, и его укоренившиеся ветви настолько схожи и многочисленны, что из-за отростков, которые каждый год добавлялись к ним, было

совсем невозможно определить исходную точку. Однако, как только эти девять слепых услыхали, что есть вознаграждение, предлагаемое за обнаружение ствола дерева, стоящего совершенно отдельно от всех остальных, они уверили Таммаро, что быстро уладят этот небольшой вопрос, и громко и яростно выступили против глупости его мудрецов, которая была им так очевидна. Поэтому их препроводили внутрь ограды и гарантировали, что дерево находится где-то в этих пределах. Они разделились, идя широкой цепью, чтобы максимально окружить дерево; ощупывая свой путь своими палками и носами, они приступили к поиску, выкрикивая: «Фу! Предоставьте место; позвольте нам разгадать тайну». Затем, ударившись своим носом об одну из укоренившихся ветвей, передний слепой быстро встал на колени и, ощупав место, где она уходила в землю, радостно закричал: «Оно здесь! Оно здесь!» Но почти в унисон с его дыханием каждый из его компаньонов также, коснувшись ветви своим посохом или своим носом, выкрикнул в подобной же манере: «Оно здесь! Оно здесь!» После чего все смутились, но немедленно человек, который выкрикнул первым, так обратился к остальным: «Дорогие друзья, конечно же, вы ошибаетесь.

Есть всего лишь одно дерево в этом месте, и оно здесь». — «Правильно, — сказали одни, все вместе, — есть только… одно… дерево, но… Оно здесь!» — «Нет, — сказали другие. — Оно здесь!» И, так говоря, каждый слепой торжествующе ощупывал ствол, который вырастал из земли. Тогда опять сказал первый оратор: «Дорогие друзья, если вы не верите тому, что я говорю, подойдите сюда и почувствуйте сами». —

«Нет, нет, — ответили они, — зачем искать далее?.. Оно здесь! И больше его нигде не может быть». — «Вы — слепые дураки, вы противоречите себе, — продолжал первый, разгневанно вопя, — как может каждый держать отдельный ствол, когда он всего один в этом месте?» После чего они удвоили свои крики, обзывая друг друга всем перечнем оскорбительных имён, а затем принялись бить друг друга своими палками и тыкать друг друга своими носами. Но вскоре после все были окликнуты Таммаро и его людьми, кто всё это время вёл за ними наблюдение; они были громко призваны похлопать ладошами по своим стволам и снова срочно отправлены для повторения поисков; и так случилось, что все до одного поменялись местами, всё ещё продолжая выкрикивать: «…Оно здесь! …Оно здесь!» — «Мир!

Мир! Вы — глупые слепцы, — сказал Таммаро. — Ну, теперь вы, лишённые глаз, будете полагать, что видите лучше тех, у кого они есть? Дерево слишком велико для нас всех. Следовательно, покиньте долину!»

— Замечательная история, — вскричал Медиа. — Я понятия не имел, что простой смертный, далеко не философ, смог так хорошо себя показать. Клянусь моим скипетром, но это славно сделано! Ха, ха! Слепые вокруг баньяна! Пожалуй, Баббаланья, никакой полубог не смог бы превзойти его. Тайи, не так ли?

— Но, Баббаланья, что имел ты в виду, сидя под солнцем, рассказав свою историю про слепцов? — вскричал Мохи. — Лицевая сторона или обратная, я не могу сделать вывод из неё.

— Другие смогут, — сказал Баббаланья. — Это — разносторонняя чувствительность, старик.

— Головастик! — сказал Мохи.

Глава XII
Высадившись для посещения Понтифика Хивохити, они сталкиваются с весьма необычным старым отшельником, с кем у Иуми происходит тайная, но малопонятная беседа

Плывя далее, мы внезапно разглядели одинокого островитянина, плывшего в своём каноэ из соседней бухты.

Приблизившись, незнакомец сообщил нам, что прибыл только что от лица великого Понтифика Хивохити, который, отклонив своих небесных гостей, удалился в своё личное убежище. Услышав это, Медиа решил высадиться немедленно, под руководством Мохи пройти вглубь страны и посетить его Святейшество.

Когда мы оставили берег, дорога привела нас в безлюдную рощу. По бокам рос высокий казауринас, разновидность кипариса, стоящий в тени неподвижно, словно лица немых на похоронах. Но тут и там эти деревья были опутаны пронырливыми лозами вьюнка, которыми славятся тропики. Усики его, придавленные ветками,

источали молоко на подобные телам дракона чешуйчатые деревья.

Эта виноградная лоза имеет много видов. Притаившись и избегая резкого солнца в течение дня, одна из них поднимается ночью со звёздами, раскрываясь далее в великолепных созвездиях цветов, закрывающихся с рассветом. Другие, дремлющие в темноте, раскрывают по её прошествии свои лепестки, лишь только выглянет утро, и, втянув его дыхание, снова закрывают их для отдыха. В то время как третья разновидность, более капризная, отказывается распускаться вообще, только лишь при самом ярком свете и на самых высоких вершинах самых высоких деревьев. Честолюбивые цветы! В безветренную погоду, находясь на высоте, их можно наблюдать и восхищаться.

Тут и там мы проходили лесными открытыми полянами с восхитительным ароматом фиалок. Бальзамические папоротники, раздуваемые бризом, наполняли весь воздух ароматами. Эти поляны были восхитительны.

Двигаясь далее, мы медленно вошли в тёмную речную долину, настолько ловко скрытую окружающими рощами, что если бы не миазмы, отсюда исходящие, то неосведомлённый стран-

ник мог бы и повторно пройти мимо неё снова и снова, никогда не подозревая о её близости.

Вниз, во мрак этой речной долины, мы и спустились. Её склоны были покрыты ядовитыми кустами, чьи запахи с середины пути внизу неприятно смешивались с сосновым бризом от нагорий. Через её ложе протекал ручей, берега которого имели странный металлический блеск из-за текущих здесь загрязнённых вод, чей сернистый источник, полный мерзкого аромата и вкуса, находился там, где останавливалось множество страждущих паломников.

В лесу повсюду вокруг мрачно каркали вороны, чёрный дятел, беспрерывно стуча, точил свой клюв на ветвях, за каждым стволом таился призрак; и из этого леса Хеванева получал древесину для своих идолов.

Почти бегом пересекая это место, Иуми своими руками закрывал свои уши, старый Мохи — свои ноздри, а Баббаланья безуспешно пытался идти с закрытыми глазами. Мы пробирались среди крутых, кремнистых скал по дикой, зигзагообразной тропе, как двигается мул в Андах, не столько вперёд, сколько вверх: Иуми шёл выше Баббаланьи, мой господин Медиа выше Иуми, а Плетёная Борода, наш проводник, выше всех.

Смешанная с пеплом стекловидная известковая глина оказалась рассыпанной вместе с ним в таком беспорядке, какой только возможен при исторжении из жерла вулкана.

Наконец, мы подошли к высокому, тонкому строению, скрытому среди выступающих частей утёсов, к которому, как к монументу в темноте, вели дороги аббатства. Окружали его пять потухших кратеров. Воздух был тяжёлым и, тем не менее, как будто наполненным ударами грозовых разрядов.

Подобно индусской пагоде, это бамбуковое здание возвышалось ярусом на ярусе, с множеством углов и точек, украшенных жемчужными раковинами, подвешенными на шнурах. Но верхний ярус, приблизительно на высоте десяти туазов, был плотно закрыт соломой от вершины до пола, на высоту которого можно было добраться по серии лестниц.

Что за отшельник проживает здесь, как Святой Столпник наверху своей колонны? Вопрос, на который Мохи, казалось, рвался получить ответ.

Опустившись на свои колени, он прокричал особую нижайшую просьбу — никакого ответа. Ещё раз — всё было тихо. Подойдя к пагоде и снова встав на свои колени, он встряхнул бамбук,

пока здание не закачалось и жемчужные раковины не зазвенели, как у отряда андалузских мулов, с колокольчиками вокруг их шей, скакавших вдоль узкого прохода.

Солома наверху была неспешно отброшена, и показалась голова. Это был древний, древний старик со стальными серыми глазами, волосами и бородой и ужасным ожерельем из челюстных костей.

Затем, отойдя от пагоды, Мохи обернулся, чтобы получить представление о стоявшем призраке, и, едва рассмотрев его, вместе с Королём Медиа и остальными послал ему приветствие. Затем отшельник указал туда, где стоял Иуми, и махнул своей рукой вверх; тогда Мохи сообщил менестрелю, что, согласно пожеланию Святого Столпника, он должен навестить его. Задаваясь вопросом, зачем он нужен отшельнику, Иуми начал подниматься и, наконец, приблизившись к вершине пагоды, был встречен открытым проёмом, откуда поданная ободряющая рука помогла ему окончательно взобраться.

Здесь было довольно темно; отверстие, в которое его втащил появившийся призрак, было теперь закрыто, и слабый сумеречный свет проникал туда через открытый пол.

В этом мрачном уединении тихий отшельник стоял напротив менестреля; его седые волосы, глаза и борода блестели, как будто полосы фосфора, в то время как его ужасное ожерелье ужасно усмехалось всеми своими челюстями.

Безмолвно Иуми ждал, когда к нему обратятся, но, не слыша ни звука и осознавая странность своей ситуации, он размышлял, не лучше ли было бы скрыться с глаз долой как раз тем же самым путём, каким он вошёл, — через пол. В ожидании намерений отшельника внезапно что-то промелькнуло в проёме, и, представ друг перед другом и усевшись вслед за этим, оба оказались в полной темноте.

Закрытый таким образом с таинственным незнакомцем, зная лишь о единственном пути спасения, бедный Иуми впал в состояние, близкое к панике, едва понимая, чего ждать дальше. Что касается усилия найти выход, то оно вселяло тревогу, поскольку он знал, что самому отшельнику помогал мрак, который повсюду мог изобиловать остриями копий.

Наконец тишина была нарушена.

— Что видишь ты, смертный?

— В основном темноту, — сказал Иуми, сам удивляясь смелости своего ответа.

— Я живу в ней. Но что ещё видишь ты, смертный?

— Тусклый блеск вашего ожерелья.

— Кроме меня, что ещё ты видишь?

— Ничего.

— Тогда ты узнал меня и видел всё! Спускайся.

С этими словами проход открылся, и, ощупывая во мраке путь, Иуми повиновался приказу и отступил, исполненный досады от загадочного приёма.

По его приземлении Мохи спросил, оказался ли отшельник замечательным персонажем.

Не думая о том, что некоторая шалость скрывалась в вопросе мудреца, и, будучи слишком возмущённым, чтобы вдаваться в детали, менестрель дал несколько раздражённый ответ, и, пройдя через узкий проход, наша партия возобновила своё движение.

Отстав позади, чтобы рассмотреть странные растения и цветы на своём пути, Иуми оказался столь поглощённым этим занятием, что почти забыл сцену в пагоде, с каждым моментом ожидая приближения к величественному местожительству Понтифика.

Но внезапно пейзаж вокруг стал знакомым; путь оказался тем же, каким мы следовали сра-

зу же после высадки из каноэ, и вдали в поле зрения показалось место высадки.

Удивляясь, что объект нашего посещения оказался таким заброшенным, менестрель побежал вперёд за разъяснением. После чего Мохи в изумлении поднял свои руки, воскликнув о слепоте глаз, которые созерцали высшего Понтифика Мараммы, не сознавая этого.

Старый отшельник был не чем иным, как страхом Хивохити, а пагода — жильём сокровенного оракула острова.

Глава X III
Баббаланья пытается раскрыть тайну

Это был персонаж, подобный Великому Могулу, несравненный Алиасур, сверхчеловек; если тот же самый Хивохити, имя которого гремело среди гор как разрывы грома, был замечен лицом к лицу на приёме у ничтожества, бородатого старого отшельника или, в лучшем случае, некоего сомнительного чародея.

Удивление Иуми в тот момент было столь велико, что он не смог не выразить его в словах.

После чего Баббаланья рассудил так:

— Добрый Иуми, не изумляйся, что Хивохити до сих пор находится позади твоей предыдущей концепции. Тени вещей больше, чем сами вещи; и чем больше увеличена тень, тем больше отличается она от того, кто её отбрасывает.

— Но теперь, когда я знаю, каков Хивохити, — сказал Иуми, — мне очень хочется снова его подольше созерцать.

Но Мохи уверил его, что это исключено, поскольку Понтифик всегда вёл себя в отношении таких незнакомцев, как Иуми, одинаково, и что

один тусклый взгляд отшельника был всем, что мог получить смертный.

Отстранённый таким образом от второй и более исчерпывающей встречи с тем, кто пробудил его яростное любопытство, менестрель снова обратился к Мохи за разъяснениями; особенно его интересовала по-египетски тёмная приёмная магната в его воздушном логове.

На что летописец дал ответ, что Понтифик пребывал в темноте потому, что она ему нравилась; то, что он был немногословным правителем, но деятельным, и если бы Иуми разрешили оставаться подольше в его пагоде, то он был бы посвящён во многие странные религиозные таинства. Послышались бы голоса в воздухе, разговаривающие с Хивохити, необъяснимые шумы, исходящие от него, короче говоря, из той темноты пролился бы свет.

— Но кто видел эти вещи, Мохи? — спросил Баббаланья. — Вы знаете?

— Нет.

— Тогда кто?.. Медиа?.. Вы знаете кого-либо?

— Нет, но весь Архипелаг знает это.

— Итак, — воскликнул Баббаланья, — весь Архипелаг Марди, будучи слепым во многих вещах, коллективно созерцает чудеса, которые не виде-

ла ни одна пара глаз.

Глава XIV
Тайи получает новости и предзнаменования

Пока мы медленно плыли дальше, нас настигла шлюпка, чьи гребцы, подойдя со стороны Медиа, сказали, что они прибыли от Бораболлы.

Мрачные новости! Смерть моего верного спутника.

Исчезнувший ночью, он следующим ранним утром был обнаружен без признаков жизни в лесу с тремя стрелами в сердце. И три бледных незнакомца исчезли. А быстроходное каноэ исчезло с берега.

Убит из-за меня! Моя душа рыдала. Не успокоились люди Алимы: ещё не удовлетворено было преступное намерение мстителей, которые, несомненно, шли по моему следу.

Но я решил вернуться, и немедленно три каноэ были раз- вёрнуты; и вскоре смерть Ярла полностью сдавила меня, пока не вмешался Медиа:

Мёртвому твоё присутствие жизнь не вернёт.

— И поэтому мы должны, — сказал Баббаланья, — искать живых, а не мёртвых.

Таким образом, они удержали меня, и посыльные Бораболлы отбыли.

Скоро наступил вечер, и в его полутьме возникли три тени — герольды Хотии.

Их шлюпка скользила рядом.

Вначале предстал лист трилистника, затем другой, в форме стрелы.

Иуми сказал:

— Я всё ещё стремлюсь следовать позади мести. Затем были брошены увядшие, бледные нарциссы. Иуми сказал, уточняя:

— Твои надежды погубят всех.

— Не мёртвый, но живущий жизнью ради жизни. Сирены! Я не замечаю вас.

Они бы показали больше цветов, но, подняв паруса, мы их оставили.

Последовал большой разговор. Затем все улеглись отдыхать под навесом. И надолго опустившийся сон устремился за почти неисчислимыми мечтами: так тихо пастух заполоняет все холмы своим стадом.

Глава XV
Мечты

Мечты! Мечты! Золотые мечты: бесконечные и золотые, как цветочные прерии, что простираются вдаль от Рио-Сакраменто, в чьих водах плескалась Даная; прерии как окружающие вечности: опавшие листья жонкилии и моё стадо мечтаний, как стадо буйволов, рассматривающих горизонт и мир вокруг; и среди них я мчусь с моим копьём, успевая поразить одного, прежде чем все они обратятся в бегство.

Мечты! Мечты! Прошедшие и проходящие снова, как Восточные империи в истории; и густая волна скипетров, подобная пикам Брюса в Бэннокберне; и короны, коих столь же много, сколько цветов календулы в июне. И далеко на заднем плане, туманном и синеющем, их влага выпадает из неба, неясно вырисовываются Анды над Андами, вырастающими из Альп; и повсюду вокруг меня бесконечные порывистые океаны, волны Амазонок и Ориноко; волны, как скачущие парфяне, и повсюду разбросанные леса: весь мир — лось, и лес — его рога.

Но далеко на Юге, после моих солнц Сицилии и моих виноградников, находятся линии Антарктического ледового барьера: китайская стена, построенная напротив моря, и её дремлющие матовые башни в серовато-коричневом, мрачном небе. Лежат ли Тартария и Сибирь за её пределами? Смертельны и пустынны эти страны; холодный и дикий океан, бьющийся у основания этого барьера, катясь, замерзает и вспенивается; и с зафрахтованными флотами айсбергов враждующие миры пересекаются орбитами; их длинные льдины выглядят как копья перед броском. В широкой дали плывут дрейфующие льды с замороженными кладбищами скелетов и костей. Белые медведи воют, когда их уносит от своих детёнышей; и жернова островов сокрушают черепа выглядывающих тюленей.

Но ниже меня, на экваторе, бьётся земной пульс, и удары его как у сердца воина; и я пока не знаю, не я ли это сам. И моя душа опускается к глубинам и взлетает до небес и, подобная комете, катится через такие безграничные пространства, что кажется, будто все миры — моя родня, и я призываю их, чтобы они оставались рядом. И, как могучие, большие торговые трёхпалубные суда, тянущие десятки «Арго», я дрожу,

задыхаюсь, и напряжён в моём полёте, и охотно отбросил бы все тросы как помеху.

И, словно фрегат, я полон тысячью душ; и, как они, я несусь по ветру, как множество моряков мчится из нижних кубриков, как шахтёры выскакивают из шахт, крича на бегу через мои палубы, хватаясь за противоположные скобы; и сам этот путь и эти большие палубы качаются вокруг их топоров и слышат неистовые крики и противоречивые приказы, отдаваемые во имя спасения славного судна от мели. Мелководья, как туманы, окутывающие белый риф Млечного Пути, о который разбились разрушенные миры, усыпали все свои берега рёбрами и килями судов, подобными Хималеху.

Да, много, много душ находится во мне. В моих тропических штилях, когда моё судно пересекает океан Вечности, они говорят одновременно, все в один голос, оркестром множества французских горнов и рожков, который гремит, затихает и трепещет золотом вопросов и ответов.

Иногда, когда Атлантический и Тихий океаны вот так бушуют вокруг меня, я лежу, растянувшись посреди них: не имея выхода к морю из Средиземноморья, не зная никакого отлива, никакого течения. С другой стороны я разбит

в брызгах этих звуков, орлом на краю света, брошенным ввысь на рога бури.

Всё же я снова спускаюсь и описываю концерт.

Как величавую земную возвышенность, старый орган Гомера катит свои широкие валы под лёгкими пенистыми гребнями волн Анакреона и Хафиза; и высоко над моим океаном сладкий Шекспир взлетает, подобно всем жаворонкам весны. Царствуя на моём побережье, как Кнут, смело выступаю я против ударов арфы Оссиана, свитой из полевых цветов, в ко- торой звучит трель моего Валлерса; слепой Мильтон поёт басом для моих Петрарок и Прайорсов, и лавровый венок — моя корона.

Во мне много важных персон отдыхает и приходит в себя. Я составляю список Святому Павлу, обсуждающему сомнения Монтеня; Юлиан Отступник ставит вопросы Августину; и Фома Кемпийский разворачивает свои старые чёрные письма для всеобщего понимания. Зенон бормочет принципы под хриплый крик Демокрита; и хотя смех Демокрита громок и долог и видна насмешка Пиррона, но предугадываются Платон и Проклус и мой советник Верулам; и Заратустра шептал мне прежде, чем я родился. Я иду в мир, который принадлежит мне, и принадлежу

многим странам, как парк Минго, лежащий в Африканской колыбели; меня обслуживают, как Баязета, Вакх — мой дворецкий, Верджил — мой менестрель, Филип Сидни — мой слуга. Моя память — жизнь вне рождения; моя память — моя Ватиканская библиотека, её альковы — бесконечные перспективы, освещаемые исходящими из средневековых эркеров крестообразными лучами света.

И поскольку большая Миссисипи вбирает в себя воды страны — Огайо со всеми её объединёнными потоками, Миссури, спускающуюся кланами ливней с гор, Арканзас с его татарскими реками с равнины, — так, со всем прошлым и настоящим, влившимся в меня, я издали качусь своей лавиной. Всё же не я, но кто-то другой: Бог — мой Бог; и хотя множество спутников вращается вокруг меня, я и всё вокруг вращается вокруг центральной великой Истины, подобной солнцу, всегда твёрдо стоящей и сверкающей в безопорном небесном своде. Пламя огня на моём языке; и как старые бактрийские пророки потерпели провал, так и неудачники пребывают во сне забвения. Но кто бы ни кидал в меня камни, я буду Геростратом, который бросил факел в храм; и пусть Чингисхан объединился

с Камбизом, чтобы стереть его, его имя будет существовать в устах последнего живущего человека. И если этому быть, то обратно к смерти, откуда я пришёл, я пойду, как Ксенофонт, отступающий из Греции, когда вся Персия размахивает своими копьями у него позади.

В то время как я пишу, моя щека бледнее белого; я начинаю царапать своим пером, и мой собственный безумный выводок орлов пожирает меня; охотно я бы отрёкся от этой смелости, но железная рука сжимает меня клещами и со злостью выводит каждую букву. Я охотно сбросил бы этого Дионисия, что едет на мне; мои мысли толкают меня вниз, пока я не начинаю стонать; в далёких краях я слышу песню жнеца, пока работаю, как раб, и падаю в обморок в этой клетке. Лихорадка прокатывается через меня, как лава; мой горячий мозг горит, как уголь; и какому же множеству монархов я позавидовал бы меньше, чем самому последнему батраку в поле!

Глава XVI
Дискуссия между Медиа и Баббаланьей

Наше посещение Понтифика, не предвиденное заранее, несколько изменило наши планы. Все поиски пропавшей в Марамме оказались бесплодными, и, ничего не удостоив внимания, мы не вернулись в Уму, но возобновили тур по лагуне. Когда наступил день, у разлёгшегося под навесом Баббаланьи появилась охота серьёзно обсудить то, что мы увидели в последнее время, и то, что из-за недавно случайно открывшегося общего легкомыслия, казалось, очень задело его сердце.

Но мой господин Медиа это запретил, сказав, что нужно обязательно включить темы, которые все весёлые благоразумные мардиане, желающие жить и быть весёлыми, неизменно удаляли из общественных бесед.

— Размышляй как пожелаешь, Баббаланья, но говори негромко, если ты весел, и пользуйся мифическими терминами. Установи великие принципы вещей, но позволь выводам забо-

титься о самих себе. Никогда не будь особенным, никогда — приверженцем. Для безопасности, заранее, ты можешь сбиться в комок, но при опасности пытайся спасти единственную башенку крепости от штурма. И если сомнения отвлекают тебя, напрасно будешь ты искать сочувствия у своих собратьев. Поскольку в этой теме многие из вас, свободолюбивых смертных, пусть даже честных и мыслящих, наименее откровенны и дружественны. Беседы с ними порождают главным образом формулировки или виляние или пустое предположение о философском безразличии, или учтивое лицемерие, или прохладное, гражданское уважение к доминирующей вере, или, что ещё хуже, но менее распространено, жестокий неразборчивый скептицизм. Кроме того, Баббаланья, на финише в головах у твоих смертных не остаётся ни единой последней мысли — их просто не может оставаться, — и в основе твои собственные мимолётные мечты — слишком часто загадочны для тебя самого; и ты скорее сможешь открыть чью-либо тайну, чем свою собственную. Таков мудрейший из всех вас, пока вы когда-нибудь не расстанетесь. Вы явите тропическое спокойствие без него? Тогда убедись в тысячах противоположных водоворотов

и вихрей повсюду. Свободная, воздушная одежда твоей философии — всего лишь мечта, которая кажется верной всё то время, пока она длится; но, просыпаясь снова в ортодоксальном мире, ты немедленно вновь обретаешь старые принципы. И хотя в своих мечтах ты можешь устремиться к самому удалённому ориентиру, ты, однако, всё время пребываешь там, где ты есть. Баббаланья! Вы, смертные, живёте в Марди, и вам невозможно выбраться в иное место.

Баббаланья ответил:

— Мой господин, вы учите меня. Но, хотя я не согласен с некоторыми вашими положениями, готов признаться, что не впервые философа просвещает человек.

— Полубог, сэр; и поэтому я с большей готовностью освобождаю от обязательств свой ум из-за всей той серьёзности предмета, из-за которого вы, смертные, так досадуете и мучаете себя.

Последовала тишина. И, усевшись обособленно с обеих сторон баржи, торжественно покачиваясь в неподвижном раздумье под пробегающие волны, Баббаланья, Мохи и Иуми склонялись всё ниже и ниже, как траурные перья; и наше мрачное каноэ стало похожим на катафалк.

Глава XVII
Они потчуют себя своими трубками

— Хо! Смертные! Смертные! — закричал Медиа. — Идёте хоронить наших мёртвых? Не спите, сыны мужей! Не стоит унывать, наследники бессмертных! Хо, Ви-Ви! Доставай наши трубки: мы будем курить и коптить эти облака.

Ничего нет столь соблазнительного, как дым табака, вдыхаемый через хуках, кальян, чубук, голландский фарфор, такой, как чистый Принсипе или Регалия. И из-за большой оплошности у Короля Медиа не оказалось трубки среди приборов в том путешествии, в которое мы отправились. Табака в стопках у нас не было совсем; сигары, но не сигареты, которые мало уважаются компаниями. Предпочитались трубки; и их мы часто курили; свидетель тому — о! — Ви-Ви. Но не из той мерзкой глины, из которой человечеством были созданы этрусские вазы, были эти весёлые прекрасные наши трубки. Но всему своё время.

Как известно, лист табака бывает разных видов и разновидностей. Но не будем останавливать-

ся на мерзких Шевелюре, Косичке, Затычке, Шершавой астре, Голове негра, Кавендише и неправильно названной Сплетённой леди, поскольку есть следующие вариации: Золотой лист, Ориноко, Симароза, Смирна, Первоцвет, Река Якова, Сладкий аромат, Медвяная роса, Кентукки, Кнастер, Скарфалити и знаменитый Шираз, или персидский. Из всего этого, возможно, последний является наилучшим.

Но для курящего, самого по себе привередливого существа, даже Шираз недостаточно нежен. Он нуждается в смягчении.

И хитрая технология смягчения даже самого умеренного табака была хорошо известна во владениях Медиа. Там, на плантациях, иногда покрываемых задумчивым синим туманом, его прекрасный лист выращивался в беспредельном изобилии, почти таким же, как широколистный банан с широкими опахалами. Стебли листа изымались, остаток измельчался, смешиваясь с мягкой корой ивы и ароматными листьями бетеля.

Хо! Ви-Ви, доставай наши трубки, — вскричал Медиа. И затем он вышел, сопровождаемый странным, вырезанным кокосовым орехом с крышкой из агата, содержащим боеприпасы,

достаточные для многих крепких зарядок и начинок.

Скоро мы все закурили настолько жадно, что укрытый худах, под которым мы раскинулись, выбросил фиолетовые столбы дыма, как мичиганский вигвам. Там мы и уселись в круг, советом курильщиков, где каждая трубка — безмятежная трубка мира.

И среди этих трубок мой господин Медиа смотрелся как увенчанный тюрбаном Великий Турка среди своих вельмож. Это была удивительная трубка, уверяю вас, правильных королевских пропорций. Её мундштук был сделан из клюва орла; её длинный ствол — из яркой, покрытой красной корой ветви вишни, частично закрытой сетью фиолетовых окрашенных игл дикобраза; а у верхнего конца свисали флажки, как на Версальском флагштоке в день коронации. К этим флажкам тянулись фалы, и после раскуривания трубки своего принца частью обязанностей маленького Ви-Ви было бежать с ними к топу мачты или мундштуку, символу, на который его господин в нужный момент указывал.

Но у Баббаланьи была трубка иного вида; огромный, чёрный, змееподобный ствол чёрного дерева из бесконечных витых колец, как у ана-

конды, обвившей путешественника в Бразилии. Курящий эту гидру Баббаланья смотрелся так, будто он играл на тромбоне.

Затем нежный Иуми. Его ствол состоял из тонкого золотого тростника, как у музыкального Пана, с очень весёлым шаром с кисточками.

Наконец, старый летописец Мохи. Его чаша из черепа на конце ствола всё время напоминала его собственный череп. Его стволом была нога страуса, остатки перьев на которой всё ещё колыхались почти над мундштуком.

— Сюда, Ви-Ви! Набей её снова, — крикнул Медиа через синие дымы, несущиеся вокруг его большого гонфалона, как знамя маршала Нея, размахивавшего своим жезлом в дыму Ватерлоо, или трижды галантного Англси, рассекавшего сильным топорным запахом банкетные стойки в Апсли-Хаусе.

Ви-Ви повиновался; и быстро, как гаубица, совиная трубка была заряжена с дула, и Король Медиа продолжил курить.

— Ах! Это действительно приятно, — вскричал он. — Посмотрите, спокойна вода, и спокойны наши сердца оттого, что мы вдыхаем эти успокоительные ароматы.

— Столь спокойны, — сказал Баббаланья, — что

сами боги должны теперь закурить.

— Итак, — сказал Медиа, — мы вслед за этим должны полубогами сидеть со скрещёнными ногами и выкуривать наши вечности. Ах, какая великолепная затяжка! Смертные, я полагаю, что чаши наших трубок — окаменевшие розы, настолько душистыми они кажутся. Но, старый Мохи, ты курил их много долгих лет; несомненно, ты знаешь кое-что об их материале — Пене моря, как, мне помнится, его называют, — прежде чем мои резчики получают его для переработки в чаши. Расскажи нам историю.

— С удовольствием сделаю это, мой господин, — ответил Мохи, медленно распутывая свой мундштук от косичек своей бороды. — Я посвятил много времени и внимания исследованию чаш у трубок и нашёл среди многих научных авторитетов возможность урегулировать противоположные мнения относительно происхождения так называемого Фарноо, или Пены моря.

— Ну, тогда, мой столетний старик, выдай нам результат своего исследования. Но курите дальше: слово и дым будут рядом.

— Могу теперь вас за это поблагодарить, мой мудрый уважаемый господин; это фарноо — мас-

лянистое, содержащее глину вещество; в его естественном состоянии, мягком, податливом и легко обрабатываемом, как красная сердоликовая глина из известных трубчатых карьеров диких племён на Севере. Но хотя главным образом его добывают из земли, особенно на островах к Востоку, это фарноо, мой господин, иногда выбрасывается океаном и в сезон открытого моря в изобилии присутствует на рифах. Но, мой господин, как и с янтарём, точный характер и происхождение этого фарноо вызывают широкое обсуждение.

— Остановись там! — закричал Медиа. — Наши мундштуки из янтаря; а потому ни слова больше о Пене моря, пока, как говорится, не прояснишь тайну янтаря. Что такое янтарь, старик?

— Ещё более неясная вещь для рассмотрения, чем любая другая, мой уважаемый господин. Древний Плиний поддерживал теорию, что первоначально это должен быть сок, источённый бальзамическими пихтами и соснами; Боргаво — что это, как камфора, кристаллизованное масло ароматных папоротников; Берцилли — что это вспененный бетон озера Сефайорис; и Вондендо, вопреки мнению множества антагонистов, твёрдо считал его своего рода битумным золотом,

сочащимся из прибрежных пещер допотопных контрабандистов.

— Да ведь ты, старина Плетёная Борода, — закричал Медиа, откладывая свою трубку отдохнуть, — почти такой же эрудит, как присутствующий здесь наш философ.

— Намного больше, мой господин, — сказал Баббаланья, — поскольку Мохи так или иначе достал все мои ничего не стоящие забытые сведения, которые оказались более востребованными, чем мои ценные воспоминания.

— Что говоришь ты, мудрец? — вскричал Мохи, встряхивая свои косички, как разъярённые слоны множество своих хоботов.

Иуми вмешался:

— Мой господин, я слышал, что янтарь — не что иное, как замороженные слёзы убитых горем русалок.

— Абсурд, менестрель, — закричал Мохи. — Прислушайся, я знаю, что это. Все другие авторитеты, наоборот, считают, что янтарь — не что иное, как мозги золотых рыбок, бывшие восковыми, а затем затвердевшие под воздействием моря.

— Ерунда! — выкрикнул Иуми.

— Мой господин, — сказал Плетёная Борода,

размахивая своей трубкой, — эта вещь такова, как я сказал. Разве мы не находим вставленные в янтарь плавники небольших рыб, зубы морских свинок, клювы чаек и когти, крылья бабочек, а и иногда и топазы? И как это могло бы произойти, если вещество не было сначала мягким? Янтарь — мозги золотых рыбок, говорю я вам.

— На это, — сказал Баббаланья, — я не буду полагаться, пока вы не докажете мне, Плетёная Борода, что сами эти идеи не заложены в янтаре.

— Ещё одно из твоих сумасшедших тщеславий, философ, — ответил Мохи презрительно, — всё же иногда много странных надписей готическим шрифтом обнаруживаются в янтаре. — И, отбросив назад свою древнюю старую голову, он, словно кит, выпустил свои дымы наружу.

— Действительно? — вскрикнул Баббаланья. — Тогда, мой господин Медиа, можно ли искренне спросить, не благородные ли законы допотопных племён были найдены забальзамированными и увековеченными между прозрачных и сладких душистых кусочков янтаря?

— Это теперь не так уж маловероятно, — сказал Мохи, — ведь старый король Рондо когда-то повелел всем вокруг приступить к созданию крышки его гроба из янтаря; желаемая известная масса

принадлежала предкам Донджалоло в Жуаме. Но никакие посланные флоты не смогли купить её. Таким образом, Рондо сам был погребён в кристалле изо льда.

— И это увековечило Рондо, без сомнения, — сказал Баббаланья. — Ха! Ха! Пожалуй, он путешествовал не как жирная замороженная морская свинка, похороненная в айсберге; его ледяной саван, дрейфующий на юг, скоро растаял, и мертвец погрузился в воду с глаз долой.

— Ну, достаточно о янтаре, — вскричал Медиа. — Теперь, Мохи, продолжи о фарноо.

— Знайте тогда, мой господин, что фарноо больше походит на амбру, чем янтарь.

— Что? Тогда, прости, расскажи нам что-нибудь по этой теме. Ты тоже знаешь всё об амбре, как я предполагаю.

— Всё обо всём, мой господин. Амбру встречают в двух местах: на земле и в море. Но особенно много её кусков добывают на пряных побережьях Жованны; в действительности же — на всём протяжении атоллов и рифов в восточной части Марди.

— Но что такое эта амбра, Плетёная Борода? — спросил Баббаланья.

— Аквови, аптекарь, называл её фрагментами

растущих со дна моря грибов; Волюто придерживался мнения, что она, как нефть, бьёт фонтанами из источников со дна. Но это неизвестно.

— Я слышал, — сказал Иуми, — что это — соты пчёл, упавших с цветочных утёсов в морскую воду.

— Ничего подобного, — сказал Мохи. — Разве я не знаю всё об этом, менестрель? Амбра — ископаемые желчные камни крокодилов.

— Что?! — закричал Баббаланья. — Сладкая душистая амбра происходит от мускусной и пластинчатой речной кавалерии? Неудивительно тогда, что их плоть настолько ароматна; их верхние челюсти как приправы для винегрета.

— Нет, ты неправ, — крикнул Король Медиа. Затем рассмеялся сам: — Приятно сидеть полубогом и слышать высказывания смертных о вещах, в которых они ничего не смыслят: богословие, или янтарь, или амбра — это всё одинаково. Но тогда, знал бы я всегда и всё про каждую вещь, не было бы никакого разговора с этими смешными существами.

Послушай, старый Мохи; амбра — болезненное выделение спермацетового кита, как у вас, смертных; кит время от времени становится своеобразным ипохондриком и пребывает в унынии.

Вы должны знать, подданные, что в допотопные времена на спермацетового кита очень любили охотиться люди, считавшие это занятие лучшим времяпрепровождением, чем преследование бегемотов на берегу. Кроме того, это было прибыльное развлечение. Теперь иногда поражение монстра порождает трусливый страх, заставляющий избегать определённых фрагментов этого чудовища. Эти фрагменты охотники поднимают, предаваясь ещё некоторое время преследованию. Для таких дней, как сейчас, четверть квинтала амбры более ценна, чем целая тонна спермацета.

— Нет, мой господин, — сказал Баббаланья, — не очень мудро убивать рыбу, которая упускает такие сокровища, — не мудрее, чем убивать птицу-глупыша, несущую золотые яйца.

— Будь я проклят! Птица-глупыш, должно быть, — забулькал Мохи через ствол своей трубки, — откладывает золотые яйца для другого дела — чтобы их высиживать.

— Согласен, не мудрее, чем теперь, — кричал Медиа. — Мохи, как думаешь, сколько времени ещё остаётся чаше до её последней набивки?

— Мой господин, она, как череп, вынесет всё, пока не сломается. У меня эта копчёная чаша уже

больше чем половину столетия.

— Но в отличие от наших черепов, полностью сросшихся, — сказал Баббаланья, — чаши наших трубок никогда не нуждаются в уходе.

— Верно, — сказал Мохи, — они поглощают масло из дыма без разрешения, что портит инкрустацию.

— Да, более старые лучше, — сказал Медиа, — и придают ещё более восхитительный аромат, переданный дымами.

— Фарноо навсегда! Мой господин, — кричал Иуми. — Чем больше курим, тем чаша выглядит более красновато-коричневой и спелой, как налитая щека загорелой брюнетки.

— И так же, как копчёная ветчина, — закричал Плетёная Борода, — мы, старые курильщики, становимся более смуглыми и более коричневыми, чем мы чрезвычайно восхищаемся, видя наши весёлые носы и чаши трубок, созревающие вместе.

— Хорошо сказано, старик, — кричал Баббаланья, — словно хорошая жена, трубка — друг и компаньон по жизни. И кто бы ни сочетался браком с трубкой, для того нет рыцаря надёжней. После многих досад он может прийти домой к этому верному советчику и всегда сочтёт его полным добрых утешений и предложений.

Но не так выходит с сигарами или сигаретами: эти недолгие знакомые для случайной болтовни всякий раз появляются, когда им удобно; их сущность, скажем так, беглая, сомнительная, неудовлетворительная. После того как их зажгут, никакая долговечность им уже не свойственна. Они никогда не стареют. Потому, мой господин, окурок сигареты так отвратителен, и пара окурков, сложенная крестообразно, больше походит на memento mori, чем связка бедренных костей под прямым углом.

— Таковы они, они таковы, — прокричал Король Медиа. — Теперь, смертные, мы выпустим вдаль дым из наших трубок. Дымим, дымим, сказал я. Ах! Как здорово, что мы дымим! Вот так, полубогами, когда ещё мы подымим с нашей лёгкостью.

— Дымим, дымим, как здорово, что мы дымим, — прокричал Баббаланья. — Но сама жизнь — курение и хрип. Наши лёгкие — две трубки, которыми мы постоянно дымим.

— Дымим, дымим, как здорово, что мы дымим, — прокричал старый Мохи. — Всякая мысль — испускание дыма.

— Да, — сказал Баббаланья, — теперь в той вашей чаше из черепа дыма уже не больше, чем

в черепе на ваших плечах: оба почти опустели.

— Дымим, дымим, как здорово мы дымим, — прокричал Иуми. — Но при каждом выдохе вырастает венок из дыма. В каждом выдохе — спасение от мух.

— Да, они улетают, — кричал Мохи, — туда улетают другие — и туда, и туда; это — способ избавиться от них, мой уважаемый господин, дым их прогоняет.

— Иуми, — сказал Медиа, — выдай нам песню наших трубок. Спой её, мой милый и приятный поэт. Мы с нашими флажолетами будем поддерживать ритм.

И так вот, с трубками и дымами для хора, Иуми запел:

Забота наша – набивка. Дымите! Дымите!

Дымить – наслаждение. Дымите! Дымите!

Больше мускуса, чем в понюшке

И тёплом нюхательном табаке. Дымите! Дымите!

Здесь мы сидим среди нашего дыма,

Как старые господа в своих мехах,

Укромно, как медведи в своих муфтах.
Дымите! Дымите!

Сейчас дымите, дымите, дымите;
Одна лишь забота – набивка.
Дымите в дыму.
Дымите! Дымите!

— Да, сдувайте прочь, — закричал Баббаланья, — выдох, вдох, так мы рождаемся и так умираем. Дымите, дымите, мои вулканы: само большое солнце когда-то превратится в понюшку, и весь Марди выкурит свой последний фитиль.

— Покурили достаточно, — сказал Король Медиа. — Ви-Ви! Спусти мой флаг. Тут же и приляг передо мной, о Гонфалон! И, подданные, услышьте: когда я буду умирать, то буду лежать с этим копьём справа от меня и этой трубкой слева, и поскольку её цвета такие же, как у половин мачты, так и я буду двуликим и спящим между двумя красноречивыми символами.

Глава XVIII
Они посещают удивительного старого антиквара

— Эй, там, на носах, гребцы, — крикнул Медиа. — В этом тумане мы оказались почти у берега, мы приплыли к Падулле, нашей цели.

Эта Падулла была не таким уж и маленьким островом, принадлежащим соседнему королю; а его население состояло из нескольких сотен тысяч листьев, цветов и бабочек и только двоих уединённых смертных, один из которых был известным почтенным антикваром: коллекционером объектов мардианского искусства, знатоком и любителем вещей, старых и изумительных, и по этой причине очень избирательным.

Он носил восклицательное прозвище Ох-Ох, которым его наградили из-за восклицательных междометий, с которыми он приветствовал всех входящих в его музей.

Теперь нужно было разглядеть этот самый музей, в который Медиа решил зайти ещё в Падулле.

После того как мы высадились и прошли че-

рез рощу, к нам обратился сам Ох-Ох, который, услышав крики наших гребцов, с посохом в руке подошёл поближе.

Этого старика стоило увидеть, особенно его нос, вполне примечательный. И вообще-то во всём Марди замечательный нос — яркая черта: почти всегда очевидное личное свойство для индивидуального различия. Поскольку, в конце концов, получение имени — всего лишь индивидуализация человека, также достигаемая примечательным носом, но удивительным путём. И, воистину, намного лучшая идентификация, поскольку вы можете пройти мимо поэтов, не зная их. Даже герой не может быть героем без своего меча; даже сам Вельзевул в образе льва не будет самим собой без своего лассо из хвоста, с помощью которого он ловит свою добычу. Примите во внимание, что он был известен тем, что его нос невозможно было не заметить. Он — знаменитость, не трудящийся ради своего имени. Уютно устроившись позади своего хобота, он наслаждается его тенью, получая должное внимание везде, где появляется.

Не углубляясь в целом в топографию носового органа Ох-Оха, все должны были быть довольны им: тем, что он имел исключительную величину и смело заострялся к концу: восклицательный

знак перед лицом владельца, навсегда задающийся вопросом о видимой вселенной. Глаза Ох-Оха походили на существо, которого избегает еврей: размещённые под наклоном в его голове и сходившиеся осями ко рту, который был никаким не ртом, а глубокой раной.

Я не хочу быть резким или неприязненным к вам, Ох-Ох, но я должен нарисовать вас таким, каким вы предстали.

Остальная часть его личности изгибалась и отставала в росте и увенчивалась горбом, который сидел на его спине как бремя. И утомительный груз — горб, — Небеса знают, — можно было отбросить только в могиле.

Таким вот старым и старомодным, с выпирающим фронтоном, был сосуд души Ох-Оха. Но его личность размещалась в столь же любопытной структуре. Построенная из старых ветвей деревьев, вырванных с корнем в рощах, и покрытая непослушной соломой, она казалась простым страусовым гнездом. Но внутри она была такой запутанной и гротескной, с такими коричневыми переулками и клетками, что интерьер грецкого ореха не выглядел бы более лабиринтообразным.

И здесь, повсеместно усыпанные пылью и пре-

бывавшие в беспорядке, находились драгоценные старинные вещи и сувениры и вышедшие из употребления предметы, которые для Ох-Оха были дороги, как его глазные яблоки или память об ушедших днях.

Старик был чрезвычайно назойлив в привлечении внимания к его реликвиям, для каждой из которых у него имелась бесконечная история.

Время иссякло бы вконец, нет, скорее, терпение, при повторении всех его легенд. Далее здесь, в перечне, следуют самые видные из его раритетов:

Подлинное Каноэ, в котором много веков назад бог Анджа выплыл со дна моря.
(Очень тяжёлое, из леса гваякового дерева.)

Каменный цветочный горшок, содержащий подлинную почву с последними следами Анджи, когда он отправился с Марди к неведомым землям.
(Один след, полностью и необъяснимо изменённый.)

Челюстные кости Тоороороолоо, великого оратора в дни Униа. (Несколько искривлённые.)

Странный небольшой рыболовный крючок.

(Сделанный из костей пальцев Крави Хитрого.)

Мистическая тыква с вырезанными на всей её поверхности каббалистическими треугольниками и апокрифами, исследуя которые предполагаемый пророк, как говорили, получал своё вдохновение.
(Немного благоухающая виноградниками.)

Цельный скелет огромной тигровой акулы с костями ноги ловца жемчуга внутри.
(Подобранный на рифе при отливе.)

Непонятный бесформенный блок из разноцветной, закопчённой древесины.
(С тремя необъяснимыми отверстиями, просверленными через его середину.)

Разновидность духовной фасции, состоящей из костистых лезвий девяти рыб-мечей, с рукояткой-эфесом из челюстей акулы, оплетённой по кругу заложенными косичками из человеческих волос.
(Теперь вышедшая из употребления.)

Мистическое опахало, которым Униа обмахивался в тяжёлый час. (Сотканное из листьев кувшинки.)

Тренога из ноги аиста, поддерживающая раковину наутилуса, содержащую фрагменты яйца птицы, в котором, как утверждалось, имелась магическим образом извлечённая душа умершего вождя.

(К сожалению, яйцо было сокрушено атмосферным давлением.)

Две взаимно сжатых правых руки, забальзамированные; от той пары воинов, кто погиб на поле битвы.

(Не разъединённые ввиду невозможности.)

Любопытный мешочек или кошелёк, сшитый из кожи ноги альбатроса и украшенный тремя острыми когтями, естественно, принадлежащими ему.

(Первоначально принадлежавший печально известному старому мстителю Зуб-за-Зубу.)

Длинный запутанный локон волос русалки, сильно напоминающий завитые шелковистые волокна прекрасной морской водоросли.

(Сохранившийся между плавниками дельфина.)

Гребёнка русалки для туалета. Жёсткий зазубренный гребень из штормового буревестника.

(Ох-Ох был особенно любопытен до всего, что

касалось русалок.)

Пилочки для ногтей, тёрки и щипцы, все костяные, орудия выдающегося маникюрщика, который процветал со своими инструментами до потопа.

(Вследствие чрезмерной шероховатости поверхности в те времена допотопные люди имели странную особенность попадать в происшествия.)

Задний зуб подвижника Зозо как символ горя, опрометчиво выбитый при смерти друга.

(Прикреплённый к стойке и довольно бесполезный.)

Постепенно осматривая чудеса, Ох-Ох провёл нас к дереву, чтобы показать известный телескоп, с помощью которого, как он сказал, был обнаружен муравейник на луне. Прибор покоился в развилке хлебного дерева и состоял из необыкновенно длинного и полого ствола пальмы и линз, сделанных из обработанных глазных хрусталиков морского чудовища.

Затем, вернувшись к своему кабинету, он указал на бамбуковый микроскоп, который чудесным образом помог ему в энтомологическом исследовании.

— При помощи этого инструмента, мои господа, — сказал он, — я убедился, что в глазу стрекозы имеется как раз двенадцать тысяч пятьсот сорок одна треугольная линза; и в ноге блохи множество множеств отличных мышц. Теперь, господа мои, как вы полагаете, насколько далеко может прыгнуть блоха одним прыжком? Да в двести собственных длин; я часто измерял их прыжки маленькой мерой и использовал это в научных целях.

— Действительно, Ох-Ох, — сказал Баббаланья, — ваши открытия должны привести к результату в чём-то великом, если вы снабжаете такими неоценимыми данными теоретиков. Умоляю, следите, мой господин Медиа. Если одним прыжком блоха прыгает на двести собственных длин, то тогда с подобной пропорцией мускулов собственной голени бандит мог бы атаковать неосторожного путешественника с расстояния в четверть мили. Не так ли, Ох-Ох?

— Воистину так, мои господа. И одно из самых больших утешений, которое я вывел из этих исследований, — это постоянно усиливающееся убеждение, что благотворная мудрость создала наш Марди. Люди, обладающие бёдрами в пропорциях к блохам и истинные грешники, к сожа-

лению, прыгали бы и скакали по островам.

— Но, Ох-Ох, — сказал Баббаланья, — какие другие открытия вы сделали? Вы положили ростовщика под свою линзу, чтобы найти его совесть? Или распутника, чтобы найти его сердце? Под ваш микроскоп клали пушистый персик или розовую щёчку?

— С того момента, как я появился, — сказал Ох-Ох мрачно, — у меня не было какого-либо очага, где можно было бы съесть персик или поцеловать щеку.

— Тогда разбей свою линзу! — крикнул Медиа.

— Хорошо сказано, мой господин. Всё, чего мы достигаем за пределами нашего собственного зрения, не служит несчастью. Микроскоп внушает нам отвращение к нашему Марди, а телескоп оставляет нас жаждать совсем иного мира.

Глава X IX
Они спускаются в катакомбы

При свете тусклых факелов мы спустились по нескольким узким каменным ступеням, чтобы увидеть коллекцию Ох-Оха из древних и любопытных рукописей, лежащих в хранилище.

— Сюда, сюда, мои господа, — кричал Ох-Ох наверху, качая своим тусклым факелом. — Держите руки перед собой, здесь темно.

Мне кажется, мой господин, — сказал Баббаланья, нащупывая проход, пока он спускался всё ниже и ниже, — что нас хотят здесь оставить для потомков.

После входа в подвал, спугнув одну или двух летучих мышей, наш провожатый погасил факелы и в темноте отошёл от нас, как от Бельцони, оставленного своими арабами в сердце пирамиды. Факел наконец снова зажёгся, мы вошли в подобие могильных раскопок, поднимая при каждом шаге облака пыли, и наконец встали перед длинными рядами заплесневелых, похожих на мумии, свитков, столь же тёмно-красных и навёрнутых на палки, отчего они выглядели

как жёсткие болонские колбасы, но с исходящим от них запахом прекрасных старых сыров Стилтона или Чешира.

Самой древней из всех была иероглифическая «Элегия на груде хлама», состоящая из одной тысячи и одной линии, знаков — цапель, плакучих ив и воронов, которые, как предполагают, были прочерчены пером от морского глупыша.

Далее было много редких старых баллад:

«Король Кроко и девочка-рыбачка»;
«Сражение у брода Копий»;
«Песня черепов».

И геройские старые хроники, вполне для уст Мохи:

«Истоки и окружение династии Фоофоо»;

«Героическая история Благородного принца Драгони, рассказывающая, как он убил десять связанных пленников своей собственной рукой»;

«Полная родословная Короля Кандиди и его прославленной лошади Знорто».

И книги Тарантула:

«Кислое молоко для молодёжи (про молочника)»; «Дьявол плывёт по течению (про корсара)»;

«Пехотинцы и стоны (про безумного борова)»;

«Жала (про скорпиона)».

И поэтическая продукция:
«Румяная лилия под дождём»;
«Сонет последнего дыхания однодневки»;
«„Овод“ и другие стихи».

И метафизические трактаты:
«Детерминист — не предестинист»;
«Философская потребность и предопределение одной вещи и прочее»;
«Чего нет, то существует»;
«Что существует, того нет».

И редкие старые мемуары:
«Сто книг биографии великого и славного короля Грандиссимо»;
«Жизнь старого Фило, филантропа, в одной главе».

И популярное чтиво:
«Самый сладкий, приятный и елейный отчёт о применении способа, при котором сорок пять разбойников были разорваны на куски стремительно идущим каноэ».

И книги вождей и знати:
«Искусство поднимать шум в Марди»;
«О надлежащей манере приветствия закадычного друга»;

«Письма отца к сыну, прививающие достоинство скромности»;

«Пасторали от младшего сына»;

«Каталог вождей, которые были авторами, для вождей, которые считают ниже своего достоинства считаться автором»;

«Песнь, прерванная кашлем моего супруга»;

«Философия честности (про покойного господина, который умер в позоре)».

И теологические работы:

«Перец для упрямого»;

«Пудинг для верующего»;

«Просьбы о прощении»;

«Скверное положение преследуемого».

И длинные утомительные романы с короткими и лёгкими названиями:

«Олень»;

«Красавица»;

«Король и Повар, или Повар и Король».

И книги о путешествиях:

«Пребывание среди людоедов того, чья рука была съедена на втором завтраке среди дикарей»;

«Франко: король, суд и головастики»;

«Три часа в Вивенце, содержащая полный и беспристрастный отчёт обо всей стране: от под-

данного короля Белло».

И работы поэтов-моряков:
«Лирика полярного морского неба».

И различные краткие книги с паническим оттенком в названиях:
«Действительно ли вы в безопасности?»;
«Голос снизу»;
«Надеяться не на кого»;
«Всепожирающее пламя».

И брошюры отставным воинам:
«О лучшем соусе для мяса кабана»;
«Три рецепта хранения в бутылках новой араки»; «Как получить фруктовый серый хлеб без выпечки»;
«Совет приунывшему»;
«Как крахмалить таппу».

Все эти издания чрезвычайно ценились Ох-Охом. Он утверждал, что они говорят о могущественном прошлом, которое он почитал больше, чем несерьёзное настоящее, называемое им отбросами и отстоем прошлого.

Всматриваясь в тёмный склеп, Баббаланья вынул несколько рассыпающихся, неразборчивых листов с готическим шрифтом своего любимо-

го старого эссеиста, славного Бардианны. Они, оказалось, были составными частями работы, от которой осталось только название — «Размышления Мыслителя».

В молчании Баббаланья прижал их к своему сердцу. Затем он отпустил от себя и сказал:

— И вся эта мудрость потеряна? Не твоя ли божественная хитрость, Бардианна, смогла перевоплотиться в эти яркие страницы? Возможно, что здесь ты действительно проникал в глубины вещей, рассматривая обычные формы материи и мыслей, как частицы из твёрдых частиц сперва формируются в жидкой среде, как мысли людей состоят из отдельных душ, как из клеток лёгочной ткани — каждое лёгкое, как та же смерть — не способ жизни, и что в центре всего — Персия. Но всё исчезает. Да, здесь мысли Мыслителя лежат бок о бок со словами фразёра. О, Бардианна! Эти страницы были потомками тебя, думавшими о твоей мысли, душе твоей души. Инстинкт с умом однажды высказались, словно живые голоса; теперь они — пыль и не смогут побудить дурака к действию. Откуда тогда это? Если туманы нескольких лет способны связать душу с пустыми материями, то как может бездомная духовная надежда жить, будучи поражённая

плесенью в смертельной влаге? Он благоговейно свернул клочки рукописи вместе, поцеловал их и положил назад.

Затем, приблизившись к Ох-Оху, он начал умолять его об одном листе, одном клочке тех самых драгоценных страниц в память о Бардианне и из-за любви к нему.

Но, узнав, что он был одним из комментаторов этого старого Пондерера, Ох-Ох, шатаясь, подошёл к рукописям, дрожащими пальцами пересчитал их одну за другой и сказал:

— Слава Оро! Все — здесь. Философ, попроси у меня мои конечности, мою жизнь, моё сердце, но не проси у меня их. Погружённые в воск, они должны стать моим саваном.

Всё напрасно: Ох-Ох был антикваром.

В отчаянии обернувшись, Баббаланья оглядел кучу съеденного червем пергаментного покрытия и множество вырезок и обрывков. И теперь рулоны рукописей действительно пахли как старый сыр, отчего эти реликвии удивительно напоминали сами его корки.

Разгребая эту груду, Баббаланья разглядел что-то, что вернуло ему хорошее настроение. Он долго с восхищением рассматривал находку, но, вспомнив о том, что должен будет вытянуть на свет

некую потерянную работу из коллекции, и очень настроившись на обладание ею, снова осмелился уговаривать Ох-Оха, предложив заманчивую цену за свою находку.

Взглянув на название — «Счастливая жизнь», старик закричал:

— О, мусор! Мусор! Возьмите его даром.

И Баббаланья засунул её в своё одеяние.

Обозрев катакомбы и выйдя на дневной свет, мы спросили путь к Цзи-Цзи, также коллекционеру, но другого типа, некоему скупцу по части зубов — мардианских денег.

При упоминании его имени Ох-Ох пустился в презрительные филиппики о безумии этого выжившего из ума старика, кто тайно хранил зубы, как будто бы зубы имели какое-то применение, кроме как средство платежа. Однако он указал нам путь, следуя которым мы пересекли луг.

Глава XX
Баббаланья цитирует античного язычника и серьёзно подавляет этим компанию, которая отвечает, что эти слова принадлежат кому-то иному

Идя далее, мы подошли к журчащему ручью в красивой роще, где растянулись на траве, и наши слуги распаковали свои корзины, чтобы накрыть нам обеденный стол.

Но что касается нашего Баббаланьи, то он решил пообедать отдельно и, как каннибал, приналёг на любимого автора, хотя в другом отношении он не был столь неравнодушен к костям.

Достав сокровище, которое он спрятал на своей груди, он скоро погрузился в него и, лёжа неподвижно на своей спине, выглядел как смирный покойный перед встречей с гробовщиком.

— Что ты, хо! Баббаланья! — закричал Медиа из-под дерева. — Не хохлись там, как утка в воздухе, со своей бумажкой; оставь свою метафизику, человек, и припади к твёрдым материям. Ты слышишь?

— Приди, философ, — сказал Мохи, очищая банан. — Как только поешь, ты станешь весомей.

— Придите послушать, Баббаланья, — крикнул Иуми. — Я собираюсь петь.

— Встань! Встань! Я говорю, — снова прокричал Медиа. — Но пойди, старик, и разбуди его: дай ему по башке и погляди, как он там.

Мохи, повинуясь, нашёл его лежбище, и Баббаланья поднялся.

— Во имя Оро, что беспокоит тебя, философ? Узрел свой рай, коли так дико смотришь?

— Счастливая жизнь! Счастливая жизнь! — кричал Баббаланья в экстазе. — Мой господин, я потерялся в мечте о ней, так здесь написано. Изумительная книга! Её совершенство уносит меня. Позвольте мне зачитать: «Я нёс бы в себе ту же самую мысль независимо от того, собирался ли я быть богатым или бедным, выиграть или проиграть в этом мире. Я буду считать выгоду, хорошо лежащую, как прекраснейшую часть моих владений, не оценивая её числом или весом, а приростом и уважением получателей, никогда не считающих меня самого обедневшим из-за любой вещи, которую я отдаю. То, что я делаю, должно быть сделано для совести, а не для показной роскоши. Я буду есть и пить не для

того, чтобы удовлетворить свой вкус, а чтобы удовлетворить природу. Я буду весел со своими друзьями, умеренным и кротким со своими врагами. Я честно предупрежу, если смогу предвидеть, и буду помогать без расспросов. Я вижу целый мир, как свою страну, и пусть Оро будет свидетелем и судьёй моих слов и моих дел. Я буду жить и умирать с этим свидетельством: того, что я любил пользу совести; того, что я никогда не вторгался в свободу другого человека; и что я сохранил всё это в себе. Я буду управлять своей жизнью и своими мыслями, даже если бы все в целом мире видели одно, а читали другое, поскольку это делается для того, чтобы сделать любую вещь тайной для моего соседа, тогда как для Оро вся наша частная жизнь открыта».

— Весьма ясно, — сказал Медиа.

— Истинный дух первых последователей Алмы, как записано в легендах, — сказал Мохи.

— Неподражаемо, — сказал Иуми. Баббаланья сказал:

— Слушайте ещё: «Справедливость общительна и благородна; свободна, устойчива и бесстрашна; полна неистощимых восхищений». И здесь снова, и здесь, и здесь: «Истинное счастье жизни — в понимании нашего почтения к Оро. Истинная

радость — безмятежное и трезвое движение». И здесь, и здесь… мой господин, это трудно — не процитировать из этой книги, но послушайте: «Спокойная совесть, честные мысли и справедливые действия благословенны без конца, насыщения или меры. Бедный человек хочет многого, жадный человек — всего. Недостаточно знать Оро, если мы не повинуемся ему».

— Алма во всех словах, — вскричал Мохи, — ты уверен, что не вычитываешь из его высказываний?

— Я читал, но эти предложения кажутся странными от того, кто хотя и жил давным-давно, но никогда не видел Алму и едва слышал о нём. И отметьте, мой господин, что на сей раз я совсем не импровизирую. Из того, что я рассказал здесь, Мохи, выходит, что эта книга более изумительна, чем пророчества. Мой господин, как простой человек и язычник в тот большой период языческого времени смог выразить в словах такую небесную мудрость, кажущуюся более замечательной, нежели раскрытая вдохновлённым пророком? И разве она не менее божественна в этом философе, в добродетельной любви к самому себе и в вопросе уничтожения, чем в религиозных сагах, расхваливающих её как

средство постоянного счастья?

— Увы, — вздохнул Иуми, — и не он ли обещает нам любую радость, когда мы умрём?

— Он говорит не от лица власти. Он зовёт нас к совершенству и счастью здесь.

— Тогда, Баббаланья, — сказал Медиа, — держи своё сокровище при себе. Без власти и без законной её полноты о справедливости лучше помолчать. Религия Марди, как до́лжно казаться, пришла прямо от Оро, и масса вас, смертных, не должна пытаться узнать, за исключением много думающих, присутствовала ли она или откуда-то прибыла.

— И вы говорите, что справедливость, мой господин, является всего лишь заплаченной ценой за что-то ещё?

— Я не назвал это справедливостью; это — называется религией. Но позволь нам не пустословить о большей части этих понятий, с которыми я, полубог, имею немало общего. Это рано или поздно ослабит моё пищеварение. Хватит об этом, Баббаланья.

— Мой господин! Мой господин! От самой себя у веры нет ничего, что бы она могла даровать. Она не будет спасать нас от чего-то, кроме как от зла в нас самих. Один её великий конец дол-

жен сделать нас мудрыми; её единственные проявления — почтение к Оро и любовь к человеку; её единственное, но вполне достаточное вознаграждение — она сама. Тот, у кого она есть, имеет всё. Тот, у кого она есть, становится ли он на колени перед идолом из древесины, называя его Оро, или перед образом духа, называя его тем же самым; постится ли он или пирует; смеётся или плачет, — этот человек не сможет стать более богатым. И то, что эта религия, вера, достоинство, справедливость хороши, — независимо от того, кем вы будете, — я нашёл в той книге, которую держу. Ни одна написанная страница не сможет научить меня большему.

— У тебя, значит, есть то, о чём ты говоришь, Баббаланья? Ты доволен тем местом, где находишься?

— Мой господин, вы ведёте меня домой. Я недоволен. Тайна тайн — всё ещё тайна. Как этот автор стал настолько мудрым, озадачивает меня. То, как он провёл жизнь, запутывает меня. О, мой господин, я нахожусь во тьме, и никакое широкое пламя не снизойдёт, чтобы просветить меня. Лучи, что приходят ко мне, всего лишь слабые перекрёстные огни среди удивительного мрака, в котором я живу. И, в конце концов, превосход-

но, что я совсем не смогу быть победителем над этой книгой. Поскольку чем больше мы учимся, тем больше мы разучиваемся; мы не копим, но меняем; и убираем больше, чем добавляем. Мы истощаемся, пока растём; мы отправляемся за мудростью и отступаем далеко за линию, откуда начали свой старт; мы пытаемся описать Фондизу, но получаем Фе. Из всех простофиль мы самые большие простофили! О! Если бы я был дураком другого вида, нежели сейчас, то я смог бы восстановить своё хорошее мнение о себе самом. Всё время я стою у позорного столба, ломаюсь на колесе, и меня тащат по земле дикие лошади. Да, да, Бардианна, всё находится в орехе, как ты и изрёк; но все мои коренные зубы не могут разгрызть его, и треснули мои собственные челюсти. Повсюду вокруг меня мои последователи — заново привитые лозы, и растут они цветущими рощами, в то время как я навсегда подрезаю свои, пока они не становятся пнями. Всё же на этой подрезке я буду упорствовать; я не буду добавлять, я буду сокращать; я буду подводить себя к понятию постоянной истины. День за днём я буду сокращать свои потребности, пока я не обнажу свои рёбра; когда я умру, они не будут беречь мой позвоночник. Ах! Где, где, где, мой господин,

вечный Текана? Скажите мне, Мохи, где Ефина? Я, возможно, подошёл к предпоследнему, но где, милый Иуми, последнее? Ах, компаньоны! Я падаю в обморок, я — бессловесный: что-нибудь… ничего… загадки… Марди удерживает её?

— Он падает в обморок! — вскричал Иуми.

— Воды! Воды! — крикнул Медиа.

— Не сейчас, — сказал Баббаланья ясно. — Я прихожу в себя.

Глава XXI
Они посещают богатого старого нищего

Продолжая наш путь к Джиджи, мы подошли к жалкой лачуге. Наполовину высунувшаяся из низкого открытого входа, среди вертикальных рядов тёмных сумок-мешочков от клюва пеликана, изготовленных методом пропускания через камень и последующей просушки, предстала плешивая заросшая голова.

Большая голова постоянно и ритмично вздрагивала от резких движений, совпадающих со щёлкающими звуками, исходящими изо рта старика; зубы из связок постоянно вынимались и дополнялись новыми, со скрежетом падающими снова и снова.

Но, заметив наше приближение, старый скупец внезапно убрал свои мешочки с глаз долой и, как черепаха в свою раковину, отступил в своё логово. Но вскоре он, устало привстав на коленях, спросил, что принесло нас сюда? Не украсть ли зубы, которых, как утверждали слухи, у него в изобилии? И, открыв свой рот, он утверждал,

что у него ни одного, даже коренного, зуба не было в его голове. Но Баббаланья объявил, что он давно, должно быть, вытащил свои собственные зубы и сложил их вместе с остальными в мешок.

Теперь этот несчастный старый скупец, должно быть, выглядел идиотом; не забывая о том, что он запросто сказал нам о своей чрезвычайной беззубости, он был так сражён жемчужным ртом Хохоры, одного из наших слуг (того самого, чьи перлы так поразили воображение маленького короля Пипи), что разыграл следующую увертюру, чтобы купить его содержимое, а именно: один зуб покупателя за каждые три продавца. Предложение было сразу же отклонено ввиду коммерческой нелепости.

— Почему? — сказал Баббаланья. — Несомненно, потому, что предлагалось отдать меньше, чем предложено было получить. Ведь говорит же философ, что это — тот самый принцип, который управляет всей меновой торговлей. Ибо где смысл простого обмена количествами, если не в ценности?

— Действительно, где? — спросил Хохора с открытым взором. — Хотя я никогда не слышал этого прежде, но это — сложный вопрос. Я умоляю вас, скажите, что за мудрец его задал?

— Виво, софист, — сказал Баббаланья, отходя.

Услышавший это Джиджи отнёс намёк к Ох-Оху, своему соседу. После чего он высказал много суждений в адрес этого говорящего ерунду несчастного старого горбуна, кто собрал бесполезные диковины, выбрасывая драгоценные зубы, которые иначе, возможно, солидно грохотали бы в его собственных пеликаньих мешочках.

Когда мы оставили лачугу, Джиджи, заметив маленького Ви-Ви, с плеча которого свисал калабас с едой, схватил за кромку его одежду и начал умолять наполнить его рот пищей, поскольку ничего не ел в тот день.

Мальчик бросил ему немного ямса.

Глава XXII
Иуми поет некие странные стихи, а Баббаланья направо и налево цитирует старых авторов

По прибытии из Падуллы, поговорив о многих приятных достопримечательностях, там увиденных, Баббаланья так обратился к Иуми:

— Певчая Птица, последняя песня, что ты спел, была о лунном свете и рае и вечных невероятных удовольствиях; но есть ли у тебя теперь какие-либо гимны о земном счастье?

— Если так, менестрель, — сказал Медиа, — то немедленно бей струёй, мой родник.

— Сейчас, мой господин, — ответил Иуми, — я пел про себя, как делаю часто, и, с вашего разрешения, продолжу вслух.

— Лучше начни сначала, я должен продумать, — сказал летописец, протянув обе руки к своему подбородку и начав сверху заплетать новую косичку в своей бороде.

— Нет уж: как и корни вашей бороды, старик Мохи, тут всё изначально твёрдо, — вскричал Баббаланья. — Мы счастливы от жизни на пол-

пути в вечность. Поэтому пой с того места, Иуми, где ты остановился. — И, так сказав, он ослабил свой пояс для песни, как Апициус для банкета.

— Тогда я продолжу вслух, мой господин?

Мой господин кивнул, и Иуми запел:

Округлостью, и мягкостью, и влагой наполнены руки её, —

Премилое убежище от всех бед мардианских!

— Чьи руки? — вскричал Мохи. Иуми продолжал петь:

Плывя в глубь моря,
Она с собою свет уносит:
И пламя в море топит
С дельфиньим стадом вместе.

— Что за русалка-то? — крикнул Мохи. Иуми допел:

Её ноги мягко шуршали,
Будто весь день связаны были,
На пляже песчаном и мягком.
И никто не нашёл бы
Ею оставленный след.

— И почему нет? — потребовал Медиа. — Поче-

му невозможно найти никакого следа?

Плетёная Борода ответил:

— Возможно, это относится, мой господин, к прямоте ног русалок. Но нет, этого не может быть, поскольку у русалок весь позвоночник ниже талии.

— Твой фрагмент совсем не плох, смею сказать, Иуми, — заметил Медиа, — но Плетёная Борода намекает, что он довольно скучен.

— Скучен, как нога человека со средним умом, — прокричал Плетёная Борода. — Иуми, ты действительно ужинал камбалой вчера вечером?

Но Иуми не удостоил ответом, он пребывал в десяти тысячах лиг от этого места в своих мечтах: где-нибудь, возможно, в созвездии Гиад.

В процессе беседы Плетёная Борода, оказалось, намекнул на одного Ротато, полного персонажа, кто был проницательным философом и очень честолюбивым человеком, что отмечалось за ним, но был известен в Марди только как самый толстый человек своего племени.

Медиа сказал:

— В ту пору, Мохи, Ротато не мог вступить в конфликт с известностью, так как она не противоречила ему. Толстым он был, и толстым она

его прославила.

— Право, мой господин, — сказал Баббаланья, — в известности не всегда и не всё так прямолинейно. Нередко, чтобы быть известным, нужно прославиться не тем, кто вы есть, говорит Алла-Малолла. Происходит, как написано у старого Бардианны: годами человек может пребывать незамеченным среди своих товарищей, но внезапно некое случайное событие, чуждое его сути, становится звуком трубы для дураков, хотя в себе самом он остаётся прежним. И при этом он не раскроет себя полностью, поскольку все заслуги человека никогда невозможно раскрыть так же, как и сумму его недостатков, если у него они есть. Мы только известны под нашими именами, как запечатанные письма, но мы всего лишь читаем надписи друг на друге.

Так же и с мардианским народом. Как теперь с теми же существами, чей ежедневный путь слишком близок к тому, чтобы оказаться загадочным. Во многих своих работах наш великий поэт Вавона, умерший тысячу лун назад, всё ещё остаётся непознанным. Некоторые называют его мистиком, но в чём он кажется неясным, так это в том, в чём мы ошибаемся: он не преднамеренно произнёс те мысли архангела, которые застави-

ли многих объявить, что этот Вавона, в конце концов, был всего лишь больной на голову бог, а не благоразумный смертный.

Но, будучи маленьким, мой господин, он оказался больше. Как говорил Фальви, «чтобы самому высшему из гениев открыть возможность действительно утвердиться и завоевать репутацию у высшей власти, ему понадобится частично замаскировать себя, опуститься и затем при похвале воспарить». И, кроме того, есть те, кто несвязен в общем тоне, потому что они думают по-другому и считаются запинающимися и заиками.

— Ах! Как верно! — вскричал Певчая Птица.

И что говорит архангел Вавоне, Иуми, в той замечательной его драме «Души Мудрецов»? «За большинством бесплодных холмов есть восхитительные пейзажи, которые не созерцал ни один глаз, которые никакой карандаш не смог запечатлеть». Чему удивляться тогда, мой господин, что сам Марди настолько слеп. «Марди — монстр, — говорит старый Бардианна, — чьи глаза установлены в голове, как у кита; он может видеть два пути и между ними то, что включает в себя маленькую дугу объективного видения. Поэты, герои и мужчины сильны, ко-

гда все находятся вокруг этого монстра Марди. „Но встаньте передо мной столбами, или мне не будет видно вас“, — говорит монстр; зачешите назад волосы, вдохните разом; счастливы мужчины с куполообразными лбами, несчастливы с головами размером с яблоко пепин; громкие лёгкие — благословенны; лев не лев, если не может реветь». Альдина сказал: «Существуют люди, умеющие бегать быстрее, чем бегуны, но они конфузятся от пристального взгляда простаков».

— Простая критика разочарованного калеки, — сказал Мохи. — Его биограф заявляет, что у Альдины была только одна нога.

— Плетёная Борода, вы остроумны, — сказал Баббаланья, поправляя свою одежду.

— Мой господин, есть герои без армий, которые слышат военную музыку в своей душе.

— Почему бы тогда не заставить их трубы дуть громче, — вскричал Медиа, — чтобы весь Марди смог услышать?

— Мой господин Медиа также остроумен, Баббаланья, — сказал Мохи.

Иуми вздохнул:

— Есть птицы с самым божественным оперением и великолепно поющие, но только для самих себя.

Медиа заметил:

— Жаворонок взлетает высоко, не заботясь ни о каком слушателе, его сладкие ноты слышат внизу. Или ещё он поёт в компании с мириадами помощников. Твои ораторы, Иуми, это главным образом цапли и совы.

Баббаланья сказал:

— Очень умно, мой господин; но не думаете ли вы, что есть красноречивые мужчины, которые никогда не болтают на рынке?

— Да, и настоящие болтуны не болтают дома. В нескольких словах, Баббаланья, ты поддерживаешь плохую мысль. Большинство из вас, смертных, является павлинами, некоторые с наличием хвостов, некоторые — без таковых; те, у кого они есть, несомненно, будут тыкать своими перьями в твоё лицо; для остальных они покажут свои лысые подхвостники, при этом визжа от восторга. Но великого гения, родившегося в Марди, все одобряют, и он известен.

Чем больше остроумия, но с уважением, тем, возможно, меньше правды, мой господин. Скажите, что вам желательней — получить известность случайно или абсолютно заслуженно? Но в чём вопрос? Чем ценна репутация, мало преданная силе, следу или месту? Тем, кто аплодирует ему,

поэт может казаться материальным, но для впечатлительных людей он фантастичен; поэт никогда так не растягивает своё воображение, стремясь постигнуть всё, что есть; он часто становится известен, не осознав этого.

— Во время священных игр Лазелла, — сказал Иуми, — лукаво увенчал лавровой лентой на много часов затылок менестреля Джарми, пребывавшего не осведомлённым о почестях, которые ему пришлось носить. Но, узнав о них позже, он снял венок; и затем, держа его на расстоянии вытянутой руки, вздохнул: «О лавры! Чтобы быть увиденными мною, вас нужно было удалить с моего лба!»

— И что сказал Ботарго, — кричал Баббаланья, — услышав, что его стихи были переведены на язык далёкого острова Бертрэнд?

— Это меня мало заботит; уже в своих весёлых фантазиях я мечтал о том, чтобы они исполнялись трелями счастливых хористок в раю, и только так я могу представить этих девиц с Бертрэнда. Сказал же Больдо, материалист: «Меня удовлетворяет только материальное».

— И так же думал корыстный поэт Зензи, — сказал Иуми. — Получив четырнадцать зрелых клубней ямса за сонет, по одному за каждую стро-

ку, он сказал мне: «Иуми, я приготовлю из них блюдо получше, чем из множества поздравлений».

Да, — кричал Баббаланья. — «Браво, — как говорил старый Бардианна, — но выглядит напыщенно».

Медиа спросил:

— И вы, известные смертные, значит, не получаете удовольствия, услышав «браво»?

— Более чем, мой славный господин; по крайней мере, такие известные смертные настолько очарованы столь крикливой славой, как крики «браво», им адресованные, что ни один уже не будет кричать «ура»; всё их существование — непрерывное осознание самих себя; большинство их стоит прямо и самостоятельно, как и их безошибочный показатель, заглавная буква Я; оно завоёвывает и наслаждается не репутацией, а близостью к власти; они с радостью были бы известны великолепными усами, если касаться великолепной драмы; кто не знает, как так получилось, что персонаж, так повсеместно отмеченный потомками, как поэт Вавона, когда-то проходил через толпу незамеченным; кто из них не высмеивает сам шум ради того, чтобы произвести такой же шум в Марди и со всем презрением

раскрыть себя для обозрения.

— Блеск не греет, Баббаланья, но скажи нам, если личность Вавоны его современникам была почти неизвестна, какое удовлетворение он извлёк из своей гениальности?

Не было ли у него его сознания? Империи, безграничной, как Запад. Чем для него были крики «ура»? Да ведь, мой господин, из-за его частной жизни великий и славный Логодора послал жидкую мазь охрипшим горлам. Но что сказал Бардианна, когда ему напомнили об автографе? «Кто содержит регистр великих людей? Кто выбирает благородные поступки? И сколько времени смогут прожить чернила? Увы! Известность потеряла больше свитков, чем она оставила; и было больше потерянных хроник, чем погибших книг историка Ливеллы». Но что потеряно навсегда, мой господин, того теперь не увидишь. Есть больше сокровищ в утробе земли, чем на её поверхности.

— Ах! Нет другого золота, — вскричал Иуми, — кроме того, что приходит из тёмных шахт.

Баббаланья сказал:

— «Будьте свидетелями вы, боги, — кричит пылкий старый Бардианна, — что, помимо сведений о добре и зле, невообразимых теперь, в грядущем

появятся и другие, более поразительные открытия, невиданные в Марди».

— Отдохни от своего постоянно превозносимого старого Бардианны, — сказал Король Медиа, — почему бы не высказать свои собственные мысли, Баббаланья? Тогда бы твоя беседа обладала большей полнотой; в то время как сейчас её основа и ткань имеют все виды: Бардианны, Аллы-Малоллы, Вавоны и всех писателей, что когда-то писали. Говори за себя, смертный!

— Разве вы способны что-то перепутать, мой господин? Поскольку я не так много цитирую Бардианну, как Бардианна цитировал меня, хотя он процветал задолго до меня, и тут нет никакого тщеславия, а только честность, так сказать. Каталог истинных мыслей не мал; они повсеместны и не принадлежат конкретному человеку; и невысказанные, или в молве, они остаются теми же самыми. Когда мы слышим их, почему они кажутся настолько естественными и получают наше прямое одобрение? Почему мы думаем, что слышали их прежде? Потому, что они не только повторяют нас самих, они были в нас прежде, чем мы родились. Самые истинные поэты — всего лишь мундштуки, и некоторые люди — дубликаты друг друга; я вижу себя в Бардианне.

— И там, во имя Оро, позволь ему покоиться, Баббаланья; Бардианна в тебе и ты в Бардианне во веки веков!

Глава XX III
Каковы были нравы таппариан

Каноэ пристали к берегу. Но мы их на некоторое время оставили. Наше посещение Джиджи и последний визит, который мы нанесли, предполагали открытие некоторых новых данных о зубных деньгах Марди.

Здесь стоит упомянуть, что повсюду по Архипелагу действовали ограничения на резцы и коренные зубы в качестве украшений для человека, за исключением всех великих вождей, храбрых воинов и людей, которых отличают редкие интеллектуальные дарования, а именно ораторов, исполнителей песен, философов и поэтов, которым было разрешено носить их как драгоценности. Хотя случалось, что среди поэтов было много тех, кто никогда не имел зубов, находя для них работу в трапезах, отчего нередко появившиеся у них зубы почти всегда оказывались разъеденными в их ртах. Следовательно, при оплате зубы поэтов уходили со скидкой.

По этим причинам в ту же пору множество смертных в разнородной толпе мардиан каким-

то образом накопило зубы и охотно предъявляло свои зубные требования на индивидуальность, неуклюже нося свои сокровища в пеликаньих мешочках, наброшенных на плечи; каковые мешочки стали огромным бременем для ношения и обороны. Хотя, по правде сказать, любого из этих носителей было трудней заставить вывернуть его мешочки, чем его конечности. Было также любопытным то обстоятельство, что при малейшем случайном прикосновении к этим сумкам они, как казалось, одновременно кололи остриями своих владельцев.

Помимо этих носителей были и другие, которые обменивали свои зубы на богато украшенные калабасы, искусно вырезанные каноэ и, более всего, на дорогие одежды и тюрбаны, в который раз затмевая многих дворян благородного происхождения. Однако это не до конца отвечало тому, что они хотели увидеть, поскольку часть толпы восхищалась только тем, что они носили, а не друг другом, рассыпаясь в восхвалении неподражаемой ручной работы ремесленников Марди.

И, странно сказать, эти ремесленники сами часто становились людьми зубов и тюрбанов, соревнующихся своей славой, как лучшие сре-

ди лучших. И обстоятельство это усугублялось тем фактом, что многие из высшего класса, сосланные сюда, считались основными знатоками таппы и её покроя.

Следовательно, общее обозначение целого племени произошло от названия «таппариане», иначе говоря, народ Таппы. Тогда, много лун назад, согласно Плетёной Бороде, таппариане с некой группы островов увидели себя безнадёжно перемешанными с плебейской расой смертных, таких как ремесленники, медовары, пекари и тому подобные, и, заметив, короче говоря, что природа не наградила каждого из них их врождённым знаком отличия и, кроме того, что эти их особые предположения были осмеяны столь многими в Марди, в том числе теми же самыми таппарианами, решили отойти от толпы, создав своё сообщество, и традиционно воздавать то почтение друг другу, которое в Марди им не могло оказываться повсеместно.

Сообща они купили остров, названный Пиммини, напротив западной части лагуны, откуда они прибыли, и создали кодекс законов — удивительно произвольный, рассматривавший их самих как основателей, — торжественно дав клятву преданности Содружеству наций, таким образом

созданному. Рассматриваемый раздел за разделом, этот кодекс законов казался чрезвычайно тривиальным, но, взятый воедино, представал как довольно внушительное собрание мыслей.

Этим кодексом все мельчайшие вещи в жизни были предписаны определённой моде. Платье особенно прописывалось до последней основы и ткани. Все пояса должны были быть с определённым количеством дюймов по длине и с таким же числом кисточек впереди. За нарушение этого постановления перед лицом всего Марди самый сознательный из сыновей отрёкся бы от самого любящего из отцов.

Хотя теперь, как и у всех жителей Марди, включая королей и рабов, у жителей Пиммини имелись останки их предков, они редко навещали их, поскольку у всех основателей семей не было семейных склепов. И при этом они не были очень обременены живыми связями, а у некоторых из них, казалось, их не имелось вообще. Как бедный Логан, последний из своего племени, они, казалось, монополизировали кровь своего рода, совсем не имея кузенов в качестве её совладельцев.

Так случилось, что много неосведомлённых мардиан, которые не продвинулись в исследова-

нии физиологии, мудро решили, что у таппариан должна быть шелуха в родословной, как у гороха, вместо того, чтобы признать своё происхождение. Бесспорно и то, что у них имелся смешной способ поддержать их социальные претензии. Когда обсуждалось благородное происхождение его клана, Паиваи, один из их вожаков, пренебрёг всеми ссылками на Книгу Судного Дня и на древние роды. У него имелись более надёжные доказательства. Он отослал встревоженный мир к свидетелю, всё ещё живому и здоровому, — своему современному портному, слуге, который сделал из его таппы копию и порадовал его душу хорошим покроем.

— Ах! — вздохнул Баббаланья. — Это так подавляет одну лишь мысль о бессмертии, что, как я полагаю, эти таппариане будут впоследствии требовать нишу для каждого!

Но мы брели дальше. Наше посещение самого Пиммини лучше всего передаст пути его жителей.

Глава XX IV
Их приключения после высадки в Пиммини

Словно длинный парус, появился в поле зрения остров Пиммини, развеваясь мёртвым бумажным полотнищем в тонком, бесцветном паре.

— Мой господин, что это за земля? — сказал Баббаланья. — Никакой Йиллы здесь нет.

— Таково моё желание, Баббаланья.

Иуми заметил:

— Тайи не оставил бы остров неизведанным.

Когда мы приблизились к пляжу, туман стал ещё ближе и более призрачным. Мы многое пропустили до освежающего бальзама, который вдохнул прекрасный свежий воздух в открытую лагуну. Тонкими и болезненными оказались росшие деревья, на лугах трава была низкой и примятой.

Медиа сказал:

— Тайи, по отчётам, которые сделал Плетёная Борода, мы должны встретить много забавного на дорогах этих таппариан.

Да, — сказал Баббаланья, — их жизни — непре-

рывный фарс, бесплатно разыгрываемый для развлечения Марди. Мой господин, возможно, нам лучше всего будет снять наши достойные одеяния и предстать среди островитян как люди низкого звания, из-за чего тогда мы получим больше веселья, хотя и меньше гостеприимства.

— Хорошее суждение, — сказал Медиа.

И, так сказав, он снял свою одежду, чтобы предстать менее претенциозно.

Все последовали его примеру; Иуми снял тюрбан и пояс; и, наконец, полностью изменившись, мы стали похожи на венгерских цыган.

Проплыв далее, мы вошли в залив, где в воде стояло множество слуг, занятых мытьём особых фантастических резных каноэ, принадлежащих таппарианам, их владельцам.

Высадившись от них на некотором расстоянии, мы проследовали путём, который вскоре привёл нас к жилищу, сплетённому из бамбука, в которое мы вежливо постучались с просьбой войти. На стук к нам вышел слуга во всей полноте своих голеней. Оценив нашу внешность, он загородил собой проход и грубо спросил, что нам нужно.

— Мы — путники, любезный сэр, изнурённые путешествием и нуждающиеся в отдыхе и покое.

— Тогда прочь отсюда, бродяги! — И он вырази-

тельно закрыл дверь перед нашими лицами.

Повернувшись, Баббаланья сказал:

— Вы чувствуете, мой господин Медиа, что эти мошенники делают за спинами своих владельцев; они не накормят никого, кроме сытого, и не предоставят жилья никому, кроме его имеющего.

— Верю! А ведь они, однако, предоставляют редкую забаву, — вскричал Медиа. — Ха! Ха! Тайи, мы пропустили многое, мы пропустили Пиммини.

Во время этих слов мы заметили, что вдали трое слуг убежали прочь с берега, как будто бы с важным донесением.

Останавливаясь тут и там, безуспешно ища доступ в другое жильё и получая только болезненные насмешки, мы всё ещё продолжали блуждать, пока наконец не натолкнулись на деревню, к которой с побережья и побежали с донесением.

И вот теперь, к нашему удивлению, к нам обратилась нетерпеливая и рабская толпа.

— Подобострастные мошенники, — сказал Медиа, — где измазанные дёгтем ваши хозяева?

— Праведный король и трижды благословенный бог Одо, возьмёте ли вы нас в слуги? Мы — таппариане, благодарим Ваше славное Высочество; мы — ваши самые скромные и по-

слушные слуги. Мы умоляем вас, достойный Сэр, снизойдите до того, чтобы посетить наше жильё и разделить наше гостеприимство.

Затем повернулись к своим слугам:

— Трудно с вами, собаки! И подберите нам нужное жильё.

— Как они узнали, что я король? — спросил Медиа.

— Разве этого не видно по вашей королевской манере держаться и по взгляду?

— Это их слуги, — пробормотал Мохи, — кто-то из гребцов из наших каноэ, должно быть, знал, кто такой мой господин, и сообщил новость.

После нескольких дальнейших речей Медиа препоручили первому из таппариан, некоему Нимни, который, проводя нас к своему жилью, с большим уважением представил нас полной старой Бегуме и трём стройным девицам — его жене и дочерям. Вскоре появились закуски: зелёные и жёлтые смеси и разные загадочные деликатесы, помимо овощных ликёров странного и тревожного аромата, налитых в хрупкие небольшие листья, свёрнутые в чашки и очень неприятные в использовании. Чрезмерно страдающий от жажды Баббаланья осмелился спросить о воде, что вызвало взрыв ужаса у старой Бегумы

и тихие возгласы её дочерей, которые объявили, что напиток, на который отдалённо ссылались, слишком широко распространён в Марди, чтобы вообще быть уважаемым в Пиммини.

— Но хотя мы редко её употребляем, — сказала старая Бегума, церемонно поправляя своё ожерелье из раковин каури, — мы иногда используем её в лекарственных целях.

— Ах, действительно? — сказал Баббаланья.

— Но — о! верьте мне — даже тогда мы используем не обычную жидкость родников и течений, а ту, что днём мягко струится с наших пальм в небольшую ёмкость или миниатюрный резервуар под его уплотнёнными корнями.

Кубок с этим напитком теперь вручили Баббаланье, но при наличии любопытного, липкого аромата это выглядело как угодно, но уже вполне приемлемо.

Затем прибыла компания молодых людей, родственников Нимни. Они были тонкими, как небесные паруса; стоя в ряд, они напоминали забор из штакетника и увенчивались огромными шапками волос, расчёсанными вокруг, по-разному окрашенными и выровненными, со светлым пучком из соломы. Как пакеты модисток, они выглядели очень аккуратно, носили благоухаю-

щие одежды.

— Они пахнут лесом, — прошептал Иуми.

— Да, удивительно, как сок, — сказал Мохи.

Одна часть их гарнитура состояла из многочисленных шнурков с кисточками, подобных аксельбантам, свисающим с шеи и прикреплённым тут и там к телу. Отдельно, на расстоянии, шнурки обвивали их лодыжки. Они служили мерами и шкалами их движений, удерживая их жесты, шаги и отношения в пределах предписанного аристократического стандарта таппариан. Когда они уезжали за границу, перед ними шествовали особые лакеи, которые раскладывали перед ними маленькие резные доски, куда их владельцы ступали, таким способом избегая контакта с землёй. Такое простое устройство в обуви, как лямка, в Пиммини было неизвестно. Когда было сказано, что Тайи недавно прибыл с солнца, они не проявили ни малейшего удивления; у одного из них случайно зажёгся взгляд, однако затем произошло затмение, должно быть, в невыносимой печали.

Глава XXV
А, Я и О

Старая Бегума носила благозвучное имя Охиро-Молдона-Фивона; имя, которое из-за своей длины считалось очень благородным; впрочем, имелись скандальные утверждения, что это было не что иное, как её изменённое настоящее имя; а имя, под которым она была прежде известна, имело значение «получатель прекрасной таппы». Но поскольку это раскрыло бы древнюю тайну, мудрецы решили его замаскировать.

Её дочери, соответственно, упивались симпатичными уменьшительными А, Я и О, которые из-за их краткости, смешно сказать, считались соответствующими благородству дам.

Аксессуарами этих трёх гласных не стоило пренебрегать. Каждая девица была весьма дородна, и круглая юбка с фижмами из тростников, поддерживающих её структуру, являла собой весело окрашенный наряд. Возможно, Их Очарования чувствовали себя столь же уверенно в этих неприступных юбках, как слабые армии, слетевшиеся в крепости, чтобы скрыть свою слабость

и успешней отбивать атаку.

Но вежливо и благоразумно было бы успокоить нашу хозяйку. Поэтому, лично подсев к Бегуме, Тайи начал беседу с серьёзных вопросов о её благосостоянии. Но Бегума была одной из тех, кто уменьшает затруднения от застенчивости при ведении разговора, беря на себя всё продолжение совместной беседы. Поэтому не удивительно, что моя леди бесценно уважалась на всех собраниях в рощах Пиммини, в основном содействуя тому непрерывному шуму, который считается лучшим показателем услады в компании, как и создание в ней глухоты к всеобщему еле слышимому вздору.

Узнав, что Тайи путешествует по определённым островам в Марди, Бегума была удивлена, что он, возможно, рисковал своей жизнью среди варваров Востока. Она желала знать, не ослабило ли его основ вдыхание неочищенной атмосферы в тех отдалённых и варварских областях. Эта простая мысль ослабляла саму её внутреннюю цитадель, не позволяя ей когда-нибудь уплыть за границу под парусом на Восток, страшась инфекции, которая могла бы скрываться в воздухе.

После обращения к этим трём девицам Тайи очень скоро обнаружил, что его язык, который

томился в присутствии Бегумы, был теперь активно задействован, чтобы разбавить многосложные слова её дочерей. Они столь усердно были заняты молчаливыми усилиями выглядеть сентиментальными и симпатичными, что это не способствовало лёгкой задаче вести с ними обычную беседу. В этой дилемме Тайи не распространял свои замечания на всех трёх сестёр, но осторожно сосредоточил их на О. Думая, что она могла бы проявить любопытство относительно солнца, он сделал некий отдалённый намёк на это светило как место своего рождения. На что О спросила, где находилась та страна, о которой было сделано упоминание.

На некотором расстоянии отсюда, высоко в воздухе, на солнце, которое посылает свет всему Пиммини и всему Марди.

Она ответила, что если это и имело место, то она никогда не созерцала его; ведь таково было устройство её юбки с фижмами, что её голову нельзя было запрокинуть назад, не ослабив её крепления. Поэтому она всегда воздерживалась от астрономических исследований.

Это рассмешило грубого Мохи. И этот удачный смех счастливым образом оградил Тайи от всего дальнейшего желания развлечения Гласных.

Поскольку от столь вульгарного, в том числе и в Пиммини, и столь непривычного звука, как подлинный смех, все три поражённые нимфы подряд потеряли сознание, их круглые юбки с фижмами попадали друг на друга, подобно нескольким пустым бочкам. Но затем они пришли в себя.

Тем временем, не трогаясь со своих циновок, вежливые молодые олени в аксельбантах лишь невозмутимо держали за стебли полупрозрачные листья перед своими глазами, которые сместили вниз, к беспорядочным кромкам юбок с фижмами, возможно, в ожидании открытия лодыжек и их наблюдения. Зачем точно использовались эти листья, возможно, будет сложно сказать, особенно учитывая, что наблюдатели неизменно глядели над ними и под ними.

Бедствие Гласных вскоре перешло в окончание вечеринки, и, когда пришёл вечер и утомление от поиска компании в Пиммини, мы удалились к нашим циновкам, обретя тот отдых, который неизменно ждёт уставшего человека.

Глава XXVI
День приёмов в Пиммини

Следующим утром Нимни сообщил нам, что организует на сегодня день открытых дверей с целью предоставить нам возможность узреть красоту, ранги и моду, которыми может похвастаться Пиммини, включая отдельных известных незнакомцев из различных частей лагуны, кто, несомненно, будет удостоен приглашения.

Как обитатели особняка, мы неожиданно получили редкую возможность увидеть последние туалеты Бегумы и её дочерей, предварительно подготовленные к приёму их гостей.

Четыре юбки с фижмами стояли посреди жилища, когда их будущие обладатели в исподних одеяниях обходили их со всех сторон, прикладывая различные предметы к нарядам — крашеные шарфики, мелочи из слоновой кости и другие художественные детали. Уместность того или иного украшения этими тремя Гласными время от времени решалась обособленно или совместной консультацией. Они говорили, и они смеялись; они были тихи и печальны, внезапно веселясь

от своей смелости, а затем печально задумывались, очаровательно притихнув. Так, например, О ради целесообразности предложила искусный сгиб в драпировке платьев, чтобы при самой простой случайности в Марди показать дразнящий проблеск своих лодыжек, которые, как полагали, были весьма симпатичны.

Но старая Бегума была более активна, чем кто-либо, и совсем не заинтересовалась данным советом. Её главной целью, казалось, было украсить наряд во всех возможных точках; и она указывала на многие пока ещё свободные и пустые места, очень пригодные для украшений.

Наконец, всё было готово, когда, бросив прощальный взгляд на все свои укрепления, Бегума и девицы одновременно опустили свои головы сразу же после появления встречаемых, готовые к выполнению боевой задачи.

И теперь стоит описать весь приём, который последовал. Прибыли Рое, Фи, Лол-Лолы, Хамми-Хамы, Биди-Биди и Дедидумы; Пини, Ямоями, Карки, Фанфумы, Дидледы и Фиддлефи; одним словом, вся аристократия Пиммини; люди с чрезвычайно краткими именами; и, кроме имён, ничего иного у них не было. Тут было внушительное множество звуков, циркуляция шифров,

движение таппы, встреча гримас и украшений, скучный маскарад.

Среди толпы суетился некто по имени Гадди, нарядившийся в широкое платье ради некой цели; он, выбрав Баббаланью, в течение некоторого времени держался рядом с ним и с чрезмерной обходительностью просвещал его относительно собравшихся людей.

Это — богатый Мармонора, считающийся могущественным человеком в Пиммини; его мешки с зубами, говорят, весят свыше четырнадцати камней; его очень желают портные для снятия мерки, и он не слаб сердцем. Его богатство велико. И та старая дама — вдова Ру; очень богатая, много зубов, но во рту у неё нет ни единого. А это — Финфи; говорят, не очень богата и девица. Кто бы предположил, что она когда-то мяла таппу, чтобы прожить?

И, так сказав, Гадди отошёл прочь; его место со стороны Баббаланьи было немедленно занято девицей Финфи. Эта оживлённая и любезная нимфа сразу продолжила указывать на ту часть компании, где Гадди остановился, начиная с самого Гадди, который, как она заключила, был простым выскочкой, ужасной докукой для общества и не настолько богатым, как предполагали.

Скоро к нам обратился некто Ноппо, угрюмый, мрачный тип:

— Я никого не знаю здесь; ни одна душа не видела меня прежде; мне интересно, кто они все.

И в тот же момент он дружески кивнул девяти важным персонам, стоящим в ряд. После чего Ноппо исчез. Но после вернулся в компанию, засвидетельствовал многим своё почтение, снова подошёл к Баббаланье и сказал:

— Никого, никого, никого, совсем никого; я не вижу никого из тех, кого знаю.

Двигаясь далее, Нимни объяснил много странных различий, определённо характеризующих их имена, явно показывая, что желает впоследствии убедить нас, что это были люди, как ему представлялось, широко известные и что мы допустили ошибку, если сочли его не привыкшим к столь славному обществу.

Но многие его магнаты, казалось, стеснялись Медиа и его лавров. Особенно высокий смирный господин с ужасным копьём в руке, сильно зазубренным и расколотым, как будто оно подверглось множеству испытаний. Его левая рука покоилась на подвязке, и повязка была на его зловещем глазу. О нём Нимни сообщил, что он — известный капитан Короля Острова Пико (что

располагался неподалёку), который был почти смертельно ранен где-то в последнем отчаянном, хотя и неназванном столкновении.

— Ах, — сказал Медиа, когда это страшилище ушло, — Фофи — хитрый мошенник, хвастун, который продвигается из-за трусости короля Пико. Он смешал свою татуировку в одну массу синего цвета и таким образом замаскировал, должно быть, самого себя здесь, в Пиммини, опасаясь человека, которого здесь нет. Но я вижу больше, чем он.

— О вы, таппариане, — сказал Баббаланья, — ничто так легко не надувает вас, как вздор. Тайи, созерцание этого безумия делает нас мудрее. Посмотрите, посмотрите: оно повсюду вокруг нас. О, Пиммини, Пиммини!

Глава XXVII
Баббаланья изо всех сил обрушивается на Пиммини

Далее, отказавшись от дальнейших любезностей, мы вежливо простились с Бегумой и Нимни и, выйдя к берегу, очень скоро взошли на корабль.

Когда мы все с удовольствием расселись под навесом и набили доверху свои трубки и мерное раскачивание калабасов и гребцов успокоило нас, Медиа предложил для пользы компании в одном или двух содержательных и непритязательных предложениях подытожить характер таппариан и закончил назначением Баббаланьи ответственным за исполнение этого поручения.

— Ну, философ, давай убедимся в том, насколько немногословный ярлык ты сможешь повесить на этих таппариан.

— Простите меня, мой господин, но вы должны разрешить мне подумать некоторое время; ничто не требует столь большого количества времени, как краткость. Например, говорят, что в беседе старый Бардианна имел дело только с трёх-

сложными предложениями. Его разговор был раскатами грома: звучные описания, но с длинными паузами.

— Дьявол побери старого Бардианну! И хорошо бы, чтоб могильщик похоронил его «Размышления» вместе с другими его творениями. Ни одного не должно быть в твоей компании, Баббаланья, но тебе-то зачем общение с этим старым трепачом? Характеристика таппариан! Именно это мы и ищем.

— У вас она уже должна быть, мой господин. По причине наполненности до краёв самими собой таппариане являются самыми пустыми из смертных.

— Хороший удар, и хорошо поставленный, Баббаланья.

— Воистину, самое превосходное высказывание; оно должно быть выбито на его надгробной плите, — сказал Мохи, медленно извлекая изо рта свою трубку.

— Что ж! Пожалуйста, прочитайте такую мою эпитафию:

«Здесь находится самый пустой из смертных, кто был полон самим собой». В лучшем случае ваши слова чрезвычайно неоднозначны, Мохи.

— Теперь возьмите меня, философ, — крикнул

Иуми с ликованием. — Что сказал мне не так давно Баббаланья, когда, касаясь той моей сонной песни, Плетёная Борода наградил меня сомнительным комплиментом? Хотел ли я вырвать благодарность из него, пытался ли я это ускорить?

— Прими свои собственные пилюли, философ, — сказал Мохи.

— Тогда бы он был большим оригиналом, — сказал Медиа.

— Скажи мне, Иуми, — сказал Баббаланья, — ты не ошибся? Поскольку я иногда говорю мудро, ты не должен полагать, что я должен всегда так действовать.

— Я так никогда и не думал, — сказал Иуми, — и если бы так оно и было, то правда противоречила бы мне. Это вы, Баббаланья, тот, кто ошибается, а не я, желающий вашего прощения.

— Со всех сторон менестрель сегодня как лезвие, — сказал Медиа.

— И тогда, трижды нежный Иуми, вот то, что я сказал бы, — продолжил Баббаланья. — Так как мы, философы, даруем много мудрости другим, то нельзя не задаться вопросом, что время от времени мы обнаруживаем, что оставляем в себе слишком мало для наших потребностей.

Это от нашего переполнения, которого мы и жаждем.

— И от дурацкой бедности, — сказал Медиа. — Что ему богатство — для него сама простота иногда имеет больше значения, чем мудрость мудреца. Но мы рассуждали о таппарианах. Баббаланья, ты напыщенно сделал себя предметом восхищения; теперь напрягись и расскажи нам побольше о людях Пиммини.

— Мой господин, я могу напрячься навсегда.

— Тогда, мой почтенный господин, позвольте ему не начинать, — вмешался Плетёная Борода.

— Я имею в виду, — сказал Баббаланья, — что все предметы неистощимы, однако тривиальны; вот так математическая точка, начавшая движение, способна на то, чтобы превратиться в бесконечную линию.

— …Навечно простёршуюся ни в чём, — сказал Медиа. — Очень плохой пример для подражания. Давай, Баббаланья, перейди к сути дела и не отвлекайся от неё, что является слишком яркой чертой твоего характера.

— Так как мой господин настаивает на ней теперь, тогда скажу о таппарианах, хоть и оставлю из многих мыслей одну или две про запас. Они игнорируют остальных мардиан, в то время

как они сами едва лишь на слуху на восточных островах, где жизнь и смерть продолжается в некотором единообразии, как будто никаких таппариан не существует. Сами они думают, что знают о Марди всё, тогда как в массе они рассматриваются как чудо, исключительно из-за закона, определяющего, что никакой мардианин не должен удостаиваться жизни, если он не обладает по крайней мере средним количеством мозгов. Поэтому у этих таппариан нет мозгов. Вместо этого они несут в одном из уголков своих черепов каплю или две розового эфирного масла; осторожно используемого, мало употребляемого. Они — жертвы двух неизлечимых болезней: каменного сердца и косности мышления. Они полны мишуры, пижонства и изящества, не зная, что природа должна быть моделью для искусства. Всё же они могли бы быть менее глупыми, чем они есть, но они удовлетворены состоянием простых идиотов, которыми в основном и являются. Есть зёрна смысла в простаке, пока он естественен. Но чего можно ждать от них? Они неисправимы, эти таппариане; у них не так много собственных дурацких выдумок как ссылок на непостижимое указание Оро. Ни одного из них, мой господин, я не могу вынести.

Но Тайи смог.

В Пиммини совсем не было весёлого движения и крика: ни одной королевской особы с весёлым нравом старого Бораболлы, ни одной из тайн Мараммы, ни чувств и романтичности Донджалоло, ни пересказа старых легенд, ни пения старых песен, ни жиз0ни, ни весёлого волнения: короче говоря, никаких мужчин и женщин, только их наружные покровы, натянутые процессии и юбки с фижмами.

Глава XXVIII
Баббаланья знакомит компанию с теорией бутербродов

Стояла ночь. Но луна была блестящей, далеко и повсюду освещая лагуну.

Мы скользили по серебристым валам.

— Подойди Иуми, — сказал Медиа, — лунный свет и музыка для… — да!.. — песни! Песню, моя райская птица!

И, сложив руки и глядя на искрящиеся воды, Иуми запел:

Лунный луч на танцующих волнах,
Шаг, лёгкий шаг той красивой девицы:
Марди ей музыкой путь пролагает,
И голос её бесподобный песню поёт водной глади.

— Держись! — крикнул Медиа. — Вон там любопытная скала. Она выглядит чёрной, как горб кита в открытом море при солнечном свете.

— Это, должно быть, Остров Окаменелостей, — сказал Мохи. — Да, мой господин, это так.

— Тогда давайте высадимся, — предложил

Баббаланья.

И, не нарушая строя, каноэ причалили, и мы высадились. Это была куполообразная поверхность, тут и там окаймлённая папоротниками, растущими из расселин. Но при каждом отливе тонкий слой почвы, казалось, постепенно смывался в лагуну.

Гладкие части древних пластов расположились в странном порядке: Луксорские отметки, шифры Пальмиры, надписи Паленке. Длинные линии, как на архитравах Дендеры, оказались барельефами из жуков, черепах, муравьедов, броненосцев, гуано, змей, безъязыких крокодилов: длинная процессия, замороженная и кристаллизованная в камне и посеребрённая луной.

— Странное зрелище! — кричал Медиа. — Скажи, антиквар Мохи.

Но летописец дёргал антикварную бороду, приведённый в замешательство этими поразительными видами. Надевший капюшон старый отец Пиаджи, склонившийся над сожжёнными рукописями Геркуланума, не выглядел более виновато, чем он.

Медиа сказал:

— Разъясни тогда ты, мудрец Баббаланья.

Прикрыв своё лицо мантией, Баббаланья мо-

гильным голосом произнёс:

Это листы книги Оро. Здесь мы читаем, как создавались миры; здесь мы читаем о взлётах и падениях царств Природы. Отсюда начинается древняя человеческая история, эти записи не имеют начала и конца. Это тайные воспоминания о прошедших временах, чьи свидетельства, давно обнародованные, выдают мрачную ложь, выболтанную Мохи, и разрываются громом среди реликвий из сухих костей старой Мараммы.

Старые глаза Плетёной Бороды загорелись огнём. Со всклокоченной бородой он закричал:

— Забери назад свои лживые слова, что ты произнёс!

— Мир, вечные враги! — вскричал Медиа, вмешиваясь и раздвигая обе руки. — Философ, исследование не слишком глубокое. Всё, о чём ты говоришь, весьма прекрасно, но очень темно. Я хотел бы узнать что-то более определённое. Но, пожалуйста, призрак, приоткройся! Не болтай больше! Жди, пока тебя не закопают.

— Да, холодная лихорадка смерти наводит на нас всех дрожь, мой господин. Мы клянёмся, что наши зубы — сосульки.

— Ты наведёшь на нас дождь со снегом? Есть у тебя разъяснение по этим скалам?

— Мой господин, если вы желаете, я переверну эти каменные пласты, как загнутые уголки страниц.

— Небеса и Марди! Продолжай, Баббаланья.

— Итак. Это были могилы, открытые взрывами вулканов и выброшенные сюда из самых нижних хранилищ лагуны. Все скалы Марди — одно сплошное поднятие. Но посмотрите. Здесь теперь рассказана полная история. Ах, совсем не думали эти великие старые господа, которые жили и ревели перед потопом, что они окажутся здесь. Здесь, Король Медиа, я смотрю и учусь.

Он смотрел и видел картину ошеломляющую и открытую, как любой из фронтонов Петры.

Она казалась величественным банкетом мёртвых, где господа в виде скелетов расположились вокруг кушаний, состоящих из окаменевших фруктов в обрамлении стекловидных ваз, усмехающихся, как пустые черепа. Они сидели там, обмениваясь явными знаками внимания. Рука одного лежала на его каменном сердце; его визави держал полую мензурку. Другой сидел с серьёзным лицом под скошенными бровями.

Он, казалось, шептал в ухо тому, кто доверчиво его слушал. Но на груди того, кто носил скошенные брови, лежала змея, намотанная на огниво.

В дальнем конце на возвышении стоял трон, его купол увенчивался короной, которая теперь имела сходство с вороной, сидящей на яйце.

Трон был пуст. Но, полускрытая драпировкой, позади самого приятного господина боком склонялась коронованная особа, заносящая кинжал в своей руке: монарх, окаменевший в момент убийства своего гостя.

— Самое высокое и священное величие! — закричал Баббаланья, кланяясь ему в ноги.

В то время как все смотрели на эту картину, прибыли двое слуг Медиа, которые умоляли Баббаланью уладить спор, касающийся некоего рисунка на другой стороне островка.

За ними мы и последовали.

На длинном слое камня были видны волнистые отметки ушедших ныне морских вод, в середине которых имелись трёхпалые следы каких-то огромных цапель или болотных птиц.

Указывая на один из них, первый участник диспута говорил так:

— Я утверждаю, что это три пальца ноги.

— А я, что это — одна нога, — говорил другой.

— И теперь разрешите спор между нами, — сказали оба разом.

Баббаланья, вставая, сказал:

— Не является ли этот самый вопрос, который оба они задали, тем страшным предметом спора в Марамме, чьи третичные скалы испещрены по всей поверхности этими отметками? Да, это то, из-за чего они всё ещё проливают кровь. Это то, что их всё ещё разделяет.

— Кто из нас прав? — снова потребовала нетерпеливая пара.

— Объединитесь, и оба будете правы; разделитесь, и оба неправы. Каждая единица составлена из частей так же, как из единиц множества. Девять состоит из трёх троек; а целое — из множества третей; или, пожалуй, тысячи тысячных частей; нет особой потребности останавливаться на третях.

— Прочь, глупые спорщики! — крикнул Медиа. — Мы ещё перед вашим приходом всё обсудили.

Прогулявшись дальше и заметив много чудес, Медиа сказал:

— Баббаланья, ты любишь все тайны; вот подходящая тема. Ты дал нам историю скалы; может ли твоя мудрость рассказать о происхождении всех островов? Как появился Марди?

— Ах, этот когда-то обсуждаемый вопрос улажен. Хотя и трудная вначале, это доказанная

безделица. Начнём не с моего господина; есть те, кто характеризует Марди высотами и отметками и со своим закономерным лидерством называет его предельные глубины. Если послушать, то это — неплохая история. Коралловая стена, которая опоясывает острова, растёт вверх из глубоко расположенного кратера, оставшегося от первоначального хаоса. В первое время из этого тигля выходила в дымах и парах вулканическая огненная лава. Год от года её слои утолщались, её уровень долгое время понижался тяжёлым осадком к основанию, слой за слоем, твердея и далее корками вырастая до поверхности. Затем огромный вулкан взорвался, захватив целую массу, подбросил вверх древние скалы, которые теперь в разных горных вершинах говорят о том, что существовало прежде, чем Марди был полностью вылеплен. Следовательно, есть много окаменелостей на холмах, близкие родственники которых всё ещё скрываются ниже долины. Так Природа сделала, случайно соединив враждующие кратер хаоса и этот мир раковин.

Мохи погладил свою бороду. Иуми зевнул.

Медиа крикнул:

— Нелепо!

— Мой господин, тогда возьмите другую тео-

рию, которую вы прослушаете, — знаменитую систему бутерброда. Первое состояние природы было супом, в котором агломерация твёрдых частиц сформировала гранитные клёцки, которые, истираясь, откладывали первоначальную страту, составленную из рядов, прослоённых из странной формы моллюсков и зоофитов, затем улиток и литорин: мармелада, который тянется, и орехов, которые раскалываются до съедобного состояния.

И затем, мой господин, у нас есть прекрасное старое время бутерброда Старого Красного Песчаника, лежащего основным слоем, и среди других деликатесов оказавшихся в нём первобытных рыб, согласно этому правилу, в форме осетра — цефаласписов, глиптолеписов, птерихтисов и других имеющих плавники созданий, редкого вкуса, но трудно пережёвываемых из-за костей. С ними была подана различная зелень — лишайники, мхи, папоротники и грибы.

Затем идёт Новый Красный бутерброд из песчаника: мергелистый и магнезиальный, лежащий со старыми патриархами — крокодилами и аллигаторами, — трудно разделимыми, — и потрясающими ящерицами, пронзёнными вдоль позвоночника, с изогнутыми хвостами и плаваю-

щими в шафрановых блюдцах.

— Что дальше? — крикнул Медиа.

— Масло, или масляный сэндвич, — для редких гурманов; масляным он был назван из-за толстых старых суставов, окороков, кругов и баронов морского рогатого скота и моржей, которые тогда увенчали стол этой страты. Сложенные все вместе — с великолепным изобилием! — филе и грудные кости, огузки, и сёдла, и бёдра; плечо к плечу, поясница к филею, рёбра, стучащие суставы и части, не принадлежащие ни к одному из них. И все они легли слоем прямо по всему, что пошло прежде. Линия за линией и линия на линии, мой господин; никакого времени, чтобы очистить останки, никакой остановки не было позволено; лежит и сжимается; сжатие, толчок и приход новых останков.

Затем Мел, или коралловый бутерброд; но никакой сухости далее; составленный из богатых сторон — эоцена, миоцена и плиоцена. Первый был дикой игрой для утончённых: низкорослые жаворонки, кроншнепы, перепела и летающие белки с небольшим вкраплением: каплуны, молодки, зуйки, украшенные яйцами буревестников. Это весьма утончённо, мой господин. Вторая сторона — миоцен — отличалась от пер-

вой, той, что из плоти птицы: морские млекопитающие — тюлени, серые дельфины и киты, преподнесённые с морем и водорослями на их боках, сердцами и почками, приготовленными с пряностями, плавниками и ластами фрикассо. Всё для вас, мой господин. Третий бок, плиоцен, был самым приятным из всех: целые жареные слоны, носороги и гиппопотамы, фаршированные сваренными страусами, кондорами, казуарами, индюками. А также барбекю из мастодонтов и мегатериумов, благородно поданное с елями в их ртах и петушиными хвостами.

Таким был старый допотопный мир: настоящий гурман и говяжий ренегат. Мы, мардиане, голодаем на поверхностных стратах отложений, ломая наши челюсти грецкими орехами, фундуками, кокосовыми орехами и моллюсками. Мой господин, у меня всё.

— Ты смело всё изложил. Мохи говорит нам, что Марди был создан за шесть дней, но ты, Баббаланья, создал его с момента основания менее чем за шесть минут.

— Для нас геологи — ничто, мой господин. В словах мы разворачиваем вам всё, включая системы, солнца, спутники и астероиды. Да в конце концов, мой славный господин, мой друг Анно-

нимо выкладывает новый Млечный Путь, чтобы пересечься со старым, и прокладывает квершлаги среди комет.

И, так сказав, Баббаланья откланялся.

Глава XXIX
Они всё ещё остаются на скале

— Изумленье-изумленье, фигле-фи, фигле-фогле-орум, — так напевал самому себе Баббаланья, медленно шагая по окаменелостям.

— Он опять сошёл с ума? — прошептал Иуми.

— Ты сошёл с ума, Баббаланья? — спросил Медиа.

— Я с самого моего рождения такой, мой господин; не я ли нахожусь в собственности дьявола?

— Тогда я буду опрашивать его, — крикнул Медиа. — Послушай, братец, почему ты бредишь в этом бедном смертном?

— Это он, а не я. Я — самый смиренный дьявол, который когда-либо входил в человека; собственно, я никаких рогов не ношу, мой хвост потерял свой зубец, как ранее ваши мардианские львы потеряли свои хвостовые кисточки.

— Этот дьявол очень занудный. Но, пожалуйста, скажи, кто ты, братец?

— Самый смиренный дьявол, который когда-либо входил в человека; собственно, я никаких рогов не ношу, мой хвост потерял свой зубец, как

ранее ваши мардианские львы потеряли свои хвостовые кисточки.

— Очень повторяющий этот дьявол. Братец! Не дразни меня. Знаешь ли ты некоего Баббаланью?

— Я знаю многое, недостойное упоминания, отчего меня называют Аззагедди.

— Очень скрытный этот дьявол; он не выдаст секретов. Аззагедди, я смогу вытеснить тебя?

— Только с духом этого смертного — вместе мы вошли, вместе мы и отбудем.

— Этот дьявол очень краток и подготовлен. Откуда пришёл ты, Аззагедди?

— Оттуда же, куда мой законоучитель должен пойти, — из жаркой страны под горячим экватором.

— Очень увлечённый и остроумный этот дьявол. Аззагедди, что у тебя там?

— Прямо внизу живой, весёлый круг приятелей, которые в ревущей печи сидят и жарят на ужин свои копыта; настолько привыкших к огню, что они мешают в печке своими рожками и светят своими хвостами, как факелами.

— Очень забавный этот дьявол. Аззагедди, а Марди не приятней ли будет того места, откуда ты пришёл?

— Ах, домой! Милый, милый дом! Побыть бы, побыть бы дома снова!

— Очень сентиментальный этот дьявол. Аззагедди, протяни руку, я пожму её.

— У нас так не принято: мы, встав спиной к спине, хватаемся хвостами и вежливо спрашиваем: «Умоляю, достойный сэр, скажите, что теперь показывает великий термометр?»

— Это просто принц среди дьяволов.

— Совсем безумен наш Баббаланья, — вскричал Мохи. — Мой господин, примите во внимание, что он будет кусаться.

— Увы! Увы! — вздохнул Иуми.

— Прислушайся, Баббаланья, — закричал Медиа, — достаточно этого: сбрось своего дьявола и будь человеком.

— Мой господин, я не могу снять его; но я сброшу его через какое-то время. Аззагедди! Вниз, шалун; вниз, вниз, вниз! Так, теперь, мой господин, я — только Баббаланья.

— Я проверю его здравомыслие, мой господин? — крикнул Мохи.

— Давай, старик.

— Философ, наш большой риф окружён океаном; что, ты думаешь, лежит за его пределами?

— Увы! — вздохнул Иуми. — Этот вопрос спосо-

бен вернуть его безумие.

— Мир, менестрель! — сказал Медиа. — Ответь, Баббаланья.

— Отвечу, мой господин. Страха нет, милый Иуми; ты видишь, насколько я спокоен. Плетёная Борода, те незнакомцы, которые приплыли в Мондолдо, доказывают существование островов вдалеке, как и предполагали философы в старину, но не кричали о своих предположениях. Но они вообще считали невозможным, Плетёная Борода, что вне их земли могут существовать другие области, о которых эти незнакомцы не знают, также населённые народами, как и мы, мардиане, но, возможно, с более высокими способностями и с органами, которых у нас недостаёт. У них может быть некий лучший способ видения, чем у нас; возможно, имеются плавники или крылья для рук.

— Это не походит на здравомыслие, — пробормотал Мохи.

— Самая сумасшедшая гипотеза, воистину, — сказал Медиа.

— И тщетны все введения? — закричал Баббаланья. — Неужели у нас, смертных, нет ничего, что могло бы нас поддержать, кроме того, что мы видим своими глазами? Не верите в то, что

можно отдохнуть в том внутреннем микромире, в котором мы видим вселенную, отмеченную на карте мелким значком, подобно тому, как целый горизонт отражается в радужной оболочке комариного глаза? Увы! Увы! Мой господин, неужели нет там никакой благословенной Одонфии? Никакой Астраззии?

— Его дьявол снова овладел им, мой господин, — вскричал Плетёная Борода.

— Он абсолютно, совершенно безумен! — вздохнул Иуми.

— Да, луна полная, — сказал Медиа. — Хо, гребцы! Мы отбываем.

Глава XXX
Позади и впереди

Уже светила луна, когда мы отошли от островка. Но вскоре небо стало серовато-коричневым, луна вошла в пещеру среди облаков, и при тайной симпатии между нашими сердцами и элементами мысли всех, кроме Медиа, стали мрачными.

Снова зашла беседа о мрачной вести из Мондолдо — жестоком убийстве спутника Тайи.

Мохи сказал:

— Эти сыновья призрака Алимы, должно быть, и были убийцами.

— Они вынашивали смертельный замысел, — сказал Баббаланья.

— Кого-то смерть бедного Ярла должна теперь удовлетворить, — вздохнул Иуми.

— Значит, мы все стали больше радеть за Тайи, — сказал Медиа. — Но дальше идёт мрак! Ваши брови хмурятся потому, что небо омрачено? Баббаланья, я горюю, что луны не стало. Всё же есть некий парадокс в том, что мы можем смеяться. Скажи, женщина — человек, или ты

сам себе аист?

При этих словах все улыбнулись. И тут же воздух пронзила стрела, которая попала в нашу корму и задрожала. И ещё одна! И ещё! Задевая навес, они летели и шипели, затем ныряли вглубь волн, как раскалённые прутья.

Привстав, мы увидали след разбитого судна, ведущего к низкому каноэ, удиравшему вдали за соседнюю гору. В следующий момент оно потерялось в пределах её тени, и преследование за горой стало бессмысленным.

— Летим за ними! — закричал Иуми.

— Мир! Что это за убийцы? — спокойно сказал Медиа. — Кого они могли искать? Тебя, Тайи?

— Эти три мстителя выпустили три стрелы, — сказал Баббаланья.

— Погляди, что за стрела осталась на корме, — крикнул Медиа.

Её принесли ему.

— Великий Оро! На наконечнике изображён Тайи!

— Тогда она прошла мимо своей цели. Но я не буду зарываться и прятаться. И, несмотря на стрелы, я всё же буду продолжать поиски. И несмотря на призрака, за которого мстили эти бледные привидения, и несмотря на всё, что бес-

покоит меня. Я убил жреца, но, получив её, после потерял; и я убил бы снова, лишь бы вернуть её. Ах, Йилла! Йилла.

Все встали.

Затем Баббаланья сказал:

— Сыновья Алимы не бредили; тогда, значит, верно то, Тайи, что вы заполучили свою Йиллу недобрым путём, и неудивительно, что она потеряна.

Медиа сказал беззаботно:

— Возможно, Тайи, тебе лучше было бы хранить твою тайну; но не говори больше, я не хочу быть твоим врагом.

— Ах, Тайи! Я отступаю от вас, — вскричал Иуми, — но из-за отметки на вашем лбу. Она уничтожает смысл ваших слов. Но посмотрите, вдали движутся звёзды, и кто они? Машущая Айрис! Да, снова пришли они — герольды Хотии!

Они принесли чёрный шип, уложенный в увядшие цветы бальзамических роз, красных и синих.

Иуми сказал:

— Для того, кто ужален, лекарства не существует.

— Кто, кто такая эта Хотия, что она наносит мне такой удар?

— Эта дикая сардоническая улыбка дразнит ваше страдание.

— Прочь! Вы — злодеи.

— Снова возок Венеры и — ло! — венок земляники! Лети же ко мне, и будешь увенчан радостями.

— Позвольте дикой ведьме посмеяться. Она не сдвинет меня. Ни стремительные стрелы, ни цветы Цирцеи меня не ужаснут.

Иуми сказал:

— Они ждут ответа.

— Скажите вашей Хотии, что я её не знаю и не хочу знать. Я бросаю вызов её заклинаниям, она соблазняет понапрасну. Йилла! Йилла! Я всё ещё надеюсь!

Они медленно отплыли, не обращая внимания на мои крики прекратить меня преследовать.

Тьма и тишина опустились на нас.

Глава XXX I
Баббаланья дискутирует во тьме

Пришёл и ушёл следующий день; и, тем не менее, мы плыли вперёд. Наконец, ночью установился штиль, успокоив воды широкой лагуны и успокоив все облака на небесах, стенающих о созвездиях. И так как наши паруса были бесполезны, наши гребцы усердно надрезали водное пространство лезвиями вёсел. Пока мы огибали растрескавшуюся седую старую скалу, Ви-Ви, пришедший в нетерпение от штиля, запрыгнул на своё воронье гнездо во рту акулы и, схватив свою раковину, взорвал тишину воем, который пронёсся среди пустоты, отражаясь эхом.

Уверяю вас, что это было потрясающе, и более всего для одного из наших гребцов, на чьи плечи подняли Ви-Ви, который, потеряв равновесие, внезапно оступился и упал. Но беспечный маленький горнист сам же больше всех пострадал при падении, почти сломав свою руку.

Последовал приём лекарств, и увеличивший компанию Баббаланья сказал так:

— Мой господин Медиа, в этом происшествии

была ли чья-либо человеческая потребность?

— Ни одной, о которой я знаю или хочу сказать, Баббаланья.

— Ви-Ви, — сказал Баббаланья, — ты упал нарочно?

— О нет, — рыдал маленький Ви-Ви, укладывая свою больную руку на подвязку.

— Горе! Горе нам всем теперь, — закричал Баббаланья, — из-за этого ужасные события могут произойти с нами, и мы их не сможем избежать.

— Как сейчас, смертный? — кричал Медиа. — Как сейчас?

Мой господин, подумайте об этом. При отсутствии человеческого стимула извне и при отсутствии воли изнутри с Ви-Ви случилась беда, которая почти искалечит ему жизнь. Разве это не ужасающее событие, чтобы не задуматься о нём?

Разве у всех смертных, испытавших подобное, не случались ещё худшие бедствия, невыразимо неизбежные? Горе, горе, говорю я нам, мардианам! Здесь и возьмите мой последний вздох, позвольте мне бросить этого жалкого призрака!

— Нет, — сказал Медиа, — остынь, Баббаланья. Поворачивать по воле волн преждевременно. Давайте попадём домой до полуночи, надлежащее

время для вас, смертных, чтобы распластаться во сне. Но, философ, если ты бубнишь о беде Ви-Ви, значит, она стала только следствием его небрежности.

— И что было последствием, мой господин?

— Сам Ви-Ви.

— Тогда, мой господин, что же привело к такой беспечности, какая есть в Марди?

— Долгая смена поколений. Он — чей-то дальний потомок, несомненно, кто был ещё более дальним потомком кому-то, кто также имел предков.

— Большое спасибо тогда Вашему Высочеству, поскольку вы устанавливаете доктрину философской потребности.

— Нет. Я ничего не устанавливаю, но я отвечаю на твои вопросы.

— Всё одно, мой господин: вы — детерминист, другими словами, вы придерживаетесь того мнения, что каждая вещь имеет место из-за абсолютной необходимости.

— Тогда ты принимаешь меня за дурака и за фаталиста? Извини! Это плохое кредо для монарха, раздающего награды и наказания.

— Истинно так, мой господин. Но при этом Ваше Высочество всё же детерминист, а совсем

не фаталист. Ставит в тупик неясность. Фатализм предполагает специальные и безвозвратные указания небес на особые события. Принимая это во внимание, необходимо считать, что все события естественным образом связаны и неизбежно следуют друг за другом, без чудесного вмешательства, хотя и под вечным разрешением Провидения.

— Хорошо, хорошо, Баббаланья, я представляю всё это. Продолжай.

— Высшие авторитеты нам говорят, что в минувшие дни падение некоторых государств в Марди было напророчено провидцами.

— Совершенно верно, мой господин, — сказал Мохи, — это всё отражено в хрониках.

— Ха! Ха! — вскричал Медиа. — Продолжай, философ. Баббаланья продолжал:

— Ко времени, назначенному к их исполнению, эти пророчества рассеивались слухами через Марди; следовательно, ко времени, назначенному к их исполнению, полное их знание, возможно, приходило к заинтересованным странам. Теперь, мой господин, могли ли те страны, которым было предсказано нападение, привести свои дела в такое состояние, чтобы в предсказанное время показать лживость пророчеств, вместо

того чтобы просто ожидать их?

— Однако такое возможно, — сказал Мохи, — но бесспорно то, что эти события, конечно же, произошли: сравнивают же руины Вавилона с девятой книгой десятой главы хроник. Да, воистину, сова обитает там, где предсказали провидцы, шакалы воют на могилах королей.

— Продолжай, Баббаланья, — сказал Медиа. — Конечно, те страны не могли сопротивляться своей гибели. Продолжай тогда: перепрыгни свою предпосылку.

— Если этому суждено было случиться, тогда, мой господин, это…

— Мой богоподобный господин, — вставил Мохи, — не слишком ли высокопарен наш философ, и, может быть, это нечестиво — влезать в такие вещи?

— Поэтому, старик, он должен знать их. Король Одо — нечто большее, чем вы, смертные.

— Но тогда мы сами — великие боги, — вскричал Иуми, — если мы беседуем на эти темы.

— Нет, менестрель, — сказал Баббаланья, — у великих богов совсем нет потребности в беседе о вещах, которые они отлично постигли и сами все определили. Но ты и я, Иуми, являемся людьми, а не богами, следовательно, нам, а не им

выбирать эти темы для наших умов. Но тут любая непочтительность при правильном изучении нашего вопроса не касается предмета спора. Ударившись в суеверия, разве мы не позволим ему увядать и умирать, мёртвому расчленять живой ствол и, как руке безумного приверженца, сохранять неподвижность долгие годы? Или мы будем использовать его, но как лапу, помогающую нам в наших физических потребностях, подобно тому, как её инстинктивно использует скот? Но подобен ли вопрос ртути — живой, как молния, пышущей энергией движения, но медлительной, как улитка в момент отступления? Можем ли мы морить голодом тот благородный инстинкт в нас и надежду на то, что он выживет? Лучше убейте тело, чем душу; и если это самый страшный из грехов — быть убийцами наших собственных тел, то насколько же серьёзней будет самоубийство души. Иуми, мы — люди, мы — ангелы. И в своих способностях великий Оро всего лишь таков, каков человек, только бесконечно увеличенный. Давайте стремиться ко всем вещам. Разве мы — это дети в лесу, боящиеся теней деревьев? Что должно ужаснуть нас? Если орлы пристально глядят на солнце, то почему человек не может смотреть на богов?

— На одного меня, — сказал Медиа, — вы можете пристально смотреть свободно. Смотреть. Но не плавно переводить разговор на моих родственников, Баббаланья. Вернись к своему аргументу.

— Уже возвращаюсь, мой господин. Опосредованно вы представили, что в прошлые времена будущее предвиделось самим Оро; следовательно, в минувшие дни будущее, как полагают, было предопределено. Но во всех вещах Оро неизменный. Поэтому наше собственное будущее предвидится и предопределяется. Теперь, если вещи, касающиеся определённых стран, в минувшие дни были предсказаны до того, как они имели место, тогда что-то подобное может случиться и с отдельными людьми, ныне живущими. Скажем так, при всей массе событий, предназначенных случиться с каким-либо человеком, что и было сделано в начале этого путешествия. Но, мой господин, разрешите мне ещё одно слово. Вездесущий Оро — абсолютно везде?

— Так вы, смертные, у́чите, Баббаланья.

— Но они также — они… думают… мой господин. Часто мы, мардиане, придерживаемся терминов целую вечность, в действительности всё ещё не вникнув в их значение.

— Ну, Оро — везде. Что тогда?

— Тогда, если это абсолютно так, Оро не просто вселенский наблюдатель, но занимает и заполняет всё пространство, и, куда ни пойдёшь, в любом существе или любой вещи не может не быть Оро. Следовательно, Оро — во… всех вещах, и сами по себе все вещи — испокон веков тому подтверждение. Но так как зло имеется в большом количестве и Оро — во всех вещах, тогда он не может быть абсолютно хорошим, поэтому вездесущность Оро и моральное совершенство кажутся несовместимыми. Кроме того, мой господин, те ортодоксальные системы, которые приписывают Оро всемогущие и универсальные признаки любого пути, эти системы, как я говорю, разрушают всю интеллектуальную индивидуальность, кроме самого Оро, и растворяют вселенную в нём самом. Но это — ересь; причём ортодоксальность и ересь, слитые воедино. И, таким образом, мой господин, по этим вопросам мы, мардиане, вместе соглашаемся и вместе не соглашаемся и убиваем друг друга оружием, которое находится в наших руках. Ах, мой господин, с какими мыслями благословенный Оро должен взирать на эту сцену! Вы думаете, он делает различие между деистом и атеистом? Нет; как искатель

сути во всех сердцах, он хорошо знает, что атеистов там нет. Поскольку в вещах абстрактных люди не отличают звуки, которые выходят из их уст, от бессловесных мыслей, лежащих в основании их сущностей. Вся Вселенная — единый ум. Хотя мой брат-близнец клялся мне сверкающим солнцем на небесах в полдень, что Оро не существует, он всё же смог дать неверное представление о вещи, которую он намеревался выразить. И кто из живых его хулит? Какая тарабарщина из человеческих звуков может быть столь могучей, что она способ на будет оскорбить неописуемое божественное величие? Честь Оро под охраной Марди? Совесть Оро в руках человека? Где наш ордер с отметкой Оро, оправдывающий убийство, пожары и разрушения или, что намного хуже, социальные гонения, которые мы устраиваем от его имени? Ах! Как будут эти самопровозглашённые и наместники изумлены, когда они увидят всё небо, населённое еретиками и язычниками, и весь ад, машущий митрами! Ах! Позвольте нам, мардианам, оставить это безумие. Позвольте нам быть довольными божественностью в траве и цветке, в севе и урожае. Пусть этого будет для нас достаточно, чтобы знать, что Оро очевиден. Мой господин! Мой господин!

Раздосадованный зрелищем безумия человека и разорвав стихийные сомнения, я иногда вижу всего две вещи во всём Марди, в которые верю: что я сам существую и что я могу наиболее счастливо, или наименее несчастно, сосуществовать с практикой справедливости. Всё остальное витает в облаках; и ничто пока не сможет меня научить расколу небесного свода от горизонта до горизонта. Всё же — увы! — слишком часто меня раскачивает у этих швартовых.

— Увы! Его припадок снова приближается к нему, — прошептал Иуми.

— Поэтому, Баббаланья, — сказал Медиа, — я почти жалею тебя. Ты слишком горяч, слишком горяч. Почему твою душу лихорадит от этих идей? Не используете вы, смертные, серьёзные задатки. Не благодарность, но проклятия получаете вы из-за вашей серьёзности. Ты сам себе вредишь больше всего. Почему бы не взять основы в том качестве, в каком они приходят? Не настолько тяжело быть убеждённым — можно никогда не тревожиться о вере.

— Право, мой господин, это не очень трудно; никакого действия не требуется, только пассивность. Остановись и получи. Вера для беспечного, сомнения для мыслителя.

— Тогда зачем думать вообще? Разве лучше для вас, смертных, хвататься за ошибки, как клещами, нежели владеть тем, что уже есть в ваших пальцах, имеющихся на вашей руке? И что завершает ваше вечное расследование? У вас нет ничего, чтобы заполнить пустоту. Ты говоришь, что всё — ложь, тогда яви правду. Философ, твой дьявол всего лишь глуп, в конце концов. Я, полубог, никогда не говорю «нет» таким вещам.

— Да, мой господин, на это тяжело ответить даже самому Оро, спустись он вниз к Марди, чтобы отринуть человеческие теории относительно него. Не они ли обрушились на поспешно появившееся божество в Алме?

— Тогда почему ты сам отрицаешь эти теории? Баббаланья, ты почти затронул моё бессмертное спокойствие. Не должен ли ты всегда быть решетом для хороших зёрен, в то время как ты сохраняешь только мякину? Твоему языку свойственна форма вилки. Ты говоришь на двух языках: плоском безумии для себя и мудром для других. Баббаланья, если у тебя есть какая-либо собственная вера, то придерживайся её, но, во имя Оро, держи её в секрете.

— Да, мой господин, в этих вещах мудрецы — зрители, не актёры; мудрецы наблюдают

и говорят «да».

— Почему бы тогда не сказать так самому?

— Мой господин, именно поэтому я так часто говорил вам, что я — дурак, а не мудрец.

— Ваше Высочество, — сказал Мохи, — вся эта беседа, кажется, выросла из предмета необходимости и доброй воли.

Теперь, когда беда случилась с мальчиком, я вспомнил, что слышал, как мудрец говорил, что эти вещи могут быть совместимы.

— Да? — сказал Медиа. — Что скажешь ты на это теперь, Баббаланья?

— Возможно, что это и так, мой господин. Можно я расскажу вам историю?

— Аззагедди опять проснулся, — пробормотал Мохи.

— Продолжай, — сказал Медиа.

— У короля Нормо был дурак по имени Вилли, которого он любил из-за его нрава. Однажды, хотя Вилли всегда повиновался своему господину из-за самого инстинкта своего рабства, он польстил себе тем, что он был свободен, и это тщеславие было таким, что сделало дурака весьма интересным королю. Однажды Нормо сказал своему дураку: «Иди, Вилли, вон к тому дереву и жди там, пока я не подойду». — «Ваше Величество,

будет сделано, — сказал Вилли, кланяясь ниже своих звонких колокольчиков, — но я полагаю, что у Вашего Величества нет возражений на мою ходьбу на моих руках: я, надеюсь, свободен в таком выборе». — «Отлично, — сказал Нормо, — руки или ноги, мне всё это одинаково; только выполни мои указания». — «Я думаю, как сделать лучше», — сказал Вилли, продолжая качать своими подвижными ногами в воздухе, палец за пальцем, пытаясь передвигаться. Но скоро его разлитая в сосудах кровь так быстро отправилась вниз через его шею, что он вынужден был поскорее перевернуться кувырком и вернуть свои ноги в исходное положение. Он сказал: «Хотя я и волен сделать это, но не так легко превратить пальцы в копыта, и я буду идти вот так! Что является другим моим выбором. Таким образом, он пошёл прямо и выполнил указания короля Нормо естественным путём.

— Любопытная история, — сказал Медиа, — откуда она?

— Мой господин, там, где каждая вещь — не единственная: изнутри.

— Тогда ты заслуживаешь намордника, — сказал Плетёная Борода.

— Да, Мохи; и мои слова — моё переполнение,

но не моё наполнение.

— И с чего ты сможешь стать настолько полным?

— От самого себя. Потому, что так кажется, — сказал Мохи, смахивая вдаль муху со своей бороды.

— Баббаланья, — сказал Медиа, — ты сделал правильно, выбрав эту эбеновую ночь для того, чтобы обсудить ту тему, которую мы затронули; и вы, смертные, действительно, тоже слишком любите разговаривать в темноте.

— Да, мой господин, и мы, смертные, ещё более можем пустословить в темноте, когда мы мертвы; из-за чего мне кажется, что если мы теперь пустословим, то, значит, пребываем в нашем сне. Ах! Мой господин, не думайте, что тем, что я высказал этой ночью, я доказал любую свою собственную мудрость. Я не борюсь против вооружённой и шлемоносной лжи Марди, которая, как хозяин, нападает на меня. Я полностью утыкан стрелами; но, вырывая их из себя, задыхаясь, я освобождаю их от обязательств, с которыми они приходят.

Так говоря, Баббаланья медленно свисал, опадал и откидывался; затем неподвижно улёгся, словно мраморный гладиатор, умерший много

столетий назад.

Глава XXXII
Мой господин Медиа вызывает Мохи к доске

Всё ещё медленно тянулась ночь, и несущиеся мимо облака снова оказались хозяевами на небесах, и немного слов было произнесено, сбережённых Медиа, который, когда всё кругом стало самым грустным и тихим, казался малоподвижной и неразмешанной каплей.

Но той ночью он, наполнив свою бутылку полнее, чем обычно, пил и пил, воздавая здравицы звёздам.

— За тебя, старый Арктур! За тебя, старый Альдебаран! Вы всегда балансируете в высоте вашими красными, как вино, пламенными сферами. Здоровья тебе, мой царственный друг Алфакка в созвездии Короны. Ло! Корона к короне, я обещаю вам! Я пью за… тебя… также, Альфард! Маркаб! Денебола! Капелла! За… вас… также, проходя под парусом Лебедя! Аквила, взлетающий! Повсюду кругом здоровья всем вашим диадемам! Пусть они никогда не исчезнут! И я тоже!

Наконец на тёмном востоке забрезжил рассвет, словно появившийся серый удалённый парус, надутый ветром, подходящий всё ближе и ближе, пока не стал различим его позолоченный нос.

И как в тропических бурях, когда жестокий удар ветров становится более жестоким при появлении солнца, так и радость Короля Медиа усилилась снова. Но подобно тому, как на восходе солнца морской шторм дует слабее, чтобы превратиться внизу, наконец, в устойчивый ветер, так и в этом случае в подходящее время у моего господина Медиа улучшилось настроение. И Баббаланья развеял его грёзы.

Ну кто ещё мог бы противостоять такому утру!

Подобно тому, как на ночных берегах катящегося вдаль Ганга сидит царственный жених, возвышаясь над своей невестой, перед которой шествуют нимфы, освещая их всех высоко поднятыми цветочными факелами, так и Солнце подошло к своему бракосочетанию с Марди: прошли часы, прежде чем пики запылали розово-красным цветом от прикосновения его лучей. Отражая свет, лагуна тут и там казалась охваченной огнём, пламенея каждым завивавшимся гребнем волны.

Наступил полдень, когда мы приплыли.

И тогда цитроны и бананы, чаши и калабасы, трубки и табак были переданы по кругу, и все мы стали очень весёлыми и воистину мягкими. Чмокали нашими губами, беседовали, курили и потягивались. Тут же полный рот цитрона в момент остроумного ответа, затем глоток вина, чтобы промыть нутро, как положено, затем ароматное дуновение, чтобы сдуть заботу. Много вещей действительно отвлекало внимание. Из стороны в сторону мы вертелись и паслись, как белые волы Юноны в медвяных клеверах.

Вскоре мы почти подошли к очаровательному утёсу, увитому плющом, держащемуся на высоких подвесах из цветущего тамариска и деревьев тамаринда. Цветы тамарисков, красные колокольчики в маленьких шипах; тамаринды с их широко раскинутыми золотыми лепестками, в красных полосах, как на рассвете. Спускаясь вниз к воде, виноградные лозы тянулись к кудрявым завиткам вьющихся волн, — небольшими языками, стремящимися поддержать своё движение.

Неподалёку находилось устье реки; мы обошли его, так как оказывались в полосе потока Дженесси.

В этой роще мы и бросили якорь. И со своими

тёмными, воткнувшимися среди цветов носами наши три каноэ, казалось, получили корм, как утомлённые кони в аллее из кустов боярышника.

Высокий полдень в разгар лета более тих, чем ночь. Сиеста в это время самая сладкая. И мечты полудня — действительные мечты, родившиеся под солнечным меридианом. Бледная Синтия порождает привидения бледных форм, и её холодные лучи лучше всего освещают белых монахинь, мраморные памятники, ледяные глетчеры и холодные могилы.

Солнце катилось дальше. И, встав на ноги и сжав кулаки, с диким пристальным взором Иуми воскликнул:

Нет, нет, ты не должна уйти, ты, дева! Здесь, здесь я сворачиваю ради тебя! Кем ведомый? Мечтой! И будут сиесты, покуда я жив. И каждый полдень буду я встречать тебя, милая девица! И, о Солнце! Не садись; и над нами, обнявшимися, склонятся маки!

— Что беспокоит этого сомнамбулу? — крикнул Медиа, поднимаясь. — Иуми, я к тебе обращаюсь! Что беспокоит тебя?

— Он, должно быть, не отказал себе в свободе съесть те цитроны, — сказал Мохи, сочувственно

протирая свои фрукты. — Хо, Иуми! Глоток морской воды поможет тебе.

— Увы, — вскричал Баббаланья, — теперь феи ждут пресыщения? Разве наши мечты приходят снизу, а не от небес? Мы ангелы или собаки? О, Человек, Человек, Человек! Твою суть тяжелей разрешить, чем произвести интегральное исчисление — в виде простого примера; тяжелее найти, чем философский камень, — тот вроде всегда под рукой; у тебя более хитрый состав, чем у алхимика, — и сто весов плоти к ничтожному весу духа; душа и склеенное тело, прочное, атом к атому, без шва, как одеяние без складок из-за текстуры или ткани — как разделённая река, дух из плоти, растущий в обе стороны, как дерево, опускающее свои самые верхние ветви к земле, как опускается ваша борода или баньян! Я воздаю тебе, о Человек! Твоя суть двойственна — и одновременно неделима; всё остальное — в лучшем случае всего лишь несчастная единица.

— Философ, ты кажешься озадаченным, придумывая свои профессиональные загадки, — крикнул Медиа, слегка наклонившись в сторону. — Теперь ты, старый Мохи, встань перед полубогом и ответь всем. Выпрямись так, чтобы я смог уследить за тобой. Какова твоя суть, смертный?

— Мой богоподобный господин, я — человек.

— И кто такие люди?

— Мой господин, перед вами стоит экземпляр.

— Я боюсь, мой господин ничего не вытащит из того свидетеля, — сказал Баббаланья. — Прошу вас, Король Медиа, позвольте другому исследователю встречный вопрос.

— Продолжай, присядь на диван.

— Сделайте шаг или два в сторону, Мохи; так я смогу окинуть вас всего одним взглядом. Внимание! Вспомните, человек, когда вы родились?

— Не помню. У старой Плетёной Бороды тогда не было памяти.

— И когда вы впервые ощутили, что вы есть?

— В то время, когда у меня прорезались зубы: моим первым ощущением была боль.

— Что делаете вы, человек, здесь, в Марди?

— Что делает Марди здесь, под человеком, подо мной?

— Философ, вы задали немало своих вопросов, — закричал Иуми, приблизившись. — Позвольте попытаться поэту.

— Я тогда отказываюсь в твою пользу, нежный Иуми; позволь мне разгладить диван для тебя: присядь сюда.

— Теперь, Мохи, кто же вы? — сказал Иуми,

кивая своим пером райской птицы.

— Единственный свидетель, как оказалось, в этом случае.

— Спроси ещё раз, менестрель, — выкрикнул Баббаланья.

— Теперь — кто вы есть, Мохи?

— Тот же, кто и ты, Иуми.

— Он слишком остёр или слишком туп для нас всех, — вскричал Король Медиа. — Его дьявол ещё более утончённый, чем твой, Баббаланья. Позволь ему уйти.

— Тогда я отложу суд, мой господин? — сказал Баббаланья.

— Да.

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Все смертные, имеющие дела в этом суде, знайте, что оно отложено до заката дня, который ожидается не завтра.

Глава XXXIII,
в которой Баббаланья и Иуми обнимаются

Как растут и множатся острова вокруг нас! — крикнул Баббаланья, когда мы обогнули выступающий мыс необитаемого берега, а множество отдалённых земель засинело на горизонте. — Ведь несомненно, что наше краткое путешествие не сможет охватить весь Марди, как сейчас этот риф?

— Нет, — сказал Медиа, — многое придётся пропустить.– Не везде благородный Тайи сможет разыскивать Йиллу.

Иуми произнёс:

— Мы как птицы с подрезанными крыльями в непостижимых и бесконечных лесах, быстро перелетающие с ветки на ветку среди сухих деревьев.

— Больше островов! Больше островов! — вскричал Баббаланья, выпрямившись и пристально глядя вокруг. — И ло! Вокруг всего вздымается этот бесконечный океан. Ах! Боги! Что за области лежат за его пределами?

— И куда теперь? — крикнул он, когда, повинуясь Медиа, гребцы внезапно поменяли наш курс.

— К высоким берегам Дирандры, — сказал Медиа.

— Да, земля дубинок и копий, где господа сеньоры Хелло и Пико устраивают свои знаменитые игры, — крикнул Мохи.

— Твои дубинки и копья, — сказал Медиа, — напоминают мне о великой боевой песне Нарви Иуми! — обращаясь к менестрелю, пристально и отвлечённо смотрящему в воду. — Не спи, Иуми, и заводи её.

— Мой господин Медиа, но это грубая, лязгающая песнь, противоречащая всему, подобная дуновению северного ветра. Мне кажется, компания не представляет себе всю будущую дисгармонию. Пожалуй, вы лучше спойте один из моих сонетов.

— Лучше сиди и рыдай в наших ушах, глупый Иуми, если это твой удел! Нет! Нет! Ни одного из твоих чувств сейчас; моя душа жаждет битвы, я хочу громких перезвонов, а не размазню трелей. Поэтому выпяти грудь, Иуми: пусти в высокий полёт свой голос и взорви меня громом старых сражений. Начинайте, сэр менестрель.

И, предупреждая всех, что он не сам сложил

одиозную песнь, Иуми затянул:

Наши дубинки! Наши дубинки!
Тысячи в Нарви дубинок!
Из пальмы стволов —
Сокрушители черепов и
Разбрызгиватели мозгов!
Удар направо, удар налево,
Жизнь отбирающие!
Несущие смерть!
Создатели бегущих тел без голов!

Наши стрелы! Наши стрелы!
Тысячи в Нарви стрел!
Рёбра Тары, бога войны!
Вылеплены из света Толы стрелы;
Быстрые гонцы!
Пробойники сердец!
Их острия из жемчужниц,
Хвосты их из белых перьев,
Из девичьих волос тетивы
Смертоносные песни поют!

Наши копья! Наши копья!

Тысячи копий Нарви!
Из громом разбитого дерева,
Высокого дерева с Ланы – длинной горы!
Это не палки для седобородых!
Это не прутья для рыбаков!
Бризом жестоким закалены,
Молнии в копьях заключены,
Длинные копья целят в сердца!
Обожжены и остры их концы!

Наши пращи! Наши пращи!
Тысячи в Нарви пращей!
Оплетены, зашнурованы,
Весело разрисованы.
Мир – они для нас – пояса; война – они – боевые сети;
С ними мы рыбу с глубин достаём!
Камни кидаем мы, как и прежде, —
Бурного моря они дары,
Камни, дробящие череп акулы, —
Всадим мы их во врагов черепа!
Ядра тяжёлые в наших мешках!
Гнёзда смертельных яиц!

Высиживать нам их недолго!

Поднимем и схватим мы копья, мужчины!

В скалах стучите эхом, дубинки!

Натянем тетивы, чувствуя стрел остроту.

Поверху, вихрями, наши пращи мы раскрутим.

К бою, мужчины, за Нарви!

Дети сражений!

Охотимся мы на людей!

Выше вздымайте свой лес боевой!

Нарви зовёт!

И в буре колышется лес!

— Великий Оро! — крикнул Медиа. — Да ты, Иуми, пробудил во мне почти всех дьяволов Баббаланьи. Будь я смертный, я мог затеять бой. И любого человека, говорящего, что меня нет, я насадил бы на остриё копья. Ах, Иуми, ты и твоё племя многое можете сказать, ты поднимешь весь Марди своими стихами. Твои воинственные стихи заставляют мужчин сражаться, твои застольные песни пьянят, твои любовные песенки

дурачат. Ты сидишь, Иуми, нежный, как голубь. Чем искусен ты, менестрель, если твоя мягкая, поющая душа способна справиться со всеми смертными? Ты, Иуми, как и я, колеблешь скипетр.

— Вы приписали мне чересчур много заслуг, — сказал Иуми, — мы, менестрели, не поём наши песни небрежно, мой господин Медиа.

— Да, и тем больше вреда они приносят.

— Но иногда мы, поэты, поучительны.

— Поучительны и унылы; многие из вас слишком часто бывают банально вредными.

— Всё же в наших стихах, мой господин Медиа, немного вреда.

— То, что безопасно для вас самих, может быть небезопасно для Марди.

— А разве грязные потоки часто не приводят к чистым фонтанам, мой господин? — сказал Баббаланья. — Сущность всей пользы и всего зла находится в нас, но не вне нас. Не яд, но мёд заключён в цветах, на которые, бок о бок, часто садятся пчёлы и осы. Мой господин, природа, как безупречная девственница, перед нами всегда предстаёт нагая. Истинные поэты не опишут очарования, которое созерцают глаза всех. Порочное было бы порочным и без них.

Мой господин Медиа, — стремительно подвёл итог Иуми. — Я наполнен тысячью сладких, весёлых грёз, прозрачных и невинных, которые все мои враги считают непристойно тщеславными.

— Есть такие люди в Марди, — сказал Баббаланья, — которые никогда не будут приписывать зло другим, если не находят его в своих сердцах, веря, что никто не может отличаться от них самих.

— Мой господин, мой господин! — кричал Иуми. — Воздух, который вдыхает мою музыку, становится горным воздухом! Более чистым, чем всё иное во мне, поскольку хоть я и не женщина, но чувствую в себе душу женщины.

— Ах, вот как, простодушный Иуми, — сказал Медиа. — Твоя душа становится непостоянной, как душа Баббаланьи, когда Аззагедди овладевает им.

— Так всегда, всегда так! — вздохнул Иуми. — Они не постигают нас.

— Но не меня, — сказал Баббаланья. — Иуми, мы оба поэты, мы отличаемся, но не обликом; твои самые воздушные тщеславия — это тени моих самых глубоких размышлений; и когда Иуми взлетает, а Баббаланья погружается, то оба встречаются в конце пути. Но ты поёшь песню,

а я продумываю её идею; и где унылый Марди не видит твою розу, я разворачиваю её лепестки и открываю жемчуг. Мы — поэты, Иуми, и мы живём вне нас самих; мы живём в гротах, пальмах и ручьях, мы плывём по морю, мы летим по небу; поэты вездесущи.

Глава XXXIV
Об острове Диранда

Пришло время, и в поле зрения появились берега Диранды. И, предваряя высадку, Плетёная Борода продолжил свой небольшой отчёт об острове и его правителях.

Как упоминалось ранее, великолепные и прославленные господа сеньоры Хелло и Пико, между которыми была разделена Диранда, восхищали всех своеобразными народными играми, особенно военными, которые в последнее время устраивались столь часто и имели столь фатальные результаты, что, несмотря на множество бракосочетаний, имевших место на острове, численность его населения оставалась неизменной. Но — странная вещь — оно было тем самым объектом, который господа сеньоры не упускали из поля зрения; и сам этот объект они стремились обвести вокруг пальца, устраивая свои игры. При этом они мудро хранили в секрете их истинную суть.

Нельзя не рассказать, как господа сеньоры Хелло и Пико пришли к согласию в этом вопросе.

Диранда была дружественно разделена между ними начиная со дня коронации; один король правил на Востоке, другой на Западе. Но короля Пико долго угнетала мысль, что свободное и неограниченное увеличение его обозримых подданных могло бы в конечном счёте лишить их пастбищ в его части острова. Потомство, мыслил он, увеличивается своими поколениями подразделениями, бригадами и батальонами и вскоре заполонит его священную империю. Ло! Его конница саранчой затемняет небеса, его лёгкие отряды муравьями покрывают землю. Увы! Мой сын и преемник, ты слабеешь, вдыхая удушливый газ из воздуха, и у тебя нет укромного угла, чтобы помолиться.

Эта своеобразная арифметическая прогрессия, скорее, нет, уверенность в её результатах, которые нельзя было предотвратить, была доведена до сведения короля Пико, которого, кроме того, предупредили, что война — война на пару с королём Хелло — была единственным исцелением от столь грозного зла.

Но так как король Пико жил в мире с королём Хелло, поддерживаемом испокон веков, то идея ссоры с его соседом была сочтена рискованной ради желания сделать кровопускание его избы-

точному населению.

— Терпение, самый славный сеньор, — сказал другой из его проницательных Ахитофелов, — и случайный мор может сократить население.

Но никакого мора не случилось. И повсюду молодые люди и девушки опрометчиво стремились к браку, и климат был таким целительным, что старики оставались за пределами грунта и отказывались погибать.

Наконец, некий философ Макиавелли предложил, что, возможно, объекты войны могли бы появиться без вступления в войну и что, возможно, король Хелло мог бы согласиться на договорённость, вследствие которой мужчины Диранды были бы вынуждены уничтожать друг друга добровольно, в миролюбивой атмосфере, не доставляя беспокойства своим правителям. И с этой целью игры, прежде упомянутые, и были предложены.

— Ей-богу! Мои мудрецы, вы поразили его, — вскричал Пико, — но скажет ли «да» Хелло?

— А вы попытайтесь, самый прославленный сеньор, — сказал Макиавелли.

Поэтому к Хелло отправились послы, обычный и по особым поручениям, и министры, полномочный и специальный, и король Пико с тревогой

ждал их возвращения.

Миссия увенчалась успехом.

И, оставшись без свидетелей, король Хелло сказал министрам:

— Эту самую мысль, доны, эту самую мысль я и имел в виду. Моё население увеличивается слишком быстро. Оно тоже слишком хорошо плодится. Скажите вашему славному хозяину, что это — сделка. Игры! Игры! Во что бы то ни стало. Поэтому по всему острову указом, совершенно бесподобным, были немедленно учреждены игры.

И господа сеньоры Хелло и Пико, находя свои интересы обоюдными, объединились, как невеста и жених, зажили в одном и том же самом дворце, обедали с одной и той же скатерти, поедали плоды одного и того же хлебного дерева, пили из одного и того же калабаса, носили короны друг друга и часто пожимали руки с очаровательной откровенностью, с которой шагали вверх и вниз по своим доминионам, обсуждая перспективы следующего урожая голов.

Со своим старомодным способом связывать всё это со многими другими подробными сведениями Мохи был прерван Баббаланьей, который спросил, как жители Диранды относились к играм

и как они представляли себе стать хладнокровно сокращёнными данным способом.

На что, по сути, летописец ответил, что об истинной цели игр у них не было даже самого слабого представления, но они усердно молотили друг друга, и сражались, и умирали вместе, как весёлые добрые малые.

— Право, опять бессмертный старый Бардианна! — вскричал Баббаланья.

— И что у мудреца имеется на сей раз? — спросил Медиа.

— Да ведь, мой господин, в своей главе по «Треснутым Коронам» Бардианна после многих глубоких раздумий выводит следующее: «В этой треснутой сфере мы и живём, тогда как расколотые черепа неизбежно кажутся разбросанными повсюду. И при этом раскалывании мы считаем, что драчливое животное лишено его естественных булав, а именно его рук. И, право, разве не хорош влюблённый, ушибающий и разбивающий все затылки поблизости от себя».

— Кажется мне, что наш старый друг, должно быть, водил его пером в то время, — прервал его Мохи.

— Нет, Плетёная Борода. Но посредством извинения за необычную жёсткость своего стиля

в той главе он говорит в примечании, что она была написана им, лежащим на ровной скамье, на спине, когда он был болен из-за прострела и растяжения мышц шеи.

— Опять этот неисправимый Аззагедди, — сказал Медиа. — Возобновляй свою цитату, Баббаланья.

— Где я остановился, Плетёная Борода?

— Разбиваемые затылки в последних словах, — сказал Мохи.

— Ах, да. И, право, хорош влюблённый, ушибающий и разбивающий все затылки поблизости от себя; но, следующий за своими инстинктами, он всего лишь один из составляющих противоборствующего мира. Пауки, лисицы и тигры имеют склонность к войне; и с каждой стороны слышно завывание гиен, дыхание мастифов, жужжание агрессивных жуков, гудение боевых батальонов насекомых и пронзительные крики женщин, когда татары раздирают их господ. И всё это происходит по необходимости. Войне и другим способам уничтожения населения мы признательны ради простора в Марди и ради всех наших парков и садов, о чём мы имеем привычку разглагольствовать. Придите тогда, чума, война, голод и мегеры! Вы придёте, как я сказал, к тем,

кто должен остаться? Придите и перепишите здоровых! И более всего, о ты, война, иди дальше с твоей дубинкой! Треснутые наши короны из-за своей природы впредь и всегда будут сломаны крепкими ударами.

— И тогда безнадёжно сломан череп, который скрывал такую тираду, состоящую из ерунды, — сказал Мохи.

— И вы думаете, что старый Бардианна не знал этого? — спросил Баббаланья. — Он написал превосходную главу на эту самую тему.

— Что, на трещинах его собственной башки?

— Точно так. И явно утверждал, что этим собственным трещинам он был признателен за то, что хоть немного света имелось в его мозгу.

— Я уступаю, Баббаланья: твой старый мыслитель более стар, чем я.

— Да, да, Плетёная Борода, его гребень был черепаховым; и у него был девиз: «Я кусаю, но не должен быть укушен».

Глава XXXV
Они посещают господ Пико и Хелло

Подошло время, и мы высадились на Диранде. И эта высадка походила на высадку в Гринвиче среди ветеранов Ватерлоо. Это были люди, усечённые справа и слева: некоторые без рук, некоторые без ног, ни одного с хвостом, но у всех людей были головы, хотя и повреждённые, покрытые шишками и ушибами.

Теперь эти весьма блистательные и прославленные сеньоры, господа Хелло и Пико, жили во дворце, обнесённом забором из тростника под названием «малакка», на каждый столбик которого были надеты черепа, числом в пятьдесят, по одному на каждую стойку. Косяки дверей по краям представляли собой нечто среднее из высоких и мощных тел Хелло и Пико: там ключица пересеклась с локтевой костью.

Препровождённые к знаку из черепа и скрещённых костей, мы получили самое приятное развлечение, которое только могла представить эта королевская гостиница. Мы нашли наших хозяев Хелло и Пико усевшимися вместе на воз-

вышении, или троне, попивающими глотками красный кларет из шара, вырезанного из самого большого слоновьего бивня. Они пребывали в хорошем и приподнятом настроении, встряхивая монеты из слоновой кости в черепной чаше.

— И что выпало Вашему Величеству? — сказал Пико. — Голова или хвост?

— О, голова, Ваше Величество, — сказал Хелло.

— И мне выпала голова, — сказал Пико.

И это были головы. Но эти головы находились с обеих сторон монеты, и потому оба были уверены в своей победе.

Так они забавлялись целый день, казня тыквы с кларетом отсечением горловины своими серповидными скипетрами. Вокруг них лежали пустые калабасы, все расписанные красной краской, и, будучи вскрытыми, они сочились красным вином из своих горлышек, как обезглавленные молодки в старом баронском дворе сарая в Кенилворте перед той ночью, когда королева Бесс обедала с лордом Лейсестером.

Прозвучали первые комплименты, и Медиа и Тайи оказали приём, подходящий их уровню, и короли спросили, есть ли среди нас хорошие метатели копья: если бы они имелись, то им нашлось бы занятие. Узнав, однако, что на нашей

стороне не было ни одного профессионального воина, их величества взглянули, пожалуй, мрачнее и, пытаясь рассеять тоску, потребовали ещё старого доброго напитка, имевшего красный цвет.

Казалось бы, это ходатайство гостей препятствовало копьям хозяев сломаться ранее короткой и уверенной игры королевских подданных, что было совместным делом их прославленных величеств.

Но если их посетители не смогли одержать победу при помощи копий над их подданными, то наши гостеприимные хозяева велели подать несколько копий, так или иначе предназначенных для нашего специального развлечения. Одним словом, наше прибытие дало прекрасный предлог для того, чтобы возобновить игры; хотя, как мы узнали, только за десять предыдущих дней свыше пятидесяти воителей были убиты на одном из этих празднеств.

Так или иначе, их объединённые величества не хотели ничего иного, а также после нашего замешательства ещё более пожелали увидеть это. Мы возразили, сказав, что должны отбыть. Но нас любезно уверили, что из наших каноэ вычерпывают воду и их укрыли в лесу, чтобы

они оставались там, пока игры не начались.

День, отведённый на это, был третьим по очереди после нашего прибытия; предыдущие дни были посвящены приготовлениям: вызову из своих деревень и долин местных воинов и публикации королевских прокламаций, посредством чего домочадцам сообщили о неограниченном гостеприимстве королей и свободно предложили вообще всем героям, которые из-за любви к оружию и чести желают свернуть голову, скрестить в сражении дубинки, с силой метнуть копьё или поиграть со смертью в королевской долине Деддо.

Тем временем целый остров пребывал в состоянии шумного волнения, и незнакомцы прибывали ежедневно.

Арена, устроенная отдельно для игр, была просторной низиной, покрытой белыми астрами, которые, качаясь среди скошенных хлебов, росли на земле, как частицы сбитых сливок, вырастающих в молоке молодых тёлок. Но эта белизна здесь и там была усеяна земляникой, испещрившей равнину, как будто раненые существа отползали, истекая кровью, от места смертельного столкновения. Повсюду внизу качался алыми чащами сумах, стонущий на ветру, как окровав-

ленные призраки, окружавшие Фарсалию в ночь после сражения, отпугивая крестьян, с зерновыми корзинами пришедших собирать урожай драгоценных перстней воинов Помпея.

Под слоем навезённого торфа в этой низине лежали тысячи славных трупов неизвестных героев, которые пали здесь почетной смертью.

Вследствие этого на цветистом языке Диранды это место назвали Полем славы.

Глава XXXVI
Они посещают игры

Наконец настал рассвет третьего дня; и первое, что мы увидели, войдя на равнину, был трон из красного дерева, укрытый листвой красного пандануса. На этом троне в фиолетовой одежде расположились те самые великолепные и прославленные господа сеньоры — господа сеньоры Хелло и Пико. Перед ними было уложено много тыкв с вином и стояли крестообразно воткнутые в землю их собственные королевские копья.

На склоне длинное, овальное пространство, как будто бороздой, было окаймлено таким образом, чтобы на созданные уступы уселась толпа зрителей. Напротив трона был зарезервирован свободный проход к арене, ограниченный воображаемыми линиями, проведёнными от двух выровненных концов копий, удерживаемых двумя воинами.

Когда мы подошли, наша сторона была вежливо принята и размещена в просторном зале.

Первый поединок был боем на дубинках между двумя воинами. Ни шлем из стали, ни черепа

Конго не смогли бы сопротивляться их ударам, которые они производили, поскольку бойцы, казалось, желали забить друг друга в землю, словно колья. Затем один из них замахнулся, а его противник, порывавшийся расколоть его донизу, увернулся от удара; тогда первый одним удачным ударом случайно запустил высоко в воздух дубинку, которая упала на макушку зрителя, пришедшего с равнины.

— Всё одно, — пробормотал Пико.

— Как хороши мертвецы с другой стороны, — пробормотал Хелло.

Второй поединок был борцовской схваткой, в которой два воина, одетые в шкуры ужасных медведей, сжимали друг друга до смерти.

Третий поединок был боем между толстым воином и карликом. У вертикально стоящего толстяка живот выглядел как большой барабан, висящий перед барабанщиком, наклоном головы толстяка управлял карлик и заставлял его вращаться вокруг своей оси.

Четвёртое столкновение было боем между двадцатью воинами, которые всей массой скручивались, как конечности в живописи Себастьони из Гадеса. После сокрытия самих себя в облаке поднятой пыли эти воюющие стороны, не постра-

давшие, но тяжело дышавшие, снялись с арены и, по отдельности продвигаясь среди зрителей, применяли свои навыки, полученные в бою.

— Хвастуны! — бормотал Пико.

— Трусы! — рычал Хелло.

В то время пока толпа аплодировала, невозмутимый наблюдатель, пытаясь стереть пыль со своих глаз, спросил у восторженного соседа:

— Умоляю, расскажи, что тут произошло?

— Дурак! Не видел из-за пыли?

— Это так, — сказала трезвая сторона, снова протирая свои глаза. — Но я не мог поднять пыль самостоятельно.

Пятое столкновение было боем исключительно на палках между ста воинами, по пятьдесят с каждой стороны.

Линия из первых пятидесяти появилась из сумаха, их оружие было отделано своеобразным плетением. Заранее пришедший жрец держал идола с треснувшим кокосовым орехом в виде головы, — Крако, бога обманщиков. Предшествуемые девицами, бросающими цветы, далее прибыли вторые пятьдесят, весело взывающих, бряцающих оружием и двигающихся вполне по-военному.

Встретившись на полпути, обе стороны слегка

коснулись друг друга палками, затем отступили. Эта учтивость была эквивалентна взаимным поклонам в Марди; и, как только Пико бросил копьё, они ринулись вперёд, каждый нанёс удар своему противнику, и все пали на землю.

— Ай да молодцы! — крикнул Пико.

— Бравые ребята! — крикнул Хелло.

— Но встаньте — и по новой, мои герои! — хором сказали оба. — Ло! Мы, короли, смотрим, а там стоят барды!

Эти барды были шеренгой худощавых болезненных стариков в изношенных одеждах и в венках из сухих листьев.

— Начинайте! — крикнул Пико.

— В щепки! — крикнул Хелло.

После чего старые вороны тонкими надтреснутыми голосами напряжённо запели:

Трещите! Трещите! Трещите!

От сильных ударов тоороолоо;

Рубите ещё, славные воины, ещё рубите!

Храбрец не умрёт

От удара по уху палкой.

Пробивайтесь вперёд, славные воины, пробивайтесь вперёд!

Это слава поёт

О каждом герое, который упал,

Рубите ещё, славные воины, ещё рубите!

Крошите! Крошите! Крошите!

Крошите! Крошите!

Крошите!

Песня неслась вдаль.

— Ха, ха! — кричал Пико. — До чего же режет уши эта песня!

— Прислушайтесь, мои непобедимые! — крикнул Хелло. — Это хвалебная песнь об убитом. Так и все вы, у кого есть жизни в запасе, стремитесь к нему! Умрите, и будете прославлены! Время настало! Вперёд, мои утята!

Вот так подстрекаемые, оставшиеся в живых шатались на своих ногах и продолжали ударять друг друга по головам, звенящим, как колокола, уходя под «тройной боб-майор», отчего они, наконец, преуспели в увековечивании самих себя, подавив опасности повсюду вокруг; а барды продолжали петь.

— Хватит уже вашей музыки, — крикнул Пико.

— Всё кончено, — сказал Хелло.

— До чего же отважные товарищи у наших

подданных! — крикнул Пико.

— Хо! Могильщики, очистите поле, — крикнул Хелло.

— Кто ещё хочет славы? — крикнул Пико.

— Там стоят барды! — крикнул Хелло.

Но тотчас же через толпу прорвалась измученная фигура, истекающая кровью, в одежде, края которой были обожжены и очернены огнём. Сжимая дубинку, она носилась из стороны в сторону с громкими воплями, угрожая всем.

Это был известный воин, потерявший пятерых сыновей, убитых в недавних играх, блуждающий от долины к долине и продолжающий сражаться и воевать.

С дикими криками «Отчаянный! Отчаянный!» многие из толпы, будучи потрясёнными, убежали, оставив обоих королей, застывших на своём троне, дрожащими и испуганными, с зубами, грохочущими, как при игре в кости.

Отчаянный шагнул к ним, отчего, придя в чувство, они убежали тоже, преследуемые какое-то время в лесах этим призраком.

Глава XXXVII
Тайи всё ещё преследуют и зазывают

Ещё до бегства королей мы углубились в соседний лес и по необходимости зашли в заросли тростника, растущего на болоте. Вскоре мы услышали треск, как будто взлетели три испуганных куропатки; это вылетели три крылатые стрелы из трёх пар невидимых рук.

Обойдя нас, две из них воткнулись в землю, но третья выпустила кровь из руки Тайи. Мы обернулись и посмотрели повсюду вокруг, но никого не заметили.

— Мстители продолжают преследовать нас, — сказал Баббаланья.

— Ло! Три девицы! — крикнул Иуми. — Посмотрите, вот они идут!

Мы присоединились к ним, оказавшись по пояс в кустах сумаха; и тогда они взмахнули своими вишнёвыми ветвями, тяжёлыми вздутыми листьями кактуса и тёмно-красными листьями колючей крапивы и бросили перед нами яркие жёлтые тигровые цветы в красных пятнах.

— Кровь! — крикнул Иуми, вставая. — И лео-

парды идут по вашему следу!

И тогда сирены дунули через длинные тростинки, выбросили свои кисточки и, помахивая зелёными венками из виноградных лоз, подошли, пританцовывая, к нам, предложив гроздья винограда.

— Ради вас всех сейчас, Тайи, и ради всего, что может произойти, — переводил Иуми, — лети ко мне! Я развею танцем твой мрак и утоплю его в опьянении.

— Прочь! Горе — моё собственное вино. Всё, что предстоит мне, я вынесу, и пусть это произойдёт поскорее. Позволь мне ощутить кинжал, если он нанесёт удар. — Они исчезли в лесу, и, прибавив шагу, мы вскоре увидели солнечный свет и открытую поляну.

Глава XXXVIII
Они отходят от Диранды

Подойдя к вывеске с черепами, мы нашли прославленных господ сеньоров в момент их отдыха после бегства, в который раз осушающих свой кларет при полном отсутствии дум о привидении. Вместо стука их собственных костяных голов на плечах, они гремели своими костяшками в черепах, находящихся у них в руках. И снова звучал крик «Головы!», и «головы» выпадали при этой игре.

Тем же вечером они сообщили моему господину Медиа, что должно пройти два дня, прежде чем игры возобновятся, чтобы успеть наградить победителей, похоронить мёртвых и наказать островитянина, который, спасаясь от удара, убил постороннего.

Поскольку эта приостановка празднеств оказалась совершенно непредвиденной, наши хозяева вынуждены были снять арест, наложенный на наши каноэ. Однако они попытались заставить нас остаться, сказав, что дальнейшее будет ещё интересней, так как подобное уже прово-

дилось. Игры потом перейдут на море в виде рукопашной схватки на мелководье между множеством воинов, передвигающихся по колено в воде.

Однако мы решили отплыть на следующий же день.

Это было в начале прохладного утра, в тот час, когда мы лично смогли узнать, что отправимся в плавание с Диранды; и в призрачных сумерках наши мысли вернулись к призраку, который так внезапно очистил равнину. Мы с интересом слушали подробные описания Мохи, который рассуждал о печальном конце многих храбрых вождей в Марди, сделав намёк на юного Адондо, одного из самых известных вождей из хроник. В сражении на каноэ после свершения чудесных доблестных подвигов он был ранен в голову и был погребён на дне лагуны.

— Есть замечательная погребальная песнь на смерть Адондо, — сказал Иуми. — Я спою её, мой господин? Она очень красива; и при этом я никогда не смогу пропеть её без слёз.

— Мы обойдёмся без твоих слёз, менестрель, — сказал Медиа, — но спой её, если желаешь.

И Иуми запел:

Гордость и слава Марди уходит:

Спит слава его островов в море глубоком,

Что катит волны свои по телу его в тишине.

Над копьями главы соратников молча склонились,

Пристально сёстры его смотрят наверх, траур надев.

Плачьте вы, плачьте по погибшем Адондо!

Солнце скрылось в слезах,

Спряталось в тучах за ликом луны;

Слёзы застыли в глазах звёзд небесных,

Как и в цветочных глазах;

Сочатся ручьи, как и слёзы,

Вниз с гор устремившись, —

Гордость и слава Марди уходит:

В море глубоком спит слава его островов.

Капают мелкие капли на грудь с быстротой – это рыдания.

Но это не капли дождя, а слёзы Великого Оро.

— Это, видимо, было мрачное время, — зевнул Медиа, — в Марди теперь нет ни одного сухого ручья, ни озера, которое не было бы наполненным. Ручьи скорби и безутешные лагуны! Ты называешь это поэзией, менестрель?

— У Мохи появилось что-то вроде слезы в его глазу, — сказал Иуми.

— Ложь! — вскричал Мохи, отвернувшись.

— Кто сочинил эту погребальную песнь? — сказал Баббаланья. — Я часто слышал её прежде.

— Никто не знает, Баббаланья, но поэт должен петь ещё и в себе самом; его песни проходят сквозь землю и распускаются цветами на его могиле.

— Но, нежный Иуми, Адондо — легендарный герой незапамятных времён. Возможно ли тогда, что его погребальная песнь не была самопроизвольной мелодией, существовавшей у нас с момента возникновения Марди? Какой бард сочинил нежные стихи, которые поют даже наши пальмовые ветви? Нет, Иуми, эта погребальная песнь не была написана человеком.

— Ах! Был бы я поэтом, Баббаланья, поэтом действительно известным, чьи песни поются на всех островах, и принцем, и крестьянином. Да, погребальная песнь об Адондо будет пронизы-

вать века, как низкий тон, который вы слышите, когда поёт много певцов.

— Мой господин, мой господин, — закричал Баббаланья, — но это действительное бессмертие — стать увековеченным в наших работах, а не в наших именах. Позволь мне, о Оро, быть анонимно известным!

Глава XXXIX,
в которой Баббаланья беседует с самим собой

Длящаяся тишина была наконец прервана Баббаланьей. Указывая на солнце, висящее над горизонтом, он воскликнул:

— Как говорил старый Бардианна, закройте ваши глаза и верьте.

— И какое отношение Бардианна может иметь вот к этому шару? — спросил Медиа.

— Весьма большое, мой господин, поскольку астрономы считают, что Марди движется вокруг солнца; и потому я, кто никогда формально не изучал вопрос самостоятельно, ни в коем случае не могу этому доверять, когда, явно видя одну вещь, я вслепую должен верить другой. Ведь так вот вслепую весь Марди подписался под астрономической системой, которую ни один из пятидесяти тысяч человек не сможет астрономически обосновать. И не так много столетий назад, мой господин, все как один в Марди подписывались под астрономической системой, абсолютно противоречащей той, которой они

верят теперь. Но у массы мардиан есть много причин не верить первой системе, поскольку видят они одно; все, у кого есть глаза, должны, разумеется, видеть, что солнце, кажется, перемещается и что Марди кажется закреплённым навечно… здесь… Но, несомненно, имеются теории, которые могут быть верными, хотя внешние признаки противоречат им. Следовательно, в таких случаях для неосведомлённого недоверие, казалось бы, более естественно, чем вера; хотя они слишком часто отклоняют свидетельства своих собственных чувств, которые для них являются простой гипотезой. И таким образом, мой господин, массы мардиан верят не тому, что они знают, а тому, чего они не знают. И они так же готовы принять одну вещь за другую, если она исходит из канонического источника.

— Мой господин, Марди подобен страусу, который будет глотать всё, что вы предлагаете, даже железную полосу, если её направить вдоль его пищевода. И хотя железо будет трудно переварить, всё же оно подаётся для заполнения пространства: это что касается кормления. Ведь Марди должен иметь что-то для своего пищеварения, хотя это что-то всегда будет трудно перевариваемым. Так и рыбаки для добычи бросают два куска

приманки, связанные шнуром, альбатросам, плывущим в море, которые жадно ухватывают их с целью проглотить: один кусок одной птицей, другой — другой, — и навсегда оказываются взаимно связаны при передвижении вверх и вниз между собой посредством шнура; даже в этом случае, мой господин, я иногда полагаю, что наши теоретики отрицают в самих себе ненасытную веру мардиан.

— Ха, ха, — вскричал Медиа, — мне думается, что это, должно быть, говорит Аззагедди.

— Нет, мой господин, недавно Аззагедди получил увольнение, чтобы пойти домой и самому посидеть в тепле некоторое время. Но это не оставляет меня в одиночестве.

— Как?

— Мой господин, представьте, что Аззагедди полностью отодвинут в сторону, — хотя по условиям близких товарищеских отношений он со мной вот уже почти пятьсот лун, с момента, когда я ещё не был в состоянии решить, кто я и что я. Вам, возможно, я кажусь Баббаланьей, но себе самому я не кажусь самим собой. Всё, в чём я уверен, своего рода колкое чувство по всему телу, которое называется жизнью; и иногда головная боль или странное тщеславие предупреждает ме-

ня, что есть какое-то движение на моём чердаке. Но как узнать мне, как эти чувства соотносятся со мной? Насколько я знаю, я могу быть кем-то ещё. Во всяком случае, я слежу за собой, как будто за незнакомцем. Есть что-то, происходящее во мне, что не зависит от меня. Много раз я желал сделать одну вещь, а выходила другая. Я не буду говорить от себя самого, поскольку я не разбираюсь в этом; это было сделано инстинктивно. Мои самые добродетельные мысли не рождаются от моих размышлений, но возникают во мне, как яркие мечты поэта, без поиска, самопроизвольно. Откуда они приходят, я не знаю. Я — слепой, подталкиваемый сзади; напрасно я оборачиваюсь, чтобы увидеть, кто толкает меня. Я считаю похвалы своих друзей удовлетворением тщеславия из-за того, что то, что они хвалят, принадлежит не мне, Баббаланье, а этому неизвестному кому-то, кто толкает меня к этому. Но почему я, мардианин средних лет, менее склонен к излишкам, чем в молодом возрасте? Вокруг меня те же самые стимулы и соблазны. Но нет, сгорели мои самые горячие страсти, те, которые были самыми сильными, когда мы оказывались меньше всего в состоянии сопротивляться им. Это теперь, мой господин, не те внешние искушения, которые

преобладают в нас, смертных, а внутренние инстинкты.

— Очень любопытное предположение, — сказал Медиа. — Но, Баббаланья, есть ли у вас, смертных, нравственное чувство, как вы называете его?

— Есть. Но то, о чём вы говорите, — всего лишь послед; мы едим и пьём за много месяцев до того, как начинаем ощущать свои мысли. И хотя некоторые взрослые, казалось бы, отослали бы все свои действия к этому нравственному чувству, всё же в действительности это не так; из-за доминирующих в них нравственных чувств они обуздывают свои инстинктивные страсти, где те не управляют самими собой, но управляют подлинными характерами. Таким образом, некоторые люди в молодости конституционно так же уравновешены, как я теперь. Но можем ли мы из-за этого назвать их набожными и достойными молодыми людьми? Воздержится ли тот, кто возбуждён? И с другой стороны, инстинктивные страсти по жизни обладают ли естественным превосходством над нравственным чувством, как мы видим это в крайних случаях, развившихся в непоправимых преступниках, — будем говорить так, преступных и отвратительных негодяях? Мой господин, для некоторых людей

легче быть святыми, чем для других не быть грешниками.

— Тут, Баббаланья, ты находишься на грани, не рискуй! Вернись назад, откуда ты отправился, и расскажи нам о другом и ещё более таинственном Аззагедди, о котором ты намекнул, чтобы спрятать его в себе же для себя самого.

— Ну, тогда, мой господин, пока Аззагедди всё ещё прячется, как самый непостижимый незнакомец, я вспоминаю все те мои прошлые действия, которые при взгляде назад являют мне выдающееся безумие, которое, уверен, сотворил не я, Баббаланья, сейчас говорящий и рассказывающий о нём. Однако, мой господин, в тот же день я могу совершить некий поступок, который в будущем может оказаться одинаково бессмысленным, поскольку в одной целой жизни мы проживаем сто жизней. От имени непостижимого незнакомца во мне я заявляю, что моё тело было сдано в аренду много раз, хотя всегда одна тёмная палата во мне была сохранена в строгой тайне.

— Ты никогда не подойдёшь к отметке, Баббаланья? Скажи мне что-нибудь внятное о незнакомце. Кто, кто он? Представь его.

— Мой господин, я не могу. Он заперт во мне.

Под маской он уворачивается от меня. Он бродит во мне туда и сюда; он всматривается, и я смотрю. Это он говорит в моём сне, раскрывая мои секреты, и несёт меня к неслыханной сфере, что существует вне мардианских небес. Поэтому он предстаёт всегда, и мне кажется, что я не так много живу сам по себе из-за простого ощущения необъяснимого существа, которое находится во мне. И всё это время этим существом являюсь я сам.

— Баббаланья, — сказал Медиа, — ты воистину вывернул себя наизнанку.

— Да, мой господин, — сказал Мохи, — и она столь неразрешима, что я начинаю думать, будто весь Марди — квадратный круг.

— Как это, Баббаланья, — сказал Медиа, — действительно ли круг квадратный?

— Нет, мой господин, но с тех пор, как Марди появился, мы, мардиане, делали попытки получше изучить его.

— Умно парировал. Теперь, Баббаланья, воображаешь ли ты, что можешь причинить вред, распространяя эти свои софизмы, которые, как и твоя теория дьявола, как кажется, освободят весь Марди от моральной ответственности?

— Мой господин, в основном люди не име-

ют связей, которые могут отсечь другие люди, и не имеют никакой неприкосновенности, которой другие люди могут их лишить. Скажите, а если хороший человек свободен совершить убийство — он убьёт? Скажите, а убийцу, подвергающего опасности свою душу, потворствующего убийственной мысли, — что сделает святым?

— Снова на грани, Баббаланья? Не прыгай, говорю тебе.

— Я не могу прыгнуть выше, мой господин. Я уже снижаюсь, иду вниз, вниз.

— Философ, — сказал Медиа, — из-за Аззагедди и таинственного обитателя, на которого ты мрачно намекнул, я не удивляюсь, что ты озадачен определением своей идентичности. Но когда ты кажешься больше всего самим собой?

— Когда я сплю и не мечтаю, мой господин.

— Действительно?

— Потому что дурацкий колпак тогда может быть надет и на вас, и вы не будете знать этого.

— Самый походящий тюрбан, который он и должен носить, — пробормотал Мохи.

— Всё же, мой господин, я живу, в то время как сознание не моё, в то время как по всему внешнему виду я — ком. И не может ли это же самое состояние, не противоречащее мне, быть

всё время у тех из многих немых, неподвижных объектов, к которым мы так небрежно относимся? Поверьте мне, есть больше живых существ, чем те, что ползают, или летают, или плавают. Не думаете ли вы, мой господин, что нет ничего необычного в том, чтобы быть деревом? Чувствуя сок в ветвях, чувствуя бриз листвой? Не думаете ли вы, что ничто не должно быть миром? Одним из стада, подобно бизону, держащему путь через безграничные луга эфира? В виде птицы, которая не видит наши души, являющиеся нашими собственными символами живого существования? Ведь мы двигаемся, шумим, имеем органы, пульс и составлены из жидкостей и твёрдых частиц. И все они пребывают в этом Марди, как единицы. Ежедневно медленные, величественные биения его сердца заметны на поверхности в потоках лагуны. Его реки — его вены; когда он страдает, то землетрясения — его муки; его крик — это гром и плач души; и как тело бизона покрыто волосами, так и Марди покрыт травами и растительностью, среди которых мы, паразитирующие организмы, ползём, раздражаем и мучаем терпеливое существо, за которое мы цепляемся. Но всё же оно приходит в себя от первоначальной боли,

которая была в его основе. Марди осознал свою ось. Когда вы льёте воду, разве она не булькает? Когда вы ударяете в жемчужную раковину, разве она не звенит? Не думаете ли вы, что нет ничего необычного в том, чтобы быть скалой? Существовать — значит быть; чтобы быть, до́лжно быть чем-то — быть чем-то…

— Продолжай, — сказал Медиа.

— И что это такое — быть чем-то? — спросил Иуми недоуменно.

— Вспомни сам то, что прошло прежде, — сказал Медиа.

— Не потеряй нить, — сказал Мохи.

— Не цепляйтесь, — сказал Баббаланья.

— Я снова дышу, — сказал Мохи.

Но зачем тогда сходить с места, философ? — сказал Медиа. — Между прочим, ты не старый ли Бардианна, который говорит, что ни один мардианин не обязан ходить, выставляя одну ногу спереди?

— Это для того, чтобы вернуться к неопределённости понятия, имея в виду самого себя, — сказал Баббаланья.

— Подходящая тема, — сказал Медиа. — продолжай.

— Мой господин, — пробормотал Мохи, — не по-

добен ли этот философ многоножке? Отрежьте ему голову, и, тем не менее, он поползёт.

— Временами я вижу себя сумасшедшим, — продолжил Баббаланья.

— Ах, теперь он начинает говорить дельно, — прошептал Мохи.

— Конечно, ты забываешь, Баббаланья, — сказал Медиа. — Насколько больше теорий у тебя есть? Во-первых, ты одержим дьяволом; сдай себя в аренду обитателю, и тогда ты превратишь себя в сумасшедший дом. Ты непоследователен.

— И по этой самой причине, мой господин, весьма последователен; в сумме мои несогласованности составляют мою последовательность. И, будучи последовательным сам, часто бываю непоследовательным по отношению к Марди. Общая последовательность подразумевает неизменность, но большая часть мудрых основ живёт в состоянии переходного периода.

— Ах! — бормочет Характер. — Моя голова вращается снова.

— Аззагедди в стороне, теперь, мой господин, и также специально для данного случая я, как таинственный обитатель, прихожу сейчас, чтобы рассмотреть себя, как лунатика. Но это последнее тщеславие основано не столько на безумии

детальных действий, сколько на тех, в которых после медленного течения моих обычных и ежечасных действий я больше всего напоминаю всех других мардиан. Это походит на доведение до конца некой бессмысленной прихоти, лишённой чёткой цели. И хотя у многих моих действий, кажется, есть объекты и все из них почему-то устремлены друг к другу, то где же великий результат? Для какой заключительной цели я хожу, ем, думаю, мечтаю? Для какой большой цели Мохи вон там сейчас поглаживает свою бороду?

— Но я делаю это подсознательно, — сказал Мохи, пропуская свою руку и поднимая свою голову.

— В основе это так, старик. «Всё, что мы делаем, мы делаем вслепую», — говорит старый Бардианна. Во многих делах мы обходимся без знания — как с вами и вашей бородой, Мохи. И многих других мы не знаем в их истинном значении, по крайней мере, пока они не пройдут. Не половина ли наших жизней потрачена на упрёки в адрес неизбежных действий, об истинном характере и последствиях которых мы оказываемся совершенно не осведомлены в нужное время? Говорит же старый Бардианна: «Я не так часто ощущаю влечение к моим клубням

ямса, как думаю о каждой вещи в мечтах», — так озадачивали его, казалось, вещи этого Марди. Но Алла-Малолла идёт дальше. Он говорит: «Позвольте нам собраться вместе, загадочным личностям: королям, клоунам и близким к ним. Мы связаны смешными чувствами; мы будем обманывать сами себя в странных фантазиях: мы — воздух, ветер, дыхание, пузыри; наши существа говорят в такт».

— Тогда, Баббаланья, — сказал Медиа, — зачем ты сейчас пустился во всю эту рапсодию? Ты вечно путешествуешь по кругу.

— Солнце на небесах, мой господин, как и я, ходит по кругу и светит во время своего движения. Старый Бардианна тоже вращался. Он сам так говорил. В его иносказательной главе по циклам и эпициклам с «Примечаниями по эклиптике» он дискутирует так: «Все вещи вращаются вокруг неких центров, для них установленных; поскольку устремление к центру всегда сильнее бегства от него. Для этого — вечное наше движение, без прогрессии; и мы кружимся, хотим мы того или нет. Если остановимся, то упадём в космос. Так, шаг за шагом, мы идём, и круг за кругом, дважды оборачиваясь вокруг нашей оси и вокруг солнца». В другом месте он говорит: «Нет ни апогея,

ни перигея, ни севера, ни юга, ни права, ни лева; то, что сегодня вечером является нашим зенитом, завтра наш надир; стоять будем как обычно, стоять будем на голове; пытаться взлетать в воздух и падать вниз; здесь же приклеиваться клеем, сделанным из наших костей».

— Достаточно, достаточно, Баббаланья, — закричал Медиа. — Ты — очень мудрый мардианин, но самые мудрые мардиане порождают множество законченных идиотов.

— Да, создают, мой господин, но я был прерван. Я собирался сказать, что нет никакого места, кроме вселенной, никакого предела, кроме бесконечности, никакой основы, кроме пространства.

Глава XL
О колдунах на острове Минда

— Завтракать! Завтракать! — прокричал Медиа. — Время для второго завтрака! Подъём, товарищи! И пока накрывают скатерть, идите поклонитесь и вдохните бриз для аппетита. Послушай, ты, Ви-Ви! Не забудь тот калабас с синей, как море, печатью и круглым кольцом с клеймом. Это редкая старая вещь, Мохи, постарше тебя: кругосветный мореплаватель — так я называю его. Мой родитель на своём каноэ впервые нарочно провёз его на борту трижды вокруг Марди ради появления аромата. Это было путешествие на много лун; моряки никогда не плыли быстрее трёх узлов. А десять узлов испортили бы лучшее вино, которое когда-либо плавало.

После завтрака, когда синий запечатанный калабас почти скрылся в великом облаке, поднятом нашими трубками, Медиа предпочёл усесться на борту и там покурить. Поэтому, благородно наполнив наши кубки, все мы ушли со сражения победителями.

Затем, снова усевшись и безмятежно дымя,

пока кругосветный мореплаватель тем временем весело ходил по кругу, Медиа велел Мохи поведать что-нибудь интересное.

Сейчас из всех старых сплетников в Марди, конечно, наш восхитительный старый Диодорус обладал самой большой коллекцией историй, хроник, анекдотов, мемуаров, легенд, традиций и биографий. Не было никакого предела библиотеке, которую он носил. Сам по себе он был целой историей Марди, полной, не сокращённой, в одном томе.

Повинуясь тогда команде короля Медиа, Мохи попотчевал компанию рассказом, и вот он.

В одной из частей Архипелага находился остров под названием Минда; и в Минде было много колдунов, нанимаемых из-за зависти и враждебности людей этой несчастной земли. Если миндарианин считал себя расстроенным или оскорблённым другим соотечественником, он немедленно обращался к одному из этих колдунов, кто за соответствующее вознаграждение, держась во мраке, принимался за работу со своими заклинаниями и направлял их против обидчика. И вскоре под воздействием определённых специфических ощущений этот человек, обнаружив, что происходит, немедленно спешил

к своему собственному профессору чёрной магии, услуги которого были хорошо оплачены и который в назначенное время вызывал бесспорное противодействие, так что в конце концов иногда выходило, что ни одна из сторон не была победителем или проигравшим, уцелев благодаря сумме своих сборов.

Но хуже всего было то, что в некоторых случаях все знания о наведённых заклятиях в начале этого процесса были скрыты от жертвы, которая, поздно узнав о затевавшейся порче, почти всегда оказывалась добычей своего противника, каковое бедствие считалось проявлением высокого искусства. Но так как многие из колдунов были искусны в своём умении, то, следовательно, стоящие за ними стороны, использующие их, действовали аналогично. Следовательно, возникали бесконечные усобицы на протяжении многих лун, где обе стороны усердствовали до своего взаимного уничтожения.

Действительно, не говоря уже об упрямстве, проявляемом их работодателями, упорство самих колдунов было изумительным. До самого последнего зуба в мешочках своих работодателей они оставались верными своим заклинаниям, никогда не передавая их, покуда их нанимате-

ли не становились неплатёжеспособными или мёртвыми.

Но поскольку они сурово осуждались, то в Минде не было людей хотя бы наполовину так же заинтересованных, как они. При определённых обязательных условиях безопасности некоторые из них были готовы устроить гибель как одного человека, так и другого — хорошего, плохого или просто постороннего, что не составляло большого труда.

Чему удивляться тогда, что такие отвратительные наёмники в Минде должны были заключить великое соглашение о зле, тайно идя на подстрекательство миролюбивых людей к вражде с их соседями и с изумительной живостью предлагая себя в качестве колдунов, чтобы избавить их от объекта раздражения, намекая на его опасность. Действительно, случалось даже, что колдун тайно насылал заклинания на жертву, которая от своих физических ощущений, подозревая что-то не то, но не зная что, отправлялась к этому же самому колдуну, нанимая его, чтобы противодействовать какому-либо замышляемому злу. И эта особа сразу бралась за дело; тогда, имея обе части в своих руках, колдун держал их всегда на поводке, тем временем зорко следя,

в чём они потерпели неудачу из-за не слишком щедрого вознаграждения за его старания.

Как-то раз произошло потрясающее волнение из-за этих колдунов, произошедшее из-за некоторых тревожных открытий относительно их методов. В нескольких деревнях Минды их разыскивали, стремясь уничтожить. Но бесплодными оказались эти попытки: уже скоро было обнаружено, что их заклинания уже распространились за границей, и они сами так запутали повседневные дела острова, что сочли наилучшим позволить их призванию существовать, чем пытаться подавить его, вызвав дополнительные проблемы от их породы. Ах! Они были знающим и хитрым сообществом, такими колдунами, которых было очень трудно одолеть, умаслить или обойти.

Но, во имя Волхвов, что делало их заклинания такими мощными и тайными? По всеобщему мнению выходило, что они получали свою большую силу от паров определённых составов, чьи компоненты — страшно сказать — были главным образом получены из человеческого сердца, и, по-разному смешивая эти компоненты, они приспосабливали их к разнообразным чарам.

Они были тщеславными и высокомерными

людьми. Но в силу их контакта с мраком они затрагивали ещё большие тайны, чем были известны им; когда их расспрашивали об их науке, они запутывали вопрошавшего ответами на невероятном языке, используя слова почти столь же длинные, как анаконды. Но всё это весьма воздействовало на простых людей.

Но часто случалось ещё одно из не менее показательных событий, когда два колдуна, в противовес нанятые миндарианами, — один, чтобы напасть, другой, чтобы защитить, — оказывались связаны друг с другом добрыми отношениями, каковое любопытное обстоятельство никогда не возбуждало ни малейшего подозрения в уме жертвы.

Другое явление: если по какой-либо причине два колдуна оказывались противниками, они редко насылали свои заклинания друг на друга, приписывая это, возможно, тому, что оба являлись сведущими в своём искусстве и ни один не мог надеяться на достижение преимущества.

Но из-за всех бросаемых этим колдунам осуждений, часть которых они заслужили, зло, причинённое ими, главным образом, хотя и косвенно, приписывалось тем людям, которые их оскорбляли, а не тем людям, которые их наняли.

Последние существа, безусловно, поносились громче всех, имея на то вполне заслуженную причину. И при этом не стоит отрицать, что в определённых отношениях были и колдуны, приносящие значительную пользу. При природном их стремлении проникнуть глубоко в тайны ума, они часто совершали важные открытия, с трудом накапливали ценные сведения о внутренней работе сердец миндариан и часто блистали красноречием в объяснении тайн несправедливости.

Всё же все эти их знания являлись примитивными, необработанными, диковинными и устаревшими кусками, почти потерявшимися в массе их соотечественников; и некий старый сахем (мудрец), используя сравнение, сказал, что ценность их сокровищ аналогична ценности старого железного ключа, стоящего больше, чем сундук и его содержимое.

Глава XLI,
в основном посвященная королю Белло

— Тайи, сейчас, — сказал Медиа, — к старому вздорному Белло, чей остров Доминора впереди, у меня отношение противоречивое.

— Ах! Почему так?

— Вот унылый подробный рассказ, но тебе нужно послушать. И немедленно Его Высочество начал свой рассказ.

Эта королевская ссора произошла, как кажется, из-за небольшого столкновения относительно права собственности на бесплодный островок в очень удалённой части лагуны. Вначале вопрос, возможно, было бы легко уладить путём частичного обмена несколькими дружескими словами. Но каждый, считая ниже своего достоинства посещать другого и обсуждать такие тривиальные дела, как ведение переговоров о взаимопонимании, передавал их своим верным уполномоченным, людям с длинными языками, которые не любили произносить слова короче многосложных.

Далее, чем больше этих важных персон вникало в сложности, тем шире становилась брешь; то, что было сначала простой щелью, превратилось в зияющую бездну.

Но что, возможно, усугубило дело больше, чем всё остальное, так это то, что ради подчёркивания различия между королями вздорный Белло отправил в Одо в качестве своего тридцатого уполномоченного крошечного, тщедушного посланника, который самостоятельно приплыл сюда под парусом в отдельном каноэ, чтобы предстать перед аудиторией Медиа, в чьё присутствие он был немедленно препровождён.

Бросив один взгляд на него, король повернулся к своим вождям и сказал:

— Мои вельможи! Сможете ли вы без большого напряжения ваших глаз различить этого ничтожного карлика? Что?! Ужели не осталось высоких людей в Доминоре, если король Белло посылает сюда такого коротышку?

И, приказав своим слугам накормить посла великолепной мягкой кашей из кокосового ореха и предоставив нянек на время его пребывания, монарх удалился с аудиенции.

— Поскольку я — человек, — выкрикнул презираемый уполномоченный, приподнявшись

на цыпочках, — то мой монарший владелец вознегодует от такого оскорбления! Карлик, воистину! Возблагодарите Оро, что я не долговязый гигант! Во мне есть столько же разума, сколько у других, который распределён по их неуклюжим корпусам, но сжат во мне. Я велик в малом! И насколько велик, вы скоро сполна ощутите, презрительный Король Одо!

— Не выступай против нашего короля-хозяина! — прикрикнули слуги.

— И не вам говорить со мной, безголовые наконечники!

И после сказанного, со снисхождением к тому, что он был маленьким, уполномоченному было разрешено отбыть; его оставили в покое, из-за всех его бравад презрев его верительные грамоты и оскорбления.

Узнав о позорном приёме его слуги, раздражительный Белло взорвался гневной бурей, издав и разнеся указ, записанный на одной тысяче раковин, собраться своим воинам на суше и на море.

Но, вспоминая о нём и о военных действиях, которые могли бы последовать, проницательный Медиа решился на мудрую процедуру, чтобы отразить опасность, к которой он был тогда

не подготовлен. Со всей поспешностью он послал вздорному королю маленького собственного карлика, кто отплыл к Доминоре в каноэ, жалком и одиноком, таком же, что было у уполномоченного Белло, для получения в подобной же манере тех же самых оскорблений. Эффект от этого мог бы уравновесить баланс оскорблений, по принципу, что данный удар способен будет компенсировать уже полученный.

Однако эти процессы не отсрочили военных действий, поскольку вскоре после случившегося уже ничто не отвратило этих двух королей от втягивания в войну, кроме следующих разумных соображений. Во-первых: Медиа едва ли не боялся того, чтобы быть побитым. Во-вторых: Белло едва ли не боялся завоеваний. Медиа — потому, что у него было мало воинов и оружия; Белло — потому, что его усиление уже было предметом воинственных комментариев среди соседних королей.

Действительно, если старый летописец Плетёная Борода говорил правду, то в Марди жило несколько племён, которые считали этого короля Доминоры вспыльчивым, склочным, жадным старым монархом, неутомимым зачинщиком раздоров и войн, старшим братом королевских

дворов наций, постоянно пытающимся помыкать подростками; и хотя его патримониальные доминионы были расположены на севере лагуны, не имелось ни малейшего сомнения среди правителей большинства отдалённых островов, что этот отважный старый тронный всадник немедленно вонзит своё наглое копьё в вопрос, совершенно его не касающийся, и наткнётся на раздражение со всех сторон из-за своего бесплатного вмешательства.

Особенно он был официозен в проблемах Порфиро, соседнего острова, очень большого и известного, чьи многочисленные широкие долины были разделены между многими конкурирующими королями: королём Франко, прекрасным, пламенным джентльменом с волосами как у пуделя, маленького роста, требовательным к своим барабанщикам, очень преданным танцам и славе; королём Иберия, высоким и величественным всадником, гордым, щедрым, пунктуальным, умеренным в вине, одна рука которого всегда сжимала копьё, а другая, в суеверном уважении, тянулась вверх, к его богам; с конечностями, по всей поверхности испещрёнными клятвами и крестами; королём Лузианной, стройным, с тёмными бровями, время от времени обёр-

нутым в капризную одежду, ниже которой он теребил что-то, как будто это был кинжал, но, по сути, он был бодрым трубадуром, преданным серенадам и лунному свету; множеством вождей солнечной Латианны, монархами-менестрелями, полными песни и чувств, более усердными в любви, нежели в войне, великолепными бардами свободы, не отдававшими дань, пока они пели; священником-королём Ватиканной, с грудью, отмеченной старинными татуировками, его короной, капюшоном, его подвергнутым коррозии скипетром, качающимися падающими башнями и рушащимися холмами, исполненным суевериями прошлого, искоса наблюдавшим за подозрительным временем, которое пришло; королём Габсабуро, полным, приятным любителем мяса кабана, часто пьющим, в своих лучших капризах, большим любителем комфорта; тридцатью восемью соединёнными королями, вождями, сеньорами и олигархами широких холмов и долин Тутонии, из собранных областей которой ни один не мог бы вырвать своего соседа; серьёзный народ, глубокие мыслители, запойные пьяницы, длинные трубы, длинные головы, чья мудрость выдавала мистические размышления и сношения с дьяволом; королями-соправителя-

ми из Зандинавии, выносливыми, скромными горцами с прямыми спинами и сердцами, одетыми в шкуры медведей; королём Ютланда, во многом схожим с Их Величествами из Зандинавии, с морским котиком, увенчивающим его корону бесстрашного моряка его холодных морей; королём Москови, косматым заледенелым Белым медведем из деспотии на севере, наречённым править миллионами акров ледников, владеющим широкими просторами из сугробов и множеством процветающих колоний среди плавучих айсбергов. Непререкаемый в своём правлении, считая его предопределённым метафизически, он приказал, чтобы все его умершие люди оставляли ему свои души, дабы не могли изменять ему после смерти. Весьма утончённым и изысканным в своих имперских вкусах был этот монарх. Чувствуя отвращение к желанию равноправия в статусе у своих подданных, он питал себя мыслями об уничтожении всех, кто был ниже предписанного им стандарта — шести футов как меры длины. Не было счёта бессмертным душам в его фатальных войнах; воспитуемые с давних пор в рабском состоянии, эти души, как по заказу, воспроизводились ежедневно.

Теперь ко всем вышеупомянутым монархам

старый Белло зачастую отправлял герольдов, объявляя, например, своё неизменное решение поддерживать претензии одного короля против другого, в нужное время рекомендуя, чтобы Их Безмятежности вместо того, чтобы скрестить копья, касались бутылок. И в этих случаях короли часто отсылали старому Белло его слова назад, рекомендуя тому не беспокоиться об их делах, а проявить внимание к своим собственным, которые, как они намекали, пребывали в печальном состоянии и очень нуждались в реформе.

Предлогом старого воинственного короля для тех или иных подобных процессов было надлежащее урегулирование в Порфиро, для чего он разработал остроумную методику «Равновесия Калабасов», которая, как он неистово клялся, была важна для безопасности различных племён в той стране.

— Но кто позволил вам это решать, король Белло? — кричали возмущённые страны.

— Оро! — кричал вздорный король, потрясая своим копьём. Вдобавок к патерналистскому интересу, с которым Белло вмешивался в проблемы королей Порфиро, согласно нашему летописцу, он также проявлял не меньше интереса к своим самым удалённым островам. Действительно, он

почему-то счёл, что богатая страна, населённая людьми, должна считать их варварами, не доросшими до мудрого законодательства и обязанными принять её диктат над ними, дабы те иногда смогли ограждать самих себя от политических неприятностей. И если, осерчав на его поведение, они хватались за свои копья, то их считали мятежниками и относились соответственно. Но, как очень верно заметил старый Мохи, здесь Белло был не одинок, ибо повсюду в Марди все сильные страны, так же как и все сильные люди, любили управлять слабыми. И тем королям, что более всех насмехались над Белло из-за его политической жадности, вполне подошли бы те же самые обвинения. Таким образом, Вивенца, отдалённый остров, время от времени очень громко обвинял Белло в большом государственном бандитизме. Но совершенно угасшими в Вивенце были её коренные жители, племя диких Великих Нимродов и охотников, которые год за годом расселялись дальше и дальше в глушь, пока один из их печальных воинов не сказал, что после непрерывного фронтального удаления его народ оказался у точки безжалостного уничтожения.

Ещё Белло был великим географом, землеустроителем и измерителем морей. Состоящий

из земли и воды Марди он всё время исследовал на предмет наличия чудес для своей империи. Он очень любил измерять высоту высоких гор, глубину глубоких рек, ширину широких островов. На самых высоких вершинах внушительных мысов и выступов он любил поднимать свой флаг. Он окружил Марди своими наблюдательными вышками, и далёкий путешественник, проходя дикими скалами в самых отдалённых водах, бывал поражён, слыша барабанную дробь или побудку, исходящую от вездесущего барабана вздорного Белло. Среди ледников Антарктики пронзительные сигналы его горна смешивались с криком чаек, и, казалось, настолько впечатлена была вселенская природа чувствами его метрополии, что даже облака на небесах никогда не проплывали по Доминоре, не отдавая дань её душе, отчего воздух Доминоры был более сырым, чем в любой другой стране. Во всех его великих планах королю Белло прекрасно помогали его многочисленные флоты, состоящие из военных каноэ; его флот был самым большим в Марди. Следуя этой логике, он клялся, что вся лагуна принадлежит ему и что все рыскающие там киты, суда и акулы были её захватчиками. И этим чистейшим тщеславием он вдохновлял своих

поэтов-лауреатов, сочинивших несколько великолепных старых морских од, заставляющих душу петь, едва заслышав их.

Но хотя остальную часть Марди такая благородная поэзия весьма усладила, она не согласилась с поэтами Белло в определении лагуны как наследственной территории их старого монарха.

Когда-то давно гребцы вздорного короля встретили в широкой лагуне несколько каноэ, принадлежащих вышеупомянутому острову Вивенца, схватили нескольких его жителей и, пощупав их пульс, объявили их урождёнными жителями Доминоры, а поэтому не вольными идти куда бы то ни было, для чего, поскольку они не могли родиться снова, они должны были навсегда остаться подданными Белло. Потерять волосы, нет, вашу кожу возможно, но потерять вашу преданность вы не можете, в то время как если у вас есть кости, то они принадлежат Белло. Поэтому, несмотря на все уговоры и попытки доказать обратное, этих несчастных гребцов притянули к каноэ Доминоры и приказали плыть к дому их похитителей.

Узнав об этом, жители Вивенцы пришли в большое волнение и после великих церемоний над своим вещим огнём, снарядив несколько каноэ

с двумя килями, вышли в море в поисках тех, кого они назвали торговыми корсарами Доминоры.

Но удачным, возможно, стало то, что в данный момент во всех частях Марди флоты вздорного короля сражались, сцепившись бортами, с многочисленными противниками, и если бы военные каноэ Вивенцы появились перед такой огромной армадой, то сама выпуклость тысячи её носов, возможно, потопила бы их разрозненный флот навсегда с глаз долой.

Когда это произошло, Белло послал несколько своих малых судов на поиски и при случае измотать врага и, не возвращаясь домой, немедля продолжил заниматься более важными делами.

Но так случилось, что суда Белло, один за другим встречая противника, в большинстве случаев сочли каноэ Вивенцы намного большими, чем их собственные, и укомплектованными большим количеством воинов с сердцами смелыми, как и у них, отчего в морских сражениях, которые последовали, они показали себя с плохой стороны; и каноэ Вивенцы, захватив их нок-реи как победители, очень вежливо препроводили их в свои коралловые гавани.

Приписывая эти победы исключительно их превосходящей отваге и умению, люди Вивенцы

были чрезвычайно неистовы в своём триумфе и причинили себе мучительное беспокойство тем, что заработали хрипоту в горле; и до сих пор, если верить Мохи, часть существующего поколения была рада говорить при помощи своих носов.

Глава XLII
Доминора и Вивенца

Три каноэ всё ещё продолжали скользить по воде, когда мы узнали много подробных сведений про Доминору и, попутно, про другие острова. Кажется, что тяга к увеличению территории часто лежала в самой основе экстравагантных действий проницательного Белло. Если случай намыва земли и сплавного леса у любой отдельной коралловой отмели в лагуне указывал на самую отдалённую возможность возможного появления островка, он со всей поспешностью посылал к этому месту каноэ, чтобы присвоить предполагаемое владение как пока ещё полузатопленную территорию и по возможности изгнать оттуда зоофитов. Во время необычно сильного отлива, тут и там обнажавшего внешний риф Архипелага, Белло требовал устанавливать своё королевское копьё на каждое обнажившееся место, явив таким образом символ своих высших притязаний на него.

Другой случай был такой: в Доминору как-то дошёл слух, что на отдалённом острове жил чело-

век с воистину необыкновенно большим носом, и, как пророчили предсказатели, это являлось предвестием некоего ужасного бедствия. Но, проигнорировав их тщеславные суеверия, Белло немедленно послал туда агента установить, является ли этот огромный нос географически доступным; и если это так, то проделать то же самое действие, вернув владельцу.

Сейчас мудрый старый Мохи считал, что большой удачей для Марди в целом было то, что подданные, которых посылал Белло для заселения его зарубежных приобретений, слишком хотели сбросить свою зависимость, так как вскоре начинали считать себя способными справиться с нею.

Действительно, прекрасная страна в западной части Марди таким же путём стала суверенным — нет, республиканским государством. Это была страна, на которую Мохи ссылался ранее, — Вивенца. Но в упоении и в гордости от недавнего достижения национального превосходства жители Вивенцы, возможно, весьма желали носить венец тщеславия. И потому, уверенные в своей стойкости, после очень долгой борьбы они в конечном счёте преуспели в том, чтобы отразить войска, посланные Белло для подавления их

восстания, и были единодушны во мнении, что вздорного короля никогда прежде прилюдно так не унижали. Стоит также принять во внимание, что они не столько победили Белло, сколько защити- ли свои берега, подобно тому как молодой лев защищает своё логово от легионов единорогов, хотя вдали от дома он может быть порван на части. И вправду Плетёная Борода сказал, что во время этой войны Доминора выставляла десять длинных копий против каждого дротика, брошенного Вивенцей, хотя дротики метались столь же упорно, как и копья.

Но, при превосходстве в численности и оружии, почему, в конце концов, у короля Белло исчезла надежда на победу над грубыми жителями Вивенцы? Одна причина состояла в том, как говорил Мохи, что многие его воины были слишком заняты в других частях Марди, но другая — что он не видел никогда столь доблестного сопротивления, а поэтому Вивенца — не только её жители — была полностью непобедима. По мысли Белло, горы — крепкие противники; судьбу трудно сдержать.

Воистину мужчины Вивенцы совсем не были трусами; не преувеличивая, скажем, что по происхождению они были львами из племени львов.

Не их ли барды объявили своё племя молодым поколением среди мардианских народов, потребовавшим нового мира для полноты своего развития? Да будет известно, что большая земля Колумбо, значительная часть которой ещё не была захвачена Вивенцой, была последним островом, обнаруженным в Архипелаге.

По полному счёту и с беспристрастием Арктура можно сказать, что Вивенца была благодатной землёй. Как молодое тропическое дерево, она стояла наполненная зеленью, бесчисленными цветами и созревшими сочными плодами, свисавшими с одной ветви. Она была многообещающая, как утро.

Ещё Вивенцу можно было уподобить Святому Иоанну, питавшемуся саранчой и диким мёдом и пророческим голосом кричавшему странам в диких краях. Или, открыто стоящая среди старых разодетых королей и императоров Архипелага, Вивенца казалась молодым Мессией, которому кланялись рассудительные бородатые раввины.

Такой представала Вивенца со своей лучшей стороны. Однако Вивенца выглядела хвастуном в Марди, единственным храбрецом, когда-либо известным. Как армия носящих шпоры и хохол-

ки петухов, её люди воспевали великолепный восход своего солнца. Это позор, Вивенца! Откуда твоя бесспорная доблесть? Не заимствована ли она тобой со славных старых берегов Доминоры, где её в изобилии? Какой остров, если не Доминора, передал тебе в наследство этот несгибаемый хребет? Это храбро бьющееся сердце? О, Вивенца! Знай, что истинное великолепие слишком велико для хвастовства; и страны, так же как и люди, способные быть мудрыми, будут великими.

Но что ещё о короле Белло? Несмотря на его территориальную жадность и неприятие отказа от украденных стран, он всё же был великолепным старым королём, довольно раздражительным — сказал и ударил, — но с истинно королевским сердцем. Его железной стойкостью, как могли, в основном гордились все острова. И если почти не обращать внимания на его жадность, то в целом, возможно, так было лучше для его дел. Когда, бывало, он творил зло без особо добродетельных намерений, то у него оставалось пятьдесят способов достичь хорошего и лучшего и тысяча способов сделать добро, не показывая этого. Согласно пророчеству древнего оракула, вздорный монарх был всего лишь одной из самых заметных фигур на доске, где боги играли для

своего собственного развлечения.

Но здесь нельзя упускать, что в последнее время король Белло несколько сократил усилия по расширению своих доминионов. Это объяснялось различными причинами. Некоторые полагали, что это явилось результатом того факта, что уже он обрёл свои территории, слишком обширные для управления одним скипетром, и что его большие удалённые колонии в основном способствовали его поражениям, что, соответственно, не способствовало росту его доходов. Другие твердили, что его ноша стала слишком велика для того, чтобы нести её; третьи — что страны были слишком сильно взволнованы из-за него. С пророческой торжественностью, тряся головами, мудрецы утверждали, что он становился старше и со старостью приходит её великий критический период; и хотя это была его здоровая старость, всё же она не была его здоровой юностью; и что хотя он ежедневно рос и рос в обхвате и румянился лицом, но это, как ни называй, скорее демонстрировало симптомы тяжёлой формы ожирения, нежели признаки крепкого здоровья. Эти мудрецы предсказывали, что очень скоро бедного Белло свалит удар.

Но в Вивенце находились отдельные зади-

ры, которые часто пустословили: «Час короля приближается, под конец старого правителя забодают страны, которые он захомутал, его игра окончена, — позвольте ему разжать руку и отбросить свой скипетр; он задавил Марди, — позвольте ему стать сражённым и сожжённым; он стоит на пути всего лучшего, — позвольте ему отойти в сторону; он закрыл много глаз и теперь сам становится слепым; он предавался ужасным злодеяниям во время своей долгой карьеры, старый грешник! Теперь позвольте ему быстро помолиться и быть обезглавленным».

Как бы то ни было, Белло продолжал жить дальше, наслаждаясь своими обедами и чашами минувшего. «Ах, у меня всё же есть славный долговременный договор с жизнью», — думал он, попивая своё вино, и, как некий упрямый старый дядюшка, демонстрировал процветание, несмотря на предсказания страны-племянника, который в своём упадке, возможно, надеялся стать наследником странных частей его владений: трёх участков в плодородной долине у одной из бесплодных гор!

Глава XLIII
Они высаживаются в Доминоре

Как только что говорилось, состоя не в самых благоприятных отношениях в Марди с Королём Доминоры, Медиа счёл целесообразным подойти почти вплотную к владениям этого надменного государства, что явилось бы превосходным обстоятельством для него самого (Медиа). Наши паруса были поставлены, наши вёсла гребли, потоки струились, и Ви-Ви сидел во рту акулы, как всегда, со своей раковиной. Скоро послышался шум, и, несясь по прекрасному широкому заливу, мы созерцали его берег, издали из-за множества людских голов выглядевший словно посыпанный гравием; так густо населена была эта земля.

Пропетляв по цветущей долине, мы предстали перед дворцом Белло, целиком стоящим в роще. Вертикальные стойки, составляющие фронт, вырастали выше карниза в длинный ряд пик, трепетавших алыми флажками; в то время как ниже, в промежутках между стойками, были продеты с наклоном три ряда украшенных копий. Воинственный вид! Вся структура была похо-

жа на широкую полосу македонской фаланги, готовой к нападению и защищённой шлемом с забралом.

— Ах, Белло, — сказал Медиа, — среди своих игл ты смотришься словно дикобраз.

— Я чувствую, как климатическая сырость пробирает меня, — крикнул Мохи, — мой господин Медиа, давайте войдём.

— Да, — сказал Баббаланья, — центр опасности более безопасен, чем её окружность.

Проходя под аркой, образованной двумя пересечёнными пиками, мы оказались бы удобными мишенями для предполагаемых метателей копий, если бы те с оружием наготове заняли углы дворца.

Перед нами предстал полный старый воин с копьём в руке, горбом на спине и огнём в глазу.

— Это — война? — крикнул он, направляя свою пику. — Или мир? — спросил он.

— Мир, — сказал Медиа.

После чего, приблизившись, король Белло вежливо приветствовал нас.

Он выглядел как целый арсенал: на его голове сидела наследственная корона Доминоры — шлем из шкуры морского дикобраза, ощетинившийся по всей поверхности шипами, с торчащим

по центру рогом носорога, изготовившимся к атаке, через его уши были продеты колючие стрелы, и на окрашенном шагреневом поясе висела клетчатая юбка из стянутых дротиков.

Широкая грудь Белло являла собой карту Марди. Синим, как море, цветом были вытатуированы все группы и скопления островов Архипелага, и каждый раз, когда он делал вдох, острова росли и увеличивались, как при отливе: Доминора переполняла его сердце.

Его крепкие бёдра были его триумфальной аркой, где многочисленные медальоны, гребни и щиты были посвящены всем его победам на море и суше.

Его сильная правая рука была свитком Славы Доминоры, где все его герои видели свои имена начертанными — бесконечный рулон!

Наш летописец клялся, что на подошве правой ноги Белло был отпечатан барельеф с лицом короля Франко, его традиционного врага. «Вот так, вот так, — кричал Белло, повторяя, — вот так я ежечасно сокрушаю его».

Ростом Белло был с гору; но как иногда высокая башня бывает надвинута на утёс склона, так и Афонский горб Белло навис над ним. Возможно ли, что, по мнению многих его дворян, горб

старого монарха был средоточием его чувств и источником силы, полный нервов, мышц, нервных узлов и сухожилий? Всё же год за годом они окружали его, как ствол пальмы окружают её листья. Тяжкие труды войны увеличили его.

Но в новой стычке с островами, говаривали умники с Порфиро, гора Белло будет сокрушена.

Дабы уберечь его от этого бедствия, врачи и близкие искали способы сокращения горба. Но к результату это не приводило. Тогда его волхвы занялись различными мистическими обрядами. Вырыв глубокую яму, они побросали туда много зубов, но не смогли заполнить её. Поэтому они назвали её тонущей ямой, поскольку дна у неё не оказалось. Однако волхвы сказали, что, когда эта яма будет заполнена, никто больше не увидит горб Белло. «Тогда ура горбу! — закричали дворяне. — Поскольку он никогда не отбросит его прочь. Многие лета горбу! Под горбом мы сплотимся и умрём! Не стоит унывать, король Белло! Встаньте, старый король!»

Но они были теми, кто, когда их суверен уезжал за границу с этим Афоном на своей спине, праздно сопровождали его в свите, в то время как Белло опирался в большой степени на людей, шатаясь под тяжестью горба во время передви-

жения. Да, он приятно разнообразил скудный горами Белло; и хотя многие клялись, что он скоро должен пасть, однако, как падающая башня в Пизе, он мог долго склоняться, никогда не опускаясь насовсем.

Посещая Доминору во время дружеского визита, мы нашли короля Белло очень приветливым, почти превышавшим гостеприимством всего Бораболлу: Октябрьский карнавал правил повсюду в границах его дворца.

В наш первый приём была устроена роскошная трапеза, во время которой завязался очень живой разговор.

От Тайи Белло стремился узнать, сделало ли его солнечное Величество своей провинцией луну; имеют ли Звёздные хозяева большие территории или же довольствуются простыми кусочками, подобно небольшим пучкам зелени, тут и там цепляющимся за окружающий Марди риф; так же ли сурово люди на солнце критикуют его (Белло), как они делают это в Марди; и что они думают о таком факте, угрожающем свободам вселенной, как прибавление к его флоту трёх больших каноэ.

Со временем, разомлев от той взаимной любви, что возникла между нами, Белло расчувствовал-

ся до невозможности и, обхватив тело Медиа, выпил за вечную дружбу с Одо.

Таким образом, осушив свои красные чаши, эти два короля забыли свои различия и относительно спорного островка ничего больше никогда друг от друга не слышали; ибо случилось так, что в то время, пока они больше всего горячились из-за него, тот внезапно исчез с глаз долой, оказавшись островом вулканического происхождения.

Глава XLIV
Они блуждают по Доминоре в поисках Йиллы

Наконец, покинув дворец короля Белло, мы пошли дальше, всё ещё полные решимости относительно предмета наших поисков.

Много славных достопримечательностей увидели мы. Прекрасные поля, прекрасные сады, зелёные изгороди повсюду вокруг, изобилие опрятных домиков, подобных белым мышам в пейзаже, древние дубовые рощи, крепкие и бодрые, увитые плющом старые храмы, старые мощи героев древности, скрытые глубоко в просторных рощах возле залива, старые реки, несущие вниз по течению тяжело гружённые каноэ; горбатые холмы, подобные горбам верблюдов, нагруженным урожаем; все знаки и символы великолепного изобилия, все знаки и символы славных поколений. Редкое зрелище! Прекрасный вид! Редкое чудо, ничего более прекрасного мы в Марди не видели.

Но, скитаясь по этой восхитительной области, мы прошли через поле колосьев высотой до под-

бородка, где измученный старый жнец бросил свой серп, моля о милосердии ради богов:

— Хлеба, хлеба! Или я умру среди этих снопов!

— Обмолоти своё зерно и делай что хочешь.

— Увы, господа, это зерно не моё; я пашу, я сею, я жну, я вяжу, я складываю — и всё идёт в амбары господина Примо. Бредя дальше, мы пришли в деревню, скрытую в ложбине, и увидели множество носящих траур жалующихся дев, сидевших на берегу; около каждой лежало веретено, которое было сломано.

— Ло, мы голодаем, — кричали они, — наши прялки сломаны, мы не сможем ничего больше свить и сплести!

Далее от хранилищ шли шумные толпы мужчин, чьи руки указывали назад.

— Хлеба! Хлеба! — кричали они. — Чародей изгнал нас из нашей речной долины, где мы трудились с былых дней славной Зелёной Королевы. Он сковал нас унынием и лишил того, чего мы жаждем. Словно овцы, мы мрём от гниения. Будь проклят чародей. Будь проклят весь его род.

Повернув наши шаги к этой долине, мы заметили ревущие внизу скалы потоки с гор. Но прежде чем эти воды попадали в море, они отдавали вассальную дань. Проходя через трубы и рвы, они

крутили большие колёса, давая жизнь десяти тысячам клыков и пальцев, ухватке которых ни одна сила не смогла бы противостоять и чьё прикосновение одновременно было мягким, как бархатная лапа котёнка. С грубой силой они опускали большие тяжести, затем изящно переплетались и вращались, как хобот слона, лежащего неподвижней бегемота и считающего пульс у мотылька. Со всех сторон место, казалось, изобиловало своими валами. Круг за кругом, круг за кругом со всех сторон оно исторгало поразительные произведения при каждом вращении, непрерывном, как циклы небес. Громко пел ткацкий станок, молнией летал челнок, алея, ревел мрачный штамповочный пресс, звенели наковальня и кувалда; и ни единого смертного рядом.

— Что тебе, чародей?! Вали прочь из своей пещеры!

Но глухи были все валы, подобно немым, безмолвно ожидающим Султана.

«Какими мы родились, такими мы и будем жить!» — вот что прочитали мы на тёмно-красном плакате, презревшем тёмно-красный цвет облаков, на фургоне среди буйной толпы красных шапок, проехавшем мимо нас, когда мы вышли

из речной долины. Много других плакатов следовало дальше, чёрных или кроваво-красных:

«Марди — людям!»

«Долой землевладельцев!»

«Настала наша очередь!»

«Мы правы! Долой обман!»

«Хлеба! Хлеба!»

«Овладеем течением, прежде чем оно повернёт!» Размахивая своими плакатами и поднимая их поверх дубинок, молотов и серпов, толпа с жестокими воплями приближалась к дворцу Белло. В первую очередь протестами и жестами остальных безумцев подстрекали шесть масок.

— Сюда! Сюда! — кричали они. — Лесом, тёмным лесом!

После чего все вбежали в рощу, и тогда внезапно маски прыгнули вперёд, открыв длинную замаскированную траншею, в которую попадали многие из тех, кого они вели. Но маски умчались и, достигнув дворца Белло и подняв тревогу, затем отправились отсюда в лес с копьеносцами, которые устроили беспорядочную бойню в роще. Как льдинки разбиваются об айсберги Новой Земли, так были смяты молоты и серпы. Их хозяева, яростно преследуемые, бежали. Тем временем появились храбрые герольды Белло и водрузили

венки на эти шесть масок.

— Привет героям! Достойным и отважным! — кричали они. — Вот так наш господин Белло вознаграждает всех тех, кто служил ему, поскольку они были наняты для предательства своих знакомых и родни.

Всё ещё продолжая наши поиски, мы долго блуждали по всем полянам и теням Доминоры, но Йиллу нигде не нашли.

Глава XLV
Они созерцают государственное каноэ короля Белло

Наконец, сказав «адью» королю Белло и среди мычащих волов покончив со многими ритуалами его гостеприимства, мы отбыли на берег. Но перед погрузкой остановились, чтобы пристально рассмотреть объект, который долго привлекал наше внимание.

Сейчас, когда у всех бравых кавалеристов есть особая невиданная восхитительная амуниция с ярким покрытием для особых великих случаев для выхода на равнину, так и гордостью морских властелинов навсегда стала некая блестящая праздничная отделка, устроенная для того, чтобы переплыть море.

Когда в древности искавший славы Ясон, сопровождаемый своими молодыми многообещающими лейтенантами Кастором и Поллуксом, предпринял утомительное путешествие к Колхиде, то он шагал по славным доскам славного судна

«Арго», которое походило на лебедя.

И когда троянец Эней, блуждая по Западу, обнаружил прекрасную землю в Лацио, то именно на прекрасном судне «Большой Телец» он приплыл к ней: с великолепно украшенной кормой и носом, прямым, как копьё.

И когда под звуки свирели и псалтериона, скользя вниз по Нилу в приятной тени его пирамид, Клеопатра, приветствуя безумного Марка, сидела на троне, установленном на квартердеке великолепной кедровой гондолы со свисающими шелками и атласами, то вёсла этого судна были покрыты серебром, звучащим как флейты. И Королева Бесс также имела привычку развлекаться на старой Темзе.

И несгибаемый Торф-Эгилл, датский Викинг, учёл каждый шаг в изящной яхте, чьи мачты были сделаны из молодых елей Зеландии и чей нос был как у тюленя, держащего лезвие меч-рыбы. Он называл его Грейхаундом — настолько быстрым был его киль — или морским ястребом из-за запачканного кровью его клюва.

И, нащупывая идущие вниз ступени лестницы своего дворца, слепой старый Дож Дандоло часто садился в свою позолоченную баржу, как лорд-мэр в окружении гражданских лиц, едущий от Ратуши в своей колеснице. Но с носа

корабля шагнул уже другой Дандоло, когда в Константинополе он первым выпрыгнул на берег и девяностолетней десницей водрузил знамя Святого Марка среди множества длинных флажков длиннобородых турок.

И у Камбо Самы, Императора Японии, была джонка-дракон, плавучий Джаггернаут, в которой он жёг ладан для морских божеств.

И у Каннакоко, Короля Новой Зеландии, и у первого таитянского Помари, и у властелина Пилау — у каждого из них имелись в собственности длинные государственные каноэ, узкие, как морские змеи, вырезанные, как китайские футляры, и укомплектованные таким множеством воинов, что, погрузив свои вёсла в море, они привели бы его в волнение, как это делают косяки сельдей.

Чему было удивляться, что горбатый Белло, старый викинг Марди, должен был плавать на славной океанской колеснице?

В просторной береговой роще стояла она, как боевой конь Алп-Арслана или как конь, обожествлённый Калигулой; со скульптурами на её ровной корме, сделанными из раковин: медальонами, театральными масками, грифонами, чайками, чудовищами, львами с плавниками,

крылатыми моржами, всеми темами моря — конницей, сражающимися кентаврами, крокодилами и акулами, и водяными, и известными всем русалками и Нептуном.

И в этом судне, подобном судну Дожа, король Белло ежегодно поднимался и обручался с Лагуной. Но обряд проводился не в традиции Дожа, которая была такой, какой, по крайней мере, её описывает Гибелли.

Когда в тяжёлом морском бою Зиани победил сына Барбароссы Отто, заставив его фелуки упорхнуть, как испуганных уток с озера, Его Святейшество Папа Римский, вручив ему кольцо, сказал: «Возьми это, о Зиани, и с ним вместе море, как свою невесту, и каждый год заново обручайся с ним».

Таков обычай дожей, а таков обычай Белло.

Давным-давно Доминора была окружена рифом, который расширялся пропорционально расширению военно-морских владений острова, в назначенное время охвативших всю лагуну; и это брачное кольцо окружило весь мир.

Но если море было невестой короля Белло, то оно было обручено с Адриатическим татарином; Белло в своих безумных бурных страстях часто запирал своё каноэ и вёл свои флоты через, воис-

тину, весьма неистовую жизнь.

И враждебные предсказатели полагали, что когда-нибудь оно покинет своего старого лорда и обручится снова. Она, заметили они, уже делала авансы в направлении Вивенцы.

Но действительно, оставь она старого Белло, он немедленно бросился бы за ней со всеми своими флотами и не отдыхал бы до тех пор, пока его королева не будет возвращена.

Итак, старый викинг! Хорошо погляди на свой адмиральский катер — возможно, сухая гниль смогла разъесть его киль — и исследуй личинки древоточца в его штангах.

Без внимательного ухода распадётся любое судно; и всё же прекрасную форму можно было сохранить навсегда, и его нос сможет появляться каждую весну, как рожки оленя, если при восстановлении доска будет уложена к доске, ребро к ребру — в самом точном соответствии. Даже тогда — о Белло! — сделай себе свой катер.

Глава XLVI,
в которой Баббаланья трижды кланяется

Начало следующего утра застало нас ещё на плаву, и, уступая вполне уместному почти дремотному чувству, преобладавшему у некоторых смертных в этот час, все, кроме Медиа, долго оставались молчаливыми.

Но затем среди бесчисленных белых татарских палаток на Востоке стало заметным яркое скопление, и, словно линии копий на некоем нагорье на равнине, солнечные лучи пересекли небо. И — глядите! — посреди пламени щитов и топота десяти миллионов золотых копыт день, водружённый Султаном, подобным Ксерксу, пошёл дальше: рассвет — его штандарт, Восток и Запад — его барабаны.

— О, утренняя жизнь! — вскричал Иуми с персидским вздохом. — Был бы всё время восход солнца и вся жизнь — молодостью.

— Ах! И эти подростки плачут о молодости, — сказал Мохи, поглаживая свои косички, — как будто они носят эту бороду.

— Но это естественно, старик, — сказал Баббаланья. — Мы, мардиане, никогда не кажемся молодым нам самим, детьми — детям, зрелыми — зрелому возрасту, на что-то оглядываясь и с печалью вспоминая прошедшее. Но у детства нет сильных запахов будущего, и оно не знает прошлого; следовательно, его настоящее проходит в тумане.

— Мохи, как твой аппетит этим утром? — сказал Медиа.

— Значит, значит, вы, боги, — вздохнул Иуми, — постоянно сами себя осознаёте. Всё то, что может казаться чувством во мне самом, я не могу выразить.

— Хороший комментарий к старому Бардианне, Иуми, — сказал Баббаланья, — кто везде говорил, что ни один мардианин не может существовать без своего сердца внутри своих крепких рёбер. И действительно, гордость — или что-то сродни ей — часто проверяется чувством. Мой господин, есть такие люди, кому не нравится выглядеть сердечными людьми.

Очень верно, Баббаланья, и я предполагаю, что гордыня была в основе бессердечия, бесчувственности и цинизма твоего старого Мыслителя.

Прошу прощения, но мой господин введён в за-

блуждение. Бардианна нисколько не был горд; хотя у него был странный способ показать отсутствие гордости. В его эссе, названном «Мысль, сорвавшаяся с верхней губы», он рассуждает так: «Мы обнаруживаем большую часть гордыни и её греховности в том Марди, в котором мы живём; тогда как я славен тем, что наполнен до краёв ею — моей разновидностью гордости. В присутствии королей, господ, пальмовых деревьев и всех тех, кто считает себя выше меня, я стою твёрдо, как пика, не потеряв ни единого позвонка моего роста. Но, не считая никого среди мардиан моим начальником, я также не считаю никого из них моим подчинённым; следовательно, в социальном отношении я всегда готов к общению».

— Дикарь! — сказал Медиа. — Без сомнения, он сделал бы палача министром равноправия.

— В основе мы уже равны, мой досточтимый господин, — сказал Баббаланья, глубоко кланяясь. — Одним путём все мы входим в Марди, и одним путём мы уходим. Возжелав для себя ямсовых клубней, король чувствует голод так же быстро, как и клоун; и от удара по бедру, говорит старый Бардианна, он будет реветь столь же громко, как любой другой.

— Грубо сказано, Баббаланья. Ви-Ви! Мою корону! Так; теперь, Баббаланья, попробуй, если сможешь, отполируй стиль Бардианны в этом последнем высказывании твоего отца.

— Будет сделано, мой вечно благородный господин, — сказал Баббаланья с поклоном. — Теперь слова будут звучать так: по своей простой природе мардиане и возвышенные полубоги подвержены немощи; из-за боязни поражения неким острым оружием даже король временами надевает свою корону, защищаясь от будущих дротиков.

— Ха, ха! Славно сказано, Баббаланья; но я ведь предложил тебе отполировать стрелы, не обостряя их.

— Всё одно, мой трижды чтимый господин, — полировать — не значит затупить.

Глава XLVII
Баббаланья философствует, и мой господин Медиа пускает по кругу калабасы

Пауза закончилась, когда Медиа крикнул:

— Уйди, Иуми! Сожми своё вытянутое лицо.

— Как он может сделать это, мой господин, — сказал Мохи, — когда он думает о фарлонгах?

— Это призраки твоего сознания, Мохи; разве ты не видишь того, кто размышляет на планшире? И вот, менестрель, банан для твоих мыслей. Ну, скажи мне, как вы, поэты, проводите столько часов в размышлениях.

— Мой господин, это потому, что, когда мы думаем, мы мало думаем о самих себе.

— Я думал так же, — сказал Мохи, — как только я обязуюсь быть общительным с самим собой, то я немедленно бываю вынужден отбить отступление.

— Да, старик, — сказал Баббаланья, — многим из нас, мардиан, не слишком жаль самих себя. Некоторые сердца — отшельники.

— Если не о себе самом, тогда, Иуми, о чём ещё

ты думаешь? — спросил Медиа.

— Мой господин, я редко думаю, — сказал Иуми. — Но в этом своём спокойствии я слышу голоса.

— Слова Баббаланьи? — сказал Медиа. — Но они не существенней твоей мечтательности. — И, сказав это, Медиа сам постепенно погрузился в мечтательность.

Остальные поступили аналогично, и скоро с очарованным взглядом все улеглись, пристально глядя друг на друга из-за той простоты, в которой оказались.

Медиа рассеял чары, позвав Ви-Ви нам прислуживать с его калабасами, чашками и нектаринами для всех присутствующих.

Следя за его кубком, Медиа медленно откинулся назад и сказал:

— Баббаланья, не прошло и десяти минут с тех пор, как все мы были в прострации; хотел бы ты теперь выйти из своего реального тела и, как дух, проследовать в некую тёмную рощу?

— Но наши лёгкие совсем не лишние, мой господин, — громко сказал Баббаланья.

— Но не наши губы, — сказал Мохи, причмокивая своим вином.

— Но мог бы ты действительно быть бесте-

лесным здесь, в Марди; Баббаланья, как ты представил себе это? — сказал Медиа.

— Мой господин, — сказал Баббаланья через половинку нектарина, — умоляю вас, отставьте настойчивость в решении этого вопроса до окончания удовлетворения моего аппетита; поверьте мне, ни один голодный смертный не утратит способности превратиться в неощутимого.

— Всё-таки мы все, в конце концов, должны стать чистыми душами, Баббаланья, — сказал Иуми, — даже самые отвратительные.

— Да, так говорят, Иуми; но если все хамы станут бессмертными прародителями бесконечных династий бессмертных, то как же мало наших набожных патрициев примут во внимание свою великолепную судьбу, когда они ежечасно презирают товарищеские отношения с ними. И если здесь, в Марди, они не могут вынести равенства с плебеями даже в алтаре, то как смогут они вынести их бок о бок всю вечность? Но как утверждает пророк Алма, Рай почти полностью заполнен бедными и презираемыми, и не удивительно, что многие аристократы с наших островов следуют путём, который, согласно некоему мировоззрению, должен навсегда соблюдать социальные различия, так усердно сохраняемые в Марди.

И хотя некоторые говорят, что при смерти всё земное удаляется от духа так, что клоуны и господа одинаково стоят на ногах, всё же, согласно популярным легендам, всегда наблюдаемые призраки хамов, повторно посещающие Марди, неизменно появляются в своих блузах. И что касается нашего интеллектуального равенства здесь, то несправедливо, мой господин, что после того, как целые годы дней заканчиваются ночами, посвящаемыми тяжёлому получению мудрости, самый мудрый из всех мардиан оказывается должен в конце концов найти целую сумму своих достижений, в одном прыжке опередив законченного остолопа, внезапно вдохновлённого божественным светом. И хотя некоторые придерживаются мнения, что все знания мардиан тщетны и что в смерти все тайны будут открыты, всё же, тем не менее, они сейчас трудятся и мыслят. Таким образом, у их языков есть единый ум и взаимопонимание.

— Мой господин, — сказал Мохи, — мы подошли к остатку; прошу извинения, Баббаланья.

— Теперь, Ви-Ви, другой калабас! Наполни, Мохи, смой вином вино. Твоя чаша, Баббаланья; что-то ещё осталось сказать?

— Много, мой господин; мы, философы, прихо-

дим к остатку очень скоро.

— Затопи их тогда, но не прекращай рассуждать; благодаря богам, ваши смертные вкусы и языки могут болтать одновременно; я довольно много говорил, Баббаланья, что ты не философ, если ты останавливаешься на десятой чаше; выносливость — испытание философии во всём Марди; пей, я сказал, и сделай нас мудрее наставлением и примером. Продолжай, Иуми, а то ты смотришь так, будто у тебя есть что сказать.

— Спасибо, мой господин. Сейчас, Баббаланья, вы отошли от предмета, — вы говорили о хамах, но разве взгляд любого самого непритязательного крестьянина сможет обозреть размах в обширном горизонте: горы, долины, равнины и океаны? Разве этого мало?

— Но разве этот глаз может видеть сам, Иуми? — сказал Баббаланья, мигая. — Вынутый из своей глазницы, будет ли он вообще видеть? Его связь с телом придаёт ему его достоинство.

— Он подвергает сомнению каждую вещь, — вскричал Мохи. — Философ, у тебя есть голова?

— Есть, — сказал Баббаланья, ощупывая её. — Я без конца верчу ею, как другие мардиане, Мохи.

— Мой господин, это первое «да», которое когда-либо было услышано от него.

— Ах, Мохи, — сказал Медиа, — тут разгорается серьёзная дискуссия. Я боюсь, мы снова подошли к остаткам. Хо, Ви-Ви, новый калабас, и с ним мы сменим тему. Теперь, Баббаланья, у меня есть эта чаша для напитка, и затем представим вопрос на обсуждение. Ах, Мохи, это редкое старое вино, оно имеет привкус пробки. Но внимание, Философ. Предположим, что у тебя есть жена — которой, между прочим, у тебя нет, — считал бы ты её разумной, если б она вообразила, что тебя больше нет, когда ты случайно исчез бы из-под её взгляда?

— Однако так могло быть, — пробормотал Иуми, — молодая Нина сожалела о себе как о вдове всякий раз, когда Архинуу, её господин, отсутствовал в её стороне.

— Мой господин Медиа, — сказал Баббаланья, — во время моего отсутствия моя жена будет иметь больше причин прийти к тому заключению, что я не жил, нежели к тому, что я существовал. На прежнюю гипотезу указывало бы что угодно, материализовавшееся вокруг неё, до последнего, кроме её собственных основных фантазий. Таково наше воображение, мой господин, которое лежит в основе этих вещей. Когда я нахожусь в одном месте, там не существует никого другого.

Всё же я не слишком склонен представить себе обратное. Однако когда я нахожусь в Одо, не говорите мне об Охоноо. Ко мне это не относится, кроме тех случаев, когда я там. Если это так — докажите это. Чтобы доказать это, вы должны отнести меня туда, но этим вы только докажете, что для независимого существования как осознания самого себя моё присутствие обязательно. Я говорю, что для меня весь Марди существует на основании моих высших ощущений; и когда я умираю, вселенная погибает со мной.

— Ты произошёл от древнего народа, — сказал Мохи, — не знавшего апоплексических ударов? У меня есть множество простых способов достигнуть всего того же без внутреннего крена.

— Не обращай внимания, Баббаланья, — сказал Медиа. — Снова опусти свой клюв, мой орёл, и взлетай.

— Тогда давайте будем, воистину, орлами, мой господин: подобно орлам, давайте смотреть на это красное вино не мигая; давайте станем серьёзными, но не шумными, с хорошим настроением.

Затем, подняв свою чашу, сказал:

— Мой господин, ясно, что я жалею всех, кто отодвигает одну каплю от их центров, чтобы

подольше пить эту жидкость. Сдвинуть её так же трудно, как мудрецу прожить долгую полярную ночь, не будучи пьяным. Хотя к восходу солнца его тело может раскачиваться, оно будет раскачиваться вокруг своего центра; и если его цель состоит в том, чтобы идти домой, он, наконец, достигнет её в то время, когда множество шатающихся дураков свалятся по дороге. Мой господин, когда я становлюсь вне себя от мыслей, то я стремглав лечу к вину, чтобы отрезвить себя; его волшебные пары дышат на меня, как бабье лето, которое погружает всю природу в отдых. Для меня вино совсем не вульгарный огонь, питающий основные страсти; моё сердце, и без того открытое, открывается ещё шире; и великолепные видения рождаются в моём мозгу; это как раз то состояние, когда весь Марди находится у меня под ногами, а созвездия небесного свода — в моей душе.

— Превосходно! — вскричал Иуми.

— Фу, фу! — сказал Мохи. — Кто не видит звёзды в такие времена? Я вижу сейчас Большую Медведицу и Малую, её детёныша; и Андромеду, и Кольчугу Персея, и Кассиопею на её золотом троне, и яркого чешуйчатого Дракона, и блестящую Лиру, и все самоцветы в Эфесе Ориона.

— Да, — крикнул Медиа, — астрономические

исследования чудесным образом облегчились благодаря вину. Наполни чашу, старый Птолемей, и скажи нам, надлежит ли тебе обнаружить новую планету. Полагаю, эта жидкость вызывает кое-какие потребности. Хо, Ви-Ви, мой скипетр! Будем общительней. Но приди, Баббаланья, мой орёл с золотой головой, вернись к своей теме — воображай, пожалуйста.

— Ну, тогда, мой господин, я собирался сказать, что воображение — это свободное понимание; или, чтобы сказать более просто, нереальное, элементарное всеобщее понимание резюмируемой сущности бесконечно отдалённых вещей. Без него мы были бы кузнечиками.

— И этого у вас, смертных, пока ещё мало; ты совсем не щебечешь, Мохи? Не имей я душу полубога, что находится во мне, это вино почти одолело бы меня.

— Без него… — продолжал Баббаланья.

— Без чего? — потребовал Медиа, поднимаясь на ноги. — Без этого вина? Предатель, я буду стоять до последнего вздоха, это ты нетрезв, Баббаланья!

— Возможно, так, мой господин, но я рассматривал воображаемое, возможно, благодаря вам.

— Мой господин, — добавил Мохи, — вы помни-

те об уникальной и элементарной основе вещей.

— Ах! Нет, ни один из них не успокаивается; продолжай двигаться, продолжай двигаться, Аззагедди!

— Мой господин машет рукой, как плакатом, — пробормотал Иуми.

— Без воображения, я утверждаю, безрукий человек, родившийся слепым, не мог бы и полагать, что у него есть копна волос, так как он не смог бы никогда ни увидеть её, ни почувствовать её, не имея иной возможности ощутить их самостоятельно.

— Согласен, хотя, — сказал Мохи, — если у калеки имелся бы Тартар для жены, он не остался бы скептичным надолго.

— Вы все летаете по касательной, — вскричал Медиа, — но неудивительно: ваши смертные мозги не могут вынести обильных возлияний. Вернись к своей теме, Баббаланья. Примись теперь, Баббаланья, — примись, мой дорогой принц, примись за неё, примись за неё, я говорю! Почему нет?

— Я готов принять любую вещь, которая вам понравится, мой господин: что это?

— Ах! Да! Прими то, что… что после возвращения домой ты должен найти свою недавно

обручённую жену, под… под… под… метафизическим предположением, что тот, кто был видим недолго, ты… ты… Аззагедди, отбыл из этой жизни; другими словами, с глаз долой — из сердца вон; что тогда, мой дорогой принц?

— Тогда, мой господин, я мигом уничтожил бы своего конкурента.

— Ты?.. Тогда… тогда это слишком много для твоей метафизики, Баб-Баббаланья.

Баббаланья встал, бормоча про себя:

— Так принято или реально? С полубогом может справиться вино? Всё же старая мифология сделала вакханалии божественными. Но оно было поразительно желанным! Оно подрубило меня, прежде чем он упал сам.

— Иуми, мой господин Медиа сегодня пребывает в очень приподнятом настроении, — прошептал Мохи, — но его притворство плохо скрыто. Нет, нет, кутила не использовал бы такую логику после своих чаш.

Глава XLVIII
Они проплывают вокруг острова, не причаливая и не подходя к объекту своего разговора

С целью посетить Каледонию, страну, целиком объединённую с Доминорой, наш курс теперь лежал к северу вдоль западных белых утёсов острова. Но, считая встречный ветер и течение слишком сильными для наших гребцов, мы должны были проследовать прямо к месту назначения; Баббаланья отметил, что если в Доминоре мы так и не нашли Йиллу, то и в Каледонии эту деву вряд ли могли скрывать.

И тогда последовал разговор о стране, которую мы не смогли посетить. Наш летописец рассказал много прекрасных сведений о её людях, расхваливая их храбрость во время войны, их дружелюбие, их преданность религии, их проникновение в философию, простоту и сладость их песен, их заботу и бережливость во всех домашних делах: был приведён длинный перечень героев, метафизиков, бардов и великих людей.

Но как все достоинства являются продолжени-

ем недостатков, так и в некоторых случаях у этих людей произошло вырождение лучших черт. Их бережливость слишком часто становилась скупостью; их преданность — мрачным фанатизмом; и всё это в большой степени произошло без непосредственного влияния подданных короля Белло.

В Каледонии многое пробуждало пыл её бардов. Нагорья и низменности были живописны, и много невидимой лирики всё ещё скрывалось в долинах её рек. Среди её синих, огромных холмов сумели удержаться многие племена, которые в своём диком и татуированном одеянии всё ещё сохраняли одежды самой могущественной страны прежних времён. Они обнажали колени в символе того, что сами они так же благородны, как и лица, которые никогда не преклонялись.

В то время как Плетёная Борода перечислял всё это, течение вынесло нас по проливу к совершенно очаровательному заросшему Зелёному Острову.

Нет ничего более зелёного, чем центральная терраса Анд, которая под жарким меридианом погружает славный Кито в росы бесконечной весны; нет ничего более зелёного, чем девять тысяч футов высокого пика Пирохити, который,

поднимаясь с тёплой груди острова Таити, уносит всё лето с собой в облака; нет, нет ничего более зелёного, чем знаменитые сады Кира, и нет ничего более зелёного, чем весенняя лужайка, холмик, долина прекрасной Верданны.

— Увы, сладкий остров! Твои пустоши заросли виноградными лозами, — пристально глядя на неё, вздохнул Иуми.

— Земля злых негодных собак! — выкрикнул Медиа.

— Остров, будущее которого находится в своём прошлом. Каменная плита под очагом такова, что от неё бегут дети, — сказал Баббаланья.

— Я не могу прочитать твои хроники из-за крови, Верданна, — бормотал Мохи.

— Проходя рядом, мы хотели высадиться, но катящийся прибой этому воспрепятствовал. Тогда мы трижды обошли вокруг острова в поисках гладкого, чистого берега, но не нашли его.

Тем временем все мы всё ещё продолжали разговор.

— Мой господин, — сказал Иуми, — в то время как мы остановились у короля Белло, я услышал многое о вражде между Доминорой и этим несчастным берегом. Ведь остров Верданна — не дитя короля Белло?

— Да, менестрель, он пасынок, — сказал Мохи.

— Ради увеличения своего семейного круга, — сказал Баббаланья, — старый лев однажды ввёл дикого молодого оленя в свою конюшню; но олень так и не стал одомашненным и продолжает бодать своих молочных братьев. У Верданны нет плоти и крови Доминоры, отчего по большей части и существуют эти разногласия.

— Но, Баббаланья, неужели нет никакого способа примирить этих противников?

— Только один путь, Иуми: заполнив этот пролив суходолом; из-за разделения водным путём мы, мардиане, в глубине души будем всегда оставаться более или менее разделёнными. Хотя Каледония объединилась с Доминорой задолго до союза с Верданной, всё же в отношении Каледонии у Белло нет беспокойства; географически единые, эти два народа спокойно смешались при соединении. Враждебный пролив не плещется между руками, что должны держать и пожимать друг друга.

— Но, Баббаланья, — сказал Иуми, — чего ждёт от Верданны Доминора, если это же самое в ответ Верданна опровергает?

— Они — настоящие каннибалы, Иуми, — сказал Медиа, — и жаждут привилегии съесть друг

друга.

— Это позиция короля Белло, — сказал Баббаланья, — но в этих вещах, мой господин, вы, полубоги, всегда единодушны. И какие бы ни были требования Верданны, Белло упорствует в их неприятии.

— Почему бы не предоставить всё, что она испрашивает, вплоть до отказа от всего владения островом, — сказал Мохи, — вследствие чего Белло избавил бы себя от многих проблем.

— И ты думаешь, старик, — сказал Медиа, — что при проклятии или благословении Белло придёт к своему перерождению? Тройной король снимет свою тройную диадему? И даже если Белло сделает то, что ты предлагаешь, он только умножит ещё большее недоумение. Если предоставить ей всё, то Верданна скоро будет счастлива отказаться от многого из того, что она сейчас требует. И всё, что она теперь испрашивает, было у неё в минувшие дни, но она не обращала это в свою пользу, — и теперь она стала более мудрой?

— Разве она не требует свой урожай, мой господин? — сказал Иуми. — И у жнеца нет прав на его копну?

— Коси! Коси, Иуми! Если ты жнёшь для меня, то сноп мой.

— Но если жнец пожинает на своём собственном участке урожай, чей тогда сноп, мой господин? — сказал Баббаланья.

— Тот, для кого он пожинает, — его господина!

— Тогда позвольте жнецу идти с серпом и с мечом, — сказал Иуми, — с одной рукой, подрезающей тучные колосья; и с другой, ударяющей по его тучным господам.

— Ты становишься более жестоким в своих лирических капризах, мой воинственный голубь, — сказал Медиа вежливо. — Но что касается тебя, философ, то ты знаешь, что жители Верданны кровью и мозгом подчинены родственному народу Белло, и лучший из мардиан должен всегда ими управлять.

— Верданна — низшая по сравнению с Доминорой, мой господин! Разве она не произвела бардов, ораторов, остроумия, патриотов? Мохи, разверните ваши хроники! Скажите мне, неужели Верданна не может не требовать полного множества звёзд на всей татуированной руке Славы короля Белло?

— Даже в этом случае, — сказал Мохи, — немногие из глав государств поддержат тебя.

— Но, мой господин, — сказал Баббаланья, — ведь правда вездесуща, она скрывается во всём,

даже во лжи, поэтому малый микроб её скрыт в клевете на согнанных с этой земли людей. Хотя они справедливо хвастаются многими блестящими именами, эти драгоценности — самоцветы, но совсем не великолепная одежда. И хотя, как при сборе винограда, Верданна полна сентиментальных соков, бьющих яркими выплесками остроумия, всё же не весь её виноград даёт вино; и тут и там висят тяжёлые поражённые милдью гроздья, наполовину пожранные червями, разведёнными в их собственных лозах.

— Опусти, опусти твой виноград и метафоры! — вскричал Медиа. — Ясно выражай свои мысли, как мужчина; позволь им прийти нагими в Марди. Что ты имеешь в виду, Баббаланья?

Это, мой господин, худшее зло Верданны, являющееся её собственным, а не кем-либо привнесённым. Её собственная рука — её собственный палач. Она наносит удар по самой себе фанатизмом, суеверием, разногласиями, внутренней враждой, невежеством, безрассудством; она обещает, но не делает; её Восток — одно чёрное штормовое облако, что никогда не разрывается; предел её борьбы — вызов; она исходит упрёками там, где она должна ударять. Она сдерживает мастифа, лающего на луну.

— Рассказы в рассказах! — сказал Медиа. — Позвольте мне сказать… прямолинейно… как луч. Верданна — безумна.

— Рассказ! Мой господин, — вскричал Баббаланья.

— Мой рассказ не рассказ, — сказал Медиа, — но ваши — да… Верданна — сумасшедший, который после тщетного стремления порезать чьё-либо горло гримасничает перед водной гладью и угрожает ударить ножом по своему собственному. И такой сумасшедший будет вверен самому себе? Нет, позвольте же другому управлять тем, кто не слушается самого себя. Да, туго натягивать узду, и сдерживать, и чуть потереть. Я преувеличиваю? Мохи, скажи мне, если взять самый ясный период в истории Верданны, пока она была независима от Доминоры, она когда-нибудь нормально занималась своими делами? Не была ли она всегда наполненной поединками и фракциями? И что заставило её когда-то отдать свой скипетр под власть Белло? Не передал ли его собственный вождь Дермодди предку Белло для защиты от своих собственных мятежных подданных? И, таким образом, не лишил ли он себя королевской власти? Чему тут удивляться и где тут несправедливость, если Хенро, воинственный

прародитель Белло, захватил диадему?

— То, что цитирует мой господин, верно, — сказал Мохи, — но не цитируйте больше, умоляю вас, чтобы не навредить своим тезисам.

— И вот из-за всего этого, Баббаланья, — сказал Медиа, — Белло не доверяет сумасшедшей Земле Верданне.

— И будет ли опекун в состоянии осуществлять опеку над опекой, мой господин?

— Да, если сможет. Что… возможно… будет сделано, может быть: такова позиция полубогов.

— Увы, увы! — вскричал Иуми. — Почему буквально война идёт на этой бедной, страдающей земле? Смотрите! При всём её цветении, голодают её люди, гибнут её клубни ямса, прежде чем их выкопают из почвы; кажется, небеса наслали на них упадок.

— Не так, — сказал Медиа. — Небеса не посылают упадка. Верданна не будет учиться. И если от гнилья одного сезона они снова посеют гниль, то гниль они и пожнут. Но, Иуми, ты, кажется, серьёзно занялся этим вопросом, — подойди: я на пальцах докажу, что зло существует в Верданне; теперь, милый сочувствующий, что должен венценосный Белло сделать, чтобы устранить его?

— Я не мудрец, — сказал Иуми, — что сделал бы мой господин Медиа?

— Что бы ты сделал, Баббаланья? — сказал Медиа.

— Мохи, о чём вы? — спросил философ.

— И что бы сделала компания? — добавил Мохи.

— Теперь, когда это зло озадачило нас всех, — сказал Баббаланья, — там, в Верданне, недавно умер тот, кто приступил к излечению от него гуманным и миролюбивым путём, отвращая от войн и кровопролитий. Этим человеком был Конно. Под огромным котлом он развёл ревущий огонь.

— Ну, Аззагедди, как мог он послужить этой цели? — спросил Медиа.

— Как нельзя лучше, мой господин. Его огонь испёк плод его хлебного дерева; и так как его соотечественники были убеждены, что его ждёт, то они почти оборвали свои скудные сады, чтобы заполнить его котёл.

— Конно был мошенником, — сказал Мохи.

— Прошу у вас прощения, старик, но это известно только его призраку, а не нам. Во всяком случае, он был великим человеком; взяв что-либо на себя, он угождал своей стране, и ни один

обыкновенный человек, возможно, не сделал бы такого.

— Баббаланья, — сказал Мохи, — мой господин был рад высказаться о сумасшествии Верданны; а вот сейчас может ли её сумасшествие явиться результатом раздражающих, дразнящих методов Доминоры?

— Несомненно, Плетёная Борода, многое из вздорности Верданны по большей части можно приписать причине, которую вы упоминаете; но, чтобы быть беспристрастным, скажу, что Верданна, тем не менее, пытается насмехаться и провоцировать Доминору, но не с подобным же результатом. Вы чувствуете, Плетёная Борода, что удары пассата слабеют, пересекая этот пролив со стороны Доминоры, но не от Верданны? Следовательно, когда воины короля Белло бросают насмешки и оскорбления, то каждая ракета сгорает, но то же, несомое из Верданны, попадает прямо по их зубам: её враги усмехаются над ней снова и снова.

— Воины короля Белло трусливы для этого, — вскричал Иуми.

— Они не являют ни смысла, ни духа, ни человечности, — сказал Баббаланья.

— Всё мимо цели, — крикнул Медиа. — Что

должно быть сделано для Верданны?

— Что она сделает для самой себя? — сказал Баббаланья.

— Философ, ты — неординарный мудрец; и так как мудрецы должны быть провидцами, покажи будущее Верданны.

— Мой господин, вы всегда находите пророков истинных и благоразумных; но не будет ли подвержена риску репутация пророка после предсказания чего-либо относительно этой земли? Острова — Оро. Однако тот доктор, кто вправит мозг Верданне, будет первым медиком у короля Белло, который в некоторых вещах сам по себе оказывается пациентом, хотя охотно считает себя врачом. Однако, мой господин, среди докторов Марди есть сущий демон, который имел дела с этими отчаянными случаями. Он использует только таблетки, сделанные из дерева Conroupta Quiancensis.

— И что это за овощ? — спросил Мохи.

— Проконсультируйтесь у ботаников, — сказал Баббаланья.

Глава XLIX
Они приближаются к Порфиро, где наблюдают потрясающее извержение

Проплыв от Верданны вдоль по течению, мы покинули пролив и оказались в более открытой лагуне, направив наши суда к Порфиро, у великолепных монархов которого мой господин Медиа надеялся получить славный приём.

— Они — все до одного полубоги, — прокричал он, — и обладают чувствами старых полубогов. Мы не видели таких больших долин, как эти: их скипетры длинны, как наши копья; их роскошные дворцы, подобные дворцу Донджалоло, не имеют конца; их банкетные залы теряются вдали; никакие династии не сравняются с ними: их родословные происходят из хаоса.

Баббаланья! Здесь ты найдёшь пищу для философии: вся земля состоит из разнообразных стран с разнообразными одеждами, обычаями и умами. Здесь ты найдёшь науку и муд- рецов, мили рукописных свитков, бардов, хоров.

Мохи! Здесь ты ослабеешь от своих преданий; в Порфи- ро вся история сложила в единый улей

все свои сокровища и, как пирамида, закрыла тенями прошлого землю.

Иуми! Здесь ты найдёшь сюжеты для своих песен: голубые реки текут через лесные арки и виноградники; бархатные луга, мягкие, как оттоманки: умные девы, заплетающие золотые локоны на фоне гор, которые кажутся краем света. Или, если природа не удовлетворит тебя, обратишься к живописи. Смотри! Мозаичные стены, расписанные, как наши лица; картины, широкие, как горизонты, до которых ты не смог бы домчаться. Смотри! Статуи, от которых свалился бы твой тюрбан; города из колонн, стоящих густо, как толпы людей; и ку- пола небесных сводов, навсегда потерявших свои золочёные закаты. Смотри! Шпиль позади шпиля, как будто земля стала океаном и весь великий флот Белло качается на якорях.

Благородный Тайи! Ты ищешь свою Йиллу; положи конец отчаянию! Порфиро настолько очарователен, что там и должна будет скрываться пропавшая дева.

— Великолепная картина! — крикнул Баббаланья. — Но поверните медаль, мой господин, — что на обратной стороне?

— Циник! Перестань. Но браво! Мы ещё долго

пробудем во Франко, самой приятной долине из всех; и столь же долго буду я пожимать руку её старого короля!

Солнце теперь оказалось позади нас, освещая белые утёсы Доминоры и зелёные мысы Верданны, в то время как в глубокой тени перед нами лежали длинные извилистые берега Порфиро.

Это был безмятежный закат.

— Эта трель, словно ветер, непритязательна для уха умирающего дня, — пробормотал Иуми.

— Мирная яркая ночь будет у нас, — сказал Медиа.

— Взгляните на эти облака над Франко, мой господин, — сказал Мохи, тряся своей головой.

— Ах, возраст и мудрость, как всегда, сэр летописец; я предсказываю ярмарочную ночь и много следующих.

— Терпение в пророке не нуждается, — сказал Баббаланья. — Ночь продолжается.

До настоящего времени лагуна была гладкой, но вскоре стала чёрной и взволнованной, и из густой темноты донеслись тревожные звуки. Скоро оттуда вылетел в небо яркий метеор, который, разорвавшись в зените, осветил низ небесного свода огненным душем, оставляя тройную темноту позади себя.

Затем все задержали своё дыхание, увидев, что во Франко началось извержение вулкана, которое, казалось, охватило весь передний план Марди.

Как когда-то в свете факела Везувия скачущее штормовое пламя охватило Неаполитанский залив и погрузилось в него, так и теперь показались толпы жителей Франко, штурмующих высоту, где их монарший дворец вскоре засверкал, как горящая гора.

— Клянусь моим вечным троном! — крикнул Медиа, вставая. — Старый вулкан затем снова взорвётся!

— Но уже новым извержением, мой господин, — сказал Баббаланья.

— Это более серьёзно, чем извержение, которое произошло в моей юности, — сказал Мохи, — полагаю, наступил конец Франко.

— Вы выглядите бледным, мой господин, — сказал Баббаланья, — в то время как все другие лица горят. Иуми, сбрось этот ореол в присутствии короля.

По водам прокатился грохочущий звук, смешанный с шумом сражения и соединившийся с душем из тлеющих угольков, которые выпадали из кружащихся облаков взрывов.

— Прочь от берега! Прочь от берега! — закричал Медиа, и со всей поспешностью мы отошли в безопасное место.

В низ долины теперь вливались Рейны и Роны лавин, огненный паводок сносил деревья со своего места и бросал их в кипящее море.

Берег представлял собой линию множества беспорядочно отплывающих каноэ.

Тем временем огненный шторм из Франко разжёг новые огни в удалённых долинах Порфиро, в то время как с берегов Верданны доносились безумные крики и дикие празднества. На Доминоре лежал мрачный яркий свет.

— Трижды проклятое пламя! — кричал Медиа. — Марди превратится в сплошной пожар? Как он трещит, расходится и ревёт! Это наши погребальные костры?

— Отдохните, отдохните, мой господин, — сказал Баббаланья. — Жестокий огонь всегда краток — песню, милый Иуми! Вашу трубку, старый Мохи! Были и жарче огни, чем те, что теперь сверкают в Марди. Давайте будем спокойны — островам было суждено сгореть. Плетёная Борода! После всего случившегося в некой тихой обители вы обо всей этой сцене напишите хотя бы одну главу, — идите, переварите её сейчас.

— Моё лицо опалено, — кричал Медиа.

— Последний, последний день! — кричал Мохи.

— Не так, старик, — сказал Баббаланья, — когда этот день взойдёт, рассвет будет безмятежным. Будьте спокойны, будьте спокойны, мой мощный господин.

— Разговор не о спокойных бровях в разгар шторма! — закричал отчаянно Медиа. — Смотри, как огонь идёт на Доминору!

— Полагаю, огни, которые они разожгли, там будут скоро погашены, — сказал Баббаланья. — Нет, нет; Доминора не может сгореть от огней Франко; только огонь её собственного пламени может поглотить её.

— Вперёд! Вперёд! — кричал Медиа. — Мы не сможем сейчас зайти в Порфиро. Уплываем! И наш курс лежит на запад.

И вот так, замерев перед взрывом, мы унеслись. Когда занялось утро, признаков земли уже не было.

— Тяжело придётся королю Франко, — сказал Медиа, — когда его люди поднялись против него вместе с красными вулканами. О, никакие ноги не способны раздавить их! Так же тяжело и всем, кто правит в просторном Порфиро. И мы смо-

жем продолжить поиски, только пережив это пожарище!

— Мой господин, — сказал Баббаланья, — где бы Йилла ни скрывалась, ей всё же не спрятаться в этом Порфиро; и при этом не мы тосковали по деве, а благородный Тайи! Не трогайте эти берега.

— Этот огонь должен превратить землю в пустыню, — сказал Мохи, — сжечь и похоронить все её пашни.

— Но всё же, Мохи, виноградники цветут в вымерших деревнях, — пробормотал Иуми.

— Правда, менестрель, — сказал Баббаланья, — и прерии очищаются огнём. Пепел порождает суглинок. И при этом любое умение не способно сделать ту же самую почву навсегда плодородной. Во все времена одна вещь сменяет другую; и если первые плоды известковой глины дики и ядовиты, то, наконец, вырастают пальмы; и снова племена отдыхают в тени. Мой господин, если штили порождают штормы, то штормы — штили; и всё это страшное волнение должно закончиться миром. Возможно, что за будущее Порфиро заплачена невысокая цена.

Глава L,
в которой король Медиа чествует осень, менестреля и обещает весну

— Хо, теперь, — крикнул Медиа, — через широкие воды к этому Новому Марди, к Вивенце! Действительно, давайте увидим, там ли находится та, которая ускользнула от нас в другом месте и кого в последний раз видели в долинах Вивенцы.

— Там или нигде, благородный Тайи, — сказал Иуми.

— Не будь таким оптимистом, нежный Иуми, — сказал Баббаланья.

— Действительно ли Йилла скорее выберет жилище в диких краях Вивенцы, чем в старых виноградниках Порфиро? — сказал Плетёная Борода.

Иуми запел:

Её жилище не из виноградных лоз,
Из дикой эглантерии оно!
Оно не вздыблено литою аркой, —
Зелёной лиственницей крепнет.

Летит она с руин старинных,
Стремясь к долинам новым:
Там, где не инеем, а мхом лесным
Деревья заросли почти на четверть.
В Марамме не живёт она, —
В ложбине из отдельных впадин.

И это новый, юный остров!
С младенческой улыбкой
Качается на мягком море он.
Его цветки ещё пока бутоны;
И нет совсем течений в водах
Родившегося снова моря!

Весна! Весна! Она живёт
В своих платановых лощинах,
Где Марди молодой и новый:
Зеленоглазый и росистый.

Там в ярких, ароматных утрах
Олени молодые растят свои рога,
Блуждая в глубине густых лесов,

Где Красный Робин[5] *бродит,*
Склонив свой гребень
К своей линяющей груди.
Зажгите факел там!

Весна! Весна! Она живёт
В своих платановых жилищах,
Где, исполняя свои судьбы,
Все существа там ищут помощь —
Оле́ниха, и дрозд, и заяц!

— Твоё творение более чем музыкально, милый Иуми, — сказал Медиа, — и скажу ещё относительно этой весенней земли — Вивенцы. Разве старые увядающие долины Порфиро не более великолепны, чем в той же цветущей Вивенце? Разве Вивенца не показывает плодов лета, а распустившиеся розы Доминоры застенчиво не висят на стенах её сада, и разве её осенние рощи не полны триумфа? Мой господин, осень скоро превращается в зиму, но весна — родоначальник всех сезонов. Распустившаяся роза увядает быстрее, чем бутон. Раннее утро — рас-

---

5 Примечания: 5

Красный Робин — олень из английских сказок и баллад. (Прим. пер.)

цвет; тёмно-красный закат — цветок.

Глава LI,
в которой Аззагедди, как оказалось, использовал Баббаланью в качестве мундштука

Порфиро остался далеко за кормой, и настроение у компании улучшилось. Ещё раз старый Мохи тщательно расплёл и повторно заплёл свою бороду, и сидящий турком-мудрецом на своей циновке мой господин Медиа, куря свою знаменосную трубку, отрешился от диких песен Иуми, диких хроник Мохи и ещё более диких предположений Баббаланьи, время от времени, как в эстафете, вливая старое королевское вино внутрь своей души.

Между делом Медиа время от времени запрашивал Баббаланью, как энциклопедию, — впрочем, не совсем достоверную, — требуя сведений о приливных течениях и их предполагаемой вассальной зависимости от луны.

Тогда верный своему энциклопедическому характеру Баббаланья цитировал уже более старых и лучших авторитетов, чем он сам; короче говоря, никого другого, кроме вечного Бардианны.

Кажется, что этот достойный эссеист обсудил все вопросы в главе под таким названием: «Заглядывая в тайны через жернова» — и всюду в своих исследованиях он проявил такую глубину изучения, представавшую несколько сомнительной, что компания была очень поражена открывшейся эрудицией.

— Баббаланья, твой Бардианна, должно быть, был замечательным студентом, — сказал Медиа после паузы, — и, без сомнения, он прошёл целые чащи при слабых проблесках света.

— Не так, мой господин. «Терпение, терпение, философы, — говорил Бардианна, — задуйте свои тонкие свечи, прекратите обеды, запаситесь временем, мудрость появится очень скоро».

— Известный намёк! Почему бы не следовать ему, Баббаланья?

— Потому, мой господин, что я настиг его и обогнал.

— Это соответствует твоему характеру, Баббаланья: ты сейчас рядом.

— Да. «Продолжайте двигаться» — мой девиз, но разговор идёт об упорных студентах; мой господин когда-нибудь слышал об онтологисте и энтомологе Мидни?

— Нет.

— Тогда, мой господин, вы должны о нём теперь услышать. Мидни считал, что дневной свет вульгарен; он весьма хорош для роста колоказии и путешествий, но совершенно не приспособлен для возвышенных вершин исследований. Он трудился ночью, от заката до восхода солнца, детально изучая работы старых логиков. Как большинство философов, Мидни был любезным человеком, но одна вещь неизменно расстраивала его. Он читал в лесу при свете светлячка, держа насекомое в руке, водя его по страницам, строку за строкой. Но светлячки горят недолго — и посреди некой спокойной запутанной мысли, заключённой в некоторых неизбежных запятых, насекомое часто гасло, и Мидни продолжал идти ощупью. В таких случаях «Хо, Хо! — кричал он. — Но одного солнечного луча достаточно, чтобы я увидел в этот момент свой путь!»

Но солнечного света там не было совсем, поэтому Мидни вскакивал на ноги и с пергаментом под рукой мчался среди топей и трясин за другим светлячком. Часто, быстро спускаясь со своим тюрбаном, он думал, что награда уже у него в клетке; но нет. Он снова пробовал, но всё так же безуспешно. Однако, наконец, он обеспечил себя светлячком, но едва успел прочитать три строки

при его свете, как тот потух. Это происходило снова и снова. И, таким образом, он всегда ходил, останавливаясь и спотыкаясь, ради своих исследований и погружался в своё болото после прекращения свечения.

Этот смешной рассказ вызвал у одного из наших самых глупых гребцов неподдельное несдержанное веселье. Оскорблённый таким нарушением правил хорошего тона, Медиа резко упрекнул его.

Но тот возразил, что не мог сдержать смех.

Снова Медиа собрался сделать ему выговор, когда Баббаланья попросил разрешения вмешаться.

— Мой господин, он не виноват. Заметно, как искренне он старается подавить свою радость, но не может. Это часто происходит и со мной самим. И много раз я не только безуспешно пытался сдержать мой смех, но и при некоторых подробных рассказах одновременно и смеялся, и кричал. Но могут ли противоположные эмоции быть одновременно в одном существе? Нет. Я хотел плакать, но моё тело хотело улыбнуться, и между собой мы почти задохнулись. Мой господин Медиа, смех исходил из тела этого человека, но не от самого человека.

— Но его тело — его собственное, Баббаланья, и у него оно должно быть под лучшим контролем.

— Распространённая ошибка, мой господин. Наши души принадлежат нашим телам, но не наши тела — нашим душам. Для чего мы заботимся о другом? Кто содержит дом? Кто заботится о наполнении аорты и ушных раковин и хранит выделения? Кто тяжело трудится и влезает в долги, в то время как другой спит? Кто всегда подаёт своевременные намёки и старческие предупреждения? Кто тут главный авторитет? Наши тела, конечно. Подав знак, вы должны двигаться; уведомив, что вы уйдёте, вы отбываете. Простаки показывают нам, что тело может прожить почти без души, но для наличия живой души без тела у нас нет материального и бесспорного доказательства. Мой господин, самые мудрые из нас дышат непреднамеренно. И сколько есть миллионов тех, кто живёт изо дня в день непрерывными течениями тонких процессов в них, о которых они ничего не знают и мало заботятся? Мало думают они о сосудах, млечных и лимфатических, бедренных артериях и височных, о надкостнице или перикарде, лимфе, млечном соке, фибрине, белке, железе в крови и пудинге в голове; они

живы милосердием своих тел, для которых они — всего лишь дворецкие. Я говорю, мой господин, наши тела — наше лучшее. Душа столь проста, что она предпочитает зло добру, и размещена в структуре, мельчайшее действие которой полностью непостижимо для разума. Зная это своё превосходство, наши тела склонны к своенравию: наши бороды растут, несмотря на нас; и, как все знают, они иногда растут на мертвецах.

— Вы, смертные, уже не живёте, если вы умерли, Баббаланья.

— Нет, мой господин, но наши бороды переживают нас.

— Изобретательное различие; продолжай, философ.

— Без тел, мой господин, мы, мардиане, оставались бы без нашей самой сильной движущей страсти, той, которая, в некотором роде или другом, является корнем каждого нашего действия. Следовательно, без тел мы должны быть чем-то ещё, нежели теми, кем мы являемся. Поэтому высказывание, приписываемое Алме, которое сами его последователи считают самым значимым, чтобы поверить во все его инструкции, по большей части противоречит всем предвзятым понятиям о бессмертии, и я, Баббаланья,

считаю его самым разумным в его учёной доктрине. Оно о том, что за каждый прошедший день каждый человек вырастает в своей плоти.

— Молись, Баббаланья, чтобы этот разговор не восстановил тебя против полубога.

— Тогда позвольте мне пересказать историю, мой господин. Вы найдёте её в «Очень весёлых чудесах от импровизатора Квидди», и это странная книга. Фугле-фи — это её финиш: фугле-фо, фугле-фогле-орум!

— Опять этот дикий взгляд в его глазах, — пробормотал Иуми.

— Продолжай двигаться, Аззагедди, — сказал Медиа.

— У философа Грандо было верховное презрение к своему корпусу. Часто он затевал ссору с ним, и всегда с пренебрежением. «Ты, ты, жалкое тело! Ты препятствуешь, притупляешь, обременяешь! Ты препятствуешь мне летать, без тебя я мог бы прожить лучше. Тебе я говорю, ты — мерзкая кладовая, подвал, слив, сток, отвратительное тело! Разве ты не мерзкая вещь? И ты думаешь, нищий, что имеешь власть надо мной? Сделай шаг к тому человеку, если посмеешь, без моего разрешения. Этот запах невыносим; но отвернись от него, если можешь, когда я не дал

команды. Запри этот ямс! Это сделано. Неси меня через вон ту поляну! Мы идём прочь. Остановись! Замри. Я сегодня обучал тебя достаточно; теперь, братец, присядь вниз в тени и притихни — я отдохну. Такая вот прогулка и мечтательное возвращение домой: вставай, корпус, и иди». И вот так корпус сдержанно вставал и шествовал, и философ размышлял. Он был полон решимости возвести в квадрат круг; но ударился о ветку, когда шёл. «Что теперь, грубый мужлан?! Ты использовал в своих интересах мою мечтательность, не так ли? Но я покажу тебе». И, схватив дубинку, он по доброй воле приложил ею себя через плечи. Но один из его двусмысленных ударов ранил его спинной мозг, философ опустился, но вскоре пошёл дальше. «Неверный! Я согну или сломаю тебя! Я управлюсь с тобой дома». Но стоит отметить, что его ноги отказались сдвигаться с места, вся чувствительность покинула их. Но огромная оса случайно ужалила его ногу, но не его, и, поскольку он не почувствовал этого, нога непроизвольно прыгнула в воздух во всей своей собственной скачкообразной манере. «Будь неподвижна! Опустись!» Но нога отказывалась.

«Мои руки всё ещё верны мне», — думал Грандо; и им он наконец дал задание укротить свои

непослушные члены. Но все команды, повеления и убеждения были бесполезны, чтобы призвать его конечности унести его домой. Это было уединённое место; и спустя пять дней после этого философ Грандо был найден мёртвым под деревом.

— Ха, ха! — рассмеялся Медиа. — Аззагедди столь же полон веселья, как и всегда.

— Но, мой господин, — продолжал Баббаланья, — некоторые существа имеют ещё более извращённые тела, чем Грандо. В баснях Ридендиаболо это можно найти. «Пресноводный Полип, презирая своё морское существование, очень хотел жить на воздухе. Но как это можно было сделать, если его щупальца, или руки, всё ещё продолжали наполнять его живот? Внезапным сверхъестественным импульсом, однако, Полип наконец вывернул себя наизнанку, полагая, что после такого процесса у него не будет гастрономического интерьера. Но его тело оказалось снаружи таким же желудочком, как и внутри. Снова его руки пошли в работу, еда была вброшена в него, и переваривание продолжалось».

— Буквальная часть этого — факт? — спросил Мохи.

— Верно, как правда, — сказал Баббаланья. —

«Полип будет жить, вывернутый наизнанку».

— Довольно любопытно, конечно, — сказал Медиа. — Но мне думается, Баббаланья, что я где-то что-то слышал о так называемой органической функции, которая может объяснить те явления, которые ты упомянул; и я слышал также о том, как называются ответные действия нервов и что при правильном рассмотрении это может лишить странности ту историю о твоём Грандо и его теле.

— Простые замены звуков для необъяснимых значений, мой господин. В некоторых вещах наука угождает нам. Теперь в том, что бесспорно известно о Полипе, некоторые физиологи поддерживают нас, мардиан; ввиду того, что подкладка наших внутренностей — не что иное, как продолжение эпидермиса, или эпидермы, в отдалённом возрасте мы так же, должно быть, будем выставлены с неприглядной стороны. Есть гипотеза, которая косвенно могла бы объяснить нашу моральную порочность, а также этот бессмысленный термин — «пальто для живота», так как первоначально это, видимо, был сюртук, заменяющий внутренние предметы одежды.

— Умоляю, Аззагедди, — сказал Медиа, — разве ты не дурак?

— Один из весёлой компании, мой господин; но некоторые существа, помимо ношения своих сюртуков в качестве одежды снаружи, демонстрируют свои скелеты, чему свидетельство омар и черепаха, которые, будучи живыми, изучают свою собственную анатомию.

— Аззагедди, ты — идиот.

— Прошу прощения, мой господин, — сказал Мохи. — Я думаю, что он больше омара и ему трудно шевелить его челюстями в его когтях.

— Да, Плетёная Борода, я — омар, макрель, любая живность, которая вам нравится; но мои предки были кенгуру, не обезьянами, как ошибочно полагал старый Боддо. Моя идея более чем его, подходит для демонстрации. Глубоко в земле среди найденных окаменелостей были замечены останки кенгуру, но никак не останки людей. Следовательно, в те дни не было никаких гигантов, но, напротив, были кенгуру; и эти кенгуру оказались первым вариантом человечества, пересмотренным и исправленным.

— Что случилось тогда с нашими концами, или хвостами? — спросил Мохи, повернувшись на своём месте.

— Старый вопрос, Мохи. Но где тогда хвосты головастиков после их постепенной метамор-

фозы в лягушек? Где хвосты у всех лягушек, старик? Наши хвосты, Мохи, были смяты процессом цивилизации, особенно в тот период, когда наши отцы начали принимать сидячее положение: фундаментальные доказательства всей цивилизации, поскольку ни обезьяны, ни дикари, которые не могут говорить, не сидят; они неизменно садятся на корточки и на свои бёдра. Среди варварских племён скамьи и сиденья неизвестны. Но, мой господин Медиа, как ваш вассал и любящий подданный, я не могу горячо сожалеть о лишении королевского хвоста. Этот жёсткий и неуклюжий компонент, который мы находим в простоватых родственниках, нами отрицаемых, был бы полезным дополнением к вашим королевским ногам; и если теперь мой добрый господин, вынужденный шататься на двух подпорках, превратится в кенгуру, как древние монархи, тогда правитель Одо будет достойно и твёрдо стоять на треноге.

— Очень тщеславное остроумие! Но озаботься, Аззагедди: твоя теория неприменима ко мне.

— Баббаланья, — сказал Мохи, — ты, должно быть, последний из кенгуру.

— Да, Мохи.

— Но где старомодный мешочек или кошелёк

твоих гранд-дам? — схитрил Медиа.

— Мой господин, я беру то, что было передано; в наше время наш пол носит сумки.

— Ха, ха!

— Мой господин, почему такая радость? Давайте будем серьёзны. Хотя человек больше не кенгуру, он, как говорится, является низшей разновидностью растений. Растениям, возможно, присуща нечувствительность к обращению своих соков: мы, смертные, физически не сознаём кровообращения; и много поколений даже не знало об этом факте. Растения ничего не знают о своих внутренностях — три десятка лет мы носим себя и никогда не глядим на нас самих; растения стоят на своих стеблях — мы двигаемся на наших ногах; ни одно растение не расцветёт на своём мёртвом корне — перед тем как стать мёртвым в могиле, человек недолго живёт на земле; растения умирают без пищи, как и мы. И теперь о различиях. Растения изящно вдыхают питание, не ища его: как господа, они останавливаются и подают; и, хотя они зелены, они никогда не страдают от боли, тогда как мы, смертные, должны добывать продукты повсюду вокруг для нашего пропитания: мы переполняем наши внутренности и перегружены одиозными

мешками и кишечником. Растения занимаются любовью и плодятся, но превосходят нас во всех любовных искушениях, добиваясь победы мягкой пыльцой и эссенциями. Растения пребывают в одном месте и живут — мы должны путешествовать или умереть. Растения процветают без нас — мы должны погибнуть без них.

— Достаточно, Аззагедди! — закричал Медиа. — Не открывай до завтра своих уст.

Глава LII
Очаровательный Иуми поёт

Начался следующий день, и на трёх судах с фыркающими носами в ряд мы мчались вперёд; наши матовые паруса задыхались от бриза. Все присутствующие надышались воздухом и единодушно призвали Иуми исполнить песню. Каноэ обходили длинный, белый, словно обработанный ювелиром, искрящийся раковинами риф, когда Иуми запел с тем же прежним напряжением, громким началом и окончанием, почти скрытым в его душе:

Сладок, о, сладок о рот твой,
Жемчужница-персик!
Красные губы его обрамляют,
Что мягко раздвинуты,
Для разговора просто открывшись.
С щекою зардевшей
Этот рыбак одинокий
С копьём
На краешке рифа

Ухо в надежде напряг,
Чтобы голос услышать её,
Мягко Югом дышащий!
Как будто, как будто Розы лобзание —
Девы той рот. Ракушка! Ракушка!
Ракушка, полная звуков
Дрёмы поющей
В лощине её сокровенной!

Грудь её – два полуоткрытых бутона, как говорится;
Немного долины между холмами,
Что маячат в дали
Уходящего дня, —
Дня её глаз, источающих свет,
Что бродит по склону вдали, опадая, покуда
Луг, мягкий-мягкий, не станет лощиной.

К этому времени старый Мохи извертелся на своём месте, дёргая свою бороду и при каждом двустишии выжидающе поглядывая, как будто желая всей компании решить, что он считает каждую строку последней. Но теперь, встав на но-

ги, он воскликнул:

— Держись, менестрель! Твоя музыкальная драпировка становится беспорядочной, хватит!

— Тогда этого больше не будет, — сказал Иуми. — Но вы потеряли великолепное продолжение.

Глава LIII
Их почти приманивает земля

В соответствующее время, после многих дней плавания, мы уже издали учуяли землю и прибыли в большую страну с горами, тянувшимися вдаль на север и на юг, насколько хватало глаз.

— Приветствую, Колумбо! — прокричал Иуми.

Проходя ту её часть, которую Мохи называл Кэннида, провинцию Короля Белло, мы различили леса, качавшиеся на ветру; их гибкие ветви сгибались в поклоне, и листья, летящие вдаль, затмевали пейзаж, как стаи голубей.

— Эти рощи должны скоро исчезнуть, — сказал Мохи.

— Не думаю, — сказал Баббаланья. — Мой господин, поскольку эти сильные порывы сформированы столкновением двух потоков — одного с лагуны, другого от земли, — то их можно использовать в качестве показательных для описания различий между Кэннидой и Доминорой.

— Да, — сказал Медиа, — и, как намекает Мохи, бриз с Доминоры должен скоро сбросить рощи Кэнниды.

— Но это если береговой бриз удержится, мой господин; один бриз часто несёт в другую сторону. Встаньте и взгляните! От мыса до мыса всё, что мы видим, молодо и упрямо. И дальше на юг, мимо этих Кэнниды и Вивенцы, — надменные, властные потоки, которые, словно дамбы в устьях, сдерживают океан и уже давно отказываются смешивать свою свежесть с иностранным рассолом: настолько смело и настолько сильно сопротивляется агрессии эта славная основа Колумбо — в прошлом разыскиваемое и в прошлом найденное достояние Марди, столь долго хранимое; умоляю, Оро, не растрачивай силы понапрасну. Здесь лежат плантации, заложенные крепкими сердцами и руками, и безграничные поля, которые едва можно обозреть. Здесь твои противники — леса, поражённые бескровными жезлами. Хо! Бедный Марди и Богатый Марди!

— Вы, кто голодает или просит милостыню, седьмые сыновья, которые работают, как рабы, на землевладельцев, — вот дом, предназначенный вам; придите, Основатели империи! Придите, отцы преданных племён! Презренные сейчас, прославленные навеки. Хо, обопритесь, поддержите и станьте!

— Прекрасная просьба, — сказал Медиа, — те-

перь, Баббаланья, присядь и скажи нам, не владеют ли Доминора и короли Порфиро какими-либо небольшими частями этого большого континента, который, как ты сейчас поэтически объявил, привлекателен для всех бродяг, что могут там обосноваться? Разве Кэннида не принадлежит Доминоре?

— И разве Вивенца не принадлежала когда-то Доминоре? И какова теперь Вивенца, такой же должна скоро стать и Кэннида. Я не говорю, мой господин, что желательно то, что я высказал, я просто это предвижу. Это должно произойти. Бесполезно для Доминоры требовать от всего потомства преданности, когда она мечет икру. Так же и старый патриарх мог бы после потопа явиться вновь и потребовать права на управление всем человечеством как происходящим от чресл трёх его разбредшихся сыновей.

— Это старый закон: восточные народы идут на запад, западные — на восток; прилив и отлив. И после взлёта и падения может настать время стран ещё не рождённых, что поднимутся из будущего пепла; Порфиро должен быть Землёй Обетованной, и от его избыточных орд происходят эти люди Колумбо.

Продолжая идти своим курсом, мы на следу-

ющий день приплыли в Вивенцу. Поскольку Медиа желал высадиться сначала в точке на полпути между его оконечностями, чтобы узреть собрание вождей, которое предполагалось устроить в этом сезоне, мы пошли своим путём, пока не подошли к высокому горному хребту, вдававшемуся в лагуну и закрывавшему соседний берег. Он заканчивался высокой естественной аркой из твёрдой породы. Об его основание разбивались волны. Но на вершине шумела приветливая роща, в которой располагался открытый храм из тростника, содержащий одно-единственное изображение — увенчанную шлемом женщину, опекаемое божество Вивенцы.

Каноэ приблизились.

— Ло! Что это за надпись там, — крикнул Медиа, — высеченная на арке?

Изучая некоторое время это огромное иероглифическое письмо, антиквар Мохи, всё ещё следя за ними, медленно произнёс:

«В… этой… рес… публи… канской… земле… все… люди… рождаются свободными и равными».

— Ложь! — сказал Медиа.

И как давно это написано? — спросил Баббаланья.

— Но посмотри пониже, старик, — крикнул

Медиа, — полагаю, один или два маленьких иероглифа скрываются вон за тем углом. Переведи их, старец.

После сильного напряжения своих глаз ради прочтения этих знаков, занявшего минуту, Шампольон Мохи произнёс следующее:

«Кроме… племени… Хамо».

— Одно аннулирует другое, — вскричал Медиа. — Эх вы, республиканцы!

— Это, кажется, было добавлено как постскриптум, — возразил Плетёная Борода, снова напрягая свои глаза.

— Возможно, так, — сказал Баббаланья, — но некий шаг, должно быть, сделан.

Пройдя через арку, мы вскоре оказались на берегу.

Глава LIV
Они посещают большой центральный храм Вивенцы

Толпа, которая приветствовала нас после высадки, была чрезвычайно неистова.

— Откуда прибыли вы? — кричали они. — Куда направляетесь? Вы видели когда-нибудь такую же землю, как эта? Разве эта республика не велика и обширна? Умоляем, заметьте, как мы высоки, у нас простые чувства, разве мы не великолепны? Здесь вы почувствуете нашу решимость. Оглянитесь, оглянитесь, не бойтесь; поглядите на эти пальмы; поклянитесь теперь, что эта земля превосходит все другие. Горы старого Белло — кротовые норы в сравнении с нашими, его реки — наши ручьи, его империи — деревни, его пальмы — кусты.

— Верно, — сказал Баббаланья. — Но великий Оро, должно быть, приложил руку к созданию ваших гор и стремнин. Разве были бы вы столь же великими в пустыне?

— Где ваш король? — спросил Медиа, представая в своей одежде и готовя свою корону.

— Ха, ха, мой добрый друг! Мы здесь — все короли: величаво дышим общим воздухом. Но проходите, проходите. Давайте покажем вам наш большой Храм Свободы.

Сказав так и непочтительно схватив его за священную руку, они провели нас к высокому строению, установленному на вздымающемся холме и поддерживаемому тридцатью пальмовыми стволами, из которых четыре были довольно зелёными, как будто их добавили недавно, а за ними — почти бесконечные уже готовые ячейки для стволов, как если бы все пальмы в Марди должны будут в некое грядущее время поддерживать эту конструкцию.

Наверху храма стояло древко для флага; и как только мы подтянулись, то увидали, как человек с воротником вокруг его шеи, состоящим из красных полос, уходящих назад, находился в процессе подъёма знамени из таппы — такого же полосатого. Другие служители с подобными же воротниками входили и выходили из храма.

Около подъезда стояла такая же статуя, как и та, что мы видели на вершине арки. На её пьедестале были приклеены некие иероглифические уведомления, в которых, согласно мнению Мохи, предлагали вознаграждение за беглых людей.

Они размещались в несколько рядов по высоте.

Войдя в храм, мы обозрели пространство, имеющее вид амфитеатра, в середине которого горел большой огонь. Вокруг него пребывало много вождей, одетых в длинные тоги и представлявших странный контраст со стилем их татуировок.

Некоторые дружелюбно смеялись и болтали, другие старательно производили раскопки между своими зубами щепками из бамбука или превращали свои головы в жернова, размалывая зубами листья и извлекая их соки. Некоторые деловито вставляли стебли чертополоха в свои уши. Стояло несколько человек, исполненных решимости сохранять воинственность; их копья драматически скрещивались на груди. Они имели бы очень внушительный вид, если бы задние части их одеяний не пребывали в печальном беспорядке. Другие, с раздувающимися боками, казалось, своим достоинством в основном были обязаны обеду. Многие клевали носами и дремали. И тут и там оказывались всякие неутомимые важные персоны, производящие великую демонстрацию важной и необходимой деятельности, усердно сворачивая банановую листву в свитки и опрометчиво передавая её в руки маленьких мальчиков в весёлых тюрбанах и маленьких от-

деланных поясах, которые вслед за этим убегали, как будто неся спасение от смерти.

Это была настоящая картина; темнокожие вожди, тут и там, сгруппировались вместе, и их фантастические татуировки казались резьбой на странных старых дымоходах, видимых издалека. Но один из их числа был выше всех остальных.

Подобно тому, как в почти древнем Риме среди толпы рельефных колонн и фронтонов великий купол Святого Петра взлетает высоко вверх, безмятежно паря в высоте, один спокойный великий лоб оказался и среди этой толпы вождей. Такими же головами обладали галл Сатурнин и Спурцхейм! Видели вы когда-нибудь такой лоб? Нависающий, как лавина, под тенью леса! Горе лежащим внизу долинам! Рассмотрите эти губы — это мистические свитки! Эти глаза — как пещеры пантер у основания Попокатепетля!

Клянусь моей правой рукой, Сатурнин, — вскричал Баббаланья, — но ты достоин образа своего Создателя! Всё же я видал мужчин со взглядом властным, как у тебя, и увенчанных головами, подобными земному шару, как твоя, которые никогда не обладали подобным калибром. Мы должны измерять мозги, а не головы, мой гос-

подин; иначе кашалот с его затылком размером с бочку превзойдёт нас всех.

Поблизости находились изогнутые арки, ведущие в подземелья, откуда выходил пряный пар и необычайный грохот калабасов и чмоканье губ, как будто что-то поедалось там самым толстым из толстых товарищей с самым сердечным из всех аппетитов и с самым невиданным удовольствием. Это было осушение залпом, жадное питьё, шумное пожирание. Заглядывая вниз, мы увидали компанию, грудью опёршуюся на стол, стонущий под множеством яств. В середине его находилась могучая большая тыква, жёлтая, как золото, и сияющая, как тыква в октябре, и такой большой она, должно быть, выросла на солнце. Из неё вытекала струя красного вина. И перед ней высилось множество животов, уже наполненных так же, как и каменные фляги в фонтане. Меланхоличным исключением перед этим прекрасным наводнением из старого вина и среди этих толстых старых пьяниц был худощавый человек, который иногда заглядывал в свои бумаги. Он был похож на ибиса, стоящего в Ниле в прилив среди чмокающего языками стада гиппопотамов.

Они были веселы, как само веселье, и смеялись

так шумно, что все их полушария дрожали и дрожали, как широкие поля во время землетрясения. «Ха! Ха! Ха!» — так они смеялись и ревели. Глухой человек, возможно, услышал бы их; и никакое молоко, возможно, не прокисло бы в пределах выстрела сорокадвухфунтовой пушки от этого места.

Вообще, запах хороших продуктов совсем не плох сам по себе. Вкус хороших кушаний лежит вне доказательств, как подтверждение качества великолепной хорошей еды. Так, понюхав эти шлейфы из благословенной Аравии, неистовые бури, дующие из ртов испечённых боровов, фаршированных плодами хлебного дерева, бананами и полынью, мы охотно спустились бы и приняли бы участие в пиршестве.

Но этого никак не могло произойти, поскольку нам сказали, что эти важные персоны внизу были членами клуба и они проводили тайное совещание, весьма озаботившись приведением бесспорно тяжёлых государственных дел на твёрдую основу. Они все были вождями с умами огромной ёмкости, и скольких галлонов, было неизвестно.

Мы убедились теперь, что самый буйный шум исходил из этих катакомб, которые казались

наполненными призраками в толстом ламбере, и шум этот был таким, что усиливал шум наземный.

Но, не обращая на всё это внимания, посреди амфитеатра стоял высокий, изможднный воин, неистово татуированный, с крючковатым носом, как у канюка, и длинными пыльными локонами; руки его сжимали лишённые наконечников стрелы. Его одолевал сильный приступ, три доброжелателя пытались его сдержать. Но, неоднократно вырываясь на свободу, он снова разражался своим бредом, в то время как при отсутствии сочувствия, к огорчению зрителей, остальная часть собрания казалась совершенно поглощённой самой собой, не призывая позаботиться о том, что скоро неудачливый безумец сможет уничтожить самого себя своими безумными слушаниями.

С одной стороны пространства, имеющего вид амфитеатра, взгромоздившись на возвышение, сидел белоголовый старик с томагавком в своей руке, искренне занятый наблюдением за шумом, хотя и не произносящий при этом ни слова. Иногда, однако, присутствующие выражали ему таинственные знаки уважения; и когда они случайно проходили между ним и безумцем, то

неизменно делали это в наклонном положении, вероятно уклоняясь от атмосферного града и картечи, всё время вылетающих изо рта последнего.

— Что это за толпа? — спросил Медиа.

— Это великий совет Вивенцы, — крикнул свидетель. — Вы слышали Аланно? — И он указал на неистового.

Тогда, близко подойдя к Аланно, мы обнаружили, что с невероятным красноречием он обращал внимание собрания на некую всепоглощающую тему, связанную с королём Белло и его предполагаемым вторжением к северо-западу от Вивенцы.

Одной рукой ударяя по своему бедру, а другой по своей голове, безумец продолжал, ревя, как дикое животное, и размахивая руками, как ветряная мельница:

— Я хочу сказать следующее! Гром гремит, молния сверкает! В Доминоре уже произошло землетрясение! Весьма скоро старый Белло обнаружит, что его дьявольские махинации против этой несравненной земли должны будут свестись к нулю. Кто осмелится объявлять, что мы неукротимы? Я повторяю ему, мы. Ха! Ха! Наглый Белло должен будет жевать пыль! Волос за волосом мы потащим его окровавленную седую боро-

ду на концах наших копий! Ха, ха! Я начинаю хрипеть, но взорвался бы, имея такой же голос, как у диких быков буллоромов, и меня можно было бы услышать с одного конца этой большой и великолепной земли до её самого дальнего горизонта; да, до предельного диаметра её окружности. Проснись, о, Вивенца! Признаки времени знаменательны, нет, необычайны; я не смущаюсь добавить, особенны!!! Давайте не опускаться на глубину, когда мы должны взлететь ввысь! Разве весь Марди, не моргнув, не следит за нами? Само великое солнце — равнодушный зритель? Тогда давайте сожмём челюсти перед смертельной битвой. Полагаю, я вижу его теперь. Старый Белло лукав, и он поклялся стереть нас! Через эту широкую лагуну он бросает свой змеиный взгляд, точит свой хищный клюв, щёлкает своими варварскими клыками, облизывает свой раздвоенный язык; и кто знает, когда среди нас появится? Пока не обманывайтесь: покуда у Белло ещё есть изначальное желание приставать к нам открыто, его эмиссары работают, его адские сапёры и минёры, и кормилицы, и акушерки, и могильщики заняты! Все ярды его каноэ — в волнении! Его срубленный флот спускается на воду; и долгие тайфуны, зефиры, белые шква-

лы, ароматные бризы, ураганы и метели будут в ярости бушевать вокруг нас!

Его филиппика завершилась, Аланно увели с места; и так как теперь он был полностью измотан, то к его вискам приложили холодные булыжники и самого его уложили в ванну с проточной водой.

Этот вождь, кажется, был из далёкой западной долины, называемой Хио-Хио, одной из самых больших и самых плодородных в Вивенце, хотя и недавно заселённой. Его жители и жители соседних долин — верная крепкая компания товарищей — считались наиболее демократичными и радикальными из всех племён Вивенцы, всегда готовыми поспешить к своим самым дальним собратьям; и особенно они были ожесточены против Белло. Но, однако, они были прекрасным молодым племенем. Как сильное молодое вино, они яростно трудились в установлении истины. Возможно, что время ещё подтвердит их правоту.

Затем последовал период большего, чем когда-либо, шума, во время которого белоголовый старик своим томагавком неоднократно ударял и долбил место, где он сидел, очевидно, чтобы усилить шум, хотя с виду он стремился пода-

вить его.

Наконец, утомлённый своим положением, он что-то прошептал в ухо вождя, своего друга, который, приблизившись к полному присутствующему воину, велел тому встать и обратиться к собранию. И постепенно тот сделал так, что всё собрание рассеялось, как будто ушло за клубнями ямса; и маленький старик с усмешкой вскочил со своего места и растянул свои ноги на циновке.

Затем огонь был погашен, и храм опустел.

Глава LV,
в которой Баббаланья комментирует речь Аланно

Мы задержались в окрестностях храма, когда все оставили его, а затем последовали различные комментарии относительно того, что мы видели, и, отметив наличие враждебности безумного оратора к Доминоре, Баббаланья так обратился к Медиа:

— Мой господин, я вынужден полагать, что вся Вивенца не придерживается того же самого мнения, что высокопарный вождь с Хио-Хио. Хотя я допускаю, что между Доминорой и этой землёй существует нечто сродни враждебности, которая ещё полностью не погасла, но не думаю, что тлеющие угольки однажды превратятся в бушующий огонь. Мой господин, вы можете назвать это поэзией, если хотите, но есть страны в Марди, находящиеся в отношениях, подобных отношениям сыновей к родителям. Так же с Доминорой и Вивенцей. И хотя по большей части Вивенца добилась того, что теперь она сама себе хозяин, всё же она не должна оплошать в почти-

тельном уважении к родителю. У человека или страны старость благородна; и мальчик, даже рослый, никогда не должен хватать своего родителя за бороду. И хотя Доминора действительно не выказывает уважения к заслугам Вивенцы, всё же воздерживаясь от обвинений, Вивенца должна будет такое же уважение когда-нибудь заслужить. И если придёт время, не приведи Оро, и Вивенца должна будет пойти сражаться с Королём Белло, то позвольте Вивенце сперва скрестить своё копьё с копьём старого ветерана со всеми возможными любезностями. С другой стороны, мой господин, король Белло никогда не должен забывать, что любой человек будет славен в Вивенце, если он способствует самому себе. И как благородный старый господин гордо оглядывает мускулы и рост своего сына и рад видеть в его благородных молодых чертах сходство с самим собою, думая о том, что когда наконец он ляжет в свою могилу, то всё же будет жить в долгой, славной жизни своего ребёнка, достойного наследника его доблести и славы, так и король Белло должен будет считать крепкую перспективу этой молодой Вивенцы собственным порождением. Мой господин, взгляните на эти два государства! Из всех стран на Архипелаге

они одной крови. Доминора является последним и самым большим Анаком Прежних времён; Вивенца — первый и самый лучший отпрыск из имеющихся. Каждая наполнена прошлым, соприкасающимся с будущим. Ах! Если б старое сердце этого родителя не волновалось из-за свободомыслия и развернулось к своему смелому сыну, то весь Марди преклонился бы перед ними. И всевышний Оро, возможно, предопределил бы для них будущее с плохо предугадываемым масштабом. Полагаю, что поскольку Вивенца никогда не заставит старого Белло рыдать из-за своего сына, так и сама Вивенца ещё многие долгие годы не будет плакать на могиле своего родителя. И пусть король Белло сможет отложить в сторону свою старомодную треугольную корону и надеть простой современный костюм; ведь его тело остаётся крепким с оных времён, и он одинаково изящно может примерить любые аксессуары. И те, кто говорит, что Доминора стара и истёрта, возможно, допускает ошибку. Поскольку как страна Доминора стара, но её нынешнее поколение столь же полно молодости, как молодые люди в любой земле под солнцем. Затем — хо! — достойная пара! Один достоин другого, подайте руки друг другу и сожмите их

вместе. Ло! Прошлое — это предзнаменование. В будущем пророчество исполнится.

Глава LVI
Сцена в земле Уорик, или Создатели королей

Когда мы уходили от храма, нас сопровождал быстроногий, беспокойный человечек, некий Цнобби, беглый уроженец Порфиро, но теперь восторженный житель Вивенцы.

— Сюда прибывает наш великий вождь! — закричал он. — Взгляните на него! Это я приложил руку в создании того, кем он стал!

И, так сказав, он указал на персонажа, которого ничто не отличало, кроме татуировки на его лбу — звёзды, числом в тридцать, и необыкновенно длинное копьё в его руке. Он свободно смешался с толпой.

— Поглядите, насколько хорошо я с ним знаком! — закричал Цнобби, приближаясь, и по-хамски коснулся своей рукой его лица.

— Друг, — сказал сановник, — твоё приветствие необычное, но добро пожаловать. Я почитаю просвещённых людей этой земли.

— Подлая собака! — пробормотал Медиа. — Произошло бы это у меня, я пронзил бы этого

наглого плебея.

— Теперь для тебя есть Главный Вождь, мой славный товарищ! — крикнул Цнобби. — Ура! Троекратно за твоё здоровье! Да, да! Все короли здесь — равны. Каждый одинаков. Здесь свидетель, почувствовав что-то задевшее его сбоку, посмотрел вниз и увидел руку прочувственного Цнобби в тайной близости к мешочку, висевшему на его поясе.

После чего толпа закричала: «Вор! Вор!» — и громким голосом усеянный звёздами вождь крикнул: «Хватайте его, люди, и привяжите вон к тому дереву».

И люди тут же схватили и связали его.

— Ах, — сказал Медиа, — у этого вождя есть что-то, что он может сказать напоследок; он подрезает словом крылья королю, хотя плебей хватает его за нос. Будь я проклят, но не сомневаюсь, что его копьё, хотя и без оперения, более длинное и более острое, чем моё.

— Здесь нет той свободы, о которой думают эти почётные граждане, — сказал Баббаланья, поворачиваясь. — Я смеюсь и восхищаюсь.

Глава LVII
Они прислушиваются к голосам богов

На следующий день мы продолжили наше путешествие на север, чтобы посетить эту часть Вивенцы.

В назначенное время мы пристали к берегу.

Кругом было свежо. Из всех земель, что мы видели, ни одна не выглядела столь многообещающей. Рощи стояли высокие и зелёные, поля тянулись вдаль и вширь, роса первого утра, казалось, только-только испарилась с травы. Со всех сторон были слышны водопады, роение пчёл и гул радости процветающего населения.

— Ха, ха! — радовался Иуми. — Труд ликует на этой земле и аплодирует в цветущих рощах! Полагаю, что Йилла всё же будет найдена.

Щедро угощённые, мы оставались на этой земле до того момента, пока с лагуны не пришли окончательные новости об извержении, которое мы в подробностях увидели во Франко. Пожарище распространялось по Порфиро, тут и там на королей охотились, как на преступников, и во всей той части Марди начались страдания.

С предельным восхищением эти новости приветствовались многими, но кое-кто считал их предвестником беспокойства. Были также и те, кто радовались, что короли повержены, но сокрушались, что люди сами по себе не столь устойчивы. Победа, не приводящая ни к какому мудрому и устойчивому порядку, говорили они, совсем не победа. Некоторые победы оказываются на руку побеждённому.

Но день за днём великие толпы спускались к берегу в ожидании каноэ, периодически приносящих свежие новости.

Каждый час новые крики разражались в воздухе:

— Ура! Ещё одно королевство сожжено дотла до края земли, ещё один полубог отстранён от власти, ещё одна республика появилась. Пожмите руки, почётные граждане, пожмите руки! Скоро мы услышим о Доминоре, валяющейся в пыли, о несчастной Верданне, свободной, как мы сами, об извержениях вулканов всего Порфиро! Кто может противостоять людям? Время пророчит ужас тиранам! Прежде чем мы умрём, почётные граждане, весь Марди будет свободен.

Слушая эти крики, Баббаланья так обратился к Медиа:

— Мой господин, я не могу не полагать, что эти люди намного более взволнованы, чем те, кому они так пылко симпатизируют. Но неудивительно. Одиночные выстрелы, которые слышат в Порфиро, доносятся сюда смешавшимися в один огромный гул. Каждая новая весть о событиях — словно залп целого взвода.

Теперь, во время этого шума, король Медиа оставался чрезвычайно спокоен, что было весьма разумно. Он снял свои регалии и во всех делах проявлял себя с достойной предусмотрительностью. И по много часов он отсутствовал, и никто не знал, куда он пошёл или чем он был занят.

Так также и с Баббаланьей. Но, всё ещё продолжая наши поиски, все мы наконец вошли в большую долину, жители которой оказались более, чем обычно, раздуваемы современными страстями.

Бродя по округе, мы заметили нетерпеливую толпу, собравшуюся вокруг приметной пальмы, на которой был вывешен свиток.

Люди были необычайно взволнованы, посылая проклятия тому наглому мошеннику, кто за ночь, должно быть, прикрепил там этот скандальный документ. Но кто бы он ни был, уверяю вас, сам он сумел прикрыться весьма грамотно.

После большого неистового обсуждения, во время которого с близлежащих пней были произнесены различные подстрекательские речи, было принято решение зачитать свиток вслух так, чтобы все могли его услышать.

Схватив его, разгорячённый молодой человек взгромоздился на склонённые плечи старика, своего родителя, и пронзительным голосом, под постоянные и непрерывные протесты, зачитал следующее:

«Властители Вивенцы! Вам подобает услышать мудрые слова. Но, хорошо зная, что вы слушаете мало мудрых слов, кроме своих собственных, и что, как почтенные граждане, вы вольны выследить того, кто возражает вашим величествам, я счёл желательным обратиться к вам анонимно. И если это вам понравится, вы можете приписать этот голос богам, дабы вы никогда не приписали его человеку.

Известно, Властители, что в эти неистовые дни многие почти отказываются от уроков истории, предпочитая их существующим событиям. И это происходит в то время, когда все присутствующие в Марди выросли из прошлого, уроки которого считаются устаревшими, что влечёт за собой желание отказаться от того, что было.

Всё же полагаю, что Прошлое — апостол. Великая ошибка этого времени, Властители, состоит в главной гипотезе, что совершенно особенный Диаболус бежал за границу, тогда как совершенно особенный Диаболус был за границей уже с момента возникновения Марди.

И великая ошибка вашей страны, Властители, кажется, состоит в этом: ощущение, что Марди находится теперь в последней сцене последнего акта своей трагедии и что все предыдущие события предопределили катастрофу, в которую вы верите и которая будет под рукой, — вселенскую и постоянную Республику. Можно за это поблагодарить вас и тех, кто придерживается этих мыслей, слабоумных и совсем не мудрецов. Время состоит из различных эпох, и каждый думает, что его собственная эпоха — новая. Но давно найдены обработанные камни, оставленные в стенах пирамид, что опережают все хронологии и принадлежат к ещё более старым материям. И при построении сооружений своего периода каждая эпоха полагала, что её строения вознеслись навсегда. Но поскольку ваши леса растут быстро, Властители, захватив курганы в ваших западных долинах, то, получая нужную почву от прошлых поколений, преуспевающие поколения прораста-

ют сквозь неё, но в своё время сами распадаются.

Оро установил эти превратности. В старых хрониках вы прочтёте, Властители, что орёл из облака возвестил величие беглецу Тэкуино; и король Тэкуино правил; и не будет конца моей династии, думал он.

Но другое предзнаменование снизошло, предвещающее падение Зуперби, его сына; и Зуперби, возвращающийся из своего лагеря, нашёл свою страну восставшей против него. Больше королей она не имела. И в течение пяти сотен по двенадцать лун Регифугиум, или Конец монарха, ежегодно отмечается как ваш собственный юбилей. И необузданные молодые ораторы слали, как ураган, ненависть к королям, и предсказатели клялись, что их птицы предвещают бессмертие для свободы.

Затем свободные орлы Ромары пролетели над всем Марди и взгромоздились на самые верхние венцы востока. Когда- нибудь это должно было случиться. Ведь в основном монархи, как разукрашенные уздечки на мире, сдерживают взнузданного коня из Пампасов. И республики, как широкие резервуары, источают все потоки вниз к одному уровню и поэтому приходят к изобилию, которое не может оставаться пол-

ным без постоянного заполнения. И, таким образом, Ромара затопил весь Марди, вплоть до скудного горного Араратского королевства, которое только нашлось.

Так же сделал и Франко пятьдесят раз по двенадцать лун назад. Так же он может поступить снова. И, несмотря на вас, Властители, в гораздо большей степени поступит ввиду того, что излишки населения заполняют пространство в пределах ваших собственных могущественных границ из-за наличия диких западных земель, которые за день множество пастухов со своими стадами не смогут наводнить. Всё же заполнены они наконец будут, и затем должно начаться отступление.

И, возможно, вам угодно, чтобы до настоящего времени ваши хроники рассказывали совсем другую историю, где ваше население было зажато и стеснено, как на вашей исторической родине Доминоре. Затем ваш большой эксперимент, возможно, приведёт к взрыву, как у химика, который, размешивая свою смесь, был поднят ею в воздух.

И хотя вы смешаны и повторно перемешаны со многими славными составляющими и гордитесь Великим Быком в вашей родословной,

всё же, Властители, вы не задумчивые философы, как люди в небольшой старой республике; вы не выносите стоиков, как их соседи. Угнетаемые, как они, если вам угодно, ваши тринадцать изначальных племён оказались более буйными, чем такое же количество мятежных легионов. Свободные лошади нуждаются в широкой прерии, и удачей для вас, Властители, явилось то, что у вас есть достаточно пространства, в котором можно быть свободным.

И если вам угодно, то вы свободны отчасти потому, что вы молоды. Ваша страна походит на прекрасного, красивого молодого человека, полного пламенных импульсов и раскованного; его сильная благородная рука защищает его сердце.

Со всеми сторонами он свободно делится и всё ещё стремится что-то получить. Дыхание из его ноздрей походит на дым в весеннем воздухе, каждое сухожилие заряжено благородными помыслами. Он бросает вызов седой бороде угнетателя; высокие стены старых мнений он считает препятствием. В будущем ему видятся все купола Востока.

Но годы протекли, и этот смелый юноша изменился. Его глаза уже не открыты, как в былые

годы; его сердце закрыто, как порок. Он не уступает в мелочах и не ищет больше приобретений, он озабочен только сохранением своего запаса. Принципы, однажды растоптанные его ногами, теперь начертаны на его груди; и те, кто ненавидел угнетателей, сами становятся угнетателями.

Так часто происходит с людьми; так часто происходит и со странами. Тогда не чудо ли, Властители, что те старые государства отличаются от вашего, и не думайте, что ваше собственное должно навсегда остаться таким же либеральным, как теперь.

Каждая эпоха думает, что она вечна. Но хотя пять сотен по двенадцать лун весь Ромара по милости истории был республиканским, его ужасные властители-тигры всё же наконец пришли и оказались в запёкшейся крови.

И было время, когда Доминора была республикой с крепким хребтом. Сыном абсолютного монарха стал человек Кэролус, и его корона и голова — обе оказались во прахе. И у Доминоры были тысячи её патриотов; и крепкая обороноспособность, и великолепный Ареопагитик был написан, с тех пор превзойдённый; и ни один тюрбан, сохранивший уважение к Оро, не был снят.

Как вам понравится то, что со звуком трубы и тамбурина второй Король Кэролус возвратился вовремя и был провозглашён милосердным величеством высшим и законным.

Всюду по всей вечности части прошлого — всего лишь частично изменяют будущее. По старым следам, вверх и вниз, вы, смертные, идёте, вечно путешествуя по вашим горным цепям. И выводы вычислительной машины не более безошибочны, чем выводы из десятичных чисел истории.

В нациях, Властители, есть переселение душ; у вас есть изумительная судьба. Орёл Ромара возрождается в вашей собственной горной птице и ещё раз оперяется для своего полёта. На его крики отвечает хвастливым криком ястреб, чей красный гребень всё так же сильно пахнет резнёй. И одна на Восток, другая на Запад могут полететь эти смелые птицы, пока они не столкнутся посередине пути.

Но, паря в небе стран, которые должны будут собрать свои выводки под своими крыльями, этот кровавый ястреб после всего случившегося может быть принят за орла.

И хотя окрашенные в багрянец республики могут засиять в созвездиях, как пламенный Альдебаран, ускоряясь в своих апогеях, всё же они,

наконец, должны снизойти и отпустить старого султана-солнце в небо, чтобы тот в своё время вновь там утвердился.

И, если вам угодно, не намного дольше теперь, нежели в прошедшие дни, могут просуществовать республики. Поскольку, предположив, что Марди сейчас более мудр, чем в старину, и что все люди приблизились к мудрецам в умственных способностях, некоторые всё же остаются более мудрыми, чем другие, и поэтому прежние уровни будут сохранены. И никакое освобождение не предоставит равных знаний из-за врождённого рабства одного смертного у другого и из-за множества органических причин, которые неизбежно делят человечество на бригады и батальоны с капитанами во главе их.

Цивилизация никогда не была собратом равенства. Свобода была рождена среди диких орлиных гнёзд в горах, и варварские племена нашли защиту под её крыльями, тогда как просвещённые люди на равнинах расположились под разными крыльями.

Хотя к настоящему времени для вас, Властители, ваша республика стала плодотворной от благословения, сами по себе монархии не последнее зло. Для многих стран они лучше, чем

республики, для многих ими лучше и оставаться. И лучше, со всех сторон, этому миру управляться скипетром, чем теми народными трибунами, что должны будут размахивать своими палашами. Лучше быть подданным короля, верным и простым, чем почётным гражданином во Франко с топором палача в каждом углу.

Это не главное заключение и не главное благословение для того, чтобы быть политически свободным. И свобода хороша только как средство, но не самоцель. Но человек борется против рук своих хозяев, пока те не освободят его шею от хомута. Родившийся раб, до последнего визжа о своей свободе, всё ещё останется рабом по отношению к Оро; и для вселенной хорошо, что скипетр Оро абсолютен.

Есть старое высказывание, что легче управлять другими, чем самим собой. И что если все люди будут управлять собой, как страны, то потребности всех этих людей будут самыми лучшими и более продуманными, чем у самого мудрого из отдельных правителей. Но ни в какой устойчивой демократии люди не управляют сами собой. Хотя армия будет состоять из добровольцев, военный закон должен будет превалировать. Вы, объединённые смертные, должны делеги-

ровать свою власть. Вы должны противостоять опасности. И хотя, в отличие от Короля Белло из Доминоры, ваш великий вождь, Властители, не может объявить войну от себя, однако не исчезла великая фраза: пошедший на войну не объявляет намерений. Вы сами были посланы в соседнюю страну, прежде чем узнали, зачем ваши копья оказались в ваших руках.

Но, как вы написали это звёздами на небе, Властители, вы — великие и великолепные люди. И поистине ваша земля является лучшей и самой счастливой землёй под солнцем. Но не полностью, как вы, при вашей мудрости, установили это декретом: ваше происхождение и география потребовали этого. Но в своём зародыше все ваши благословения будут приписаны благородным родителям, которые в прошлом боролись за ваши интересы, Властители, ваша нация не наслаждалась ни малейшей независимостью прежде, чем ваша Декларация не объявила её. Ваши древние паломники породили вашу свободу, и ваши дикие леса укрыли своих питомцев. Для государства, которое сегодня состоит из рабов, невозможно назавтра преобразовать свои обязательства в их свободу, хотя беззаконие может превратить их в скотов. Свобода — название для

вещи, которая является не только… свободой; это — урок, который никогда не выучивается за час или за век. Некоторые племена этому никогда не научатся.

Всё же, если это вам угодно, может существовать такая вещь, как быть свободным под Цезарем. Давным-давно существовало столько же живых почётных граждан, сколько дышит живым воздухом сегодня.

Имена не делают различия; некоторые деспоты управляют, не шевеля скипетром. Ведь дворец короля Белло не был построен несвободными людьми; ваш федеральный храм свободы, Властители, явился работой рабских рук.

Не позолоченные и не золотые булавы и не королевские регалии создаются рабами. Есть много поклонения и раболепия среди вас самих, Властители! Бедность унижена перед богатством во всём Марди, везде тяжело быть должником, везде мудрец будет помыкать дураками, везде можно увидеть страдание.

Таким образом, свобода более важна как свобода социальная, нежели политическая. И это реальное счастье — не быть разделённым… Это… в праве человека — передвигаться и владеть. Это не то, что управляет государством, но то, что

управляет мной. Лучше быть в безопасности при одном короле, нежели подвергаться насилию от двадцати миллионов монархов, будучи одним из их числа.

Но суеверные понятия останавливают вас, Властители! При посещении Доминоры вы не были бы проведены прямо в темницу. И хотя вы созерцали бы различные явления, вызывающие недовольство, вы начали бы вдыхать тамошние либеральные бризы и услышали бы хвастовство толпы своими привилегиями — такими же, как и у вас, такими же, как ваши. Нет у вина Доминоры монархического аромата.

Теперь, впрочем, повсюду, чтобы не отставать от времени, большие реформы и вправду становятся необходимыми; но нигде нет необходимости в кровавых революциях. Хотя это может оказаться самым верным средством, но не благоразумно инвалиду вскрывать вены, чтобы освободиться от своей болезни вместе со своей жизнью. И хотя всё зло может успокоиться, но всё зло не может закончиться. Ибо зло — хроническая болезнь вселенной, и, затихнув в одном месте, она разражается в другом.

В последнее время в этой голове исчезли некоторые дикие мечты.

Есть многие, кто недавно полагал, что эпоха пик и копий была пройдена; что, побыв опрометчивым и бушующим молодым человеком, старый Марди наконец успокоился в безмятежной старости и что индейское лето[6] впервые обнаружилось на вашей земле, Властители! Туманный пар выходил из его спокойной трубки. Но оказалось, что это не так. Миры Марди — всего лишь перемирия. Долго отсутствуя, красные кометы наконец вернулись. И они должны были возвратиться, хотя их периоды — это эпохи. И Марди выстоит, пока гора не соединится с горой и пока все острова не сформируют единое плато, если не будет расширяться старое поле брани.

Изучающие историю поражаются ужасом резни в старину, но в бойнях людей убивают и сегодня. Если бы время полностью изменилось и будущее поменялось бы местами с прошлым, прошлое выступало бы против нас и нашего будущего так же громко, как и мы против неизбежных эпох. Все эпохи — его дети, называющие друг друга по именам.

Прислушайтесь, вы, Властители! Не приветствуйте также неистово визжащую стаю:

---

6 Примечания: 6
Бабье лето. — Примеч. пер.

охотники бывают порваны своими собаками. Советую: омойте ваши руки. Держитесь в стороне от других. Оро разлил океан для постоянного барьера между вами и ещё более худшим безумием, которое свершается в других республиках. Этот барьер считается священным. И поклянитесь никогда не пересекаться с Порфиро, манифестом или армией, если вы не пересекаете суходол.

И также не прихватывайте того, что близко от дома. Это не свобода воровать. Не расширяйте сейчас свою область слишком широко. Есть ли среди вас прозелиты? Соседние страны могут быть свободными, не идя под вашим знаменем. И если вы не можете умерить ваши амбиции, то знайте следующее: хорошее обслуживание чревато сюрпризами.

Время, и только время сможет позволить вам пересечь экватор и сделает Северные Полярные Круги вашими границами».

Так гласил анонимный свиток, который немедленно был порван в клочья.

— Старый тори и монархист! — закричали они. — Проповедует свои отсталые проповеди в это просвещённое время! Дурак! Разве он не знает, что всё Прошлое и его могилы перекопаны?

Они были разъярены и дико закатывали свои

глаза, как после жертвоприношений; и хорошо, что Король Медиа не носил тогда свою корону; и в тишине мы незамеченными ушли от толпы.

— Мой господин, я поражён неосмотрительностью полубога, — сказал Баббаланья, как только мы продолжили наш путь. — Я узнал ваш султанский стиль в самом первом предложении. Здесь проявились результаты ваших уединённых часов.

— Философ! Я изумлён твоей наглостью. Я обнаружил самый первый принцип твоей философии. Кто от тебя отправил этот пергамент?

Так один обвинял другого в авторстве, но так мы и не установили, знал ли действительно кто-то что-либо о происхождении свитка.

Тогда, возможно, это был Баббаланья? Едва ли. Поскольку в качестве философского документа он был для него, как казалось, слишком догматичным и консервативным. Король Медиа? Но, будучи в своих политических чувствах сторонником имперского абсолютизма, Медиа не выставил бы себя таким смельчаком, оказавшись очевидцем извержения во Франко.

Действительно, решение этого вопроса нужно оставить мардианским комментаторам приблизительно через четыреста или пятьсот столетий.

Глава LVIII
Они посещают крайний юг Вивенцы

Мы проникали всё дальше и дальше в окрестные долины, но, впрочем, как и в других местах, время от времени слышали разговоры, обещавшие закончить наше блуждание; но мы так долго продолжали блуждать и блуждать, что даже Иуми умерил свои жизнерадостные надежды.

И теперь мы приготовились к отплытию на крайний юг этой земли.

Но мы были предупреждены, что в той части Вивенцы, куда мы направлялись, нам придётся встретиться со многими неприятными обычаями. Такие вещи, однако, снисходительные посетители пропускали. Что же до нас самих, то мы хорошо знали о том зле. Северная Вивенца сделала всё, что могла, чтобы успокоить их, но напрасно; жители южных долин были горячим и неуступчивым народом, не поддававшимся ни на уговоры, ни на просьбы. Они были верны своему выбору. Но они поклялись, что если северные племена будут продолжать упорствовать, то они расторгнут общий союз и учредят свою

собственную, гораздо лучшую конфедерацию.

Наше прибрежное путешествие подошло к концу, наши кили упёрлись в песок среди множества обессиленных пальм, разбитых и смытых волнами. Хотя это было продолжение берега, который мы покинули, эта область выглядела иначе. Тут было меньше процветания, меньше слышалось весёлых звуков.

— Здесь труд потерял свою радость! — вскричал Иуми.

Там, где мы пристали, располагалась большая равнина, и там, под горящим солнцем, сотни людей в ошейниках ковырялись в траншеях, заполненных колоказией — корнем, по большей части произраставшим в этих местах. Над ними мрачно стояли люди, уже отличающиеся от упомянутых, вооружённые длинными плетьми, которыми они секли тружеников до появления ран. Кровь смешивалась с потом и, сливаясь по телам, капала на землю.

— Для кого растят эти корни, кто ими кормится? — вскричал Иуми.

— Что это за люди? — спросил Баббаланья.

— Кого ты имеешь в виду? — сказал Мохи.

Не обращая на него внимания, Баббаланья подошёл к первому из стоящих с плетями —

некоему Нулли, похожему на мертвеца или призрака, человеку с низким лбом, седыми волосами со стальным отливом и поразительными глазами — яркими, подвижными, как шары близнеца Корпосанта, играющие кормами королевских судов во время бурь.

Солнце ушло за облако, и Нулли, уколов Баббаланью удивлёнными глазами, глядел уже мрачно и свирепо.

— У них есть души? — спросил Баббаланья, указывая на рабов.

— Нет, — сказал Нулли, — их предки, возможно, имели; но их души исчезли в их бездушных потомках, как чувство обоняния исчезает у щенков пойнтеров.

Приблизившись к одному из работников, Медиа взял его за руку и долго изучал и рассматривал его глаза — и, повернув своё ухо в его сторону, воскликнул:

— Конечно, у этого существа есть плоть, которая горяча, у него в глазах есть Оро, и есть в нём сердце, которое бьётся. Я клянусь, что он — человек.

— Действительно ли это наш господин — король? — вскричал Мохи, поднимаясь.

— Чьё ты творенье? — спросил Баббаланья

раба. — Ты когда-нибудь ощущаешь чувство справедливости? Творение иногда радуется или печалится? Они говорят нам, что ты — не человеческое творение. Скажи тогда за себя самого; скажи, веришь ли ты в своего Создателя.

— Не говорите мне о моём Создателе. При ударе плетью я верю в своих хозяев и считаю себя скотом, но в своих мечтах вспоминаю о моём ангеле. Но я — связан; и мне немного надо; материнское молоко, что их вскормило, это злоба.

— Добродетельный Оро! — прокричал Иуми. — Никаких раскатов грома, — никакой вспышки молний в этой проклятой земле!

— Загон для рабов всего Марди! — прокричал Медиа.

— Подстрекатели! — закричал Нулли, выкатывая глаза. — Вы пришли, подстрекатели, чтобы зажечь пламя восстания? Не знаете ли вы, что здесь — много рабов, кто, подстрекаемые получить себе свободу, дадут выход своей ужасной мести? Иди прочь, король! Испугался? Вернись в Одо и обдумай свои заблуждения! Эти рабы более счастливы, чем ваши, хотя ваши не носят ошейников; они более счастливы, чем свободные люди. Они разве не накормлены, не одеты, о них не заботятся? Твои работники чахнут из-за

еды — у нас такого нет; у кого нет мыслей, у того нет забот.

— Мысли и заботы — жизнь, и свобода, и бессмертие! — выкрикнул Баббаланья. — И значит, что их души задуты, как свечи?

— Пустослов! Они довольны, — кричал Нулли. — Они не проливают слёз.

— В мороз никогда не плачут, — сказал Баббаланья, — и слёзы замёрзли в этих холодных глазах.

— О, скованные сыновья скованных матерей, зачатые и родившиеся в кандалах, — вскричал Иуми, — несущие их через жизнь и падающие с их звоном в могилу, — о, будьте как мы; как же дрожит моя твёрдая рука, чтоб отомстить за вас! Отпустить бы грех за матереубийство, сбить бы одну заклёпку с ваших цепей. Моё сердце вырывается из груди!

— Оро! Твоё творение? — крикнул Баббаланья. — И оно существует? Это поколебало мою слабую веру. — Затем повернулся к Нулли: — Что, по-твоему, может поколебать эту власть?

— Успокойся, фанатик! Никто не может, кроме людей из вредящих нам областей. И поскольку эти существа такими и будут оставаться, то это законно и справедливо! Марамма защищает рабство! Я клянусь им! Первый же удар, нанесённый

по рабству, расторгнет союз долин Вивенцы. Северные племена хорошо знают это, и я это знаю.

Медиа сказал:

— Всё же, если…

— Ни слова больше! Ещё слово, и ты, король, окажешься в заточении: здесь есть такой закон, в отличие от северных племён.

— И это — свобода?! — пробормотал Медиа. — Когда собственный голос небес задушен? И если эти рабы поднимутся на борьбу за неё, то, как собаки, они будут выслежены её же сыновьями, извратившими её смысл!

— Умоляю, небеса! — сказал Иуми. — Вы всё же можете найти способ освободить их от уз без единой капли крови. Но услышь меня, Оро! Если не окажется другого пути и если их владельцы не смягчатся, все честные сердца должны сочувствовать этому племени Хамо, пусть даже они разрежут свои тройные цепи пилами и окровавят руки! Это право бороться за свободу любого, кто бы ни был рабом.

— Эти Южные саванны всё-таки могут стать полями битвы, — сказал Мохи уныло, когда мы вернулись той же дорогой.

— Так и будет, — сказал Иуми. — Оро оправдает.

— Так не всегда случается, — сказал Баббаланья. — Частенько происходят поединки без посторонней помощи против всего мира, и Оро не защищает никого. За самого себя человек сам должен бороться. Иуми, насколько бы далеко не зашли твои чувства, твоё сочувствие не более горячо, чем моё, но из-за этих рабов ты схватился бы за копьё, а я нет. Лучше существующее горе для некоторых, чем будущее горе для всех.

— Если нет никакой необходимости сражаться, — крикнул Иуми, — то освободите это племя Хамо немедленно; путь можно найти, и никакого невосполнимого зла не последует.

— Укажи на него, и благослови тебя Оро, Иуми.

— Это благословение адресуй Вивенце; но голове уныло там, где сердцу холодно.

— Мой господин, — сказал Баббаланья, — вы поразили нас своим королевским сочувствием к страданию; скажите тогда, в чём состоит мудрый способ их освобождения.

— Это дело Вивенцы, — сказал Медиа.

— Мохи, вы старше: скажите вы.

— Позвольте Вивенце говорить об этом, — сказал Мохи.

Тогда все мы соглашаемся, и всеобщий плач не отзовётся эхом жестокого Нулли. Слёзы не ме-

чи, и заблуждения кажутся почти естественными, как и права. Справедливому, чтобы подавить зло, иногда нужно держаться более твёрдо, чем другие. Человечество вопиет об этой чудовищной гнусности: ни один человек не знает разумного средства от этого. Тогда не вините Север и мудро осудите Юг. Ещё до того момента, как сложилась нация, это явление прижилось в их среде. Такие корни прорастают глубоко. Своё сегодняшнее место эти рабы заняли ещё в Доминоре, и с ними прошла история всей Вивенцы, — и рабство в Доминоре могло существовать много лет. Легко встать поодаль и бранить. Все люди — цензоры, у которых есть лёгкие. Мы можем сказать, что звёзды неправильно собраны. Слепые говорят, что солнце слепо. А тысяча мышц двигает нашими языками, хотя были смешаны наши языки, которые говорят, что они должны иметь дом. Позвольте тому, что лишено преступления, идти своим чередом — не держите крест на его губах. То, что оно не плохо, не его заслуга. Глина и воск — всё замешано невидимыми руками. Почва определяет человека. И до рождения человек не волен решить, здесь или там ему родиться. Эти южные племена выросли в таких порядках; крепостные женщины были их кормилицами,

и крепостные всё ещё служат им. Не все их рабы так же несчастны, как те, которых мы видели. Некоторые кажутся счастливыми: всё же они не как люди. Ущербные, они не знают, каковы они. И хотя, как и все на юге, Нулли должен упорствовать почти в одиночестве в своём бездушном кредо, всё же ко всем обидчикам обычай оборачивается ощущением ошибки. И если каждому мардианину совестно быть награждённым его собственной гибелью, то тогда в этом племени многие будут считаться освобождёнными от минимальной расплаты за этот грех. Но этот грех не меньше, — это пятно, грязное, как кратер в аду, что затмевает солнце в полдень, что выжигает всё цветение; и совесть или её отсутствие, — прежде чем он умрёт, — разрешающее каждому рабовладельцу, который отнимает малыша от матери, источая у неё слезу, расплетая руки сестёр или рассекая святое единство союза мужа и жены, как единое распятое, истекающее кровью тело, позволяет этому рабовладельцу трижды отпустить грехи своей душе, принимать любое причастие и на своих согнутых коленях испустить дух; всё же он умрёт в отчаянии и будет жить снова, чтобы умереть навсегда проклятым. Всё будущее — иероглиф. Кто сможет его прочитать?

Но, полагаю, великое время отсталости должно теперь пройти быстро и, так или иначе, оказать поддержку этим рабам. Так не должно быть, чтобы страдание постоянно сохранялось; впрочем, при запрещении первородств старейший и самый юный из племени Хамо ещё преуспеют в сравнении со своими несчастными родителями. Да. Время… всё исцеляющее Время — Время, великий Филантроп! Время должно поддержать этих рабов!

— Оро предоставит его! — вскричал Иуми. — И позвольте Марди сказать «аминь»!

— Аминь! Аминь! Аминь! — кричало эхо, повторяясь.

Мы пересекли много этих южных долин, но как в Доминоре, так и повсюду по Вивенце, Северу и Югу, Йилла на якорь не вставала.

Глава LIX
Они обсуждают моллюсков, королей, грибы-поганки и другие вопросы

Ещё раз отчалив, мы пришли к юго-западной стороне Ви- венцы и там увидали огромные скопления рабочих, сгружавших с каноэ на землю большие тюки с грузом, которые они тащили вдоль по берегу.

— Значит, верно, — сказал Медиа, — что эти почтенные граждане заняты копанием в других землях и прибавляют их к своим собственным по частям. И это они называют мирным расширением своих сельскохозяйственных территорий.

— Мой господин, они платят за каждый груз в каноэ, — сказал Мохи.

— Да, старик; держа копьё в одной руке и заключая сделку другой.

— Вы всё же не думайте так про всю Вивенцу, — сказал Баббаланья. — Часть её племён враждебно относится к этим вещам, и, когда их соотечественники воюют из-за земли, они только лишь воинственно противятся войне.

— И в этом, Баббаланья, состоит одна из тех

аномалий в основах Вивенцы, — сказал Медиа, — которые я едва ли смогу постичь. Как случилось, что с таким количеством противоречий, их разделяющих, племена долины всё ещё сохраняют свою мистическую лигу в целости?

— Всё понятно, потому что модель, по которой они построили свой союз, одно из явлений природы. Мой господин, доводилось ли вам когда-нибудь наблюдать таинственную федерацию, существующую среди моллюсков под названием туниката, — другими словами, разновидность каракатицы, имеющуюся в большом количестве на дне лагуны?

— Да, при ясной погоде среди рифов я видел их время от времени, но никогда не вникал в их политическое устройство.

— Ах! Мой господин король, мы не должны отключать нервную связь между нашими глазами и нашими мозжечками.

— Что ты собирался сказать относительно моллюска туниката, сэр философ?

— Мой высокоблагородный господин, я тороплюсь закончить. Они живут в составе структуры, впрочем, связанной перепончатыми каналами, свободно общаясь по всей лиге, — у каждого из них есть собственное сердце и живот, который

обеспечивает переваривание его собственных обедов; и, скаля зубами и поедая свои собственные куски, они не отдают их своим соседям. Но если бродячая акула трогает одного из них, она раздражает всех. Точно так же и с Вивенцей. В этой конфедерации есть по-разному мыслящие племена; следовательно, если один участник от своего собственного имени решает от чего-то впоследствии отказаться, то грех остаётся на нём одном — как не участвовавшем.

— Очень тонкое объяснение, Баббаланья. Ты должен сослаться тогда на те трусливые племена, которые в своих собственных глазах предстают возвышенным моральным примером для Марди, как, скажем, король Белло, но представляют безнадёжный пример безнадёжных долгов. И это те племена, что хвастают безграничным богатством.

— Истинно так, мой господин. Но Белло допускает ошибку, когда из-за этого клеймит всю Вивенцу как единое целое.

— Баббаланья, ты сам состоишь из частей: когда ты бываешь больным от прострела, то это не ты нездоров, а твой позвоночник.

— Как пожелаете, мой господин. Я высказался. Но не говорите больше о той голове — каково,

подумайте вы, жить таким существам, как те же моллюски?

— Ответь на свой собственный вопрос, Баббаланья.

— Будет сделано; но сначала скажите мне, каково жить вам самому, мой господин.

— Проси ответ на это наряду с другим, Аззагедди.

— Непременно; но скажите мне, если желаете, мой господин, каково жить грибом-поганкой.

— Умоляю, Баббаланья, соедини все три вопроса и затем сделай то, что ты часто делаешь прежде, чем объявляешь себя сумасшедшим.

— Мой господин, я умоляю вас не напоминать мне об этом факте так часто. Это так и есть, но упоминание раздражает. И при этом ни один мудрец не называет другого дураком.

— Тогда ты держишь меня за простого человека, Баббаланья, если разговариваешь со мной в таком тоне?

— Мой полубожественный господин и хозяин, я был глубоко обеспокоен вашим недомоганием в последнюю ночь: можно любящему подданному спросить, полностью ли его государь восстановился от эффекта этих гуав?

— Проявил заботу, Аззагедди; ты слишком

учтив, чтобы проявлять гражданственность. Но продолжай.

— Я повинуюсь. В королях, моллюсках и поганках жизнь — одна и та же самая вещь. Философ Думди назвал её определённой волоконной вибрацией неорганических частей, работающих против инерции неорганической материи. Но Бардианна говорит «нет». Услышьте его. «Кто поместил вместе со мной этот мой изумительный механизм и завёл его так, чтобы он точно ходил три года, пока завод не закончится и боя часов Времени больше не будет? И что является тем, что ежедневно и ежечасно обновляет во мне мою плоть и мою кровь, как чудо, воссоздавая их? Что поддерживает на высоком уровне бесконечную телеграфную связь между моими мысочками и пальцами рук и эту куполообразную персону сверху, мой мозг? Это не я, не вы, не он, не кто другой. Нет; когда я помещаю руку на эту царственную мышцу — моё сердце, я потрясён. Я чувствую самого великого Бога, работающего во мне. Оро — это жизнь».

— И что такое смерть? — спросил Медиа.

— Смерть, мой господин, является самой мёртвой из всех вещей.

Глава LX,
в которой галантный джентльмен и полубог король Медиа со скипетром в руке идет напролом

Проплывая далее на юг от Вивенцы, недалеко от его побережья мы прошли мимо группы островков, зелёных, как свежая трава; и, как рты, прильнувшие к рогу изобилия, их зелёные края окружили морскую воду своими цветами. Среди них росли величественные розы, в других местах стояли двойные стволы, на третьих покоились тройные цветные радуги.

Баббаланья закричал, указывая на последние:

— Вот залог миролюбия Франко! Им она громко похваляется, что захватит риф, вычеркнув все оттенки, кроме красного, — и это весьма символично.

Все эти острова были плодовыми садами, где король Белло и принцы Порфиро выращивали свои самые восхитительные фрукты — нектарины и виноград. Хотя Вивенца и не владела здесь никаким садом, но всё же очень хотела и жаждала этого, и её самые горячие племена часто

категорично клялись вырвать все розы с этой половины рифа, сбросить все стволы и рассечь все радуги. «Половина Марди наша, — заявили они. — Отступите, захватчики!» Исполненные тщеславия и видения себя в будущем, они сочли все отражения в нём своими собственными.

Стоял высокий полдень.

— Полагаю, солнце становится палящим, — сказал Медиа, отступая глубже под навес. — Хо! Ви-Ви, разве у тебя нет охлаждённого напитка? Ничего подобного золотому вину, выжатому из жаркого винограда и затем посланному к северу покоиться в погребе-айсберге? Это вино было уложено среди наших запасов. Поищи, поищи склеп, маленький Ви-Ви! Ха, я вижу его! Это жёлтая тыква! Подойди: вытяни его наружу, мой мальчик. Доставайте янтарные чашки, так, передайте их по кругу, — наполните все! Тайи! Мой полубог, сердечный! Старый Мохи, мой малыш, ты можешь прожить десять тысяч столетий! Ах! Без него вы, смертные, затухнете ровно за три года по своей малодушной привычке. Так, Баббаланья! Ты можешь никогда не умирать. Иуми! Мой милый поэт, ты можешь жить и петь мне в Раю. Ха, ха! Здорово было бы, если б мы плавали в этом великолепном напитке вместо

этого ядовитого рассола. Послушайте! Если бы я теперь был создателем Марди, то у меня каждый континент был бы огромным бедром оленины, а каждый океан — винным чаном! Я снабдил бы каждую пещеру погребком со старым спиртным и создал бы три дополнительных солнца, чтобы виноград вызревал круглый год. Давайте выпьем за это! Полные бокалы! Да, возможно, следующий Марди будет создан одной целой виноградиной, источающей сок!

— Посмотрите, посмотрите, мой господин, — кричал Иуми, — мимо какого великолепного берега мы проплываем!

При качке в высокий золотой полдень, стоя с золотыми сияющими кубками, мы пристально вгляделись вдаль.

— Это, должно быть, юг Колумбо, — сказал Мохи.

Это была длинная, протянувшаяся в тумане земля с сыпучими террасами, прореженными здесь и там мчащимися потоками, которые обрабатывали золотую элювиальную пыль, и казалось, будто она искрится алмазами. Гелиотропы, подсолнечники, ноготки переливались или играли в фиолетовых лугах и, подобно вассалу, в направлении Солнца склоняли свои головы. В скалы

уходили гроты, сверкающие разноцветными кристаллами. Это была земля монетных дворов и шахт; её восток был рубином, запад — топазом. Внутри страны леса протянулись океаном безграничной листвы, зелёными волнами прорываясь через линии виноградных лоз, как хрупкие цепи Ксеркса, безуспешно пытавшегося окружить Геллеспонт. Следовал поток лесных звуков: попугаев, паракитов, аро, смешанных с завыванием ягуаров, шипением анаконд, болтовнёй обезьян и криком цапель.

Из этих глубин вырывался поток.

Земля, согретая в круглой жаркой груди, лежала, пламенея от солнечного огня.

— Нет никакой нужды высаживаться здесь, — крикнул Иуми, — следов Йиллы здесь нет.

— Тепло порождает жизнь, лень и гнев, — сказал Баббаланья. — Здесь живут племена-бастарды и нации полукровок, кричащие и убивающие ради того, чтобы показать своё свободолюбие. Прибавьте, мой господин.

— Полагаю, Баббаланья, что ты вкусил таинственного пергамента, зачитанного в Вивенце. Ха? Да, философ, это люди, которые разрушили замки, чтобы освободить дорогу для лачуг; они — те, кто боролся за свободу, но предпочли её

деспотизму для собственного управления. Они, Баббаланья, та нация, для которой тиран — благословение.

Так сказал он, осушив свою чашу.

— Мой господин, это последнее чувство определяет авторство свитка. Но, примите моё почтение, тираны редко могут оказаться благословенными, поскольку зло редко заканчивается пользой. Всё же эти люди скоро будут иметь тиранов над собой, если они так долго прокладывают путь к войне. Из многих копий одно должно оказаться скипетром; из многих шлемов один — короной. Суть не в одеянии. Прибавьте, мой господин.

— Дураки, дураки! — выкрикнул Медиа. — Эти племена ненавидят нас, королей; всё же знайте, что Мир — это не война против всех королей. Нас редко убивают копья, которые являются нашими посланцами. Это вино крепкое!

— Ха, самое время! Его чашами передаётся королевское ремесло от короля к королю. Да, да, мой господин, ваше королевское спокойствие потерпит, пока мужчины будут сражаться. Сломайте копья и освободите страны. Короли пожинают урожаи, созревшие на полях битвы. И часто вы, короли, действительно срываете цветок алоэ, чьё медленное цветение человечество наблюдает раз

в сто лет. Скажите, что это так, мой господин.

— Всё это я знаю, и поэтому согласился передохнуть. Дети моих детей будут королями, хотя, возможно, будут иначе называться. Марди привередлив к названиям: мы к ним относимся шутя. Быки порвали бы свои хомуты, если бы имели руки. Целые стада поднимаются и бросаются вперёд, но вскоре опять склонятся: старый, старый путь!

— Всё же в Порфиро из рук помазанников были вырваны мощные скипетры. Человечество кажется сильным.

— Позвольте ему быть сильным. Они ненавидят нас — хорошо; у них всегда такая ненависть; и всё же мы правим, сын после родителя. Иногда они убивают нас, Баббаланья, сливают нашу сущность, как я — это вино; но они не проливают крови, не прорезав кожи. Так повелось со старины, что нельзя тронуть монарха, не ударив по Оро. Это правда. Самая бледная месть — королевский призрак, и цареубийцы не отчие рабы. Были сломаны троны, но не скипетры. Мохи, что в прошлом? Разве оно никогда этого не доказывало?

— Прошу прощения, мой господин, времена кажутся изменившимися. Есть мнение, что по-

лубоги больше не правят по божьим законам. В земле Вивенцы клянутся, что в Марди теперь правят последние короли.

— И настал последний день правления, старик? Мохи, твоя борода седая; но ты, Иуми, послушай. Когда ты будешь умирать, тогда погляди вокруг и отметь все сильные видимые изменения. Старые королевства могут быть в упадке, но вырастают новые династии. Хотя революции разрастаются до высоких весенних паводков, монархам всё же трудно будет утонуть; монархи пережили наводнение!

— Все наши мечты тогда тщетны? — вздохнул Иуми. — И это никакой не дневной рассвет, что исполосовал тёмно-красный Восток! Ничего, кроме ложных и мерцающих огней, которые иногда дразнят Аврору на севере! Ах, человек, брат мой! Напрасно ты истекал кровью ради всех мучеников; напрасно мы, поэты, пели и пророки предсказывали? Нет, нет; большой Марди, закрытый шлемом и одетый в броню, бьёт по щиту притеснителя и вызывает его на битву! Оро защитит право, и королевские гребни должны скатиться.

— Так, Иуми, испокон веков пели вы, смертные поэты; но мир не может быть смещён с орби-

ты, по которой изначально катился. На карте, где начертаны сферы, Марди отмечен как «мир королей». Столетия шли за столетиями — и всё это незрелость? Теперь, когда скалы становятся седыми, действительно ли первый волос свидетельствует о наличии бороды? Или ваше золотое время, ваш экваториальный год так близок, что ваш народ быстро приходит к совершенству и каждая рука хватается за скипетр, который больше не сможет быть королевским?

— Но свободная Вивенца! Не она ли та звезда, которая должна вести за собой созвездия, которые пока не взошли? Нет королей в Вивенце, и всё же злость её рабов в этой земле кажется более полезной, чем в другом месте. Наши надежды — не дикие мечты: Вивенца приветствует наши сердца. Она — радуга над островами!

— Да, правда в том, что в Вивенце они процветают. Но отсюда не следует, что все люди могут быть такими, как они. У всех ли людей одинаковое сердце и мозг, одинаковые кости и сухожилия? Все ли страны перепрыгнули через пояса Доминоры? Или Вивенца всё же доказала своё кредо? Иуми! Годы, которые проверяют человека, не проверяют страну. Но прошли две династии королей, пока Вивенца была под монархом. Её

критический период не прошёл; это ещё даже не национальная зрелость; хотя, пребывая в детстве, она ждёт свою юность и жаждет империи, как любой царь. Иуми! Пока не суди. Ещё будет время говорить. Много книг и много длинных, длинных глав нужны истории Вивенцы; и разве историческая отметка не бывает полна крови?

— Здесь и остановитесь, мой господин, — сказал Баббаланья, — ничего не предсказывайте. Судьба смеётся над пророками; из всех птиц ворон — главный лгун!

Глава LXI
Они обходят бурный мыс всех мысов

Длинными долгими лигами томительными днями шли мы вдоль этого побережья, пока не оказались в местах, где пришлось утеплить наши мантии.

Небо стало пасмурным. Каждую ночь чёрные штормовые облака неслись над зимним морем, и, как караваны в Сахаре, оставляющие свои песчаные следы, — так же тяжело и быстро наклоняли нас порывы ветра сзади. Над всеми этими сетями и туманами возвышались десять тысяч вспененных горбов дромадера.

С глубокой одышкой, как стонущие беглецы, три каноэ мчались дальше.

И затем воздух превратился в кусающий холод. Облака потеряли свою овечью шерсть; снежным пригорком стало каждое каноэ, наши бороды приобрели белый матовый цвет. И так, закутанные в наши саваны, мы проплыли в проходе среди больших гористых ледяных островов, пугаясь ледяных выступов, дрожащих тюленей и белых медведей с музыкальными сосульками, звеня-

щими своими горностаевыми концами. Всюду высокими горными хребтами протянулись гладкие Анды, с их собственным морозом, дрожащие всеми своими куполами и вершинами. Ледяные осколки испуганно падали с утёсов и окунались в море.

Вширь и вдаль по всему простору сносились потоками целые города, ледяные башни которых обрушивались, падая к единому центру. В своих землетрясениях Лиссабон и Лима никогда не видели ничего подобного. Взбалтываемые и бросаемые кипящим потоком, они быстро уносились прочь, многократно возвращаясь, как бурые дельфины, спокойно подходящие к судам и снижающие волнение моря.

Наконец, обогнув подобный рогу мыс, который казался американским лосем в заливе и был довольно протяжённым, мы вышли на синие, почти озёрные, воды, безмятежные, как Уиндермир или Хорикон. Таким образом, от неистовых штормов юности мы подошли к штилю старости.

Но так как мы двигались к северу, море приобретало иной вид.

В отдалённых бесконечных перспективах появились колоннады водяных смерчей, поддерживающих купола небес на своих столбах,

и яркие пятна, скользящие по ним вверх и вниз. Так же вот и в Лузе в своём странном видении святой Якоб видел ангелов.

Всё казалось безграничной пещерой со сталактитами, порождёнными облаками пара, опускающимися спирально, пока они не встречались с колоннами водоворота, исходящими из моря; затем, объединяясь, они бродили над водами, как призраки богов. Бывало, что на полпути они разделялись — вниз угрюмо погружалась водная половина, и далеко в небеса оттягивался пар. Так же и мы, находясь при смерти, частично раздваиваемся; наша земная половина всё ещё неизменна, но наши души уже летят туда, откуда они прибыли.

Мы вовремя достигли этой стороны Юга большого Колумбо, долго в течение дня ждали ветра и изумлялись в темноте.

— До чего же неподвижны облака! — крикнул Иуми. — Вон там! Далеко вверху: этот горный хребет со многими вершинами; они исчезают ниже, но остаётся виден слабый белый гребень.

— Не облака, но горы, — сказал Баббаланья, — обширный хребет, что пересекает Колумбо, с пришпоренными хребтами-рёбрами, которые укрывают глинистые долины с прожилками

из серебряных ручьёв и серебряных руд.

Это была длинная, приведённая в боевую готовность линия вершин. И, поставленная в вышине на Востоке, эта тысяча обороняющихся пик продолжала стоять и отбрасывать Рассвет назад. Перед их фиолетовыми бастионами Аврора долго выстраивала свои копья и гремела своими золотыми доспехами. Наступление замерло. Но затем её уланы раздулись и получили свои сверкающие гребни, — их блестящие копья и украшенные гербами щиты в то утро восторжествовали.

Но пока мы этого не увидали и плыли в течение многих часов в сумерках, когда на той, более удалённой стороне гор, за границей, охотники уже, полагаю, были с утра на ногах в поисках своей славы.

Глава LXII
Они сталкиваются с золотоискателями

Теперь с северной части Западного берега Колумбо доносились те же самые дикие лесные звуки, что и с Восточного, где мы не высаживались, решив не проводить поиски среди тамошних враждующих племён. И после многих, многих дней мы разглядывали, нос за носом, все корабли, шедшие в северном направлении, широко раскрывшие паруса и сложившие вёсла, распугивавшие перед собой всех рыб.

Их обитатели не отвечали на наши оклики.

Но они спешили и с безумным ликованием в едином растянутом хоре пели такую песню:

Мы – смелые паломники,
К Златой земле
Скользим над волн клубами,
И ради золота
Трудиться мы хотим,
И каждый ждёт лишений.
Гляди! Гляди!
Как рыба золотая, в таких же искрах

Парит пред нашими упорными носами,

Под солнцем золотым!

Мы – смелые паломники,

На золотой земле стремимся золото добыть,

И каждой ночью

Мы держим верный курс

К негаснущим из злата звёздам!

И ярким светом золота огни сияют:

И локонов нет ярче, чем волосы златые!

У всех рощ апельсиновых есть золотая суть:

Все утра с чувствами златыми!

И в золотом дожде, согласно старой басне,

Досталась Богу золотому дева!

И в кубках золотых вино – лучится:

На ложах золотых спят короли!

Власть золота иссушит много слёз!

И правит сферами число златое!

О золото! О золото! Вздымаешь страны ты:

О золото! О золото! Орбит всех центр!

На золотых осях вращаются миры:

Моря горят его свеченьем!

Всё пламя светлячков с сияньем золотым,

Сердца старателей наполнены мечтами

О золоте!

Сражают королей златые стрелы.

На золото мы купим имена почётных граждан!

За скудную оплату тяжкий труд

Мы дома выполняли, как рабы, с душевною тоской,

Без света всякого! И вовсе без надежды! О, горе тяжкое!

Тогда бежали ночи быстро и медленно тянулись дни.

Теперь, исполненные счастьем, с желанием трудиться,

Мы в Землю Обетованную мчимся,

Где в шахтах глубоко

Сокровища сияют

Или вдоль русел рек златых
Златые хлопья золотом мерцают!
И долго-долго будем мы
Взвесь жёлтую в протоках промывать!
О Реки! Реки! Движение своё прервите!
Явитесь, отмели! Поток остановите!
Покуда не увидим мы теченье золотое
И в гавани златой приют!

— Быстрее, быстрее, мой господин, — кричал Иуми, — позвольте нам последовать за ними, и из золотых вод, где оно лежит, может появиться наша Йилла.

— Нет, нет, — сказал Баббаланья, — никакой Йиллы там нет! Из вот этой обетованной земли меньше желающих вернуться, чем тех, кто едет туда. Счастье под позолоченным ликом — всё их инстинктивное устремление. Но тщетно, Иуми, они пытаются ухватить счастье. От него мы не сможем ни отщипнуть, ни поесть. Это — плод наших собственных тяжких трудов, медленно растущий, вскормленный многими сосками и окружённый всеми нашими серьёзными заботами. Пока он созревает, его могут искусать

морозы, и затем мы прививаем его снова и снова. Глубоко, Иуми, глубоко находится истинное сокровище; глубже, чем золото всего Марди, заложенное у его оси. Но в отличие от золота, что скрыто в каждой почве, — весь Марди пуст. Разве золотыми таблетками и микстурами можно излечить болезни? Хрупкие вены стариков, расширенные молодым вином вены молодёжи? Сможет ли золото вылечить страдания? Повернуть к нам закрытые сердца? Будет ли золото твёрдым центром империй? Этот тяжёлый труд в шахтах бессмыслен. Были бы все острова золотыми шарами в море ртути, весь Марди был бы тогда пустыней. Золото — всего лишь бедность; самая страшная из всех блестящих бед. И чтобы человек не смог обеднеть таким способом, Оро спрятал его со всей другой отравой — селитрой и взрывчаткой — глубоко в горных недрах и в руслах рек. Но человек всё ещё будет искать его и, вырыв, выроет свою погибель. Иуми, Иуми! То, что мы ищем, не заложено в Золотых Холмах!

— Ло, видение! — закричал Иуми, и его руки дико скрестились перед его глазами. — Обширный и тихий залив, опоясанный тихими посёлками: воющие измождённые собаки у травянистых порогов с окоченевшими трупами стариков

и младенцев, седые волосы, смешавшиеся со сладкими льняными завитками, поля с прорытыми бороздами, наполненные шиповником, деревянные настилы с разбросанными рукоятками проржавевших топоров, тысяча путей, отмеченных следами по всей стране, ни одного названия, разбросанные следы маркитантов. Над лесом возвышается холм, и долина — ло! — золотоносная провинция! За блестящим грунтом, за странными речными краями и под нависшими утёсами тысячи людей пашут в плывунах и внезапно оказываются в могилах собственного изготовления: с золотой пылью, смешавшейся с их собственным пеплом. Ещё глубже, в более твёрдой почве, лежат другие тысячи рабов, и, насыпав свою землю как можно выше, они хватают воздух и умирают; их товарищи укладываются на них, так как тоже продолжают копать и умирают, — на могилу наваливают могилу! Здесь один измученный охотник убивает другого в своей яме, а самого убившего убивает третий. Вопли и стоны! Крики и проклятия! Это кажется золотым Адом! С множеством верблюдов приезжает лоснящийся незнакомец — останавливается перед яркими кучками и показывает… свои… сокровища: клубни ямса и плоды хлебного дерева.

«Дай, дай, — кричат голодные охотники, — тысячу сиклей за ямс! Королевскую цену за еду! О незнакомец! Мы преклоняем колени пред тобой: бери, бери наше золото, но позволь нам жить!» Клубни ямса им брошены, и они дерутся. Тогда тот, кто не трудился, не рыл, не работал, как раб, немедленно нагружает свои караваны золотом, возвращается на берег и быстро отправляется домой. «Домой! Домой! — кричат старатели с выпученными глазами. — С этим ярким золотом мы могли бы вернуться к ждущим нас жёнам, которые воздевают свои руки на дальних берегах, и тогда всё было бы хорошо. Но мы не можем уплыть; носы наших кораблей лежат и гниют на пляже. Ах! Дом! В тебе только и есть счастье! Лучше твой серебряный доход, чем все эти золотые результаты. О, горький конец всех наших надежд — мы умираем в золотой могиле».

Глава LXIII
Они вглядываются в Пальмовые острова и проходят островами Мирры

Теперь мы повернули наши носы точно на запад через синюю лагуну.

Земли уже вскоре стало совсем не видно. Вдаль, насколько можно было разглядеть, простиралась одна голубая равнина, на всём своём протяжении усыпанная пенистыми барашками: бессчётное стадо на безграничном лугу!

И снова всё поменялось. Как созвездия, умножились яркие островки вокруг. Изумрудно-зелёные, они разметили собой фантастические формы: круги, дуги и полумесяцы, — целые атоллы, или коралловые ожерелья, украшенные драгоценными камнями и светившиеся на солнце.

Мы проплывали мимо них, одну группу за другой, и через листву высматривали сладкие девичьи формы, как у Евы в Раю до грехопадения или у Прозерпины в Энне. С берега исходил простой воздух, и из-за розового кадила он возвращался цветущим, как будто от щеки Гебы.

— Здесь, наконец, мы найдём милую Йиллу! —

бормотал Иуми. — Здесь она должна пребывать в своей невинности! Быстрее! Давайте высадимся и начнём искать.

— Если здесь, — сказал Баббаланья, — Йилла и оставалась до нашего прибытия, то прошла перед нами через рощи. Везде, где каноэ вытащено на берег, не видел ли ты высоких пальм? Нет, поскольку никогда киль не ударился о берег. Помилосердствуйте, давайте уйдём отсюда. Я не знаю почему, но вдыхаемый здешний воздух способен нас свалить.

Проходя этими местами, мы прошли к диким островам, где сверкающий коралл казался оставленными костями, отбелёнными на солнце. Дикие нагие люди стояли на берегу, размахивали неотёсанными дубинками и скрежетали своими зубами, как боровы.

Полная красная луна поднималась, и в проплывающей дали перед ней возникали призрачные фигуры связанных жертв, ведомых через рощи к алтарям. Предсмертные хрипы наполняли воздух. Но опустилось облако, и всё покрылось мраком.

Снова чистая вода простиралась перед нами, и спустя много дней туда пришёл слабый ветер, весь наполненный пряными запахами и корич-

ными ароматами, и в розовом потоке вечернего воздуха, словно жареные черви, запылали те островки, где горел этот ладан.

— Сладкие острова мирры! О, тёмно-красные рощи, — вскричал Иуми. — Горька, горька ваша судьба! Ваша яркость и ваши цветы, как мускусные светлячки, вдвойне приманивают смерть! На вас охотятся страны, подобные медведям, объедающимся мёдом.

Словно лебеди, наши проа проплыли среди этих островов, где мы часто высаживались, но напрасно; и, оставив их, мы продолжили следовать за заходящим солнцем.

Глава LXIV
Они ходят по кругу внутри рифа Марди и повсюду оставляют следы

Запад, Запад! Запад, Запад! Куда указывали святые и пальцы пророка, куда на закате обращаются все преклонённые огнепоклонники, куда посреди океана возвращаются умирать великие киты, куда лицом обращены все умершие мусульмане Персии, где лежат Небеса и Ад! Запад, Запад! Туда человечества и империи — стада, караваны, армии, флоты, миры, солнца и звёзды, — все — движутся! Запад, Запад! О, безграничная черта! Вечная цель! Куда прорываются тысячи миров, десять тысяч килей! Маяк, которым управляет вселенная! Как Полярная звезда, привлекающая стрелки всех компасов! Всегда недосягаемая, но всегда ведущая к великим делам эта сторона сама по себе! Улей всех закатов! Крылья Гавриила не могут достичь тебя!

По ароматным волнам всё ещё шёл на запад наш парус! С рассвета до заката яркие дни укорачивались, преследуемые мрачными ночами, и в славной смерти передавали свой блеск

звёздным небесам. Так же долог полёт сияющих дельфинов перед извивающимися акулами, но, схваченный и разорванный в пламени, блеск умирает, сгорая, — это их последний роскошный уход в сверкающей чешуе проплывающего моря.

Тарелки, барабаны и псалтыри! Воздух бьётся, как пульс музыки! Выше! Выше! И движущиеся огни, и разукрашенные фонари! Что это за великий берег?

— Почтение тебе, Старый Ориенда! — крикнул Медиа, обнажая лоб. — Первоисточник всех империй и императоров! Коронованный король приветствует вас!

— Родина Марди! — кричал Мохи. — Прародительница стран, привет тебе!

— Приветствую! — кричал Иуми. — Короли и мудрецы, сюда приезжающие, должны прийти, как паломники, с сумой и посохом! О, Ориенда! Ты достойна нашего Востока, где вначале расцветали песни и науки в первобытные времена Марди! Но теперь как всё изменилось! Рассвет становится темнотой, в которой загорается свет наших копий! На всемирном родовом очаге мы проливаем кровь наших братьев!

— Здесь, среди племён, — сказал Баббаланья, — есть много косвенных свидетельств отцеубий-

ства. В прошлые времена Лузианна послала сюда свои войска, и Франко посылало множество капитанов; и Дикемен со своими контрабандистами и мерными копьями! Но ты, о Белло, господин древней империи! Ной современности. Прародитель зародышей длинной линии наций! Ты, Белло, и твоя армия, как саранча, и есть существующее проклятие Ориенды. Плотами, несущимися вниз по древним потокам со святых равнин, ты уничтожил флот! Мор, который прореживают твои армии здесь, порождён трупами, оставленными тобой. Священники Мараммы, твои набожные герольды, громко объявляют, что, кроме их священников, все остальные — язычники, Ориенда больше всего сопротивляется правде! Да! Тщетны все набожные голоса, что отговаривают от угрозы войны! Завоевательный марш через дикую местность может быть маршем Намерений, но не маршем Любви.

— Ты, Белло! — кричал Иуми. — Вырываешь посох из руки Алмы и вкладываешь в неё копьё. Но тщетно делать завоевателя из того, кто, отложив пурпур, когда он пришёл в Марди, и сняв позолоченную митру, смиренно приехал к народам на осле.

— О, проклятая торговля! — кричал Баббала-

нья. — Та, что меняет души на золото. Белло! Опиумом ты можешь одурманить эту землю и убить её спящей! И что заставляет тебя завоёвывать здесь? Семена, посеянные копьями, редко всходят; и урожаи, которые пожинают, отравляют края серпа.

Всё так же шли мы берегом, не считая дней.

— О, сообщества и скопления стран! Тёмные неисчислимые племена! — кричал Иуми. — Расположившиеся лагерем на равнинах и в степях, на тысячах гор, поклоняющиеся звёздам, в тысячах долин, предлагающих первые плоды, пока все леса горят в пламени; где, в каком огне душа вдовы поднимается, чтобы встретить своего господина?! О, Ориенда, в тебе тщетно искать нашу Йиллу!

— Ночь темна, как смерть! — сказал Мохи, стряхивая росу со своих косичек. — Пламя Небес здесь без звёзд, как на земле Доминоры и просторной Вивенцы.

Было заметно лишь одно-единственное созвездие, но каждая звезда была блестящей, как та, что обещает утро. Тем созвездием был Южный Крест — знак и образ Алмы.

И теперь мы держались на юго-запад к другому обширному острову, которого достигли, — Хамо-

ра! —отклонившись далеко к Антарктическому полюсу.

Проплывая варварскими берегами, где раскрашенные воины размахивали копьями при всех наших попытках высадиться, мы медленно обошли мощный утёс, освещённый маяком, и услышали звук горна: Белло! — поспешив к той части, где был расположен гарнизон у Края света.

Здесь море катилось высоко, словно катящиеся горы, посреди которых мы тащились и напрягались, как будто поднимаясь на утёсы Кавказа.

Но это продолжалось недолго. Как с воющих ротиановых высот путешественник видит внизу зелёную Ломбардию и рвётся вниз к этой приятной равнине, так и мы, обходя длинные повторяющиеся возвышенности, наконец оказались в спокойной лагуне.

Но поскольку мы плыли к северу, то ещё раз подул штормовой порыв, и, словно натравленное, море бросилось лающей стаей, и его батальоны присели перед высокой скалой, далеко отстоящей от основных берегов. Но луна, затемнённая небесами Египта, смотрелась своей половиной весьма одиноко. Но и в этой темноте, на самом высоком пике, развевался штандарт Белло.

— О, ограбленная могила, — вскричал Баббаланья, — в которую уложили Марса и Молоха наших времён, чьи звёздные короны были из самоцветов и диадем. Ты — бог войны! — действительно казался пожирающим Зверем Апокалипсиса, столь широко затмив Марди, что задержался в долине старого Франко, где всё ещё продолжают вызывать твой огромный призрак и будут после его приветствовать, Король! Всемогущий очаровательный герой! Кто после ошибок полстолетия назад смог так околдовать все сердца! Ни одна капля крови героя не обожествит дурака.

Франко! Ты мечтаешь быть свободным; это твоё свободное уважение к похороненному праху Короля, но твой первоначальный путь — возвышение твоего народа. В разъярённых огнях ты сжёг трон Людвига и над своими главными перестроенными вратами золотыми буквами начертал: «Дворец нашего Бога!» В своём Новом законе ты возвращаешься к Закону порванному. И на алтаре Свободы — ах, я всё ещё боюсь — могут повториться твои гекатомбы. Но Свобода отворачивается; она больна от предложенной ей сожжённой крови. Она любит другие ритуалы и, как Оро, невидимый сам по себе, поклоняется

только невидимому. От длинных рисованных кавалькад, напыщенных процессий, бешеных лозунгов, мистической музыки, марширующих народов ей ничего не нужно. О, возможно, твоё мирное Будущее, Франко, освящено твоим кровавым Прошлым. Не дай истории сказать: «Она снова повернулась к своим старым богам».

Этот скалистый островок остался позади, море успокоилось; опять мы приблизились к Западному берегу Хаморы. В глубокой темноте, тут и там, его край был освещён белыми, как пена, ломающимися волнами, катящимися с берега Вивенцы и откатывающимися от севера Доминоры, отмечая места, где во внутренний мрак джунглей свет врывался.

С тяжёлыми вздохами ночные ветры с берега прошли над нами.

— Бесполезно искать здесь милую Йиллу, — вскричал Иуми. — Бедная земля! Проклятая человеком, но не Оро! Вы сами оказались слабы перед вашими детьми, оторванными от вашей земли и переданными чужакам. Вивенца! Эти ветры не растрачивают своих стенаний, и прежде, чем достигнуть тебя, каждая твоя долина вторила бы им эхом. О, люди племени Хамо! Ваша чаша горя так полна, что скоро должна вылиться

на землю, которая считает вас рабами. Никакое страдание, не порождённое преступлением, не распространяется и не отравляет всё вокруг. Страдание ищет грех, как изможденная собака — зайца и его слёзы в зелёных чащах.

Мы всё ещё продолжали плыть, и после многих спокойных дней и ночей на нас обрушился шторм и взорвался тысячей бомб. Молнии ветвились и вспыхивали, воды вскипали, наши три носа поднимались в мольбе, но волны тут же ударяли по ним.

Баббаланья сказал, кланяясь разрывам:

— Вот так, о Вивенца! Работа Возмездия! Долго задерживаясь, оно наконец приходит — Осуждение со всеми его оковами. И тут поток подхватил нас, и, словно три стрелы, наши кили понеслись в восточном направлении через узкий пролив вдаль, на ровное пространство, внутренний океан, где не было волнения.

Слева от нас находилась юго-западная точка Порфиро, мощная скала с длинными рядами галерей, палуба на палубе, и флагштоки, как адмиральские мачты: линкор, весь из фиолетового камня, поставленный на якорь в море. Здесь уселся лев Белло и через тысячу иллюминаторов следил за миром.

Справа, на северном берегу Хаморы, густо мерцали полумесяцы, многочисленные, как кресты вдоль противостоящего берега.

— Тщетно говорить, что прогресс — испытание для истины, мой господин, — сказал Баббаланья, — когда после многих столетий те же полумесяцы так и не уменьшили сияние и подсчёты адептов каждого прихода сходятся вон там. У Правды и Достоинства есть другие символы, нежели успех, и в эту смертельную гонку могут вступить все конкуренты, и поле видно всем. Бок о бок Ложь бежит рядом с Правдой, и глупцы с мудрецом; но, как геометрические линии, пронзающие бесконечность, они никогда не могут соединиться.

По этому морскому течению мы и поплыли; и высаживались справа, и высаживались слева; но деву никак не смогли найти; пока, наконец, мы не достигли водного предела и не увидели внутри страны большие тёмные массы, увенчанные нимбами.

— Гранитные континенты, — кричал Баббаланья, — они кажутся созданными, как планеты, не построенные человеческими руками. Ло, Ориентиры! На чьих боках Время оставляет свои следы, как старые следы морских течений.

Как после брожения кругами вокруг некой фиолетовой лощины глубоко в сердце безграничной прерии сбитый с толку охотник углубляется в неё, а затем в отчаянии поворачивает ещё раз, чтобы вернуться на открытую равнину, так и в этом случае мы стремились теперь повернуть наши кили и уйти от того, что явилось нам во Внутреннем море. Вселенная снова была перед нами; так широки оказались наши поиски.

Глава LXV
Под парусом

Утро застало ту же самую спокойную, синюю Лагуну, какой она была изначально; и все земли, которые мы обошли, начиная с отъезда от берега Пико с тамошними копьями, исчезли из виду.

Неотъемлемой частью Мардианские острова стали сами по себе, подобно Плеядам, что сияют в Тельце и затмеваются красным блеском его пламенного глаза и густым скоплением созвездий вокруг.

И потому я обращусь к некоему старому королю астрономии в Орионе, — скажите, Царственный Ригель или Бетельгейзе, ведь поскольку эти четыре земные четверти кажутся вам четырьмя точками вдали, то и вы кажетесь такими же точками для земных глаз, что широко охватывают сферы.

И подобно тому, как солнце под божественным воздействием колесом прокатывается через эклиптику, пронизывая Рака, Льва, Рыб и Водолея, так и я благодаря некоему мистическому импульсу продвигаюсь на этом быстроходном

корабле через группы островов в зоне белого рифа Марди.

О, читатель, послушай! Я путешествую без карт. С компасом и вожатым мы не нашли бы эти Мардианские острова. Тот, кто смело начинает, обрубает все концы и, отворачиваясь от общего бриза, удовлетворяющего всех, своим собственным дыханием наполняет свои собственные паруса. Обозрите берег, вы ничего нового не заметите; и «Земля, хо!» наконец будет пропето, когда обнаружится новый мир.

Этот путешественник вёл свою барку через моря, невиданные прежде, прокладывая свой собственный путь среди насмешек, хотя и с сердцем, часто отягощённым мыслью, что он может быть только слишком смелым, и ощущением, нет ли где земли.

Также и я.

И хотя попытка оказалась не развлекательным плаванием, я отклонился от своего курса благодаря непреодолимому взрыву и, плохо подготовленный, молодой и стремящийся начать основное дело, всё ещё продолжал лететь перед бурей, — трудно меня одолеть, чтобы удержать крепкое сердце.

И если будет тяжелее, чем прежде, найти новые

страны, когда сейчас наши моря часто окружены десятками тысяч носов, — то слава окажется намного больше!

Но этот новый мир, здесь обнаруженный, более странен, чем тот, кто растянул свои фургоны от Пало. Это — мир ума, в котором странник может увидеть вокруг больше удивительного, чем в скитании группы Бальбоа по золотым ацтекским полянам.

Но пламенное желание их собственного призрачного будущего появилось и считается существующим. Поэтому если после всех этих страхов и расслабляющих трансов будет вынесено решение, то золотой гавани вы не получите, — всё же в смелых её поисках лучше опуститься в безграничную глубину, чем плавать на вульгарных мелководьях; и вы, боги, ниспошлите мне чрезвычайную катастрофу, если я способен её одолеть.

Глава LXVI
Вылет соловьёв из уст Иуми

К полудню установился штиль.

— О, Нива! Славная Нива! Любезная Нива! Твоё сладкое дыхание, дорогая Нива!

Так из своего акульего рта просил маленький Ви-Ви Бога Попутных Бризов. И каноэ пятились назад, пока три носа не взорвались ржанием и не загарцевали на своём пути, как ретивые кони крестоносцев.

Затем подул прекрасный ветер, солнце радостно въехало в небеса, и вся Лагуна покрылась белыми, летящими гривами; Медиа призвал Иуми порыться во всём его собрании песен — воинственных, любовных и сентиментальных — и угостить нас чем-нибудь вдохновенным из-за слишком долгого пребывания компании в мрачном настроении.

— Спой лучшие твои песни, — крикнул он.

— Тогда я спою вам песню, мой господин, которая является самой сильной из всех песен. Я сочинял её долго, давно, когда Йилла ещё жила в Одо. Раньше вы слышали некоторые её фраг-

менты. Ах, Тайи! В этом моя суть — заставить вас вновь пережить свои счастливые часы. У некоторых радостей есть тысяча жизней, позволяющих им никогда не умирать; поскольку, когда они сникают, сладкие воспоминания оживляют их. Мой господин, я считаю эти стихи хорошими; они вышли из меня, как пузырящаяся живая вода из источника в серебряном руднике. И с вашего доброго разрешения, мой господин, у меня есть большая вера во вдохновение. Любой певец — провидец.

— Исполнение — это испытание, — сказал Баббаланья. — Иуми, ты исполнял её, когда эта песня была сочинена?

— На всём пути, Баббаланья.

— Снизу доверху?

— От пальца до пальца.

— Моя жизнь ради неё! Истинная поэзия здесь, мой господин! Само её исполнение, как я сказал, и является испытанием.

— Я вложил душу в эту песню, — кричал Иуми, — она всегда вызывает такое искрение, оживление и свечение, что ни один сын человеческий не сможет повторить её, исполняя самостоятельно. Сама эта песня станет доказательством того, что я сказал.

— Скромный молодой человек! — вздохнул Медиа.

— Не более чем искренно, — сказал Баббаланья. — Тот, кто откровенен, часто оказывается пустым, мой господин. Без злого умысла он сам говорит свободно, как любой другой, и так же готов соблюдать своё собственное достоинство, даже воображаемое, чтобы пожаловаться на его несомненную нехватку. Кроме того, такие люди, склонные к капризам, ограниченные, они не симпатичны смертным, невольно создают недоверие к себе, представая в фазе самомнения. Принимая во внимание, что тот человек, кто в присутствии своих лучших друзей выставляет напоказ зарешеченный и запертый бок, настолько чрезвычайно ценит свою собственную усладу, что не захочет осквернить святыню своей веры, оставив открытыми свои двери. Он заперт; и Эго — ключ. В резерве только тщеславие. Но всё человечество — индивидуалисты. Мир вращается вокруг меня, и мы — вокруг себя; поскольку мы — наши собственные слова, а все другие люди как чужеземцы из диковинных, далёких стран, где ходят одетыми в меха. Поэтому, независимо от того, кем бы они ни были, давайте покажем им наши миры, не стремясь скрыть от людей то,

что знает Оро.

— Правда, мой господин, — сказал Иуми, — но всё это относится к людям в общей массе, но не всегда к моему несчастному ремеслу. Из всех смертных мы, поэты, больше всего подвержены противоположным капризам. Сейчас — небеса за небесами в небе, потом — слой под слоем в пыли. Так мы расплачиваемся за то, что мы есть. Но Марди лишь видит или думает, что видит символы нашего самодовольства, тогда как все наши муки невидимы. Поэты способны ощущать только тогда, когда они сами взлетают.

— Песню! Песню! — крикнул Медиа. — Не бери в голову метафизику, гений.

И Иуми, так настоятельно призванный, трижды запнулся, настраивая свой голос для пения.

Но здесь стоит сказать, что менестрель был одарён тремя чудесными голосами и иногда, как пересмешник, давал концерты со всеми сладкими тонами. Если бы вы, добрые друзья, умерли, то завещали бы ему свои голоса? Но прислушайтесь! В низком, умеренном тоне он начал:

Едва показался над холмами розовый свет,

Снова любезное утро застенчиво-крот-

ко!

Так и взгляд Йиллы!

Задумчивы глаз её звёзды,

И от младого рассвета мягко сияют щёки её!

Но всё ещё кроток Восход

И бесформен

От Йиллы – но не от утра!

Скоро поднимется солнце,

К бегу день подгоняя,

За холмами лучи его

Режут пространство, как будто мечи, —

И продолжают с весельем они полыхать!

В воздухе музыка солнца!

Так вот и Йилла, сияя, теперь поднимается!

Лучи – продолжение длинных ресниц её, —

Музыка солнца в эфире звучит!

Её смех! Как он сочен!

Звуков яркий каскад!

Звон колокольный за звоном, звонящий вдали, —

Или звон вод, что с серебряным пеньем

Льются в бассейнах – из верхнего в нижний!

Падая быстро, блестя и струясь:

Грудь Йиллы – мягко дышащее озеро,

Где во всех порах и ямочках смех её мягкий живёт!

О, Йилла-красавица! Шаг твой свободен!

Быстро летит он над рябью морской,

Впадины все раскрывая,

Когда ты к игривому морю летишь!

Все звёзды смеются,

Как только наверх она поглядит;

Деревья лопочут

В укромных лесных уголках;

Ручьи все поют;

Эхом пещеры звенят;

И расцветают бутоны;

И ветви в объятьях стоят;

И весело птицы поют;

И листья из почек выходят,

Как только на почки посмотрит она!

Глубины души её солнца лучи испускают

И многих к ней быстро бежать заставляют.

И лозы растут, давая начало цветам,

И сотни влюблённых друг другу себя отдают!

— Продолжай, нежный Иуми, — сказал Баббаланья.

— Объясни, — сказал Мохи.

— Продолжай, — сказал Медиа.

— Мой господин, я прекратил посередине; конец ещё не дописан.

— Мистика! — вскричал Баббаланья. — Что, менестрель, ничего не должно окончательно выйти из всей этой мелодии? Никакого заключительного и неистощимого значения? Разве нет ничего, что попадает в глубину души, что само по себе и есть поставленная цель, что проникает в её собственную сущность и пропитывает све-

жестью, превращая вещи в элементы великого божественного охвата, посредством чего мы, смертные, становимся неотъемлемой частью богов, а наши души — их мыслями; и отчего мы оказываемся посвящёнными во все вещи — тайные, невыразимые и возвышенные? Тогда, Иуми, твоя песня ничего не стоит. Алла-Малолла говорит: «Это не истинное жизненное дыхание, которое не оставляет влаги». Я подозреваю тебя, менестрель, в том, что ты ещё не был пропитан главными тайнами, в том, что ты недостаточно размышляешь об Уединении, Монадах и Гипархах, Дианоях, Уникальных Ипостасях, Гностических силах Психической Сущности и Неземных и Плероматических Триадах и ничего не сказал относительно Абстрактных Ноуменов.

— Во имя Оро, прекратите! — выкрикнул Иуми. — Много звуков в ваших словах пугает меня.

Затем зашептал Мохи:

— Действительно ли он опять безумен?

— Мой мозг разбит, — сказал Медиа. — Аззагеддди! Ты должен голодать и истекать кровью.

— Ах! — вздохнул Баббаланья, поворачиваясь. — Как мало они думают об «Элементарных расположениях в шахматном порядке» и «Беспокойных Сферах»!

Глава LXVII
Они посещают одинокого Доксодокса

Следующим утром мы подошли к раскидистому, свежесрубленному дереву, мерно качающемуся на волнах; его край был в белой пене. Очаровательный вид!

В то время как все наши восхищённые гребцы пристально рассматривали его, Медиа, взглянув на Баббаланью, погружённого в мечтательность, призвал его проснуться, пытаясь выяснить, что могло так занимать его.

— Ах, мой господин! Какие-то ангельские звуки увели вас от меня!

— Звуки! Несомненно, есть нечто слышимое, и это — бормотание прибоя; ты слышал другой звук?

— Взволновавший гармонию моей души, мой господин. Но не прочищайте ваши уши, чтобы услышать его; эта божественная гармония слышится только восхищённым духом; это не проходит по слуховым нервам.

— Хватит, Аззагедди! Хватит об этом. Посмотри вон там!

— Самый прекрасный лес, воистину. И полагаю, что здесь живёт мудрец Доксодокс, называемый Первым Мудрецом.

— Прислушайтесь, я слышу уханье его сов, — сказал Мохи.

— Мой господин, вы, должно быть, читали о нём. Он, как говорят, перешёл от зональных принципов к незональным. Мы будем искать его, чтобы услышать его мудрость? Несомненно, он знает многое, от чего мы затрепещем.

Когда мы высадились, лагуна была спокойна; кроны деревьев не шевелились, и, как только мы вошли в безмолвную тень, подняв свою руку, Баббаланья прошептал:

Эта тишина годится для входа в портал знаний о религиозных таинствах. Где-то под этим мхом лежит мистический камень Мнизурис, посредством чего Доксодокс имеет возможность познания несформированных сущностей. Ночью он купает свою душу в потоках света архангелов. О, Доксодокс! Отхлещите меня вершиной Строфалуниана! Поговорите с вашим отроком!

— Спускайся, Аззагедди! Спускайся! — закричал Медиа. — Гляди: там сидит Мудрец в одиночестве ради получения истинной мудрости!

Услышав голоса со стороны моря, мудрец, долж-

но быть, узнал о нашем приходе, но, усевшись на зелёном берегу, под тенью красной шелковицы, на ветви которой взгромоздилось множество сов, он, казалось, намеревался начертать фигуры водолазов в воздухе чёрной, как уголь, палочкой.

Приблизившись с должным уважением и смирением, Баббаланья приветствовал его:

— О, мудрый Доксодокс! Привлечённые сюда вашим прославленным именем, мы ищем доступ к вашей самой глубокой мудрости. Из всех мардиан вы один постигли те тайные комбинации, посредством которых являются на свет наиболее тщательно скрытые явления, существующие и приходящие. Вы знаете, кто мы и кем мы будем. Мы умоляем вас, вызовите вашего Целмнса!

— Тетрады, Пентады, Гексады, Гептады, Оксады — ты так скуп?

— Это всё новые условия!

— Он помешан на своём собственном оружии, — сказал Медиа.

— Тогда, если ты не постигаешь моей номенклатуры, — зачем тебе моя наука? Но позволь мне проверить тебя в галерее. Почему случается так, что некоторые вещи простираются дальше, чем другие; например, Квадаммодотатив крупнее, чем Квалитатив; тогда как Квадаммодотатив рас-

пространяется на те понятия, которые включают сам Квадаммодотатив.

— Аззагедди нашёл себе ровню, — сказал Медиа.

— Всё ещё позируешь, Баббаланья? — спросил Мохи.

— В недоумении, воистину! Но я умоляю вас, мудрейший Доксодокс! Просветите меня в вашей диалектике, чтобы я смог охватить больше ваших неясных знаний.

— Начнём тогда, дитя моё: все Дицибли пребывают в уме.

— Но что такое Дицибли? — спросил Медиа.

— Не знаешь ты, что такое Прекрасные или Несовершенные Дицибли? Тебе любой их вид понравится.

— Но каковы они?

— Прекрасные Дицибли — различных видов: Вопросительный, Перконтативный, Аджуративный, Желательный, Непросительный, Ненавидящий, Заменяющий, Непреодолимый, Гипотетический и, наконец, Сомнительный.

— Слишком сомнительный! Аззагедди! Всегда после удерживай свой мир.

— Ах, дети мои! Я должен вернуться к своим Аксиомам.

— И каковы они? — спросил старый Мохи.

— Различных видов; они, опять-таки, разнообразны. Итак: мои противоположные аксиомы Дизъюнктивные и Поддизъюнктивные; и так же с остальными. Так же, в той же степени, с моими Силлогизмами.

— И что с ними?

— Я разве не намекал, каковы они, дитя моё? Я повторяю, они разных видов: Соединённый и Связанный, например.

— И что с ними? — настаивал Мохи, в то время как Баббаланья, сложив руки, стоял серьёзно и молча, с усмешкой на своих устах.

— Как и с другими отделами моей диалектики: так же, в том же русле, что и с моими Силлогизмами. Итак, когда я говорю: если это тёплое, это не холодное, — это простое предположение. Если я добавляю: но это — тёплое, — это уже допущение.

— Так говорит сам силлогист, несомненно, — сказал Мохи, поглаживая свою бороду.

— Бедное невежественное дитя! Но послушай: если в конце я говорю: следовательно, это не холодное, — это — заключительный вывод.

— И триумфальный! — вскричал Баббаланья. — Трижды глубокий и премудрый Доксодокс! Свет

Марди! Маяк Вселенной! Слышали вы когда-нибудь о Силлогизме акулы?

— Хотя твои эпитеты верны, дитя моё, я не доверяю твоей искренности. Я ещё не слышал о силлогизме, о котором ты говоришь.

— Произошло вот что. Акула схватила пловца за ногу, обратившись к нему: «Дружок, я освобожу тебя, если ты правдиво ответишь, думаю ли я тебе навредить». Хорошо зная, что акулы редко бывают великодушны, он ответил: «Вижу, сэр, вы желаете мне навредить; поэтому теперь давайте разойдёмся и пойдём своими путями». — «Нет, нет; моя совесть запрещает. И при этом я не фальсифицирую слова так же правдиво, как смертный. Ты должен был ответить правдиво, но ты говоришь, что я хочу тебе навредить, — а потому в этом и есть вред: твоей ноге суждено оставаться у меня».

— Светский шут! Ты оскорбляешь меня своим нелепым дурачеством? Прочь — все вы! Топайте! Пакуйте вещи! Я сказал: идите прочь! — И сам Доксодокс исчез в лесу.

— Браво, Баббаланья! — крикнул Медиа. — Ты восхитительно загнал его в угол.

— У меня остаётся надежда на нашего Философа, — сказал Мохи.

— Возмутительный самозванец! Дурак, старый чурбан! Он думал провести меня своей нелепой тарабарщиной? И этот мелкий фразёр — известный Доксодокс, которого мне представляли как чрезвычайно почитаемого? Увы, увы — Одонфи там нет!

— У него снова припадок, — вздохнул Иуми.

Глава LXVIII
Мечты короля Медиа

День приближался к своему началу; все, кроме Медиа, потихоньку просыпались, оставаясь пока неподвижными, как сони на фиолетовой циновке. Когда мы плыли под парусом с открытыми глазами, наш сон был бодрым сном людей, которые давали отдых только телу, в то время как дух всё ещё продолжал тяжело трудиться, пробивая собой горные проходы.

Дремота короля Медиа походила на дремоту часового в седле. Он очнулся от неё, как рогатый олень, внезапно затрубивший в роще. Некоторые говорили, что он никогда не спал, что часами бывал глубоко погружён в самого себя или оставлял свой коронованный мраморный лоб неподвижным, невидимым, равнодушным к туманным советам богов. Как бы то ни было, его веки никогда не закрывались, на полуденном солнце эти кристаллические глаза, как алмазы, искрились неподвижным светом.

Пока мы неподвижно лежали, раскинувшись, Медиа повернулся и пробормотал:

— Брат богов и полубогов, это нехорошо. Это смертные могут обладать меньшим или большим. Среди моих подданных есть человек, гений которого презирает общепринятые теории вещей, но чей пока ещё смертный ум не может понять океана под своими ногами. Его душа, в которой он бредит, пуста.

— Слушайте, слушайте, — шептал Иуми, — наш господин мечтает, и это королевская мечта.

— Вполне королевская и имперская мечта, — сказал Баббаланья, — он привлекает к суждению высокие небеса; да, да, в мечтах, по крайней мере, он почитает себя полубогом.

— Тсс, — сказал Мохи, — он снова говорит.

— Боги и полубоги! Одним жестом мы можем раскрыть все пропасти и перед глазами Марди вызвать сокрытые времена. Хорошо ли это? Словно потерянные дети, на ощупь идущие в лесах, плутающие своими запутанными путями, под тысячей углов, расстроенные, они натыкаются друг на друга. И даже когда они находят выход, тот оказывается бесконечным коридором, который никуда не ведёт. На моём собственном острове Одо — Одо! Одо! Как правит там мой королевский наместник? Вниз, вниз, вы, безумные толпы! Хо, копьеносцы, нападайте! Слава небесам, налетели

мои алебардщики!

— Его мечта изменилась, — сказал Баббаланья. — Он находится в Одо, куда его зовут неприятности.

— Тсс, тсс, — сказал Иуми.

— Я высаживаюсь на берег! Докладывай, Алманни! Где мой трон? Мохи, разве я не король? Разве твои хроники не писали обо мне? Иуми, разве я не душа чьей-то великолепной песни? Баббаланья, скажи. Мохи! Иуми!

— Что это, мой господин? Вы что-то делаете, но в мечтах. Дико взглянув, затем пристально и спокойно осмотревшись вокруг, Медиа улыбнулся:

— Ха! Так мы по-королевски блуждаем в наших мечтах! Я не сказал о тайнах?

— В то время, пока мой господин, как казалось, спал, он сказал многое, — сказал Мохи.

— Я не знаю этого, старик; но теперь, возможно, произошло то, о чём ты говоришь мне.

— Мы мечтаем не сами, — сказал Баббаланья, — а мыслями в нас самих.

— Да? Хорошего следующего дня тебе, Аззагедди! Но подходите; хватит мечтаний. Ви-Ви! Вина!

И прямо в эту вечную ночь бессмертный Медиа опорожнил кубок.

Глава LXIX
После долгой ночной паузы они успокаиваются

Солнце взошло и село, луна засияла и потускнела, пока наконец та же звезда, ещё недавно объявлявшая о закате, не начала предвещать рассвет нам, печальному символу! В это самое время в глубине сердца Мардианского круга мы проплывали от моря к морю, и от острова к острову, и от архипелага к архипелагу, исследуя обширные империи, и внутренние долины, и всевозможные вершины, и каждый луч на небесах, увиденный королём.

Бесполезно перечислять всё, что тогда случилось: какие племена и караваны мы увидели, какие широкие горизонты, бесконечные равнины и горные цепи, и каждую из долин, похожую на людское гнездовье.

Достаточно было сказать, что мы всё ещё продолжали странствовать.

Стоял вечер, и как только выросшее красное солнце коснулось волны, то снова с дикого берега мы спустили на воду три наших каноэ.

Скоро облака, скрывавшие Ночь, как монахиню из женского монастыря, почти придвинулись к нам. Шелестел её бархат, полностью лишённый блёсток. Но в вышине, на её лбу, всё ещё сиял её бледный полумесяц, окружённый ореолом из ободков — фиолетового, красного и жёлтого. Такой виделась она одинокому наблюдателю через её радужную дугу; печальная, как беззвёздной ночью.

Подули ветры, лагуна всё ещё дышала теплом, как прерия августовского полудня.

— Давайте спокойно мечтать, — сказал Медиа. — Один из вас, гребцов, пусть смотрит: хо, Компаньоны! Кто за Китай? Сон правил на всех каноэ, спящих на воде. Но ближе и ближе, низко наползая вперёд, нас окутали туманы и пары с тысячами пятнышек мигающих и блуждающих огоньков с сосед- них берегов. Тёмными, крадущимися по склонам леопардами казались эти туманы.

Тихо проходили часы. Когда раздался крик, Тайи вскочил на ноги; напротив него что-то прогрохотало; затем быстрый всплеск! — и тёмный силуэт удалился в лагуну.

Дремлющий наблюдатель забил в набат, и собиравшийся нанести удар убийца, отбросив свой

стилет, нырнул в воду.

Трудно различимые в этих предательских туманах две фигуры в лодке втащили в неё третью, вынырнувшую из морской воды.

Помешавший снова мешает всегда. Но врагу не удалось меня убить.

Затем мы внимательно разглядели во мраке лодку, быстро исчезнувшую прежде, чем наш парус смог бы развернуться для её преследования.

И после с противоположной стороны тумана появилось второе каноэ; и под ирисом, что сиял вокруг луны, теперь сиял другой — цветочный флаг Хотии!

Бесполезно было прогонять сирен, пока те ещё не подошли.

Первая махала растением болезненного серебристо-зелёного цвета.

— Полуночная тремелла! — крикнул Иуми. — Падающая звезда среди цветов! Подойдём поближе, затем посмотрим, потом убежим.

Вторая махала вершиной болиголова, шипом, просто сужавшимся к острию. Третья — вьюнком, наполовину закрытая им. «Конец близок, и все ваши надежды тают». Затем они предложили виноград.

Но, снова отвергнутые, они тихо исчезли.

Снова спрятанный было зубец прорезался в моей душе, снова позвал голос Йиллы, но Хотия дала ответ.

Медленно рассасывалась ночь. Но когда взошло солнце, исчезли облака и исчезла печаль.

Глава LXX
Они высаживаются в Хоолоомоолоо

— Держите все три носа прямо на эти скалы, — крикнул Медиа. — Никакой печали в это весёлое утро! И сразу же на Остров Калек — или Хоолоомоолоо.

— Остров Калек?

— Да, почему нет? Мохи, расскажи, как они собрались вместе.

И таким было его повествование.

Не склонные к варварскому обычаю уничтожения при рождении всех младенцев несимметричного телосложения, но одинаково желающие удаления с глаз долой этих несчастных существ, островитяне с соседнего архипелага давно устроили убежище для калек, где те жили по своим собственным законам, управляемые собственным избираемым королём, короче говоря, сформировав своё собственное сообщество.

На них было наложено одно-единственное ограничение: ни в коем случае они не должны были покидать предназначенный им остров. И для обитающих на нём островитян, таким

образом, неприятный вид неискривлённого смертного, что случайно высаживался в Хоолоомоолоо, считался чудом. Поэтому, уважая любые знания о чём-либо, находящемся вне их мира, калеки были почти совсем изолированы, как будто Хоолоомоолоо был единственной существующей сушей.

Живя в своём собственном сообществе, эти неудачники, которые, так или иначе, были немногочисленными, увеличились и умножились в числе. И при этом последующие поколения не улучшались в симметрии относительно своих предшественников.

Вскоре мы почти подошли к острову.

Заваленный и иззубренный скалами, тут и там покрытый тёмными, кривыми деревьями, он казался пригодным местом для своих жителей.

Высадившись, мы были окружены разноликой толпой и, ею сопровождаемые, начали наш путь внутрь страны, к местожительству их господина, короля Йоки.

Какая сцена!

Здесь, помогающий самому себе двумя кореньями, ковылял карлик без ног; второй, следовавший впереди, одну руку поднимал в воздух, как молниеотвод; третий, более активный, чем

кто-либо, подобно тюленю, махал парой плавников и передвигался, подпрыгивая; четвёртый прыгал на отдельной шпильке, как привязанный, вертясь волчком, чтобы осмотреться, в то время как другой, снабжённый щупальцами или плавниками, свернувшись шаром, успешно катился по земле. Со слепым любопытством они держались поближе к нам; с их болтающимися пальцами, глухой и немой описанной угловатостью, тупыми и острыми углами в воздухе; и, как камни, катящиеся по скалистым ущельям, множество заик запиналось и с трудом разговаривало. Косноязычие, повенчанное с уродством. Рёвом всех ослов стали теперь гармоничные воспоминания; все Калибаны казались подобными ангелам.

И на каждый пристальный взгляд, что мы бросали на них, приходилось по три пристальных взгляда, которые они бросали на нас.

Наконец мы остановились перед обителью из грубых камней и из изогнутого баньяна с ветвями, выполнявшими роль стропил, покрытых соломой и фантастическими листьями. Она настолько беспорядочно была выстроена и имела такую нечёткую планировку, что казалась подброшенной извержением вулкана, которое,

по словам мудреца Мохи, породило и сам остров.

Войдя, мы увидели короля Йоки.

Ах! У него, к прискорбию, отсутствовало всё, что было необходимо для эффективного правителя. Он был глухим и немым и, исключая руки, имел потери по каждой оконечности, кроме обязательного туловища и головы. Его огромный всеохватный рот, казалось, мог проглотить его самого.

Но, бесформенный и беспомощный, Йоки как король Хоолоомоолоо был вполне компетентным, учитывая, что государство являлось ограниченной монархией, для которой Его Высочество был всего лишь пассивной и декоративной главой.

Как только его посетители приблизились, он принялся с ними беседовать при помощи пальцев, а слуга переводил. Очень любопытно было отметить скорость, с которой движение переводилось в звук и одновременно как значение пробивалось через четыре последовательных канала: голова — рука, взгляд, голос и барабанная перепонка.

Большое изумление выражал теперь Его Высочество, испуганным был его взгляд.

— Почему наше общество так испугало вас? Вы собрались вместе, чтобы сохранять самообла-

дание, или вы так боитесь вашего собственного безобразия, что боитесь идти одни? Монстры! Говорите!

— Великий Оро! — вскричал Мохи. — Мы, значит, сами сошли за калек, если верить словам Короля Калек? Мой господин, разве наши ноги и руки не хороши?

— Сомелье никогда не превращается в токаря, Мохи. Но, августейший Йоки! Мы и вправду испытываем смущение перед вами.

Далее мы обменялись пристальными взглядами, и Его Высочество спросил, не знают ли они, есть ли люди с эталонной анатомией среди его посетителей.

— С эталонной анатомией нет ни одного!

— И почему король Йоки решил задать этот вопрос? — спросил Баббаланья.

Тогда прозвучал следующий рассказ.

Во время последнего периода своего господства, казавшегося погружением в свою слепую любовь, почтенный предшественник короля Йоки был очень расположен к старому поседевшему шимпанзе, однажды найденному размышляющим в лесу. Розоко было его имя. Он был очень серьёзным и почтенным на вид, большим философом. Все мудрёные и сложные вещи были ему

знакомы; в своё время он раскусил множество неразгрызанных орехов. И так полюбился Розоко с его мизантропией Тимона, что потребовалось множество подарков и мягких уговоров, чтобы побудить его оставить свой мшистый склон и мизантропическую пещеру ради шумного осуждающего недовольства.

Но вскоре продвинутый на высшие должности и сделавшийся королевским фаворитом лесной мудрец забыл свои леса и любовью за любовь отплатил за нежность короля. Они воистину стали горячими друзьями, обедали и пили вместе, дрожащие иссушенные губы долго растягивали над отрезвляющими бокалами, сравнивали все свои прошлые опыты и обсуждали те скрытые темы, о которых любит распространяться восьмидесятилетний человек.

Когда огни и бунты молодости проходят и Марди предстаёт в более истинном свете, тогда мы любим думать, а не действовать, и настоящее кажется более несущественным, чем прошлое, — тогда мы ищем седые бороды, как и у нас самих, и ведём беседу о параличах, катафалках, саванах и могилах, назначаем себе гробовщиков; наши мантии обёртываются вокруг нас, как саваны; и каждую ночь мы ложимся, чтобы умереть.

Затем великий всемирный пузырь взрывается; тогда облака Жизни кажутся убранными, обнажая небеса перед нашими напряжёнными глазами; тогда мы молимся и бормочем отцам нашим и в дрожащих ударах кричим: «Оро! Будь милосерден».

Так произошло и с этим монархом и Розоко.

Но не всегда они были такими. Яркими, весёлыми утрами они совершали медленные, бесцельные прогулки в лесах, размахивая при ходьбе неуклюжей палкой ручной работы самого Шимпанзе. Уравновешенный Розоко был лесоводом-дилетантом, любителем тростника. И действительно, тростники наконец стали его хобби. Став наполовину безумным с возрастом, он иногда обхватывал ногами посох и благородно выезжал верхом за границу владений, чтобы подышать целительным вечерним воздухом, время от времени полагая это более подходящим упражнением, чем ходьба. В это дело он скоро вовлёк своего друга-короля, и они часто гарцевали рядом или же, утомившись от сёдел, спешивались и делали паузу для размышлений на обессиленных пальмах, упавших на дорогу. Их мистические круги были просчитаны, и для каждого круга имелся год в их собственных ка-

лендарях.

Поскольку монарх оказался очень преданным Шимпанзе, то в нужное время, вызвав своих подданных, искренне повелел им, что после смерти он и его верный друг должны быть похоронены в одной могиле.

Случилось так, что монарх умер; и Бедный Розоко тотчас же впал в детство, о чём возопила большая часть недругов: никто не спал той ночью в Хоолоомоолоо. Он никак не хотел оставлять тело и, наконец, трижды медленно обойдя вокруг него, улёгся рядом с ним, тесно прижался и тихо умер.

Припомнили предписания короля, и один склеп получил их обоих.

Луна следовала за луной, и, раздражённые насмешками и колкостями, жители острова очень огорчились оттого, что подлый бабуин должен делить саван с их покойным господином, хотя они же сами наскоро похоронили старого Аенаса возле своего Агатеса.

Они твёрдо решили устроить другое захоронение в виде высокой пирамиды из камней и унести туда те останки, которые они почитали.

Но при эксгумации возникло печальное недоразумение. В высшей степени Савл и Джо-

натан даже во прахе оставались такими же неразлучными верными друзьями. Настолько переплелись останки обоих — подвздошная и локтевая кости, кисть и запястье и тому подобные соответствующие части, как литературные наследия Бомонта и Флетчера, и где кто был кем, никто не мог сказать. Поэтому они воздержались от дальнейших действий: какой бы высокий памятник они ни возвели, он мог бы оказаться посвящённым обезьяне, а не королю.

Таково было повествование, которое мой господин Медиа выслушал в величественной тишине. Но в изысканной фразе, как и приличествовало ему, Баббаланья, держа тюрбан в руке, сказал так:

— Беспокойство моё — весьма чрезвычайное, король Йоки, из-за сложности, с которой столкнулся ваш остров. Не умаляет моего горя, что я сам не тот человек, который может положить этому конец. Я могу лишь сокрушаться, что эталонное телосложение теперь встречается не столь часто, как это, конечно же, должно быть и когда на его пример имеется большой спрос. Когда в последний, в последний день все миллионы благородных и простых душ будут громко кричать из-за потерянных скелетов, тогда

спорящие претенденты должны будут восстать из-за одного бедного, кариозного позвоночника, и мы, преданные, будем ссориться над нашими собственными костями.

Тогда вошли карлики стюарды и мажордомы, вознеся вверх сплетённые искривлённые рога, полые выгнутые трубы, соединённые вместе, и объявили об обеде.

Не испытывая, однако, желания обедать с искалеченными мардианами, Король Медиа всё же не решился уходить. А Баббаланья, напомнив старую пословицу: «Ударь меня в лицо, но не отказывайся от моего ямса», побудил его пожертвовать собственной привередливостью.

Поэтому под расцветшим роговым горном совет и компания продолжали двигаться к банкетному залу.

В центре его находился длинный, вывернутый ствол дикого баньяна, похожий на огромную многоножку, ползущую на своей сотне веток, отпиленных на высоту ноги. На этом столе были уложены тыквы с кривым горлом, уродливые калабасы и бесформенные миски, вырезанные из сучковатых деревьев. Первым блюдом был суп из креветок, поданный в больших створчатых раковинах; на второе — омары, каракатица, крабы,

моллюски, речные раки; на третье — горбатые корни колоказии, бананы с витыми концами, подобными неисправимым хвостам упрямых свиней; и на десерт — дыни кривой формы, огромные, как головы идиотов, явно страдающих от водянки мозга. Теперь эти продукты рекомендовались к благосклонному употреблению всеми гостями; не только из-за деликатности их аромата, но и из-за их симметрии.

И в паузах между блюдами мы скучали от советов и восхищались множеством искусных изделий: кривоногими табуретами из мангрового дерева, зигзагообразными костяными рапирами, повязками из позвонков серого дельфина, диковинными глубокими блюдами из панциря водяной черепахи и кубками из черепов бабуинов.

Банкет закончился, со многими извинениями мы ушли.

Возвращаясь к берегу, мы прошли местность, где карлики трудились на грядках ямса, сгребая в кучу землю вокруг его корней или сдвигая её назад, как это делают собаки.

Когда всё было готово, камердинер Йоки, вооружённый трезубцем карлик, устроил нам великолепный старт, давая каждому каноэ

энергичный тройной толчок, крича: «Плывите подальше, монстры!»

И при этом нужно отметить, что как раз перед погрузкой Ви-Ви высмотрел любопытный камень, который, будучи перевёрнутым, оказался свернувшейся змеёй.

Глава LXXI
Книга из «Размышлений старого Бардианны»

— Теперь, — сказал Баббаланья, закуривая свой тромбон, когда мы отплыли от острова, — кто же тогда монстры — мы или калеки?

— Ты сам — монстр, если задаёшь такой вопрос, — сказал Мохи.

— Итак, калека — я, хотя, старец, и не по той причине, о которой вы упоминаете. Но я такой, какой я есть; отвратительный или солидный, зависит от того, кто судит. Нет никакого высшего стандарта, на основе которого можно судить нас самих. «Наши главные инстинкты — предубеждения, — говорит Алла-Малолла. — Наши основные аксиомы и постулаты совсем не безошибочны». «Относительно вселенной человечество — всего лишь секта, — говорит Дилоро, — и первичны принципы, но не догмы. Какая этика преобладает в Плеядах? У каких вещей есть синоды, установленные декретом в созвездии Стрельца?»

— Не бери в голову своих старых авторов, — сказал Медиа. — Смирись с калеками, превзойди их.

— Но я делюсь мыслями теперь, мой господин; проповедь не текст. Послушайте старого Бардианну. Я знаю его наизусть. Вот как говорит девиз мудрец в десятой Книге Размышлений «Измельчённое» или «Я думаю»: «Превосходство моего создания, хвастливый человек, заявлено в моей естественной позиции: я стою вертикально! Но так стоят пальмы и жирафы, которые пасутся у их вершин. И птицы в воздухе летят высоко над нашими головами; и в месте, где мы представляем себе наши небеса, птицы оскверняют вершины наших храмов. Похоже, что орлы из своих орлиных гнёзд смотрят вниз на нас, мардиан, на наши улья, как на бобров на их дамбах, поражаясь нашим непостижимым путям. И хитрость некоторых вещей, какова бы она ни была, скрытая от нас, может не составлять для них тайны. Имея пять ключей, есть ли у нас всё, что открывает знания? Глухая, слепая и лишённая обоняния летучая мышь будет ли держаться своего пути безошибочно: а сможем ли мы? Всё же человек — господин для летучей мыши и скота, господин над воронами, с кем он должен будет разделить зерно. Мы заботимся о домашней птице, так же как и о себе самих. Отдых от трудов свойственен только нам. Мы трудимся, как рабы:

свой славный отдых они собирают, как колосья.

Нам не принадлежит весь Марди. Мы — наименее населённая часть из существующих. Не сказав ничего относительно других племён, перепись ввела бы в заблуждение, оставив нас совсем в меньшинстве. И какова жизнь у нас — кислая или сладкая, — такова и у них. Как мы, они умирают, борясь со смертью до последнего вздоха; как мы, они производят потомство и отбывают. Мы обитаем, но на корке, грубой поверхности, разрозненных островах в лагуне, изобилующей ими на две трети, кажущейся издалека великой и особенной — и навсегда непостижимой. Какой глубины шахта дойдёт до антиподов? На какой глубине залегают золотые рудники?

Но даже здесь мы, наземные жители, сверяемся с солнцем в меридиане. Безуспешно мы ищем наши Северо-западные пути — старые проливы и китовые проходы.

О люди! Собратья! Мы всего лишь то, что мы есть; не те, кем мы могли быть; мы не надеемся на каждую вещь. Мы — всего лишь ступенька лестницы, что поднимает нас выше, чем прежде. Мы дышим, но кислородом. Кто в Арктуре слышал о нас? О нас не знают в Млечном Пути.

Мы пустословим о божественных способностях и не знаем, как вырастают побеги травы; мы идём, пожимая плечами, когда арка небесного свода над нами; мы разглагольствуем о воздухе и подолгу остаёмся на наших банкетах; мы требуем Вечности для всей жизни, когда наши смертные склянки слишком часто надоедают нам. Мы не знаем того, что говорим. Полет Райской птицы приводит нас в трепет. То, что должно быть бессмертно, ещё не вошло в наши мысли. По желанию мы выстраиваем наше будущее, ряд за рядом, все галереи, полные лауреатов, в звуках постоянных ораторий! «Отче наш» навсегда или вечные Мучения! Забываем, что в Марди наши конспекты часто выпадают из наших рук. Но есть диваны, как говорят некоторые, где мы раскинемся, греясь под сверкающим солнцем, не зная ни Востока, ни Запада. Это так? Собратья! У наших смертных жизней есть конец, но этот конец не цель: это не место отдыха. Независимо от того, чем он может быть, он появится, но как начало другого народа. Мы будем надеяться, радоваться, плакать, как прежде, хотя наши слёзы могут быть такими же, какие льют пряные деревья. Если мы будем лежать на спине, то будем обязательно уничтожены.

Толстый слой сломан; эпохи кружатся долго. Ближние мои! Если мы будем жить после этого, то это не будет лирикой; мы не будем зевать, и наши тени удлинятся, в то время как вечные циклы будут проходить. Жить вообще — высокое призвание, жить всегда и идти параллельно с Оро, — это может действительно ужаснуть нас. Разве труд здесь не тяжек? И мы всегда будем пассивны в другом месте? Потусторонние миры не очень отличаются от этого, не во много раз. Несомненно, галька — подлинный экземпляр вселенной.

Взгляните наугад. Возможно, в этот момент есть существа, пристально вглядывающиеся в этот самый мир, как в свои будущие небеса. Но вселенная повсюду над небесами: за звёздами нет ничего, кроме звёзд, повсюду бесконечная ширь. Всё, что мы видим, является всего лишь роем. Мы могли бы добраться до Волопаса, но мы никак не станем ближе к Оро, у которого теперь нет иного места, кроме как здесь. Сразу же в её невообразимых скитаниях наша система потянула бы нас сквозь и сквозь пространства, где мы создали бы города из берилла и яшмы. Даже теперь мы можем вдыхать эфир, который мы считаем развёрнутыми веером ангельскими крыльями.

Но посмотрите вокруг. Многое можно увидеть здесь и сейчас. Разве архангелы видят что-то более великолепное, чем созвездия, которые мы созерцаем ночью? Всё время мы пренебрегаем чудесами, словно держим их в запасе. Мы ждём подарка. Мы насыщены чудесами, мы всё ещё держим их, не поражаясь ими всеми. Но эти глаза, что впервые воззрились на все чудеса в Откровении Мечтателя, фамильярно заставили бы их появиться, как если бы эти вещи были видны. Теперь… сейчас… страница раскрывается: просто, легко, как учебник для начинающих; для мудрости, более озадачивающей, чем иероглифическое письмо. Приходящая вечность — всего лишь продление существующего времени: и начало может быть более замечательным, чем конец.

Тогда позвольте нам быть мудрыми. Но большая часть знания, которую мы ищем, уже есть в наших сердцевинах. Она настолько проста, что мы презираем её; настолько смела, что мы боимся её.

В уединении давайте выкапывать наши слитки. Давайте слышать наши собственные мысли. Душа не нуждается в каком-либо наставнике, кроме как в Оро; и Оро, без полномочий. Желание Его — это воедино учение и преподавание.

Бесспорно, причина была в первом откровении; и оно настолько глубоко испытывает все другие, что предшествует им. Оно приходит прямо к нам без подавления или интерполяции, с бесспорного разрешения Оро. Но вдохновение от него не столь высокомерно, как некоторые думают. Нет, оно слишком покорно, время от времени оно подвергается большому неуважению. Хотя в лучшем состоянии оно не безошибочно, но весьма подходит для нас, так как надёжно. Когда оно ошибается, то останавливается. Мы не говорим о провидцах. Но если это наше первое откровение не доходит до предела, то так происходит и со всеми другими. Если часто оно только озадачивает, то намного больше всего остального. Провидцы совсем не оставляют разъяснений и, раскрывая новые тайны, добавляют загадку. Ближние мои, океан, который мы слышим, непостижим; и, однако, добавляя больше к нашей линии, когда она отсутствует, мы не почувствуем основы. Давайте тогда будем действительно непритязательны, не поднимаясь с фарисейским смирением. Мы не ползаем, как черви, мы не изнашиваем ливреи ангелов. У арки небесного свода нет замкового камня; слабей всего опора в человеке. Он стоит в одиночестве. Мы — вещь в себе самих, но как

мало нас в других. Что нам другие? Гарантируйте вечную жизнь этому поколению и его непосредственным предкам — и, какие бы слёзы ни текли, будет ли там какое-либо воскрешение для бесчисленных поколений от первого человека до пяти циклов, прошедших с тех пор? И скоро мы сами присоединимся к ряду и рангу наших отцов. При ударе, уничтожающем некое отдалённое племя, пока живое и весёлое, — на что бы мы обратили внимание? Любопытство весьма обособленно, действительно ли нас заботит, бессмертны ли люди в Гамме Ориона или нет?

Хотя они ударяют нас, давайте не отворачиваться от этих вещей, если они действительно таковы.

Было время, когда около Кассиопеи, звезды первой величины, самой блестящей на Севере, появился аляповатый огонь, затем потускневший, как пепел, и исчезнувший. Теперь это место — чисто. Обширный мир, со всеми его континентами, говорят астрономы, сверкал над головами наших отцов, в то время как в Марди шло веселье и девы выдавались замуж.

Кто теперь думает о той горящей сфере? Как много людей знает, что там когда-то было?

Всё это так.

Ближние! Мы должны пойти и получить проблеск того, что у нас есть от Пояса Юпитера и Луны Сатурна, прежде чем мы увидим нас самих правыми. Вселенная может исстари сиять и без нас, хотя по милости Оро мы сможем жить, созерцая рябь в небе. Вечность, по сути, не для нас; и одно скажу: неоплаченные страдания здесь не дадут право на воскрешение там, которое пока припасено для скота, с которым плохо обращаются. Страдание — это страдание, человек ли страдает, скотина или вещь.

Как малы, как ничтожны наши пустыни! Давайте задушим все тщетные предположения; нам нельзя говорить, какова справедливость; мы были рождены с целым Законом в наших сердцах. Давайте делать, давайте действовать: позвольте нам опуститься на колени. И если, в конце концов, мы больше не должны быть вечными, то намного лучше погибнуть заслуживающими бессмертие, чем недостойно обладать им. В то время, пока мы боремся за принципы, десять тысяч пальцев указывают туда, где может быть сделано доброе дело. Повсюду вокруг нас жаждущие вползают в свои логовища и, дрожа, умирают, не получая помощи. Здесь, здесь, ближние мои, мы можем лучше справиться, чем

ангелы, что на небесах, куда жаждущие и отверженные не могут добраться.

Мы, мардиане, говорим, что будущее будет цельным, но действие, как представляется, будет у каждого. Всё же в наших теориях мы далеко затмеваем наш Марди; мы идём не за предчувствием архангела, кто владеет всеми солнцами и системами сразу. Пока, как галька, острова будут тонуть, Сириус, собачья звезда, всё ещё продолжит пылать в небе. Но насколько микроскопичен атом, настолько же Марди велик для нас. И, живя правильно, эти смертные жизни длятся долго; видно, что эти души неизмеримы, как самые бездонные глубины.

Ближние мои, мы расчёсываем волосы, но откровенные, простые слова и фразы отвергаем, большая часть из нас — ортодоксы. Нет никого, кто думает, что инакомыслие происходит от великой веры. Мысли первого человека были такими же, как и наши. Первостепенное откровение преобладает в нас, и всему, что противоречит ему, мы не так верим, как верим в то, во что мы не можем не верить. Здравый смысл — жестокий деспот, который, по большей части, идёт по своему собственному пути. Это рассматривает и определяет его как большого независимого по-

литика. Но те, кто думает, что они действительно полностью отклоняют его, всего лишь пребывают в лукавой разновидности неволи, под мантией свободы всё ещё нося старый хомут».

— Прекрати, прекрати, Баббаланья, — сказал Медиа, — и разреши мне проникнуть словом в твоё ухо. Ты давно привык, философ, угощать нас главами из старого Бардианны и с большим удовольствием только что пересказал самую длинную из всех. Но я не заметил, о Мудрец, что из-за всех этих сентенций ты сам стал практически лучше или мудрей. Ты не доживёшь до главной мысли Бардианны. Где он стоял, там он и стоит неподвижно, но ты же — вертишься, как флюгер. Почему так?

— Тёмный-изумлённый-взгляд, фугле-фи, фугле-фогле-орум!

— Безумие, снова безумие, — вскричал Иуми.

Глава LXXII
Баббаланья встаёт на ноги

Сидевший твёрдо и неподвижно в течение двадцати четырёх часов Баббаланья не сказал ни слова, а затем, почти не двигая мышцами, пробормотал:

— На банкете не набрасывайтесь с жадностью на еду; вкусите и удалитесь, и не ешьте, пока снова не захотите. Таким образом вы даёте время природе, чтобы она использовала свою волшебную трансформацию, превращая в кровь все твёрдые частицы мяса и вина. После банкета вам следует передохнуть, поэтому скомандуйте: «Переварить!» Всё это следует делать и тем, кто пирует за столами Мудрости; и все они таковы, что расплачиваются за старого Бардианну.

— Искусство, значит, вернуло тебя к жизни, Баббаланья? — спросил Медиа.

— Да, мой господин, я просто воскрес.

— И Аззагедди проводил тебя к своим сферам?

— Клыки прочь! Клыки прочь! Уйди, злодей! Отпусти меня!

— Или, во имя Оро, я умру и досажу тебе!

— Быстро, быстро, Мохи! Давайте поменяемся местами, — вскричал Иуми.

— Как ты сейчас, Баббаланья? — сказал Медиа.

— О, мой господин — не… вы… мой господин Медиа! Высшая и могучая Сила! Великий Король Создания! Но самый большой из хвастунов! В каждую эпоху ты хвастаешь своим доблестным продвижением: тупым дуракам, выжившим из ума старикам и тупицам, нашим родителям! Всё Прошлое — напрасно потраченное время! Настоящее знает всё! Как удачно, право, ближние мои, что мы живём теперь! Каждый человек — автор! Книг много, как и людей! Зажгите свет за минуту! Зубы продаются на фунты! Все элементы перенесены и установлены! Молниеносно исполняются поручения! Реки текут куда надо! Океан — лужа! Но в прошлом они хвастались, как мы; и приходящие эпохи всегда будут хвастаться. Века назад они обругивали прошлое, думая о прошедшем дне; настолько мудрыми они выросли. Марди не сможет стоять долго, должно захватить одну из планет, вторгнуться в большое солнце, колонизировать луну; завоеватели тоскуют по новому Марди; и мудрецы из-за небес желают овладеть сердцами всех, начиная с низов. Как и мы, века назад они корпели над

своими книгами, разводили костры из библиотек, оставляя позади себя пепел, среди которого мы почтительно нащупываем обугленные страницы, забывая, насколько мы более мудры, чем они. Но удивительные времена! Изумительные открытия, открытия сверхъестественных тайн! Как теперь? Они более заметны, чем все наши открытия, только потому, что они никогда не обнаруживались прежде. Настолько простые, что, без сомнения, наши предки пропустили их, ставя целью проникнуть глубже — в глубины души. Всё, что мы обнаружили, было с нами с тех пор, как солнце начало катиться по небу; и очень скоро мы обнаруживаем, что в открытом нет ничего ценного. Мы — дети, залезшие на деревья после гнездования птиц и громко кричащие о том, нашли ли мы яйца в гнёздах или нет. Но где наши крылья, которых, конечно же, не было у наших предков? Скажите нам вы, мудрецы! Что-нибудь стоящее нашли вы в мудрости архангела; вы, исследователи, обнаружили что-то новое? Дураки, дураки! Марди не изменился: солнце всё так же восходит со своего старого места на Востоке; всё идёт тем же самым старым путём; мы теряем наши зубы в том же возрасте, что и три тысячи лет назад.

— Прошу прощения, — сказал Мохи, — будь я проклят, у меня зубы всё ещё имеются. Мне уже трижды по двадцать и десять, и у меня есть новый зуб, уже выросший.

— Старец! Он не расчищает путь для другого. Зубы, посеянные создателем алфавита, были зубами мудрости, ещё не выросшими из десны. Словно весенняя пшеница, побег за побегом, они поздно открывают новые возможности, поскольку множество семян весенней пшеницы погибает в приходской земле суровой зимой. О, мой господин! Хотя мы и оживляем трупы в пляске Святого Витта, мы не поднимаем мёртвых из их могил! Хотя мы открыли циркуляцию крови, люди умирают, как встарь, волы пасутся, овцы блеют, младенцы кричат, ослы ревут — громко и натужно, как в день перед наводнением. Люди воюют и созидают, раскаиваются и идут дальше, пируют и голодают, смеются и плачут, просят и проклинают, обманывают, спорят, увиливают, раболепствуют, лгут, выдумывают, лгут, требуют, заимствуют, крадут, шляются, тонут, как в смехе, так и в плаче, нарушают планы и малодушничают, вешают и топят во все времена, что приходят. Ничто не меняется, хотя есть мода: новая мода на возрождение прежнего. В книгах прошлого

мы ничему не учимся, кроме как настоящему; тому настоящему, что прошло. Вся История Марди — начало, середина и конец — была написана в начале первой страницы сочинений. Вся история рассказана на титульном листе. Восклицательный знак — автобиография всего Марди.

— Кто говорит теперь? — сказал Медиа. — Бардианна, Аззагедди или Баббаланья?

— Все трое: разве это не приятный концерт?

— Весьма прекрасно, весьма восхитительно. Продолжи и скажи нам что-нибудь о будущем.

— Я ещё никогда не отбывал из этой жизни, мой господин.

— Но сейчас ты сказал, что воскрес.

— Из похороненного мертвеца в моих пределах; не от себя самого, мой господин.

— Тогда, если ты не знаешь ничего о будущем, — знает ли Бардианна?

— Если бы он знал, то и он ничего бы не сказал. Я когда-то заметил, мой господин, что даже в своих самых глубоких напряжённых работах, глубочайших, самых откровенных, мыслители всегда оставляют широкое толкование драгоценной мысли для своей собственной частной пользы. Они думают, возможно, что «это слишком хорошо или слишком плохо; слишком мудро

или слишком глупо, для разнообразия». И это неприятное шатание часто является последствием прорыва нового течения идей в душе. Как с похороненными сокровищами, земля над ними кажется странной и пустой. Во всяком случае, глубокий мыслитель редко говорит нам всё, что думает, редко показывает нам окончательное и самое глубокое, редко заставляет нас открыть глаза под водой, редко открывает всё во всём и никогда не унесёт нас вместе с собой к сознанию субсистенции, идеаманенции, первоосновы и бога.

— Беспорядок! Вспомни Квадамодативы!

— Ах! — сказал Плетёная Борода. — Это — трещина в его калабасе, которую все Дициблы Доксодокса не смогут залатать.

— И из этого безумного калабаса он даёт нам пить, старый Мохи.

— Никогда не обращайте внимания ни на его прохудившуюся тыкву, ни на её содержание, мой господин. Позвольте этим философам запутать себя так, как они пожелают, мы же мудро откажемся принимать в этом участие.

— И такие дураки, как я, пьют, пока не начнут качаться, — сказал Баббаланья. — Но при этих материях калабас должен вращаться, чтобы удер-

жаться на плаву. Фогле-орум!

Глава LXXIII
Наконец, последнее упоминание о старом Бардианне, его последнее желание и завещание, подробно пересказанное

День подходил к концу. И как после множества рассказов о призраках сидящие вокруг своего лесного костра тихие венгерские цыгане наблюдают за жарким румянцем своих воспламенённых лиц, так и мы теперь торжественно сидели с лицами, покрасневшими от отсвета тёмно-красного огня на Западе.

— Завещатели! — крикнул тогда Медиа. — Когда ваши последние завещания повсюду вокруг будут улажены, огласите их!

— Мне, мой господин, долго определяться, — сказал Баббаланья.

— И как поскорей пробежать это?

— Фугле-фогле…

— Послушай, ты, назойливый Аззагедди! Воссоединись со своими весёлыми помощниками внизу; иди туда и виляй своим дерзким хвостом, или я прибью его к нашей мачте, пока он не заревёт с просьбой об освобождении. Прочь,

говорю я!

— Вниз, дьявол! Поглубже вниз! — загрохотал Баббаланья.

— Мой господин, я думаю, что он ушёл. И теперь, с вашего милостивого разрешения, я перескажу пожелание старого Бардианны. Это стоит послушать всему Марди; и я так изучил его, что знаю наизусть.

— Тогда продолжай, но я подозреваю, что этот Аззагедди находится совсем не намного тысяч морских саженей снизу.

— Внимание, мой господин: «В 50 000 000-й год от сотворения Марди я, Бардианна с острова Вамба и из деревни с тем же самым названием, только что насытившись моими ямсовыми клубнями, в добром здравии, приподнятом настроении и здравом уме с бодростью создал и определил это моё завещание.

Во-первых:

Всех моих родных и близких, появившихся в Марди, я полностью исключаю из этого моего пожелания.

Параграф. С тех пор, как различными устными и иными способами мой добрый друг Пондо проявил сильную любовь ко мне, Бардианне, как к собственнику и владельцу всей этой основной

усадьбы с хозяйством на вышеупомянутой Вамбе, называемой «Логовище», в которой я теперь живу, а также ко всем моим садам из хлебного дерева, пальмовым рощам, банановым плантациям, плантациям колоказии, садам, лужайкам, тропинкам и возможному стать предметом наследования имуществу вообще, примыкающему к вышеупомянутой усадьбе, — я полностью и всецело передаю и завещаю всё это самое Бомблуму с острова Адда; вышеупомянутый Бомблум никогда не выражал своего отношения ко мне как к держателю недвижимого имущества.

Параграф. Моему уважаемому соседу Лэкримо, кто со времени последнего лунного затмения беспокоился ежедневно, дабы спросить о состоянии моего здоровья, и ночью наводящему справки у моего травяного доктора относительно устройства моих внутренних органов, — я полностью и всецело передаю и завещаю вышеупомянутому Лэкримо все до одной растительные таблетки, микстуры, порошки, слабительные, ветрогонные, мочегонные, опорожнители, тоники, рвотные, расслабляющие, клизмы, инъекции, разжижители, припарки, чечевицы, лосьоны, соки, промывки, полоскания и мази вместе со всеми флягами, калабасами, тыквами и смолами, к тому

прилагаемыми, расположенными в северо-западном углу моего восточно-юго-восточного склепа, в моей вышеупомянутой занимаемой квартире, известной как «Логовище».

Параграф. Женщине Пести, уроженке Вамбы, часто намекавшей на то, что я, Бардианна, очень нуждался в супруге, а также сообщавшей, что она родила от моей супружеской привязанности, — я полностью и всецело завещаю вышеупомянутой Пести моё благословение, поскольку ко времени открытия этого моего завещания я буду навсегда освобождён от преследования вышеупомянутой Пести.

Параграф. Имея высокое мнение о честности моего достойного и превосходного друга Бидири, я полностью и всецело отдаю, предоставляю, дарую, завещаю в абсолютное владение упомянутому Бидири всю занимаемую квартиру, где живёт мой слуга Орэм теперь, со всеми лужайками, лугами, нагорьями и низменностями, областями, рощами и садами, к ней прилегающими: С ВЕРОЙ, ОДНАКО, в то, чтобы имелось и содержалось всё это самое для единственного использования и выгоды Ланбранки Хохинны, старой девы, теперь жительницы вышеупомянутого острова Вамба.

Параграф. Я завещаю и отдаю свою большую резную тыкву для питья моему доброму товарищу Топо.

Параграф. Моему верному другу Долдруму, в различные времена и в разных местах произносившему пророчество, что от моей смерти его горе было бы великим, — я полностью и всецело передаю и завещаю вышеупомянутому Долдруму десять ярдов моей лучшей мягкой таппы, с тем чтобы она была разрезана на носовые платки для его единственной выгоды и пользы.

Параграф. Моему разумному другу Соло, сообщившему мне, что он намеревается оставаться бакалавром всю жизнь, — я передаю и завещаю вышеупомянутому Соло одноместную циновку, на которой я отдыхаю ночью.

Параграф. Относительно моей частной рощи и пальмовых рощ, прилегающих друг к другу и расположенных на острове Вамба — я передаю и завещаю их со всем хозяйством вообще моему другу Минте Цинику, чтобы имел и содержал в доверительном управлении для первого до конца честного человека — моего соседа Монди, должного первому до конца честному человеку — моему соседу Пендидду, должному первому до конца честному человеку — моему соседу

Винодо, должному любому до конца честному человеку, должному любому человеку, найденному на долготе и широте Марди. Параграф. Моему другу Минте Цинику быть единственным судьёй всех требований вышеупомянутого завещания и держать упомянутое владение для его собственного использования до того момента, пока вышеупомянутый человек не будет найден.

Параграф. Зная, что мой преданный писец Марко очень чувствителен относительно моей благосклонности, я охотно убавляю его боль и тем самым завещаю вышеупомянутому писцу три молочных зуба, но не как денежное наследство, а как очень скромный символ моего глубокого уважения.

Параграф. Я даю беднякам Вамбы всё содержание своих красных маркированных мешков с малыми коренными зубами и клыками (которые я считаю тремя четвертями от всего моего состояния); моему слуге Фиди, ухаживавшему за моим телом, все мои одежды и тоги и триста коренных зубов в наличных деньгах; здравомыслящему и проницательному философу, моему ученику Крако, один полный комплект зубчиков, чтобы купить ему костяной позвонок, а набожному и многообещающему молодому человеку

Ванджи две морских сажени моей лучшей кайярской верёвки с привилегией на любую ветвь в моих рощах.

Всю остальную часть моих вещей, движимого имущества и домашнего хозяйства в любом виде и все мои свободные зубчики, оставшиеся после уплаты моих долгов по наследству и удаления моего тела с глаз долой, я полностью и всецело напрямую распределяю среди бедных Вамбы.

Последнее. Я даю и завещаю всему Марди этот свой последний совет и рекомендацию, а именно: живите, пока можете, закройте свои глаза, когда умрёте.

У меня нет предыдущих завещаний для отмены; и издайте это, чтобы оно было моим первым и последним.

В удостоверение чего у меня есть то, что удостоверяет мою правую руку; и для этого я заставил сделать удостоверенную копию в виде татуировки, носимой на моём собственном виске в течение вышеуказанного года.

Я, БАРДИАННА»

— Баббаланья, это — уникальный документ, — сказал Медиа.

— Бардианна был неординарным человеком, мой господин.

— Не было ли каких-либо дополнений?

— Всё в дополнениях, все мысли — запоздалые. «Десять мыслей ради одного действия» — было девизом Бардианны.

— Он вообще ничего не оставил своей родне?

— Ни пня.

— По собственному желанию он, кажется, жил одиноким.

— Да, Бардианна никогда не стремился улучшить природу; бакалавром[7] он родился, и бакалавром он умер.

— Согласно истинным отчётам, как он отбывал, Баббаланья? — спросил Мохи.

— Со сжатыми губами и рукой на своём сердце, старец.

— Его последние слова?

— «Чем спокойней, тем лучше!»

— Где, думаешь ты, он теперь?

— В его «Размышлениях». И их, мой господин, наследуем мы все; и как великий вождь Ромара объявил целую империю своим наследником, так и великих авторов наследует весь Марди.

---

7 Примечания: 7

Игра слов: бакалавр (**bachelor- англ.**) — не только ученая степень, но и холостяк (прим. пер.).

Глава LXXIV
Пока они плывут, их окутывает Смертельное облако

На следующий день перед нами предстал пугающий вид! Как в морях Сулу внезапно возникает один широкий водяной столб и, кружась, преследует летучие малайские кили, так и сейчас быстрокрылое облако пронеслось за тысячу корпусов впереди, оставляя за собой плетёные, пенящиеся следы, что свили невидимые неистовые руки, подобные спутанным в безумных мольбах лесным ветвям.

— Смотрите, смотрите, — закричал Иуми, — как летит смертельное облако! Давайте уйдём подальше в море.

— Нет, — сказал Баббаланья. — Всё исходит от Оро, и если мы должны утонуть, то позволь Оро утопить нас.

— Сверните паруса: вёсла на воду, — сказал Медиа, — здесь мы пойдём на вёслах.

Как мчащийся бизон, несущееся смертельное облако задело нас своей пеной и, кружась на тысячу носов впереди, внезапно взорвалось ливнем

и, образуя Мальстрим, согнуло каждую доску и душу.

Мы долго качались на кружащихся волнах, которые расходились из этого центра, разбивая каждый остров, пока после восхода луны, ослабев, они не омыли рифы всего Марди.

— Спасибо Оро, — бормотал Мохи, — что сердце всё ещё бьётся.

В преддверии восхода солнца мы проплыли мимо множества спокойных гаваней, откуда унесло тысячи судов. Волны равнодушно прокатились через эти берега и повсюду вокруг выбили целые пальмовые столбы, к которым в то утро были привязаны тысячи проа.

— Летящая смерть; они бежали, чтобы встретить её, — сказал Баббаланья. — Но беда не в том, что их унесло, а в том, что они умерли из-за мальстримов, которые, возможно, в этих гаванях создало Смертельное облако. Но они умерли потому, что они не могли дольше прожить. Если б мы могли получить хоть один проблеск великого календаря вечности, все наши имена были бы там найдены с начертанными напротив них датами смерти. Мы умираем на земле и умираем в море, мы умираем от землетрясений, голода, эпидемий и войн, лихорадки, малярии, горя или

чрезмерной радости. Этот смертельный воздух — единый великий мор, который убивает всех нас подчистую. Те, кого Смертельное облако обошло, умирают во время сна в тихие ночные часы. Тот, кого не смогли убить копья многих сражений, умирает от виноградного камня виноградной лозы, которую он посадил, чтобы скрасить свои преклонные годы. Мы умираем, потому что мы живём. Но не Баббаланья создаёт землетрясение. И если он не летит, то только потому, что он стоит в центре круга, каждой своей точкой равняясь по стрелке, и, при каждом поклоне склоняясь назад, с протяжным звуком Баббаланья умирает.

Глава LXXV
Они посещают счастливого короля Абраззу

Ночь и утро прошли; и днём мы почти доплыли до острова, угрюмого и тёмного, уже когда шёл дождь; утомлённые, жалобные звуки доносились из рощ: наполовину подавленные, с шёпотом плачущих листьев. К пологому берегу у воды устремились наши носы.

Прочь отсюда! Здесь высадки не будет, — закричал Медиа, — давайте дойдём до солнечной стороны и, как беззаботный бакалавр Абразза, который здесь является королём, повернём от тёмной стороны острова и упьёмся своими утренними медами.

— А господин Абразза — кто он? — спросил Иуми.

— Сто двадцатый потомок по линии Фипоры, — сказал Мохи, — и с материнской стороны происходящий от господ сеньоров Кливония. Его ближайший дядя был племянником племянницы Королевы Змигланди, который процветал задолго до того, когда она вступила в брак в момент

первого Прохождения Венеры. Его родословная бесконечна.

— Но кто такой господин Абразза?

— Разве он не сказал? — ответил Баббаланья. — Почему ты такой тупой? Ближайший племянник тому, кто был племянником племянницы несравненной Королевы Змигланди, и сто двадцатый потомок по линии прославленного Фипоры.

— Ну, хоть кто-нибудь скажите, кто такой Абразза?

— Но разве можно описать человека, не заглядывая в каталог его предков? — сказал Баббаланья. — Тогда мы должны будем опускаться до самих себя. Тогда послушай, унылый Иуми! И знай, что господин Абразза — шести футов двух дюймов росту, с пухлыми бёдрами, голубыми глазами и каштановыми волосами, любит печёные плоды своих хлебных деревьев, но не жареные, иногда носит фундуки в своей короне и имеет обыкновение моргать, когда он говорит. Его зубы хороши.

— Ты предстаёшь прямо-таки грабителем, — сказал Медиа, — коли ты так говоришь о моём августейшем друге, господине Абраззе. Продолжайте, сэр! И скажи, что он правит как единственный король Боновоны!

— Мой господин, я не закончил. Абразза, Иуми, это прекрасный и напыщенный король: избалованный, с широким сердцем, сладкозвучный в речах. И он достоин чрезвычайной любезности. Он — державный господин, который делает много хорошего. Добрый король! Лично он даёт поручения освободить тех, кто ежедневно погружается за жемчугом, служащим украшением его королевской одежды, и, тяжело дыша, с налитыми кровью глазами поднимается из наполненных акулами глубин и, слабея, кладёт своё сокровище к его ногам. Милый государь Абразза! Как он жалеет тех, кто в его самой дальней лесной глуши трудится весь день, чтобы выполнить его указания. Всё же, будучи королём-философом, он никогда не плачет, но пожалеет со спокойной улыбкой, и это не редкость.

— Это, кажется, из-за большого количества железа в вашей крови, — сказал Медиа. — Но скажи, что хотел сказать.

— Скажете мне, что это неправда, мой господин? Абразза, я восхищаюсь вами. Храни Оро его королевскую жалость, всё ещё живущую вокруг него. Он любит жить ради собственной жизненной пользы. Он клянётся, что у него не будет забот, и часто говорит в приятной мечтательно-

сти: «Несомненно, мой господин Абразза, если кто-либо и должен быть беззаботным, так это вы: тот, кто ни разу не падал, тот не пожалеет всех упавших!» Он же всё-таки поднял многих людей.

Постепенно мы достигли солнечной стороны и направились к берегу. Ви-Ви подул в свой рожок, и, появившись из своих золотых рощ, мой господин Абразза, как хозяин, который приветствует гостей на пороге, встретил нас, как только мы коснулись берега.

— Добро пожаловать! Державный полубог и король! Медиа, мой славный гость!

Его слуги согнулись в приветствии, его вожди склонились, его йоменская охрана предстала в зелёных, как луг, пальмовых стеблях — королевских символах, и, взявшись за руки, кивая, весёлые королевские друзья возвели приветственную аллею, таща позади себя толпу завистников. Мы внимательно рассмотрели украшенную драгоценными камнями корону Абразы, которая не испускала никакого пламени настоящих румяных рубинов и не выглядела абсолютно белой, как жемчужные зубы Медиа, но отбрасывала зелёно-жёлтый яркий отсвет; лучи от изумрудов пересекались с лучами от множества топазов. В этих столь зловещих лучах все присутствую-

щие выглядели как трупы: одна только щека Абраззы сияла ярко, но беспокойно.

На его ароматных циновках в просторном зале расположились короли, и собрание придворных вежливо поклонилось, изливая мягкую лесть, дыша благовониями, растворёнными вокруг них самих.

Зал был устроен в виде тройной террасы; его приподнятый конец был занавешен, и оттуда при каждом перезвоне слов взрывалась весельем девушка, отбрасывала край занавеси и с голой грудью, разливаясь диким и звонким смехом, мчалась вниз по всем террасам и пробегала мимо весёлых королевских сановников.

По краям вокруг зала качались аллеи из миндальных деревьев, их белизна застыла в цветении. Но каждый одетый в виноградную лозу ствол оказывался пустым; гулкие звуки исходили из пустот: пустота разбивала шум волн с берега, и гулкие паузы заполняли воздух, следуя за гулким смехом.

Охранники с копьями шагали по рощам, и внутри теней часто бывало заметно, как они хватали своё оружие и оттесняли назад неких уродливых фантомов, говоря: «Подданные! Не надоедайте ему; Абразза сейчас веселится, Абразза

пирует со своими гостями».

А посему удалённые с наших глаз казались людьми со- всем неподходящими, и мы приятно провели время в этих владениях. Не лица проплывали мимо, а улыбки; пересмешники громоздились на ветвях и с пением отдавали нам поклоны так, что леса издали отзывались эхом благодаря тысяче глоток! Рослые йомены усмехались, прикрывшись своими мисками с нагроможденными на них цитронами и виноградом, слуги хихикали, наливая вино, и все господа громко смеялись, ударяя своими позолоченными копьями, клянясь, что остров ликует.

Таким был остров, где мы остановились, но наши поиски не привели к Йилле.

Глава LXXVI
Некий приятный тайный разговор в роще внутри нашей палаты господ, состоящей из Абраззы и Медиа, Баббаланьи, Мохи и Иуми

У Абраззы имелся прохладный уголок — финиковая роща, где мы привыкли отдыхать днём, соединять наши беседы с лепетом ручьёв и смешивать наши пунши в кубках с виноградом. И, как всегда, Король Абразза оказался принцем среди хозяев.

— Прошу вашу корону, — сказал он Медиа и своими собственными руками повесил её на ветвь. — Не будьте церемонными. — И раскинул свои королевские ноги на земле. — Вина! — И слуги налили его.

Так на траве мы и бездельничали; и король Абразза, который любил старинные вещи своих предков и любил прежние времена и не говорил о современных, предложил Иуми спеть старые песни, предложил Мохи пересказать старые истории, предложил Баббаланье поговорить о старых онтологиях; и скомандовал всем тем временем

выпить его старого, старого вина.

Поэтому все мы по кругу осушили и оценили выпитое.

Наконец, мы заговорили о старых бардах: Гомере, который века назад играл на арфе и, прося милостыню, на ощупь прошёл мимо всех благотворителей Марди, получая медяки тогда и бессмертную славу теперь.

АБРАЗЗА: «Как ходили они, если все были слепыми?»

БАББАЛАНЬЯ: «Это было их свойство, Ваше Высочество. Немного великих поэтов имеют хорошие глаза; поскольку они должны ослепнуть, как тот, кто всегда смотрит на солнце.

Сам Вавона был слепым, когда в тишине своего укромного уголка он сказал: «Я построю другой мир. Там позвольте мне быть королём и рабом, философом и острословом, чьи изменчивые действия — странные, гротескные и трагикомичные — удовлетворят мои праздные капризы». Так, мой господин, Вавона играл королями и коронами, людьми и обычаями — и любил играть в одиночестве».

АБРАЗЗА: «Вавона казался одиноким мардианином, кто редко уезжал за границу, имел немного друзей и избегал других, избегаемый ими».

БАББАЛАНЬЯ: «Но он избегал не себя, мой господин; ведь великие поэты, как боги, живут уединённо, в то время как вокруг них катятся миры, которые они описывают».

МЕДИА: «Ты, кажется, знаешь всех авторов: ты, должно быть, слышал о Ломбардо, Баббаланья; он славится уже много веков».

БАББАЛАНЬЯ: «Да, это так; и его великие Костанцы знаю наизусть».

МЕДИА (к Абраззе): «Это — очень любопытная работа, мой господин».

АБРАЗЗА: «Да, мой драгоценный король. Но, Баббаланья, если Ломбардо не пожелал что-либо сказать Марди, то почему он выбрал средство настолько безумное?»

БАББАЛАНЬЯ: «Это было в его характере, я полагаю».

АБРАЗЗА: «Но это не по мне».

БАББАЛАНЬЯ: «И это не было бы естественным для моего благородного господина Абраззы — носить голову Ломбардо. У каждого человека есть своя собственная голова, спасибо Оро!»

АБРАЗЗА: «Любопытная работа, очень любопытная работа. Баббаланья, ты познакомишь с историей Ломбардо?»

БАББАЛАНЬЯ: «Лучше некуда. Все его биогра-

фии, что существуют, я читал».

АБРАЗЗА: «Затем скажи нам, как он пришёл к желанию написать эту работу. Одного я не могу вообразить: как эти бедные дьяволы умудряются катить такие громы через весь Марди».

МЕДИА: «Их гром и молния кажутся спонтанно вспыхивающими, мой господин».

АБРАЗЗА: «Которые не поглощают их самих, мой любимый принц».

БАББАЛАНЬЯ: «В какой-то мере верно, Ваше Высочество. Но прошу вас, послушайте; и я попытаюсь показать путь, которым Ломбардо создал свои великие Костанцы».

МЕДИА: «Но ты прислушайся, философ! На сей раз никаких несвязностей; заткни этого дьявола Аззагедди. И теперь скажи, что первоначально побудило Ломбардо к этому предприятию?»

БАББАЛАНЬЯ: «Впервые и навсегда — переполнение сердца: наполнение, кипение, искрение; и движение, как у бутылки в вашей руке, мой господин. Второе — желание пробудить самого себя, дабы добыть клубни ямса».

АБРАЗЗА: «Желание второго повода было бы достаточным, философ?»

БАББАЛАНЬЯ: «Сомнительно. Не нужно больше одного канала, чтобы осушить переполненную

душу. Кроме того, самое большое наполнение не спонтанно, и, даже будучи отфильтрованной, как насыщенные сиропы, эта жидкость остаётся вязкой, тогда как невязкие жидкости многословны и разливаются более широко. Следовательно, когда изобилие соединяется с большой ленью, то этот человек для других тоже слишком часто кажется пустым, хотя его собственные мысли формируют Божественный Ряд, неопределённый из-за своей необъятности и широты, но не из-за отсутствия силы, а из-за отсутствия всемогущей воли, что движет его силой. Его собственный мир наполнен, точка опоры определена, но рычага там нет. Такому человеку предстать перед каким-нибудь решительным жилистым хамом — это то же самое, что повесить на него палаш за доблесть перед его разоружением. Наши умы — хитрые, сложные механизмы, и одна капля, или колесо, или желание оси задерживает движение или остановку. Головной мозг не должен перевешивать мозжечок, наши мозги должны быть круглыми, как шары, и стоять на широком туловище, вдыхая утреннюю силу, — это вдохновение. У нас было широкое развитие частей человеческого тела, но никакого развития мужества. Перед полностью развитым человеком

пали бы Марди и вера. Мы — идиоты, младшие сыновья богов, порождённых слепой божественной любовью, отчего все наши матери испытали выкидыши. Гиганты были в наших зародышах, но мы, как карлики, шатаемся из-за огромных голов. От такого нагромождения наши тела разрываются. Мы умираем от слишком большого количества жизни».

МЕДИА (к Абраззе): «Не проявляй нетерпения, мой господин; он сейчас выздоровеет. Ты говорил о Ломбардо, Баббаланья».

БАББАЛАНЬЯ: «Да, Ваше Высочество. Из всех мардиан по своей природе он был самым инертным. Вы когда-либо видели жёлтого льва, весь день греющегося под жёлтым солнцем, в мечтах разрывающего стада слонов; лежащего навзничь на своей широкой спине и мигающего веками? Так и с Ломбардо; но свирепый искатель, охотник, пришёл и пробудил его рёв. Волосатыми волнами его большая грива бурлит, как море, его глазные яблоки пылают двумя адами, его лапа останавливает катящийся мир».

АБРАЗЗА: «Другими словами, клубни ямса были обязательны, и он, бедняга, ревел, чтобы заполучить их».

БАББАЛАНЬЯ (склоняясь): «Частично так, мой

точный господин. И как с вашим собственным золотым скипетром, как время от времени с вашими королевскими зубами, как с праздными татуировками, которые вы наносите, со всем, что сильно колеблет ваш остров, так и с Ломбардо. И пока Необходимость не воткнула шпору и колёсико шпоры в него, он не ведал своих собственных шагов. Она встряхнула его сознание, и пришедшее стремление, до того бездействующее, взбурлило до вершины, пока он не задрожал от самого себя. Даже возникшая из ниоткуда рука, поднятая на путешественника в лесу, не может так ужаснуть, как мы сами. Мы полны призраков и духов, мы как кладбища, полные погребённых мертвецов, тех, что жили до нас. И все наши мёртвые родите- ли, воистину, находятся в нас; это — их бессмертие. От родителя к сыну мы продолжаем умножать мертвецов внутри нас; для всех них это воскрешение. Каждая мысль — душа некоего прошлого поэта, героя, мудреца. Мы более населены, чем любой из городов. Скорбь показывает это. Она знает себя и всё, что есть в том, кто знаком с превратностями судьбы. Измеряя большие высоты, мы должны выйти из самых нижних глубин. Путь к небесам идёт через ад. Мы нуждаемся в пламенных крещени-

ях в самом жарком огне в нашей собственной груди. Мы должны почувствовать горячие сердца, шипящие в нас. И пока их огонь горит, он должен прожечь себе выход из нас, хотя это погубит и нас, и его. О, сытые с гладкими щеками! Улыбнитесь вашими собственными ямочками; тщетно вы тянетесь за величием. Отвернитесь! Отвернитесь! От всех ваших рядов подушек и ватных одеял — отвернитесь! И бросьтесь на колёса напастей. В состоянии белого каления выжгите клеймо и сосчитайте шрамы, как это делают старые, истёртые войной ветераны у походных костров. Сладкий поэт! Стряхни слёзы с лилий — вот путь! — и завой в холсте и в пепле! Знай те линии, которые жизнь наносит на сморщенный лоб. О! Есть жестокое, каннибальское восхищение в вопящей скорби, стремящейся умножить саму себя. Эта скорбь скупа сама по себе; эта жалость — всеобщее счастье. Никакого проклятого духа не было бы совсем, если б не они».

АБРАЗЗА (к Медиа): «Верите ли вы, мой господин, что этот славный джентльмен действительно дьявол?»

МЕДИА: «Нет, мой господин; но он одержим одним бесом. Его зовут Аззагедди. Вы можете услышать о нём побольше. Но продолжай, Бабба-

ланья, все забыли о Ломбардо? Как принялся он за то большое дело, за свою Костанцу?»

АБРАЗЗА (к Медиа): «О, из всего бреда вашего Баббаланьи получается, что Ломбардо не предпринимал особых усилий, следовательно, он заслуживает маленькой благодарности. Ведь гений должен несколько походить на нас, королей, — спокойствием, содержанием, сознанием власти. И, обращаясь к Ломбардо, скажу, что схемы его Костанцы, должно быть, пришли вполне оперившимися, как орёл от солнца».

БАББАЛАНЬЯ: «Нет, Ваше Высочество, но, как у орлов, его мысли были сначала неоперёнными; однако у вылупившегося без перьев они отросли для полёта».

АБРАЗЗА: «Весьма красиво. Я предполагаю, Баббаланья, первое, что он сделал, — это поспешно призвал муз».

БАББАЛАНЬЯ: «Прошу прощения, мой господин; напротив, он сначала запасся стопкой из пергамента и нескольких крепких перьев, совершенно необходимых, мои богоизбранные господа, для написания возвышенных эпопей».

АБРАЗЗА: «Ах! Тогда музы были призваны позже».

БАББАЛАНЬЯ: «Снова прошу прощения. Лом-

бардо затем занялся овощным пудингом».

ИУМИ: «Когда период вдохновения охватывает меня, я питаюсь маслинами».

БАББАЛАНЬЯ: «Иуми, Ломбардо сторонился маслин. Сказал же он: „Что подвигает солдата сражаться? И битву всех битв быть описанной?“ В десять дней Ломбардо написал…»

АБРАЗЗА: «Набросал, ты имеешь в виду».

БАББАЛАНЬЯ: «Он никогда не набрасывал что-либо».

АБРАЗЗА: «Как тебе угодно».

БАББАЛАНЬЯ: «Через десять дней Ломбардо написал целых пятьдесят фолиантов; он любил огромные акры пергамента, где было место разгуляться».

МЕДИА: «Что тогда?»

БАББАЛАНЬЯ: «Он внимательно перечитал их, сложил все в опрятный пакет и положил его в огонь».

ВСЕ: «Как?»

МЕДИА: «Что?! Эти великие гении писали хлам?»

АБРАЗЗА: «Я думал так же».

БАББАЛАНЬЯ: «Мои господа, они изобилуют им! Больше, чем кто-либо другой в Марди. Гений полон хлама. Но эссе гения — это лучшее, что

есть в нём самом; и, отдавая ей руду, он сохраняет землю; отсюда — и обычная мудрость его работ, и безумие его жизни».

АБРАЗЗА: «Тогда гений не вдохновлён, в конце концов. Ведь они должны работать, как рабы в своих странах! Я плач у, когда думаю о нём».

БАББАЛАНЬЯ: «Мой господин, все люди вдохновлены, дураки вдохновлены, Ваше Высочество вдохновлено; поскольку сущность всех идей — возбуждать. От нас самих и в нас самих мы ничего не порождаем. Когда Ломбардо принялся за свою работу, он не знал того, чем она станет. Он не строил своих собственных планов, он писал напрямую и, поступая так, погружался в себя всё глубже и глубже — и, как решительный путешественник, углубившийся в непроходимые леса, наконец был вознаграждён за свои тяжёлые труды. „В своё время, — говорит он в своей автобиографии, — я оказался в безмятежном, солнечном, восхитительном месте, полном сладких ароматов, пения птиц, диких стенаний, плутоватого смеха, пророческих голосов. Теперь мы, наконец, здесь, — закричал он. — Я создал творение“. И вот уже целый безграничный пейзаж простирался вдали. Ломбардо задыхался, пот катился по его лбу, он сбросил мантию, теснив-

шую его, уселся с видом на океан, обратив лицо к прохладному бризу, разложил цветы перед собой и принёс для самого себя множество вещей в комнату. На одной её стороне была стопка пергамента…»

АБРАЗЗА: «…И на другом — полная до краёв мензурка».

БАББАЛАНЬЯ: «Нет, Ваше Высочество; хотя он и любил вино, но Ломбардо ничего не пил, находясь на работе».

МОХИ: «Действительно? Да ведь я всегда полагал, что пунши Ломбардо были столь высокого качества, что Марди был признателен ему за его великий юмор».

БАББАЛАНЬЯ: «Не так; у него был другой способ держать себя в хорошем окружении».

ИУМИ: «Быстро! Скажите нам тайну».

БАББАЛАНЬЯ: «Он никогда не писал при слабом свете. Его лампа качалась в небесах. Он поднимался со своего Востока вместе с солнцем; он писал, когда вся природа была живой».

МОХИ: «Несомненно, что он всегда писал с усмешкой; и никто не смеялся громче над его тонкими замечаниями, чем он сам».

БАББАЛАНЬЯ: «Вы слышали смех при рождении человеческого дитя, старец? У малыша может

быть много ямочек, но не у родителей. Ломбардо был отшельником, созерцающим это».

МЕДИА: «Что?! Ломбардо смеялся с вытянутым лицом?»

БАББАЛАНЬЯ: «Его веселье было не всегда в радость ему, Ваше Высочество. По большей части выражение его лица сохраняло серьёзность. Иногда он бывал так сильно прикован к своей работе, что не мог сделать паузу, чтобы посмеяться».

МОХИ: «Моё слово за него, но время от времени он бывал озорным».

БАББАЛАНЬЯ: «Специально из-за данного случая он не был себе хозяином: простой секретарь, пишущий под диктовку».

ИУМИ: «Вдохновлённым, вот как!»

БАББАЛАНЬЯ: «Называй это как пожелаешь, Иуми, но это был своего рода сон — ходьба ума. Ломбардо никогда не бросал вниз свою ручку: она выпадала из его рук, и потом он сидел разочарованный, протирая свои глаза, глядя вокруг и чувствуя слабость — иногда почти смертельную».

МЕДИА: «Но умоляю, Баббаланья, расскажи нам, как он познакомился с некоторыми из тех редких важных персон, что он представил нам в своих Костанцах».

БАББАЛАНЬЯ: «Он встретился в первый раз с ними в своей мечтательности; они проходили мимо него, кислые и капризные, и в течение долгого времени стеснялись его попыток познакомиться, но он продолжал им докучать, пока они наконец не стали стыдиться своей скованности, вышли вперёд и подали ему свои руки. После чего они стали откровенными и дружелюбными. Ломбардо определил места для них в своём совете; умерев, он оставил им что-то в своём завещании».

МЕДИА: «Что?! Этим воображаемым существам?»

АБРАЗЗА: «Поразительно остроумно! Адски утончённо!»

МЕДИА: «Но, Баббаланья, в конце концов, Костанцы не снискали расположения в глазах некоторых мардиан».

АБРАЗЗА: «Да, архикритики Верби и Бэзо осудили его».

БАББАЛАНЬЯ: «Да, большой авторитет Верби, как говорят, обнаружил лишнюю запятую, и Бэзо объявил, что с этими материалами он, возможно, создал бы намного лучший мир, чем Ломбардо. Но вы когда-нибудь слышали о прокладке его оси?»

АБРАЗЗА: «Но в согласии, Баббаланья, в согласии! Они все хотели попасть в Костанцы».

БАББАЛАНЬЯ: «Ваше Высочество, в этом пункте Ломбардо был откровенен. Он говорит в своей автобиографии: „В течение некоторого времени я пытался удерживать благосклонность этих нимф, но нашёл их каверзными и взыскательными; они, с их придирчивостью, бросили меня в такое сильное волнение, что я наконец отказался от них“».

АБРАЗЗА: «Очень опрометчиво!»

БАББАЛАНЬЯ: «Нет, Ваше Высочество; хотя Ломбардо отставил всех советников извне, он сохранил одного диктатора в своих пределах — свой коронованный и державный инстинкт. И что если он сбросил один вульгарный мир и рылся в эфирных сферах, чтобы создать что-то вроде своего собственного — составного, — что тогда? Материя и ум, хотя не соответствуют друг другу, дружат, и, зачастую разлучённые, в его Костанце они объединены: воздушная талия, охваченная мощными руками».

МЕДИА: «Снова несвязно! Я думал, что у нас, по большей части, не должно было быть этого!»

БАББАЛАНЬЯ: «Мой господин Медиа, есть вещи, бесконечные в конечном и двойственные

в едином. Наши глаза радуются красному цвету розы, но в её аромате живёт другой смысл. Чтобы рассмотреть её красноту, вы должны подойти, но её невидимый аромат разлит по полю. Так и с Костанцей. Её простая красота ограничена её формой: расширяющаяся душа, проходя Марди, наполняет благоуханием. Модак — это Модако; но фогле-фоггле не фугле-фи».

МЕДИА (к Абраззе): «Мой господин, начните снова; это лишь другая фаза Аззагедди; иногда он бывает довольно безумен. Но всё это вам нужно пропустить».

АБРАЗЗА: «Я так и сделаю, мой дорогой принц; ведь каждый человек не может смотреть „через“, каждый должен смотреть „над“, как вы говорите».

ИУМИ: «Но верьте мне, Ваше Высочество, некоторые из этих странных фраз звучат слишком мелодично для уха и потому не могут ничего не значить».

АБРАЗЗА: «Это ваш нежный менестрель, должно быть, мой господин. Но, Баббаланья, Костанцы испытывают недостаток в единстве; это дико, несвязно, фрагментарно».

БАББАЛАНЬЯ: «Как и Марди сам по себе — только эпизоды, долины и холмы, реки, отступающие

от равнин, виноградные лозы, скитание по всему этому, валуны и алмазы, цветы и чертополохи, леса и чащи, и тут и там болота и тор- фяники. И таков мир в Костанцах».

АБРАЗЗА: «Да, там много глав о мёртвой пустыне, переходе через ужасные пески».

МЕДИА: «Теперь, Баббаланья, прочь от твоих троп, и скажи нам о труде, непосредственно созданном. Что сделал Ломбардо тогда? Он показывал его кому-либо, чтобы узнать мнение?»

БАББАЛАНЬЯ: «Да, Цензори, который спросил его, где он набрал так много хлама; Ханто, который предложил его не уничтожать, что было довольно хорошо; Лукри, который желал знать, сколько он собирался получить за него; Родди, который предложил совет».

МЕДИА: «И что за совет?»

БАББАЛАНЬЯ: «Что ему лучше всего связать всё воедино и попробовать снова».

АБРАЗЗА: «Очень дельно». МЕДИА: «Кому-либо ещё?»

БАББАЛАНЬЯ: «Полло, тот, чьё мнение сознательно требовалось, был из-за этого надутым; и отметил колебание голоса Ломбардо, когда рукопись была вручена ему немедленно по завершении, сочтя, что человек, который испытывал

такую дрожь от волнения, должен быть низшим по сравнению с судьёй. Но его приговор был мягким. После всенощного сидения над работой и старательного избранного тона: „Ломбардо, мой друг! Возьми свои листы. Я свободно пробежал их. Ты, возможно, добьёшься большего успеха, но тогда, возможно, сделаешь хуже. Возьми их, мой друг; я для тебя вложил в них несколько хороших вещиц“».

МЕДИА: «И кем был этот Полло?»

БАББАЛАНЬЯ: «Вероятно, кем-то, кто жил во время Ломбардо и носил это имя. Он случайно упомянут и вскользь увековечен в одном из посмертных примечаний к Костанцам».

МЕДИА: «И что там говорится о нём?»

БАББАЛАНЬЯ: «Немного. В очень старой расшифровке стенограммы работы — что от Алдины — примечание ссылается на смелую линию в тексте и указывает её: „Отклонюсь, чтобы сказать, что именно этот пассаж был предъявлен старым специалистом по стихосложению, неким Полло, как его собственный. Он утверждал, что сделал добровольное предложение от себя для Ломбардо. У этого Полло, кто умер несколько недель назад, имеется всё же несколько вещей. Он, кажется, был одним из тех, кто, если б мог,

создал бы великие произведения, но удовольствовался тем, что достиг малого. Он вообразил, что предшествовавшие авторы, кого он установил в своей библиотеке, должны располагаться в зависимости от заслуг перед Марди. Он приговорил поставить возвышенные стихи Вавоны на самой нижней полке. „Ах, — думал он, — мы, как князья библиотеки, помыкаем этими жалкими авторами!“ Хорошо прочитав истории их бед, Полло пожалел их всех, особенно известных, и написал небольшие собственные эссе, которые он читал самому себе“».

МЕДИА: «Хорошо, и что сказал Ломбардо тем его хорошим друзьям: Цензори, Ханто и Родди?»

БАББАЛАНЬЯ: «Ничего. Забрав домой свою рукопись и проглядев её, он увидел три поправки».

АБРАЗЗА: «И что затем?»

БАББАЛАНЬЯ: «Затем, Ваше Высочество, он задумал испытать тайное совещание профессиональных критиков, сказав себе: «Позволю-ка я им теперь конфиденциально указать мне на все мои пятна, так, чтобы, как только они перейдут к моему публичному обсуждению, всё уже было бы улажено». Но любопытно отношение этих профессиональных критиков, которые, по большей части, поддерживали свой мир в отношении

работ, уже неопубликованных. И, с некоторыми щедрыми исключениями, сообразно их смутному, выверенному пути, они переделали эту основу с жалкими понятиями авторства так, что Ломбардо, имей он слёзы, заплакал бы, но в самом своём горе он скрипел зубами. Он бормотал:

«Они — дураки. В их глазах, не связав мозги, не создашь книги. Они критикуют мой изодранный плащ как покрытие, но не мою душу. «Он — великий автор, — думают они, — который проводит лучшую сделку со своим товаром»; и я не торговец. Поскольку они стары, то поклоняются некой древней посредственности и насмехаются над живущим пророком с тлеющим углём на губах. Они — люди, которые не были бы людьми, если бы не было книг. Их родители мало что им передали, но авторов они читали. У них нет ни единого чувства, и свои собственные мнения они заимствуют. Они не могут сказать ни да, ни нет без первичной консультации со всем Марди, как с Энциклопедией. И вся учёность в них — как у мёртвого в гробу. Были бы они достойны того, чтобы быть проклятыми, я проклял бы их; но они недостойны. Критики? Тупицы! Скорее мулы кастрированные! Из-за своего тщеславия они не могут породить истинную мысль. Подоб-

но мулам с навозных куч, они растаптывают розовые сады и считают сокрушённый аромат своим собственным. О! Ведь повсюду вокруг поле гения должно лежать не огороженным от рогатого скота, чтобы тот его топтал! О! Гусь должен клевать орла! Но в лучшем случае самые великие рецензенты не добудут моих останков. Поскольку я — критик и создатель; и как критик в жестокости превзойду всех критиков запросто, как тигр — шакалов. Поскольку, прежде чем Марди увидит что-то моё, я тщательно исследую его сам, безжалостно, как хирург. Я ударяю справа и слева; я изучаю, бросаюсь и рву; убиваю, жгу и разрушаю; и то, что остаётся после этого, уступаю шакалам. Это я наношу удар ложным мыслям прежде, чем они появляются; я обрушиваю стены и башни, разгребая камни, из которых создают дворцы для других. О! Если б Марди мог видеть, как мы работаем, он удивился бы больше нашему основному хаосу, чем всему вокруг, из него появившемуся. Он поразился бы нашим подмостям, выросшим до небес, поразился бы земляным холмам и окружившим всё кругом валам из наших материалов. Какая простая пирамида! В этой великой тишине, в которую столь интенсивно проникла эта устремлённая мас-

са, — могли бы постоянно трудиться десять тысяч рабов? Могли бы стучать десять тысяч молотов? Там она стоит — часть Марди, требующая родства с горами; эта вещь была построена по частям? Это так. По частям? Атом за атомом она была выложена. Мир был создан из мелочей»».

ИУМИ (в размышлении): «И это так».

АБРАЗЗА: «Ломбардо серьёзно относился к критикам, как и они к нему; это так, будьте уверены».

БАББАЛАНЬЯ: «Ваше Высочество, Ломбардо никогда не предполагал критиковать истинного критика, который встречается реже, чем истинные поэты. Великий критик — султан среди сатрапов, но претенденты на этот трон жирны, как муравьи, стремящиеся измерить пальму, вкусив её ароматной сладости. И они дерутся друг с другом. Пытающиеся ущипнуть орлов, они сами — гуси в острых перьях, которыми они друг друга и колют».

АБРАЗЗА (к Медиа): «Оро помогает жертве, которая падает Баббаланье в руки!»

МЕДИА: «Да, мой господин; время от времени каждый его палец — кинжал, каждая мысль — как упавшая башня, что погребает под собою всё! Но резюме, философ, — что с Ломбардо теперь?»

БАББАЛАНЬЯ: «Из-за этой вещи, — сказал он, — я достаточно промучился… Я не могу ожидать большего. У неё есть ошибки — весь ствол… все его достоинства — его собственные… но я больше не могу трудиться. Существование связывает меня, заклинаю; моё сердце переполнено, мой мозг болен. Позвольте уйти — позвольте этому уйти — и вместе с Оро. Где-нибудь в Марди есть могучее сердце… которое… разорвавшись, наполнит эхом все острова!»

АБРАЗЗА: «Бедняга! Он слишком тяжело добыл славу».

МЕДИА: «Как и большинство этих смертных, мой господин. Это — самостоятельно взятый груз, под которым шатается Баббаланья. Но теперь, философ, перед Марди предстало то, о чём думал Ломбардо в своей работе, смотря на неё объективно, как на вещь, существующую вне его, как я полагаю».

АБРАЗЗА: «Без сомнения, он охватывал её». БАББАЛАНЬЯ: «Трудно ответить. Иногда, будучи один, он много думал, как говорит мой господин Абразза; но когда он выходил и оказывался среди людей, он почти презирал её; но когда он напоминал себе о тех частях, написанных исполненными очами, наполовину ослеплёнными,

с пульсирующими висками и болью в сердце…»

АБРАЗЗА: «Фу! Фу!»

БАББАЛАНЬЯ: «Он мог бы сказать себе: „Несомненно, это не может быть напрасным!“ И снова, когда он напоминал себе о спешке и суматохе Марди, уныние брало верх над ним. „Кому это будет нужно, — думал он, — что от меня нужно этим щёголям и скандалистам? Не сам ли я отъявленный хлыщ? Кто прочитает меня? Перескажет одну тысячу страниц — двадцать пять строк на каждой — каждая строка из десяти слов — каждое слово из десяти букв. Это два миллиона пятьсот тысяч А, и И, и О надо прочитать! Как много лишнего! Разве я не безумен, обременяя Марди такой задачей? Из всех людей я оказался самым мудрым, чтобы стоять на возвышении и преподавать толпе? Ах, моя собственная Костанца! Дитя многих молитв! Та, в чьих серьёзных глазах, таких бездонных, я вижу свои собственные и вспоминаю все прошлые восхищения и тихие муки, — ты появилась, как ребёнок некоего любящего, выжившего из ума старика: прекрасного для меня, отвратительного для Марди! И полагаю, что всё достоинство рабского труда состоит в том, что ты не умираешь; и если труд не напрягает, то может продлиться

достаточно долго, до высокой награды в виде бессмертия. Всё же бессмертные произведения написаны, и такими же людьми, как я, — людьми, которые спали и пробудились, и поели, и заговорили на том же языке, как мой. Ах, Оро! Как можем мы знать, кем бы мы были? В чём проявляется печать или отпечаток гениальности, очевидные для их обладателей? Есть у него глаза, чтобы увидеть себя, или он слеп? Или мы вводим себя в заблуждение тем, что хотим стать богами, и заканчиваем личинками? Гений, гений? Тысяча лет прошла, чтоб это слово стало домашним? Я? Ломбардо? Но вчера оно сократилось до именования яркого дурака! Бессмертный Ломбардо? Ха, ха, Ломбардо! Но твоё искусство — это осёл с широкими ушами, задевающими вершины пальм! Ха, ха, ха! Полагаю, я вижу тебя бессмертным!“ Так говорит великий Ломбардо; и так, и так, и так — так говорит он — прославленный Ломбардо! Ломбардо, наш великий соотечественник! Ломбардо, принц поэтов — Ломбардо! Великий Ломбардо! Ха, ха, ха! Пойди, пойди! Вырой себе могилу и похорони себя!»

АБРАЗЗА: «Он теперь время от времени бывает очень забавен».

БАББАЛАНЬЯ: «Очень забавен, Ваше Высоче-

ство, удивительно весел! И самими глубинами моей души, созданной Оро, нельзя не почувствовать хотя бы одного прикосновения этой весёлой драмы! Это ужаснуло бы вас, моего державного богоподобного господина Абраззу!»

АБРАЗЗА (к Медиа): «Мой дорогой господин, его зубы удивительно белы и остры: у некоторых акул такие же; он часто так усмехается? Просто по-дьявольски!»

МЕДИА: «Ах! Это — Аззагедди. Но прошу, Баббаланья, продолжай».

БАББАЛАНЬЯ: «Ваше Высочество, даже в своих более спокойных критических капризах Ломбардо был далёк от представления о своей работе. Он признавался, что она всегда казалась ему неплохой небрежно написанной копией чего-то, которую он, что бы ни делал, не мог полностью изменить. „Мой холст был маленьким, — сказал он, — была вытеснена масса вещей, которые находились по краям. Но в этом и заключена Судьба“. И Судьба эта была такой, Ваше Высочество, что вынудила Ломбардо к тому, чтобы, как только его работа была хорошо сделана, снять её с мольберта и послать на размножение. „О, пусть я так и не был награждён! — кричал он. — Но, как многие другие, в самом раннем своём детстве

этот мой бедный ребёнок должен пойти к Марди и получить хлеб для своего родителя“».

АБРАЗЗА (со вздохом): «Увы, бедняга! Но, думается, он был поразительно высокомерен для того, чтобы говорить со всем Марди в таком возвышенном тоне. Не думал ли он сам, что он бог?»

БАББАЛАНЬЯ: «Он сам лучше всего знал то, что он думал; но, как и все другие, он был создан Оро для некоего особенного конца; несомненно, частично отражённого в его Костанцах».

МЕДИА: «И теперь, когда Ломбардо давно умер — и его труд, освистанный при его жизни, пережил его, — что думает об этом наша компания? Скажите, мой господин Абразза! Баббаланья! Мохи! Иуми!»

АБРАЗЗА (поддевая свою сандалию скипетром): «Я никогда не читал его».

БАББАЛАНЬЯ (глядя вверх): «Это было написано с божественным намерением».

МОХИ (лаская свою бороду): «Я никогда не обнимался с ним в уголке и игнорировал его задолго до Марди».

ИУМИ (в размышлении): «Он укрепил моё сердце».

МЕДИА (приподнявшись): «А я прочитал его девять раз».

БАББАЛАНЬЯ (поднимаясь): «Ах, Ломбардо! Это должно удовлетворить твой дух!»

Глава LXXVII
Они ужинают

Какой-то зловещей, пустой, бессердечной, о Абразза, казалась та зелёно-жёлтая, игравшая главную злую роль корона, которую он носил.

Но зачем думать об этом? Если нам не понравилось что-то в кривом лбе или в недоверчивом тоне его голоса, всё же позвольте нам отбросить подальше подозрения и, если возможно, сделать из него, во имя богов, весёлого товарища. Несчастный! Трижды несчастен тот, кто вечно вертит один характер в своём уме и определяет излишний вес, доводы за и доводы против своего совершенства и полезности. Ведь все мы добры и плохи. Дайте мне сердце, что огромно, как вся Азия, и любого человека, кроме откровенного злодея, можно будет считать одним из лучших закалённых парней в мире.

Той же ночью в своём фамильном королевском зале нас принял король Абразза. И в самое лучшее время был устроен прекрасный ужин.

Тогда, в этом нашем ночном угощении, наш хозяин представил множество древних и про-

славленных традиций.

Ведь старый Иов устраивал ужины, бог Уоден устраивал ужины, индуистский бог Брахма устраивал ужины, Великий Дух краснокожих устраивал ужины — в основном из оленины и игр.

И множество выдающихся смертных помимо них. Артаксеркс устраивал ужины, Ксеркс устраивал ужины,

Монтесума устраивал ужины, отец Покахонтас Паухаттан устраивал ужины, еврейская Пасха была ужином, фараоны устраивали ужины, Юлий Цезарь устраивал ужины, и удивительными они были; Великий Помпей устраивал ужины, набоб Красс устраивал ужины, и Гелиогабал, прозванный Индюком, устраивал ужины.

Бытовало известное высказывание в старину, что царь Плутон устраивал ужины; некоторые говорят, что он устраивает их до сих пор. Если так, то он держит первоклассную компанию, старый Плутон: императоров и царей, великих моголов и великих ханов, великих лам и великих герцогов, принцев-регентов и вдовствующих королев; благородного Тамерлана, раскланивающегося перед Бонапартом, Антиоха с Сулейманом Великолепным, Писистрата, дающего клятву Пи-

лату, Семирамиду, поедающую конфеты вместе с Кровавой Мэри и её тёзкой Медичи, Тридцать Тиранов, пьющих залпом, трёх к одному с Советом Десяти и султанов, сатрапов, визирей, гетманов, саладинов, ландграфов, вельможей, дожей, дофинов, инфантов, инков и вождей-кациков, следящих за ними.

Опять же: Арбелой, завоевателем из завоевателей, завоевательным сыном Олимпии от самого Юпитера, были посланы карты своим капитанам — Гефестиону, Антигону, Антипатеру и остальным, чтобы те присоединились к нему в десять пополудни в Храме Белуса и сели за победный ужин на золотой посуде ассирийских первосвященников. Как величественно он разливал свою старую мадеру той ночью! Ощущая себя великим и высоким, как Гималаи; да, весь Вавилон склонил свои башни перед его душой!

Распределены, навалены, разложены были славные кушанья, и благоухали цитронами и виноградом возвышающиеся круглые высокие вазы с вином; и тут и там качались свежие оранжевые ветви, среди листьев которых мерцали мириады маленьких тонких свечей, как светлячки в рощах, — великолепный стол Абраззы казался неким банкетом в Раю: Церера и Помона

председательствовали, а весёлый Вакх, как новобранец со стреляющей винтовкой, отшатывался назад при осушении бутылки с живительным шампанским.

Кольцом окружая нас, стояли живые канделябры: лакеи, весело раскрашенные, с высокими факелами в руках; с одной из сторон стояли трубачи с горнами, приложенными к губам.

— Сюда, мой дорогой Медиа! Вот место слева от меня. Благородный Тайи — справа! Баббаланья! Мохи! Там — вы. Но где симпатичный Иуми? Удалился для размышлений в лунном свете? Ах! Очень хорошо. Позвольте начать банкет. Веселитесь!

И веселье началось.

Оленина, мясо кабана и горбы буйвола были превосходны; вино редких урожайных лет, как запечатанная в бутылку молния, ушло в первую очередь, сверкая бриллиантовыми искрами, как ракета.

Но Баббаланья пока ещё не присоединился к пирушке. Его настроение читалось на нём, и он сидел обособленно, тихо следя за банкетом, часто и скоро бормоча: «Фогле-фоггле, фугле-фи…»

В первом прошедшем неистовстве банкета король Медиа, наливая из тяжёлой бутылки в свой

кубок, сказал:

— Абразза, эти ужины поразительно прекрасны.

— Да, мой дорогой господин, намного лучше, чем обеды.

— Это так, это так. Обед — лето дня: полное света, как я считаю, но никак не спелая осень ужина. А обед, как ты знаешь, может пройти, скорее, натянуто, но ужины неизменно веселы. Обеды — это как если вы только взялись за парус, свернули ткань, увели пассажирок, и сделали всё это аккуратно; и только затем вы начинаете с удовлетворением нестись среди бури. Но в этих ужинах — Благодать Оро! Ваша чашка пуста, мой дорогой полубог! Но в этих ужинах, скажу я, всё аккуратно и ладно ещё прежде, чем вы начнёте; и когда вы начнёте, вы отказываетесь от начала и начинаете в середине. И что касается ткани, — но говорил же нам Плетёная Борода, что старый король Франко, Людвиг Толстый, сказал относительно этого вопроса. Ткань — на ужин, вы знаете. Это есть в ваших хрониках.

— Мой господин, — теребя свою бороду, сказал Мохи. — Старый Людвиг имел мнение, что на ужине ткани излишни, если они не прикрывают весёлого доброго монаха. Сказал он: «Если

я в одиночестве, то предпочитаю садиться прямо за голый стол».

— Высшая и королевская власть у Людвига Толстого, — сказал Баббаланья, — была намного выше власти Людвига Великого: первый был лишь весьма любезный, другой — толстый до невозможности. Но они одинаково известны, и в своих могилах оба наравне. Поскольку после пожирания многих славных провинций и перемалывания бедных своих областей Людвиг Великий сам давно пожран очень маленькими червями и землёй, превратившись в очень мелкую пыль. И после очистки множества оленьих рёбер Людвиг Толстый отполировал свои собственные и отбелил их в Долине Смерти; да, и его череп изъеден коррозией, как резная бутылка, однажды побывавшая в челюстях.

— Мой господин! Мой господин! — закричал Абразза Медиа. — Этот ваш ужасный дьявол смеётся хуже, чем череп. Я чувствую, что черви ползают по мне! Во имя Оро, мы должны изгнать его!

— Нет, нет, мой господин. Позвольте ему сидеть там со старым разукрашенным Черепом с банкета Фараонов… позвольте ему сидеть… позвольте ему сидеть… из-за Смерти, но передающей аро-

мат Жизни. Продолжай: мели языком без страха, Аззагедди! Но приди, Плетёная Борода! Давайте услышим больше о Людвигах.

— Ну, тогда, Ваше Высочество, обо всех восемнадцати королях Людвигах Франко…

— Кому так нравится много кегель, то все подряд, — вмешался Баббаланья, — откатитесь от курса мрачной Смерти.

— Не осторожничай, — сказал Медиа, — продолжай.

— Обходительный, Набожный, Заика, Пустослов, Подросток, Сутяга: из всех них, скажу я, Людвиг Толстый был лучшим по табелю о рангах. Его живот был таким полным шаром, что не было пути придвинуть к нему его ужины, не разобравшись в них. Словно Зодиак, стол его был круглым и полным, в середине которого он сидел, как солнце, со всем весёлым круговоротом тушёного мяса и рагу вокруг себя. Да, — продолжил Баббаланья, — очень круглым солнцем был Людвиг Толстый. Но удивительно, как это отразилось в хрониках: несколько мер талии и Король чаш и токайского вина. Действительно, известный король: три центнера сала, с диадемой на вершине: худые мозги и толстая копия — большая оплетённая бутыль полубога!

— Мне это нужно сносить и дальше? — закричал Абразза, вставая. — Убери это глумление прочь, дьявол! Тотчас! Бросьте вниз его, в отстой! Это происходит, мой господин Медиа, от наличия медленно пьющего за столом. Будто айсберг, этот малый замораживает всю атмосферу банкета и не чувствует единения. Мы должны протянуть его. Охрана!

— Назад! Не троньте его, собаки! — закричал Медиа. — Прошу вашего прощения, мой господин, но мы будем удерживать его и растопим в этом славном вине. Пей! Я повелеваю тебе, пей, Баббаланья!

— И разве я не пью, мой господин? Конечно, вы не должны утверждать, что я должен усвоить больше, чем могу удержать. Если мера полна, то всё влитое после всего лишь потрачено впустую. Я за то, чтобы быть умеренным в этом деле, мой господин. И одна моя чашка переживёт три ваших. Лучше потягивать пинту, чем влить кварту. Все вещи хороши в меру; отсюда следует, что вино хорошо в меру. Но все вещи в избытке плохи: отсюда — вино в избытке плохо.

— Долой твои логические и конические секции! Пей! Но нет, нет: я тоже серьёзен. Поскольку из всей еды ужин должен быть самым общим

и бесплатным. И, идя к этому, мы, короли, мой господин, должны отложить в сторону наши скипетры. Поступай как угодно, Баббаланья.

— Вы правы, вы правы, в конце концов, мой дорогой полубог, — сказал Абразза. — И, сказать по правде, я редко переживаю из-за путей смертных, из-за неблагодарности которых мы, полубоги, и преуспеваем. Мы, короли, должны быть всегда безразличны. Безразличными, как холодное сердце; если однажды потеплеем, то попадём в беду. Я позволяю своим смертным здесь, на этом острове, проявлять внимание к себе самим, лишь не впуская их в дверь, куда они проталкивали бы свои ходатайства. Это не требует длительной подготовки, мой господин, моя йоменская охрана исполняет свой долг без того, чтобы прогонять навязчивых гостей. Прислушайтесь! Какой-то шум — что? Хо, кто идёт?

В этот момент в зал ворвался отряд копьеносцев, который вёл перед собой бледную, оборванную толпу, громко призывавшую короля Абраззу.

— Просим прощения, наш господин король, из-за того, что ворвались с такой силой! Но долго и напрасно пробивались мы в ваши ворота! Наши обиды больше, чем мы можем вытерпеть!

Выслушайте нашего представителя, мы умоляем! И из своей шумной среды они выдвинули высокого, мрачного человека, который появился внезапно, как пик Тенерифе в шторме среди Канарских островов.

— Оттесните мошенников! Хо, трусы, охранники, обернитесь! Гоните их! Идите подальше с вашими обидами! Вытесните их, я сказал, уберите их! Это весёлые времена, воистину, мой господин Медиа, когда полубоги бывают так раздражены от своего же вина. О, кто бы иначе правил смертными!

Так, наконец, с большим трудом толпа оборванцев была изгнана; пик Тенерифе шёл последним, с запертым штормом на своём лбу, бормоча о неких чёрных временах, чьи зёрна уже посеяны.

В то время, пока эхо хриплого ропота всё ещё отражалось в зале, король Абразза, снова наполнивший свою чашу, сказал следующее:

— Вы говорили, мой дорогой господин, что из всей еды ужин является самым сближающим и раскрепощающим.

— Весьма верно. И из всех ужинов ужины, данные нам полубогами-холостяками, являются лучшими. Не так ли?

— Так. Из-за новобрачных смертные своевременно должны быть дома: бакалавры-полубоги никогда не отсутствуют.

— Да, Ваше Высочество, все холостяки — круглогодично дома, — сказал Мохи, — просиживая жизнь в уютном уголке, удобном и тёплом, как собака, прежде покинувшая старомодного загорелого подёнщика.

— И для нас холостяк полубожественен, — вскричал Медиа, — наши завтрашние дни — это длинные ряды прекрасных пуншей, выставленных на стол в ожидании рук.

— Но, бог мой, — сказал Баббаланья, уже прояснившись от вина, — если из всех ужинов, данных холостяками, есть лучший, то все ли бакалавры, а не только ваши священники и монахи, самые весёлые? Я имею в виду — позади сцены. Их молитвы всё сказали, и их будущее надёжно обеспечено, — кто столь же беззаботен и удовлетворён, как они? Да, ужин для двоих в каморке монаха в Марамме более далёк от веселья, чем обед для «двадцати пяти» в широком правом крыле большого Утреннего Дворца Донджалоло.

— Браво, Баббаланья! — вскричал Медиа. — Ваш айсберг тает. Более чем, более чем. Разве я не говорил, что мы растопим его, наконец, мой

господин?

— Да, — продолжил Баббаланья, — холостяки — благородное братство: я сам — холостяк. И один из вас в том же качестве, мои полубожественные господа. И если, в отличие от патриархов мира, мы не порождаем наши бригады и батальоны и не посылаем в сражения нашей страны целые полки наших отдельно и собственноручно выращенных питомцев, всё же мы часто уезжаем, оставляя позади себя приятные здания и земли, редкое старое бренди и горы малаги и, что более важно, тёплые костюмы, тоги и длинные гетры, способные сохранить удобства для тех, кто переживёт нас, облекая ноги и руки, принадлежащие другим людям. Тогда нет оскорбительней сравнения новобрачных с холостяками, ведь так мы уравниваем степени свойств, не все из которых передаются потомству.

— Ужины навсегда! — крикнул Медиа. — Смотрите, мой господин, что вы сделали для Баббаланьи. Он вошёл в свой скелет, но уйдёт со всеми одетыми костями!

— Да, мои господа полубоги, — сказал Баббаланья, снова по капле наполняя свой кубок. — Все эти ужины весьма прекрасны, очень приятны и веселы. Но мы круто расплачиваемся за них.

У каждой вещи, мои господа, есть цена — от шарика до мира. И для пищеварения, и для души и тела легче и лучше полбедра оленины и галлон мёда, съеденные под солнцем в полдень, чем мягкая свадебная грудка куропатки у некоего благородного негуса в полночь!

— Не лги так! — сказал Мохи. — Будь я проклят, если неправильно в особняке устроить кладовую, расположенную возле спальни. Полезная мысль: я буду наедаться и размышлять об этом.

— Не позволь Аззагедди опять взять над тобой верх, Баббаланья, — крикнул Медиа. — Твой кубок наполнен только наполовину.

— Разрешите ему оставаться таким, мой господин. Поскольку тот, кто берёт много вина в кровать с собой, имеет супруга более беспокойного, чем сомнамбула. И хотя вино — яркая острота на столе, оно — мрачный мошенник под одеялом. Я это давно знаю. Всё же, Ваше Высочество, из-за всего этого для многих мардиан ужины ещё лучше, чем обеды, купленные по любой стоимости, поскольку у многих есть больше свободного времени, чтобы поужинать, нежели пообедать. И хотя вы, полубоги, можете обедать с вашей непринуждённостью, и обедать ночью, и сидите и щебечете по своей Бургундии

до утренних жаворонков, переходя к своим крикетам и соединяя заутреню с вечерней, то совсем иначе с нами, смертными плебеями. От наших обедов мы должны спешить к нашим наковальням, где под конец весёлая чаша испаряется в переживаниях и заботах.

— Полагаю, он вновь выпадает, — сказал Абразза.

— Он рассвирепеет позже, — сказал Мохи. — Ваши Высочества, не время ли, чтобы закончить?

— Нет, нет! — закричал Абразза. — Позвольте новому дню начаться, но не прекращайте из-за нас. Пока всего лишь полночь. Продолжим пить вино; передайте его вперёд, мой дорогой Медиа. Мы пока молоды, мой милый господин, у нас лёгкие сердца и тяжёлые кошельки, краткие молитвы и приличные доходы от ренты. Передайте по кругу токайское вино! Мы, полубоги, оставим всю нашу старость для спальни. Подходите! Круг за кругом ставьте бутылки! Позвольте им исчезнуть, как верстовым столбам на ипподроме!

— Ах! — бормотал Баббаланья, держа свой полный кубок на расстоянии вытянутой руки над столом. — Но как несчастно существо, родившееся с корзиной на спине и пузырями на своих ладонях! Тяжёлый труд и сон, сон и тяжёлый

труд — его дни и его ночи; он ложится спать с прострелом и просыпается с ревматизмом, — я знаю, каково это, — он перехватывает ланчи, но не обеды и делает из всей жизни холодную закуску! Всё же, хвала Оро, если таким людям обеды и недостаточны как полноценная еда, тогда, опять же хвала Оро, хороший ужин — это уже кое-что. Сбрось сапоги, нет, сбрось рубашку, если ты в неё одет, и иди как есть. Ура! Тяжёлый день закончен: последний удар отозвался эхом. Двенадцать долгих часов до восхода солнца! И хорошо было бы так, что это — Антарктическая ночь и шесть месяцев до завтра! Но ура! У многих пчёл есть свой улей, и после утомительного от блуждания дня они торопятся домой к своему мёду. Там они протягивают жёсткие ноги, протирают свои хромые суставы и кладут свои усталые правые руки на перевязь, а левые используют для установки и переноски пищи от тарелок к зубам, от пенящейся бутылки к большой оплетённой бутыли, которая никогда не выливается до конца, сколько в неё ни вливай. Ах! В конце концов, самый жалкий дьявол в жизнях Марди не напрасен. У самой твёрдой дубовой доски в мире есть и мягкая сторона!

— Полагаю, я прежде слышал нечто подобное

этому сентиментальному бормотанию от моих рабов, мой господин, — сказал Абразза Медиа. — У него есть старый аромат тарабарщины.

— Тарабарщина, Ваше Высочество? Тарабарщина? Я полон ею, я — невнятно говорящий призрак, мой августейший богоподобный господин! Здесь, проведите рукой по мне… здесь… здесь… и вот ожог, там я сильно обожжён. Во имя Оро! Король! Но я буду насмехаться и невнятно говорить от вашего имени, пока ваша корона не почувствует, как другой череп пробил ваш собственный. Тарабарщина? Да, в аду мы будем тараторить вместе, король! Мы будем выть, жариться и шипеть вместе!

— Ты — дьявол, прочь! Хо, охранники! Схватите его!

— Назад, злые собаки! — закричал Медиа. — Не троньте и волоса на его голове. Я жажду прощения, король Абразза, но в отношении Баббаланьи не должно быть никакого насилия.

— Протрубите там! — сказал Абразза. — Итак: банкет закончен — факелы для короля Медиа! Доброй ночи, мой господин! Тотчас же, как раз из-за этого случая, с хорошим настроением мы и закончили. И после многих прекрасных обедов и банкетов — через свет и через тень, через ра-

дость, горе и всё произошедшее почти до конца вечера, — после всего нашего дикого блуждания мы пришли к тому, что всё должно быть сведено к ужину.

Глава LXXVIII
Они отплывают

Следующим утром король Абразза послал прохладные слова Медиа, в которых день был назван очень удачным для путешествия под парусом, но он очень сожалел, что его недомогание было следствием присутствия одного человека на вечеринке, который этим утром, несомненно, отбудет с его острова.

Передайте мою благодарность вашему королю, — сказал Медиа гофмейстерам, — и скажите, что королевское уведомление об отъезде получено должным образом.

— Возьмите Аззагедди к себе, — сказал Баббаланья, — и скажите, что я надеюсь, что Его Высочество не ошибётся в его назначении вместе со мной, — первой же полночью после того, как он умрёт, я появлюсь в углу кладбища и снова рассмеюсь! Подплывая к следующей земле, мы увидели, что она была покрыта густым лесом, состоящим из мангровых деревьев, которые росли в воде, высоко подняв свои ветви. Тут и там виднелись тенистые укромные уголки, наполо-

вину состоящие из зелени и воды. Рыбы слегка пульсировали, и канарейки пели.

— Давайте прорвёмся, мой господин, — сказал Иуми, — и поищем берег. Одиноким следует прийти в чувство.

— Одинокие имеются, — крикнул Мохи.

— Населённый, но не оживлённый, — сказал Баббаланья. — Трудно высаживаться здесь, менестрель! Посмотри, не огорожен ли остров?

— Зачем тогда прорываться? — сказал Медиа. — Йиллы здесь нет.

— Я догадался, — вздохнул Иуми, — это заключённый в тюрьму остров! Полный безропотного горя: как и многие другие, мы должны были проскользнуть мимо и оказались невнимательны. Я слышал о нём. Этот остров многие проходят, отмечая его яркость снаружи, но не подозревая о сокрытых здесь печальных тайнах. Бессмысленно его исследовать! Внутри этих лесов есть компания мардиан, которые отведали Марди и сочли его горьким для себя и сладким для других! Девы, неопылённые цветы которых разъедены в зародыше, и дети с глазами, отвернувшимися от рассвета жизни, — как свежие, раскрывшиеся утром цветы, что, предвидя штормы, отворачиваются и закрываются.

— Иуми говорит правду, — сказал Мохи.

— Зачем тогда причаливать? — сказал Медиа. — Ни один весёлый здравомыслящий человек, ни один полубог, как я, не сделает этого. Уйдём прочь, давайте видеть всё, что приятно или кажется таковым в нашем круговороте, и, если это возможно, избегать печали.

— Тогда мы не обойдём весь риф по кругу, — сказал Баббаланья, — но опишем сегмент. Ведь эта земля далека от того, чтобы стать первой печальной землёй, мой господин, которой мы пренебрегли по вашей просьбе.

— Хватит. У меня не будет мрака. Хо! Эй, вы там, гребцы! Распустите все ваши паруса, сложите вёсла; дуйте сильнее, весёлые ветры!

И так, в шафрановом закате, мы приблизились к другому берегу.

Мрачно выглядела эта земля! Чёрные, нависающие скалы вперемежку с вулканическими расселинами, перепаханными потоками и с тёмными обугленными лесами. Пляж был усыпан лавой и пеплом, с болезненным шорохом дул холодный ветер, вопли исходили из пещер, и жёлтые, вздымающиеся волны бились о стонущий берег.

— Мы высадимся? — сказал Баббаланья.

— Не здесь, — крикнул Иуми, — никакой Йиллы здесь нет.

— Нет, — сказал Медиа. — Это ещё одна земля, которую намного лучше избегать.

— Знаете ли вы, — сказал Мохи, — что здесь — шахты короля Кланко, чьи бичуемые рабы, трудящиеся в своих ямах, настолько приближены к недрам вулкана, что слышат его грохот? «Ведь они должны продолжать работать, — кричит Кланко, — шахты всё ещё приносят доход!» И ежедневно кости его рабов выносят на землю, смешивая с металлическими массами.

— Ввставьте там все паруса, люди! Плывём дальше!

— Мой господин, — сказал Баббаланья, — мы всё ещё должны вклиниваться в полное зло и только поглядывать на хорошее; или зло неразделимо перемешалось с ним?

Наполовину скрывшийся в туманных облаках перед осенним равноденствием полумесяц уже взошёл, и в его бледном и измученном свете все сидели притихшие — каждый человек в том своём тайном душевном настроении, в котором лучше всего сознавал собственные мысли.

Глава LXX IX
Баббаланья при полной луне

— Хо, смертные! Мы что, идём на похороны, коли наши вёсла кажутся такими приглушёнными? Выше дух, Тайи! Или та ведьма Хотия преследует тебя? Стань полубогом ещё раз и посмейся. Её цветы — не зубы, и стрелы мстителей слишком тупы, чтобы тебя убить. Баббаланья! Мохи! Иуми! Выше дух! Выше дух! Во имя Оро! Я высажу целую компанию на следующей земле, которую мы встретим. Никаких слёз из-за меня! Ха, ха! Давайте смеяться. Хо, Ви-Ви! Не спи; быстрей, мальчик, — немного вина! И давайте станем счастливыми под счастливой луной. Посмотрите! Она крадётся наружу из этих облаков. На погибель Хотии! И на долгую жизнь и веселье для нас! Тайи, мой прекрасный товарищ, вот ты, — пусть твоё сердце станет камнем! Ха, ха! Никто не присоединится ко мне? Мой смех одинок, как смех того, кто смеётся в своей могиле. Приди, смех; никто не осушил вино, как я сказал? Смотрите! Круглая луна вышла из дома.

— Скажете, что это не так, мой господин?

Тогда только из-за этого одного я буду с вами, — вскричал Баббаланья. — Наполните мне бокал. Ах! Но это вино перескочило через меня, как пантера. Да, давайте смеяться, давайте реветь, давайте вопить! Что если б мне стало грустно, но прямо сейчас? Жизнь — апрельский день, это смех и плач в одном дыхании. Но кто бы ни был мудр, он смеётся, когда может. Люди разбегаются от стона, но направляются к смеху. Ви-Ви! Твою тыкву. Мой господин, позвольте мне помочь вам. Ах, как оно искрится! Кубки, чаши, Ви-Ви, побольше чаш! Здесь, Тайи, возьмите эту; Мохи, возьмите эту; Иуми, возьми эту. И теперь давайте глубоко утопим горе. Ха! Ха! Дом траура необитаем, впрочем, по старой доброте приветствие удерживало похоронных гостей, и из-за этого сам держусь и роюсь; здесь я сижу с моими мёртвыми и пополняю ваши винные чашки. Старый Мохи, ваша чаша; Иуми, твоя. Ха! Ха! Давайте смеяться, позвольте нам кричать! Сорняки удаляют из тщеславия, но никакого сердца не вырвать в тайне; хорошо смеяться, хотя смех может быть пустым; и мудро будет создать веселье сейчас и ради радости. Смейтесь и получите друзей; плачьте, и они уйдут. Женщины рыдают и избавляются от своего горя, мужчины смеются и хранят его.

Есть смех на небесах, и есть смех в аду. И глубока та мысль, язык которой — смех. Хотя мудро быть преданным горю, но путь этот ведёт через слёзы, и всё кончается криком. Но мудрость не несёт сорной травы; горе более весело, чем радость; это мелкое горе печалит. Ха! Ха! Так кричат бесноватые, так усмехаются все скелеты, так и мы все умираем со скрежетом зубов. Смейтесь! Смейтесь! Действительно ли херувимы серьёзны? Юмор, твой смех божественен; отсюда выходит, что радость делает идиотов уважительными; и поэтому мне можно. Хо! Давайте быть весёлыми, если это будет длиться только час и Смерть вручит нам кубок. Ви-Ви! Принеси свои тыквы! Давайте пожелаем друг другу здоровья! Давайте смеяться, смеяться, смеяться до последнего. Все мудрецы смеялись — позвольте нам; Бардианна смеялся — позвольте нам; Демокрит смеялся — позвольте нам; Амур смеялся — позвольте нам; Рабили хохотал — позвольте нам; усмешка гиен, вопли шакалов, — позвольте нам. Но вы не смеётесь, мой господин? Залейтесь смехом!

— Нет, спасибо, Аззагедди, но после такого адского поведения лучше поплакать.

— Он заставляет дрожать всё моё тело, как будто я муравейник, — сказал Мохи.

— Он безумен, безумен, безумен! — закричал Иуми.

— Да, безумный, безумный, безумный!.. Безумен, как безумный злодей, который едет на мне!.. Но подойди, милый менестрель, слабо́ прислушаться к песне?.. Мы, сумасшедшие, — все поэты, ты знаешь. Ха! Ха!

Звёзды смеются в небе:

О, фугле-фи я.

Покрылись волны рябью низкой:

О, фугле-фо!

— Ветер ударяет в свои цимбалы, рощи издают крик, ураган — лишь истерично смеётся, и молния, что взрывается, взрывается только играючи. Мы должны смеяться, или мы умрём; смеяться означает жить. Не смеяться — означает быть в столбняке. Вы будете плакать? Тогда смейтесь, пока плачете. Ведь радость и горе — семья, ибо созданы идентичными нервами. Пойди, Иуми; пойди, исследуй анатомию: намного больше можно извлечь из мёртвого, чем усвоить знаний от живого, и я мёртв, хоть я и жив; и так же поскорей изучи меня, как любого другого; я с любопытством изучу свои секреты и пощупаю под своими рёбрами. Я нашёл, что сердце не цело,

но разделено; то, что оно ищет мягкую подушку, где можно отдохнуть; то, что оно оживляет кровь, которая была ещё более жидкой, чем вода. Я обнаружил, что мы не можем жить без сердец, хотя бессердечный живёт дольше всех. И всё же обнимитесь сердцами, вы — горсточка тех, у которых они есть, а это счастливое наследие! Итак, итак, мой господин, я продолжаю; от одного полюса к другому; от той вещи к этой. Но вот так большой мир и вращается и в одном только Сомерсете показывает двадцать пять тысяч миль солнечного пейзажа!

В тот момент начали садиться пламенная полная луна и Сириус, и глубоко внутрь Медиа опустился целый винный парк Тиволи.

Глава LXXX
Утро

Царят ли на земле жизнь или смерть, благо или горе, а солнце идёт по своей траектории. Над полем битвы и мирным домом, над крепостной башней и городом проходит оно, всматриваясь в родильные и смертные ложа; освещает собор, мечеть и святыню язычника; и улыбается всему в небе, подобно Демокриту; и в один краткий день видит больше, чем иной паломник за целое столетие.

Поэтому солнце к небесам ближе, чем мы; и живёт оно с той же мыслью, с какой, может быть, благословенный Оро смотрит вниз.

Пылал фиолетовый, красный и жёлтый Восток, рассечённый полосами. И вниз со свежих гор сошло здоровое и румяное Утро — обёрнутым пледом шотландцем, машущим островам своей оперённой шляпой.

В соседних рощах высоко взлетели жаворонки и от радости запели в высоте, в то время как наперерез нашим судам по проливу между двумя островами величественно, как семидесятичеты-

рёхпушечный корабль, проплыл могучий лось, отбросив назад свои дикорастущие рога.

Запросто выйдя из свежих утренних рощ, он смешал с морской водой росу с листьев, капающую с его рогов на водную рябь перед его коричневой выпуклой грудью.

— Пятьсот тысяч столетий прошло с тех пор, — сказал Баббаланья, — как возник этот самый пейзаж. Оро и солнце — вечны; и та же самая жизнь, что движет этим лосем, продолжается, подобно солнцу и Оро. Всё — части Единого. Во мне, во… мне… переплетение мыслей разделено между существами, населяющими все звёзды. Сатурн, Меркурий и Марди — братья, все до одного, и на своих орбитах общаются друг с другом по душам. Из этих слов можно написать великие главы! О! Эта плоть не может идти в ногу с духом. О! Неужели эти бесчисленные зародыши во мне должны ежечасно гибнуть из-за отсутствия механической силы!.. Миры проходят по мирам в космосе, как люди, люди… на шумных улицах; и после периодов в тысячу лет они кричат: «Хорошо бы встретиться снова, мой друг!»… «Ко мне, ко мне», — говорят они в мистической музыке; я слышу все их мысли, проходящие через все их пояса. Привет вам, самые далёкие миры!

И всем прекрасным существам в вас! Раздуй мне воздух, милый Зенора! Своими сумеречными крыльями! Хо! Позволь нам путешествие к Альдебарану. Ха! Действительно, румяный мир! Какой живительный воздух! Совсем не как в Марди. Рубиновые колонны, аметистовые минареты, алмазные купола! Кто это? Бог? Какой подобный озеру лоб! Прозрачный, как утренний воздух. Я вижу его мысли, как вращение миров, — и в его глазах — как в небесах — плавно падающие звёзды — метеоры. Вот эти тысячи движущихся крыльев развивают моё дыхание… я слабею… назад, назад, к некоему маленькому астероиду. Милое существо! Если от имени мардиан я могу обратиться к вам, то я говорю! «Я порождаю душу зародыша в себе; я чувствую первую, слабую дрожь, как в струне арфы, звучащей в моём сокровенном существе. Убейте меня, и поколения умрут». Так изначально ещё не рождённый младенец жил в теле девственницы, которая затем полюбила своего Бога, как любят беременные матери своих малышей до рождения. О, Алма, Алма, Алма! Прочь клыки, злодей! Будешь ещё бичевать меня в пене? Не бей меня так по лицу раздвоенным пламенем!

— Баббаланья! Баббаланья! Пробудись, человек!

Пробудись! Адски искусный в аду и проклятый так, что твои сухожилия подобны свернувшейся змее и обёрнуты вокруг всего тебя? Твой лоб чёрен, как земля! Повернись, повернись! Смотри, вон там лось!

— Приветствую, могучее животное! Ты не чувствуешь этих вещей: никогда не сможешь ты быть проклятым. Лось! Была бы твоя душа моей; и если она опалима, то моя душа будет бессмертной — как твоя; и твоя жизнь не осознаёт смерти. Я прочитал глубокое спокойствие — глубоко — на миллион фиолетовых морских саженей внизу, в этом мягком, вызывающем жалость глазе женщины! Человек — твоя сокращённая форма, твоё лесное величество? Лось, лось! Моя душа простре-лена снова — о, Оро! Оро!

— Он падает! — закричал Медиа.

— Его глаза предупреждают об агонии, — сказал Иуми, — увы, бедный Баббаланья! Действительно ли это безумие осознаётся им самим? Если когда-нибудь вам придётся воспроизвести это снова в своём уме, то остались ли у вас воспоминания? Возьмите мою одежду: здесь я сниму свою, чтобы закрыть вас и всё ваше горе. Оро! Тут я преклоняю перед тобой колени: дай Баббаланье смерть или счастье!

Глава LXXX I
Квинтэссенция

К настоящему времени наши поиски прошли по бесчисленным островам, которые невозможно описать ни одним пером, за исключением тех, что описаны моим, — и при этом не привели ни к одному из следов Йиллы.

Но, впрочем, мои надежды возродились не из их пепла; всё же большую часть Марди мы обыскали, и казалось, что долгие поиски в течение многих лун должны быть закончены; так или иначе, к добру или не к добру, но моё безумство когда-нибудь испарилось бы.

После того как прошло свежее упоительное утро, весь день был пасмурным. Мы шли под парусом по хмурому морю под хмурым небом. Глубина хмурилась над глубиной, и в серовато-коричневых парах слепящее солнце село незамеченным, хотя три наших носа были направлены прямо на Запад, стойко держа курс, как три напечатанные точки на картушке компаса.

— Когда мы отправились в плавание из Одо, стояло великолепное весеннее утро, — сказал

Иуми, — мы держали курс на восходящее солнце. Но теперь, под осенними ночными облаками, мы спешим к его закату.

— Что ещё? — закричал Медиа. — Почему менестрель печален? Он тот, чьё место должно изгонять отчаяние, и он не в состоянии этому способствовать.

— Ах, мой господин, так… вы… думаете. Но мои стихи скорее могут успокоить печали, нежели сделать их светом сердца. Но мы, менестрели, не так веселы душой, как считается в Марди. Ручей, который сладко мурлычет, течёт в самом безлюдном лесу:

Не держат тебя Острова, ты отплыл!

Жилище твоё опустело надолго,

Напрасно мы пеньем погибших своих вспоминаем,

В далёкие страны весенние птицы держат свой путь!

Пока Иуми пел это низким приятным голосом, не следя за своим положением, со сложенным веслом, один наш стрелок, игривый парень, напевал самому себе вот это:

– Хо! Весело, хо! Мы на вёслах идём!

Хо! По морской лощине и долине!
Наши пульсы летят,
Сердца наши громко стучат,
Хо! Весело, весело, хо!

Но внезапно раздался всплеск, а затем пронзительный, захлёбывающийся звук, что бывает слышен при перекрытии фонтана, тотчас же разорвал воздух. Затем всё стихло, скрывшись за шумом волн под нашими килями.

— Спасите его! Вернитесь!

Со своего возвышения весёлый лучник, с упоением вытянувшись вперёд, упал в лагуну.

Со всей поспешностью наши несущиеся каноэ принялись разворачиваться, и только потом мы смогли бросить взгляд во тьму, в которой оказался стрелок.

Пока вслепую мы отходили назад, глубокая Ночь ещё ниже опустилась на морскую гладь.

— Уберите все вёсла и прислушайтесь.

Задержав своё дыхание, на всех шести планширах склонились все присутствующие, но услышали только стоны ветра. Долгое время мы дрейфовали, затем медленно дважды пересекли свой же след, почти без надежды, но не желая оставить того, кто с песней на устах умер и был

погребён ещё дышащим.

— Давайте уйдём прочь, — сказал Медиа, — зачем искать дальше? Он пропал.

— Да, пропал, — сказал Баббаланья, — и куда? Но мгновенье назад он был среди нас: теперь неподвижные звёзды удалены не более, чем он. Разве он может жить, находясь вдали? О, Оро! Эту смерть ты предопределил, лишив нас самого мужественного. Разве не так, мой господин? Давайте не говорить за спиной у Смерти. Тяжело и ужасно так умереть: ослеплённым прыгнуть за грань жизни! Но именно так, в облаках пыли, под топот копыт, исчезают поколения; смерть ведёт их всех в своё предательское ущелье, как дикие индейцы гонят стада бизонов. Нет, нет, Смерть — последнее отчаяние жизни. Тяжело и ужасно так умереть. Сам Оро, в Алме, умер не без стона. Всё же зачем, зачем жить? Жизнь утомительна для всех: однообразная и унылая кругом. День и ночь, лето и зима вращаются вокруг нас ради этого. Один прожитый момент и есть жизнь. Ни одной новой звезды не появляется в небе, ни одного нового огня в душе. В целом изменений там много. Ведь в детстве, увлёкшись, мы созерцаем многие странные вещи под луной, и весь Марди видит яркую ярмарку, — и уже

вскоре каждая вещь исчезает. Все мы, в самих своих телах, самих себя и переживаем. Я думаю о зелёном молодом человеке как о весёлом малом, из которого отбываю; и пожимать руки, и быть приятными в моей старости оказывается в перспективе тяжелее, чем привлечь холодного незнакомца к моей груди. Но старость не для меня. Я состою из материала, который не стареет. Этот Марди не наш дом. Мы блуждаем вверх и вниз, как изгнанники, бредущие к дальней планете: это не тот мир, в котором мы родились; не тот мир, светлый и весёлый; не тот мир, где мы когда-то весело танцевали, обедали и ужинали, и сватались, и обручались с нашими давно похороненными жёнами. Тогда позвольте нам отбыть. Но куда? Мы продвигаемся вперёд, затем в страхе отшатываемся. Пытаемся снова — и убегаем. Трудно жить, трудно умереть, — невыносимая проблема! Но мрачный деспот наконец вмешивается, и с аспидом в наших саванах мы попадаем в море.

— Мне, — сказал Мохи, трогая свои седые, влажные от ночных рос локоны, — в смертельном тёмном проходе время от времени видится молчаливо приветствующая рука. Всё это есть у умирающего, что делает нелёгким его уход.

По сравнению с тем, как многим во младенчестве затыкали рты, медленное умирание от моей старости кажется милосердием, концом конца и смыслом смысла. Я долго был могилой своей молодости. И во мне уже больше умерло, чем осталось к финальному смертельному моменту. Баббаланья говорит правду. В детстве смерть не возбуждала меня; в среднем возрасте она преследовала меня, как бродячий бандит на дороге; теперь, когда я стал стариком, она смело следует впереди, сопровождает меня и оборачивается ко мне со своим пристальным взглядом скелета: я отравлен последними утешениями жизни. Марамма не добавляет мне мрака.

— Смерть! Смерть! — вскричал Иуми. — А я, а миллионы людей со мной? Должен ли я уходить, когда цветы всё ещё цветут? О, я отметил, каково это — быть мёртвым: так кричат мальчики, веселясь, прячась среди могил, которые должны будут, в конце концов, скрыть всех играющих.

— Облака на облаках! — кричал Медиа. — Но прочь от них от всех! Почему бы не прыгнуть в ваши могилы, пока вы это можете? Когда придёт время умирать, то лучше умирать не дюйм за дюймом. Умирание — это не смерть, един-

ственная смерть — страх перед смертью. Я, полубог, не боюсь смерти.

— Ну, а когда шакалы завоют вокруг вас? — сказал Баббаланья.

— Прогоню их! Умру смертью полубога! На своём смертном одре из скрещённых копий мой храбрый старый родитель кричал: «Вина, вина; начинайте, духовые и ударные; позвольте королю умереть под военные мелодии!»

— Умирающий более отважен, чем мёртвый, — сказал Баббаланья. — Конец нашей вьющейся процессии наполнен музыкой и щеголяет под знамёнами с бравыми девизами: «Выше голову!», «Страха нет!», «Миллионы умерли прежде!», — но у бесконечного фургона нет развевающихся флажков; всё там тихо и торжественно. Последняя мудрость немая.

Последовала тишина, во время которой каждое погружение вёсел в уже спокойную воду надолго наполняло слух.

Вскоре, подняв свою голову, Баббаланья сказал так:

— Йилла всё ещё ускользает от нас. И во всём этом туре по Марди сколь же мало мы нашли, чтобы наполнить сердце миром, и сколь же много, чтобы убить всю нашу тоску.

— Не каркай больше, ворон! — крикнул Медиа. — Марди полон весенних чудес и звуков празднеств. Мне в моей жизни никогда не было грустно.

— Но на один ваш смешок, мой господин, приходится много стонов! Были бы все счастливы или все несчастны — это было бы более терпимо, чем то, что происходит сейчас. Но счастье и страдание так бросаются в глаза, что этот Марди может стать карающим будущим для некоторых пасынков судьбы. Но тщетны наши предположения. Тщетно говорить, что весь Марди всего лишь идёт к концу, что эта жизнь — состояние испытания, что зло не разрешено как способ выражения, что для некоторых эпох мятежный ангел оказывается вице-королём. Нет, нет. Оро никому не передаёт свой скипетр; в его постоянном господстве нет междуцарствия; и Время — Вечность; и мы живём сейчас в Вечности. Всё же некоторые говорят о последующем, где закончатся все тайны жизни и страдания добродетельного будут вознаграждены. Оро справедлив, говорят они. И раньше, и теперь, и всегда. Но сделать возврат считается несправедливым, и тут Оро может не нести ответственности. Всё, что нам кажется плохим, может быть приятно ему. Если

он не боится, не надеется, то у него нет никакой другой страсти, никаких концов, никаких целей. Он живёт содержанием, все концы сосредоточены в Нём, у Него нет прошлого, нет будущего, Он — это постоянное Сейчас, которое и есть постоянное спокойствие, и вещи, которые есть и были, — будут. Этого мрака достаточно. Но крик! Крик! Ночные птицы пролетают через леса Мараммы, её мрачные ноты проникают в наши жизни, и тогда мы охотно вернулись бы в мир, в котором птица, летящая впереди, подобна облаку, затмевающему наши садящиеся солнца и наполняющему воздух печалью.

— Вернее не скажешь! — вскричал Иуми. — Наше спокойствие должно прийти за штормом. Как у лишившихся руля судов, бросаемых бурей, наше единственное спасение — уйти на дно.

— Наши начала, — бормотал Мохи, — теряются в облаках, все свои дни мы проживаем в темноте и без конца погибаем.

— Если будете каркать, трусы, — крикнул Медиа, — то полетите перед отвратительными фантомами, которые преследуют вас!

— Тот совсем не трус, кто, затравленный, оборачивается и видит, что врага уже нет, — сказал Баббаланья. — Олень, лоб которого разбит кры-

льями ястребов, поднимает ввысь свои рога; вот и я, ослеплённый, раздражённый, очертя голову мчусь этим путём и тем, не зная куда; и вокруг меня лишь огромный лес!

Глава LXXXII
Они плывут с ночи до полудня

Долго ещё три каноэ тяжко качались на крутых водяных холмах. Словно мантии, облака носились туда и сюда, взаимно перекрываемые невнятно говорящими ветрами. От каждой разбиваемой носами волны наши проа вставали на дыбы, приходили в ярость и дрожали; ночь закончилась дождём.

Куда поворачивать, мы не знали, и к какой гавани идти — тоже: столь плотной была темнота.

Но наконец шторм закончился. Наши разбитые носы казались позолоченными. Забрезжил рассвет, и из своих золотых ваз он вылил красное вино на воду.

Эти раскрасневшиеся волны слегка подбегали к нам; с востока плыло одинокое каноэ, в котором сидел тихий старик с пальмовой ветвью в руке; его тонкий нос выглядел подобно клюву птицы, держащей амарант и мирты.

— Благослови вас Алма, путешественники! Вы выглядите как потрёпанные штормом.

— Мы пережили шторм, старик, и не один,

но мы всё ещё должны идти дальше, — сказал Баббаланья.

— Солнце взошло, и теперь снова всё в порядке. Мы по возможности починим наши проа, — сказал Медиа.

— Тогда поверните к Серении, славному острову, где всем рады, куда приходит много унесённых штормом бродяг в конце своих странствий, чтобы остаться и жить тут.

— Серения? — сказал Баббаланья. — Полагаю, что Серения — это та земля подвижников, о которой мы слышали, мой господин, и где мардиане ссылаются на противоестественное соединение причины со следствием; где Алма, как они говорят, вернулся к своему божественному оригиналу; где, получая свои принципы из тех же самых источников, откуда исходит учение о Марамме, люди стремятся жить вместе в нежных узах мира и милосердия. Безумие! Безумие!

— Да, — сказал Медиа, — много сказано об этих людях Серении; но их социальная ткань должна скоро распасться на части; это основано в самой пустоте их теории. Спасибо за твою любезность, старик, но мы не хотим посетить ваш остров. У нашего путешествия есть цель, которой, как что-то подсказывает мне, мы не достигнем, если

зайдём к вашим берегам. Мы сможем заняться ремонтом в другом месте. Прощай! Вот и слабое дуновение; установите паруса! Прощай, старик.

— Нет, нет! Подумайте снова: расстояние совсем небольшое, направление ветра — ну как раз попутное; зайдите: для нас, жителей Серении, весьма желательно быть замеченными в Марди; ведь если наш образ жизни понравится, то и весь Марди сможет жить так, как мы. Во имя Алмы, я прошу вас приехать!

— Едем, мой господин?

— Уговорил, старик! Мы посмотрим этот поразительный остров.

Так, ведомые почтенным незнакомцем, к полудню мы заметили цветущий остров с яркими саваннами и задумчивыми тихими рощами. С его берега доносились запахи цветочных бальзамов и мелодии птиц: тысячи летних звуков и ароматов. Волнистый поток журчал вокруг наших расколотых носов, солнце стояло высоко в небесах, и воды под нами были глубоки.

— Земля Любви! — пробормотал старик, когда мы приблизились к пляжу, где игривый прибой мягко шевелил неисчислимые раковины и где раздавалось мелодичное мурлыканье их створок. Позади него другой зелёный прибой играл у вы-

соких берегов, покрытых листвой, где бриз также касался своей земной кромки.

И сейчас же там, появившись из-под деревьев, вышло множество приветливых людей в мягких одеждах с пальмовыми ветвями в руках; и как только они подошли ближе, то сразу запели:

Привет! Мореходы, привет!
Откуда бы вы ни пришли,
Спокойнее берега нет,
Нет более сладкой земли,
Чем видимый вами Берег Любви!

Привет! Мореходы, привет!
К нашему берегу мягкие ветры зовут:
Пальмы вам машут,
Волны бегут,
Верный маяк – наши звёзды не лгут!

Привет! Мореходы, привет!
Не думайте больше о рощах обширных и мрачных;
На острове нашем
Ярко улыбки цветут:
Роз полные вазы эти долины.

Привет! Мореходы, привет!

Не надо вам тщетных стремлений

Себе вы не лгите;

Не сможете вы отыскать

Идею покоя,

Пусть даже на крыльях на быстрых вы полетите.

Привет! Мореходы, привет!

Время летит всё быстрей, и жизнь закончится скоро;

И траур наденете вы,

Который сюда принесли,

Как только покинете берег прекрасный.

Глава LXXX III
Они высаживаются

Как только песня закончилась, и мы высадились на берег, толпа окружила нас и назвала нас своими братьями — нас самих и самых скромных наших слуг.

— Они назвали нас своими братьями, которых прежде никогда не видели?

— И что здесь необычного? — сказал старик, что привёл нас. — Разве Оро не отец для всех? Разве мы не братья? Так Алма, Владыка, повелел.

— Не так нас принимали в Марамме, — сказал Медиа, — означенной как место Алмы, где сохраняются его предписания.

— Нет, нет, — сказал Баббаланья, — старик! Твой урок братства был получен в другом месте, но не от Алмы, поскольку в Марамме и всех её островных колониях истинного братства нет. Многие угнетаются даже на Святом Острове, многие убиты из-за ереси, и тысячи погибли под алтарями в стонах и мольбах об уменьшении своих страданий.

— Увы! Слишком верно. Но я умоляю вас, не су-

дите об Алме по всем тем, кто учит его вере. У вас самих есть его заветы?

— Полных записей у меня нет. Долгое время, ещё с моих младенческих лет, я стал свидетелем множества заблуждений относительно его имени, грехов и разногласий его последователей, которые думают, что всё зло должно проистекать из подходящего для их мышления источника. Я не собирался изучать весь отчёт о жизни вашего Владыки, зная только его первые части.

— Ах! Губительная ошибка! Но ведь это так, братья! Самые мудрые встали против Правды потому, что вырвали её из себя.

— Тогда ты претендуешь на то, чтобы жить, как завещал твой Владыка? Каковы твои предписания?

— Ничего мы не требуем, но искренне пытаемся.

— Расскажи мне не о ваших усилиях, а о вашей жизни. На что может надеяться среди вас человек без отца?

— На то, что мы примем его как сына.

— Бедного и нагого?

— Будет одет и не заплатит ни за что.

— А если он, неблагодарный, побьёт вас?

— Мы продолжим кормить и одевать его.

— Но это же неблагодарность!

— Долго таким он не сможет быть, поскольку Любовь — огонь пылкий.

— Но что если повсюду он выступает против вашей веры в Алму, — тогда, конечно, вы должны будете отбросить его подальше?

— Нет, нет; мы будем помнить, что если он откажется от нас, то мы тогда одинаково откажемся от него, и как от человека, посланного самим Оро. И при этом мы не скажем, что он неправ, а мы правы, поскольку мы не знаем абсолютно всего. Но мы заботимся не о людских словах; мы ищем кредо в действиях, которые являются правдивыми символами вещей. Тот, кто ежечасно молится Алме, но живёт, не поднимаясь до всемирной любви и милосердия, — человек более неверующий, чем тот, кто устно отвергает Владыку, но ценит его учение. Наши жизни — наши вершины.

— Но некоторые говорят, что то, чему учит ваш Алма, это совершенно новое — это открытие вещей, прежде не предполагавшихся даже поэтами. Чтобы выполнить его указания, необходимо обладать некой новой способностью, посредством которой необходимо правильно чувствовать.

— Об этом я всегда думал, — сказал Мохи.

— Если Алма учит любви, то я не хочу учиться другому дару, — сказал Иуми.

— Всё, что жизненно важно в вере Владыки, жило здесь, в Марди, и в укромных лощинах осуществлялось задолго до прибытия Владыки. Но никогда прежде среди нас достоинство не было поднято так высоко, что все могли бы его увидеть; никогда прежде с небес не спускались лучи для того, чтобы прославить его, но разве Правда, Правосудие и Любовь открыты одним только Алмой? Неужели никто никогда не слышал об этом, пока он не пришёл? О! Алма не открывает нам наши собственные сердца. Были бы его предписания странными, мы отшатнулись бы — не ответили бы ни одним чувством; тогда же, как только мы прислушались, наши души уже инстинктивно были обвиты ими, словно усиками виноградной лозы.

— Но, — сказал Баббаланья, — так как Алма, как говорится, был полон решимости всего лишь прибыть в Марди, то не покажется ли всем сомнительным, что все эти его предписания принесут пользу для ведомой здесь повседневной жизни?

— Если бы! Если бы Алма мог ещё раз снизойти! Брат! Была бы земля нашей постоянной

подушкой, был бы и ответ на веру Владыки в счастливый конец, воистину более счастливо создаваемый нами здесь. Это — первый и главный результат; из-за святости здесь мы должны быть святыми и в другом месте. Это Марди, который любил Алма, издаёт свои законы, но не Рай.

— Скоро я полностью проверю всё это, — пробормотал Мохи.

— Старик, — сказал Медиа, — вы оба, с твоими годами и годами Мохи, ближе всех к тому, чтобы жить в неизвестном будущем. Но поговори со мной на другие темы. Расскажи мне об этом острове и его людях. Из всего, что я услышал и теперь созерцаю, я заключил, что здесь нет никакого короля, что вы остаётесь самими собой и что эта мистическая Любовь, как было сказано, и есть ваш правитель. Это так? Тогда вы полны провидения, как поговаривают в Марди. И хотя какое-то время вы сможете процветать, долго так продолжаться не может, и некий жестокий урок убедит вас, что ваша вера в достоинство мардиан абсолютно тщетна.

— Это правда. У нас нет короля, поскольку предписания Алмы упрекают власть в высокомерии. Он — трибуна человечества, и не станет его истинная вера всеохватной в Марди, пока все наши

народы не лишатся королей. Но не подумайте, что мы не верим в совершенство человека. Нет, абсолютно против всего хорошего он не восстаёт. В его сердце есть зародыш. Мы рассчитываем на его восприимчивость. К нему мы и обращаемся, иначе всё было бы безнадёжно!

— У вас общественное правление?

— Оно несовершенно и долго ещё должно будет оставаться таким. Но мы не делаем многих несчастными, поддерживая немногих счастливых. Но, отвергая здравомыслие, стремление породить равенство порождает анархию. Не во всех вещах существует равенство. У каждого есть что-то своё собственное. У некоторых пальмовые рощи обширнее, чем у других; они больше платят, живут в более изысканном жилье, чаще меняют свою ароматную солому. Такие различия должны быть. Но ни один не голодает напрямую, в то время как другие пируют. Обеспеченный помогает нуждающемуся. И не согласно своему статусу, а от желания, рождённого в нас уже дремлющим и пробуждённого к жизни Алмой. Этим желаниям мы не следуем во всём, что мы делаем, нас тянут не к добродетели, а к бегству от неё. Мы не создаём совместной жизни. Из порока и достоинства, вслепую смешанных, формируется

союз, где порок слишком часто доводит до разложения. Порочных мы селим обособленно, пока они не исправятся. И исправление начинается сразу же, как только их пригласят. Грех других не падает на наши головы: не мы привели их к преступлению. Наши законы порождены не местью, а только Любовью и Алмой.

— Всё это прекрасная поэзия, — сказал Баббаланья, — но не такая уж и новая. Часто то же самое поётся в ласковой Марамме!

— Это звучит здорово, старик! — сказал Медиа. — Но люди есть люди. Некоторые должны голодать, некоторых нужно бичевать. Ваши доктрины невыполнимы.

— И разве эти вещи не предписаны Алмой? И стал бы Алма внушать невозможное? Какова ценность его предписаний, если они не могут быть применены? Но я умоляю вас, не говорите больше о Марамме. Увы! Приди Алма снова в Марди, как вы думаете, разве оказался бы он среди тех ценностей, за которые он положил свою голову?

— Нет, нет, — сказал Баббаланья, — он пришёл бы как самозванец и в тот же день стал бы злоумышленником. Он стал бы повсюду сотрясать наше общественное устройство.

— Не здесь, не здесь! Мы бы скорее приветствовали Алму голодным и жаждущим, чем того, что прилетел бы сюда на крыльях серафимов со сверкающим знаком зодиака в своей диадеме! Со всех его сторон мы обожаем его, не нуждаясь в великолепии и силе зажжённой веры. Хотя он и произошёл от Оро, хотя он и творил чудеса, проходя через свою жизнь, — не за одно лишь это мы так любим его. Мы любим его из-за инстинкта в нас — любящего, сыновнего, почтительного чувства. И если бы это не шевелилось в наших душах, то это был бы наш смертельный конец; и Алма был бы неспособен оказать нам поддержку. Мы любим его потому, что мы есть.

— Этот человек божественный? — пробормотал Баббаланья. — Но ты говорил больше всего об искреннем обожании Алмы: я не вижу храмов в ваших рощах.

— Потому что этот остров — один единый храм во славу его, где каждый лист посвящён ему. Мы не устанавливаем Алму тут и там и не говорим: «Эти рощи для него, и эти широкие поля для нас». Это всё — его собственность, и мы сами тоже; каждый час нашей жизни и всё, что мы имеем.

— Тогда вы всегда поститесь и молитесь, и стоите, и поёте так же, как носители кадил в Марамме

долгие часы молят своих богов.

— Алма запрещает! Мы никогда не постимся, наши стремления — наши молитвы, наша жизнь — вера. И когда мы смеёмся с человеческой радостью над мирскими вещами — тогда мы возносим большую похвалу Оро и заслуживаем любовь милого Алмы! Наша любовь к Алме делает нас удовлетворёнными, но не печальными. Вы говорите о храмах; смотрите, это не здания, — это насаждение милосердия среди нас. Из-за сокровищ, которые есть на окружающих островах, расточаемых на тысячи храмов, мы каждый день уменьшаем число учеников страдавшего Владыки. В Марди Алма проповедовал в открытых полях, — разве у его прихожан должны быть дворцы?

— Никаких храмов — значит, никаких священников, — сказал Баббаланья, — тогда куда можно будет войти немногим священникам, если нет царственных врат?

— У нас нет священников, кроме одного, и это — сам Алма. У нас есть его заветы: мы не ищем иных комментариев, кроме как от наших сердец.

— Но сколько же времени без священников и храмов будет процветать эта ваша вера? — сказал Медиа.

— Разве многие поколения не жили без этой веры, несмотря на священников и храмы? И разве она не должна пережить их? То, чему мы верим, мы считаем божественным; и вещи божественные всегда выносят испытание временем.

— Но как расширить ваши границы? Как обратить порочных людей без убеждений неких особых провидцев? Должна ли ваша религия идти рука об руку со всеми светскими традициями?

— Мы стоим не на том, что слова одного человека должны быть евангелием для остальных, а на том, что слова того же Алмы должны быть евангелием для нас всех. И не предписаниями, которыми кое-кто пытается агитировать, но всем — практикой, твёрдой позицией — убеждать, что жизнь, которую мы ведём, является жизнью для всех. Мы все апостолы. Куда бы мы ни пошли, мы несём нашу веру в наших руках и сердцах. Это — наша главная радость. Это не тот широкий путь, на который мы отводим шесть дней из семи и затем принимаемся за него. В ней мы все ликуем и радуемся; это то, что делает нас счастливыми здесь, это то, без чего мы нигде не можем быть счастливы; как нечто предназначенное для этого настоящего времени и далее.

Это — наша форма существования, и не случайность. И когда мы умираем, эта вера должна стать нашей подушкой, а когда мы поднимаемся — нашим слугой и в конце концов — нашей короной. Поскольку мы все бессмертны. Здесь Алма соединяется с нашими собственными сердцами, подкрепляя зов природы.

— Как он красноречив! — пробормотал Баббаланья. — Некое чёрное облако, кажется, отплыло от меня. Я начинаю видеть. Я выхожу на свет. Острый клык рвёт меня слабее. Языки огня убывают. Моя душа останавливается, как океанские течения, что внезапно меняют своё направление. Был ли я нормален? Проснулась ли во мне надежда? Но прошу тебя, старец, скажи — полагаю, что в вашей вере должно присутствовать нечто, что противоречит истине.

— Нет, брат! Истина и Алма — одно и то же; иначе Алма, не рассуждая, отклонил бы её. Главная заповедь Владыки — Любовь, и здесь все мудрые мысли и все хорошие мысли объединены. Любовь во всём. Чем больше мы любим, тем больше мы знаем и потому полностью меняемся. Мы любим Оро, этот остров, и наши руки широко охватывают весь Марди, как наш риф. Как можем мы допустить ошибку, испытывая такие чувства?

Мы слышим любимый умоляющий, призывающий голос Алмы в каждом бризе, в каждом шуме; мы видим его серьёзный глаз в каждой звезде и цветке.

— Поэзия! — вскричал Иуми. — И поэзия — правда! Он встряхивает меня.

— Когда Алма жил в Марди, он был бедным и одиноким. Он голодал, он излечивал больных, он перевязывал раны. На каждое произнесённое наставление он получал по десять тысяч благодарностей. И Алма — наш любимый пример.

— Несомненно, всё это есть в истории! — сказал Мохи, вставая.

— Но не только к бедным и одиноким шёл Алма своим благим путём. Из низин он глядел вверх и долго взывал к великим вождям в их государствах, и говорил им, что вся их гордость есть тщеславие, и предлагал им спросить свои души. «Во мне, — кричал он, — кроткое сердце, которое вы напрасно ищете в рангах и титулах. Я есть Любовь: полюбите меня».

— Прекрати, прекрати, старик! — закричал Медиа. — Ты идёшь дальше, чем можно вообразить. Что это за мысли? Перестань! Ты свергаешь меня?

— Алма для всех, для высшего и низшего. Как

небесный бриз, он поднимается, как лилия от своего простого стебля, и, очищаясь, восстаёт из пальмовых рощ. Высокие мысли он дарит мудрецу и смиренную веру простодушному. Любую меру его милосердие воистину заполнило бы до краёв. Он укрощает невидимые дикие стремления души, он льёт масло на воду, и звёзды выходят из темноты ночного небесного свода по его великому указанию. В нём надежда на всё для всех, неограниченное счастье. Крепко обнятому его любящими руками уже нет дела до тревог и сомнений. Он открывает глаза на веру и закрывает глаза от страха. Он — всё, что мы просим для себя и для других; всё, что возникает в самый дикий час экстаза восхитительными воображаемыми картинами яркой Авроры на широком, безграничном Востоке души!

— О, Алма, Алма! Божественный принц! — закричал Баббаланья, опускаясь на колени. — В тебе, наконец, я нахожу покой. Надежда уселась голубем в моём сердце, — светит тысяча лучей, — все Небеса озарены солнцем. Прочь, прочь! Все сомнения рассеялись. Любовь и Алма теперь победили. Я вижу другими глазами: мои ли эти руки? Когда дикие, дикие мечты были моими — я был безумен. Некоторые вещи таковы, что мы

не должны о них думать. За одной очевидной отметкой все человеческие знания тщетны. Где я жил до настоящего времени? Тёмное племя фанатиков Мараммы ничего не говорило мне, пока этот старик не просветил меня! Разум больше не властвует, но всё ещё продолжает говорить. От всего, что я говорил до этого про войны с заветами Алмы, я здесь отрекаюсь. Здесь я становлюсь на колени и принимаю великого Оро и его державного сына.

— И здесь любой встанет на колени и помолится, — вскричал Иуми.

— В Алме нашлись все мои мечты; моя внутренняя тоска по Любви так высока, что порождает каждый мой стих. Лето живёт в моей душе.

— Но уже слишком поздно для этих седых волос, — преданно крикнул Мохи. — Алма, твоё дыхание есть в моей душе. Я вижу яркий свет.

— Нет больше полубога, — вскричал Медиа, — а есть подданный нашего общего вождя. Из рощ Одо не донесутся более мрачные крики. Алма, я твой.

С плывущими глазами старик стал на колени, и его окружили король, мудрец, седовласый старец и юноша.

Затем, как только они встали на колени,

и старик благословил их, и садящееся солнце вырвалось из туманов, позолотило острова вокруг, пролило лучи на их головы и благородно закатилось, — так и весь Восток, словно жертвенный огонь, воссиял красным пламенем.

Глава LXXX IV
Баббаланья рассказывает им о видении

В глубокой задумчивости ушёл Баббаланья к жилищу старика, а мы с теми же глубокими мыслями прогуливались вдоль пляжа, вдыхая мускусный полуночный воздух; тропические звёзды, блестящие на небесах, казались осевшей на фиалках росой.

Волны мерцали и омывали огнём пляж, который гасил это пламя.

Возвращаясь, мы заметили Баббаланью, идущего в своей белоснежной мантии. Пламенный поток ослабевал, и на мягком, сыром песке каждый его шаг оставлял блестящий след.

— Милые друзья! Этот остров полон тайн, — сказал он. — Я мечтал о поразительных вещах. После того как я прилёг, тяжёлые думы опустились на меня. Перед моими глазами прошли пышные видения. Я проснулся от тихой странной мелодии, звучавшей в самой глубине моей души. Наконец мне показалось, что глаза мои уставились на небеса, и я увидел там яркое пят-

но, отличное от звезды. Затмевая небо, оно росло и росло, спускаясь, пока не стали видны яркие крылья, а между ними — задумчивое лицо с исходящим от него ангельским сиянием; и в течение одного золотого мига можно было увидеть туманную пелену, обрамлённую локонами в блёстках созвездия Вероники.

Затем, подобно тому как белое пламя выходит из жёлтого, из этого звёздного скопления появился он и затмил звёздные Кресты, Короны и Кубки. И как в фиолетовых тропических морях суда оставляют за собой белое сияние и светящийся след, так и в далёкой перспективе, позади видения, замерцал иной Млечный Путь.

Странное волнение охватило меня; моя душа металась в собственном неистовстве. Но скоро внутренняя гармонияприняла форму ликующих хоровых напевов. Я услышал хлопки перьев и чётко различил фигуру, испещрённую прожилками яркого света. Видение переливалось вокруг меня.

«О! Дух! Ангел! Бог! Как ты искусен! — вскричал я. — Оставь меня, я всего лишь человек».

Затем я услышал низкий, печальный звук, но не голос. Он говорил или же дышал надо мной: «Тебе явили милость Алмы: скажи мне, что ты

изучил».

Тихо ответила моя душа, поскольку голос мой пропал:

«Это моё учение — о, дух! — о непостижимых вещах, после познания которых больше не стоит ничего искать, но я доволен, ибо не знаю ничего, кроме Любви».

«Пусть же за это будет благословенно твоё искусство: ты трижды будешь благословлён, — услышал я тогда, — и с этих пор смирение твоё — это твоё искусство, которое само способно учить. То, что твоя собственная мудрость не смогла найти, и признание собственного невежества должны принести пользу. Иди и взгляни на кое-что новое».

Снова он переливался вокруг меня, его сверкающие крылья становились тусклыми; они становились ближе, ближе, пока я не почувствовал электрический шок — и не угнездился под его крылом.

Мы пробились через воздух; промелькнули системы, солнца и луны, что кажутся с островов Марди яркими звёздами.

Дальние флоты миров пронеслись мимо, как мимо морских путешественников проходят далёкие паруса и не приветствуются ими. Пена

играет впереди, когда они устремляются дальше; дикая музыка тянется следом за ними; и много звуковых следов пересекли мы там, где прежде проплывали миры.

Скоро мы достигли точки, где обнаружились новые небеса, откуда весь наш небесный свод казался одной туманностью. Он славно сиял, как тысяча ярко пылающих огней.

Здесь, как пчёлы в улье, роятся миры и создаются восхитительные сладости.

Мы зажгли свет на кольце, окружавшем пространство, где утра, казалось, вечно занимались над иными мирами.

«Здесь, — услышал я, — ты обозреваешь Небеса вашего Марди. Здесь каждый мир — всего лишь частица».

Словно человек, которому при подъёме на горные вершины становится трудно дышать, я задыхался из-за разряженного воздуха Марди. Но то, что заставило мою плоть слабеть, придавало новую живучесть моей душе. Мои глаза охватывали всё передо мной. Сферы выглядели просто, как деревни, усеивающие пейзаж. Я видел самые прекрасные формы, похожие на наши собственные. Я слышал странные звуки радости, казалось, смешанные с печалью: с низкой,

сладкой гармонией обеих. Я ещё не знаю, как передать то, что ни один человек, кроме меня, никогда не слышал.

«В этих блаженных душах смешаны, — рассуждал мой проводник, — намного более высокие мысли и более сладкие стоны, чем ваши. Простая радость была бы здесь неуместна. И подобно тому, как внезапный крик в ваших беззвучных горных перевалах заглушается ужасной лавиной, так и одна нота смеха здесь способна сдвинуть некий белый и безмолвный мир».

Тогда я тихо прошептал: «Не высшее ли это счастье — о, провожатый! — если их миры всё ещё смешаны? Знают ли это они? Не грех ли это?»

Тогда я услышал: «Никакой ум, кроме Оро, не может всё знать; ни один ум не знает всего содержимого; сознание лишь приближает к счастью. Святость прирастает мудростью; и оттого, что великий Оро в высшей степени мудрый, он в высшей степени и святой. Но поскольку прекрасная мудрость может быть только у Оро, так и прекрасная святость — его собственная. И вряд ли прекрасный в своей святости будет склонен к греху.

И хотя смерть дала этим существам знание, она также открыла другие тайны, которые они

жаждали узнать и которым можно научиться. И, тем не менее, они боятся явлений зла, хотя им будет трудно пасть. Такая надежда и такая боязнь, следовательно, не обеспечивают всей полноты. И с тех пор, как Оро раскрылся, тайны всегда открываются внутри следующих тайн; поэтому, хоть эти существа и будут на глазах расти в мудрости и добре, всё же они никогда не получат блаженство от покоя. Знайте тогда, о смертные мардиане, что, когда вы перейдёте сюда, вы ослабеете, но не гоните эту тихую временную слабость ради ангела и вечных стремлений. Не поднимайтесь: для вашей человеческой радости здесь нет никакого места, никакого названия».

Я мрачно поразмыслил, затем сказал: «Есть много живых мардиан, лишённых способности размышлять о жизни в Марди: как тогда выдержать более серьёзные, постоянные размышления?»

«Таково их место», — услышал я.

Тогда я тихо застонал: «И что, — о, провожатый! — те, кто живут беспечной греховной жизнью, умрут нераскаявшимися, без служения Оро или мардианам?»

«У них тоже есть своё место, — услышал я, —

но оно не здесь. И, мардиане, знайте, что если ваши мардианские жизни долго длятся вследствие строгого повиновения органическому закону, то и ваши духовные жизни продлеваются благодаря стойкому следованию закону умственному. Грех — это смерть».

«Ах, — мой стон стал ещё ниже, — тогда почему создаются зародыши грехов и страданий, разве не для погибели?»

«Это, — вдохнул мой гид, — последняя тайна, которая лежит глубже всех остальных. Архангел может не понять того, зачем Оро хранит постоянную тайну; чтобы её обнародовать, все души должны иметь знания, равные знанию самого Оро; эта тайна охраняется Оро, и никто, кроме него, не может её знать».

Увы! Если вспоминать, то никаких слов у меня не найдётся, чтобы рассказать обо всём том, о чём рассуждал тогда мой провожатый относительно вещей, недоступных для нас. Моё шестое чувство, которое он открыл, снова уснуло, со всей мудростью, которая была получена.

Время прошло; оно могло показаться секундой, а возможно, и веком, когда с высоты, из золотого тумана, который укрывал эти небеса, спустился другой ангел, с разными крыльями, Востоком

и Западом; восход солнца — одно крыло, закат — другое. Как лепестки в вазах, в его голубых глазах плавали непролитые слёзы.

Сразу же мой провожатый близко прижал меня к себе; в его венах тяжело пульсировал угасающий свет.

«О, дух! Архангел! Бог! Как ты искусен, — вздохнул он, — отпусти меня: я не счастлив, не прославлен».

При этих словах, как у голубя, его крылья издали хлопки. Всё ещё держа меня, он опустил свои крылья.

Затем снегом самых мягких звуков возник самый большой и ещё более прекрасный ангел: «Издалека, вне области вашего кругозора, я услышал вашу милую беседу с этим одиноким мардианином. Она мне понравилась; тебе смирение понятно, у тебя нет никакого высокомерия от знаний. Приди и научись новым знаниям».

И он сразу же закрыл нас своими перьями, на которых затем слетел вниз, донеся нас до областей, где опустился мой первый провожатый, но с силой, что удержала обоих нас, дрожащих. Мои глаза действительно сузились, как луны, затмеваемые занявшимися рассветами: столь яркое сияние было вокруг, столь алый свет, не по-

рождённый никаким солнцем, но пронизавший всю сцену. Прозрачно, чисто и спокойно всё пылало единым пламенем.

Тогда сказал великий провожатый: «Вся эта ночь, которую ты здесь созерцал, — это тот момент, которого ты не сможешь дождаться. Верхи твоих небес далеко внизу».

Смущённый, разбитый, дрожащий, я пристально посмотрел вверх, где, туда и сюда, проплывали духи, как тёмно-красные фламинго с широкими крыльями, кружащиеся в облаках заката. Но печаль повсюду окаймляла их мистическими храмами, увенчанными плачущим ореолом, и, похожие на птиц, они плыли над тем, что также не имело постоянного места.

Красоты и ароматы смешались. Как утренние ветры в разгар лета уносят сладость с открытых висящих ветвей садов, так и от этих цветочных крыльев при каждом движении доносился наполненный сладостью аромат.

И затем пара духов заговорила о вещах, чья суть для меня осталась тёмной. Но мой первый провожатый оказался мудрее. Я не смог безучастно слушать, но всё же не постиг ничего и, словно рыба, дразнимая крыльями и безуспешно стремящаяся взлететь, снова глянул вниз.

Когда мы висели, как на тросах, поглощённые этим эфиром, внезапная дрожь охватила четыре крыла, обхватившие меня. И вдалеке, в зонах, простиравшихся вверху и лишённых солнечных орбит, я в экстазе увидел ужасную и великую картину. Сфера была заключена в сфере, а в той — Жилище Бога! Воздух горел огнём, в глубину которого серебристыми шарами падали души, как набухшие слёзы, — сплетаясь с пламенем и радугами. Я слышал голос, но для меня и для моего первого провожатого эти выражения были непроизносимы. Затем мой второй провожатый был унесён наверх, как подхваченное вихрем облако красных осенних листьев.

Быстро сжав меня, другой наклонился и моментально опустился, будто в вакууме; дышали мириады бесчисленных солнечных дисков; вследствие падения мои пять чувств слились в одно, пока мы, продолжая опускаться, не достигли нижнего слоя неба.

Затем появились странные сущности — мягкие, печальные и слабые; я видел их или слышал, подобно тому как в солнечных, летних морях, ныряя глубже и глубже, вы видите появившихся печальных призраков, которых невозможно опознать.

«Они, — вдохнул мой гид, — духи по своей сути, печальные, даже неразвитые. Ими населено всё пространство — весь воздух, — это живая мысль, которая ищет воплощения. Это то, что неизвестно мардианам, то, что странно возникает в ночном уединении и в неподвижной полноте их очаровательного полудня. Отсюда происходят ваши смертные души и все эти печальные и тёмные мечты и безграничные мысли человека, неопределённые воспоминания о времени, когда грустные зачатки души блуждали по этим широким сферам. И, следовательно, когда вы, мардиане, больше всего испытываете грусть, тогда вы больше всего ощущаете бессмертие».

Как искра, заново высеченная из кремня, вдалеке вскоре показался Марди. Он пылал внутри сферы, которая, казалось, пузырём поднималась в пространстве с обширных глубин на поверхность моря. Проникая в него, моя сила мардианина вернулась, но вены ангела ещё раз потускнели.

Приближаясь к островам, мой провожатый вздохнул:

«Одна любовь, высокая любовь! Но знай, что эти небеса никакая не крыша. Знать всё означает быть всем. Блаженства нет ни у кого. И ваше

единственное счастье, мардиане, — всего лишь освобождение от большого горя — не больше. Большая Любовь печальна, и небеса — это Любовь. Печаль создаёт тишину повсюду в пространственных сферах, печаль всеохватна и вечна, но печаль — это покой, предельный покой, на который только могут надеяться души».

Затем его крылья развернулись прощальным веером, и он исчез там, где солнце горело самым сильным огнём.

Мы выслушали рассказ о видении и молчаливо расположились на отдых, чтобы перевести в дрёму наше удивление.

Глава LXXXV
Они отплывают от Серении

На рассвете мы стояли на берегу.

Баббаланья сказал:

— Моё путешествие закончено. Не потому, что то, что мы искали, найдено, а потому, что я теперь обладаю всем, что я искал в Марди. Здесь я и буду набираться мудрости: для этого я нужен Алме и миру. Тайи! На поиск Йиллы вы напрасно тратите силы; она — призрак, который дразнит вас; и в то время, пока вы заняты её безумными поисками, о грехе вашем кричат повсюду, и мстители всё ещё будут вас преследовать. Но сюда они могут не прийти: здесь не будет тех, кто увлечённо следит за вашим путём. Здесь будет мудрый защитник. Внутри наших сердец есть всё, что мы ищем, хотя при таком поиске многие нуждаются в подсказке. Её я нашёл у благого Алмы. Теперь не нужно брести дальше. Теперь извлеките с пользой в струе молодости ту последнюю мудрую мысль, слишком часто покупаемую за горечь жизни. Будьте мудры, будьте мудры.

Медиа! Ваше высокое положение зовёт вас

домой. После этого острова вы стали серьёзны настолько, что способны благословить самого себя. Те цветы, что цветут вокруг нас, могут быть пересажены, и Одо зацветёт амарантами и миртами, как Серения. Прежде чем ваши люди начнут что-то делать, послушайте то, что скажут здесь. Не допускайте, чтобы кто-нибудь плакал, когда вам весело, чтобы кто-то занимался непосильным трудом в то время, пока вы бездельничаете. Отрекитесь от вашего престола, и тогда сохраните скипетр. Ни один человек не нуждается в короле, но многие нуждаются в правителе.

Мохи! Иуми! Вы разобщены? Тогда оставьте в забвении большую часть того, что я говорил до настоящего момента. Но не позвольте пропасть хотя бы одному слогу из слов этого старика.

Мохи! Годы ведут вас за руку. Проживите вашу жизнь и умрите, спокойно расправив брови.

Но Иуми! У тебя много дней впереди. И в течение одной жизни великие круги могут быть разорваны, вечное благо создано. Возьми весь Марди, как свой дом. Страны — всего лишь названия, и континенты — неподвижные пески.

Ещё раз: Тайи! Вы убедитесь, что ваша Йилла никогда не будет найдена или, будучи найден-

ной, не принесёт вам радости. Всё же ищите, раз вы так решили; много островов, о которых говорилось, вы пока не посетили и, когда всё осмотрите, вернётесь и найдёте вашу Йиллу здесь.

Всё, компаньоны! Прощайте!

И с пляжа он ушёл в лес.

Затем наши шлюпки залатали, и мы тихо погрузились; и, поскольку мы приплыли издалека, старик благословил нас.

Какое-то время отчётливо слышалось журчание воды у каждого носа: волна набегала на волну.

Тихие, неподвижные глаза Медиа всё ещё хранили благородное выражение его лица, Мохи сохранял своё почтенное спокойствие, Иуми — свою задумчивость.

Но как летний ураган оставляет всю природу, смеясь ей в глаза, так и в глубине леса ложь скрывала некие мучительно оборванные корни в отношениях с ними.

Они очень хотели направить наши проа к острову Одо, говоря, что наш поиск уже закончен.

Но я был твёрд, как судьба.

И мы поплыли, как и в тот день, когда мы в первый раз отчалили; воздух бодрил, как

и прежде. Много островов мы посетили: трижды столкнулись с мстителями, но остались целы; трижды отклоняли приглашения герольдов Хотии, но не свернули в сторону; видели много препятствий — блуждали по рощам и открытым полям — пересекли много долин — поднялись на вершины, откуда оглядели широкие пространства, — останавливались в городах — нарушали уединение — искали вдали, искали рядом — и всё ещё никакой Йиллы.

Затем все они опять с жаром принялись отговаривать меня.

— Окончание — это глубокий голубой глаз, — сказал Иуми.

— Последние страницы судьбы перевёрнуты, позвольте мне вернуться домой и умереть, — сказал Мохи.

— Итак, мы почти описали круг, — сказал Медиа, — солнце нашего следующего дня должно подняться над Одо. Тайи! Откажись от поиска.

— Я — охотник, который никогда не отдыхает! Охотник без дома! Я ищу её, пока она летит впереди; и я последую дальше, даже если она далеко за рифом, за пасмурными морями, в ночи и в смерти. Я буду искать её на всех островах и звёздах и найду её во что бы то ни стало!

Они снова уступили, и мы снова поплыли дальше; наши побитые штормом проа, направлявшиеся в одну сторону, сменили курс; то соглашаясь, то отказываясь, — их залатанные паруса всё ещё надувались разными бризами.

Но той же самой ночью, ещё раз, они поспорили со мной. Теперь, наконец, от безнадёжного поиска стоило отказаться: Йиллы там не было, я должен был поспешить назад к синей Серении.

Тогда милая Йилла позвала меня с моря — я всё ещё должен идти! Но, пристально вглядываясь туда, откуда, казалось, исходила эта музыка, я решил, что увидел зелёный дрейфующий труп, ударившийся о нос корабля, как будто препятствуя его ходу. Тогда, тогда! Моё сердце стало твёрдым, как кремень, и чёрным, как ночь; и, ощущая пустоту в руке, я сжал кулаки. Гиены наполнили меня своим смехом, холодный пот охладил мой лоб; я не молился, но я богохульствовал.

Глава LXXXVI
Они встречают призраков

В ту беззвёздную полночь из темноты незаметно появился ирисовый флаг Хотии.

Снова подошли сирены. Они держали большой и величественный, подобный урне цветок, белый, как алебастр, и пылающий, будто зажжённый изнутри. В его чашечке, подобно пламени, дрожали тёмно-красные раздвоенные тычинки, испускавшие сильный аромат.

Фантомы подошли ближе; их цветок горел, как урна с селитрой. Затем пламя стало меняться и запылало: то как персидские рассветы, то спокойно, стреляя самыми бледными молниями, — так менялись его оттенки.

— Распускающийся ночью цереус! — дрожа, сказал Иуми. — Он никогда не распускается при солнечном свете; он распускается, но однажды; и распускается, но на час. Из-за увиденного в прошлый раз я прихожу теперь, в вашу полночь отчаяния, и обещаю вам это славное зрелище. Примите во внимание! У вас очень мало времени на паузу; с моей помощью, возможно, вы найдёте

вашу Йиллу.

— Прочь! Прочь! Не соблазняй меня этим, чаровница! Хотия! Я не знаю тебя, я не боюсь тебя, но инстинкт заставляет меня ненавидеть тебя. Прочь! Мои глаза закрылись и застыли; не соблазняй меня больше.

— Как же великолепно он горит! — вскричал Медиа. — Меня шатает от ладана: может ли такая сладость быть злом?

— Смотрите! Смотрите! — закричал Иуми. — Его лепестки сворачиваются и дрожат; ещё секунда, и ночной цветок закроет навсегда последнюю оставшуюся надежду на Йиллу!

— Йилла! Йилла! Йилла! — неслись вслед три мстительных голоса далеко позади.

— Йилла! Йилла! Разбейте урну! Я следую, Хотия! Хотя твоя приманка может быть смертельной.

Цереус закрылся, и в тумане проа с сиренами поплыло впереди; мы последовали за ним.

На восходе три сияющие рыбы-пилоты плыли впереди, три голодные акулы шли за кормой.

И перед нами целиком предстал остров Хотии.

Глава LXXXVII
Они почти подходят к Флозелле

Если бы Марди был поэмой, а каждый остров — её строфой, то берег, видимый теперь, назывался бы Флозелла-Нинья, или Последний Стих Песни.

Согласно Мохи, происхождение этого термина таилось в глубине веков.

Изначально в Марди, помимо мардиан, жили другие существа: крылатые, с чистыми помыслами и благородным обликом, которые с радостью навсегда ужились бы с человечеством. Но сердца мардиан были настроены против этих существ из-за их совершенного превосходства. Ведь все эти существа платили любовью за зло и долго взывали к достоинству и милосердию. Но в конце концов весь Марди поднялся против них и начал их истреблять на всех островах, пока наконец они не улетели из лесов, как птицы, и не исчезли в небесах. После этого лишившиеся столь полезного влияния мардиане окунулись во всевозможные грехи и страдания, став на тот скверный путь, по которому и шли сейчас их

потомки. Ведь они не понимали, что их бедствия стали следствием их же собственного падения. Считавшееся победой изгнание крылатых существ воспевалось хорами повсюду в Марди. И среди других ликований, берущих начало от этой легенды, была хвалебная песнь, сложенная так, что число её строф соответствовало числу островов. И компании молодых людей, весело одетых, плывущих в праздничных каноэ вокруг всей лагуны, исполняли на каждом острове по одному стиху этой песни. И на Флозелле, являющейся последним островом в этом круизе, его королева ознаменовала это обстоятельство новым наименованием своих владений.

Эта королева первой подстрекала Марди начать войну против крылатых существ. Она была инициатором каждого нападения. И эта королева была предком Хотии, теперь правившей островом.

При приближении к землям той, кто так долго преследовал меня, противоречивые чувства, словно торнадо, разрывали мою душу. Всё же Хотия обещала некую перспективу завершения моей тоски. Но насколько связаны были Хотия и Йилла? На что-то я надеялся, ещё большего я боялся. Страшные предчувствия, как отрав-

ленные стрелы, пронзали меня. Если бы они проникли в меня прежде, то прямо к Флозелле я был бы готов плыть, не ожидая того, чтобы Хотия добивалась меня таким последним и победным искушением. Но неизменными остались мои чувства ненависти к Хотии, столь же смутные, как чувства к языку её цветов. Однако неким таинственным способом Хотия казалась связанной с Йиллой. Но Йилла была всей красотой и невинностью, вершиной моего счастья, моей небесной судьбой, а Хотия — всем, что ненавидело моё сердце. Йиллу искал я, Хотия искала меня. Одна открыто зазывала меня сюда, другая смутно очаровывала меня там. Всё же теперь я был полон диких сновидений о том, как увижу их вместе. Но это приводило в такое смятение мою душу, что я не сознавал того, о чём думал.

Мы медленно приближались к земле Флозелла-Нинья! Это ли не предзнаменование? Мог ли стать этот остров последним местом моего поиска, если он оказался Последним Стихом Песни?

Глава LXXXVIII
Они высаживаются

Тиарой из самоцветов, ныряющей в белых брызгах, казалась цветущая Флозелла при подходе с моря. И это потому, — ло, внимание! — что блестящая пена кипела повсюду вокруг её белого края, где вталкивала саму себя под коралловый выступ и через его щели била фонтанами в синем потоке волн. В то время как обёрнутый тройным поясом из цветов весь остров парил, как висячий сад, его коническая вершина сливалась с собственной синевой небес.

— Что за аромат долетает сюда через брызги? Что за фимиам? — прокричал Медиа.

— Ха! Это — дикий бриз! Он продувает сады Хотии, — крикнул в ответ Иуми.

— Нет сладостей слаще, — сказал Плетёная Борода, — чем те, что есть у самого́ смертоносного анчара.

Скоро мы подошли ближе; паруса праздно опали, и вёсла были подняты; наши скаковые лошади пошли плавно. И вокруг острова, как крылатые радуги над плывущими фрагментами

кораблекрушений, покрытыми тёмно-зелёными водорослями рёбрами и килями каноэ, скакали косяки дельфинов. Из-за этого множество шлюпок, заманенных водоворотами, часто разбивались на части напротив этого цветочного берега. Но что привлекало дельфинов? Утраты мардиан стали их домами. Снова и снова прыгали они: с востока на запад, выскакивая и ныряя, множеством мгновенных солнц, в то время как всё море, как урожайное поле, было заполнено снопами блестящих букетов из их брызг.

И далеко внизу, на глубине множества морских саженей, мелькали радужные тени: неводы русалок, просеивающих половину костей утопленников.

Всё быстрее и быстрее бежали волны, пока, словно в шоке, наши проа не увязли в прибрежном песке.

Там, под аркой из брызг, стояли три темноглазых девы, кроткие, увитые венками; их нектарники раскачивались, как шутовские колокольчики, на синих одеяниях.

— Рыбы-пилоты превратились в красавиц! — закричал Иуми.

— Увиденные ночью три герольды! — сказал Мохи.

Мы сразу же пустились в путь за девами вдоль по извилистой долине, где душистыми преградами извивались синие ручьи, а их притоки, ручьи, окаймлённые фиалками, текли по лугам.

С одной стороны тропическим рассветом пылали вечно розовые горы, а на другой был арктический холод: белые маргаритки лежали в долгих сугробах, занёсших снегом цветы с оранжевых ветвей. Там лето вдыхало аромат своего свадебного цветка; его горные вершины увенчивались свадебными венками.

Мы проходили через изогнутые длинными галереями сады, казавшиеся баронскими залами, увешанными трофеями: казалось, что повсюду ветвятся рога. Этот сад был налобной повязкой острова.

Фрукты висели настолько высоко в воздухе, что их смогли бы ущипнуть только клювы, но не руки.

Здесь персиковое дерево подставляло свою тысячу щёк, часто лобзаемых заботливыми ветрами; здесь жёлтые яблоки роились, как золотые пчёлы на ветвях; здесь, слабея, склонялись деревья, густо усыпанные вишнями, словно большими каплями крови, и здесь в гранат с холодной сухой коркой глубоко вонзались клювы птиц и откры-

вали взору спелость его румяного ядра. Так часто сердце, казавшееся холодным и увядшим, в своей глубине ещё скрывает свои соки.

Этот сад закончился, долина сузилась, как Ормузский пролив, лежащий в окружении толстого слоя цветных драгоценных камней: бирюзовых гиацинтов, рубиновых роз, жемчужных лилий. Здесь протянулись блуждающие виноградные лозы; их льняные нити вились по деревьям, которые радостно трясли своими золотыми локонами. От дома к дому летали крошечные птицы, иногда переливаясь редкими огнями, и весёлые летящие канарейки казались крылатыми нарциссами.

Но тотчас же из полураскрытых бутонов клематиса появились рои ос, которые, широко разлетевшись, обосновались на всех бутонах.

И вместе с пятьюдесятью нимфами, которые уже вышли из своих жилищ, изящно скользя, появилась, как все ловушки любви, Хотия! С великолепным амариллисом в руке, цирцеями в ушах, опоясанная гирляндой из вербены.

Она вышла из-за ограды со свисающей жимолостью, она шагала по гвоздикам и анютиным глазкам, колокольчикам, вереску и лилиям. Она шла плавно: её высокий лоб был безмятежен, как луна, испускающая свой недобрый свет.

Глаза её были бездонны.

Но это был всё тот же таинственный, зловещий, пристальный взгляд, который ещё раньше преследовал меня в Одо до пропажи Йиллы, — королева Хотия была там инкогнито!

Тогда два диких потока встретились и разбили меня в пену.

— Йилла! Йилла! Скажи мне, королева!

Но она стояла, не дыша, неподвижная и сияющая — и с георгином в руке.

— Где? Где?

Разве ваше путешествие уже не закончено? Возьмите цветы! Девицы, дайте ему вина. После его утомительных поисков пусть станет счастливым странником.

Я бросил в сторону их чаши и цветы, всё ещё оглашая долину криком:

— Йилла!

— Тайи! Я знаю её судьбу, но сейчас ничего не раскрою: мои герольды дали своей королеве обет ничего не сообщать. Ты же пришёл сюда, чтобы сменить свой паслён скорби на розы жениха. Девицы! Дайте ему венки, окружите его, тесните его своими чашами!

Снова я вылил их вино и порвал их гирлянды. Не тот ли это дурной глаз, который давно пре-

следовал меня? И не ты ли, Хотия, преследовала меня и добивалась, и дразнила, и соблазняла меня во всём этом долгом, долгом путешествии? Я клянусь! Ты знаешь всё.

— Я — Хотия. Ты наконец пришёл. Увейте его своими цветами! Утопите его в своём вине! Со всеми его вопросами. Тайи! Я помолчу. Прочь! Танцуйте, девы; вейтесь вокруг него; со всех сторон!

Затем их ноги пошли под музыку по слегка колеблющейся траве, как тысяча листьев лилий на озере. И, приблизившись, Хотия пригласила Медиа и сказала:

— Здесь ваш товарищ печален — быть тебе весёлым. Хо, вина! Я обещаю вам, гости!

Потом, отметив увиденное, я решил, что, во что бы то ни стало, смогу наконец узнать всё о той, которую искал.

И вот три чаши побывали в моей руке; я выпил вина и рассмеялся, встретившись на полпути с обольстительной королевой Хотией.

Глава LXXX IX
Они входят в дом Хотии

Войдя в рощу, из которой появилась королева, мы прошли в дом из сладкого шиповника и расположились на благоухающих циновках.

Затем шербет из тамариндов в чашах из цитрона был предложен Медиа, Мохи и Иуми; моя раковина из наутилуса наполнилась светящейся жидкостью, которая лилась и лилась, как из источника.

— Осуши, Тайи, осуши! Каждый глоток топит мысль!

Кровь паводком пробежала по моим венам.

— Стало светлее? — И Хотия засияла передо мной! Великолепная королева! Во всём сиянии, освещающем экваториальную ночь.

— Ты волшебна, о королева! О, ты — скопление тысячи созвездий.

— Они сверкают в пламени, — прошептал Мохи.

— Я вижу десять миллионов Хотий! Всё пространство отражает её, как в зеркале.

Затем, качаясь, девицы снова рассеялись, цве-

ты дрожали на их бровях; Хотия всё ещё плыла рядом, руки её блестели, как радуги. Она напевала некое дикое заклинание.

Моя душа ослабела, Йиллы там не было! Но как только я повернулся, открыв руки, Хотия исчезла.

— Она глубже моря, — сказал Медиа.

— Её лук натянут, — предупредил Иуми.

— Я могу рассказать чудеса про Хотию и её девиц, — сказал Мохи.

— Что за чудеса?

— Послушайте, я расскажу о приключениях молодого человека Озонны его собственными словами. Это покажет вам, Тайи, что все девы Хотии — это Йиллы, удерживаемые как пленницы, лишённые сознания; и эта Хотия, их колдунья, самая коварная из королев.

«Подобно верблюду, гружённому горем, — говорил Озонна, — после долгих диких скитаний в поисках девы, надолго исчезнувшей, — красавицы Ади! — меня, ставшего ничтожеством в Марамме, напрасно приглашали высадиться в Серении. Три сирены долго преследовали меня с неопределёнными обещаниями привести к Ади, пока наконец не заманили меня на Флозеллу, где Хотия сделала меня своим рабом. Но скоро я ре-

шил, что в Реа, одной из её дев, я обнаружил свою изменившуюся Ади. Мои руки широко раскрылись для объятий, но эта девица не знала Озонну. И даже когда после долгого ухаживания я заполучил её снова, она оказалась не потерянной Ади, а Реа. И всё это время из глубины её странных, чёрных глазниц, казалось, задумчиво глядели синие глаза Ади: голубые глаза внутри чёрных; печальная, тихая душа внутри весёлой. Долго пытался я неподвижным горячим пристальным взглядом разорвать пелену и восстановить в Реа моё потерянное Прошлое. Но напрасно. Это была только Реа, но не Ади, что украдкой смотрела на меня теперь. Однажды утром Хотия встала поприветствовать меня, и её быстрый взгляд упёрся в мою грудь; и, испуганно глядя туда же, я обнаружил свежий отпечаток от ожерелья Реа. Избегая правды, я сказал, что приходил к деве, которая скрывалась от меня, как и сам я скрывался от Хотии. Королева вызвала своих девиц, и в течение многих часов их голосов было не слышно; и когда, наконец, они прибыли, на груди каждой уже лежал такой же отпечаток, как от ожерелья Реа. На следующий день — ло! — моё дерево было развороченo, и со свежих листьев липы стекал свежий сок. Исполненный плохих предчувствий,

я снова разыскал Реа, которая, опустив свои глаза, созерцала свои ноги, запятнанные зеленью трав. Она снова сбежала, и снова Хотия, со злобным триумфом в своих глазах, позвала своих девиц; но тревога достигла цели: у каждой девицы были запятнаны ноги. Той же ночью Реа была оторвана от меня тремя масками, которые быстро уволокли её, заглушая крики; и, как я ни преследовал их, они всё же исчезли в пещере. Следующим утром Хотия была окружена своими нимфами, но Реа отсутствовала. Затем, проскользнув рядом, она сорвала чёрный, как уголь, свободно свисавший локон моих волос: «Озонна — убийца! Смотрите! Порванные волосы Реа спутаны с его волосами!» Ошеломлённый, я поклялся, что ничего не знал о её судьбе. «Тогда пусть ведьма Ларфи скажет!» Девы бросились из дому, и вскоре сюда вкатился зелёный кокосовый орех, сопровождаемый ведьмой, и все девицы стали бросать в него анемоны. Катясь по кругу, этот орех наконец подкатился к моим ногам. «Это — он!» — закричали все. Тогда они связали меня ивовыми прутьями, и в полночь невидимые и неодолимые руки усадили меня в шлюпку, которую отвели далеко в лагуну, где они оставили меня на волнах; но от сильного шока ивы порвались, и, так как шлюпка сошла

с одного пути и поплыла другим, я скоро достиг земли.

Таким образом, во Флозелле я нашёл только призрак Ади и убил последнюю надежду на Ади истинную».

Этот подробный рассказ глубоко запал мне в душу. Неким диким способом Хотия сделала Йиллу пленницей, превратив её в одну из горничных с чёрными глазами, а голубой цвет её глаз был изменён. Из стороны в сторону в безумстве оглядывался я, но у всех был холодный, мистический взгляд, и я не увидел того тёплого луча, которого искал.

— Ты уже пустил корни в этой предательской земле? — вскричал Медиа. — Прочь! Твоя Йилла находится позади тебя, но не впереди. Она живёт в глубокой синей роще Серении, в которой ты не стал искать. Хотия дразнит тебя; прочь! Риф обойдён, но пролив лежит между этим островом и Одо, и туда его правитель должен вернуться. Каждый час, что я пребываю здесь, там умирает какой-нибудь несчастный раб, для которого с блаженной Серении я несу жизнь и радость. Прочь!..

— Хорошо ли поддаваться найденному по вашей милости злу? — сказал Мохи. — Как может Йилла встать на якорь здесь? Осторожно! Не поз-

воляйте Хотии поработить вас.

— Идём прочь, идём прочь, — вскричал Иуми. — Йилла далеко! И тот, кто останется среди этих цветов, должен будет сгореть, как можжевельник.

— Взгляните на меня, Медиа, Мохи, Иуми. Здесь я буду стоять, как памятник самому себе, до тех пор, пока Хотия не развеет чары.

В го́ре они оставили меня.

Раковины Ви-Ви я больше не слышал.

Глава XC
Тайи и Хотия

Как только их последнее эхо замерло на дне долины, Хотия оказалась рядом, с распущенным поясом и с амариллисом в руке. Её грудь часто вздымалась; в лучах, исходивших из её глаз, плясали искорки.

— Приди! Давай грешить и веселиться. Хо! Вина, вина, вина! И полные подолы цветов! Пусть зальют все тростниковые трубки. Девицы! Танцуйте, качайтесь, плывите вокруг меня: я — вихрь, который тянет всех. Тайи! Тайи! Это имя — как сочная ягода в моём рту! Тайи, Тайи! — И в общем хоре она запела сильным голосом, казалось, исходившим из её глаз — глаз сирены.

Моё сердце отлетело далеко от её полей и поднялось в воздух, но, как только до моей руки дотронулась Хотия, оно упало с облаков мёртвой птицей.

— Ха! Как он поник! А ты когда-нибудь нырял в глубокие воды, Тайи? Ты когда-нибудь видел, где растёт жемчуг? В пещеру! Девицы, проведите!

Затем, пройдя через созвездия цветов, мы вошли глубоко в лес. И трижды прошли из солнечного света в тень так, что это показалось тремя краткими ночами и днями прежде, чем мы остановились перед пастью пещеры.

На расстоянии полёта стрелы от моря она уходила в склон горы, как сводчатый путь; и, глядя вглубь неё, мы увидели далёкий свет от воды, пересекаемый тут и там длинными тенями, создаваемыми удалёнными куполами и колоннами. Вся Венеция, казалось, поместилась в этих пределах.

Из копны золотых пальмовых стеблей девицы сделали факелы, затем расположились группой, веером тел среди веера колонн.

Освещённая пещера сияла, как королевские шкатулки цейлонского Канди, полные рассветов и закатов.

Со скалистого потолка до пузырящегося пола спускались колонны из сталактитов и образовывали повсюду вокруг галереи спиральные ряды со сверкающими коралловыми выступами.

И тотчас же, подняв свои факелы вверх, девы мягко скользнули в воде, и каждый лотос поплыл; в то время как издали Хотия бросила в воздух свой факел, после чего оба метеора в озе-

ре погасли.

Там, где она нырнула, сошлись кувшинки, и посреди них поднялась Хотия; её руки были полны жемчуга.

— Ло! Тайи, всё это можно получить, если нырнёшь: и Красоту, и Здоровье, и Богатство, и Долгую Жизнь, и Последнюю Потерянную Надежду на человека. Но только я одна могу это дать. Погрузись и подними одну жемчужину, если сможешь.

Вниз, вниз! Вниз, вниз, в ясную, искрящуюся воду, пока не показались кристаллы вспыхивающей алмазной сердцевины; но из этих безграничных глубин я поднялся с пустыми руками.

— Жемчуг, жемчуг! Твой жемчуг! Только что из раковин. Ах, Тайи! Ради тебя я, босая, нырнула столь глубоко. Хотя для Хотии одно лишь неглубокое погружение открывает множество Голконд. Но приди, нырни со мной: держись за руки, позволь мне показать тебе кое-что необычайное.

— Покажи мне то, что я ищу, и я нырну с тобой, прямо через мир, пока мы не окажемся в неведомых океанах.

— Нет, нет; но сожмём руки, и я возьму тебя туда, где твоё Прошлое будет забыто, где ты ослабеешь и скоро научишься любить живое,

а не мёртвое.

— Для меня ценнее, о Хотия, вся горечь от погребения моих мертвецов, нежели все сладости жизни, которые ты сможешь даровать, даже если они будут вечными.

Глава XCI
Марди позади: перед Океаном

Возвратившись из пещеры, Хотия улеглась в своей беседке из клематисов, вокруг которой незримыми руками был разбросан фенхель. И подбиравшееся всё ближе и ближе покрывало из приятных звуков растопило моё горе, как тёплые лучи растапливают снег. Странная слабость заставила меня склониться; снова внутри моего сакрального тайника, бок о бок, лежали прошлая и настоящая Йилла — двумя телами в состоянии экстаза, в то время как подобная идущему по кругу солнцу стоящая передо мной Хотия становилась ещё великолепней и посредством своих неподвижных глаз медленно вытягивала мою душу.

Так мы и стояли: змея и жертва, жизнь переходила от меня к ней.

Но в этот момент я снова взорвался, поскольку всё Прошлое во мне ударило по всему Настоящему.

— О, Хотия! Ты знаешь тайну, из-за которой я умираю. Я вижу её, сидящую в твоих глазах.

Открой!

— Благо или горе?

— Жизнь или смерть!

— Смотри, смотри! — И розовый жемчуг Йиллы заплясал передо мной.

Я выхватил его из её руки:

— Йилла! Йилла!

— Продолжай реветь: она лежит слишком глубоко, чтобы ответить; более странные голоса, чем твои, слышит она: пузыри разрываются вокруг неё.

— Утонула! Утонула, когда я спал. Я иду, я иду! Ха, в каком она виде? В виде мха? Морского тимьяна? Жемчуга? На помощь, на помощь! Я опущусь! Назад, сверкающее чудовище!.. Что, Хотия, твоих рук дело? О, змея, я могу убить тебя!

— Иди, иди — и убей себя: я не могу сделать тебя своим; иди — мёртвый к мёртвому! Там, на холме, есть другая пещера.

Я быстро побежал вперёд по краю долины, прошёл через жемчужную пещеру Хотии и увидел сумрачную арку, внутри которой сияло прозрачное озеро. Дул встречный ветер, и одна тёмная арка привела к каналам, идущим в сторону моря.

Круг за кругом мерцающая форма медленно

вращалась в глубоком водовороте: белой и расплывчатой Йиллой.

Я сразу же прыгнул в воду, но течение было подобно жестоким встречным ветрам, идущим с мыса и отгоняющим суда. Затем я разъярённо огляделся и увидел только лишь тёмную арку, крутящаяся тень скрылась из глаз, и водовороты кружились, как и прежде.

— Останься, останься! Позволь мне идти с тобой, хоть ты и плывёшь в залив мрака, — ничто не сможет превысить ад этого отчаяния! О, зачем продолжает биться в этом трупе моё сердце!

Как сомнамбулы, быстро застывшие в некой ужасающей дрёме, подобны призракам, ускользнувшим из дома и пугающим бодрствующий мир, так и я этой ночью со смертельно остекленевшими глазами метался из стороны в сторону по влажному и мягкому пляжу.

— Это привидение, Тайи? — И Мохи, и менестрель стояли передо мной.

— Тайи больше не живёт. Он настолько мёртв, что у него нет даже призрака. Я — призрак призрака его духа.

— Ну, тогда, призрак, настало время бежать.

Они потянули меня к краю воды, где проа было вытащено на берег. Скоро — Мохи встал у руля —

мы понеслись под широкой тенью утёса; затем, как в дремоте, я слушал его голос.

Достигнув Одо, Медиа был встречен воплями. Мятеж оказался в разгаре, и ему был брошен вызов. Уже оказались тщетны все соглашения. В первых рядах стояли три бледных сына того, кого я убил, чтобы заполучить деву. Мстители с первого часа, с которого мы разделились в море, шли по моему следу, испытывая голод, и жили только ради того, чтобы охотиться на меня вокруг всего рифа Марди, и теперь в Одо, у последнего порога, жаждали убить. И там, если отомстить не удастся, они решили преследовать дальше, всё ещё клянясь охотиться на меня целую Вечность.

Позади мстителей бушевала неистовая толпа, призывая Медиа отказаться от власти. Но одна рука махала, как вымпел над дымом некоего морского сражения, и прямо через этот шум Медиа молчаливо проплыл: мятежники расступались перед ним, как дикие волны перед крепким водорезом.

Достигнув гавани, он повернулся к Мохи и менестрелю:

— О, друзья! Тяжело расставаться после нашей долгой дружбы! Но впредь на многие луны Одо не станет домом ни для старого, ни для молодо-

го. Только в Серении вы найдёте мир, который ищете; и туда вы должны увести Тайи, кто ещё подвержен опасности быть убитым или потерянным. Найдите его, освободите из рабства Хотии. Обгоните мстителей и доберитесь до Серении. Я не сдамся. Государство брошено в шторм; и там, где я стою, слившиеся волны должны разбиться. Но у всех благородных душ в разгар бури принято, что первый человек до последнего момента правит тонущим кораблём. Поэтому здесь, в Одо, я останусь, пусть каждая доска и разобьётся подо мной. И затем — о, великий Оро! — позволь королю умереть, цепляясь за киль! Прощайте!

Таков был рассказ Мохи.

С трубным грохотом дули теперь хриплые ночные ветры; Лагуна была черна от тихих теней гор и плывущих теней облаков. Из всех звёзд сиял только красный Арктур. Но через мрак по окружающему рифу мчались белые, как призрак, разрушительные волны.

Выход из внешнего барьера был почти открыт.

— Ах! Йилла! Йилла! Течение относит тебя к океану; не буду я ждать позади. Марди, прощай! Дай мне руль, старик!

— Нет, безумец! Серения — наш приют. За тем проливом для вас погибель. И из той дали за ри-

фом не возвращался ни один путешественник.

— И зачем откладывать? Разве жизнь умирающего не стоит новой жизни? Тогда позволь мне стать невернувшимся странником. Руль! Во имя Оро, старик, я буду сам решать свою судьбу, — Марди, прощай!

— Нет, Тайи: не совершайте последнее, последнее преступление! — закричал Иуми.

— Он захватил руль! Вечность живёт в его глазах! Иуми, ради наших жизней мы поплывём сами.

И, спрыгнув в воду, они направились к суше: Иуми поддерживал Мохи, и солёные волны сбивали слёзы с его бледного лица, но в порыве ветра он мрачно повернул его ко мне.

— Теперь я — император своей собственной души, и первый мой указ — указ об отречении! Приветствую! Королевство теней! — И я направил нос судна в мчащийся поток, который подхватил его и, словно всемогущей рукой, перебросил через барьер.

Сбиваясь в пене, этот внешний океан стегал облака; и прямо по моему белому следу очертя голову устремилась лодка, несущая на своём носу трёх неподвижных призраков — три отравленных стрелы.

И снова зверь и охотники, гонимый и гонители, понеслись по бесконечному морю.

КОНЕЦ

К 200-летию Германа Мелвилла Галерея «Кампа-Арт» опубликовала его романы, никогда ранее не переводившиеся на русский язык:

«Редберн. Его первое плавание» (1847 г.)

Роман во многом строится на том периоде жизни писателя, когда он совершил путешествие в Англию юнгой на парусном корабле «Святой Лаврентий» в 1839 году, и подробно описывает всё, с чем ему пришлось встретиться в этом плавании.

Этот роман в отпечатанном виде вы можете приобрести у Администрации Галереи.

«Пьер, или Двусмысленность» (1852 г.)

Новая Англия. Первая половина 19-го века. Молодой, богатый, красивый и успешный американский аристократ готовится к свадьбе. За несколько дней до этого события он получает письмо от таинственной незнакомки, которое делает его заложником понятий о чести и достоинстве, заставляя серьёзно пересмотреть свои планы.

Многие события взяты из жизни самого автора, неудовлетворённого как материальной, так и личной стороной своей жизни. В чём-то книга оказалась пророческой для самого писателя и повлияла на всю его дальнейшую судьбу.

Этот роман в электронном виде вы можете приобрести в магазинах:

Ridero
ЛитРес
Amazon

На ***ridero.ru*** вы можете заказать печать книги в любом количестве экземпляров.

«Маскарад, или Искуситель» (1857 г.)

Это последний крупный роман писателя, в котором он выступил с антирелигиозных и антиклерикальных позиций. Сюжет романа таков: Сатана ради забавы выступает под личинами мошенников и философов, в свою очередь выдающих себя за альтруистов и энтузиастов. По мнению литературоведов, прочитанный Булгаковым «Искуситель. Его маскарад» (дословный перевод названия), определённо, повлиял на создание романа «Мастер и Маргарита».

И ЕЩЁ сборник из трёх повестей
Феликса Ван Клейна «Мой последний сон»,

включающий в себя:

1.Повесть двух времён **«Мой последний сон, вкупе с фрагментами биографии капельмейстера Иоганнеса Крейслера, случайно уцелевшими в макулатурных листах»**

В повести делается попытка создать окончание произведений **Э. Т. А. Гофмана «Крейслериана»** и **«Житейские воззрения кота Мурра»**

2.Повесть **«Партеногенез»**

Один день из жизни современной молодой женщины.

От рассвета до заката. В повести предстают её взаимоотношения с родственниками, друзьями, коллегами, бывшими и потенциальными ухажёрами.

Время действия — конец 1980-х годов.

Тема — поиск своего места и своего счастья в жизни.

3.Мистическая повесть **«Будучи там. Исповедь самоубийцы»** Отчаянная попытка молодого мужчины выбраться из сложившейся вокруг него цепи замкнутости, безысходности и постоянных неудач, приводящая к решению добровольно уйти из жизни и заглянуть в мир, где, по его мнению, есть ответы на все вопросы.

Этот сборник вы можете купить в отпечатанном виде у Администрации Галереи.

По вопросам публикации, приобретения и распространения указанных книг просим обращаться по адресу art@kampa.ru или kampa-art@mail.ru.